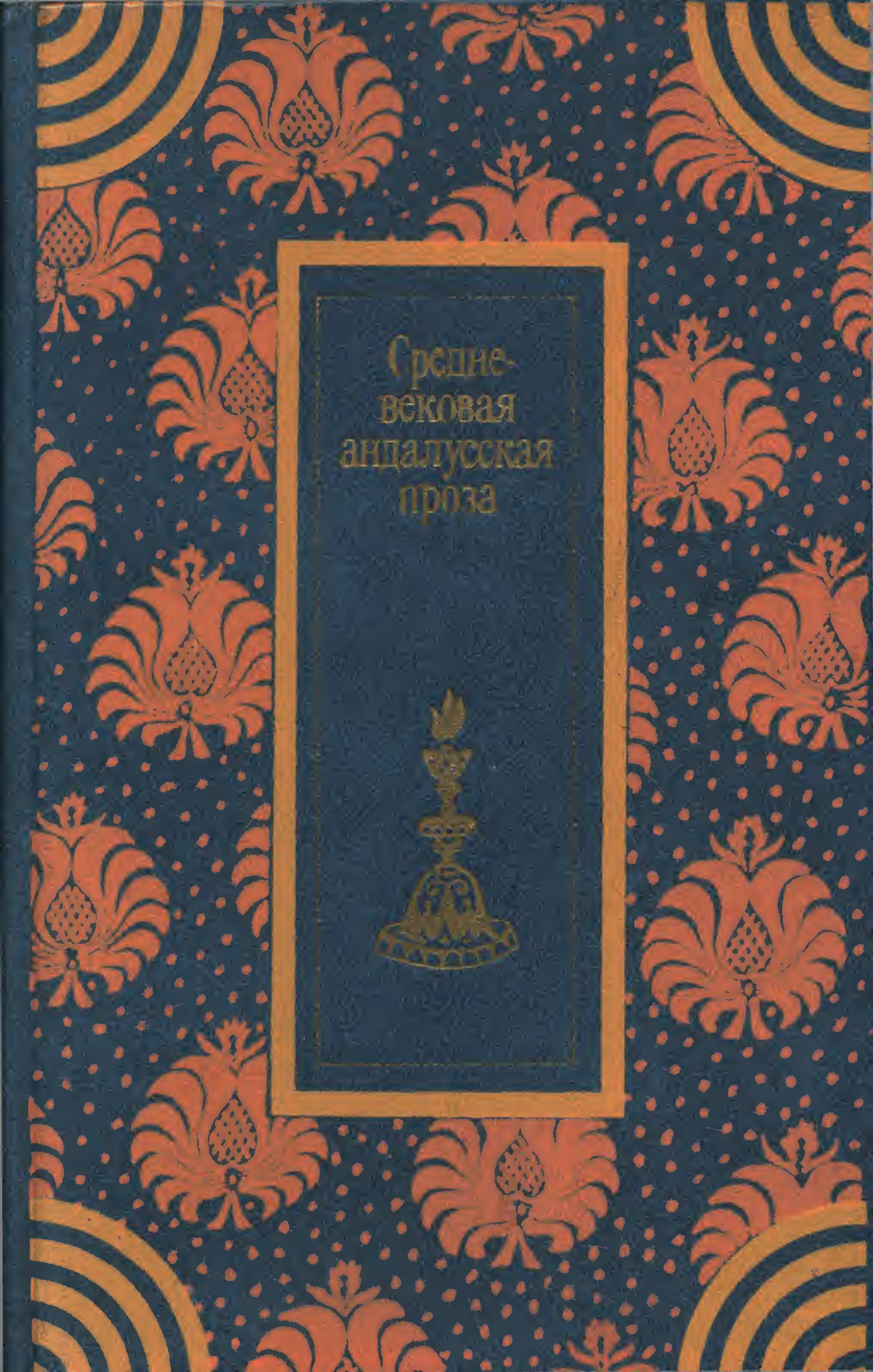
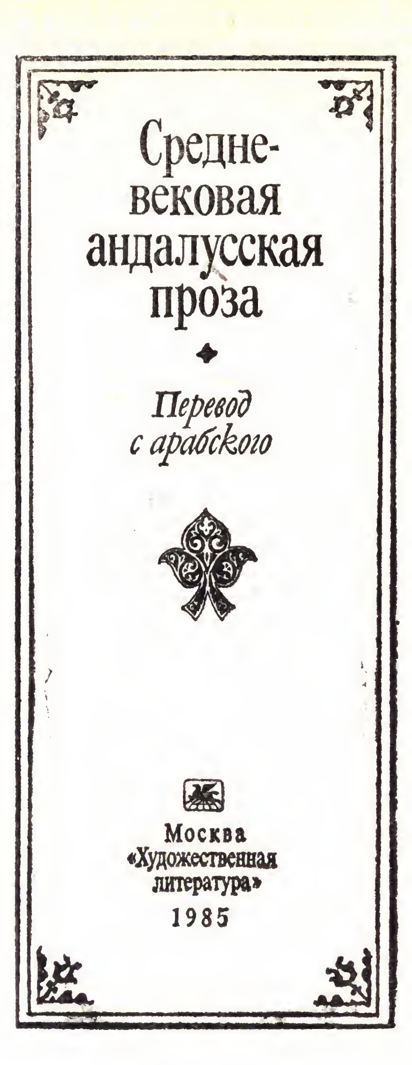

Средне-
вековая
андалусская
проза

Средневековая андалусская проза

Перевод с арабского

Москва
«Художественная литература»
1985

И (Араб)
С75

Предисловие
Б. Я. Шидфар

Составление *М. М. Малышева*
Переводы
М. А. Салье, И. П. Кузьмина, Б. Я. Шидфар

Стихи в переводе
В. Б. Микушевича

Комментарии
М. А. Салье, И. М. Фильштинского, Б. Я. Шидфар

Оформление художника
Н. И. Крылова

С $\frac{4703000000\text{-}216}{028(01)\text{-}85}$ 193-85

ПРЕДИСЛОВИЕ

Средневековая Европа впервые вплотную столкнулась с мусульманским миром в сражениях Крестовых походов. Вернувшиеся домой рыцари и воины повествовали о нравах и обычаях «сарацинов» — восточных людей, показывали драгоценные ткани, стальные клинки и другие диковинки, вывезенные из дальних краев.

Но знакомство Запада с арабо-мусульманским миром происходило иным путем — по переводам с арабского на латинский язык сочинений по медицине, философии, математике, астрономии, переложениям занимательных рассказов о коварстве женщин, о доблестных воителях, о сказочных путешествиях, и немалую роль в этом сыграла Испания.

История и культура завоеванной арабами в начале VIII века территории Испании, тесно связанные с «восточно-мусульманской» цивилизацией, вместе с тем воспринимаются как неотъемлемая часть национальной истории и культуры Испании, придавшая ей своеобразный неповторимый колорит.

Пиренейский полуостров издавна привлекал к себе чужеземцев. Еще в III в. до н. э. финикийцы основали свою колонию — Новый Карфаген (ныне — Картахена). Римляне, пришедшие в Испанию во II в. до н. э., оставили народам Испании свою культуру и свой язык. Когда в начале V века под натиском варваров пала Западная Римская империя, Испания пережила нашествие германских кочевых племен — вандалов, затем свевов и готов. В начале VIII века готские короли, правившие Испанией, были свергнуты пришельцами из Северной Африки — арабами, совсем недавно завоевавшими ее, и берберами — коренными североафриканцами, которых испанцы называли маврами.

Ступив впервые в 715 году на землю Андалусии, получившей название от племени вандалов (Вандалус), арабы перенесли

название этой провинции на все завоеванные ими земли Испании, которыми владели почти восемьсот лет — до конца XV века.

В арабских хрониках Андалусия, завоеванная с необычайной быстротой, предстает как страна сказочных богатств, древних прекрасных городов и плодородных земель, овеянная романтической дымкой «края света». Она стала форпостом ислама, ограниченным с одной стороны Геркулесовыми столбами, за которыми простиралось «Окружающее море», или Великий океан, а с другой — сильными и обширными государствами франков, «Большой землей», как называли андалусцы Западную Европу.

Великолепные памятники мавританской архитектуры, такие как прославленная Альхамбра (от «Аль-Хамра» — «Красный дворец») в Гранаде, названная в честь правителя из рода Бану-ль-Ахмар (XIII в.), величественная Кордовская мечеть, минареты в Севилье, мавританские крепости и сады могут создать впечатление об Андалусии как о земле обетованной, где царили мир и благоденствие. Однако реальная история Андалусии свидетельствует о противном.

Причиной завоевания Андалусии арабами, согласно легенде, было предательство графа Юлиана (арабские хроники называют его купцом), который побудил Тарика ибн Зияда, вольноотпущенника полководца омайядских халифов Мусы ибн Нусайра, наместника североафриканских провинций, высадиться в Андалусии, «описав ему богатство ее земель и мирный нрав ее жителей».

Власть готских королей оказалась непрочной — готская знать не пользовалась поддержкой крестьян и горожан, и небольшие арабо-берберские отряды Тарика, а затем войска Мусы продвигались с необыкновенной быстротой, захватив почти весь Пиренейский полуостров. Укрепившись на занятых землях, мусульмане построили на северной, северо-восточной и восточной границах своих владений цепь крепостей и военных поселений — рибатов, население которых состояло главным образом из новообращенных мусульман, а также арабов и берберов. Однако мира, спокойствия и благоденствия в Андалусии не было из-за национальных, племенных и сословных раздоров. Коренное население и пришельцы, арабы и берберы, без конца враждовали между собой и со своими правителями-эмирами.

В 756 году в Андалусию переправился Абд ар-Рахман Пришелец, один из последних представителей династии Омайядов, свергнутых в 750 году Аббасидами. Абд ар-Рахман, прозванный аббасидским халифом аль-Мансуром «соколом курайшитов» (племени, из которого происходил пророк Мухаммад, Омайяды и Абба-

сиды), установил в Андалусии власть Омайядов, приняв титул эмира.

Постепенно Андалусия приобретала все большее влияние на юге Европы, ведя почти всегда успешные войны со своими северными соседями — королями и князьями, правителями Наварры, Леона, Арагона, Кастилии, Басконии, отражая нападение «маджус» — «магов» или «северных язычников» — норманнских пиратов, которые в то время опустошали берега Европы. Армия и флот Андалусии считались одними из лучших в Европе. Но подлинного спокойствия в Андалусии не было. То тут, то там прорывалось недовольство коренных жителей Андалусии, принявших ислам, так называемых мувалладов. Иногда муваллады даже обращались за помощью к христианским правителям Европы. Так, в 828 году мувалладды города Мериды обратились к королю Франции Людовику Благочестивому (814—840), который ответил им следующим посланием: «Мы услышали рассказ о страданиях, которые вы терпите из-за жестокости вашего короля... Он превратил вас во врагов, хотя до этого вы были его друзьями, из верных подданных он сделал вас мятежниками... и так как он не только ваш, но и наш враг, будем вместе сражаться против его притеснений...»

Может быть, ободренные обещанием короля, которое так и не было выполнено, мувалладды попытались свергнуть власть арабов. В конце IX — начале X века почти весь юго-запад Андалусии был захвачен мувалладами, вождем которых был Ибн Хафсун. Омайядскому эмиру Мухаммаду лишь в течение нескольких лет и с большим трудом удалось подавить это восстание.

Справившись со «смутами», правители Андалусии смогли заняться укреплением границ, охраняя свои владения от набегов христиан. Дороги стали безопасными, расцвели ремесло и торговля. Эмиры Андалусии аль-Мунзир (886—888) и особенно Абдаллах (888—912) вели успешные войны со своими северными соседями, привозя в Кордову богатую добычу.

Особенно усилилась Андалусия при Омайяде Абд ар-Рахмане III (912—961), который принял в 929 году титул «повелителя правоверных», то есть халифа. Выдающийся государственный и военный деятель, Абд ар-Рахман III принимал самое активное участие в «большой европейской политике». В Кордову, крупный торговый, промышленный и культурный центр, один из красивейших и богатых городов Европы, как свидетельствовали современники, прибывали послы от иноземных государей — императора Византии Константина VII Багрянородного (912—959), императора Германии Оттона I (936—973), короля Франции Гуго Капета (вторая половина X в.), королей и князей Кастилии, Галисии, На-

варры, Леона. Обо всем этом позже в своем труде писал известный арабский историк Ибн Хальдун (1332—1406).

Абд ар-Рахман III, как говорят авторы средневековых арабских хроник, «заботился о богатстве народа, безопасности дорог и развитии торговли, об украшении городов». При нем была построена близ Кордовы летняя резиденция халифов — город аз-Захра́.

Время правления сына Абд ар-Рахмана III — аль-Хакама (961—976) — один из самых блестящих периодов в истории Кордовского халифата. Знаток литературы и философии, халиф привлекал к своему двору известных ученых и литераторов Востока и Андалусии, посылал своих придворных в Сирию, Ирак и Египет, поручая им за любую цену покупать рукописи для его богатейшей библиотеки. Необыкновенной роскошью отличались дворцы халифа в Кордове и городе аз-Захре́. Среди дворцовой челяди особым влиянием пользовались бывшие невольники, составлявшие отборную гвардию халифа. Привилегированными среди них были сака́либа (букв.: «славяне») — уроженцы Галисии, Кастилии и Балкан, попавшие в плен или проданные в рабство в возрасте 6—10 лет и воспитанные во дворце. Немалую роль играли и евнухи, ведавшие делами «женской половины» дворца, и обитательницы гарема — жены и невольницы халифа. В отличие от багдадского халифа, имевшего одного вазира, халиф Кордовы назначал вазиров разных ведомств (диванов) из числа катибов-чиновников, во главе которых стоял ха́джиб (букв.: «привратник»). Пост великого хаджиба в Андалусии был высшей придворной должностью.

В конце X века в Кордове произошло то же, что несколько раньше случилось в Багдаде — халиф стал пленником своих придворных. После сложных интриг, безжалостно уничтожая своих соперников, к власти пришел Мухаммад ибн Абу Амир аль-Мансур, который в 981 году объявил себя «великим хаджибом». Альмансор, как называли его испанцы, был едва ли не самым известным среди андалусских правителей. Заточив халифа Хишама в его собственном дворце, поставив у всех выходов посты «шурты» — тогдашней полиции, хаджиб объявил, что «повелитель правоверных» отрекся от власти, желая заняться богоугодными делами. Хаджиб предпринимал постоянные походы против своих северных и северо-восточных соседей, привез в Кордову множество пленных и богатую добычу. Христианские короли Испании стараются любой ценой добиться мира с мусульманами, а некоторые признают хаджиба своим сюзереном. Король Леона Бермудо отдает свою дочь в наложницы аль-Мансуру, а дочь короля Басконии, Санчо II, становится его женой.

Аль-Мансур, стремясь укрепить свою власть, придать ей «законный характер», во всем подражает наиболее известным омайядским халифам Андалусии. Он строит близ Кордовы летнюю резиденцию, город аз-За́хира с роскошными дворцами и парками, приглашает к своему двору ученых, которые должны затмить славу тех светил арабской науки, что приехали в Андалусию по зову Омайядов, проводит «ревизию» в библиотеке аль-Хакама и велит уничтожить те книги, которые ему кажутся слишком вольнодумными.

В 1002 году во время своего пятидесятого похода против испанских христиан аль-Мансур скончался. После него некоторое время правил его старший сын аль-Музаффар, затем хаджибом стал внук Санчо II. Однако власть Амиридов, потомков аль-Мансура, была недолгой. С 30-х годов XI века для Андалусии, особенно для ее столицы Кордовы, наступило время «великой смуты», как называют этот период средневековые арабские хроники.

В Кордове установилась власть нескольких знатных семейств, между членами которых не было согласия. Воспользовавшись отсутствием крепкой власти в Андалусии, на полуостров высадились отряды североафриканских берберов, которые сразу же направились к Кордове и осадили ее. Не решаясь оборонять город, знатные и богатые жители Кордовы бежали в горы, а берберы захватили столицу Андалусии, разрушили и разграбили дворцы аз-Захры́ и аз-За́хиры и дома беглецов.

Во второй половине XI века Андалусия разделилась на множество мелких эмиратов, их правителей называли «мулук ат-таваиф» (удельные цари). Такие независимые государства образовались и на востоке Андалусии, и на юге, и на юго-западе: в Альмерии и Дении, Гранаде, Бадахосе и Толедо. В Кордове сложилась своеобразная «патрицианская республика», где власть принадлежала совету шейхов, а главную роль в нем играл род Бану Джахвар. В крупнейшем торговом и культурном центре юго-запада Андалусии — портовом городе Севилья, власть захватили Аббадиды, ставшие самой могущественной династией среди «мулук ат-таваиф». В Сарагосе правила династия из рода Бану Худ, в Малаге — Бану Хаммуд. Эмиры андалусских княжеств — родом арабы, берберы, галисийцы или уроженцы Балкан — обосновывали свое право на власть либо принадлежностью к исконно арабским племенам, либо своей прежней службой Омайядам и потомкам аль-Мансура и вели постоянные войны, с одинаковой легкостью заключая союзы и со своими единоверцами, и с христианскими князьями и королями, и с такой же легкостью предавая и тех, и других. Испанские феодалы, в свою очередь, поступали на служ-

бу к эмирам Андалусии, а эмиры платили дань Кастилии и Леону. Изгнанный королем Кастилии Альфонсо VI за неповиновение и буйный нрав кастильский рыцарь Родриго Диас в сопровождении своих немногочисленных родичей и оставшихся ему верными дружинников ищет богатства и почестей за пределами родной земли и поступает на службу к эмиру Сарагосы аль-Муктадиру, сражается против других мусульманских эмиров, но затем, изменив аль-Муктадиру, совершает подвиги в сражениях под знаменем Кастилии против мусульман и становится героем испанского героического эпоса под именем или прозвищем «Сид» (от арабского «господин»).

Наиболее популярным эмиром Севильи из династии Аббадидов был эмир аль-Мутамид (1040—1095), ставший в средневековой и даже новой арабской литературе идеалом рыцаря.

При аль-Мутамиде, щедром меценате и любителе изящной словесности, Севилья становится средоточием культурной и литературной жизни Андалусии. Любимой женой севильского эмира была христианская невольница Итимад, которую он выкупил, прельщенный прежде всего ее поэтическим талантом. Об эмире Севильи еще при его жизни было сложено множество легенд, так же как и о его друге Ибн Аммаре, история предательства которого изложена в нескольких исторических испанских романсах, воспевающих подвиги испанских и мавританских рыцарей.

В 1085 году все усиливающаяся Кастилия захватила крупнейший город Андалусии Толедо, и мусульманские эмиры Андалусии решили объединиться для отражения натиска христиан, так называемой реконкисты («обратного завоевания»). Но попытки эти были безуспешными, и тогда они обратились за помощью к Юзуфу ибн Ташуфину, халифу североафриканского берберского государства. В 1086 году Юсуф высадился во главе войска Альморавидов (от арабского слова «аль-мурабитуна» — «воины пограничных поселений») и разбил короля Леона при Заллаке. Христиане были вынуждены оставить Валенсию и Сарагосу, эмиры перестали платить дань Леону и Кастилии.

Однако после ухода берберских отрядов христиане возобновили свои набеги, и Юсуф по просьбе эмиров вновь переправился через Гибралтар и захватил почти все владения удельных эмиров. Аль-Мутамид, взятый в плен, был выслан в маленький марокканский город Агмат вместе со своей семьей, где и умер.

После победы Альморавидов при Заллаке натиск испанских христиан был приостановлен, но реконкиста продолжалась. В 1118 году Сарагоса была отвоевана Арагоном, затем пала власть мусульман в Лиссабоне (1147 г.), Аларкосе (1195 г.) и других городах северо-запада.

В XII веке местные андалусские феодалы, которые лишь формально были подчинены власти североафриканских правителей, воспользовавшись недовольством населения против все усиливавшегося налогового бремени, восстали против Альморавидов. В Альгарве, Кордове, Мурсии и Валенсии были созданы независимые андалусские государства, с появлением которых начался второй кратковременный период власти удельных эмиров. Они платили дань королю Кастилии, но не оставляли надежды на создание крепкой центральной власти мусульман в Андалусии. Когда в Северной Африке восстали под руководством Ибн Тумарта берберы — Альмохады («аль-муваххидуна» — «защитники единобожия»), один из андалусских эмиров, правитель Бадахоса, призвал их на помощь. В 1150 году власть Альмохадов признали эмиры Южной Андалусии, Португалии и Эстремадуры. К 1172 году Альмохады овладели всей территорией Андалусии.

Новые правители продолжали вести войны с Леоном и Кастилией и в 1195 году одержали победу при Аларкосе. Но ничто уже не могло сдержать натиска испанских государств. XIII век — высшая точка реконкисты, и с 1212 года, когда Альмохады потерпели сокрушительное поражение в битве при Лас-Навас-де-Толоса, власть мусульман в Андалусии все больше стала клониться к закату. В 1236 году кастильские войска захватили Кордову, в 1229—1235 годы Балеарские острова — центр мусульманского флота — окончательно отошли к Арагону, а в 1238 году Арагон присоединил и Валенсию. С 1248 по 1262 год мусульмане потеряли почти все свои земли с городами Аликанте, Мурсия, Кадис, Севилья, Хаэн и другие.

Многочисленные посольства в Магриб и панические призывы к мусульманам всего мира остаются без ответа, так как XIII век — время татаро-монгольского нашествия, падения великих держав Ближнего и Среднего Востока и Средней Азии. Андалусцам оставалось лишь слагать горестные стихи об утрате своих «твердынь», подобных Валенсии и Севилье, и бежать в Магриб, где до сих пор их потомки с гордостью вспоминают великолепие родины своих предков и хранят ключи от их домов.

Под властью мусульман в Испании остался лишь Гранадский эмират, куда, кроме Гранады, входили города Малага и Альмерия. Эмиры из рода Бану-ль-Ахмар, или, как их называют иначе, Бану Наср, правили здесь более двухсот лет — с 1231 по 1492 год. Основателем этой династии был эмир Абу Абдаллах Мухаммад I аль-Галиб — «Победитель», при котором была заложена знаменитая Альхамбра, расширенная затем наиболее прославленным эмиром династии Насридов Абу-ль-Хаджаджем Юсуфом I (1332—1355).

Последним эмиром Гранады и последним мусульманским правителем в Испании был Абу Абдаллах Мухаммад XII, или Боабдил (сокращенная форма имени Абу Абдаллах). Боабдил покинул Гранаду после победоносного наступления Фердинанда и Изабеллы Католических в 1492 году.

Восемьсот лет просуществовали в Андалусии арабское государство и мусульманская цивилизация, и это не прошло бесследно. Переплетение исторических судеб народов привело к тому, что в средневековой Андалусии на основе различных национальных традиций была создана самобытная и своеобразная культура. Местное население Испании не забывало собственных обычаев и традиций, даже вплотную соприкоснувшись с арабо-мусульманской культурой.

В течение многих веков Андалусия играла роль передатчика культуры, связующего звена между арабо-мусульманским регионом и Европой. Этому способствовало причудливое смешение языков и наречий в Андалусии. Языком книжной культуры здесь был литературный арабский язык, доступный лишь образованным людям. Как второй литературный язык в Испании продолжал существовать латинский. Очень часто латынью владели и мусульмане местного происхождения.

Параллельно арабскому литературному языку и латыни существовали бытовые разговорные языки — андалусский диалект арабского языка и «романсе» — предок нынешнего испанского языка с его говорами и диалектами. Многие жители Андалусии, особенно крестьяне, не знали даже разговорного арабского диалекта, и когда кто-нибудь из них приезжал в город по торговым или судебным делам, то нуждался в толмаче. Кроме этого, в Андалусии был распространен также берберский язык.

Потомки знатных испанских родов, христиане или испанцы, принявшие ислам, должны были владеть литературным арабским языком, если желали сохранить свое положение. Заложники кордовских эмиров и халифов — дети и юноши из мятежного рода Каси изучали произведения автора любовных и «винных» стихов Абу Нуваса (ок. 762 — ок. 813) и с восторгом слушали предания о героических подвигах чернокожего поэта и воина древней Аравии Антары ибн Шаддада (ок. 565 — ок. 615). В IX веке епископ Альваро Толедский жаловался на то, что образованные молодые люди из знатных христианских семейств не знают латыни, пренебрегают ею и не желают изучать, интересуясь лишь арабским языком и поэзией, знание которых было в то время «престижным» и причислялось к рыцарским добродетелям.

Мусульманские Кордова, Толедо, Севилья являли почти такое же смешение народов и языков, как и крупные города мусульманского

Востока — Багдад, Александрия, Басра. В центре города, близ дворца эмира или халифа были не менее пышные дворцы служилой и военной знати — арабов, берберов или потомков испанских христиан. Именно в эпоху власти мусульман сложился традиционный тип испанского дома — с небольшими наружными окнами, с центральным двором «патио», окруженным колоннадой и заросшим пальмами и цветами. Посреди двора непременно был бассейн с фонтаном, как в знаменитом «львином дворике» Альхамбры.

Иноверцы жили в отдельных кварталах, окруженных крепкими стенами и запиравшихся на ночь. А в предместьях и на рынках ремесленники трудились над прославленными на весь мир клинками толедской стали и изделиями из кожи (этот традиционный промысел сохранился ныне в Марокко).

В Кордову и другие города арабской Испании стремились не только послы иноземных государств, но и купцы и ученые, разносившие повсюду вести о «преславном граде Кордове», как писала саксонская монахиня, автор стихотворных мистерий и эпических поэм, Хротсвита (X в.). Распространяются легенды о мудрости и учености мавров, истоком которых были в большей степени переводы с арабского научных сочинений, особенно с XII века, когда на латинский язык был переведен знаменитый «Канон врачебной науки» Ибн Сины (Авиценны; 980—1037). Получила широкую известность и андалусская музыка, особенно после того, как в Кордову прибыл талантливый музыкант Зирьяб, ученик прославленного Исхака Мосульского, придворного музыканта багдадских халифов.

Все больше становится переводов с арабского языка на латинский. Вначале интерес привлекали сочинения по алхимии, математике, астрономии, медицине и философии, но не была обойдена и арабская художественная проза (правда, это были скорее не переводы, а переложения). Одно из первых таких переложений под названием «Поучение клирикам» составлено принявшим христианство иудеем из Толедо Педро Альфонсо (начало XII в.). Некоторые сюжеты, взятые из «Поучения», вошли в «Декамерон» и в сборник рассказов дидактического содержания под названием «Граф Луканор» Хуана Мануэля (1282—1348), внука короля Фернандо III и племянника короля Альфонсо X Ученого, который основал в Толедо Академию переводчиков по образцу «Дома мудрости», созданного в Багдаде в начале IX века, или «Академии» Карла Великого, «Императора римлян» (742—814). Король, больше всего интересовавшийся историей, составил на кастильском языке «Всеобщую хронику», в которую включил большие отрывки из арабских исторических сочинений, переведенные им самим.

В XIII веке в Толедо были переведены труды великих мусульманских ученых, философов и литераторов ар-Рази (Разес), аль-Фергани (Альфраганус), Ибн Рушда (Аверроэс), Ибн Баджи (Авемпаце), Ибн Туфейля, или иначе Абу Бакра (Абубацер), Ибн Зухра (Авензоар). Почти все из названных здесь ученых и философов были андалусцами, сыгравшими большую роль в развитии прозаической литературы своей родины. Впрочем, в Андалусии, как и в других странах арабо-мусульманской культуры, вначале самыми популярными литературными жанрами были поэтические (подобная закономерность наблюдается еще с древности): касыды — короткие поэмы, любовная лирика, стихотворные восхваления и осмеяния. Автор книги «Сокровищница достоинств жителей Андалусии», относящейся к широко распространенному в средневековой арабской литературе жанру «табакат», то есть биографиям известных поэтов, прозаиков, ученых, андалусец Ибн Бассам (ум. в 1147 г.) утверждал, что «западная сторона», то есть его родина, не была обделена талантливыми поэтами и прозаиками. Можно назвать имена одаренных поэтов Ибн Хани аль-Андалуси (ум. в 973 г.), Ибн Зайдуна (1003—1071) и Дарраджа аль-Касталли (ум. в 1030 г.), Ибн Кузмана (1080—1160), писавшего заджали — стихотворения на народном андалусском диалекте, Ибн Араби (1164—1240) — мастера суфийской (философской) лирики, и многих других. Со стихотворениями этих и многих других андалусских поэтов в переводе на русский язык можно познакомиться по книгам «Андалусская поэзия» (М., ИХЛ, 1969) и «Арабская поэзия Средних веков», которая вышла в 1975 году в «Библиотеке всемирной литературы». Прекрасные стихи слагали прозаики Ибн Абд Раббихи (860—940), Ибн Хазм (994—1063), Ибн аль-Аббар (1198—1259), Ибн аль-Хатыб (1313—1374).

Первыми прозаическими произведениями в Андалусии, как и на Востоке, были антологии — сборники, чрезвычайно пестрые по содержанию. В них включались рассказы о халифах и вазирах, легенды о подвигах древних арабских герев, афоризмы, которые приписывались «древним мудрецам» — Аристотелю, Платону, Лукману, персидскому вазиру Бузургмихру. Широкой известностью пользовалась многотомная антология уроженца Кордовы Ибн Абд Раббихи, озаглавленная «Чудесное ожерелье». В этой книге, разделенной на главы, каждая из которых носит название какого-нибудь драгоценного камня, рассказывается о том, каким должен быть государь и его подданные, как поступали в том или ином случае пророк Мухаммад, его сподвижники и «праведные халифы». Антология, имеющая ярко выраженный дидактический характер, содержит множество забавных рассказов о невеждах, скупцах и

глупцах, ибо, согласно воззрениям того времени, «при обучении и воспитании серьезное должно перемежаться шуткой».

Популярность «Чудесного ожерелья» была так велика, что некоторые разделы этой книги почти без изменения вошли не только в сочинения арабских последователей и подражателей Ибн Абд Раббихи, но и в произведения средневековых испанских авторов, например, в уже упоминавшийся сборник «Граф Луканор». (Фрагменты «Чудесного ожерелья» опубликованы в книге: Аль-Джахиз «Книга о скупых», Ибн Абд Раббихи «Чудесное ожерелье», М., «Художественная литература», 1985).

Начиная с XI века популярность антологий падает и на их место приходят произведения малых форм — «послания». По словам Ибн Бассама, выражавшего тогдашнюю точку зрения, «красноречивое послание» — вершина художественной прозы. Послание может быть написано по любому поводу и на любую тему: приход весны, победа над врагом, появление какого-нибудь выдающегося литературного произведения, осмеяние соперника или спор поэтов о том, какое стихотворение прекраснее. Обычно послание бывает коротким, но может представлять собой своеобразную повесть, трактуя о сложных вопросах литературы, философии и этики.

Постепенно менялся и стиль прозаических произведений. Талантливый прозаик кордовец Абу Амир ибн Шухайд (ум. в 1048 г.), краткое жизнеописание которого помещено в настоящей книге, говорит в своем послании «Книга духов», своеобразной сатирической повести, что наступило время, когда прозаик не может довольствоваться только изложением событий или мыслей, а должен «украсить речь». Ибн Шухайд насмешливо замечает, что его современников привлекает «деланность» или «манерность», то есть сложный стиль, полный всевозможных риторических «красот», им нравится рифмованная проза с изысканными рифмами, различные парафразы, иносказания и прочее.

Однако не все прозаики Андалусии считали для себя обязательным придерживаться столь «пышного» и сложного стиля. Его противником был, например, Мухаммад Али ибн Ахмад ибн Хазм (994—1063), ученый и литератор, сын вазира Амиридов, потомков аль-Мансура. Во время осады Кордовы берберами в дни «великой смуты» отец Мухаммада умер, и все его домочадцы бежали из разграбленного берберами дворца. Некоторое время Мухаммад ибн Хазм оставался в Альмерии, где правил некий Хайран, бывший гвардеец Амиридов. По обвинению в «вольнодумстве» и симпатии к Омайядам Ибн Хазм был изгнан из Альмерии. Он скитается в течение нескольких лет, посещает Валенсию и Гранаду, затем возвращается в Кордову. Эмир Кордовы приглашает Ибн Хазма

ко двору и назначает на пост вазира, но через некоторое время правителя свергают, и Ибн Хазма, как и всех других приближенных прежнего эмира, бросают в темницу.

Освобожденный по ходатайству друзей и почитателей, Ибн Хазм так и не находит постоянного пристанища. Он живет в Хетиве, Малаге, а затем поселяется в своем имении, где его посещают ученики и почитатели. Здесь он создает «Ожерелье голубки» и целый ряд посланий. Ибн Хазм не раз принимал участие в философских и религиозных диспутах. После одного из таких диспутов, состоявшегося в Севилье, эмир Севильи аль-Мутадид объявил Мухаммада ибн Хазма еретиком и приказал публично сжечь его сочинения на главной площади Севильи.

Ибн Хазм был одним из наиболее известных в Андалусии ученых-энциклопедистов, знатоком математики, истории религий и мусульманского права, владел латынью и древнееврейским языком. Как многие философы-рационалисты своего времени, он считал, что литература призвана совершенствовать человека, поэтому его произведения носят ярко выраженный дидактический характер. Ибн Хазм был выдающимся стилистом, стремился к логичности, ясности и простоте изложения. Он писал в одном из своих посланий: «Подлинное красноречие — это то, что понятно и знатному, и простолюдину».

Ибн Бассам, посвятивший немало страниц своего труда Ибн Хазму (читатель может познакомиться с его «жизнеописанием» в этой книге), представляет его человеком «жестким», с резким характером. По словам Ибн Бассама, Ибн Хазм отличался бескомпромиссностью и во время диспутов всегда открыто высказывал свое мнение о противнике, каким бы нелестным оно ни было. Наверное, так и было, ибо научные труды Ибн Хазма свидетельствуют именно об этих свойствах его характера.

Но в «Ожерелье голубки» автор предстает перед нами как человек легко ранимый и глубоко чувствующий, с неподдельным участием рассказывающий о всех муках и радостях влюбленных, большинство которых — его современники и даже близкие знакомые. «Свойства нрава», о которых говорил Ибн Бассам, проявляются в этом произведении в той решительности, с которой автор отказывается уделить хоть какое-то место исконно восточным, традиционным «влюбленным Аравии», Лейле и Маджнуну, Джамилю и Бусайне,— они далеки и мало понятны его читателям. Ибн Хазм утверждал национальную самобытность Андалусии, и его взгляды полностью разделял Ибн Бассам, высказав их в своем предисловии к книге «Сокровищница достоинств жителей Андалусии», фрагменты из которой публикуются в этом сборнике.

По форме «Ожерелье голубки» — нечто среднее между посланием большого объема и произведением мемуарного жанра. Автор рассказывает в предисловии о цели своего труда (который называет посланием) — желании поведать о «корнях любви», о сущности и акциденциях (проявлениях) любви, о «помощниках и соглядатаях», о верности и измене и, наконец, о смерти от любви. Каждая глава начинается обычно с какого-нибудь философского рассуждения (о причинах любви, о признаках любви, о сродстве душ и т. д.), за ним следует короткий рассказ-иллюстрация и стихи, сочиненные самим Ибн Хазмом.

Книга написана по заказу одного из знакомых автора и стала своеобразным продолжением «Послания о любви» Ибн Сины. Ибн Хазм с удовольствием взялся за ее написание, так как тема была близка ему, предоставляя возможность изложить в занимательных рассказах его философские взгляды и этические принципы. Любовь, в понимании автора,— путь к совершенствованию человеческой души, человеческой природы, а залог любви — в «соответствии душ». Понимание любви как чувства, облагораживающего человека, присуще Ибн Хазму — философу мусульманской неоплатонической школы, и с этих позиций автор изображает человека и его характер.

Послание Ибн Хазма перешагнуло рамки философского трактата, и центр тяжести сместился здесь в сторону «иллюстративного материала». Это произведение отличается живостью и занимательностью, как и «Повесть о Хаййе ибн Якзане» андалусского философа и врача Ибн Туфейля (ум. в 1185 г.), близкого друга и даже наставника крупнейшего философа Европы того времени Ибн Рушда.

О жизни Ибн Туфейля известно сравнительно мало. Он родился в начале XII века в Кадисе, жил в Андалусии и Магрибе. Получив превосходное образование у себя на родине, Ибн Туфейль стал придворным врачом нескольких правителей из династии Альмохадов. Известно, что Ибн Туфейль был автором нескольких медицинских и философских сочинений, но до нас дошел лишь один его трактат, носящий название «Повесть о Хаййе ибн Якзане», что буквально означает «Повесть, или Послание о Живом, сыне Бодрствующего». Хотя мы назвали это произведение философским трактатом, каковым оно и является по существу, его жанровая характеристика гораздо шире. Философские и мистические истины представлены в «Повести» в живой, занимательной форме, аллегория отличается жизнеподобием, обилием реальных деталей.

Первым арабоязычным автором, написавшим послание под тем же заглавием, был Ибн Сина, чей гений оказал глубочайшее влияние на дальнейшее развитие арабо-мусульманской науки и

культуры. «Послание о Хаййе ибн Якзане» Ибн Сины — блестящая в художественном отношении и чрезвычайно концентрированная по содержанию аллегория, на двадцати с лишним страницах которой изложены основные положения «восточной мудрости» (отнюдь не в значении противопоставления географических понятий востока и запада). Аллегорично уже само название послания. Слово «хайй» («живой») — один из коранических эпитетов богатворца; «якзан» («бодрствующий») — представляет собой как бы реминисценцию коранического выражения: «Аллах — тот, кто не спит и кого не берет ни сон, ни дремота».

Можно подумать, что Хайй у Ибн Сины — аллегория Аллаха, но это не так. Хайй — это деятельный разум, порождение «первопричины» или «перводвигателя», основы и оси мироздания. Хайй предстает у Ибн Сины в облике величественного старца, рассказывающего о своих «путешествиях». «Бодрствующий» же — «первый разум», вечно эманирующий, изливающий свет, находящийся в «краях Востока», то есть в обиталище света. Путешествия Хаййя означают, что разум проникает во все сущее, оживляя его и придавая ему форму — причину его существования. Хайй советует автору избавиться от своих «дурных спутников» (страстей и желаний) или подчинить их своей воле. Описывая свои постоянные путешествия, Хайй говорит о вечно исчезающем и вновь возрождающемся материальном мире (Запад) и мире вечных форм или душ (Восток). И солнце, восходящее на востоке, символизирует свет, исходящий из «первого разума». Он отдален от земного мира границей, перейти которую может лишь посвященный, тот, кто размышляет о сущности мироздания, душа которого «очищена» этими размышлениями.

Кроме Ибн Сины и Ибн Туфейля философское послание под тем же названием создал философ Шихаб ад-Дин ас-Сухраварди (казнен в 1190 г.), современник Ибн Туфейля, основатель «ишракийя» — одного из направлений мусульманской мистики. Но Ибн Туфейль не упоминает о нем, возможно, до него и не дошло это сочинение.

Основная мысль «Послания» Ибн Сины — прославление разума-путеводителя, с помощью которого человек оказывается способным на целенаправленное размышление и созерцание «света истины», хотя бы даже отраженного в зеркале материального мира. Трактовка разума у Ибн Туфейля несколько отличается от той, какой она предстает у Ибн Сины. Здесь бесспорно нужно учитывать влияние философской концепции Ибн Рушда. В «Повести» Ибн Туфейля перед нами, очевидно, не стоящая над человеком космическая сила, а само человечество; если очень коротко резюмировать сложную полемику Ибн Рушда с Ибн Синой, то

Ибн Рушд трактовал «мировой разум» как разум всего человечества, постигающий устройство вселенной и самого себя, свою неограниченность в совокупности ограниченных человеческих разумов.

Хайй ибн Якзан, «самозародившийся» на необитаемом острове и пришедший к постижению высших истин устройства вселенной, символизирует разум многих поколений людей, человечества, которое перешло от дикости к цивилизации, поднялось от эмпирического понимания простейших конкретных истин (строение тела животных и человека, устройство злаков и плодов и так далее), что обобщено в естественных науках, к постижению сложнейших абстрактных категорий метафизики, «того, что за природой». С точки зрения литературы, произведение Ибн Туфейля не только более «занимательно» по сравнению с посланием Ибн Сины, оно и значительно более «человечно», ибо его героем становится уже не абстрактная и трудно представимая даже в аллегории философская категория, а человечество.

Обоих философов роднит мысль о том, что понимание причин существования вселенной и ее устройства требует не только дарования, определенной «избранности», но прежде всего неустанного размышления, совершенствования, и свет истины может быть недоступен людям неподготовленным, не желающим посвятить этой задаче все свои помыслы.

Андалусская проза далеко не ограничивалась жанром философских посланий и притч. Очень распространены были сочинения биографического характера, обычно многотомные. Авторы этих книг старались как можно подробнее описать жизнь и деяния людей, о которых пишут, их внешность и характер. Хотя биографы пользовались главным образом письменными источниками, но в их сочинениях всегда имеется личная, «авторская» оценка того или иного правителя, поэта или катиба, критический взгляд на их поступки, попытка психологического истолкования их поведения.

Эта тенденция прослеживается уже в «Ожерелье голубки», но с полной силой она проявляется в сочинениях известнейших андалусских прозаиков Ибн Бассама (ум. в 1147 г.) и Ибн аль-Аббара (1198—1259).

Ибн Бассам происходил из арабского племени Таглиб, представители которого издавна осели в Андалусии. Родился он в Сантарене, где провел годы юности. Когда кастильские войска захватили Сантарен, Ибн Бассам, как и многие другие горожане, бежал оттуда, жил в Лиссабоне, Бадахосе, Кордове, Севилье. Во время своих скитаний он встречался со многими людьми, о которых пишет в своей книге. Ибн Бассам прожил долгую жизнь и умер в возрасте чуть ли не ста лет.

В историю андалусской литературы Ибн Бассам вошел как автор многотомного сочинения «Сокровищница достоинств жителей Андалусии». Рассказывая о выдающихся мастерах слова Андалусии, Ибн Бассам постоянно подчеркивает, что они отнюдь не ниже своих «восточных» собратьев, а кое в чем даже превосходят их. Ибн Бассам отдает предпочтение усложненному стилю. Он широко пользуется рифмованной прозой, сложными сравнениями, перифразами, различными «фигурами красноречия», согласно вкусам своего времени.

Очерки Ибн Бассама еще нельзя назвать подлинными психологическими портретами. Каждое из жизнеописаний — как бы несколько схематичный контур личности, очерченный обычными для средневекового жанра «табакат» (биографий) выражениями: «он был словно звезда среди ученых своего времени, никто не превзошел его талантом и образованностью» и т. п. Но сквозь эту каноническую схему пробиваются живые наблюдения автора, меткие замечания, подобные тем, что имеются в жизнеописаниях Ибн Хазма, Ибн Шухайда, умершего молодым Хабиба, или аль-Кали, переводы которых помещены в этой книге.

Каждое жизнеописание Ибн Бассам сопровождает наиболее интересными, по его мнению, примерами стихов или прозаических произведений его современников, которых он желает прославить в «Сокровищнице». Он рисует мимоходом картинки быта и нравов правителей, катибов и поэтов Андалусии XI—XII веков.

Еще более живая бытописательная струя чувствуется в произведениях Абу Абдаллаха Мухаммада ибн Абу Бакра ибн аль-Аббара (1198—1259), чья трагическая судьба была характерной для андалусских литераторов эпохи владычества Альмохадов. Ибн аль-Аббар происходил из небольшого города Онды, расположенного в провинции Валенсия. Совершив, как это было принято, путешествие «в поисках знания», Ибн аль-Аббар вернулся в Валенсию, где стал катибом у правителя Валенсии Абу Абдаллаха Мухаммада из рода Бану Хафс, потом — у его сына Абу Зайда. После того, как соперник Хафсидов Ибн Марданиш захватил Валенсию, Абу Зайд, взяв с собой своего катиба, бежал к христианам и, чтобы заручиться их помощью, принял христианство. Отказавшись последовать примеру своего эмира, Ибн аль-Аббар опять вернулся в Валенсию, против которой двинулись войска короля Арагона Хайме. В 1238 году началась знаменитая осада Валенсии. Ибн Марданиш посылает Ибн аль-Аббара за помощью к правителю Туниса Абу Закарии Яхье из рода Хафсидов. Прибыв к Абу Закарии, Ибн аль-Аббар читает ему сложенную им касыду — поэму, рассказывающую о бедственном положении осажденной Валенсии. Абу Закария посылает на выручку Валенсии свои корабли, но

гавань уже захвачена христианским флотом. Ибн Марданиш вынужден был сдать город, а сам вместе со своей семьей и приближенными отправиться в Северную Африку.

Ибн аль-Аббар стал катибом Абу Закарии, но тому не понравился его почерк, и он отстранил Ибн аль-Аббара от должности. При сыне Абу Закарии аль-Мустансире Ибн аль-Аббар сначала пользовался его благоволением, но затем завистники донесли правителю, что катиб написал на него сатиру. Расправа была скорой и жестокой: все сочинения Ибн аль-Аббара сожгли на костре, а самого автора публично казнили, «забросав копьями», а затем тело сожгли в том же костре, где горели его творения. Даже придворные, открыто выражая свое возмущение, дали Ибн аль-Аббару прозвище «Мученик».

По свидетельству биографов, Ибн аль-Аббар написал около пятидесяти сочинений, из которых сохранилось лишь шесть. Среди его трудов есть книга, посвященная вазирам и катибам, провинившимся перед своими правителями, но получившим от них прощение благодаря «красноречивой мольбе». Она была создана после того, как Абу Закария разгневался на него. Ибн аль-Аббар рассказывает как бы в назидание повелителю об аналогичных случаях. «Немало было катибов и вазиров, даже самых умелых,— рассказывает он,— которые допустили по службе промах, но были прощены и вновь заслужили благоволение повелителя».

Для современного читателя книга «Моления о прощении» интересна живыми наблюдениями автора, который повествует главным образом о своих соотечественниках и современниках. Стиль отдельных «рассказов» Ибн аль-Аббара, в отличие от стиля Ибн Бассама, прост и ясен, хотя в последних частях своей книги, где автор обращается непосредственно к Абу Закарии и его сыну, стиль усложняется.

Книга Ибн Хузайля аль-Андалуси, носящая название «Украшение всадников и девиз храбрецов», относится к несколько иному жанру — так называемым «зерцалам». О жизни ее автора известно лишь, что он был современником и другом Лисана ад-Дина ибн аль-Хатыба (XIV в.). Автор начинает повествование с «исторических» сведений о том, как появилась порода арабской лошади, как рекомендуется ухаживать за конем, каких коней предпочитали древние арабы и какие стихи складывали о них. Такие же сведения дает он и об оружии — мече, копье, луке, стрелах, арбалетах. Как было принято в подобных сочинениях, автор перемежает «техническую» часть своего рассказа (о том, как следует обучаться верховой езде, стрельбе из лука и т. п.) занимательными рассказами и стихами о прославленных арабских храбрецах, о конях и оружии.

Большое место занимали в средневековой арабской прозе, в том числе в андалусской прозаической литературе, книги историко-биографического характера, повествующие об «именитых мужах» — халифах, эмирах и полководцах, о их походах и завоеваниях, о посольствах и различных памятных событиях. Среди таких сочинений есть и исторические хроники, в которых по годам перечисляются все, даже самые незначительные события. Есть и труды, которые трудно назвать настоящими хрониками, потому что в них автор, отказываясь от беспристрастного тона «летописца», обращает внимание преимущественно на те события, которые ему особенно близки и интересны.

Первым в Андалусии автором «аль-ахбар» (букв.: «хроника») был Абу Бакр Мухаммад ибн Абд аль-Азиз, по прозвищу Ибн аль-Кутыйя, потомок готской принцессы, внучки готского короля Витицы (в арабской графике Гитицы). Ибн аль-Кутыйя родился в Кордове, учился у наиболее известных историков, филологов и законоведов Кордовы и Севильи. Особенной известностью пользуется его сочинение «История завоевания Андалусии». В этой книге явственно чувствуется гордость автора славным прошлым своего рода, он превозносит доблесть Сары — готянки, и государственный ум Артабаса — потомка последнего короля готов. Ибн аль-Кутыйя — представитель сложившейся в средневековой арабской Испании своеобразной народности, он и не араб, и не бербер, но и не гот, он — истинный андалусец, с одинаковым уважением относящийся и к своим мусульманским, и к христианским предкам.

К жанру «аль-ахбар» можно отнести и сочинения андалусца Абу Марвана ибн Хайяна (987—1076), уроженца Кордовы, происходившего из рода маула (вольноотпущенников) Омайядов. Получив прекрасное образование, он занимал видные государственные должности и был даже катибом хаджиба аль-Мансура, благодаря чему получил доступ к важным документам, которые часто приводит в своем основном сочинении «Жаждущий знания». Ибн Хайян скрупулезно записывал каждый день, что произошло в столице Андалусии и разных ее областях, стремясь к точности, так что его «История» напоминает дневник. Он не увлекается рифмованной прозой, язык его прост, повествование, в котором полностью отсутствуют какие-либо «легендарные» элементы, отличается безыскусственностью и правдивостью. Описания торжественных приемов послов иноземных государств и вассальных эмиров, часто встречающиеся у Ибн Хайяна (подобные тем, что помещены в этой книге), дают представление о политической роли, которую играл Кордовский халифат.

Последним выдающимся прозаиком и поэтом Андалусии был Лисан ад-Дин ибн аль-Хатыб (1313—1374) — ученый, литератор

и политический деятель Гранадского эмирата, вазир и придворный поэт династии Насридов. Судьба Ибн аль-Хатыба была не менее трагичной, чем судьба Ибн аль-Аббара. Спасаясь от гнева Мухаммада V, носившего титул султана Гранады, Ибн аль-Хатыб бежит в Магриб к правителю Магриба Абу Фарису Абд аль-Азизу из династии Маринидов, который отказался выдать своего гостя султану Гранады.

После смерти Абу Фариса в 1372 году и свержения малолетнего наследника престола новый правитель Абу-ль-Аббас аль-Мустансир заключил Ибн аль-Хатыба в темницу города Фес, где он и был задушен.

Наиболее известное произведение Ибн аль-Хатыба — «Всеобщая история Гранады». Это нечто среднее между исторической хроникой, путевыми картинами и описанием путешествий — жанром, в котором прославились магрибинские литераторы. Книга написана чрезвычайно трудным перифрастическим стилем, изысканной рифмованной прозой. «История Гранады» содержит немало интересных моментов, в том числе самое древнее описание боя быков, который происходил в Гранаде в 1319 году. Сейчас для того, чтобы привести быка в ярость, употребляют бандерильи — короткие дротики, которые бандерильерос всаживают быку в шею. Во времена Ибн аль-Хатыба на арену выпускали специально тренированных собак, которые вцеплялись быку в уши, а пикадор, ныне пеший, сражался тогда с быком верхом на коне и убивал его не шпагой, а копьем.

Также усложнен стиль «Путевых картин» Ибн аль-Хатыба, где он описывает свои путешествия по Андалусии и Магрибу. Блестящая рифмованная проза с многочисленными риторическими фигурами, в которую вкраплены стихотворные отрывки, производит впечатление орнаментальности, где сочетается точный словесный расчет и яркость красок, как в узорах на стенах мавританских дворцов и мечетей. Изысканны и стихи Ибн аль-Хатыба, особенно в жанре «васфа» — описания красот андалусской природы и произведений искусных гранадских мастеров.

Однако усложненность и красивая вычурность стиля — не индивидуальная особенность Ибн аль-Хатыба, они продиктованы прежде всего требованиями жанра и литературной моды. Потому что Ибн аль-Хатыб, как и многие другие андалусские прозаики, больше тяготел к ясной простоте стиля, которая была близка стилю арабских прозаиков VIII—X вв. Это стремление ярче всего проявилось в его книге «Деяния великих мужей», где гранадский вазир рассказывает о нескольких выдающихся государственных деятелях мусульманского мира, уделяя больше всего внимания

хаджибу аль-Мансуру, ставшему излюбленным героем и андалусцев, и испанцев-христиан.

Трудно сказать, был ли знаком Ибн аль-Хатыб с Плутархом, но книга «Деяния великих мужей» больше всего напоминает знаменитые Плутарховы биографии. Андалусский автор пытается не только рассказать историю возвышения аль-Мансура и его победоносных походов, но и дать психологическую характеристику хаджиба и других персонажей своей книги.

Андалусская прозаическая литература, как и вообще средневековая арабская проза, отличается обилием и разнообразием жанров — от философского трактата до мемуаров и различных сатирических посланий. Объединение произведений, принадлежащих к разнообразным жанрам, и отрывков из подобных произведений в один сборник даст читателю возможность представить себе многообразие мавританской культуры, культуры арабской Испании правдиво и без ложной экзотики.

Б. Шидфар

Ибн Хазм

Ожерелье голубки

●

Перевод
М. А. Салье

Стихи в переводе
В. Б. Микушевича

ВСТУПЛЕНИЕ АВТОРА

Говорит Абу Мухаммад — да простит ему Аллах:

Лучшее, с чего начинают,— хвала Аллаху, великому, славному, достойная его, а затем — молитва о Мухаммаде, его рабе и посланнике, особо и обо всех его пророках вообще. А после того: да сохранит Аллах нас и тебя от сомнения, и да не возложит он на нас того, что нам не под силу! Да подаст он нам, от благой своей помощи, указание, ведущее к повиновению ему, и да одарит нас, от поддержки своей, влечением, отклоняющим от ослушания его! Да не поручит он нас нашей слабой решимости, немощным силам, ветхим построениям, изменчивым воззрениям, злой воле, малой проницательности и порочным страстям!

Твое письмо прибыло ко мне из города Альмерии в мое жилище в славной Шатибе; то, что ты говоришь в нем о своем благополучии, меня радует, и я восхвалил за это Аллаха, великого, славного, прося его продлить и умножить твое благосостояние.

Затем я не замедлил увидеть тебя лично, и ты направился ко мне сам, несмотря на далекое расстояние, отдаленность наших жилищ, не близкую цель путешествия, долгий путь и ужасы дороги. А меньшее, нежели это, отвлекало томящегося и заставляло забыть помнящего, но не того, кто подобно тебе крепко схватился за веревку верности и соблюдал обязательства прошлого, крепкую дружбу, долг сверстника и юношескую любовь и чья дружба была угодна Аллаху великому. А Аллах укрепил между нами из этого столько, что мы восхваляем его и благодарим.

Твои замыслы в этом письме были шире того, что я узнал из других твоих писем; своим приходом ты обнаружил мне свою цель и осведомил меня о своем образе мыслей, повинуясь никогда не покидавшему нас свойству делиться со мною и сладостным, и горьким, и скрытым, и явным. Тебя побуждает искренняя любовь, которую я испытываю к тебе в несколько раз сильнее, не желая за это иной награды, кроме ответа на нее подобным же. Я говорю об этом в моей длинной поэме, обращаясь к Убайдаллаху ибн Абд ар-Рахману, внуку аль-Мугиры, сыну повелителя правоверных ан-Насира — да помилует его Аллах! — а он был мне другом:

Твой друг я во веки веков, и верен я буду тебе,
Хоть марево дружбой слывет порой в заблуждении странном;

Начертан любовью моей, твой образ таится во мне,
Отчетлив, незыблем и чист в своем совершенстве чеканном;

Из сердца бы вырвал я страсть и кожу содрал бы с нее,
Хоть страсти не знают границ в господстве своем самозваном.

Сокровищ не надобно мне, не надо наград никаких;
О дружбе смиренно молю, как молят о благе желанном.

В сравнении с дружбой твоей вселенная — прах для меня,
А люди ничтожнее мух в мельканье своем беспрестанном.

Ты поручил мне — да возвеличит тебя Аллах! — составить для тебя послание с описанием любви, ее свойств, причин и случайностей и того, что бывает при любви и из-за нее происходит, идя путем истины, не прибавляя и не изменяя, но передавая о том, что вспомнится, в точности, и так, как это произошло, насколько достанет у меня памяти и осведомленности в том, о чем я буду говорить. Я поспешил навстречу твоему желанию, но если бы не обязательство перед тобою, я бы, наверное, не взялся за такое дело. Ибо дело это неблагодарное, а нам, при краткости нашей жизни, следует тратить ее прежде всего на то, что даст нам надежду на прекрасный приют и возрождение в день завтрашний, хотя кади Хаммам ибн Ахмад и передавал мне со слов Яхьи и Малика, ссылавшегося на Аиза, возводя иснад к Абу-д-Дарда, что тот говорил: «Успокаивайте душу свою любым пустяком, лишь бы было это ей помощником в истине». А одно изречение праведников из числа предков, угодных Аллаху,

гласит: «Кто не умеет быть мужественным, не сумеет стать благочестивым». И в каком-то предании сказано: «Давайте душам отдых, ибо они ржавеют, как ржавеет железо».

В труде, который ты на меня возложил, конечно придется упомянуть о том, что я видел лично и постиг прилежанием и что было мне рассказано верными людьми из моих современников. Прости же мне сокрытие имен: либо мы хотим избежать позора, который мы не считаем дозволенным обнаруживать, либо мы охраняем этим любимого друга или знатного человека. Довольно будет, если я назову тех, кого можно назвать без вреда и упомянуть, не навлекая порицания ни на себя, ни на названного — либо вследствие его известности, при которой не поможет сокрытие и замалчивание, либо если низкий человек согласен на то, чтобы его история обнаружилась, и не станет порицать за ее сообщение.

Я приведу в этом своем послании стихи, которые я сказал о том, чему был свидетелем. Не порицай же меня и ты, и тот, кто их увидит, за то, что я иду при этом по пути передающего, изображая все в своих собственных словах,— это, и больше этого, в обычае у тех, кто привержен к сочинению стихотворений. Мои друзья побуждают меня говорить о том, что случается с ними, на их лад и способ, но довольно будет, если я упомяну о том, что случилось со мною сходного с тем, к чему я стремлюсь, и отнесу это к самому себе. Я вменил себе в обязанность остановиться в этой своей книге у пределов, поставленных тобою, и ограничиться тем, что я видел или счел правильным по сообщению верных людей. Избавь меня от рассказов о кочевых арабах и людях прежних поколений: их путь — не наш путь, и рассказы о них многочисленны, а у меня не в обычае изнурять чужое животное, и я не стану украшать себя украшением, взятым взаймы. У Аллаха же следует просить прощения и помощи — нет господа, кроме него!

Я разделил свое послание на тридцать глав, из которых о корнях любви говорят десять. Первая из них — настоящая глава о признаках любви, затем глава, где говорится о тех, кто полюбил во сне, затем глава, где говорится о полюбивших по описанию, затем глава, где говорится о полюбивших с первого взгляда, затем глава, где говорится о тех, чья любовь становится настоящей только после долгого срока, затем глава о намеке словом, затем

глава об указании глазом, затем глава об обмене посланиями, затем глава о посреднике.

Двенадцать глав касаются случайностей любви и ее свойств, похвальных и порицаемых, хотя любовь сама есть случайность и свойство, а случайность не носит в себе случайностей, и свойству нельзя приписать свойств. Однако так говорят в переносном смысле, ставя определение на место определяемого и основываясь на значении наших слов, ибо мы обнаруживаем, что одна случайность в действительности воспринимается нами как меньшая или большая, лучшая или худшая, чем другая случайность. Нам известно также, что случайности отличаются одна от другой увеличением или уменьшением своей видимой и познаваемой сущности, ибо к ним не приложимо понятие о количестве и дроблении на части, так как они не занимают места.

Эти главы — глава о друге-помощнике, глава о единении, глава о сокрытии тайны, глава об ее раскрытии и разглашении, глава о повиновении, глава об ослушании, глава о том, кто полюбил какое-нибудь свойство и не любит после этого других свойств, не сходных с ним, глава об удовлетворенности, глава о верности, глава об измене, глава об изнурении и глава о смерти.

О бедствиях, которые постигают любовь, говорится в шести главах. Это главы о хулителе, о соглядатае, о сплетнике, о разрыве, о разлуке и о забвении. Из этих шести глав две главы имеют себе противоположные в главах, упомянутых раньше,— это глава о хулителе, которой противоположна глава о друге-помощнике, и глава о разрыве, которой противоположна глава о единении. Для четырех из этих глав нет противоположностей в свойствах любви — это глава о соглядатае и глава о сплетнике, для которых нет противоположности, кроме их исчезновения (а истинная противоположность есть то, с возникновением чего первоначальное явление исчезает, хотя диалектики и не согласны насчет этого, и если бы не боязнь затянуть речь о том, что не относится к предмету книги, мы бы это исчерпывающе обсудили), затем глава о разлуке, которой противоположна близость жилищ (а пребывание вблизи не принадлежит к свойствам любви, о которых мы рассуждаем), и глава о забвении, которому противоположна самая любовь, так как забвение означает прекращение и отсутствие любви.

Двумя главами мы закончили послание — главой с

рассуждением о мерзости греха и главой о достоинстве целомудрия, дабы наш рассказ и последнее слово заключить призывом к повиновению Аллаху, великому и славному, побудить всех к благому и не допустить совершения порицаемого,— именно так предписано истино правоверному.

Однако мы нарушили при расстановке некоторых глав порядок, определенный в тексте настоящей главы, первой главы послания, и поставили их, в противность его основам, в конец или туда, где им подобало быть по порядку предшествования, по месту на ступенях любви и по времени возникновения ее свойств. Мы расположили их от начала до конца и поставили противоположные главы рядом, так что нарушился порядок следования в отношении немногих глав, а у Аллаха следует просить помощи!

Я расположил главы в рассказе так, что первая из них — настоящая глава, которой мы заняты, и в ней начало послания, и распределение глав, и слово о природе любви. Затем идет глава о признаках любви, и затем главы о полюбивших по описанию, о полюбивших с одного взгляда, о тех, кто влюбляется лишь после долгого срока, о тех, кто полюбил какое-нибудь качество и не любит после него других качеств, с ним не сходных, о намеке словом, об указании глазом, об обмене посланиями, о посреднике, о сокрытии тайны, о ее разглашении, о повиновении, об ослушании, о хулителе, о помощнике из друзей, о соглядатае, о сплетнике, о единении, о разрыве, о верности, об измене, о разлуке, об удовлетворенности, об изнурении, о забвении, о смерти, о мерзости греха и о достоинстве целомудрия.

СЛОВО О ПРИРОДЕ ЛЮБВИ

Любовь — да возвеличит тебя Аллах! — поначалу шутка, но в конце — дело важное. Ее свойства слишком тонки по своей возвышенности, чтобы их описать, и нельзя постигнуть ее истинной сущности иначе как с трудом.

Любовь не порицается религией и не возбраняется божественным законом, ибо сердца в руках Аллаха, великого, славного, и среди прямо ведомых халифов и правоверных имамов любили многие. Из них у нас в Андалусии были Абд ар-Рахман ибн Муавия, любивший Даджа, и аль-Хакам ибн Хишам, и Абд ар-Рахман ибн аль-Хакам, страсть которого к Таруб, матери его сына Абдаллаха, знаменитее солнца, и Мухаммад ибн Абд ар-Рахман, чье дело с Газлан, матерью его сыновей, Османа, аль-Касима и аль-Мутаррифа, известно, и аль-Хакам аль-Мустансир, очарованный Субх, матерью Хишама аль-Муайяда-биллаха,— да будет Аллах доволен им и ими всеми! — и отказывавшийся иметь детей от другой женщины. Подобное этому многочисленно, и если бы исполнение долга перед правителями не было для мусульман обязательно и нам не следовало бы передавать из рассказов о них лишь то, в чем заключаются рассудительность и оживление веры, тогда как любовь нечто такое, для чего они уединялись во дворах со своими женами, и нам не подобает об этом рассказывать,— я, наверное, сообщил бы немало сведений о них в этом роде.

Что же касается их великих мужей и столпов их правления, то любивших среди них больше, чем можно счесть, и самое новое из этого, чему мы были свидетелями вчера,— увлечение аль-Музаффара ибн Абд аль-Малика ибн Абу Амира дочерью одного торговца сыром, Вахид, любовь к которой даже побудила его на ней жениться. Эта та самая, кого взял в жены, после гибели Амиридов, вазир Абдаллах ибн Маслама; потом, когда его убили, на ней женился один из главарей берберов.

Вот нечто похожее на это. Абу-ль-Айш ибн Маймун аль-Кураши аль-Хусейни рассказывал, что Низар ибн Маадд, правитель Египта, увидел своего сына Мансура ибн Низара — того, что принял после него власть и притязал на божественность, — лишь через долгое время после его рождения, подчиняясь речам невольницы, которую он сильно любил. И при этом у него не было мужского потомства и никого, кто бы унаследовал его власть и оживил бы память о нем, кроме Мансура!

Среди праведников и законоведов минувших веков и древних времен есть такие, о ком их стихи избавляют от нужды говорить. Рассказов об Убайдаллахе ибн Абдаллахе ибн Утбе ибн Масуде и его стихов передают достаточно, а он был одним из семи факихов Медины.

Среди фетв Ибн Аббаса — да будет доволен им Аллах! — дошла одна, а других уже не нужно, ибо в ней он говорит, что за того, кто убит любовью, не надобна ни плата за его кровь, ни отмщение.

Люди не согласны относительно природы любви и говорят об этом долго, затягивая речи; я же придерживаюсь мнения, что причина любви — соединение в их основной возвышенной стихии частиц души, разделенных в здешней природе. Но это не потому, что души — разведенные сферы, как говорит Мухаммад ибн Дауд — да помилует его Аллах! — со слов некоего философа, а вследствие однородности их сил в обиталище вышнего мира и близости их по образу состава. Мы знаем, что тайна смешения и разделения среди тварей — лишь в соединении и разъединении, и сходное обычно призывает сходное, и подобное доверяется подобному. Однородности присущи ощутительное действие и видимое влияние; взаимная неприязнь противоположностей, согласие между подобными и влечение к похожему обнаруживаются между нами,— так как же не быть этому в душе, когда ее мир, мир чистый и легкий, и сущность ее стремятся ввысь и уравновешены; и в основе своей она приспособлена к восприятию согласия и склонности, и расположения и отчуждения, и страсти и неприязни.

Все это известно, так как проявляется при различных обстоятельствах в поведении человека, и человек доверяется своей душе, а Аллах, великий и славный, говорит: «Он тот, кто сотворил все из единой души и сотворил из нее ей пару, чтобы она доверилась ей». И он выставил основанием доверия то, что пара для души возникла из нее же.

А будь причиной любви красота телесного образа, конечно, не был бы сочтен прекрасным менее красивый образ. Мы часто находим людей, которые предпочитают более низкого, зная превосходство других, но не находя от него спасения своему сердцу.

А если бы любовь возникала из-за соответствия качеств, человек бы, конечно, не любил тех, кто ему не помогает и не соответствует; поэтому мы знаем, что она пребывает в самой сущности душ. Но нередко любовь возникает вследствие какой-нибудь причины — эта любовь исчезает с исчезновением причины ее, и тот, кто тебя любит из-за дела, отворачивается, когда оно окончено.

Я говорю об этом:

Как подлинное бытие, моя неизменна любовь,
Которая в сердце моем навеки достигла предела.

Желаньем любовь рождена; не ведает в мире никто,
Откуда возникла любовь и как она мной завладела.

Навек сохраняется то, что внешних причин лишено;
Подобный закон для души действителен, как и для тела.

А что происходит извне, то вскоре на убыль пойдет,
Когда полнота бытия в истоке своем оскудела.

Эти слова подкрепляются и тем, что, как мы знаем, любовь бывает многих видов, и наиболее достойный из них — любовь двух любящих ради Аллаха, великого, славного: либо из-за усердия в труде, либо из-за согласия в основах веры и толка, либо из-за преимущества знаний, которыми одарен человек. Бывает любовь родственная, любовь из-за дружбы или общности стремлений, любовь из-за товарищества и знакомства, любовь из-за благодеяния, которую питает человек к своему другу, любовь из жадности к сану любимого, любовь двух любящих из-за тайны, которую они оба знают и должны скрывать, любовь ради того, чтобы достичь наслаждения и удовлетворить желание, и любовь по влечению, которой нет причины, кроме упомянутой нами связи душ. Все эти виды любви прекращаются с прекращением их причин, увеличиваются с их увеличением, уменьшаются с их уменьшением, укрепляются с их приближением и ослабевают с их отдалением, кроме любви по истинному влечению, овладевающей душой,— это та любовь, которой нет конца иначе как со смертью. Поистине, ты часто найдешь человека, утешившегося, по его словам, и достигшего предельных лет, который, когда ты напомнишь ему, вспоминает, и веселеет, и молодеет, и возвращается к нему волнение, и поднимается в нем печаль. Ни при одном из упомянутых видов любви не бывают так заняты мысли и не возникает такого помрачения ума, беспокойства, изменения врожденных свойств и перемены природных качеств, и похудания, и вздохов, и прочих признаков тоски, как при любви по влечению; этим подтверждается, что такая любовь — духовное предпочтение и слияние душ. А если кто скажет: «Будь это так, любовь между двумя душами разделялась бы поровну, ибо обе части равно участвуют в единении и доля их в нем одна»,— то в ответ на это мы скажем: «Вот, клянусь жизнью, правильное возражение, но только душа того, кто не любит

любящего, со всех сторон закрыта какими-нибудь скрывающими явлениями и охватывающими ее завесами земных свойств, и она не чувствует той своей части, которая была к ней близка, прежде чем она опустилась туда, где находится; а если бы она освободилась, то, конечно, обе части были бы равны в единении и в любви». Душа же любящего свободна, и она знает, где то, что разделяло с нею близость, и стремится к нему, и направляется, и ищет его, жаждая с ним встречи и привлекая его, если может.

Это подобно магниту и железу. Сила вещества магнита, связанная с силой веществ железа, не обладает достаточной самостоятельностью и способностью к выделению, чтобы устремиться к железу, хотя оно с нею однородно и принадлежит к ее стихии. Но сила железа, так как она велика, устремляется к своему подобию, ибо движение всегда исходит от более сильного, а сила железа свободна по существу и не задержана никаким препятствием, и она ищет то, что с ней сходно, и предается ему и к нему спешит по природе и по необходимости, а не добровольно и преднамеренно. Когда же ты возьмешь железо в руку, оно не устремляется, так как его силы тоже недостаточно, чтобы одолеть то, что его держит, если оно сильнее. А если частиц железа много, они становятся заняты друг другом и удовлетворяются подобными себе, не ища малых долей своей силы, отдаленной от них. Когда же велико тело магнита и его силы становятся равны всей силе тела железа, оно возвращается к своему обычному состоянию.

Так же и огонь в камне — нельзя обнаружить силы огня, стремящейся к сближению и призывающей свои частицы, где-либо находящиеся, иначе как высекая огонь и сблизив два тела посредством прижатия и ударов их друг о друга,— без этого сила огня продолжает таиться в своем камне, не проявляясь и не обнаруживаясь.

На это указывает еще и то, что ты не найдешь двух влюбленных, между которыми не было бы сходства и соответствия природных качеств; это необходимо должно быть, хотя бы в небольшой степени, и чем больше похожих черт, тем более увеличивается сходство и крепнет любовь. Посмотри — и увидишь это воочию.

Это подкрепляется словом посланника Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — «Души — собранные войска. Те из них, что узнают друг друга, сходятся, а те, что не узнают, расходятся»,— и еще изречением, пере-

даваемым со слов одного из праведников: «Души правоверных узнают друг друга».

Поэтому-то и огорчился Букрат, когда ему описали человека, наделенного недостатками, который его любил, и, когда с ним заговорили об этом, он сказал: «Этот человек полюбил меня лишь потому, что я ему соответствую в некоторых его качествах».

Ифлатун рассказывает, что один из царей несправедливо заключил его в тюрьму, и он до тех пор приводил доказательства в свою защиту, пока не стала ясна его невиновность и царь не понял, что он к нему несправедлив. И тогда его вазир, который взялся передавать ему слова Ифлатуна, сказал ему: «О царь, тебе стало ясно, что он невиновен,— что же тебе до него?» И царь ответил: «Клянусь жизнью, мне нет к нему пути, но только я чувствую в своей душе тяжесть и не знаю, отчего она». И эти слова передали Ифлатуну, и тот сказал: «И мне стало нужно отыскать в своей душе и качествах что-нибудь сходное с его душой и качествами, чтобы противопоставить это ему. И я рассмотрел качества царя и увидел, что он любит справедливость и не терпит несправедливости; такое же качество я различил и в себе, и едва я привел в движение это соответствие и противопоставил его душе это качество, которое было в моей душе, как царь сказал своему вазиру: «Рассеялось то, что было в моей душе из-за Ифлатуна» — и приказал меня отпустить.

Что же касается причины того, что любовь постоянно, в большинстве случаев, возникает из-за красивой внешности, то ясно, что душа прекрасна и увлекается всем прекрасным и питает склонность к совершенным образам. И, увидев какой-нибудь из них, душа начинает к нему приглядываться и, если различит за внешностью что-нибудь с собою сходное, вступает с ним в соединение, и возникает настоящая и подлинная любовь. Если же душа не различает за внешностью ничего с собою сходного, то любовь не переходит пределов внешности, а это и есть страсть. И поистине, внешность дивным образом соединяет отдаленные частицы души!

Я читал в первой книге Торы, что пророк Якуб — да будет с ним мир! — в те дни, когда он пас скот Лабана, своего дяди по матери, вместо приданого за его дочь условился с ним о разделе приплода, и все одноцветные должны были быть Якубу, а все пестрые — Лабану. И Якуб — да будет с ним мир! — брал древесные ветки и половину

их очищал, а половину оставлял, как были, а потом он бросал их все в воду, к которой приходил пить скот, и нарочно подсылал в это время к самцам самок, годных для случки. И они приносили приплод не иначе как пополам — половину одноцветными и половину пестрыми.

Про одного мудреца, что умел читать по лицам, рассказывают, что к нему принесли черного сына от двух белых. Он посмотрел на черты мальчика и увидел, что он от этих людей несомненно, и тогда он захотел, чтобы его поставили на то место, где родители сходились. И его привели в помещение, где было их ложе, и он увидел на стене, против взгляда женщины, изображение чернокожего и сказал отцу мальчика: «От этого изображения пришел к тебе твой сын».

Стихотворцы из диалектиков часто пользуются этой мыслью в своих стихах и, говоря с видимым во вне, обращаются к познаваемому и скрытому. Это часто встречается в стихах ан-Наззама Ибрахима ибн Сайяра и других диалектиков, и я скажу об этом стихотворение, где есть такие строки:

Пока ведется на земле кровопролитная война,
Причина бегства и побед во всех сражениях одна:

Влеченье наших пылких душ, о ты, жемчужина, к тебе,
Чья красота всегда в людском обличии затаена.

Вперед бросаются войска, твой свет возвышенный узрев
Перед собою вдалеке, хоть ночь беззвездная темна.

Завороженных смельчаков ты в бегство можешь обратить,
Когда появишься в тылу; и не твоя ли в том вина?

И я говорю об этом:

Ты ангел или человек? Ответь же мне, молю тебя,
Поскольку мысль моя давно бессилием посрамлена.

Лик человеческий на вид, но я при этом убежден,
Что тело сродно небесам, столь высока твоя цена.

Благословен Создатель наш, так соразмеривший черты
Своих творений, что тобой Вселенная просветлена.

Не сомневаюсь я: ты дух, вернее, несравненный дар
Прообраза, которым связь всех душ предопределена.

Мы можем о тебе судить, поскольку можем созерцать,
И драгоценнейшая суть явленьем запечатлена.

Когда бы не твое лицо, пришлось бы нам предположить,
Что сокровенный разум ты, а все земное — пелена.

А кто-то из моих друзей называл одну мою поэму — «Постижение посредством воображения». Вот стихи из нее:

Все противоположности едины,
Когда исчислить свойства невозможно,

И тело, совершеннейшее в мире,
В своем явленье стойком непреложно.

Ты блещешь рассужденьем всесторонним;
Поистине, все остальное ложно.

Это же самое обнаруживается и в ненависти. Ты видишь, что два человека ненавидят один другого без основания или повода и тяготятся друг другом без причины.

Любовь — да возвеличит тебя Аллах! — обессиливающая болезнь, и в ней же возникает от нее лекарство. Эта болезнь — усладительная и желанный недуг; больному ею неприятно выздороветь, и страдающий не желает от нее избавиться. Она украшает то, от чего человек отворачивался, и облегчает то, что было ему трудно, изменяя его врожденные свойства и первоначальную природу. Обо всем этом будет разъяснено в надлежащей главе, если того пожелает Аллах.

Рассказ

Я знал одного юношу из числа моих знакомых, который завяз в любви и запутался в ее силках, и его измучила страсть и извел долгий недуг. И душа его не помышляла о молитве Аллаху, дабы облегчил он участь его, и язык его не мог ее выговорить — он молился только о сближении и о том, чтобы овладеть той, кого полюбил, несмотря на великое свое испытание и долгие муки. Что же подумать о больном, который не хочет прекращения своей болезни! И однажды я сидел с ним, и, увидев, как он подавлен и молчалив и как ему плохо, огорчился этим. «Да поможет тебе Аллах!» — сказал я ему между другими речами и увидел на лице его выражение отвращения. И я подумал, что ему надо сказать такие стихи из длинной поэмы:

Из-за тебя, моя мечта, страдать я был бы рад весь век,
И не покину я тебя, покуда вижу белый свет.

Пускай мне скажет кто-нибудь: «Забудешь ты любовь свою!»
Из алфавита мне нужны три буквы для ответа: «Нет!»

Рассказ

Эти признаки противоположны тому, что рассказывал мне про себя Абу Бакр Мухаммад ибн Касим ибн Мухаммад аль-Кураши, по прозванию аш-Шалаши — один из потомков имама Хишама ибн Абд ар-Рахмана ибн Муавии. Он совершенно никого не любил и не тосковал о друге, уехавшем от него, и не переходил от границ дружбы и привязанности до пределов любви и увлечения, с тех пор как был сотворен.

ГЛАВА О ПРИЗНАКАХ ЛЮБВИ

У любви есть признаки, которые проследит понятливый и дойдет до них проницательный, и первый из них — долгий взгляд. Глаза — раскрытые ворота души, и они сообщают ее тайны, открывают ее сокровенные помыслы и изъясняют сокрытое в ней, и ты видишь, как взор, не мигая, движется с движениями любимой, поворачивается, когда она повернется, и направляется туда, куда она направилась, точно хамелеон за солнцем. Я скажу об этом стихотворение, где есть такие строки:

> Словно ты из камня бахт, всем на удивленье,
> Указуешь моему взору направленье.
>
> Взор тебе сопутствует, следуя грамматике:
> Ты определяемое, я определенье.

Еще признак любви: когда начинают разговор, который едва ли обращен к кому-нибудь, кроме любимой, хотя говорящий и старается показать, что это не так,— и поистине, его притворство ясно видно тому, кто его наблюдает. Другой признак любви: если смолкают, прислушиваясь к речам любимой, когда она говорит, и восторгаются всем, что она сделала, будь это сущая нелепость и нарушение обычаев, и объявляют ее правою, хотя бы она и солгала, и соглашаются с нею, если она и обидела, и свидетельству-

ют за нее, хотя бы и была она несправедлива, и следуют ей, каким бы она путем ни шла и с какой бы стороны ни понимала сказанное.

К признакам любви относится и то, что спешат к тому месту, где пребывает любимая, и желание сесть вблизи от нее и к ней приблизиться: любящий бросает все занятия, если они препятствуют ему увидеть любимую, пренебрегает всяким важным делом, заставляющим с ней расстаться, и замедляет шаги, уходя от нее. Об этом я скажу в стихотворении:

Когда я иду от тебя, всегда замедляется шаг;
Так пленник на гибель идет, о прежней тоскуя свободе.

Когда я к тебе тороплюсь, я рад бы стремглав побежать,
Как месяц бежит в небесах на запад при ясной погоде.

Когда я сижу близ тебя, мне трудно подняться потом;
Недвижен я, словно звезда, недвижная на небосводе.

К признакам любви относится также и нетерпение, овладевающее влюбленным, и его явный испуг, если он внезапно увидит любимую или та неожиданно появится. К ним же принадлежит волнение, охватывающее влюбленного, если он увидит кого-нибудь, кто похож на любимую, или вдруг услышит имя ее. Я скажу об этом отрывок, где есть такие стихи:

Проходит в красном, ранит сердце взором
И кажется мне смертным приговором.

Ее наряд насквозь пропитан кровью,
Как будто бы окрашенный сафлором.

Еще признак любви: человек щедро отдает все, что может, из того, в чем раньше отказывал, словно это его одарили и об его счастье стараются, и все это для того, чтобы проявить свои хорошие качества и вызвать к себе внимание. Сколько скупых от того расщедрилось, и угрюмых развеселилось, и трусов расхрабрилось, сколько равнодушных и неряшливых прибралось, и бедняков украсилось! Сколько людей в летах омолодилось, сколько благочестивых сделалось бесстыдными и сколько безупречных опозорилось!..

Все эти признаки бывают раньше, чем загорится огонь любви, и запылает ее пожар, и вспыхнет ее чуть льющийся жар, и взлетит ее пламя. Когда же любовь овладеет и схва-

тит мертвой хваткой, тогда увидишь ты тайные беседы и явное пренебрежение ко всем, кто присутствует, кроме любимой.

У меня есть стихи, в которых я собрал многие из этих признаков. Вот часть их:

Когда говорят мне о ней, чарует меня аромат,
Как будто бы я опьянен мечтою моею хмельною;

И кто бы ни заговорил, я слышу лишь голос ее,
Как будто шалунья моя всегда и повсюду со мною.

И если меня призовет всесильный халиф ко двору,
С любимой моей предпочту остаться любою ценою.

Расставшись в отчаянье с ней, я тысячу раз обернусь,
Так путник ступает едва ногою своею больною.

Как будто я в бурю тону и вижу спасительный брег,
А море уносит меня своей беспощадной волною.

Пью воду вдали от нее, как будто глотаю песок,
Как будто бы я обречен в пустыне палящему зною.

И если ты спросишь меня, нельзя ли достигнуть небес,
Отвечу, что путь к небесам совпал бы с дорогой земною.

К числу признаков любви и свидетельств ее, ясных для всякого, кто обладает зрением, относится великая и частая веселость влюбленных, которым тесно в широком помещении, и то, что один из них тянет к себе вещь, которую взял другой, и частые подмигиванья украдкой, и стремление опереться на любимую, и старание коснуться ее руки во время разговора и дотронуться до видимых частей тела, и желание допить оставшееся из сосуда, отставленного любимою, ища то место, которое касалось ее рта.

А есть среди них и признаки, противоположные друг другу, и возникают они по мере возникновения поводов и явлений, их вызывающих, и причин, приводящих их в движение, и мыслей, возбуждающих их. Противоположности сходны, и вещи, дойдя до пределов взаимной противоположности и остановившись у крайних границ несходства, становятся похожими, по могуществу Аллаха, великого, славного, от которого заблуждаются умы. Вот и снег, если долго держать его в руке, производит действие огня, и ты видишь, что радость, когда перейдет меру, убивает, и огорчение, когда перейдет меру, убивает, и когда усилится и

продлится смех, то из глаз начинают течь слезы, и подобного в мире много. Мы видим, что, когда влюбленные одинаково любят и их любовь крепко утвердилась, учащаются между ними беспричинные приступы гнева, и умышленное противоречие в словах, и нападки друг на друга из-за всякого малого дела, и каждый из них наблюдает за всяким словом, которое проронит другой, и толкует его не в том смысле,— все это для проверки, чтобы выяснить, что думает каждый из них о другом. И разница между этим и настоящей неприязнью и несходством, которое порождается ненавистью и взаимным несогласием,— в быстром прощении. Ты замечаешь, что влюбленные достигли пределов разногласия, и считаешь, что даже у человека со спокойной душою, свободного от ненависти, оно исправится лишь через долгое время, а у завистника не залечится никогда,— и немедленно после этого видишь ты, что они вернулись к прекраснейшей дружбе, и упреки остались безнаказанными, и ушли разногласия, и обратились влюбленные в этот же самый миг к смеху и шуткам. Так бывает в один час многократно, и, если ты видишь это между двумя людьми, пусть не смущают тебя никакие сомнения,— между ними скрытая тайна любви, и пойми это, ибо этому уже невозможно воспрепятствовать. Вот тебе правильная проверка и верная проба: такое бывает только от одинаковой любви и истинной дружбы, и я часто это видел.

Еще признак любви, когда ты видишь, что влюбленный стремится услышать имя любимой и наслаждается разговорами о ее делах, обращая их в привычку. Ни от чего он никогда так не оживляется, как от подобных разговоров, и не удерживает его от них опасение, что догадается слышащий и поймет присутствующий его тайну.

Любовь к чему-нибудь делает тебя слепым и глухим, и если бы мог влюбленный сделать так, чтобы в том месте, где он находится, не было разговоров ни о ком, кроме любимой, он, наверное, не ушел бы оттуда.

Тому, кто искренне любит, случается приступить к трапезе, когда ему хочется есть, но едва вспомнит он о любимой, как от волнения кушанье становится ему поперек горла и всегда застревает у него в гортани. То же бывает и в разговоре: влюбленный весело начинает с тобою беседу, но является ему мысль о том, кого он любит, и становится видна перемена в его разговоре и краткость в речах, и угрюмое молчание, и понурый вид, и великая замкнутость. И был он весел лицом и подвижен и делается грустным,

расстроенным, смущенным душой и медлительным, раздражаясь от одного слова и тяготясь вопросами.

К признакам любви принадлежит и тяга к одиночеству, и склонность к уединению, и похудание тела, без жара в нем или боли, что мешает перемещаться, двигаться и ходить. Это указание, которое не лжет, и необманывающий признак недуга, скрытого в душе.

Бессонница всегда была присуща влюбленным, и стихотворцы часто описывали ее, говоря, что влюбленные — пастухи звезд в бесконечности ночи, а я говорю об этом, упоминая о сокрытии тайны и о том, что она узнается по признакам:

Ненастная тьма в небесах, тяжелая тень грозовая
Моим подражает слезам, безрадостный дождь проливая.

Со мною наперсница-ночь тревогу мою разделяет;
В ночи, как всегда, начеку бессонница сторожевая.

Очей невозможно смежить, никак не закроются веки;
Измученный, тщетно томлюсь, на скорый рассвет уповая.

Смущая во мраке зарю, бессонница мною владеет,
Моих сокровеннейших дум свидетельница роковая.

Как звезды в глубокой ночи окутаны мглистым покровом,
В нашествии сумрачных туч таятся, незримо всплывая,

Так в сердце таится любовь, малейших стыдясь проявлений,
И втайне стремится к тебе мечта моя, вечно живая.

О подобном же я скажу такие стихи:

Надлежит пасти мне ночью ясноокие стада
Звезд недвижных и подвижных в беспредельной вышине.

Будто эта ночь и звезды — мрак, в котором страсть моя
Все еще меня сжигает в ослепительном огне;

Будто страж я неусыпный в зеленеющем саду,
Где среди травы нарциссы расцветают при луне;

Битлимус бы многомудрый согласился, будь он жив,
Что среди людей не сыщешь звездочетов, равных мне.

Если вспоминают о чем-то, значит, необходимо сравнить состояние влюбленного с явлением природы или же каким-то предметом. Так в стихах, которые начинаются словами: «Будто эта ночь и звезды...», я сравниваю с двумя другими явлениями. Этому удивляются и приходят в восхищение, но у меня есть стихи, где сравнения идут не дважды, а трижды и даже четырежды, и вот отрывок из них:

Он буйствует без конца, бессонницею томим;
Тоскующего в плену вино упреков пьянит.

Чудит он, безумствует, перечит он сам себе;
Кланяется и клянет, ласкается и бранит.

Разлад, разлука, разрыв, печаль для нас, как для звезд,—
Закон, который, в пути разрознив, соединит.

Утолена моя страсть, и я, завистник былой,
Теперь в блаженстве моем среди людей знаменит.

Среди цветов мы в саду, а в небесах облака,
И мы наслаждаемся: Аллах счастливцев хранит.

Отрадный дождь, облака, благоуханный сад
Как слезы под сенью век и как румянец ланит.

Пусть не осудят меня за то, что, говоря о законе звезд, я имел в виду «киран», а люди сведущие в звездах знают: «киран» означает встречу звезд в одном градусе.

У меня есть также нечто более совершенное, чем это,— пять сравнений в одном стихе,— вот оно:

Со мною она в ночи; меня пьянит аромат;
С любимой вместе вино; усладами мрак богат.

И если мне жить нельзя, любимая, без тебя,
В стремленье моем к тебе неужто я виноват?

Как будто я и она, мой кубок, вино и ночь —
Росинка, дождик, жемчуг, и золото, и агат.

Вот нечто, чего нельзя превзойти, и никто не способен на большее, так как размер стиха и построение имен не допускает ничего большего, нежели мною сказанное.

На влюбленного нападает беспокойство из-за двух причин, и одна из них,— когда он надеется на встречу с любимой, но этому что-либо препятствует.

Рассказ

Я хорошо знаю одного из тех, кому любимая обещала свидание, и я видел его, как он расхаживал взад и вперед, не в состоянии обрести покой и устоять на одном месте, и радость делала его из основательного легкомысленным и из степенного торопливым.

Мною сказано об ожидании свидания:

До ночной темноты я в немом ожиданье
Уповал, что ко мне ты придешь на свиданье.

Духом пал я во тьме, хоть не помнил дотоле,
Чтобы сумрак ночной причинял мне страданье.

Но примета одна никогда не обманет,
Даже если порой ненадежно гаданье:

Привечая тебя, задержалось бы солнце,
И остался бы свет ради нас в мирозданье.

А вторая причина,— когда возникает между влюбленными случайное недовольство, сущность которого известна только по описанию других. Тут увеличивается беспокойство любящего, пока не узнает он в точности,— тогда исчезает то, что его тяготило, если он надеется на прощение, или же беспокойство превращается в печаль и грусть, если любящий опасается разрыва. Но случается любящему и унижаться из-за суровости к нему любимой: это встретится и будет разъяснено в своей главе, если захочет Аллах великий.

Одно из явлений любви — сильное огорчение и смущение, прерывающее речь, которое одолевает любящего, когда он видит, что любимая от него отвернулась и его избегает. А проявляется это в стенаниях и бесчисленных вздохах, когда любящий погружен в неподвижность, и об этом я скажу стихотворение, где есть такие строки:

Душа моя заточена судьбе непреклонной в угоду;
Лишь горькие слезы из глаз бегут и бегут на свободу.

Еще признак любви, когда ты видишь, что любящий так любит семью возлюбленной, ее родных и близких, что они значат для него больше, чем его собственная семья, и он сам, и его родные, и все его близкие.

Плач тоже принадлежит к признакам любви, но только люди различаются в этом один от другого. Есть среди них, кто обилен слезами, и глаза их льют ливни, и слезы к ним являются, когда они захотят. А есть люди, лишенные слез, с застывшими глазами, и я из их числа, и причиною этого было то, что я долго ел ладан из-за сердцебиения, которое случалось у меня в юности. Меня постигает тяжелое бедствие, и я чувствую, как раскалывается и разрывается у меня сердце, и ощущаю я в сердце то, что горше колоквинта, который мешает мне как следует выговарить слова, а

иногда я едва не давлюсь своим дыханьем, но глаза совершенно не отвечают мне — только в редких случаях прольют малую толику слез.

Рассказ

Подобный случай заставил меня вспомнить день, когда я и мой товарищ Абу Бакр Мухаммад ибн Исхак прощались с Абу Амиром Мухаммадом ибн Амиром, другом нашим,— да помилует его Аллах! — при отъезде его в путешествие на Восток, после которого мы его не видели. И Абу Бакр начал плакать, прощаясь с ним, и говорить, приводя такой стих поэта:

В день Васита, в день, когда за слезой бежит слеза,
Не заплачут о тебе только мертвые глаза.

(Это стих из поминального стихотворения о Язиде ибн Омаре ибн Хубайре, да помилует его Аллах!) А мы стояли на берегу моря в Малаге. И я стал усиленно сетовать и горевать, но мой глаз не помог мне, и тогда я сказал, отвечая Абу Бакру:

Кто не меняется в лице, когда ты расстаешься с ним,
Тот в злоключеньях терпелив и в горестях неколебим.

А насчет обычного поведения людей я скажу стихи из поэмы, которую я сложил раньше, чем достиг зрелости. Вот ее начало:

Печаль зажигает сердца, которые рвутся на части;
Поток нескончаемый слез — примета подобной напасти.

Скрываешь ты в ребрах своих любовь, как постыдную тайну,
А слезы тебя выдают, покорны безжалостной власти.

Когда из-под век потекли такие обильные слезы,
То, стало быть, сердце твое — обитель губительной страсти.

Бывает при любви, что возникают злые мысли и подозрительность к каждому слову со стороны одного из влюбленных, и полное непонимание того, что происходит,— в этом корень упреков между любящими.

Я, право, знаю людей с наилучшими мыслями, просторнейшей душой, величайшим терпением, наибольшей способностью прощать и с самым широким сердцем, которые ничего не могли снести от любимой, и едва возникало у них

малейшее разногласие, как они выражали разнообразные упреки и разносторонние подозрения. Я скажу об этом стихотворение, где есть такие строки:

Не так безобиден пустяк, поэтому будь осторожен!
Ничтожнейшим пренебрегать способен лишь тот, кто ничтожен.

Предшествует искра огню, она же причина пожара;
Намеками на неприязнь бывает разумный встревожен.

Великое в малом порой таится, как в семени древо.
Запомни, что этот закон во веки веков непреложен.

И ты видишь, что, когда влюбленный не уверен, что сердце любимой останется к нему расположенным, он начинает очень остерегаться того, чего не остерегался раньше, и старается исправить свои речи и сделать красивыми свои движения и взгляды — в особенности, когда ему на беду послан клеветник и испытан он человеком задорным.

А признаки этого в том, что любящий наблюдает за любимой и запоминает все, что она делает. Он хочет знать о ней все, чтобы его не миновали ни мелкие, ни важные подробности, и следит за ее движениями,— и, клянусь жизнью, ты видишь, что тупой становится в таком положении проницательным, а беспечный — внимательным.

Рассказ

Однажды я был в Альмерии и сидел в лавке Исмаила ибн Юнуса, врача-израильтянина,— а он был прозорлив и умел читать по лицам и хорошо это делал. Мы были среди друзей, и Муджахид ибн аль-Хусейн аль-Кайси спросил Исмаила: «Что ты скажешь про этого?» — и он указал на человека, удалившегося от нас в сторону, а имя его было Хатим, и прозывался он Абу-ль-Бака. И врач смотрел на него недолгое время, а потом сказал: «Это человек влюбленный».— «Ты прав, но почему ты сказал это?» — воскликнул Муджахид, и врач молвил: «Только из-за крайнего смятения, видимого у него на лице, не говоря о прочих его повадках, я понял, что он влюблен, и в этом нет сомнения».

ГЛАВА О ПОЛЮБИВШИХ ВО СНЕ

Всякая любовь неизбежно должна иметь причину, которая была бы основой ее, и я начну с самой отдаленной из возможных причин, дабы текла речь по порядку и всегда было вначале легкое и незначительное.

Одна из причин ее — нечто, о чем бы я не упомянул, если бы не видел этого,— так это необычайно!

Рассказ

Однажды я вошел к Абу-с-Сирри Аммару ибн Зияду, другу нашему, вольноотпущеннику аль-Муайяда, и нашел его задумчивым, озабоченным. Я спросил его, что с ним, и он некоторое время отказывался отвечать, а потом сказал: «Со мною приключилось диво, никогда не слыханное».— «Что же это?» — спросил я, и Абу-с-Сирри молвил: «Я увидел во сне сегодня ночью девушку и проснулся, и пропало из-за нее мое сердце. Я обезумел от любви к ней, и поистине, я в самом тягостном состоянии».

И он оставался многие дни, больше месяца, огорченным и озабоченным, и ничто не было ему приятно из-за обуявшей его тоски, пока не начал я бранить его и не сказал ему: «Большая ошибка, что ты занимаешь душу неистинным и привязываешься воображением к исчезнувшему, ненаходимому. Знаешь ли ты, кто она?» — «Нет, клянусь Аллахом!» — отвечал он, и я воскликнул: «Поистине, беспочвенны твои суждения и нет в тебе прозорливости, раз ты любишь того, кого никогда не видел, кто не создан и кого нет на свете! Если бы ты влюбился в изображение из изображений в бане, это было бы еще простительно!»

И я не отставал от него, пока он не утешился, а это едва ему удалось.

По-моему, все это самовнушение и последствия грез и сновидений, и об этом будет сказано в главе книги о желаниях и воображении мысли. Я скажу об этом стихотворение, где есть такие строки:

Узнать бы мне, кто же она, быть может, посланница солнца,
А может быть, призрак луны, мелькнувший в лазури безбрежной?

Кто знает, быть может, она — моя сокровенная дума,
А может быть, образ души, причуда тревоги мятежной?

А может быть, эта мечта, возникшая вдруг перед взором,
Моею душой рождена в своей очевидности нежной?

А может быть, морок она, вернее, предзнаменованье
Судьбы, угрожающей мне, и смерти моей неизбежной?

ГЛАВА О ПОЛЮБИВШИХ ПО ОПИСАНИЮ

Одна из необычайных причин любви, когда любовь возникает от описания, без лицезрения. От этого возвышаются до истинной любви, и возникает обмен посланиями и переписка, и забота, и страсть, и бессонница оттого, что невозможно увидеться. Поистине, рассказам, и восхвалению красоты, и описанию каких-либо событий присуще явное влияние на душу и на сердце, а когда ты услышишь пение девушки из-за стены, от этого случается любовь и озабоченность разума. Все это бывало не с одним человеком, но, по-моему, это здание шаткое, без фундамента. Ведь когда тот, кто отдал весь свой ум любви к человеку, которого он не видел, остается один на один со своими мыслями, непременно возникает в душе его образ, который он себе представляет, и существо, которое он придумывает. В его мыслях не рисуется ничего другого, и он устремляется воображением к этому образу, и если случится в какой-нибудь день ему увидеть ту, которую он выбрал, тогда любовь становится крепче или совсем уничтожается,— оба эти исхода случались и известны.

Чаще всего это случается между затворницами из благородных домов, живущими во дворцах, за завесой, и близкими им мужчинами. Любовь женщин при этом упорнее мужской любви, ибо женщины слабы, и природные свойства их скорее будят в них воображение, и любовь быстрее овладевает ими. Об этом я скажу стихотворение, где есть такие строки:

О ты, своей хулой неправомочной
Коснувшийся любви моей заочной,

Ошибся ты в суждении превратном,
Дерзнув назвать любовь мою непрочной.

Пускай мы знаем рай по описанью,
Картину назовешь ли ты неточной?

Я скажу также стихи о восхищении песней без того, чтобы упал взор на самого поющего; вот один из них:

Мой слух наполнен пылкими полками:
Так страсть моя воюет со зрачками.

И еще скажу я о том, как расходится истина с предположениями любящего, когда случится увидеть любимую:

На портрет словесный свой ты нисколько не похожа;
Был я в марево влюблен, сердце бреднями тревожа.

Барабанный бой страшит, поражая громким звуком,
Между тем как барабан — лишь натянутая кожа.

А о противоположном я говорю:

Кто говорит, что я прельстился басней?
Для взора красота еще опасней.

И если рай хорош по описанью,
Он, стало быть, воочию прекрасней.

Такие обстоятельства часто случаются между друзьями и приятелями. А вот что я о себе расскажу.

Рассказ

Между мной и одним человеком из шарифов была крепкая дружба, и мы часто друг к другу обращались, но никогда не виделись. Потом Аллах даровал мне с ним встречу, и прошло лишь немного дней, как между нами возникла великая неприязнь и сильное отчуждение, которое продолжается до сей поры. Я сказал об этом отрывок, где есть такой стих:

Злобою любовь сменилась, отвращенью нет границы;
Так порой в небрежном списке искажаются страницы.

Противоположное этому случилось у меня с Абу Амиром, сыном Абу Амира, милость Аллаха над ним! Я испытывал к нему истинное отвращение, и он ко мне также, хотя он не видел меня и я не видел его; основанием этого были постоянные сплетни, которые переносились к нему от меня и ко мне от него, и подкрепляла их неприязнь между нашими отцами, соперничавшими из-за благосклонности султана и мирских почестей, которыми они пользовались. Потом Аллах помог с ним свидеться, и он был для меня любимейшим из людей, и я для него также, пока не встала между нами смерть.

Об этом есть такие стихи:

Человеческая жизнь переменами богата;
Он мой самый лучший друг, я люблю его, как брата.

Я теперь его люблю, а когда-то ненавидел;
Прямо должен я сказать: в нем я видел супостата.

Мнимый враг мне другом стал, так что в нем души не чаю;
И разлука нам страшна, словно тяжкая утрата.

Скрыть не в силах я тоски, стоит мне его покинуть;
Расставаясь, мы живем в ожидании возврата.

Что же касается Абу Шакира Абд ар-Рахмана ибн Мухаммада аль-Кабри, то он долго был моим другом, но ни разу не видел меня, а потом мы встретились, и дружба укрепилась и стала неразрывна и продолжается до сих пор.

ГЛАВА О ПОЛЮБИВШИХ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

Часто любовь пристает к сердцу с первого взгляда, и такая любовь разделяется на два вида. Один — противоположен тому, что было сказано раньше, и состоит в том, что человек влюбляется в женщину, не зная, кто она, и не ведая ее имени и местопребывания; и подобное случилось не с одним человеком.

Рассказ

Рассказывал мне друг наш Абу Бакр Мухаммад ибн Ахмад ибн Исхак со слов одного верного человека, имя которого выпало у меня из памяти (я думаю, это был кади Ибн аль-Хаза), что Юсуф ибн Харун, поэт, прозванный ар-Рамади, проходил однажды мимо Ворот Москательщиков в Кордове, а направлялся он в мечеть. А это было место, где собирались женщины. И ар-Рамади увидел девушку, которая захватила целиком его сердце, и любовь к ней проникла во все его члены, и забыл он о дороге в мечеть и пошел следом за девушкой. А она быстро шла к мосту и, перейдя его, направилась в пригород, и, оказавшись у гробниц сынов Мервана — да помилует их Аллах! — что построены над их могилами на пригородном кладбище за рекою, обернулась и увидела ар-Рамади, который удалился от людей и не имел другой заботы, как об этой девушке. И она подошла к нему и спросила: «Что ты идешь позади меня?» — и ар-Рамади рассказал ей, как сильно охватила его любовь к ней. «Оставь это! — сказала девушка,— и не ищи моего позора. Тебе нечего меня желать, и нет пути, которого ты ищешь».— «Я удовлетворюсь взглядом»,— сказал ар-Рамади, и девушка молвила: «Это тебе дозволено».— «О госпожа, свободная ты или невольница?» — молвил ар-Рамади. «Невольница»,— ответила девушка. «А как твое имя?» — спросил ар-Рамади, и она ответила: «Хальва».— «А чья ты?» — спросил ар-Рамади, и девушка молвила: «Клянусь Аллахом, знание того, что на седьмом небе, ближе к тебе, чем то, о чем ты спросил! Оставь же невозможное».— «О госпожа, а где я тебя после увижу?» — сказал ей ар-Рамади, и девушка отвечала: «Там, где ты увидел меня сегодня, в такой же час, каждую пятницу. Или уходи ты, или уйду я»,— сказала она потом, и ар-Рамади молвил: «Иди под охраной Аллаха!»

И девушка пошла к мосту, а ар-Рамади невозможно было за нею следовать, так как она оборачивалась, чтобы видеть, провожает он ее или нет. Когда же она миновала ворота моста, ар-Рамади пошел в поисках ее следов, но не услышал ответа ни на один вопрос о ней.

«И клянусь Аллахом,— говорил Юсуф ибн Харун,— я не покидал Ворот Москательщиков и пригорода с того времени и до сей поры, но не напал на след и не знаю, небо ли слизнуло ее, или земля ее поглотила. И поистине, из-за нее в моем сердце пылает нечто жарче углей».

Это та Хальва, любовь к которой он воспевал в своих стихах; потом он узнал кое-что о ней, после того как съездил из-за нее в Сарагосу, и это длинная история.

Подобные этому случаи многочисленны, и я скажу по этому поводу отрывок, где есть такие стихи:

Сорвали глаза мои вдруг печати в глубинах души,
И вызвала слезы она своим беспощадным укором.

За что же страдают глаза, наказаны ливнями слез,
И сам обречен я на казнь одним необузданным взором?

Последним был первый мой взгляд, когда я увидел ее,
И вечно казнюсь я с тех пор, жестоким сражен приговором.

Другой вид такой любви противоположен той, о которой будет речь в главе, которая пойдет после этой главы, если захочет Аллах, и состоит он в том, что человек влюбляется с первого взгляда в девушку, известную ему по имени, жилище и происхождение которой он знает. Отличие здесь в быстром или медленном наступлении развязки. Если кто полюбил с первого взгляда и быстро привязался после беглого взора,— это указывает на малую стойкость сердца, говорит о быстром утешении и свидетельствует о непостоянстве и пресыщении. Так бывает всегда в тех случаях, когда чувство скоро возникает, скоро и кончается, а то, что медленно возникает, то и медленней исчезает.

Рассказ

Я хорошо знаю юношу из сыновей писцов, которого увидела женщина из благородной семьи, высокого положения, скрытая за плотной завесой. Он проходил, и она заметила его и привязалась к нему, и он привязался к ней. И они долго одаривали друг друга посланиями, держась на острие более тонком, чем лезвие меча, и если бы я не отказался от намерения раскрывать в этом своем послании хитрости и говорить о кознях, я бы рассказал достоверные вещи, которые смущают смышленого и ошеломляют разумного. Да опустит Аллах, по своей милости, покров свой на нас и на всех мусульман и да избавит он нас от зла!

ГЛАВА О ТЕХ, ЧТО ВЛЮБЛЯЮТСЯ ЛИШЬ ПОСЛЕ ДОЛГОГО СРОКА

Среди людей есть и такие, чья любовь становится настоящей только после долгих шептаний, и частых свиданий, и продолжительной дружбы. Вот что скорее всего продлится и укрепится, и не оставит на этом следов бег ночей,— что вошло с трудом, нелегко и выходит. Таков и мой обычай, и в предании дошло, что Аллах, великий и славный, сказал душе, когда он велел ей войти в тело Адама — а оно было глиняное,— и душа устрашилась и испугалась: «Входи поневоле и выходи поневоле». То было рассказано нам нашими наставниками.

Я видел людей с подобным свойством, которые, почувствовав в душе своей начало любви и распознав в себе склонность к кому-нибудь, прибегали к разлуке и прекращали посещения, чтобы не увеличилось в них то, что они испытывают, но не в состоянии они были справиться со своими чувствами и не в силах были противостоять им, и становилась смерть, как говорится в поговорке, между ослом и его желанием прыгнуть на ослицу.

Это указывает на то, что любовь крепко пристает к сердцу людей, отличающихся таким качеством, и если она овладеет ими, то никогда уже не уйдет. Об этом я скажу отрывок, где есть такие стихи:

Велит уходить прямота, не то мне любовь преподаст,
Как многим другим до меня, свои роковые уроки.

Сначала в роскошном саду тебя привлекают цветы,
А в спелых тяжелых плодах играют сладчайшие соки,

Которыми ты опьянен, пока не заметишь в тоске,
Что ты оказался в цепях, а цепи такие жестоки;

Как будто в засушливый зной ты был мелководьем прельщен
И тут же вблизи берегов тебя поглотили потоки.

И поистине, долго дивлюсь я всякому, кто утверждает, что влюбляется от первого взгляда, и едва ему верю. Я счи-

таю такую любовь лишь видом страсти, а чтобы она овладела в мыслях моих глубиной души и проникла за преграды сердца, то я не верю этому. Любовь никогда не прилеплялась к моему сердцу, иначе как через долгое время после того, как человек не покидал меня целую вечность, и я брался с ним за все важное и не важное. Таков я и в забвении и в тоске: я никогда не забывал дружбы, и моя тоска обо всем, что знал я прежде, поистине заставляет меня давиться водой и задыхаться, глотая пищу. Спокоен тот, у кого нет этого свойства!

Я ни от чего не чувствовал пресыщения, после того как узнавал что-нибудь, никогда не спешил ни с кем сдружиться при первой же встрече и не желал перемены в чем-нибудь из своих пожитков,— ибо я говорю не об одних друзьях и братьях, но обо всем том, чем пользуется человек из одежды, верховых животных, кушаний и прочего.

Я не наслаждался жизнью, и не покидала меня молчаливость и замкнутость с тех пор, как отведал я вкус разлуки с любимыми, и поистине, эта печаль постоянно ко мне возвращается и горесть забот непрестанно меня посещает. Воспоминание о том, что прошло, всегда делало мою жизнь горькой, когда начинал я ее сызнова, и поистине, я — убитый заботами в числе живых и погребенный печалью среди жителей мира. Аллаха же хвалим при всяком положении, нет бога, кроме него!

Обо всем этом я скажу стихотворение, где есть такие строки:

Не вдруг возникает любовь, которая длится весь век;
Не сразу великий огонь от этого вспыхнет огнива.

Приходит любовь не спеша; тем крепче твердыня любви,
Надежна в устоях своих, к любым переменам ревнива.

Нельзя преуменьшить любви; не сдвинуть ее, не столкнуть;
Недвижная — только растет, незыблемая — терпелива.

Поспешно травинка взошла, но быстро погибнет она,
В безвременном росте своем, болезненная, тороплива.

А я плодородная новь, которую трудно вспахать,
Однако большой урожай приносит подобная нива.

Враждебная лишь сорнякам, лелеет она семена;
Довольствуясь мелким дождем, не требует почва полива.

Но пусть не подумает думающий и не вообразит воображающий, будто все это противоречит моим словам, начер-

танным в начале послания, что любовь — связь между душами в их основном, вышнем, мире,— напротив, это подкрепляет их. Мы знаем, что душу в этом, нижайшем, мире окутывают завесы и постигают случайности, и окружают ее свойства земных сфер, которые скрывают многие ее качества, и хотя не изменяют их, но становятся перед ними. А на соединение можно действительно надеяться лишь тогда, когда душа к нему расположена и подготовлена, и после того как дошло до нее знание о том, что с нею сходно и согласно, и скрытые свойства души были противопоставлены сходным с ним свойствам любимой. Тогда душа соединяется подлинным соединением, без препятствия.

Что же до того, что возникает с самого начала из-за каких-нибудь явлений телесного предпочтения и одобрения взором, который не переходит за пределы красок, то в этом тайна страсти и ее истинный смысл. Когда же страсть увеличивается и минует этот предел, и совпадает с усилением ее сближение душ, в котором равно участвуют и душа, и природные свойства,— тогда она и называется любовью.

Отсюда и ошибается тот, кто утверждает, что он любит двоих и влюблен в двух разных людей. Это является лишь признаком страсти, о которой мы только что упоминали, и она называется любовью в переносном смысле, а не в подлинном. Что же касается души любящего, то он в избытке может обратить силы свои и на дела веры, и на земную жизнь,— ничем не противореча своей любовью к другой... Об этом я говорю:

Обманщик сказал, что любовь двоится по воле судьбы;
Так Мани солгал, говоря, что две у Вселенной основы.

Второй не бывает любви, и так же, как сердце одно,
В своем совершенстве любовь едина, хоть множатся ковы.

Как в мудрости вечной своей един всемогущий Творец,
Чья действенная благодать видна сквозь любые покровы,

Так в сердце, едином навек, не ведающем дележа,
Одна торжествует любовь, уставы которой суровы.

Незыблем всемирный закон в бессрочной своей правоте;
На этот закон посягать решаются лишь суесловы.

Иной в двоеверье своем подобен лукавым рабам,
Которые двум божествам служить и молиться готовы.

ГЛАВА О ТЕХ, КТО ПОЛЮБИЛ КАКОЕ-НИБУДЬ КАЧЕСТВО И СВОЙСТВО ЧЕЛОВЕКА И НЕ ЛЮБИТ ПОСЛЕ ТОГО ДРУГИХ СВОЙСТВ, С НИМ НЕ СХОДНЫХ

Знай — да возвеличит тебя Аллах! — что любви присуща действительная власть над душами и решающая сила; повелению ее не перечат, запрета ее не ослушиваются и власти ее не преступают; покорность ей неотвратима, и проникновение ее неотразимо. Она расплетает плотно свитое, ослабляет крепкое, размягчает застывшее, колеблет устойчивое, поселяется в сердца и разрешает запретное. Я знал многих людей, которых нельзя заподозрить в отсутствии проницательности, и о них не скажешь, что недостаточны их знания и не умеют они выбирать, или ослабла их сметливость. Однако эти люди в описании влюбленных превозносили их некоторые качества и свойства, ибо эти особенности становились для тех, кто любил их, привычными и особенно дорогими, и они только их одобряли, не признавая ничего дурного. А потом эти люди разлучались, вследствие разлуки, или разрыва, или из-за какого-нибудь другого явления в любви, однако не покидало их одобрение тех качеств и не оставляло их предпочтение подобных свойств другим, более достойным, среди творений, и не питали они склонности к иному,— напротив, качества и свойства, одобряемые людьми, становились для них неприятными и казались им низкими, пока не покидали они здешнего мира, и кончалась их жизнь в тоске по тем, кого они потеряли, по той, с кем были они вместе. И не говорю я, что это было с их стороны притворным,— наоборот, это случается по истинному природному свойству и выбору, в котором нет ничего привходящего. Они не видят ничего другого и не помышляют ни о чем ином.

Я хорошо знаю людей, у чьих возлюбленных была несколько короткая шея, и после этого им не нравились женщины с длинными шеями. Знаю я и человека, который впервые испытал привязанность к девушке, рост которой

немного мал,— он не полюбил ни одной высокой после этого. Я знаю также человека, полюбившего девушку, рот которой был чересчур широк,— ему были противны все, у кого маленькие рты, и он порицал их и испытывал к ним истинное отвращение.

И я говорю не о тех, у кого недостаточны знания и образование, а именно о людях, изобильнейше наделенных способностью познавать и наиболее достойных именоваться понятливыми и знающими. А про себя я расскажу тебе, что я полюбил в юности одну свою невольницу — рыжеволосую, и мне не нравилась после этого ни одна женщина с черными волосами, пусть были они подобны солнцу или изображению самой красоты. Я ощущаю это с тех пор, и в этом основа моей натуры, и душа моя не соглашается на другое, и сердце мое не в состоянии любить иных.

То же самое произошло с моим отцом — да будет доволен им Аллах! — и так было с ним до тех пор, пока не пришел к нему его срок.

Что же касается многих халифов из сыновей Марвана — да помилует их Аллах! — и в особенности потомков ан-Насира среди них, то они все созданы с предпочтением рыжего цвета, и ни один из них не расходится в этом с прочими. Мы их видели и видели тех, кто их видел, со времени правления ан-Насира и до сей поры, и все они русые, по сходству с их матерями, так что это стало природным качеством у них всех, кроме Сулаймана аз-Зафира,— да помилует его Аллах! — я видел, что у него черные волосы и борода. Что же касается ан-Насира и аль-Хакама аль-Мустансира — да будет доволен ими Аллах! — то рассказывал мне вазир, отец мой,— да помилует его Аллах! — и другие, что оба они были русые, сероглазые, так же как и Хишам аль-Муайяд и Мухаммад аль-Махди и Абд ар-Рахман аль-Муртада — да помилует их Аллах! — я видел их неоднократно, и входил к ним, и видел, что они русые, сероглазые, так же как их дети, и братья, и все их близкие. И не знаю я — по предпочтению ли это, вложенному в них всех природой, или так происходит по обычаю, который был у их предков, и они ему следуют. Рыжий цвет ясно виден в волосах Абд аль-Малика ибн Марвана, внука Абд ар-Рахмана, правнука Марвана, сына повелителя правоверных ан-Насира (это тот, которого называют «отпущенным»). Он был лучший поэт из обитателей Андалусии во времена потомков Марвана и чаще всего воспевал рыжеволосых. Я его знал и сиживал с ним рядом.

И дивиться следует не тому, что кто-то полюбит безобразную, а потом такую любовь не испытает он в отношении других,— так бывало! — и не тому, кому свойственно, с тех пор как он существует, предпочитать наиболее низкое, но тому, кто взирал взором истины, и потом одолела его случайная любовь, после того как он долго пребывал в согласии с общим мнением, и изменила она то, что душа его знала прежде, и сделалась эта перемена его природным свойством, а первоначальное свойство исчезло. И он знал преимущество того, чего придерживался раньше, но, обратившись к своей душе, находил, что она отвергает все, кроме самого низкого. Дивись же этому могучему одолению и великой власти, которую имеет любовь!

И такой человек — действительно самый правдивый в любви, а не тот, кто украшается свойствами людей, к которым не принадлежит, и приписывает себе склонность, с ним несогласную. Он говорит, что выбирает, кого любить, но если бы отвлекла любовь его зоркость, и похитила его мысль, и унесла его проницательность,— поистине стала бы она преградой между ним, и выбором, и желанием. Я говорю об этом в стихотворении, где есть такие строки:

Некий юноша влюбился в девушку с короткой шеей
И увидел в длинных шеях признак джиннов беспощадных.

Обосновывал свой выбор он весьма красноречиво,
Напрямик, без недомолвок и без промахов досадных:

Разве сернам грациозным при таких коротких шеях,
Обаятельным и стройным на своих копытцах ладных,

Только ради шей длиннющих, но не слишком-то красивых,
Предпочтете дромадеров, непростительно громадных?

В большеротую влюбившись, говорил другой частенько:
Большеротые газели лучше прочих травоядных.

В малорослую влюбившись, уверяет нас влюбленный:
В долговязых великаншах вижу гулей кровожадных.

И еще я говорю:

Волосы рыжего цвета тщетно порочит навет;
Я все равно прославляю этот пленительный цвет.

Солнце такого же цвета, золото солнцу сродни;
Солнечный луч воспевая, свой выполняю обет.

Кто порицает нарциссы в благоуханном саду,
Где по ночам золотится звездный чарующий свет?

Пеплу и праху привержен разуму наперекор
Тот, кто прельщается черным, вечный нарушив запрет.

Угля чернее нечистый, и в преисподней черно;
Горестями омраченный, в черное скорбный одет.

Черное знамя взметнулось, и убедилась душа:
На перепутиях мира правды спасительной нет.

ГЛАВА О НАМЕКЕ СЛОВОМ

Для всего, к чему стремятся люди, необходимо должно быть начало и способ, чтобы достигнуть этого,— един в создании без всякого посредства только изначальный мудрец,— да возвысится хвала ему! — и первое, чем пользуются ищущие единения и любви, чтобы открыть то, что они чувствуют, своим возлюбленным,— намек словом. Они либо произносят стихотворение, либо говорят поговорку или стих со скрытым смыслом, либо задают загадку, либо домогаются разговора, и люди различаются в этом по мере их разумения и сообразно тому, что они видят от своих возлюбленных,— неприязнь, ласку, понятливость или тупость. Я хорошо знаю людей, которые впервые обнаружили свою любовь к той, кого они полюбили, стихами, сказанными мной; с этого или с подобного этому начинает ищущий любви, и если видит он ласку и облегчение, то прибавляет еще; когда же заметит он что-либо подобное, произнося стихи, упомянутые нами, или рассказывая что-нибудь из того, что мы определили, то ожидание ответа — либо словом, либо по выражению лица или по поведению — ужасное состояние между надеждой и отчаянием; если это и краткий миг, это все же приближение к тому, что надежда осуществится, а бывает иногда, что надежду теряют полностью.

Но бывает, когда к намеку словом прибегают уже после сговора, когда известно, что любимая любит. Тогда случает-

ся и сетовать, и заключать условия, и укорять, и укреплять любовь намеком или словами, в которых виден слышащему иной смысл, чем тот, что придают ему влюбленные. И отвечает слышащий на них ответом, который приводит к цели не словами, а тем, что достигает слуха собеседника и спешит к его воображению,— и вот каждый из говорящих понял другого и ответил ему так, что не понял их никто, кроме тех, кому содействует проникающее чувство, помогает проницательность и оказывает помощь опыт, в особенности если он уловил какие-нибудь мысли влюбленных,— а они редко остаются скрытыми от умеющего хорошо распознавать. Тут уж не скроется от него то, чего любящие желают.

Я знаю юношу и девушку, которые любили друг друга. И пожелал он от нее, при одном из сближений, чего-то нехорошего, и сказала она: «Клянусь Аллахом, я пожалуюсь на тебя при людях, открыто, и опозорю тебя скрытым позором!» И, когда прошло несколько дней, явилась эта девушка на собрание к одному из царских вельмож и столпов правления и знатнейших мужей халифата, и были там многие женщины и евнухи, чьей власти и чьего мнения надлежало бояться. А среди присутствующих находился и тот юноша, так как он был связан свойством с вельможей. В собрании были и другие певицы, кроме той девушки, и, когда дошел черед ей петь, она настроила свою лютню и начала песню такими древними стихами:

Похожая на луну, газель вожделенная,
Как солнце за облаком, краса драгоценная.

Он сердце мне покорил печальными взорами,
А сам он хорош собой, он ветвь несравненная.

Ему покорилась я, любовью охвачена;
Ему я принадлежу, рабыня смиренная.

Однако, играя мной, не требуй запретного;
Меня не растаптывай, хоть я твоя пленная.

И я узнал об этом деле и сказал:

Казалось бы, правота ее несомненная,
Как будто бы на суде свидетель — Вселенная,

Но кто суду подтвердит подобную жалобу,
Когда видна лишь двоим вина сокровенная?

ГЛАВА О ПОВЕЛЕНИИ ВЗГЛЯДОМ

Потом, когда наступает согласие и единомыслие между влюбленными и нет надобности в намеке словами, главным становится повеление взглядом. Поистине, оно производит действие удивительное! Им разрывают и соединяют, и угрожают и устрашают, и отгоняют и радуют, и приказывают и запрещают; взглядом и унижают низких и предупреждают о соглядатае, им смешат и печалят, и спрашивают и отвечают, и отказывают и дают. Для всякой из этих разновидностей есть особое выражение взгляда, но установить и определить его можно, только увидев, и нельзя изобразить и описать эти взгляды, за исключением немногих. Я опишу небольшую часть этих разновидностей: строгий взгляд означает запрещение чего-нибудь; опущенные веки — знак согласия; долгий взгляд указывает на печаль и огорчение; взгляд вниз — признак радости; поднятие зрачков к верхнему веку означает угрозу; поворот зрачков в какую-нибудь сторону и затем быстрое движение ими назад предупреждает о том, про кого упоминали; незаметный знак быстрым взглядом — просьба; сердитый взгляд свидетельствует об отказе; хмурый и пронзительный взгляд указывает на запрет вообще. Остальное же можно постигнуть, только увидев.

Знай, что глаза заменяют посланца и постигают ими желаемое. Четыре чувства — ворота в сердце и проходы в душу, и охватывают они наибольшее пространство. Глаза — верный разведчик души и ее проводник, ведущий на прямой путь, и блестящее ее зеркало, которым воспринимает она сущность вещей, улавливает свойства и познает ощущения. Сказано ведь: передающий — не тот, кто только зрит,— об этом сказал Ифлимун, составитель «Чтения по лицам», и стало это опорой в его суждениях.

Достаточно видна тебе сила ощущения глаз, потому что, если лучи и встретят другие лучи, ясные и чистые, исходящие либо от начищенного железа, либо от стекла,

или воды, или каких-нибудь блестящих камней, или других тел, гладких и сверкающих, имеющих блеск, яркость и сияние и примыкающих отдаленной своей стороной к телу, непрозрачному, скрывающему и не пропускающему свет и мутному,— они отражаются, и смотрящий видит и постигает себя воочию. Это самое видишь ты в зеркале; и подобен ты смотрящему на себя глазами другого.

Вот очевидное доказательство этого. Ты берешь два больших зеркала и держишь одно из них в правой руке, позади головы, а второе — в левой руке, напротив твоего лица; затем ты поворачиваешь их немного, пока они не встретятся и не окажутся одно против другого, и тогда ты видишь свой затылок и все, что сзади тебя. Это происходит потому, что луч глаза отбрасывается в зеркале, которое сзади тебя, так как он не находит прохода в зеркале, находящемся перед тобой; когда же не найдет луч прохода и в этом втором зеркале, он возвращается к тому телу, которое напротив него. И если Салих, ученик Абу Исхака ан-Наззама, и оспаривал способность глаз к восприятию, то это слова ошибочные, и никто в этом с ним не согласится, даже если бы не было у глаз иного преимущества, кроме того, что их сущность — самая возвышенная из сущностей и выше их всех по месту, ибо она состоит из света. Не воспринимают красок ничем, кроме как глазами, и ничто не бьет так далеко и не достигает столь отдаленной цели, как глаза, ибо они воспринимают тела звезд на отдаленных небосводах, и они видят небо, хотя оно очень высоко и далеко. И все это лишь потому, что глаза по природе своей близки к зеркалу, и они достигают неба по своему превосходству, а не потому, что пересекают пространства, останавливаются в местностях и перемещаются посредством движений. Этого нет ни у одного из чувств: вкусом и осязанием, например, воспринимают лишь то, что находится тут же, а слух и обоняние улавливают то, что к ним близко. Доказательство же превосходства, о котором мы упоминали, в том, что ты видишь кричащего, прежде чем слышишь голос, хотя бы старался ты воспринять то и другое вместе. А если бы восприятие обоими чувствами было одинаковым, глаза, наверно, не опередили бы слуха.

ГЛАВА ОБ ОБМЕНЕ ПОСЛАНИЯМИ

Потом, когда влюбленные сблизятся, следует пересылка друг другу писем. Письма совершают чудеса, и я видел, что люди, занятые этим, спешат порвать письмо, смыть написанное в воде и уничтожить всякий след. Немало позора бывало по причине письма, и я говорю об этом:

В клочки разорвешь письмо, и жизнь тебе не мила;
Не стоит жалеть письма́, была бы любовь цела.

Чернилам лучше пропасть, любовь дороже чернил;
Благоуханная ветвь без корня бы не цвела.

Тебе же погибелью порою грозит письмо,
Которое ты писал, не чая при этом зла.

И подобает, чтобы было письмо изящно написано и содержание его — прекраснейшим. Клянусь жизнью, письма поистине заменяют язык в некоторые минуты, если затрудняется человек в выражении своих чувств, или смущается, или устрашен чем-либо. Да и поистине, прибытие письма к любимой и сознание любящего, что оно попало к ней в руки и она его увидела, дает дивное наслаждение, испытываемое любящим, и заступает оно место свидания. Получить ответ и смотреть на него — радость, равная встрече, и поэтому видишь ты, что влюбленный прикладывает письмо к глазам и сердцу и прижимает его к груди. Я помню одного влюбленного, из тех, кто знает, что сказать, и умеет описывать и отлично выражает языком то, что у него в душе, и хорошо рассуждает и проникает в тонкости вещей,— и он не оставлял обмена посланиями, хотя сближение было для него возможно, и дом его был близок к любимой, и недалеко было место встречи.

Что же касается тех, кто пишет письма, смешивая чернила со слезами любви, то я знал человека, который это делал, а его возлюбленная платила ему тем, что прикладывала к влажным губам написанное письмо, смывая чернила. Об этом я говорю:

Ответ на письмо усмирил тревогу былую мою,
Как будто спокойна душа, лишь сердце забилось тревожно.

С чернилами слезы смешав, тебе написал я письмо,
Как пишет влюбленный глупец, чье нежное чувство не ложно.

Зачем же вы, слезы мои, смывая строку за строкой,
Писанье мое невзначай попортили неосторожно?

И слезы способны подчас шутить над любовью моей:
Начало письма хорошо, конец прочитать невозможно.

Рассказ

Я видел письмо, которое написал любящий любимой,— он порезал ножом руку, и потекла кровь, и опускал он в нее перо и писал ею все письмо целиком. Я видел это письмо, когда оно высохло, и невозможно было усомниться, что писано оно лаковой краской.

ГЛАВА О ПОСРЕДНИКЕ

Бывает после этого в любви, когда установится доверие и совершенная склонность, что вводят в дело посредника. Его следует выбрать, и отыскать, и избрать, и выискать среди наилучших, ибо он — доказательство разума человека, и в его руке, после Аллаха великого, жизнь, и смерть влюбленного, и защита, и позор. И подобает, чтобы был посланец человеком достойным по положению, острый умом и степенный видом, в речи своей попадал бы в цель, за отсутствующего умело действовал бы от себя, не забывая о том, о чем забыл его пославший, сообщал бы тому, кто его отправил, обо всем, что увидит он, в точности, скрывал бы тайны, соблюдал бы условия, был бы верным, неприхотливым и искренним советчиком. А если кто отступил от этих качеств, то вред от него для пославшего соразмерен тому, насколько у него их не хватает. Об этом я скажу стихотворение, где есть такие строки:

Твердо заучи: твой посланник — меч;
Лезвие меча — пламенная речь.

Если меч тупой, он тебе вредит,
Так что своего счастья не сберечь.

И чаще всего обращаются любящие, выбирая посланца, к человеку безвестному, на которого не обратят внимания и не вздумают его остерегаться из-за его молодости, или потертой одежды, или неряшливого вида, либо к почтенному человеку, которого не коснутся подозрения из-за благочестия, проявленного им, или из-за далеких лет, им достигнутых. Чаще всего бывают такие между женщинами, в особенности среди тех, что с посохами и четками или одеты в две красные одежды; я хорошо помню, как женщины, сокрытые за завесой, остерегались в Кордове этих признаков, когда только их увидят. Посредничают и те, кто занят делом, которое приближает к людям: среди женщин — это лекарки, кровопускательницы, разносчицы, торговки, расчесывательницы волос, плакальщицы, певицы, ворожеи, учительницы, служанки, а также занимающиеся прядением и тканьем и тем, что с этим сходно, или же родственницы получателя послания, которых допускают к нему, не скупясь.

Сколько недоступного стало легким благодаря этим качествам, сколько трудного облегчилось, сколько далеких приблизилось и своенравных стало благосклонными, и сколько бедствий поразило охраняемые завесы, и плотные занавески, и оберегаемые комнаты, и спальни, окруженные стражами, благодаря обладателям таких признаков! Если бы не желание предупредить о них, я бы их и не вспомнил, но я сделал это потому, что прекратилось за ними наблюдение и никому нельзя доверять. Счастлив тот, кто наставляется благодаря другому, ему противоположному! Да опустит Аллах на нас и на всех мусульман свой покров, и да не снимет он со всех нас сени здоровья!

Я знаю людей, между которыми был посланцем обученный голубь, и письмо привязывали к его крылу. Я скажу об этом отрывок, где есть такие стихи:

Многомудрый Нух когда-то в голубе не обманулся,
И к нему гонец крылатый с вестью доброю вернулся.

И теперь мои посланья птичьим крыльям я вверяю,
Потому что мне в разлуке голубь тоже приглянулся.

ГЛАВА О СОКРЫТИИ ТАЙНЫ

Одно из свойств любви — сокрытие ее тайн и отрицание любящего, если его спросят. И старается он выказать стойкость и хочет, чтобы казалось, что он не занят женщинами и свободен, но это тонкая тайна, и огонь любви, пылающий меж его ребрами, непременно проявится в поведении его и в глазах — любовь всепроникающая, как огонь в угольках или вода в сухой глине. И сначала можно провести того, кто не обладает тонким чувством, но, когда любовь полностью овладеет человеком, это скрыть невозможно.

Нередко бывает причиной сокрытия любви и то, что любящий остерегается отметить себя этим клеймом в глазах людей, ибо считает это чувство чертой людей суетных, и сам он бежит от этого и держится в стороне. Но это не способ к исправлению себя. Достаточно мужу, предавшемуся Аллаху, воздерживаться от поступков, запрещенных Аллахом, великим и славным, которые совершает он по своей воле и за которые с ним будет сведен счет в день воскресения. Что же касается до одобрения красоты и подчинения власти любви, то это природное качество, не предписанное и не запрещенное, ибо сердца — в руках владеющего ими, и для них обязательно лишь знание и способность видеть разницу между ошибочным и правильным, и чтобы был человек убежден в истине с полной несомненностью. Любовь — свойство природы, а человеку дано лишь право владеть собою и повелевать членами своего тела.

Я говорю об этом:

Пусть гневается на тебя не знающий любви мыслитель,
Равны перед лицом любви безмолвствующий и хулитель.

Пусть говорят, что ты грешишь и самого себя бесчестишь,
Хоть в прошлом был благочестив закона доблестный блюститель.

Я говорю, что мне претит в личине ханжеской притворство
И лицемер по существу не кто иной, как совратитель.

Мне говорят, что Мухаммад любовь земную запрещает,
Но где об этом прочитать, о незадачливый учитель?

Когда настанет Судный день и в ужасе я побледнею,
Хоть я не вор, не блудодей, не лиходей и не грабитель,

Спасут ли речи о любви, спасет ли робкое молчанье
Того, над кем свой приговор выносит грозный Вседержитель?

Того, кто предпочел молчать и не грешил по доброй воле,
За скрытность разве проклянет неумолимый обличитель?

Рассказ

Я знаю человека, которого настигла любовь и поселилась страсть между ребрами его. И стремился он отрицать это, пока не стала эта страсть столь великой, что узнавали об этом по чертам его и тот, кто желал узнать, и тот, кто не желал. И того, кто намекал ему, этот человек бранил и поносил так, что наконец друзья его, желавшие его расположения, стали ему внушать, что верят его отрицаниям и считают лжецами всех тех, кто думает иное, и влюбленный радовался этому. И, помню я, сидел он однажды, и с ним был один из намекавших ему на то, что происходит у него в душе, а влюбленный ни в чем не сознавался и все отрицал сильнейшим отрицанием. И вдруг прошла мимо них та, в привязанности к кому его подозревали, и едва только он увидел свою возлюбленную, так задрожал, и изменился его первоначальный облик, и пожелтел цвет его лица, и мысли его речей стали запутанными, хотя раньше он говорил стройно, и собеседник его оборвал свою речь. А потом, когда о случившемся снова зашла речь, влюбленному сказали: «А он ведь остался при своем мнении, и ты не переубедил его».— «Это вам так кажется,— ответил влюбленный.— Пусть простит тот, кто простит, и бранит тот, кто бранит!»

Я скажу об этом стихотворение, где есть такие строки:

Слепая страсть влюбленному вредит;
Так жалок он, что смерть его щадит.

Я говорю еще:

Слез не скрыть, увы, завесы напрасны!
День и ночь одна у меня забота.

Милая проходит, и сердце бьется —
Куропатка, пойманная в тенета.

Говорю моим друзьям: «Помогите!
С толку вам сбивать меня нет расчета.

Как мне скрыть любовь, если в краткой жизни
Избежать нельзя подобного гнета?»

Но случается это только тогда, когда свойство скрывать тайну и охранять себя восстает против природы влюбленного и одолевает ее, и пребывает тогда скрывающий в замешательстве между двух обжигающих огней.

Нередко бывает причиной сокрытия тайны и то, что любящий жалеет любимую, и поистине, это одно из доказательств верности и благородства натуры. Об этом я говорю:

Наблюдая, как я прохожу, смиренный,
Встречный думает: кем же пленился пленный?

Догадается, всмотрится, усомнится
И задумается человек степенный.

Начертанье таинственное мы видим,
Но неведом нам дух его сокровенный.

Слышим, как среди веток воркует голубь,
Как он стонет и как поет он, блаженный.

Но, хотя, сладкогласный, нас всех чарует,
Непонятен его напев совершенный.

Говорят: «Почему ты не спишь ночами?
Молви нам, как зовется твой клад бесценный?»

Не могу, потому что померкнет разум,
Разобьется в бурю светильник мой бренный.

Сомневается зоркий и прозорливый,
Но в самом сомнении смысл несомненный.

О сокрытии тайны я скажу отрывок, где есть такие стихи:

Мое сокровище — тайна, которая лучше клада;
Бессмертием награждает пленительная ограда.

Нельзя не убить мне тайны; живет она только в смерти,
Как тот, кто пленен любовью: тоска для него — отрада.

А нередко бывает причиной сокрытия то, что опасается любящий для себя дурного, если объявит он о своей тайне, из-за высокого сана любимой.

Рассказ

Один из поэтов сказал в Кордове стихотворение, в котором воспевал свою любовь к Субх, матери аль-Муайяда,— да помилует его Аллах! И пропела это стихотворение невольница, которую привели к аль-Мансуру Мухаммаду ибн Абу Амиру, чтобы он купил ее, и аль-Мансур приказал убить девушку.

Из-за подобного же произошло убиение Ахмада ибн Мугиса и истребление семьи Мугиса, и было постановлено, чтобы никого из них никогда не брали на службу, так что стало это причиною их гибели, и род их угас, и уцелел из них только гонимый беглец. И послужило поводом к этому то, что Ахмад ибн Мугис воспел свою любовь к одной из дочерей халифов.

Подобные рассказы многочисленны.

Рассказывают про аль-Хасана ибн Хани, что он был увлечен любовью к Мухаммаду ибн Харуну, прозванному «сын Зубейды», и тот почувствовал это и выбранил его за то, что он постоянно на него смотрит. И аль-Хасан, говорят, рассказывал, что он осмеливался долго смотреть на Мухаммада только тогда, когда того одолевало опьянение.

Нередко прибегают к сокрытию и для того, чтобы не отдалилась любимая и не была отдалена.

Я знаю человека, возлюбленная которого была ему подругой и проводила с ним время, но если бы открыл ей любящий малейшим поступком, что он ее любит, наверное, стала бы возлюбленная так же далека от него, как Плеяды — а звезды их высоко,— и такое сокрытие — способ умелого поведения. И достигала непринужденность упомянутого человека при его возлюбленной высших пределов и отдаленнейших границ, но едва лишь открыл он ей то, что испытывал, как стало для него недостижимо малое и ничтожное, и появилось высокомерие и надменность любви, и отказывалось доверие овладеть душой. И исчезла непринужденность, и началась неестественность и ложные обвинения, и был любящий братом, а стал рабом, и был он равным, а сделался пленником. Но если бы открыл он любовь несколько более, так что узнали бы близкие любимой,—

право, не увидел бы он ее иначе, как во сне, и оборвалось бы малое и великое, и обратилось бы это ему во вред.

Однако нередко бывает причиной сокрытия стыд, одолевающий человека, а иногда причина его в том, что любящий видит, что отвернулась от него возлюбленная и отошла, а душа его не терпит унижения, и скрывает он поэтому то, что чувствует, чтобы не обрадовать врагов и не показать им этого. Но кто действительно любит, для того ничтожно все это!

ГЛАВА О РАЗГЛАШЕНИИ

Случается при любви и разглашение, и порицаемо оно среди явлений, из-за нее возникающих. Разглашению есть много причин, и одна из них та, что совершающий такой поступок хочет нарядиться в наряд влюбленных и войти в их число. Это недопустимый обман, ненавистная наглость и притязание в любви легковесное!

Нередко бывает причиной разглашения и то, что любовь берет верх, и стремление объявить о ней внезапно превозмогает стыд, и не может тогда человек ничем отклонить и отвратить свою душу. Это один из отдаленнейших пределов любви, и проявление ее сильнейшей власти над разумом, и прекрасное предстает тогда в виде безобразного, и безобразное в облике прекрасного, и кажется тут добро злом, а зло добром. Со скольких людей, охраняемых завесой, закрытых покровом и защищенных покрывалом, любовь подняла покров и сделала доступным заповедное, заставив их пренебречь неприкосновенным, и стал такой человек, прежде скромный, заметен, как знамя, и сделался, после спокойствия, притчей! И любезнее всех вещей для него — выдать то, о чем, наверное, не дал бы ему сказать горячечный озноб, если бы представилось это ему раньше, и долго взывал бы он к Аллаху, ища защиты от этого. И ровным становится тогда то, что было крутым, и ничтожным то, что было дорогим, и легким то, что было трудным!

Я хорошо знаю юношу из мужей благородных и знатных моих друзей, которого поразила любовь к одной девушке-затворнице. И потерял он из-за нее разум, и любовь

к ней оторвала его от многих полезных дел, и стали ясны признаки его страсти всякому, кто обладает зрением, так что даже сама девушка упрекала его за то, что по нему видно, к чему ведет страсть.

Рассказ

Рассказывал мне Муса ибн Асим ибн Амр и говорил он: «Я находился перед лицом Абу-ль-Фатха, отца моего,— да помилует его Аллах! — а он приказал мне написать письмо,— и вдруг заметил глаз мой девушку, которой я увлекся. И не совладал я тогда со своей душой и, кинув письмо из рук, поспешил к этой девушке, и отец мой был поражен и подумал, что со мной случился припадок безумия. Но потом разум возвратился ко мне, и я обтер себе лицо и вернулся, оправдываясь тем, что меня одолело кровотечение из носа».

Знай, что подобные поступки побуждают любимую отдалиться и являют они дурную предусмотрительность и неумение себя вести. Нет вещи среди вещей, при обращении с которой не существовало бы обычая и способа, и если преступит его стремящийся или будет неловок, следуя ему, его действия обратятся против него, и окажется труд его мучением, и усилия его — прахом, и старания его — излишними. И чем больше будет такой человек уклоняться от правильного пути и дальше удаляться от него в сторону, идя не по той дороге, тем отдаленнее будет он от достижения желаемого. Об этом я скажу отрывок, где есть такие стихи:

Успеху насмешка вредит; великого не позабыв,
Не брезговать малым в делах — похвальное обыкновенье.

Когда пережить надлежит превратности строгой судьбы,
Которой от века под стать лишь благоразумное рвенье,

От малого малым лечись, большое большим исцеляй,
И каждый поймет, что тебе сопутствует благословенье.

Ты видишь, как робко дрожит огонь, загоревшись едва;
Способно его погасить нечаянное дуновенье.

Когда разгорится огонь, подув, ты раздуешь его,
И примется пламень пылать все яростней, что ни мгновенье.

Рассказ

Мне знаком среди обитателей Кордовы один человек из сыновей писцов и знатных приближенных, имя которому Ахмад ибн Фатх. Я знал, что он очень дорожит своей честью, и относится к жаждущим знания и ищущим образования, и превосходит своих друзей скромностью и смирением. Он появлялся только в кружке достойных и был видим лишь в собрании одобряемом; его обычаи были похвальны, и путь его прекрасен; он уводил от людей свою душу и уходил от них ради нее.

А потом судьбы отдалили мой дом от его дома, и первая новость, застигшая меня после того, как я вступил в Шатибу, была о том, что он сбросил с себя узду в любви к одному юноше из сыновей мастеров золотых дел, которого звали Ибрахим ибн Ахмад. А я знал, что его качества не заслуживают любви того, в чьей семье благо и знатность, и значительные богатства, и наследственное изобилие, и сделалось для меня достоверно, что Ахмад ибн Фатх обнажил голову, и показал лицо, и сбросил повод, и открыл свои черты, и засучил рукава, и направился в сторону страсти. И стал он предметом рассказа сказочников, и сообщали друг другу о нем вестовщики, и передавали молву о нем по странам, и потекла повесть его по земле, неся с собой удивление, и не достиг Ахмад этим ничего, кроме снятия покрова, и разглашения тайны, и распространения дурной молвы. И начались о нем рассказы, и любимый бежал от него совсем и совершенно запретил ему свидания. А Ахмаду не было нужды разглашать, и он был весьма далек от этого и достаточно отдален, и если бы утаил он свою сокрытую тайну и не обнаружил бы смятения своей души, всегда был бы он одет в одежды благополучия и не износил бы облачения скромности. Встречаясь с тем, из-за кого он страдал, беседуя с ним и проводя с ним время, имел бы он надежду и достаточное развлечение, и поистине, веревка оправдания оборвана им же самим, и доказательство против него стоит крепко, если только не расстроилась его проницательность и не был поражен его разум тем великим, что его сокрушило. Нередко это ведет к действительному оправданию; но если сохранился остаток рассудка и держится стойкость,— тогда он не прав, посягая на то, к чему любимый, как знает он, чувствует отвращение и чем тяготится. Не таковы свойства людей

любви, и это встретится и будет разъяснено в главе о покорности, если захочет Аллах великий.

А есть и третий вид причин разглашения — и это, по мнению людей разума, вид презренный и поступок низкий. И заключается он в том, что любящий видит со стороны любимой ревность, пресыщение или отвращение и не находит иного пути к мести, кроме открытия и разглашения любви, вред от которого обратится скорее против него самого, чем против той, кому он хотел навредить. Это величайший позор и наихудший стыд, и сильнейшее свидетельство отсутствия разума и наличия малоумия.

Нередко разглашение случается из-за разговоров и разнесшихся сплетен, когда совпадают они с пренебрежением к этому любящего, который согласен, чтобы его тайна объявилась,— либо из самодовольства, либо потому, что он отчасти достиг желаемого. Я видел такой поступок со стороны одного моего друга из сыновей военачальников.

Я читал в каких-то рассказах про кочевых арабов, что их женщины не удовлетворяются и не верят страсти любящего, пока не разгласит он и не откроет своей любви к ним и не объявит о ней во весь голос. Я не знаю, что это означает, раз о них говорят, что они целомудренны. Какое же целомудрие у женщины, когда предел ее мечты и радости — стать знаменитою в этом смысле?

ГЛАВА О ПОКОРНОСТИ

Одно из удивительных явлений, случающихся при любви,— покорность любящего любимой, когда он изменяет свой нрав и привычки, данные ему от природы, приноравливаясь к свойствам того, кого полюбил. И видишь ты, что человек суров нравом, тугоузд, норовист, обладает решимостью, пылок в гордости, не терпит несправедливости, но едва только почувствует он веянье любви, и кинется в ее пучины, и поплывет в ее море, как суровость обращается в мягкость, тяжелое становится легким, острое тупым, и непокорность сменяется послушанием. Об этом я скажу отрывок, где есть такие стихи:

Как близости былой не проявиться?
Игре судьбы нельзя не подивиться,

Когда мечом тростинка помыкает,
А пленная газель царит, как львица.

Я скажу еще стихотворение, где есть такие строки:

Если ты приходишь в ярость, безнадежно пропадаю,
Словно мелкая монета, я — несчастный непоседа,

Но при этом наслаждаюсь беспощадною любовью;
Для влюбленного безумца лишь в погибели победа.

Если бы узрели персы вдалеке твой лик прекрасный,
Чтить они бы перестали Хурмузана и мобеда.

А иногда любимая не терпит выражения жалобы и тяготится, слыша о любовной тоске, и видишь ты тогда, что любящий скрывает свою печаль и сдерживает грусть, храня свой недуг про себя.

Влюбленный поистине клеветник, и, когда упрекают его, начинаются извинения за любой грех и признания в преступлениях, в коих он и неповинен, но соглашается со словами возлюбленной и отказывается ей перечить.

Я хорошо знаю человека, которому на беду была послана такая возлюбленная, и она не переставала приписывать ему провинности, хотя за ним не было вины, и обрушивать на него упреки и гнев, хотя кожа его была чиста от греха.

Я скажу стихотворение к одному моему другу,— хотя в нем говорится не совсем о том, о чем мы с вами ведем сейчас разговор:

Остаться мне или бежать? Меня красота поманила,
Но как бы гордыня твоя сияния не затемнила!

Я снес бы укоры твои безропотно и терпеливо,
Когда бы печальных седин порою хула не чернила.

Раздумывает человек о том, что зовется прекрасным,
И пятнами не запятнать блистательнейшего светила.

Веснушки не портят лица, от родинок милая краше,
Но если веснушек не счесть, лицу красота изменила.

Измученному помоги! Страдалец уже изнывает.
Ты видишь: бумага в слезах, заплакали даже чернила.

Но пусть не говорит говорящий, что терпение влюбленного, когда его унижает любимая,— низость души: он

ошибается. Мы знаем, что любимая не ровня любящему и не подобна ему, чтобы отплачивать за ее обиды; не относится ее брань и грубость к тому, за что хулят человека, и не остается память о них на долгие годы. Это ведь происходит не в приемных залах халифов и покоях предводителей, где терпеливость навлекла бы презренье, а кротость привела бы к унижению. Ты видишь, что человек увлекается своей рабыней, неволя которой в его власти, и никакое препятствие не мешает ему ее обидеть,— какая же может быть от нее защита?

Что же касается причин гнева из-за оскорбления, то они не таковы. Это бывает лишь между знатными мужами, каждый вздох которых считают и за смыслом речей которых следят, приписывая им отдаленные причины, так как вельможи не роняют слов впустую и не бросают их зря. А любимая — это молодой тростник и гибкая ветка, она проявляет суровость и прощает, когда захочет, а не по какой-нибудь причине. Об этом я говорю:

Даже самый горделивый унижался перед милой,
Неприступную твердыню завоевывая лестью.

По стопам аль-Мустансира я теперь иду, влюбленный;
Колкости моей любимой счесть готов я доброй вестью.

Женщина — тебе не ровня; унижаясь перед нею,
Не пожертвуешь при этом ты своей мужскою честью,

Если яблоко, сорвавшись, невзначай тебя ударит,
Пополам его разрезав, назовешь ли это местью?

Рассказывал мне Абу Дулаф, переписчик, со слов Масламы ибн Ахмада, философа, прозванного аль-Маджрити, что тот говорил в мечети, которая стоит в восточной стороне кладбища корейшитов в Кордове, напротив дома вазира Абу Омара Ахмада ибн Мухаммада ибн Худайра, да помилует его Аллах: «В этой мечети постоянно находился мукаддам Ибн аль-Асфар в дни своей юности, так как он был влюблен в Аджиба, молодого слугу упомянутого вазира Абу Омара. Ибн аль-Асфар покидал молитву в мечети Масрура, где было его жилище, и отправлялся ночью и днем в ту мечеть ради Аджиба, так что стража не раз забирала его по ночам, когда он уходил с последней вечерней молитвы. Он сидел и смотрел оттуда на Аджиба, пока юноша не начинал сердиться и досадовать, и, подойдя к Ибн аль-Асфару, он больно бил его и ударял

по щекам и по глазам, а Ибн аль-Асфар радовался и говорил: «В этом, клянусь Аллахом, отдаленнейшее мое желание, и теперь прохладились мои глаза!» — и, несмотря на побои, он долго за ним ухаживал».

Говорил Абу Дулаф: «И Маслама рассказывал нам эту историю не однажды в присутствии Аджиба, хотя он видел, каким мукаддам Ибн аль-Асфар пользуется уважением и как значителен его сан и благополучие. Ведь положение мукаддама Ибн аль-Асфара было очень высокое, и он был весьма отличен аль-Музаффаром ибн Абу Амиром и близок к его родительнице и семье. Его руками было построено немало мечетей и водохранилищ, и множество всяких благ пожертвовал он во славу Аллаха, занимаясь при этом всем тем, чем занимаются сподвижники султана в отношении забот о народе и других дел».

Рассказ

Вот нечто еще более отвратительное. У Саида ибн Мунзира ибн Саида, предстоятеля на молитве в соборной мечети Кордовы во дни аль-Хакама аль-Мустансира-биллаха,— да помилует его Аллах! — была невольница, которую он сильно любил. Он сказал, что готов освободить ее и на ней жениться, но девушка сказала ему, издеваясь (а у него была большая борода): «Меня ужасает длина твоей бороды; если ты ее укоротишь, будет то, чего ты желаешь». И Саид ибн Мунзир стал работать над бородой ножницами, пока она не укоротилась, а потом он призвал множество свидетелей и засвидетельствовал перед ними, что невольница освобождена, и посватался за девушку, но она не согласилась. А в числе присутствующих был брат Саида, Хакам ибн Мунзир, и он сказал тем, кто был при этом: «Я сам предложу ей себя и посватаюсь за нее!» И он сделал это, и девушка согласилась, и Хакам женился на ней в этом же самом собрании, а Саид принял этот сокрушительный позор, несмотря на свою набожность, благочестие и рвение в делах веры. Я застал этого Саида; его убили берберы в тот день, когда они силой вошли в Кордову и ее разграбили. А упомянутый Хакам, его брат, глава мутазилитов в Андалусии, их старшина, наставник и оратор, при этом был хорошим стихотворцем и законоведом. Его брата Абд аль-Малика ибн Мунзира тоже подозревали в приверженности к этому

толку. Он занимал должность главного судьи во дни аль-Хакама — да будет доволен им Аллах. Абд ар-Рахман был убит, а Абд аль-Малика ибн Мунзира распяли, и рассеяли всех, кто был под подозрением. Отца их, судью судей Мунзира ибн Саида, тоже подозревали в мутазилитстве. Это был красноречивейший из людей, самый сведущий во всех науках, наиболее набожный и больше всех шутивший и забавлявшийся. Упомянутый Хакам жив в то время, как я пишу тебе это послание: он утратил зрение и стал уже очень старым.

Рассказ

Вот удивительный случай покорности любящего возлюбленной. Я знаю человека, который не спал много ночей и испытывал тяжелые мучения, и разрывалось сердце его от страсти. Потом он овладел той, кого любил, и возлюбленная ему не отказывала и не отталкивала его. Но, когда он увидел в любящей невольное отвращение к тому, чего он сам желал, он оставил ее и от нее удалился — не из-за воздержанности и не вследствие страха, а только для того, чтобы угодить желанию любимой. И не нашел он в своей душе помощи, чтобы совершить то, к чему не видел у возлюбленной охоты, хотя и испытывал он к ней страсть неугасимую.

Я знаю одного человека, который совершил такой поступок, но после раскаивался, так как выяснилось, что любимая ему изменяла с другим. Я сказал об этом:

Удача мгновенна, как молния. Ты слышишь заманчивый клич?
«Лови меня без промедления! Умей свое счастье настичь!»

Упустишь мгновение редкое, а после жалеешь весь век;
Сомнение в собственной ловкости — для счастья губительный бич.

Увидев однажды сокровище, желанного не проворонь;
Врасплох нападая без промаха, как сокол на красную дичь.

Это же самое случилось с Абу-ль-Музаффаром Абд ар-Рахманом ибн Ахмадом ибн Махмудом, другом нашим. И я сказал ему свои стихи, и он заимствовал их у меня, и любил произносить их, что стало его привычкой.

Рассказ

Однажды расспрашивал меня Абу Абдаллах Мухаммад ибн Кулайб, из жителей Кайруана, во дни моего пребывания в «Городе» (а это был человек с очень длинным языком, хорошо наученный задавать вопросы по любому поводу), и сказал он мне, когда речь зашла о любви и ее свойствах: «Если отвратительно той, кого я люблю, меня встречать, и сторонится она близости со мною,— что мне делать?» — «Я считаю,— ответил я,— что тебе следует стараться привести в свою душу радость, встречаясь с любимой, даже если это ей отвратительно».— «А я не считаю этого,— молвил Абу Абдаллах.— Напротив, я предпочту любовь к ней любви к самому себе и ее желания — своему желанию и буду терпеть и терпеть, хотя бы была в этом моя гибель».— «Я полюбил возлюбленную только ради своей души и для того, чтобы наслаждалась она ее образом,— отвечал я,— и я последую своему побуждению, и подчинюсь своей природе, и пойду по своему пути, желая для души радости».— «Это неправое побуждение! — молвил Абу Абдаллах.— Сильнее, чем смерть, то, из-за чего желаешь смерти, и дороже души то, ради чего отдают душу».— «Ты отдаешь свою душу не по доброй воле, а по принуждению,— отвечал я,— и если бы было для тебя возможно не отдать ее, ты бы наверное ее не отдал. А за добровольный отказ от встречи с любимой достоин ты порицания, так как принуждаешь свою душу и приводишь ее к гибели».— «Ты человек доводов,— сказал Абу Абдаллах,— но нет доводов в любви, на которые бы обращали внимание».— «Когда приводящий доводы поражен бедствием»,— ответил я, и Абу Абдаллах молвил: «А какое бедствие больше любви?»

ГЛАВА ОБ УПОРСТВЕ

Но нередко бывает так, что любящий следует своей страсти, полагаясь только на собственное желание, и достигает удовлетворения с любимой, стремясь добиться радости любым путем, не считаясь с тем, что возлюбленная

гневна или милостива. И тот, кому помогло в этом время, кто был тверд душой и кому благоприятна была судьба, получал наслаждение полностью, и исчезали его огорчения, и прекращались его заботы, и видел он то, на что надеялся, и добивался того, чего хотел. Я знал людей с такими качествами и скажу об этом стихи, среди которых есть такие:

Прибегать не пришлось мне к врачебному зелью,
Так как я исцелен молодою газелью,

Хоть сердилась она и противилась даже,
Но захвачен я был обольстительной целью.

Жгучий уголь водой заливаю без спросу,
И строжайший запрет — не помеха веселью.

ГЛАВА О ХУЛИТЕЛЕ

Любовь подстерегают многие бедствия, и первое из них — хулитель. Хулители бывают нескольких видов, и главный среди них — это друг, когда отброшена между ним и тобою забота об осторожности. Его порицания лучше многой помощи,— в них счастье и предостережение. Они — дивное наставление душе и тонкое для нее ободрение, которое, возникнув, производит действие и заключает в себе лекарство, усиливающее страсть, в особенности если хулящий мягок в речах и хорошо умеет в словах выразить те мысли, которые хочет выразить, и если знает он, в какое время надлежит усилить запреты, в какую минуту умножить приказание и в какой час остановиться меж тем и другим, сообразно тому, что он видит в любящем — облегчение, затруднение, согласие или ослушание.

Затем есть хулитель порицающий, который бранит, никогда не отдыхая. Это великая беда и тяжкая ноша! Мне выпало нечто подобное, и если это и не относится к предмету книги, то сходно с ним. А именно: Абу-с-Сирри Аммар ибн Зияд, друг наш, часто порицал меня за тот

путь, которым я следовал, и поддерживал некоторых из тех, кто тоже порицал меня за это,— а думал я, что он останется со мной. Ошибусь ли я или буду прав из-за нашей крепкой с ним дружбы и моей истинной привязанности к нему?..

Я знал людей, страсть которых так усиливалась и увлечение настолько увеличивалось, что упреки становились для него милее всего, так как это помогало ему показать хулителю свое непослушание, насладиться, прекословя ему, добиться отпора и осуждения и преодолеть его, подобно царю, обращающему в бегство врага, или искусному спорщику, одолевающему противника. И радуется любящий тому, что делает он при этом, и нередко он сам навлекает упреки хулителя, говоря вещи, заставляющие начать укоры.

Об этом я скажу стихи, среди которых есть такие:

Едва назовут госпожу, покоряюсь пленительной власти,
И тешат упреки меня, потакая безудержной страсти.

Как будто изветы хулы — благородные тонкие вина,
А звуки в прозванье моей госпожи — бесподобные сласти.

ГЛАВА О ПОМОЩНИКЕ ИЗ ДРУЗЕЙ

Что более всего желательно при любви? Чтобы подарил человеку Аллах, великий и славный, преданного друга, мягкого в словах, широкого на милости, умеющего взяться, тонко-проницательного, овладевшего красноречием, с отточенным языком, с большой кротостью и обширным знанием, мало прекословящего, великого в помощи, много выносящего, терпящего надменность, во всем согласного, прекрасного в дружбе, совершенно подходящего, с похвальными свойствами, огражденного от несправедливости, предназначенного к помощи, благородно поступающего, отвращенного от несчастья и с глубокими мыслями, знающего желания, с приятными свойствами, высокого происхождения, скрывающего тайны, обильного благодея-

ниями, истинно верного, не грозящего обманом, с благородной душой, проникающим чувством, верной догадкой, обеспечивающего помощь, безупречно оберегающего, известного верностью, с твердыми основами, щедрого на советы, несомненно любящего, легко подчиняющегося, с хорошими убеждениями, правдивым языком, живым сердцем, целомудренного по природе, широкого на руку, имеющего терпение, преданного чистой дружбе и не знающего охлаждения в ней, которому доверяет любящий свои заботы, разделяет с ним уединение бедности и посвящает его в свои тайны. Поистине, в этом для любящего величайшая отрада — но где она? И если овладеют таким человеком твои руки, сожми его в них, как сжимает скупой, и схвати, как схватывает жадный, и оберегай его твоим достоянием — и приобретенным, и наследственным. Совершенна будет с ним дружба, и рассеются печали, и прекрасны станут обстоятельства, и не лишится человек от обладателя этих свойств прекрасной помощи и хорошего совета.

Поэтому и брали себе цари вазиров и наперсников, чтобы облегчали они частью бремя их великих дел и возложенных на их шею сокрушительных тяжестей и чтобы могли правители обогащаться их советами и искать подкрепления в их способностях. А иначе — не под силу человеку противостоять всему, что его окружает и что он постичь должен, не прибегая к помощи того, что с ним сходно и одного с ним рода.

Некоторые влюбленные не имеют друзей с такими свойствами и мало им доверяют потому, что испытали они от людей горести, и были у них друзья, которым открыли они отчасти свои тайны. И происходит это по одной из двух причин — либо друзья посмеялись над их признаниями, либо разгласили их тайны; и тогда обрекают они себя на одиночество вместо дружбы, и уединяются в места, отдаленные от друга, и поверяют свои тайны воздуху, и разговаривают с землей, находя в этом отдохновение, как находит его больной в стенаниях и во вздохах. И поистине, когда заботы одна за другою приходят в сердце, становится оно тесным для них, и если не облегчит человек себе душу в сетованиях и жалобах, то вскоре погибнет он от горестей и умрет от огорчения.

Я нигде не видел большей помощи, чем это делают женщины. Они так осторожны в подобных делах, пове-

ряя друг другу тайны и сговариваясь их замалчивать, узнавши о них, как не делают этого мужчины. И видел я, что всякая женщина, которая открыла тайну двух влюбленных, ненавистна и тягостна другим женщинам, и все мечут в нее стрелы, будто из одного лука. А старухи в этом отношении способны на то, чего не могут сделать молодые женщины,— молодые иногда обнаруживают то, что знают, из ревности, хотя бывает это редко, а вот старухи, потеряв надежду для себя, все заботы целиком обращают на благо других.

Рассказ

Я знаю состоятельную женщину, обладательницу рабынь и слуг. Про одну из ее невольниц разнеслись слухи, что она любит юношу из родных ее госпожи и он ее тоже любит и что между ними происходит то, чему не подобает происходить. И владелице девушки сказали: «Твоя невольница, такая-то, знает об этом, и дела их известны ей в точности». И ее госпожа взяла эту девушку (а она была сурова при наказании) и заставила ее вкусить всевозможные побои и мучения, подобных которым не выдержат и стойкие мужчины. Она надеялась, что невольница откроет ей что-нибудь из того, о чем ей говорили, но девушка не проронила ни слова.

Рассказ

Я хорошо знаю одну благородную женщину, хранящую в памяти наставления Аллаха, великого, славного, и благочестивую, совершившую благой поступок. Она завладела письмом одного юноши к девушке, которой тот увлекался (а юноша не был подвластен этой женщине), и осведомила его об этом деле. И хотел он отрицать, но это ему не удалось, и женщина сказала: «Что с тобой? Кто же от этого защищен? Не думай об этом! Клянусь Аллахом, я никогда никого не осведомлю о вашей тайне, и если бы ты мне дозволил купить эту девушку для тебя на мои деньги, даже если бы мне пришлось их истратить до последнего дирхема, я бы, право, сделала это и по-

местила ее для тебя в такое место, где бы ты мог с ней сблизиться, и никто не знал бы об этом».

Разве часто увидишь женщину праведную, уже пожилую и пресекшую надежды на мужчин, для которой самое приятное дело — это постараться выдать сироту замуж и одолжить свои платья и украшения небогатой невесте. Я не знаю иной причины, почему женщины так охотно соглашаются и идут на все, чтобы помочь другим,— да потому, что мысли их ничем не заполнены, кроме как мыслями о любви, о свиданиях и встречах, о любовных стихах и причинах любви с ее проявлениями. У них нет дела, кроме этого, и они не созданы ни для чего другого, тогда как мужчины всегда заняты и озабочены наживой денег, службой султану, стремлением к наукам, заботами о семье, тяготами путешествий, охотой, всевозможными ремеслами, ведением войн, участием в смутах, перенесением опасностей и устроением земель — все это уменьшает праздность и отводит их от путей суеты и безделия.

Я читал в жизнеописаниях царей чернокожих, что владыки поручали своих женщин верному человеку, и тот задавал им работу — (прясть пряжу),— которой они были заняты весь век, ибо их цари говорят, что, когда женщина остается без дела, она только тоскует по мужчине и думает о близости с ним.

Я знал женщин и познавал их тайны, которые едва ли знает кто-нибудь другой, так как я был воспитан у них на коленях и вырос у них на руках, никого, кроме них, не зная, и стал проводить время с мужчинами только в пору юности, когда начали пробиваться на лице у меня усы и борода. Женщины научили меня Корану, заставили запомнить множество стихов и обучили меня письму.

И была у меня лишь одна забота и дело для ума, едва только стал я понимать, будучи в годах раннего детства,— узнать как можно больше о всех женских делах и проделках, хитростях и кознях. Я ничего не забываю из того, что знаю от женщин, и причиной этому великая ревность, свойственная мне от природы, и подозрительность к женщинам, с которою был я создан. Я испытал из-за них много всякого, чего мне довелось испытать, и об этом я расскажу в следующих главах, если захочет так великий Аллах.

ГЛАВА О СОГЛЯДАТАЕ

Одно из великих бедствий любви — соглядатай, и поистине, это скрытая горячка, и неотвязная опасность, и угнетающая мысль. Соглядатаи бывают разные, и первый из них тот, кто надоедает без умысла, сидя в том месте, где встретился человек со своей возлюбленной, когда решили они высказать затаенное, и открыть друг другу страсть, и уединиться для беседы. Такое соседство причиняет любящему столько тревоги, сколько не причинит ничто другое, и подобное обстоятельство, хотя оно и не вечное, все же препятствие на пути к желаемому и пресечение больших надежд.

Рассказ

Я заметил однажды в одном месте двух влюбленных, которые думали, что находятся там одни. Они приготовились сетовать и наслаждаться одиночеством, но это место не было недоступно, и сейчас же появился около них человек, который был им в тягость. И он увидел меня и свернул ко мне и долго сидел со мною. И если бы вы могли видеть того влюбленного, на лице которого печаль смешалась с яростью,— поистине, это было диво дивное. Я скажу об этом отрывок, где есть такие стихи:

Он передо мной торчит, пустые ведет разговоры,
Которые тягостны мне, как эти докучные взоры.

О, если бы вместо него увидел я землю и небо,
А вместо меня перед ним ливанские высились горы!

Затем бывает соглядатай, который углядел дела влюбленных, и услышал кое-что из их разговоров, и хочет доискаться истины, и постоянно следит он за ними, и подолгу просиживает, наблюдая их лица и считая их вздохи. Подобный человек хуже смерти, и я знаю влюбленного, который хотел броситься на соглядатая, чтобы

убить его. Я скажу об этом отрывок, где есть такие стихи:

Мог бы счесть его приязнь я за чистую монету,
Но вниманием своим он сживет меня со свету;

Он со мною тут и там, так что скрыться невозможно,
И сопутствует он мне, как название предмету.

Затем бывает соглядатай над любимой,— тут нет другой хитрости, как умилостивить его, и если сделаешь его довольным, то это предел наслаждения. Такой соглядатай — тот, о котором упоминают поэты в своих стихотворениях, и я видел человека, который так тонко сумел умилостивить соглядатая, что соглядатай против него стал соглядатаем за него, и притворялся он невнимательным в час, когда следует быть внимательным, и защищал влюбленного, и старался для него. Я говорю об этом:

Неусыпно стерегут сад, который так прекрасен;
Испугался я сперва, только страх мой был напрасен.

Не скупился на дары я в моем пылу всегдашнем,
И влюбленному теперь соглядатай не опасен.

Занесенный, словно меч, над моею головою,
Он теперь пособник мой; помогать он мне согласен.

Я скажу еще такой стих:

Стал моею жизнью недруг, мне грозивший злобным взглядом;
Он теперь противоядье, а когда-то был он ядом.

Я знаю человека, который поставил над тою, о ком заботился, соглядатая, внушавшего ему доверие, и был этот соглядатай для любимой величайшим из бедствий и причиной испытаний.

Если же не знаешь, как перехитрить соглядатая, и не находишь пути, чтобы умилостивить его, жди от него неприятность и заботу. Я скажу об этом стихотворение:

К моей прекрасной госпоже, ни в чем не виноватой,
Приставлен бдительнейший страж враждой замысловатой.

Неумолимый, как судьба, влюбленных разлучает
И беззащитному грозит жестокою расплатой,

Как будто у него в глазах доносчики таятся,
А сердце вслух срамит меня, как ревностный глашатай.

Два соглядая следят за каждым человеком;
Зачем, о праведный Аллах, мне третий соглядатай?

Но ужаснее всего соглядатай тот, который испытан был прежде любовью и кого поразила она, продлив над ним свой срок, а затем освободился он от нее, хорошо узнав ее свойства, и желает уберечь того, над кем он поставлен. Благословен Аллах! Какой из него выходит жестокий соглядатай и какое тяжкое бедствие постигает из-за него влюбленных!

Я говорю об этом:

Опасней всех соглядатай, который не спал ночами,
Который знаком с любовью, грозящей сердцу разором.

Он сам страдал и томился, в живых он остался чудом,
Изведав коварство страсти, берущей душу измором.

Теперь он отлично знает, на что способен влюбленный,
Которого он считает корыстным и хитрым вором.

Утешившись поневоле, любовь он возненавидел,
Ее с тех пор называя недугом или позором.

Следил он за моей милой, отвадить меня старался,
Ограде не доверяя и самым крепким запорам.

И было нам с милой тяжко, и было нам с милой больно;
Жестоко нас поразила судьба своим приговором.

Вот необычная разновидность соглядатаев. Я знаю двух влюбленных, которые одинаково любили одну и ту же возлюбленную, и хорошо помню, как каждый из них был соглядатаем друг за другом. Я говорю об этом:

Невольно двух друзей пленила красавица одна и та же;
Друзья следили друг за другом, подобно неусыпной страже;

Ни дать ни взять, собака в стойле, которая не ела сена,
Осла к нему не подпуская; повадок не бывает гаже.

ГЛАВА О ДОНОСЧИКЕ

К бедствиям любви принадлежат и доносчики, а их бывает два вида. Одни доносчики хотят только добиться разрыва между влюбленными, и поистине, такой доносчик

менее вредоносен, хотя это смертельный яд, горький колоквинт, и возможная гибель, и грозящее бедствие, но не всегда они добиваются желаемого. Чаще всего бывают доносчики у любимой; что же касается любящего, то ему не до этого! — у него столько других забот, и это уже препятствие для доносчика. Любовь целиком занимает влюбленного и не дает ему слушать сплетника; доносчики знают об этом и идут они только к тому, чей ум свободен, кто приходит в ярость с жестокостью царей и разражается упреками по малейшей причине.

У доносчиков бывают разные сплетни. Так, например, говорят любимой про любящего, что тот не скрывает их тайны, и такое простить не просто и успокоиться не легко, если только не встретит доносчик человека, одинакового с любящим в любви. Такие слова вызывают неприязнь, и облегчение для любимой только в том, если по воле судьбы удается ей узнать какую-нибудь тайну любящего, вот тогда к любимой возвращается разум и проницательность. Затем оставляет она это и выжидает, и если донос сплетника окажется, по ее мнению, ложным и любящий вместе с тем проявит умение скрывать и осторожность, не разглашая тайны, тогда узнает любимая, что сплетник расписал ей ложное, и разрушается то, что возникло у нее в душе.

Я встречал подобное у одного из любящих, и был тот весьма бдителен и обладал великою скрытностью. А сплетники все более старались в своих доносах, так что появились признаки этого на лице возлюбленной, и одолела ее грусть, и покрыло ее своей тенью раздумье, и налетело на нее сомненье. И, наконец, стеснилась у нее грудь, и открыла она то, что донесла ей, и если бы видел ты состояние любящего при извинениях его, ты бы, наверное, понял, что любовь — султан, которому повинуются, и постройка из крепко связанных кольев, и пронзающее копье. И переходил любящий от покорности к признанию, и отрицанию, и раскаянию, и через некоторое время исправились их дела.

А иногда говорит сплетник, что любовь, которую проявляет влюбленный,— не настоящая и что стремится он в этом к исцелению своей души и удовлетворению желания. Сплетни этого рода, хотя и тягостны они, переносятся легче того, что упоминалось раньше; состояние любящего иное, чем состояние ищущего услады, и свиде-

тельства их страсти разделяют их. Достаточная доля этого встретилась в главе о покорности.

Нередко доносит сплетник, что любовь любящего делится между несколькими,— вот это обжигающий огонь и боль, пронзающая сердце. И если поможет доносчику упоминание о том, что любящий прекрасен лицом, мягок в поведении, вызывает желание, склонен к наслаждениям и от природы предан мирскому, а возлюбленная — женщина великого сана и знатного положения, вот тогда возникает у нее стремление погубить его и причинить ему смерть. Сколько было поверженных по этой причине, и скольких напоили ядом, и отдали они жизнь!

Такова была смерть Марвана ибн Ахмада ибн Худайра, отца Ахмада-святоши, и Мусы, и Абд ар-Рахмана, прозванных «сыновьями Лубны», — из-за Катр ан-Нада, его невольницы. Я говорю об этом, предостерегая одного из моих друзей, и вот отрывок, где есть такие стихи:

Красавицы нам не приносят блага,
Напрасно верит женщине бедняга.

Мы думаем, что пьем напиток светлый,
А это смерти сумрачная влага.

Другой сплетник доносит, чтобы разъединить влюбленных и остаться с любимой одному и получить ее только для себя. Это — самый жестокий удар и самый острый; сильнее всего укрепляет он сплетника в его рвении и дает наибольшую пользу в старании его.

Есть и третий вид сплетников — это сплетники, которые доносят обоим влюбленным сразу и раскрывают их тайны. На такого человека не обращают внимания, если словам любящего верят.

Я говорю об этом:

Болтливый сплетник дышит мной; не знаю, в чем причина:
Моя счастливая любовь или моя кручина?

За неимением своей живет моею жизнью;
Как говорится, ем гранат, оскомина у сына.

Я непременно должен привести здесь нечто сходное с тем, о чем мы говорим, хотя оно и стоит мне этого. Это будет кое-что в объяснение доносов и сплетен,— одно слово ведь призывает другое, как установили мы в начале послания.

Нет среди всех людей никого хуже доносчиков, то есть злостных сплетников. Сплетничать — поистине свойство, указывающее на зловонный корень, испорченную ветвь, дурную природу и скверное воспитание, и тот, кто сплетничает, не избежит лжи. Сплетня — ветвь среди ветвей лжи и одна из ее разновидностей, и всякий сплетник — лжец. Я никогда не любил лжецов, и я допускаю, что могу быть другом всякого, кто обладает пороком, даже если велик он, и поручаю его дело творцу его — велик он и возвышен! — беря для себя те из его свойств, которые чисты,— но только не того, про кого я знаю, что он лжет,— это, по-моему, уничтожает все его хорошие качества, без следа губит все, что в нем есть. Я совершенно не жду от него блага, и это потому, что о всяком грехе совершивший его пожалеет, и все позорное можно скрыть и во всем покаяться, кроме лжи. Нет пути, чтобы от нее возвратиться или скрыть ее, где бы она ни была, и я никогда не видел, и никто никогда не рассказывал мне, что он видел, лжеца, который перестал лгать и к этому не возвратился. Я никогда первый не порываю со знакомым, если только не узнаю про него, что он лжец,— тогда я стремлюсь расстаться с ним и буду желать его забыть.

Ложь — черта, которой я не видел ни у одного человека, в чьей душе не подозревали бы трещины и на кого не указывали бы из-за злой болезни в его душе. У Аллаха ищем защиты, и не оставит всевышний нас без помощи!

Сказал некий мудрец: «Дружи с кем хочешь, но сторонись троих: глупца — он желает помочь тебе и вредит; склонного к пресыщению — как бы ни доверял ты ему из-за долгой и укрепившейся дружбы, он тебя покинет в поисках нового, и лжеца — как бы ты ему ни верил, он будет на тебя клеветать, так что ты и не узнаешь».

А вот изречение, передаваемое со слов посланника Аллаха,— да благословит его Аллах и да приветствует: «Соблюдение завета принадлежит к вере»,— и с его же слов,— мир над ним! — говорят: «Не верит человек полной верой, пока не оставил он лганья в шутку».

Оба эти изречения передал нам Абу Омар Ахмад ибн Мухаммад со слов Мухаммада ибн Али ибн Рифаа, ссылавшегося на Али ибн Абд аль-Азиза, который ссылался на Абу Убайда аль-Касима ибн Саллама, говорившего со слов своих наставников, а последний из них опирается

на Омара ибн аль-Хаттаба и сына его Абдаллаха — да будет доволен Аллах ими обоими!

А Аллах — велик он и славен! — говорит: «О те, кто уверовали, почему говорите вы то, чего не делаете? Велика ненависть Аллаха, когда говорите вы то, чего не делаете».

Передают о посланнике Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — что его спросили: «Бывает ли человек правоверный скупым?» — и сказал он: «Да!» И спросили его: «А бывает ли правоверный трусом?» — и он отвечал: «Да!» И спросили: «А бывает ли правоверный лжецом?» — и ответил он: «Нет».

Это передал нам Ахмад ибн Мухаммад ибн Ахмад со слов Ахмада ибн Саида, ссылавшегося на Убайдаллаха ибн Яхью, который говорил со слов своего отца, ссылавшегося на Малика ибн Анаса, передававшего слова Сафвана ибн Сулайма.

С таким же иснадом передают, что посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — говорил: «Нет добра во лжи»,— это сказал он в хадисе, когда его об этом спросили. С тем же иснадом и ссылкой на Малика передают, что до Малика дошло со слов Ибн Масуда, что пророк говаривал: «Не перестает раб лгать, и образуются в сердце его черные точки, пока не почернеет сердце его, и тогда бывает он записан у Аллаха среди лжецов». С подобным же иснадом передают со слов Ибн Масуда — да будет доволен им Аллах! — что пророк говорил: «Будьте правдивы — правдивость ведет к благочестию, а благочестие ведет в рай; и берегитесь лжи — она ведет к нечестью, а нечестье ведет в огонь».

Рассказывают, что пришел к нему — да благословит его Аллах и да приветствует! — человек и сказал: «О посланник Аллаха, я предаюсь трем вещам — вину, блуду и лжи; прикажи мне — что из этого мне оставить?» — «Оставь ложь»,— сказал ему посланник Аллаха, и этот человек ушел от него. А потом захотелось ему совершить блуд, но он подумал и сказал: «Я приду к посланнику Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — и он спросит меня: «Ты прелюбодействовал?» — и, если я скажу: «Да»,— он меня накажет, а если я скажу: «Нет»,— то нарушу обещание». И оставил он блуд, а после так же было и с вином, и этот человек возвратился к посланнику Аллаха — да благословит его Аллах и да

приветствует! — и сказал ему: «О посланник Аллаха, я оставил все три греха».

Ложь — корень всякой мерзости: она собирает в себе все злое и навлекает ненависть Аллаха, великого, славного. Со слов Абу Бакра Правдивого — да будет доволен им Аллах! — передают, что пророк сказал: «Нет веры у того, у кого нет верности». А со слов Ибн Масуда — да будет доволен им Аллах! — сообщают, что пророк говорил: «Правоверный создан со всеми качествами, кроме обмана и лжи». Со слов посланника Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — передают, что он сказал: «Вот три свойства, обладатели которых — лицемеры,— это те, кто, обещав, нарушает обещание, кто рассказывает и лжет и кто, пользуясь доверием, обманывает».

А разве неверие — не ложь на Аллаха, великого, славного? Аллах — истинный, и любезна ему истина, и на истине стоят небеса и земли, и не видел я никого более посрамленного, чем лжец. Не погибали династии, не гибли царства, не проливалась неправедно кровь и не разрывались завесы из-за чего-нибудь, кроме сплетни и лжи; не укрепляется ненависть и гнусная злоба ничем, кроме сплетен и лжи, и достается передающему их лишь ненависть, позор и унижение, а тот, кому он доносит, не говоря о других, будет смотреть на него такими глазами, какими смотрит на пса.

Аллах — велик он и славен! — говорит: «Горе всякому злослову, клеветнику!» — и говорит он, великий среди говорящих: «О те, кто уверовал, если придет к вам развратник с известием,— разъясните!» — и назвал он переносящего сплетни именем развратника.

И говорит он: «Не слушайся всякого, кто клянется, ничтожного, злословящего, ходящего со сплетней, препятствующего добру, преступника, грешника, жестокого, затем и низкого!»

А посланник — мир с ним! — говорит: «Не войдет в рай злословящий»,— и говорит он: «Берегитесь убивающего троих, то есть: доносящего, того, кому доносят, и того, о ком доносят». Аль-Ахнаф говорит: «Достойный доверия не доносит, и доля того, у кого два лица,— не иметь уважения у Аллаха, а то, что его побуждает,— свойство низкое и гнусное».

От меня отвернулись близкие Абу Исхака Ибрахима ибн Исы ас-Сакафи, поэта,— да помилует его Аллах! — так как один из моих друзей передал ему обо мне, шутя,

ложное, а этот поэт был очень склонен к подозрению, и рассердился, и поверил ему. И тот и другой были моими друзьями, и передававший не принадлежал к людям, имеющим свойство лгать, но он был шутником и любил забавляться. И я написал Абу Исхаку (а он говорил об этой истории) стихи, среди которых есть такие:

Уподобляешься напрасно доверчивому сумасброду,
Не различая лжи и правды досужим вымыслам в угоду,

Как тот, кто, маревом прельстившись, в пустыне жаркой и безводной
От жажды вскоре погибает, пролив спасительную воду.

А тому, кто донес обо мне, я написал стихотворение, где есть такие строки:

Насущным не надо шутить. Зачем подражать зубоскалам,
Пытающимся изгонять отраву отравленным жалом?

О тех, кто зловредную ложь преследует худшею ложью,
У нас говорят неспроста: дрофа защищается калом.

Был у меня однажды друг, и участились происки между нами, так что наконец это его уязвило, и сделалось это видно по его лицу и по взглядам. И я стал медлить и выжидать, и старался, как мог, помириться, и нашел, принижаясь, путь к возвращению дружбы. И тогда я написал ему стихотворение, где есть такие строки:

Предо мной такие цели обнаруживает страсть,
Что великому Вахризу в них, пожалуй, не попасть.

Вот что говорю я, обращаясь к Убайдаллаху ибн Яхье аль-Джазири, который хранит в памяти красноречивые послания своего дяди (а стремление ко лжи взяло над ним власть и одолело его разум, и он погряз во лжи, как погружается душа в надежду, и подкреплял свои сплетни и ложь крепкими клятвами, громогласно их произнося. Он был более лжив, чем марево, и страстно предавался лганью, увлекаясь им, и постоянно разговаривал с теми, о ком наверное знал, что они ему не верят, и не препятствовало ему это говорить ложь):

Вера твоя — наваждение. Нет ни малейшего чуда
В том, что тебя раскусили мы, выяснив, что и откуда.

Из обстоятельств различнейших истина проистекает,
Так что вне брака беременность — лишь подтверждение блуда.

Я скажу о нем отрывок, где есть такие стихи:

Увиденное искажает он, словно зеркало кривое;
Безжалостней мечей индийских он рассекает все живое.

Не у него ли смерть и время, губители приязни нашей,
Решились перенять навеки свое искусство роковое?

О нем же скажу я такие стихи из длинной поэмы:

Он более лжив и обманчив, чем доброе мненье о людях;
Он хуже того, кто взимает с лихвою долги и налоги.

Он даже Аллаху не внемлет, и жаловаться бесполезно:
Нигде не находишь защиты, не сыщешь законной подмоги.

Обманщик — позор воплощенный, и как ни кляни лиходея,
Для мерзких его преступлений слова недостаточно строги.

Он тягостнее порицаний, с которыми мы не согласны,
Студеней, чем город Салима, где мерзнут усталые ноги.

Он всяких невзгод ненавистней, он горше тоски безнадежной,
Которой страдают скитальцы, не видя в пустыне дороги.

Но тот, кто предупреждает беспечного, или дает советы другу, или предостерегает мусульманина, или говорит о развратнике, или рассказывает о враге,— пока он не лжет и не уличен во лжи и не старается вызвать ненависть,— не доносчик, и разве не оттого погибли слабые и пали не имеющие разума, потому что плохо отличали советчика от доносящего? Это два качества, близкие по внешности, расходящиеся по внутренней сущности; одно из них — болезнь, другое — лекарство, и от того, кто остер по природе, не будет сокрыто это дело. Доносчик — тот, чьи доносы не одобряются истинной верой, и кто желает разлучить ими друзей, разбить связь между братьями, натравить их друг на друга, и разжечь их вражду, и расписать ложное. А если кто боится, что, следуя по пути добрых советов, он попадет на пути клеветы, и не доверяет остроте своей зоркости и проницательности в своих предположениях о делах, происходящих в земной жизни и в общении с людьми своего времени,— тот пусть сделает веру для себя проводником и светильником, которым будет он освещаться, и, куда поведет его вера, пусть идет он туда, а если она его остановит, ручаясь за верный взгляд, обеспечивая правильность догадки и служа порукой за спасение, то установивший закон, пославший

посланника — мир над ним! — и утвердивший веления и запрещения лучше знает путь истины и более сведущ в последствиях, приводящих к сохранению, и исходах, ведущих к спасению, чем всякий, кто утверждает, что видит все сам, и думает, что поступает по собственному разумению.

ГЛАВА О ЕДИНЕНИИ

Одно из величайших благ любви — единение. Это высокий удел, и великая степень, и возвышенная ступень, и счастливое предзнаменование! Это и обновленное бытие, и вечная радость, и великая милость Аллаха! И если бы не была земная жизнь обителью преходящей, полной испытаний и смут, а рай — обителью воздаяния и безопасности от дел порицаемых,— право, сказали бы мы, что единение с любимой и есть чистое блаженство, ничем не замутненное, и радость без примеси, с которой нет печали, и завершение мечтаний, и предел надежд. Я испытал наслаждения с их изменчивостью и познал счастье во всем его разнообразии, но ни милости у султана, ни близость к нему, ни деньги, доставшиеся в прибыль, ни находка после потери, ни возвращение после долгого отсутствия, ни безопасность после страха не западают так в душу, как единение; в особенности после долгих отказов, когда наступила разлука и разгорелось из-за нее волнение и вспыхнуло пламя тоски и запылал огонь надежды. Ни растения, распускающиеся, когда выпадет роса, ни цветы, расцветающие, когда прорвутся облака в час предрассветный, ни журчание воды, что течет ко всевозможным цветам, ни великолепие белых дворцов, окруженных зелеными садами,— ничто из этого не более прекрасно, чем сближение с любимой, качества которой угодны Аллаху, свойства которой достохвальны, черты которой соответствуют прекрасной красоте. Поистине, делает это слабым язык речистых и бессильно тут красноречие умеющих говорить; восхищается этим разум и восторгаются умы. Я говорю об этом:

Говорил мне собеседник, вопрошавший беспристрастно:
«Сколько прожил ты на свете? Ведь седеют не напрасно!»

Я сказал: «Одно мгновенье, лишь мгновение, не больше,
И стареющее сердце в этом с разумом согласно».

Он воскликнул: «Что я слышу? Объяснись без промедленья!
Я своим ушам не верю! То, что ты сказал, ужасно!»

Я в ответ: «Поцеловал я госпожу мою однажды,
Нарушая все запреты; это было так опасно!

Я прошу тебя: поверь мне! Хоть с тех пор я прожил годы,
Жил я только в то мгновенье, и оно одно прекрасно!»

Одно из сладостных предвкушений близости — обещания, и поистине, обещание, исполнения которого ждешь, заполняет полностью сердце! Первое из них — обещание любимой посетить любящего. Об этом я скажу отрывок, где есть такие стихи:

Разговаривать с луною — прихотливая наука,
Если рядом нет любимой, без которой гложет скука.

Без нее луна не светит, но безумствует надежда:
Если радуется близость, пусть печалится разлука!

А второе — когда любящий посетит любимую.

Поистине, начало близости и первые признаки согласия проникают в душу, как ничто другое. Я хорошо знаю человека, который был испытан любовью, долгое время не зная ничего, кроме взгляда и беседы, будь то ночью, если захочет он, или днем. И наконец помогла ему судьба согласием любимой и позволила овладеть ее благоволением после того, как отчаялся он из-за долгого срока. И хорошо помню я, как он чуть не помешался от радости и едва мог связывать слова от счастья. И я сказал об этом:

Клянусь моею молитвой! Когда бы, верен святыне,
Я так молился Аллаху, безгрешен был бы я ныне.

Не опасался бы путник внезапного нападенья,
Когда бы я так взмолился к свирепейшим львам в пустыне.

Когда меня поцелуем она в ответ наградила,
Печаль моя всколыхнулась, и я не рад благостыне.

Так жаждущий захлебнулся, воды наконец дождавшись;
Убит он глотком желанным, и нет бедняги в помине.

И еще сказал:

Любовь моя — море вздохов, и отдых мною заслужен;
Конь движим собственным взором, и повод ему не нужен.

Меня сторонясь обычно, владычица вдруг добреет,
И кажется, в этой жизни лишь случай со мною дружен.

Добился я поцелуя в надежде на исцеленье,
Но жар в иссушенном сердце лобзанием обнаружен.

Душа моя словно пустошь, где в травах, спаленных солнцем,
Горящею головнею пожар великий разбужен.

Не надо мне самоцветов, не надо других сокровищ;
Мне яхонт андалусийский милей китайских жемчужин.

Рассказ

Я хорошо знаю девушку, которая сильно полюбила одного юношу из сыновей предводителей, а тому не было ведомо о ее великой любви. И умножились ее заботы, и продлилась ее печаль, так что изнурена она была любовью, но юноша, по молодой гордости, не замечал этого, и открыться ему мешал девушке стыд перед ним, так как она была невинная, еще с печатью, и слишком его почитала, чтобы к нему броситься, не зная, будет ли это ему приятно. И когда затянулось это дело, а уверенность только еще теплилась, девушка пожаловалась одной женщине, умудренной опытом, которой она доверяла, так как этой женщине было поручено ее воспитание, и та сказала ей: «Намекни ему стихами».

И девушка поступила так, но юноша не обращал на все это внимания — а он был сообразителен и остер умом, но не предполагал этого и не стремился к тому, чтобы доискаться смысла ее слов. И, наконец, ослабла стойкость этой девушки, и стеснилась у нее грудь, и не удержалась она, сидя с ним наедине однажды вечером (а юноша знал Аллаха и был целомудрен; он соблюдал свою честь и был далек от грехов). И, когда настало ей время уходить, она поспешно подошла к нему и поцеловала его в рот и повернулась в тот же миг, не проронив ни слова, и она ушла, покачиваясь на ходу, как я сказал об этом в моих стихах:

Проходит мимо меня величественно-спокойная;
Колышет станом своим, как стебель нарцисса, стройная.

Таится в моей душе, с моей мечтой неразлучная,
А в сердце моем любовь цветет и пылает, знойная.

Идет голубка моя, не медлит и не торопится;
Всегда и во всем чужда ей суетность непристойная.

И юноша был сражен этим поступком, и ослабели его руки, и почувствовал он боль в сердце, и напало на него уныние. И едва скрылась девушка, как попал он в сети гибели, и вспыхнул в его сердце огонь, и тяжелы сделались его вздохи, и напал на него страх, и умножилась его тревога, и продлилась его бессонница, и не смежил он глаз в эту ночь. И было это началом любви между ними, продолжавшейся долгий век, пока не разорвала их близости рука отдаления.

И поистине, это одна из ловушек Иблиса, и относится это к треволнениям любви, перед которыми не устоит никто, кроме тех, кого охраняет Аллах,— велик он и славен!

Некоторые люди говорят, что долгая близость губит любовь, но это слово ошибочное, и так бывает лишь у людей пресыщенных. Напротив, чем дольше близость, тем больше сближение, и про себя я скажу тебе, что я никогда не мог напиться водою близости досыта и она лишь увеличивала мою жажду. Так судят те, кто искал лекарства от своего недуга, хоть и быстро отпускал он его.

Я достигал в обладании любимой самых отдаленных пределов, за которыми не найдет человек цели, но всегда видел ты меня желающим большего. Это долго продолжалось со мной, но я не чувствовал отвращения и не ослабли мои желания.

Одно собрание объединило меня с той, кого я любил, и, когда пускал я свой ум бродить в поисках способа сближения, они все казались мне слишком слабыми для моих желаний, не утоляющими моей страсти и не прекращающими малейшей моей заботы, и видел ты, что чем больше я сближался, тем сильнее мучился от любви и высекало огниво тоски огонь страсти в груди. В этом собрании я сказал:

О, кто бы рассек мне сердце неотвратимой десницей,
Чтобы в меня ты вселилась, оставшись моей жилицей

До дня, когда все воскреснут, когда на суд справедливый
Народы все соберутся трепещущей вереницей;

И после моей кончины тебе, моя дорогая,
Служило бы мое сердце жилищем, а не гробницей!

Ничто в мире не равно состоянию двух любящих, когда нет над ними соглядатая и не угрожают им сплетни и когда в безопасности они от разлуки, и не желают разрыва, и далеки от пресыщения, не зная хулителей, и сошлись они качествами, и одинаково любят, и даровал им Аллах обильный удел, и жизнь в довольстве, и спокойное время, и близость их такова, как угодно господу, и продлилась их дружба, не прерываясь до времени наступления смерти, которой не отвратить и не избежать. Это дар, не доставшийся многим, и желание, исполняющееся не для всех, кто просит, и если бы не было при этом опасения внезапных ударов судьбы, что суждены в неведомом Аллахом, великим и славным,— наступления нежеланной разлуки, похищения смертью в пору юности или чего-нибудь с этим сходного,— право, сказал бы я, что это состояние, далекое от всякой беды и свободное от всякого несчастья.

Я видел человека, для которого соединилось все это, но только был он испытан суровым нравом той, кого любил, и надменностью знающей, что ее любят. И они не наслаждались жизнью, и не всходило над ними в какой-нибудь день солнце без того, чтобы не возник между ними в этот день спор, и обоим было свойственно это качество, так как каждый из них был уверен в любви другого, пока не отдалила их друг от друга разлука и не разлучила их смерть, предназначенная для сего мира. Я говорю об этом:

Грех на разлуку мне роптать; я знаю, все в любви — разлука;
Меня, плененного тобой, неверным не зови, разлука!

Что делать мне, когда любовь меня преследует повсюду,
А кроме пламенной любви навек в моей крови разлука?

Передают о Зияде ибн Абу Суфьяне,— да помилует его Аллах! — что спросил он у своих приближенных: «Кто счастливей всех людей в жизни?» — «Повелитель правоверных»,— ответили ему. «Какое же это счастье, если халиф столько терпит от людей из племени Курейш?» — спросил Зияд. «Тогда, значит, ты, о эмир»,— сказали ему. «Разве это счастье, если мне столько достается от хариджитов и неверных?» И спросили тогда его: «А кто же,

о эмир?» И Зияд ответил: «Простолюдин-мусульманин, у которого жена мусульманка, если в жизни у них достаток и довольна она мужем, а он доволен ею, и нет ему дела до нас, и не знает он нас, и мы не знаем его».

И есть ли среди всего, что приятно тщеславию созданий, что проясняет сердце, подчиняет чувства, покоряет души, овладевает страстями, терзает умы и похищает рассудок, нечто столь прекрасное, как забота любящего о любимой? Я видел это многократно, и поистине, это зрелище дивное, указывающее на чистую нежность, в особенности если это любовь, которую скрывают. И если бы видел ты любимую, когда вопрошает ее любящий намеком о причине гнева ее, и видел бы, как смущается возлюбленная, стараясь вырваться оттуда, куда попала, оправдываясь и стремять подыскать для своих слов смысл, который могла бы выставить перед собеседниками,— ты, поистине, видел бы диво и скрытую усладу, с которой не сравнится никакое наслаждение. Я не видел ничего более привлекающего сердца, чем примирение после ссоры, чем сближение после оправдания. Я увидел это как-то раз и сказал:

Правда проста, неправда лукава;
Так что для правды ложь — не оправа.

Смесь правды с ложью для простодушных
То ли забава, то ли отрава.

Золотом чистым юнец считает
Сплав подозрительного состава.

А ювелир отличает сразу
Золото от нечистого сплава.

Знаю я юношу и девушку, которые любили друг друга. И лежали они, когда был у них кто-нибудь, и была между ними большая подушка, из тех, что кладутся за спину знатных людей на коврах, и встречались их головы за подушкой, и они целовались и не были видимы, и постороннему казалось, что они только потягиваются. И любовь их достигала степени одинаково великой, но влюбленный юноша иной раз обижал девушку небрежением и невниманием. Об этом я говорю:

Причуды нашего времени в глаза бросаются зрителю,
Как юному несмышленышу, так и седому мыслителю;

Тоска скакуна по всаднику, мудрого по неученому,
Воинственного по пленнику, словно по благотворителю,

Непостижимая преданность обиженного обидчику,
Привязанность убиенного к безжалостному губителю;

Хоть мы до сих пор не слышали, чтобы дары принимающий
Свысока покровительствовал смиреннейшему дарителю,

Нельзя не думать разумному, когда такое случается,
Что это благословение покорного покорителю.

Рассказывала мне женщина, которой я доверяю, что она видела юношу и девушку, и оба они любили друг друга самой большой любовью. И сошлись они в одном месте для веселья, и был у юноши в руке нож, которым он резал плоды, и обрезал он себе слегка большой палец, так что показалась на нем кровь. А на девушке было дорогое платье с золотым шитьем, и она, не задумываясь, разорвала его и отдала кусок полотна, которым юноша завязал себе палец. Но такой поступок для любящих — малость в сравнении с тем, что они должны делать; это для них обязательное предписание и ниспосланный закон, ибо они пожертвовали собою и подарили друг другу свою душу!.. В чем же откажешь после этого?

Рассказ

Я застал в живых дочь Закарии, сына Яхьи ат-Тамими, прозванного Ибн Берталь; ее дядя, Мухаммад ибн Яхья, был судьей мусульманской общины в Кордове, и братом его был вазир-военачальник, которого убил Галиб в знаменитой стычке у границы, вместе с двумя своими военачальниками — Марваном ибн Ахмадом ибн Шахидом и Юсуфом ибн Саидом аль-Акки. Дочь Закарии была замужем за Яхьей ибн Мухаммадом, внуком вазира Яхьи ибн Исхака. Гибель поспешила поразить его, когда они жили счастливейшей жизнью, в самой светлой радости, и горе его жены дошло до того, что она проспала с ним под одной простыней ночь, когда он умер, и сделала это последней памятью о муже и о близости с ним. И потом не оставляло ее горе до времени ее смерти.

И поистине, сладостно проявление сближения украдкой, когда обманывают соглядатая и остерегаются присутствующих. То может быть и незаметная улыбка, и невольное прикосновение к телу, и пожатие руки, отчего на душе становится радостно. Я говорю об этом:

О, тайное сладострастие, когда в порыве несмелом
Мы, трепетные, сближаемся на миг душою и телом;

Запретная нега сдобрена обворожительным страхом,
Как будто рыба соленая на хлебе подана белом.

Рассказ

Рассказывал мне человек, один из верных друзей моих, благородный, из знатного дома, что в юности привязался он к девушке, жившей в одном из домов его семьи. А ему не давали к ней доступа, и блуждал из-за нее его разум. «И однажды,— говорил он мне,— пошли мы гулять в одно из наших поместий на равнине, к западу от Кордовы, с несколькими братьями моего отца, и стали ходить по садам, и удалились от жилища, и развлекались мы у каналов, пока небо не покрылось облаками и не пошел дождь. А под рукой не было достаточно покрывал, и мой дядя,— говорил рассказчик,— приказал подать одно покрывало и накинул его на меня, и велел ей укрыться со мною,— и думай что хочешь о возможностях сближения на глазах людей, когда они этого не знали. О, как прекрасно собрание, подобное уединению, и многолюдство, сходное с одиночеством!.. И клянусь Аллахом, я никогда не забуду этого дня»,— говорил он мне. И я хорошо помню, как он рассказывал эту историю, наслаждаясь воспоминаниями, и душа его трепетала от радости, несмотря на то, что с той встречи прошло длительное время.

Я скажу об этом стихотворение, где есть такие строки:

В небе облако плачет, сад смеется зеленый;
Веселится любимый, и рыдает влюбленный.

Рассказ

Вот диковинное сближение, о котором рассказал мне как-то мой друг. В одном из домов, находившихся поблизости, была у него возлюбленная, и было в обоих домах место, с которого один из любящих видел другого. И девушка становилась на это место (а между ними было некоторое расстояние) и приветствовала юношу, и была рука ее обернута ее рубашкой. И юноша спросил ее об этом, и она отвечала: «Может быть, узнают о наших

встречах, и встанет сюда кто-нибудь другой, и будет тебя приветствовать, и ты ответишь ему не разобравшись. А этот знак между мною и тобою, и если увидишь ты непокрытую руку, тебя приветствующую, знай, что это не моя рука, и ты не отвечай».

И нередко наслажденье близостью и согласие сердец таково, что появляется в сближении дерзость и не смотрят влюбленные на хулящих, не скрываются от наблюдающего и не думают о доносящем,— напротив, упреки тогда подзадоривают. Описывая сближение, я скажу стихи, среди которых есть такой:

Когда кружился ты вокруг, она крыло твое задела;
И преуспел ты, мотылек: любовь тобою овладела.

На огонек во тьме ночной с надеждою шагает путник;
Ищи же близости в любви, пока любовь не охладела!

Сближеньем с госпожой моей свои желанья утоляю,
Как жажду бы я утолял, пока вода не оскудела.

Зачем обуздывать глаза, когда твои глаза не сыты
И в созерцанье красоты нет вожделенного предела!

Я скажу еще из одной моей поэмы:

Когда меня страсть беззаконно сразит,
С кого за убитого взыщет родня?

Сулит ли разлука свидание с ней,
Как ночь нам сулит возвращение дня?

О, диво! Плывущий от жажды сгорал:
Не мог отличить я воды от огня.

Для взоров я, страждущий, неуязвим,
Как будто меня облекает броня.

Незримого можно ли встретить в пути?
Зачем любопытный седлает коня?

Меня врачевать надоело врачу,
И даже завистник жалеет меня!

ГЛАВА О РАЗРЫВЕ

К величайшим бедствиям любви относится разрыв. Он бывает нескольких видов, и первый из них — разрыв, вызванный осторожностью из-за присутствующего соглядатая. Такой разрыв достойней всякого сближения, и если бы само это слово и законы его наименования не требовали включения его в эту главу, я, наверное, говорил бы о нем, почитая его слишком высоким, чтобы включать в эту главу. И видишь ты тогда, что любимая отворачивается от любящего, обращается с речью к другому и двусмысленно отвечает намекающему, чтобы не настигли его предположения и не опередили его подозрения. Ты видишь, что и любящий поступает так же, но природа увлекает его к возлюбленной и душа его к ней направляется вопреки ему, и видишь ты тогда, что, отворачиваясь, подобен он идущему навстречу и, молча, как бы говорит, и смотрит он на самого себя, глядя в другую сторону.

И когда человек, острый и догадливый, раскроет тайный смысл их речей, поймет он, что скрытое отличается от явного и высказанное громко не есть суть дела. Поистине, это зрелище, достойное восхищения мужеством влюбленных, в то же время вызывает жалость к ним и печаль об их участи. У меня есть стихи, и я приведу их, как мы условились, хотя в них и выражена другая мысль. Вот один из них:

Его бранит Абу-ль-Аббас, и мне становится досадно;
Так рыба страуса бранит за то, что воду пьет он жадно.

И я порою льстил друзьям, известной цели достигая;
Без этого на свете жить, пожалуй, было бы накладно,

Мы залучаем птиц в силки, отборных не жалея зерен,
Чтобы приманкой нам самим прельщаться было неповадно.

Я скажу еще стихи из поэмы, заключающей различные изречения и всевозможные свойства природы.

Я сердце бы другу открыл, как зубы при всех обнажаю
В холодной улыбке подчас, навязчивого избегая.

Горчайшие снадобья пьем, страдая тяжелым недугом,
Хотя золотящийся мед приятней, чем пища другая.

Какие невзгоды терпеть приходится в тягостной жизни,
Себе самому вопреки возлюбленным пренебрегая!

Достанешь ли ты, не нырнув, жемчужину, скрытую в море,
Когда бережет жемчуга ревниво пучина морская?

Желанного клада искать согласен я и в чужеродном,
Врожденные свойства души усиленно превозмогая.

Аллах всеблагой изменил законы свои милосердно,
Спасительный путь указав блуждающим в поисках рая.

Подобные свойствам других, найдутся в душе моей свойства,
Однако в глубинах души цела справедливость благая.

Так в каждом сосуде вода окрашена цветом сосуда,
И все же прозрачна вода, для жаждущего дорогая.

В моей беспокойной душе владыки любви воцарились,
Сулят мне блаженную жизнь, безвременной смертью пугая.

Обманчива строгость моя, но мной завладеешь едва ли,
Небрежной улыбкой к любви как будто бы располагая.

Бежать я хотел бы в душе от этой пленительной власти,
А сам повторяю: «Привет!» назойливее попугая.

Сначала бывает игра, которая всех забавляет;
Потом полыхает война, безгрешных и грешных сжигая.

Хоть с виду змея хороша в узорах своих разноцветных,
Таит она все-таки яд, небрежных предостерегая.

Хоть меч закаленный красив, как молния в сумрачном небе,
Грозит нам погибелью сталь, когда засверкает, нагая.

Как не был бы ты горделив, гордыня твоя торжествует,
Когда унижаешься ты, желанных вершин достигая.

Кто кланяется до земли, тот счастлив бывает нередко;
Во всех начинаньях ему сопутствует слава людская.

Для юноши лучше всегда позор, предвещающий славу,
Чем слава, в которой позор; прилипчива слава такая.

За голодом следует пир, богатством сменяется бедность;
Гнетущая скудость порой — предшественница урожая.

Не ценит величия тот, кому неизвестно смиренье;
Для отдыха нужно устать, все силы свои напрягая.

Приятней напиться воды в безводной, бесплодной пустыне,
Чем пить, когда перед тобой вода без конца и без края.

Различия тварей познав, мы брезгуем несовершенным;
Хорошего в жизни проси, отравленное отвергая.

Прозрачную воду ищи, однако довольствуйся мутной,
Уверившись, что на земле иссякла вода ключевая.

Не пейте соленой воды, она раздирает нам горло,
Пусть хочется пить, но претит свободному влага дурная.

Бери все, что можешь ты взять; подарком дешевым не брезгуй;
Довольствуйся малым в любви, на большее не посягая.

Нельзя доверяться любви; не свяжешь ее, не привяжешь;
Порадует и ускользнет: она же тебе не родная!

Отчаиваться не спеши: победе способствует мудрость.
Труднее труднейших задач бывает задача иная.

Не думай о мраке ночном: уже засияла денница.
Не верь быстролетному дню: пора наступает ночная.

Скалу сокрушает волна, отхлынув и снова нахлынув;
Готова скала подтвердить: податлива твердь вековая.

Усердствуешь, не торопясь, упорствуешь и побеждаешь;
Не часто струятся дожди, а все-таки почва сырая.

Когда бы вкушали мы яд, как прочую пищу вкушаем,
Отравою нынешней мы питались бы, не умирая.

Затем бывает разрыв, вызванный любовной надменностью. Он слаще многих сближений, и поэтому случается он только при уверенности каждого из влюбленных в другом, когда утвердится доказательство действительности его договора. Тогда-то и делает возлюбленная вид, что порвала, желая видеть стойкость любящего, и чтобы не была его жизнь вполне ясной и опечалился бы он от этого, если чрезмерна его любовь, но не из-за того, что случилось, а боясь, что дойдет это дело до чего-нибудь более значительного и будет разрыв причиною иного,— или же опасаясь, что наступит беда от случившегося пресыщения.

Мне пришлось в юности порвать таким образом с кем-то, кого я любил, и разногласие немедленно проходило и снова возвращалось. И когда это участилось, я сказал для шутки стихотворение, сочиненное тут же, каждый стих которого я заключил полустишием из начала «Муаллаки»

Тарафы ибн аль-Абда,— это из той, которую мы читали с объяснениями под руководством Абу Саида аль-Фата аль-Джафари, со слов Абу Бакра аль-Мукри, ссылавшегося на Абу Джафара ан-Наххаса — да помилует их всех Аллах! — в соборной мечети Кордовы. Вот оно:

Цела в моем сердце дружба, чему душа моя рада;
Так целы следы кочевья на ярких камнях Самхада.

Я помню крепкую дружбу; она все еще сверкает,
Как будто узор на коже: мучительная награда!

Я с ним прощался, не зная, вернется ли друг мой милый;
Ронял я на землю слезы, подобье жгучего града.

А люди мне говорили, упреков не прекращая:
«Мужайся! В разлуке стойкость — единственная ограда».

Когда разгневан любимый, различные виды гнева
Сменяются беспрестанно, как лодки в долине Дада.

От близости до разрыва простерлось бурное море,
И кормчий средь волн превратных никак не находит лада.

Сменяется примиренье жестоким приступом гнева,
Где выигрыш, там веселье; где проигрыш, там досада.

Любимая улыбнется и отвернется сердито;
То жемчуг, то изумруды; в скорбях таится услада.

Затем бывает разрыв, вызванный недовольством за проступок, который совершил любящий,— в этом некоторое бедствие, но радость возвращения и счастье прощения уравновешивают то, что прошло. Поистине, благоволение любимой после гнева дает усладу сердцу, выше которой не будет никакое из дел мирских! И разве наблюдал наблюдающий, видели глаза и возникало в мысли что-нибудь более усладительное и желанное, чем место свиданья, откуда ушли все соглядатаи, удалились все ненавистники и скрылись все сплетники. И встретились там двое влюбленных, которые порвали между собою из-за проступка, совершенного любящим, и продлилось это немного, и началось некоторое отчуждение. И нет здесь препятствия для долгого разговора, и начинает любящий оправдания, проявляя смирение и покорность и приводя явные доказательства,— то смелеет, то унижается и бранит себя за минувшее, то доказывает свою невиновность, то хочет извинения и взывает о прощении, то признается

в проступке, хотя вины за ним нет. А любимая, при всем этом, глядит в землю и украдкою, незаметно, бросает на него взгляд, а иногда и смотрит на него долго, а потом улыбается, пряча улыбку,— и это признак прощения. И затем обнаруживается в беседе их принятие извинения и внимание к словам, и прощаются грехи, созданные доносом, и исчезают следы гнева, и начинаются тут ответы: «Хорошо!» и «Твой проступок прощен, если он и был, как же иначе, если и нет проступка». И заключат они свое дело возможным сближением и прекращением упреков и согласием, и расходятся любящие на этом. Вот положение, для которого слабы прилагательные, и бессилен язык определить его!

Я попирал ногами ковры халифов и присутствовал на собраниях царей, и не видел я благоговения, равного благоговению любящего перед любимой. Я видел власть насильников над вельможами, и могущество вазиров, и увеселения правителей государства, но не видел я более счастливого и сильней радующегося своей жизни, чем любящий, убежденный, что сердце любимой с ним, и уверенный в ее склонности и действительной любви.

И бывал я при том, как стояли оправдывающиеся перед султанами, и становились люди, заподозренные в великих грехах, перед непреклонными и несправедливыми, и не видел я никого смиреннее, чем влюбленный обезумевший, когда стоит он меж рук гневной возлюбленной, которая исполнилась негодования, и одолела ее жестокость.

Я испытал и то и другое, и в первом положении был я крепче железа и пронзительней меча, не отвечая на униженность и не сутулясь в смирении, а во втором — послушнее плаща и мягче шерсти,— я спешу к отдаленнейшим пределам покорности, если есть от этого польза, и ловлю случай быть смиренным, если производит это действие. Я стараюсь смягчить любимую, путаясь в красноречии, чтобы перечесть тончайшие мысли, стараясь всячески разнообразить речь и усердствуя во всем, что вызывает благоволение.

Клевета — одно из явлений, вызывающих разрыв, и бывает она в начале любви и в конце. В начале любви — это признак истинной влюбленности, а в конце — признак ослабления любви и врата к забвению.

Рассказ

Я вспоминаю, рассказывая об этом, как проходил я в какой-то день в Кордове по кладбищу у ворот Амира с толпою ищущих знаний и знатоков преданий. Мы шли на собрание в ар-Русафу к шейху Абу-ль-Касиму Абд ар-Рахману ибн Абу Язиду, египтянину, наставнику моему,— да будет доволен им Аллах! — и с нами был Абу Бакр Абд ар-Рахман ибн Сулейман аль-Балави, из жителей Сеуты (а это был чудесный поэт). И он говорил свои стихи об одном знакомом нам клеветнике, среди которых были такие:

Хитрый сплетник, не лишенный прилежанья и сноровки,
Расплести стремится дружбу наподобие веревки.

Только дружба — не веревка: разорвется — не завяжешь;
И сказал бы я, что сплетня хуже хищницы-воровки.

И в то время как произносил он первый из этих двух стихов, как раз проходил Абу-ль-Хусайн ибн Али аль-Фаси,— да помилует его Аллах! — а он тоже направлялся на собрание к Ибн Абу Язиду. И услышал он этот стих, и улыбнулся нам,— помилуй его Аллах! — и прошел мимо нас, говоря: «Нет, уж лучше заплести, чем расплести, коли будет на то угодно Аллаху!» И сказано это было с насмешкой, несмотря на степенность Абу-ль-Хусейна — помилуй его Аллах! — на его достоинства, праведность, превосходство, благочестие, постничество и знания. И я сказал об этом:

Не порвешь ты дружбы нашей, назадачливый насмешник!
Лучше связывать веревки, согласись, греха приспешник.

Как бы ни был ты коварен, шею ты себе сломаешь;
Как сказал законник мудрый: «Невзначай споткнется грешник».

Бывают при разрыве и укоры, и, клянусь жизнью, когда их немного,— в них сладость, а если станут они значительными, то это предзнаменование непохвальное, знак из дурного источника и злая примета. А в общем, упреки — верховой конь разлуки, разведчик разрыва, плод клеветы, признак обременения, посланник расхождения, вестник ненависти и предисловие к отдалению. Они приятны, только когда невелики и если корень их — благорасположение. Я говорю об этом:

Может быть, потому ты меня упрекнула,
Что сама на меня благосклонно взглянула?

День за днем небеса голубели беспечно,
Чтобы молния вдруг в отдаленье сверкнула.

Пусть померкнет лазурь, лишь бы вновь прояснилось,
Лишь бы ты мне свою благосклонность вернула!

И было причиною произнесения мною этих стихов недовольство, возникшее в день, подобный описанному из дней весенних, и произнес я их в это время.

Были у меня некогда два друга, братья, и отсутствовали они, путешествуя, и затем прибыли. А меня поразило воспаление глаз, но братья медлили посетить меня, и я написал им, обращаясь к старшему, стихотворение, где есть такие строки:

Осыпал я упреками старшего брата,
Чья небрежность, казалось, во всем виновата,

Но возможно ли в небе луне появиться,
Если солнце затмилось уже до заката?

Затем следует разрыв, вызванный сплетниками, и предшествовала уже речь о них и о последствиях их ядовитых деяний; иногда бывают их сплетни причиной разрыва окончательного.

Затем бывает разрыв из-за пресыщения. Пресыщение — одно из свойств, заложенных в человеке от природы, и лучше для того, кто испытан этим, чтобы не был предан ему друг и не имел бы он истинных приятелей. Он не тверд в общении, не стоек в дружбе, недолго длится его внимание к любящему, и нельзя верить его любви или ненависти, и потому подобает людям не считать его в своих друзьях и избегать общения и встречи с ним,— не получат они от него пользы. Это качество не свойственно любящим, и отнесли мы его к любимым — они вообще люди, способные на клевету и подозрение и легко идут навстречу разрыву. Что же касается того, кто украшает себя именем любви, а сам склонен к пресыщению, то он не из любящих и заслуживает того, чтобы объявили поддельной его позолоту, и изгнали его из среды людей достойных, и не входил бы он в их число. Я никогда не видел, чтобы это качество одолевало кого-нибудь сильнее, чем Абу Амира Мухаммада ибн Абу Амира — да помилует его Аллах! — и если бы описал мне описывающий

часть того, что я знал о нем, я бы, наверное, ему не поверил. Люди такой природы скорее всех тварей влюбляются и наименее стойки против любезного и неприятного — наоборот, отвращение их от любви соразмерно их поспешности к ней. Не доверяй же склонному к пресыщению, не занимай им своей души и не питай надежды на его верность. А если толкнет тебя на любовь к нему необходимость, считай его сыном часа и обходись с ним по-новому каждый миг, сообразно тому, что увидишь ты из его изменчивости, и отвечай ему подобным же. А Абу Амир, о котором шла речь, когда видел девушку, охватывало его желание и нетерпение, и одолевало его огорчение и забота, едва его не губившие, пока он ею не овладеет, хотя бы и преграждали к этому путь шипы трагаканта. Когда же убеждался он, что девушка перешла к нему, любовь сменялась отчуждением, и прежнее расположение исчезало, и тревога и тоска по девушке переходили в отвращение и бегство от нее, и продавал он ее за ничтожнейшую цену. И таков был его обычай, так что сгубил он на то, о чем мы говорили, большое число десятков тысяч динаров, а он — да помилует его Аллах! — был при этом из людей образованных, острых, проницательных, благородных, мягких и сметливых и пользовался великим почетом, знатным положением и высоким саном. Что же касается красоты его лица и совершенства его внешности, то перед этим останавливаются определения и изнемогает воображение, описывая малейшую его часть, так что не берется никто описать его. И улицы становились бедны прохожими, так как люди старались пройти мимо ворот его дома в той улице, что начинается от Малого канала у ворот нашего дома, в восточной стороне Кордовы, и продолжается до улицы, примыкающей к дворцу в аз-Захире. А на этой улице был дом Абу Амира — помилуй его Аллах! — смежный с нами, и ходили по ней только для того, чтобы на него посмотреть. И умерло от любви к нему много девушек, которые привязывались к нему воображением и плакали о нем, но обманул он их надежды, и стали они наложницами несчастья, и убило их одиночество.

Я знал одну девушку из числа этих несчастных,— звали ее Афра, и помню я, что она не скрывала своей любви к Абу Амиру, где бы ни сидела, и не высыхали у нее слезы. И она перешла из его дома к Баракату аль-Фарису, содержателю девушек.

Абу Амир — помилуй его Аллах! — рассказывал мне про себя, что ему надоело его собственное имя, не говоря о другом, а что касается его друзей, то он менял их много раз в жизни, несмотря на ее краткость. И он не мог остановиться на какой-нибудь одной одежде, точно Абу Баракиш,— иногда он был в одежде царей, а иногда — в одежде гуляк.

И надлежит тому, кто испытан общением с человеком подобных качеств, чего бы это ни стоило, не проявлять всего рвения в любви и не обольщаться надеждой и быть готовым к утрате, не принимая ее близко к сердцу. И если увидит он признаки скуки, пусть порвет с ним на несколько дней, чтобы оживился его ум и удалилось от него пресыщение, а затем пусть вернется к нему — иногда любовь бывает при этом долгой. Об этом я говорю:

Не полагайся на того, кто был в желаньях не умерен;
Пресыщенный тебя предаст; в любви пресыщенный
не верен.

Его ленивую любовь отвергнуть сразу постарайся!
Пресыщенный, беря взаймы, расплачиваться не намерен.

Есть еще вид разрыва, на который идет порою любящий, и бывает это, когда видит он, что любимая жестока и склоняется не к нему, а к другому, или же если не покидает его человек докучливый,— видит тогда влюбленный смерть, и гложет его горе и печаль. И удаляется он, а сердце его разрывается, и об этом я говорю:

Без ненависти ухожу, любовью моей оскорбленный;
Поверить не так-то легко: любимую бросил влюбленный.

Но больно смотреть на газель, которая мне изменила;
Стремлюсь я в отчаянье прочь, обманутый и уязвленный.

Желаннее смерть, чем любовь, которой сподобился каждый,
Кто здесь побывал невзначай, щедротами не обделенный.

В душе пламенеет любовь, сжигая злосчастное тело;
Печальный, пылаю весь век, доселе не испепеленный.

Аллах всемогущий велел плененному вечно бояться
Того, кто пленяет его, победой своей ослепленный;

Отступничество разрешил Аллах, если смерть угрожает;
И праведник с грешником схож, и схож со слепцом
просветленный.

Рассказ

Вот нечто удивительное и ужасное, что бывает с любящим, решившимся на разрыв. Я знаю человека, сердце которого охватило безумие из-за любимой, его избегавшей, и терпел он страсть некоторое время. И потом послали ему дни дивное предзнаменование близости, вселившее в его сердце надежду, и когда между ним и пределом его мечтаний оставался лишь один миг,— он понял, что разрыв неизбежен и он далек от цели еще больше, нежели прежде.

Я сказал об этом:

К судьбе взывал я не напрасно: пришли мне звезды на подмогу,
Благоприятным сочетаньем любимой указав дорогу.

Она явилась в отдаленье, и сокращалось расстоянье,
Как будто бы сближенье наше угодно праведному Богу.

Но, видно, Бог судил иначе, и вновь любимая исчезла,
Так что напрасно ликовал я, увидев эту недотрогу.

Я сказал еще:

Меня надежда посетила, и к ней протягивал я руку,
Она, однако, ускользнула, стремясь к небесному чертогу.

Я полагал, что пребывает она среди светил небесных,
Как будто бы не приближалась надежда к моему порогу.

И мне завидовали прежде, как я завидую сегодня;
Другим надежды подававший, надеюсь нынче понемногу.

Людьми насмешливо играет судьба в своем коловращенье;
Благоразумный в этой жизни готов к плачевному итогу.

Затем следует разрыв из-за неприязни или ненависти, и тут уж не помогут никакие советы, ухищрения, и великими становятся бедствия. И тот, кого поразила такая беда, пусть присматривается к возлюбленной и стремится к тому, что приятно любимой, и надлежит ему избегать того, что, как он знает, любимой неприятно. Иногда это смягчает любимую к любящему, если любимая из тех, что знает цену согласию и желает его, а кто не знает цены этому, того невозможно уже вернуть,— напротив, твои добрые дела для него лишь проступки. И если не может человек вернуть любимую, пусть стремится он к забвению и пусть взыскивает со своей души за беды свои и

неудачи. Я видел человека с таким свойством, и скажу об этом отрывок, который начинается так:

Когда бы насмешница-смерть ему наконец пригрозила,
Он молвил бы: «Лучше б меня давно поглотила могила!»

Неужто виновен я в том, что гнал к водопою верблюдов,
А по возвращенье меня беда тяжело поразила?

Что солнцу до жалких слепцов, которые солнца не видят
И мыкаются в темноте, не зная дневного светила!

Я говорю:

Разлука после встречи тяжелее,
По возвращенье милая милее;

Так после бедности богатство слаще
И сразу после счастья горе злее.

Я говорю еще:

Ты вся передо мной двоишься, природа у тебя двойная,
Но утверждать я не решаюсь, что ты привержена обману.

Твой нрав настолько переменчив, день ото дня ты так различна,
Что думается мне порою, ты подражаешь ан-Нуману,

Который через день менялся, то милостив, то беспощаден,
Как будто бы непостоянство пристало княжескому сану.

Не мне твой день благоприятный, по-видимому, предназначен;
В мой день злосчастный ты сердита и нанести мне рада рану.

Но неужели непонятно, что, даже раненный тобою,
Я на твое расположенье надеяться не перестану?

Я скажу еще отрывок, где есть такие стихи:

Все прелести в тебе, как жемчуг в ожерелье,
И пробуждаешь ты в душе моей веселье;

Твой светлый лик — звезда, сулящая мне счастье;
Откуда же тогда смертельное похмелье?

И еще скажу я поэму, которая начинается так:

Что такое наша встреча: расставанье боязливых
Или в час благословенный воскресенье справедливых?

Что такое разлученье: кратковременная кара
Или вечное проклятье для безумцев нечестивых?

Напои, Аллах, прохладой дни, минувшие в блаженстве,
Бесподобные подобья лилий гордых и стыдливых,

Лепестки которых — ночи в колдовском благоуханье,
Сокращающие с жаром жизнь любовников счастливых.

Упоительную близость мы вкушали беззаботно,
Как бы дней не замечая, безнадежно торопливых.

И пришло другое время: верность, кажется, сменилась
Вероломною изменой и пустыней дней тоскливых.

Не отчаивайся, сердце! Время, может быть, вернется,
Обернется к нам былое, приголубив сиротливых.

Возвратил же Милосердный Омайядам власть былую;
Ты, душа, в невзгодах помни, что Аллах за терпеливых.

В этой поэме восхваляю я Абу Бакра Хишама ибн Мухаммада, брата повелителя правоверных Абд ар-Рахмана аль-Муртада,— помилуй его Аллах!

Я скажу еще:

Не все ли душа объемлет, как будто бы на просторе
Даль с близостью сочетая в телесном тесном затворе?

Вся жизнь человека — тело, в котором душа таится:
Любимая в каждом вздохе, любимая в каждом взоре.

Ей дань мы прилежно платим, и ей же мы благодарны;
Погибли бы мы мгновенно с душой своею в раздоре.

Так реки на этом свете: пусть русла полны водою,
Вольются все воды в мире в необозримое море.

ГЛАВА О ВЕРНОСТИ

К числу похвальных склонностей, благородных свойств и достойных качеств в любви и в любом другом деле относится верность. Поистине, это сильнейшее доказательство и самое ясное свидетельство хорошего происхождения и чистоты нрава. И верность бывает различна, сообразно различию, обязательному для всех тварей, живущих на земле. Я скажу об этом отрывок, где есть такой стих:

Свидетельство свойств человеческих — наши дела;
Вещает нам вещь, из чего она произошла.

Цветет олеандр, но не зреет на нем виноград;
Душистой смолой никогда не прельстится пчела.

И первая степень верности — это верность человека тому, кто ему верен. Вот она, непременная заповедь и долг любящего и любимой, и отступает от него лишь скверный по природе — нет ему благой доли в будущей жизни, и нет в нем добра! И если бы не отказались мы в нашем послании говорить о качествах женщин и природных их свойствах, об их притворстве и о том, как от притворства исчезают естественные черты и качества,— право, добавил бы я в этом месте то, что надлежит сказать в подобном случае. Но мы намеревались говорить лишь о том, что хотели рассказать о делах любви, и только, а говорить об этом можно бесконечно, ибо удивительны дела любви.

Рассказ

Вот ужасное проявление верности в этом смысле, которое я наблюдал, и устрашающее по обстоятельствам — это история, виденная мною воочию. Я знал одного человека, который согласился порвать со своей возлюбленной, самой для него дорогой среди людей, и хотя смерть казалась ему слаще, чем разлука с ней на одну минуту, это было ничто в сравнении с клятвой о сокрытии тайны, ему доверенной. И тогда возлюбленная дала клятву, что никогда не заговорит с любящим и между ними не будет близости, если влюбленный не откроет ей тайну, и, хотя доверивший ее был в отсутствии, любящий отказался от этого, и продолжал один скрывать, а другая держаться в отдалении, пока не разлучили их дни и не поглотило их небытие.

Затем следует вторая ступень — это верность тому, кто изменяет. Она относится к любящему, а не к любимой, и нет для возлюбленной здесь пути, и это для нее не обязательно. Такую верность может вынести лишь человек стойкий и сильный, с щедрым сердцем, свободной душой, великой рассудительностью, значительным терпением, правильным суждением, благородным нравом и безупречными намерениями. Тот, кто отвечает на измену подобным же, заслуживает упрека, а вот поведение, о котором мы скажем, удивительно потому, что не всякий на это спо-

собен. Предел верности здесь в том, чтобы не воздавать за обиду подобным же, воздерживаться от дурной оплаты делом или словом и не спешить, доколе возможно, пока есть надежда на благосклонность любимой и на ее возвращение, пока виднеется хоть ничтожнейший признак того, что она вернется, и существует хоть слабый проблеск. Когда же наступит отчаяние и укрепится гнев, тогда избавишься ты от обмана, окажешься в безопасности от несчастья и спасешься от обид. И хотя воспоминание о прошедшем мешает утолить гнев из-за того, что случилось, твердая обязанность людей разумных, и тоска о минувшем, и невозможность забыть о том, с чем покончено и к чему нет возврата — самое устойчивое доказательство истинной верности. Подобное качество весьма прекрасно, и надлежит следовать ему при всех видах общения людей меж собою, как бы оно ни проявлялось и к чему бы оно ни приводило.

Рассказ

Я помню одного человека из числа искренних друзей моих. Он привязался к одной девушке, и укрепилась между ними любовь, но потом девушка обманула его, и нарушилась их дружба, и стала известна повесть их, и печалился он из-за этого сильной печалью, но не ответил он тем же.

Рассказ

Был у меня один приятель, и дурными стали его намерения после крепкой дружбы, от которой не отрекаются. И каждый из нас знал тайны другого, и отпали заботы об осторожности; когда же мой друг ко мне переменился, он разгласил то, что узнал обо мне, хотя я знал о нем во много раз больше. А затем дошло до него, что его слова про меня стали мне известны, и опечалился он из-за этого и испугался, что я воздам ему за его скверный поступок тем же. И дошло это до меня, и написал я ему стихотворение, в котором успокаивал его и извещал о том, что не будет ему отплачено тем же.

Рассказ

Вот история, подходящая к содержанию книги, хотя и не принадлежит к нему (предыдущие рассказы тоже не относились к предмету послания и этой главы, но они с

ним сходны, как говорили мы и условливались). Мухаммад ибн аль-Валид ибн Маскир, писец, был со мной близок и предан мне во дни вазирства отца моего — помилуй его Аллах! Когда же случилось в Кордове то, что случилось, и изменились обстоятельства, он выехал в одну из областей и сблизился с ее правителем, и возвысился его сан, и пришли к нему власть и хорошее положение. И оказался я в той стороне, при одной из своих поездок, но не воздал он мне должного,— напротив, его тяготило мое пребывание там, и он обошелся со мной дурно, как плохой друг.

Я попросил его в это время об одном деле, но не подумал он даже пошевелить пальцем, чтобы сделать что-либо и исполнить просимое. И я написал ему стихотворение, в котором бранил его, и он ответил мне исполнением моей просьбы, но я не просил его ни о каком деле после этого.

Мною сказаны стихи, которые не относятся к предмету главы, но сходны с ним. Вот часть их:

Похвально тайну хранить всегда и везде с опаской;
Похвальней не осквернять услышанного оглаской.

Дороже редкостный дар, чем просто щедрый подарок.
Зачем же тебе тогда прельщаться доступной лаской?

Затем следует третья степень — это верность после того, как поразила любимого гибель и внезапная превратность судьбы, и поистине, верность при таких обстоятельствах выше и прекраснее, чем при жизни, когда есть надежда на встречу.

Рассказ

Рассказывала мне женщина, которой я доверяю, что она видела в доме Мухаммада ибн Ахмада ибн Вахба, прозванного Ибн ар-Ракиза, потомка Бадра, пришедшего с имамом Абд ар-Рахманом ибн Муавией,— да будет доволен им Аллах! — одну невольницу, прекрасную и красивую. У нее был господин, но пришла к нему гибель, и продали эту девушку среди его наследства, и отказывалась она допустить к себе мужчин после своего хозяина, и не познал ее ни один человек, пока не встретилась она с Аллахом — велик он и славен! А эта девушка хорошо пела, но отреклась от своего искусства, и не стала она из числа

тех, кого берут для потомства или наслаждения,— все это из верности тому, кого похоронили в земле и над кем соединились могильные плиты.

А названный господин этой девушки хотел приблизить ее к своему ложу вместе с остальными своими невольницами и вывести ее из той жизни, которой она жила, но девушка отказывалась. И хозяин бил ее не раз и подвергал мучениям, но она вытерпела все это и осталась при своем отказе. И поистине, это проявление верности весьма необычное!

Знай, что верность более обязательна для любящего, нежели для любимой, и соблюдение условий ее для него более необходимо, ибо влюбленный первый привязывается к любимой и идет навстречу принятию обязанности; он стремится укрепить любовь, призывает к истинной дружбе и стоит первым в числе ищущих искренней любви. Он опережает любимую, ища услады в достижении дружбы, и связывает свою душу поводьями любви, опутав ее вернейшими путами и взнуздав ее крепчайшей уздой. Но кто принуждал его ко всему этому, если он не хотел этого довершить, и кто заставил его привлекать к себе любовь, если не был он намерен заключить ее верностью тому, от кого он ее добивался?

Любимая же — только человек, к которому чувствуют влечение и к которому обращают свою любовь. Она выбирает, решая, принять или оставить, и, если приняла она,— это предел надежд, а если отвергла, то не заслуживает порицания.

Но стремление навстречу близости, и настойчивость в сближении, и готовность ко всему, чем привлекает человека согласие и искренность в присутствии и в отсутствии,— все это никак не относится к верности. Ведь для себя хочет счастья ищущий этого, и для своей радости он старается и ради нее трудится. Любовь зовет его к этому и подгоняет, хочет или не хочет он, а верность похвальна лишь у того, кто мог бы пренебречь ею.

У верности есть условия, для любящих обязательные, и первое из них, чтобы сохранял влюбленный свои обещания возлюбленной, уважал бы ее в отсутствии и был бы одинаков и в явном и в тайном. Он должен скрывать зло любимой и распространять ее добро, прикрывая ее недостатки, украшая дела ее и не замечая того, что она делает по ошибке; ему надлежит принимать то, что на него воз-

ложено, и не учащать того, чего возлюбленная избегает; появление его не должно вызывать зевоту, и скука из-за него не должна стучаться в дверь. Возлюбленной же, если она любит одинаково, следует воздавать ему в любви тем же самым, а если она любит меньше, то любящий не должен заставлять ее подняться на ту же ступень и не подобает ему воспламенять возлюбленную, принуждая ее возвыситься до одинаковой с ним степени любви.

Достаточно с него тогда сдерживать себя в любви, не отвечая любимой тем, что ей отвратительно, и не устрашая ее этим. Когда же случается третий исход, то есть возлюбленная свободна от того, что испытывает любящий, пусть довольствуется влюбленный тем, что находит он, и пусть берет то, что легко дается, не ставя условий и не требуя невозможного. Ему принадлежит лишь то, чего достиг он своим рвением и что пришло к нему благодаря старанию.

Знай, что неприглядность поступков не видна тем, кто совершает их, и поэтому кажутся они вдвойне скверными людям, так не поступающим. Я говорю эти слова, не похваляясь, а следуя наставлению Аллаха, великого, славного: «Но о милости господа твоего,— вещай!» Наделил меня Аллах — велик он и славен! — верностью тем, кто связан со мной хотя бы одной встречей, и одарил меня бережностью к тому, кто встает под мою защиту, хотя бы разговаривал я с ним всего час,— и наделил в такой доле, что я благодарю и прославляю его, прося подкрепить меня и усилить во мне это свойство. Ничто так не тяготит меня, как измена, и, клянусь жизнью, никогда не позволяла мне душа и в мыслях повредить кому-нибудь, с кем была у меня малейшая связь, хотя бы и был велик грех его предо мною и многочисленны были его проступки. Меня поразило из-за этого немало бедствий, но не воздавал я за злое иначе, нежели добром,— да будет за это великая слава Аллаху!

Верностью похваляюсь я и в длинной поэме, где упомянул о превратностях, нас поразивших, и об остановках, отъездах и разъездах по странам, постигших нас. Она начинается так:

Она ушла, удалилась, она вернется едва ли,
И сразу выдали слезы все то, что ребра скрывали.

Как сердце в груди устало, и как измучено тело!
Тебе не спастись, не скрыться от вездесущей печали.

И в доме гостеприимном ты ложа не согреваешь;
Покоя ты не находишь, куда бы тебя ни звали.

Как будто облако в небе, ты мчишься неудержимо,
Гонимый ветром жестоким в чужие грозные дали.

Как будто ты вера в Бога, которую нечестивец
Отверг, потому что бредни в душе восторжествовали.

Что, если звездой во мраке к беззвучному океану
Ты мчишься, дабы другие в покое век вековали?

На милость и на жестокость ответишь судьбе слезами,
Которые проливаться с тех пор не переставали.

Верностью также похваляюсь я в длинной моей поэме, которую я приведу целиком, хотя большая часть ее не относится к предмету книги. И было причиной произнесения ее то, что некоторые мои противники подавились из-за меня и злобно упрекали меня в лицо, забрасывая меня камнями за то, что я поддерживаю своими доказательствами ложное,— они были бессильны возразить на то, что я сказал, поддерживая истину и людей ее, и завидовали мне. И я сказал свою поэму, обращаясь в ней к одному из друзей моих, человеку с умом. Вот стих из нее:

Попробуй возьми ты меня, как взял бы ты жезл Моисея,
И можешь без страха потом ловить ядовитого змея.

Кричат они о чудесах, со мною расставшись надолго;
Зовут кровожадного льва, со львом повстречаться не смея.

Иные в безумье своем надеются так на имама,
Что ждут своего торжества, успеха ни в чем не имея.

Когда бы проникла в сердца моя непреклонная стойкость,
Кумиров не стали бы чтить, от благоговенья немея.

Частице иной никогда с глаголами не сочетаться;
Так низость со мной сочетать — пустая, поверьте, затея.

Идет он по мысли моей, как жила по бренному телу;
И, значит, вольно простаку считать меня за чародея.

Находят порой без труда следы муравьев беспокойных,
Потом великана-слона в лесах разыскать не умея.

ГЛАВА ОБ ИЗМЕНЕ

Как верность — одно из благородных качеств и достойных свойств, так измена принадлежит к качествам скверным и порицаемым. Изменником называется лишь тот, кто изменил первый, а тот, что платит изменой за подобное же, хоть и равен ему по сущности дела,— не изменник и не достоин за это порицания. Аллах — велик и славен! — говорит: «Воздается за дурное дело делом дурным, подобным ему»,— и мы знаем, что второй поступок не есть дурное дело, но так как он однороден с первым по сходству, дал ему Аллах такое же название. Это встретится и будет разъяснено в главе о забвении, если захочет того Аллах.

Так как измена часто исходит от любимых, верность их считается делом необычайным, а то малое чувство, что проявляют они, равно самой великой любви, исходящей от любящих. Я говорю об этом:

Верность неоцененная, если верна любимая,
А у тебя, возлюбленный, верность, поверь мне, мнимая;

Выше врожденной смелости редкая храбрость робкого,
И понапрасну хвалится доблесть неколебимая.

Подлый вид измены, когда у любящего есть посланец к любимой, которому он доверяет свои тайны, и посланец этот старается расположить любимую к себе, чтобы та предпочла его любящему.

О таком человеке я говорю:

Я думал, что будет мне верен внимательный вестник,
Как верен владыке ретивый и строгий наместник,

А он разрывал наши прежние нежные узы,
Мою госпожу обольщал, как лукавый кудесник.

Хозяином был я, теперь я лишь гость и свидетель,
А в сердце любимой моей воцарился прелестник.

Рассказ

Рассказывал мне кади Юнус ибн Абдаллах и говорил он: «Помню, видел я в юности невольницу в одной из опочивален, и любил ее юноша из людей образованных, сын вельможи. И она также любила его, и они посылали друг другу послания, а посредником между ними и посланцем с их письмами был юноша, сверстник влюбленного, имевший к девушке доступ. И когда предложили невольницу для продажи, захотел тот, кто любил ее, ее купить, но поспешил опередить его посланец и купил ее. И однажды вошел он к ней и увидел, что открыла она ларец и ищет там какие-то свои вещи. И подошел он и стал рыться в ларце и нашел там письмо от того юноши, который любил ее, надушенное галией, хранимое с почтением. И рассердился он и спросил: «Откуда это, развратница?» — и отвечала она: «Ты сам принес его ко мне».— «Может быть, оно новое, после того времени?» — спросил юноша, и она сказала: «Нет, оно из тех старых, которые ты знаешь». И как будто вложила она ему в рот камень,— говорил кади,— и раскаялся он и умолк».

ГЛАВА О РАЗЛУКЕ

Мы знаем, что при всякой встрече неизбежна разлука и все, что близко, должно отдалиться,— таков обычай Аллаха для рабов его и для стран, пока не наследует Аллах землю и то, что есть на ней,— а Аллах лучший из наследующих. Нет бедствия среди бедствий сей жизни, равного разлуке, и если бы душа могла молвить из-за разлуки хоть слово, то кроме стона и рыданий она ничего бы не сказала. Услышал один мудрец, как сказал кто-то: «Разлука — сестра смерти»,— и возразил он: «Нет, смерть — сестра разлуки».

Разлука бывает разная, малая и большая, и первая из них — разлука на срок, когда уверены влюбленные в окончании ее и в скором возвращении. Это поистине горечь в

душе и кусок, застрявший в горле, но все это исчезает при возвращении. Я знаю одного человека,— когда та, кого он любил, скрывалась с глаз его на один день, нападали на него беспокойство, и забота, и печаль, и огорчение едва не губило его.

Затем бывает разлука из-за запрещения встреч, когда не позволяют любимой видеться с любящим, и хотя бы была та, кого ты любишь, с тобою в одном доме,— это все же разлука, так как она разлучена с тобою. И поистине, порождает это грусть и немалую печаль, и мы испытали это, и было это горько. Об этом я говорю:

Вижу ночью, вижу днем дом властительницы милой,
Только скрыта от меня госпожа враждебной силой.

Разве легче мне теперь в этом сладостном соседстве,
Если милая моя там под стражею постылой?

Я не знаю, как достичь мне красавицы соседки,
До Китая долететь легче птице легкокрылой.

Я напиться не могу, хоть колодец ясно вижу,
И прельщает он меня, напоен подземной жилой.

До тебя рукой подать; камень только над тобою,
Но недаром твой приют называется могилой.

Я скажу еще из длинной поэмы:

Как в губительных скорбях обрести мне исцеленье,
Если рядом госпожа и при этом в отдаленье?

Я соседку полюбил, но, пожалуй, привело бы
В Индию меня скорей неустанное стремленье.

Так вблизи от родника изнывающим от жажды
Позволяет каждый шаг уповать на утоленье.

Затем бывает разлука умышленная — прибегает к ней любящий, чтобы удалиться от слов сплетников, боясь, если останется он, то будет это причиной запрещения встреч и поводом к сплетням и пересудам и падет меж влюбленными плотная завеса.

Затем бывает разлука, к которой прибегает любящий из-за каких-либо случающихся бедствий, которые вынуждают к разлуке, и оправданья его принимаются или отбрасываются, сообразно тому, что побудило его к отъезду.

Рассказ

Помню я одного моего друга, жившего в Альмерии. И случились у него дела в Шатибе, и направился он туда и поселился на время пребывания там в моем доме. А в Альмерии была у него привязанность — величайшая из его забот и сильнейшее его огорчение, и надеялся он освободиться, и покончить со своими делами, и быстро вернуться, и ускорить возвращение. Но прошло лишь небольшое время после того как поселился он у меня, и собрал аль-Муваффак Абу-ль-Джайш Муджахид, владыка Островов, свои войска, и созвал свои отряды, и пошел войной на Хайрана, правителя Альмерии, намереваясь уничтожить его, и пересеклись пути из-за этой войны, и сделались недоступными дороги, и охранялось море флотами. И во много раз умножилась скорбь моего друга, ибо не находил он к отъезду никакого способа, и едва не угас он от печали и дружил только с уединеньем, находя убежище во вздохах и безмолвии. А он, клянусь жизнью, был из тех, о ком никогда бы не предположил я, что его сердце покорится любви, и не отвечала страсти суровость его нрава.

Я помню, что приехал я в Кордову, после отъезда моего оттуда, а затем выехал, направляясь к дому, и соединила меня дорога с человеком из писцов, который отправился в путь по важному делу, оставив любимую, и сгорал из-за этого.

Хорошо знал я и человека, который привязался к своей возлюбленной; она жила уединенно, а его пути на земле были широки и дороги просторны, и в жизни его было все ему доступно, но показалось это ему ничтожным, и предпочел он остаться с тою, кого любил. Я скажу об этом стихотворение, где есть такие строки:

Поистине, для тебя всемирный простор ничтожен;
Мешает воину меч, не выхваченный из ножен.

Затем бывает разлука из-за отъезда, когда нет верных вестей о возвращении и неизвестно, случится ли вновь встреча. Это дело болезненное и ужасная это забота, тягостная случайность и тяжкий недуг, и чаще всего возникает тут беспокойство, когда удалившаяся — это возлюбленная. Об этом-то говорили так много поэты, и я скажу о том же поэму, где есть такие стихи:

Болезнь сокрушает меня, тяжелая мучает рана;
В отчаянье был бы я рад отведать любого дурмана.

Глотнуть я хотел бы вина, где столько смертельного яда,
Что маленький стоит глоток отравленного океана.

Бесстыдные ночи мои моею душою прельстились,
Как будто сокровищ моих преступная жаждет охрана.

Как будто врагиня судьба из рода лихих абшамитов,
А сам я сторонник Али, противник халифа Османа.

Я скажу еще из одной поэмы:

Я думаю, ты образ рая, всесильным явленный Аллахом,
Чтоб друг Аллаха, богомолец, торжествовал над жалким прахом.

Я думаю, любовь пылает в моей груди огнем жестоким,
Чтобы свиданье прохлаждало меня своим целебным взмахом.

Я скажу еще стихотворение, где есть такие строки:

Я сам незрим, я как бы скрыт навеки в пламени призывном,
Зато видна любовь моя в своем томленье неизбывном.

Смотри, какие чудеса! Ты драгоценный камень в перстне,
А перстень — это небосвод в своем вращенье непрерывном.

Я скажу еще из поэмы:

Тебе не нужны сравненья, как солнечному сиянью,
Казались бы украшенья постыдной тщетною данью.

Дивлюсь я душе печальной; неужто не умирает
Она в затяжной разлуке, подверженная страданью?

Дивлюсь я бренному телу; никак его не разрушит
Судьба своею тяжелой неотвратимою дланью.

Поистине, когда потеряла душа надежду из-за далекого расстояния и почти отчаялась, что любимая вернется, причиняет возвращение после разлуки испуг, доходящий до предела, больше которого нет ничего, а иногда оно убивает. Об этом я говорю:

Ликуешь после разлуки, когда любимый вернулся;
Так радовался бы мертвый, когда бы вдруг он очнулся.

Спасает радость порою того, кто гибнет в разлуке,
Как будто лежал недвижимый, и ожил, и встрепенулся.

При этом следует помнить: нередко смертельна радость;
Был некто сражен восторгом, упал и не шелохнулся,

Как тот, кто томился долго жестокою, жгучей жаждой
И пить принялся так жадно, что сразу же захлебнулся.

Я хорошо знаю одного человека. Его возлюбленная на время от него отдалилась, а затем случилось ей вернуться, но едва любящий начал привет и не успел окончить его, как постигло любимую отдаление второй раз, и влюбленный едва не погиб. Я говорю об этом:

Не успела ты приветом скрасить мне существованье,
Кратковременную встречу вновь сменило расставанье.

Близость вновь сменилась далью, страсть былую возбуждая,
Словно в этой краткой жизни тосковать мое призванье.

Так бывает обнадежен путник молнией ночною,
Полагая, что во мраке видит он обетованье,

Но мгновенный этот проблеск в темноте густой и тяжкой
Разве только подтверждает, что напрасно упованье.

О возвращении после разлуки я скажу отрывок, где есть такие стихи:

Мне ваша близость освежила глаза, которые сгорали,
Когда разлукой нестерпимой меня жестоко покарали.

Аллаху, стало быть, угодно смиренное долготерпенье,
И возблагодарить Аллаха за испытанья не пора ли?

Рассказ

Передали мне из дальнего города весть о кончине одного человека, которого я любил, и невольно мыслями я обратился к могилам, стал бродить между ними, говоря:

Когда бы чрево земли, с голодным и хищным зевом,
Вдруг стало хребтом земли, а тот обернулся чревом!

Зачем не умер я сам, узнав о твоей кончине,
Когда зажглась во мне скорбь, столь схожая с диким гневом.

Омытый кровью моей, в моих схороненный ребрах,
Ты был бы преображен, как семя весенним севом.

А затем прибыло, спустя некоторое время, сообщение, что была эта весть ложной, и сказал я:

Я слышу добрую весть, и радости нет границы,
Как будто сердце на свет из тесной вышло темницы,

В зеленом ныне душа, носившая накануне
Такой печальный наряд под сенью мнимой гробницы.

Рассеян тягостный мрак, бесследно сгинуло горе,
Как будто ночная тьма в лучах отрадной денницы.

Не нужно мне новых чувств, я жажду лишь старой дружбы,
Которая мне милей обманщицы-чаровницы.

У облака я прошу не дождика знойным летом,
А тени, чтобы на миг в прохладе смежить зеницы.

И бывает еще прощание при отъезде любящего или отъезде любимой. Поистине, это одно из печальных зрелищ и тягостных состояний, при которых бывает разбита решимость самых твердых в своей решимости и исчезает при ней сила самых проницательных и стойких. Льются при этом слезы, застилающие глаза, и становится явной тоска любви скрытой.

Прощание — удел тех, кто обречен на разлуку, и надлежит здесь говорить о нем, как об упреках в главе о разрыве, и клянусь жизнью, если бы умер разумный человек в минуту прощанья, право, было бы ему простительно, ибо подумал он, что постигнет его через минуту прекращение надежды, и поселятся в нем страхи, и заменится радость печалью; поистине, это мгновение смягчает жестокие сердца и делает кроткими грубые души. Поклоны головою, долгие взгляды и вздохи после прощания разрывают завесы сердца и вызывают волнение в такой же мере, как делают это, при противоположных обстоятельствах, знаки глазами, улыбки и проявления согласия.

Бывают два вида прощания: одно — когда можно только смотреть и делать знаки, а второе — когда возможны объятия и пребывание вместе, а нередко, из-за какой-нибудь причины, это было совершенно недостижимо раньше, несмотря на соседство жилищ и возможность встречи. Поэтому и желали некоторые поэты разлуки и хвалили день отдаления, но это нехорошо, и неправильно такое мнение, и неосновательно подобное воззрение. Не равен час радости и нескольким часам печали; как же будет, если разлука продлится дни и месяцы, а нередко и годы? Это неверный взгляд и дурное суждение. И я восхвалил разлуку в своих стихах лишь из желания, чтобы случались бы каждый день встреча и прощание, как перед разлукой, хотя бы пришлось терпеть горести, заключающиеся в этом противном слове. И хочется этого, когда прохо-

дят дни, в которые не бывает встречи, и тогда-то начинает любящий желать дня разлуки, если бы это было возможно, хоть каждый день. О первом виде прощания я скажу стихи, среди которых есть такой:

Краше цветов упоительный день для меня,
Вздохи мои в этот день горячее огня.

А о втором виде прощания скажу я стихи, среди которых есть такие:

Сей лик прекрасный достоин заоблачного чертога;
Цветы перед ним склонились, как перед посланцем Бога.

Он свеж, когда солнце летом в созвездии Льва сверкает;
Пылает он, когда солнце в созвездии Козерога.

Пускай расстается с телом душа моя в день разлуки,
Он мне возвещает радость, которой чужда тревога.

Любимую обнимая, забыл я былое горе;
Зачем не дала мне прежде любовь такого залога?

Хоть слезы горькие льются, завидует единенье
Подобному дню разлуки, когда печаль у порога.

И разве появляется в мыслях и возникает в думах что-нибудь более ужасное и болезненное, чем разрыв из-за ссоры, наступившей между любящими, когда приходит к ним затем внезапная разлука, прежде чем поселился меж ними мир и был развязан узел разрыва. И поднимаются они для прощания, и забыты упреки, и пришло к ним то, что превосходит силы и заставляет улететь сон. Об этом я скажу стихотворение, где есть такие стихи:

Упреки напрасны теперь, отброшена злость, как личина;
Разлука — великая рать; ее посылает судьбина.

Разлукою посрамлена, бежит неуместная ссора;
Изгладилась в наших сердцах ее роковая причина.

Так бегством спасается волк, свирепого льва избегая,
Хотя пропадает подчас добытая волком дичина.

Сегодня разлуке я рад, она прогоняет раздоры,
Однако не помнить нельзя, какая грозит мне кручина.

Казалось, недуг отступил, и страждущему полегчало,
Однако спасения нет: потом наступает кончина.

Знаю я человека, который пришел проститься со своей возлюбленной, но увидел, что той уже след простыл.

И постоял он немного, глядя ей вослед, и несколько раз возвращался к тому месту, где некогда была его любимая, а потом ушел, и вид у него был огорченный, и взор его погас, и ум его помутился. И прошло лишь немного дней, как заболел он и умер,— помилуй его Аллах!

Поистине, разлуке присуще дивное действие в обнаруживании сокрытых тайн. Я видел человека, который таил свою любовь и скрывал то, что чувствует, пока не пришла случайно разлука,— тогда открылось затаенное, и сокрытое стало явным. Об этом я скажу отрывок, где есть такие стихи:

Ты мне любовь подарила, мои прервала мытарства;
Подарок твой запоздалый дороже всякого царства.

Тебе посетить бы прежде печальное мое сердце;
Тогда бы не проявила судьба своего коварства.

Однако пользовать поздно того, кто уже скончался,
Хоть при смерти помогают спасительные лекарства.

Я скажу еще:

Ты прежде на любовь скупилась, и я скорбел, многострадальный;
Зато теперь перед разлукой как сладок твой привет прощальный!

Но ты расщедрилась некстати, меня ты поразила в сердце;
От запоздалого привета еще печальнее печальный.

Это напомнило мне о том, что я пользовался некогда расположением одного из вазиров султана, во дни его знатности, и проявил он некоторую сдержанность, и оставил я его. Но прошли его дни, и окончилось его правление, и проявил он ко мне дружбу и братские чувства в доле немалой, и сказал я:

Со мною ты теперь приветлив, столь неприветливый когда-то,
И сердце у тебя приязнью, оказывается, богато.

Твоя любезность бесполезна, когда понять не так уж трудно,
Что в этом приступе приязни твое несчастье виновато.

Затем бывает разлука — приходит смерть,— и это уже конец, и нет тут надежды на возвращенье. Это беда постигающая, спину сокрушающая, это напасть судьбы и горе, и затмевает она мрак ночи. Она пресекает все мечты, уничтожает всякое желание и лишает надежды на встречу; тут бессильно слово и невозможно врачевание, и нет здесь уловки, кроме терпения, волей или неволей. Это самая

великая беда, что постигает влюбленных, и нет для того, кого это поразило, ничего, кроме рыданий и плача, пока не погибнет он или это ему не наскучит. Вот язва, которую не бередят, боль, которая не проходит, и забота вечная. Об этом я говорю:

Нет, разлука — не утрата,
В худшем случае — расплата.

Грех оплакивать нам солнце
После ясного заката.

Разве только из могилы
Нет на этот свет возврата.

И часто видели мы людей, с которыми это случилось. А про себя я расскажу тебе, что я один из тех, кого постигло это несчастье и к кому поспешила такая беда. Я больше всех любил и сильнее всех увлекался одной из невольниц, бывших у меня в прошлом, которую звали Нум. Это была мечта для желающего и предел красоты, удивительная внешностью, нравом и по согласию со мною: я был отцом ее невинности, и мы одинаково любили друг друга. Но поразила меня судьба, и похитили ее ночи и течение дней, и стала она третьей между прахом и камнями, и было мне в пору ее кончины меньше двадцати лет, а она уступала мне в годах. И я провел после нее семь месяцев без сна и отдыха, и не уставали течь мои слезы, и, клянусь Аллахом, не утешился я до сего времени. И если бы был принят выкуп, я бы, право, выкупил ее всем, что имею из наследственного и нажитого, и не пожалел бы часть моего тела,— тотчас же и охотно. Никогда не была жизнь мне после нее приятна, и я не забыл ее памяти и не сближался с другой женщиной, и любовь к ней стерла все, что было прежде, и сделала запретным все, что было после нее.

Вот часть того, что я про нее сказал:

Хоть порой встречаются звезды среди тех, кто носит браслеты,
У возлюбленной и у солнца одинаковые приметы.

Потому-то сердце летает и спускается ненадолго,
В упоительном воспаренье выполняя мои обеты.

А среди стихотворений, в которых я ее оплакивал, есть поэма, заключающая такие строки:

Словами я не насладился, которые мне в сердце дуют,
Как будто над его узлами, неуловимые, колдуют.

Мечтами не повелевал я, небрежно ими забавляясь,
И на меня мои мечтанья теперь, должно быть, негодуют.

Они меня клянутся бросить, хотя со мною неразлучны;
Они мои друзья навеки и потому со мной враждуют.

И еще говорю я в поэме, с которой обращаюсь к моему двоюродному брату Абу-ль-Мугире Абд аль-Ваххабу Ахмаду ибн Абд ар-Рахману, внуку Хазма ибн Галиба, отвечая ему:

Спросите следы кочевья, склоняясь над пепелищем:
Где тот, кто в своих скитаньях пустыню сделал жилищем?

Исчезло теперь кочевье, как тайный помысел, скрыто;
На голое место глядя, скитальцев мы тщетно ищем.

Люди не согласны насчет того, что тяжелее — разлука или разрыв. И то и другое — тягостное восхождение, красная смерть, черная беда и серый год, и всякий считает из этого ужасным то, что противоположно его природе.

Кто обладает душою гордой, любвеобильной, мягкой, доступной и устойчивой в обещании, для того ничто не сравнится с бедствием разлуки, так как она пришла намеренно и замыслили ее превратности рока умышленно. Поэтому не видит он, чем утешить свою душу, и, обращая думы свои к какой-нибудь мысли из мыслей, постоянно находит в ней оживление своей страсти, и возбуждает она печали, причиняя ему страдания и побуждая его плакать о друге. А разрыв — это вестник забвения и предтеча гибели любви.

Что же касается человека с душою томящейся, постоянно влекомой и обращающей взоры к любимой, беспокойной и переменчивой, то разрыв для него болезнь, влекущая гибель, а разлука — средство забвения и утешения. Я же считаю, что смерть легче разлуки, а разрыв навлекает одну горесть — и только, а если продлится он, то скорее всего вызовет усиление. Об этом я говорю:

Мне сказали: «Уезжай! Вот желанное решенье!
Может быть, в чужих краях обретешь ты утешенье».

Я в ответ: «Меня никто не утешит, кроме смерти;
Дважды в жизни яд меня не введет во искушенье.

Отдаление в любви хуже самой страшной казни;
Если милой нет вблизи, остается сокрушенье.

Сердце — лакомая снедь, страсть — назойливая гостья;
Ей не стану докучать, повторяя приглашенье».

Я видел людей, которые прибегали к разрыву с влюбленными и добивались его умышленно, боясь горечи дня разлуки, и страданий, и грусти, возникающей при расставанье. Такое поведение, хоть оно, по-моему, и не принадлежит к обычаям, угодным Аллаху, все же решительное доказательство того, что разлука тягостнее разрыва,— это ли не так, если среди людей есть такие, которые прибегают к разрыву, боясь разлуки? Я не нашел никого в мире, кто бы прибегал к разлуке, боясь разрыва, а людям свойственно всегда избирать более легкое и брать на себя менее значительное, и мы сказали, что это не относится к похвальным обычаям только потому, что поступающие так ускоряют беду, прежде чем она придет к ним. Ведь, может быть, того, чего они боятся, и не будет и, может быть, тот, кто ускоряет неприятное, не зная наверное, что ему суждено, ускоряет себе приговор.

Не избегай любви нарочно, поверь, дурное это средство;
Друзей терять по доброй воле глупей, чем промотать наследство.

Живет богатый, словно бедный, напуган бедностью голодной,
Которая с богатым рядом, так что грозит ее соседство.

Я вспоминаю, что у моего двоюродного брата Абу-ль-Мугиры есть стихи, где высказана мысль, что разлука тяжелее разрыва. Эти стихи из поэмы, с которой он обратился ко мне, когда ему было семнадцать лет или около этого. Вот они:

Неужто ты, друг, подвержен губительнейшему зуду?
Скажи, куда торопиться медлительному верблюду?

Поистине, расставанье опасностью угрожает.
Ты думаешь взять с собою любовь, как ты взял бы ссуду?

Лжецы говорят нередко: разрыв опасней разлуки,
Но это злостная кривда. Не верь болтливому люду!

Не ведают они страсти, глубин ее знать не знают,
Готовые уподобить любовь презренному блуду.

А для влюбленных разлука — дорога верная к смерти,
И этой истины страшной вовек я сам не забуду.

5*

У меня есть об этом длинная поэма, которая начинается так:

Мне восторг непревзойденный утро, вспыхнув, даровало;
И, меня с тобою сблизив, счастье восторжествовало.

Редкий плод бесплодной почвы, первенец жены бездетной,
День, врачующий недуги,— благодатное начало!

Эти молнии сближенья не обманывают сердца,
И не блекнет сад зеленый, где блаженство созревало.

Перси-персики набухли; говорят они прекрасной:
«Поспешай же!» — но перечит сумрачное покрывало.

Так одно красотку тянет, а другое не пускает;
Со стыда лицо пылает, как заря весною, ало.

Мой недуг от глаз прекрасных, только в них же исцеленье,
Жизнь моя с моею смертью, а любимой горя мало.

От змеиного укуса лишь змеиным лечат мясом,
Или было бы смертельно ускользающее жало.

Разлука заставляла поэтов плакать в местах свиданий, и проливали они потоки слез, и поили землю водою томления, вспоминая, что было с ними там, и рыдали, и оживляли следы любимых их погребенную страсть, и принимались они стонать и плакать.

Рассказывал мне один прибывший из Кордовы, которого я расспрашивал о ней, что он видел наши дома в Палатах Мугиса на западной стороне города, и стерлись следы их, и исчезли их признаки, и скрылись места свиданий, и изменило их бедствие. И стали они бесплодными пустынями, после того как были населены, и безлюдными равнинами после толпы друзей. Это одинокие развалины, что были прежде прекрасны, и страшные ущелья, раньше безопасные; там убежище волков, где раздается свист гулей, там игралище джиннов и приют диких зверей после мужей, подобных львам, и красавиц, подобных изваяньям, пред которыми расточали обильные богатства; рассеяно теперь единенье их, и оказались они в разных странах, подобные племени Саба. И кажется, что те разубранные опо-

чивальни и украшенные покои, сиявшие, как сияет солнце, и рассеивавшие прекрасным видом своим заботы, когда объяло их разорение и охватило их разрушение, стали подобны разинутым пастям львов, возвещающим конец мира, и показывают они тебе, каков исход жизни его обитателей, и рассказывают, куда идет всякий, кого ты видишь стоящим. И становишься ты воздержанным в стремлении к благам мира, после того как долго воздерживался от пренебрежения ими.

И вспомнил я дни мои в Кордове, и мои наслаждения там, и месяцы моей молодости, проведенные с полногрудыми, к которым стремился и муж рассудительный, и вообразил я в душе, что находятся они под землей, в странах дальних и в краях отдаленных, и рассеяла их рука изгнания, и растерзали их длани отдаления; и представилось моему взору, что разрушена та беседка, которую знал я столь прекрасной, и пропали крепкие троны, около которых я вырос, и пусты дворы, где прежде толпились люди,— и явились слуху моему крики сов и филинов, что разносятся теперь над опустевшими, некогда многолюдными местами. И, бывало, ночи подражали дням, и растекались по дому его обитатели, и встречались его жители, а теперь дни подражают ночам в своей тишине и безлюдности. И заставили эти воспоминания плакать глаза мои, и сделали больно сердцу моему, и ударили камнем по печени моей, и усилили страдания ума, и я сказал стихотворение, где есть такие строки:

То, что поило меня, умирать заставляет от жажды;
Скорбь вызывает во мне то, что радовало не однажды.

Разлука порождает тоску, волнение и воспоминанье, и об этом я говорю:

Лишь бы ворон возвратился, отдаленьем окрыленный,
Для разлуки неизбежной срок назначив отдаленный.

Поклялась мне тьма ночная, что продлится бесконечно,
И свое сдержала слово: не прервался сон продленный.

В небесах звезда не знает, уходить или остаться,
Мешкает на небосклоне, словно путник утомленный;

Словно лучник, давший промах, или как беглец в испуге,
Как затравленный безумец или как больной влюбленный.

ГЛАВА ОБ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ

Неизбежно для влюбленного, когда запретно сближение, довольствоваться тем, что обретает он, и, поистине, в этом услада души, воскрешение надежды, обновление желаний и некоторый отдых.

Удовлетворенность имеет несколько степеней, сообразно тому, что достижимо и возможно, и первая из них,— когда довольствуются посещением. Поистине, в этом надежда из надежд, и возвышенно это среди того, что дарует судьба, хотя и проявляется при этом застенчивость и смущение, ибо каждый из любящих знает, что у другого в душе.

Посещение бывает двух видов: во-первых, когда любящий посещает любимую, и в этом случае возможно многое, а во-вторых, когда любимая посещает любящего, и тут ничто невозможно, кроме взглядов и незначительного разговора.

Об этом я говорю:

Сменилась близость отдаленьем; теперь я чужд былым усладам;
Кое-когда с тобой встречаясь, довольствуюсь я робким взглядом.

Хоть раз на дню тебя увидеть — предел моих мечтаний ныне,
А прежде было бы мне мало весь век прожить с тобою рядом.

Стремился к почестям сановник, однако в тягостной опале
Спасение души смиренно другим он предпочел наградам.

Что же касается ответа на приветствие и на обращенные речи, то в этом надежда из надежд, хотя и говорю я в моей поэме:

В отчаянье малым довольствуюсь, разлукою уничтожен:
Ответом твоим на приветствие, когда твой ответ возможен.

Но так чувствует себя лишь тот, кто способен в своих чувствах довольствоваться самым малым, лишь бы услышать из уст любящей надежду на большее, и в этом особенности тех, кто может или же способен ждать и надеять-

ся. Я знал человека, который говорил своей возлюбленной: «Обещай мне и солги!» — желая утешить свою душу ее обещанием, хотя бы и неправдивым. Я сказал об этом:

Ты солги мне, суля невозможное счастье,
Чтобы счастье в тоске мне узнать понаслышке.

Если в жизни моей невозможны свиданья,
Подари мне тогда хоть мечтанья в излишке!

Так ликует народ, видя молнию в небе,
Даже если дождя не бывает при вспышке.

Вот нечто, относящееся к этой главе,— это видел я сам и видел со мною другой человек. Одного из моих друзей ранила ножом та, кого он любил, и видел я, как влюбленный целовал раненое место и плакал над ним снова и снова.

Я сказал об этом:

Сказали мне: «Ты ранен ею», но выразил я покаянье,
Ответив: «Нет, клянусь, не ранен, я в безнадежном обаянье.

Мою любимую почуяв, кровь к ней потоком устремилась
И не вернулась больше в жилы, так привлекательно сиянье!
И если милая врагиня в кровопролитии виновна,
То сам я — выкуп за такое благодеянье в злодеянье».

Непритязательность также и в том, что радуется человек и удовлетворен он, если обладает какой-нибудь вещью возлюбленной. Поистине, это прекрасное качество души, и пусть в этом нет ничего, кроме того, что рассказал наш Аллах великий о возвращении зрения к Якубу, когда дали ему рубаху Юсуфа — мир с ними обоими! Об этом я говорю:

С тех пор как в безжалостном гневе со мной госпожа распростилась
И сердце в опале бессрочной за грешную страсть поплатилось,

Живу я лишь тем, что на память остались мне платья любимой,
Как будто в поношенной ткани желанье мое воплотилось;

И я при таком утешенье похож на пророка Якуба,
Который скорбел по Юсуфу, и сердце в груди возмутилось,

Однако в глубокой печали, в отчаянье неукротимом
Понюхал он платье Юсуфа, и зренье к нему возвратилось.

Сколько я видел влюбленных, которые дарят друг другу пряди волос, окуренных амброй, опрысканных розовой водой; концы их соединяют мастикой или белым очищенным воском и завертывают их в куски расшитой ткани, шелка или чего-нибудь похожего, чтобы было это памятью при разлуке. Что же касается дарения зубочисток, после того как их пожуют, или мастики, после ее потребления, то это часто бывает у всякой пары влюбленных, для которых недоступна встреча. Об этом я скажу отрывок, где есть такой стих:

Я никогда не сомневался: ее слюна — вода живая,
Хотя мое мертвеет сердце, в страстях бесплодных изнывая.

Рассказ

Рассказывал один из моих друзей со слов Сулаймана ибн Ахмада, поэта, что тот видел Ибн Сахля, хаджиба на острове Сикиллия (а говорят, что Ибн Сахль был необычайно красив). И увидел он его в одном из мест увеселения, и Ибн Сахль шел, а за ним шла женщина и смотрела на него. И когда он отдалился, женщина подошла к тому месту, где стоял Ибн Сахль, проходя, и стала целовать и лобызать землю там, где остался след его ноги. Я скажу об этом отрывок; он начинается так:

Пускай хулители меня преследуют недобрым словом,
Я по твоим следам пойду; с безумным схож я звероловом.

О жители полупустынь, где засуха царит годами,
Когда пойдете вы за мной, моим подвигнутые зовом,

И наберете вы земли, где след запечатлелся дивный,
Минует вас неурожай в своем убожестве суровом,

Поскольку всякая земля, стопою тронута подобной,
Преображенная, родит в своем великолепье новом.

Так распознал ас-Самари след несравненного Джибрила,
След, от которого скудель прозрела под небесным кровом;

И вылепил ас-Самари из чудодейственной скудели
Шафранно-рыжего тельца, ревевшего протяжным ревом.

Я говорю еще:

Благословен твой край родной, где все живут на всем готовом;
Там благоденствует народ наперекор враждебным ковам;

Там каждый камень — самоцвет, а тернии подобны розам,
А наилучший мед слывет водой в богатстве родниковом.

Один из видов непритязательности — когда удовлетворяются посещением призрака во сне и приветствием видения; приходит это лишь от воспоминаний непокидающих, обетов неизменных и нескончаемых мыслей; и когда засыпают глаза и успокаиваются движения, прилетает призрак. Об этом я говорю:

Был юноша осчастливлен отрадным ночным виденьем,
Хотя влюбленного стража держала под наблюденьем;

И я всю ночь веселился, вкусив такие восторги,
Что ради них пренебрег бы любым другим наслажденьем.

Ко мне пришел призрак милый, когда воцарился сумрак,
И сердцем распоряжался, как вечным своим владеньем.

Явилась мне, как и прежде, хотя лежала в могиле,
И кто на моем бы месте считал ее наваждением?

Мы стали, какими были; былое как бы вернулось,
Мою порадовав душу во сне двойным награжденьем.

Поэтами сказаны о посещении призрака слова диковинные, ими изобретенные, и каждый опережает другого, высказывая какую-либо мысль. Так, Абу Исхак ибн Сайяр ан-Наззам, глава мутазилитов, считает причиною посещения призрака страх души перед соглядатаями, поставленными над прекрасным телом. Абу Таммам Хабиб ибн Аус ат-Таи считал причиной этого то, что соитие с призраком не вносит порчи в любовь, а соитие с подлинным созданием вносит в нее порчу. Аль-Бухтури видел причину прихода призрака в том, что он освещается огнем страсти влюбленного, а ухода его — в опасении утонуть в слезах любящего. А я, не сравнивая своих стихов с их стихами — у них преимущество предшествования и первенства, и мы только подбираем, а они были жнецами,— но подражая им и идя по их следу и следуя по их пути, который они проложили и осветили,— скажу отрывок в стихах, где изъяснил я посещение призрака:

К моим глазам тебя ревную, как будто ты меня пытаешь
Самоубийственным соблазном: я прикоснусь, и ты растаешь.

Боясь подобного исхода, не смею днем с тобой встречаться;
Порою тихою ночною со мною ты во сне витаешь.

Уединяется во мраке моя душа с твоей душою;
К телесной нашей оболочке ты отвращение питаешь.

Гораздо больше наслажденья в таком таинственном соитье,
Поэтому с моей душою сближаться ты предпочитаешь.

В положении того, кто посещен во сне, различаются четыре разновидности. Во-первых, это влюбленный покинутый, огорчение которого продлилось, и затем увидел он в дремоте, что возлюбленная сблизилась с ним, и обрадовался этому, и возвеселился. А потом проснулся он, и грустит, и печалится, поняв, что то, что было,— мечтания души и ее внушения.

Об этом я говорю:

Целый день скупишься ты, так что днем я весь в заботах;
Утешает ночь меня, вся она в твоих щедротах.

Против истины грешишь ты, безжалостно считая,
Что тебя заменит мне солнце при своих красотах.

Навещает он меня, призрак твой неуловимый,
Защищает и целит в неприступнейших оплотах.

Счастья полного лишен, я вдыхаю сладость счастья,
Благодатный аромат, явственный в незримых сотах.

Неприкаянный, томлюсь между радостью и горем,
Не в раю и не в аду, словно люди на высотах.

Во-вторых, это возлюбленный, близкий к любимой, но озабоченный случившейся переменой. И увидел он, задремав, что любимая его покидает, и огорчился из-за этого сильным огорчением, но затем пробудился он от сна, и понял, что это неправда и некое наваждение заботы.

В-третьих, это любящий, дом которого близок, и видит он во сне, что поразило его отдаленье, и озабочен этим и испуган, а затем пробуждается он, и исчезает то, что с ним было, и становится он снова радостным.

Об этом я скажу отрывок, где есть такие стихи:

Мне приснилось, что расстались мы в отчаянье жестоком
И при горестном прощанье слезы хлынули потоком;

А потом я пробудился в сладостных твоих объятьях,
И забота миновала в упоении глубоком,

Словно, встретившись, в объятья заключили мы друг друга,
Истомленные разлукой в сокрушенье одиноком.

В-четвертых,— когда живет возлюбленный далеко и видит он во сне, что приблизилось место посещения и жилища стали соседними, и веселится, и радуется, утратив печаль. А затем поднимается он после сна и видит, что это неправда, и печаль и забота становятся более сильными, чем прежде.

В одном из сказанных мною стихотворений я говорил о желанности забыться во сне, чтобы явился призрак, и сказал так:

Не спал бы влюбленный в ночной тишине,
Но призрак прекрасный приходит во сне;

Приходит он только ночною порой,
Сияя во мраке, подобно луне.

Один из видов непритязательности, когда довольствуется влюбленный тем, что смотрит на стены и видит ограды, которые окружают его возлюбленную. Мы знали людей с такими качествами, и говорил мне Абу-ль-Валид Ахмад ибн Мухаммад ибн Исхак аль-Хазин — да помилует его Аллах! — что один знатный человек рассказывал о себе подобное этому.

Непритязательность проявляется и в том, что любящему приятно видеть тех, кто видел его возлюбленную, и дружить с ними, а также и с теми, кто прибыл из ее страны. Это бывает часто, и об этом я говорю:

Как жилище адитов, печален покинутый дом;
Словно в стане Самуда, царит запустенье кругом.

К этой главе относятся и мои стихи, сказанные по поводу того, о чем я сейчас расскажу. Однажды я гулял с несколькими моими друзьями, из людей образованных и благородных, в саду одного из наших приятелей. Мы походили немного, а затем нам захотелось посидеть, и мы выбрали место, прекраснее которого не было во всем саду, и оказались мы среди бегущих ручьев, подобных серебряным кувшинам, и птиц, распевающих напевы, которые глумились над тем, что создали Мабад и аль-Гарид, и висящих плодов, спускающихся к берущему их, и осеняли нас облака, сквозь которые глядело на нас солнце, рисуя перед нами поля шахматной доски. И нежная вода показывала истинный вкус жизни, и полноводные ручьи скользили, как туловища змей, и то поднималось журчанье их, то понижалось. И прекрасны были разноцветные цветы,

качаемые благовонным ветром, и воздух был ровный, и сидели тут люди превосходные. И было все это в весенний день с робким солнцем, которое то скрывалось за нежными облаками, то появлялось, подобно смущенной невесте или стыдливой красавице, что показывается влюбленному из-за занавесей и потом скрывается за ними, боясь следящего глаза.

А один из нас сидел, опустив голову, как будто беседуя с кем-то,— и это потому, что у него была тайна. И мне указали на него, и мы пошутили немного, а потом меня заставили сказать стихи от имени этого человека и как бы его языком, и я произнес стихи, сочиненные тут же, которые записали по памяти только после, когда мы ушли. Вот они:

Блаженствовали беспечные в прохладе сада зеленого
В тени ветвей, колыхавшихся средь воздуха просветленного.

Смеялись цветы прекрасные, роскошно благоухавшие
Среди вертограда влажного, лучами не опаленного.

Одни — протяжными стонами, другие — радостным щебетом,
Листву оглашали певчие из племени окрыленного.

И было где разгуляться нам, и было чем нам потешиться:
Приманок было достаточно для пыла неутоленного.

В кругу моих собеседников, степенных и обходительных,
Иной затмевал толковника и праведника хваленого.

И все-таки было грустно мне в саду без моей владычицы;
Ничто в роскошестве сладостном не радовало влюбленного.

Уж лучше мне быть в темнице с ней, в ее горячих объятиях,
А вам, друзья мои милые, пора в чертог Обновленного.

А тот, кто собственной участи дерзнет предпочесть кощунственно
Хотя бы участь завидную властителя непреклонного,

Пускай горюет и бедствует, пусть мыкается, поруганный,
И пусть никто не напутствует изгнанника посрамленного.

И сказал он и те, кто присутствовал: «Аминь, аминь!»

Вот каковы виды истинной непритязательности, свойственные влюбленным, которые я перечислил, не преувеличивая и не преступая меры. А у поэтов есть особый вид выражения довольствования тем, что есть у них и в чем хотят они показать свое стремление и проявить способность к глубине мысли. Каждый из них говорит согласно своей природе и таланту, но только это произвол языка, излише-

ство в речах и злоупотребление красноречием, и то, что они говорят, неверно в корне. Один из них удовлетворяется тем, что небо осеняет его и его возлюбленную и что земля носит их обоих; другой — тем, что обоих их одинаково покрывают ночь и день, или чем-нибудь подобным; и всякий спешит достигнуть предела углубленности и заполучить знак первенства в тонкости изъяснения. А мне принадлежат в этом смысле такие слова, которые не смогут превзойти все те, кто захочет сказать о том же. Вот они:

Мне говорят: «Она далёко», но всей моей душою пленной
Твержу: «В одно и то же время мы с ней живем в одной
Вселенной.

Одно и то же солнце всходит над нами утренней порою
И нам дорогу освещает, сияя славой неизменной.

Лишь день единственный в дороге, и я бы с нею повстречался,
Так что считаю нашу близость я совершенно несомненной.

У нас одна и та же вера, один и тот же Бог над нами,
И сочетает нас Всевышний своею властью сокровенной».

Как ты видишь, я удовлетворяюсь единением с той, кого люблю, с кем одинаков в знании Аллаха, от которого происходят и небеса, и своды, и все миры, и все сущее, и ни в чем не дробится оно, и ничто его не минует. Затем ограничился я, взяв из поучений Аллаха то, что любимая живет во времени,— это более всеобъемлюще, нежели то, что сказали другие об окружении любимой днем и ночью, хотя по внешности оно сначала кажется слышащему одним и тем же. Ибо все, что создано, подпадает под время, и время лишь условное название прохождения часов, течения небосвода и движения его тел; ночь и день зарождаются от восхода солнца и заката его, и оканчиваются они где-то в вышнем мире, а время не таково, и они — часть времени. И если какому-то философу и принадлежат слова, что мрак продолжается бесконечно, то очевидность опровергает это, и причины возражения ему ясны, но здесь им не место.

Затем изъяснил я, что если любимая находится в отдаленнейшем конце мира на востоке, а я — в отдаленнейшем конце его на западе (а такова длина обитаемой земли), то между ею и мною лишь расстояние в один день, так как солнце восходит в начале дня на начальном востоке и закатывается в конце дня на конечном западе.

Есть одна разновидность удовлетворенности, о которой я упомяну, прося у Аллаха защиты от нее и от людей, которым она свойственна, и восхваляя Всевышнего за то, что он научил наши души избегать этого. И состоит она в том, что разум совершенно заблуждается, и гибнет проницательность, и легким становится тяжелое, и исчезает ревность, и пропадает гордость, и соглашается человек делиться с другими той, кого он любит. Это случалось со многими людьми (да защитит нас Аллах от испытаний!), и бывает это истинным только тогда, когда природе человека свойственны привычки пса и он низок разумом, который будет мерилом того, что под ним, и слабы его чувства, и подкрепляется это сильной, всеохватывающей любовью. И когда соединятся подобные качества, перемешавшись друг с другом, зарождается среди них это низкое свойство, и родится эта дурная привычка, порождая за собой грязные и скверные поступки. А если обладает человек малейшим благородством и ничтожнейшей мужественностью, тогда подобная беда дальше от него, чем Плеяды, хотя бы умер он от страсти и растерзала бы его любовь. Я говорю об этом, насмехаясь над одним из тех, кто был снисходителен в этом отношении:

Не слишком ли широк ты сердцем? Ты посоветуйся с врачами,
Когда согласен ты делиться своими кровными ночами.

Так, значит, вдвое меньше влаги тебе довольно для полива?
Давай тогда разделим солнце и обменяемся лучами!

Допустим, половина туши верблюжьей тяжелей козленка;
Не слушай тех, кто докучает тебе поносными речами.

Иди за госпожой своею, куда прекрасная прикажет,
Пока играет чаровница двумя блестящими мечами.

ГЛАВА ОБ ИЗНУРЕНИИ

Всякий любящий, который искренне любит и лишен близости из-за разлуки, или разрыва, или сокрытия любви, случившегося по какой-нибудь причине, неизбежно дохо-

дит до пределов изнурения, и похудания, и наихудшего недуга, который заставляет его слечь. И дело это весьма частое, происходимое постоянно. Но последствия любви — другие, чем признаки налетевшей болезни, так что различит их умелый лекарь и внимательный чтец по лицам.

Об этом я говорю:

Лекарь мне сказал неразумное слово:
«Я намерен тебя лечить, как больного».

Но никто моего недуга не знает,
Кроме Бога Всевышнего, Всеблагого.

Неужели я хворь мою скрыть пытаюсь
Вопреки свидетельству тела худого,

Хоть недуг выдают протяжные стоны
И молчание тайну выдать готово?

Много признаков явственных подтверждают:
Мое тело злосчастное не здорово.

Говорю я врачу: «Ты признайся честно,
Что подобное заболевание ново».

Отвечает мне врач: «У тебя сухотка,
Похуданье — симптом недуга такого».

Возразил я: «Сухоткой члены страдают,
Это жгучий прилив тока кровяного,

А меня, как видишь, не бьет лихорадка,
Я совсем не чувствую жара сухого».

Призадумался лекарь: «Зловещий признак —
Эти приступы раздраженья глухого.

Не дает ли знать себя черная немочь?
Хочешь снадобий от недуга лихого?»

Возмутился я: «Видишь, как слезы льются!
Лекарь, лучше не молол бы ты пустого!»

На меня посмотрел и замолк, смущенный,
Убедившись, что нет ответа простого.

И сказал я: «Недуг мой — мое лекарство.
Это с толку собьет мудреца любого.

Опустите растение вниз верхушкой;
Ветви — тоже корни средь праха земного.

От змеиного яда лишь яд спасает;
Тот же самый яд, нет лекарства иного».

В моих стихах, упомянутых в этом послании, уже предшествовали обстоятельные описания худобы, так что я удовольствуюсь ими и не стану приводить здесь ничего, кроме них, опасаясь затянуть речи. Аллах же помощник нам, и к нему взываем о помощи!

И иногда признаки изнурения возвышаются до того, что разум человека бывает побежден, и возникает преграда между ним и умом его, так что становится он безумным.

Рассказ

Я хорошо знал одну девушку, обладательницу необычайной красоты и благородства, и была она из дочерей военачальников. Ее сильная любовь к одному юноше, моему другу, сыну писца, привела к разлитию желчи, и девушка едва не помешалась. И стало известно о ее состоянии и причине ее недуга не только тем, кто был близок, но и тем, кто был далек от этой семьи.

Подобное происходит лишь из-за черных мыслей, и когда одолевают такие мысли, получает силу черная влага, и дело выходит из границ любви в пределы безумия и одержимости, и если не прибегают к врачеванию сразу и до излечения, болезнь очень усиливается, и для нее нет иного лекарства, кроме сближения.

Среди того, что она написала этому юноше, есть один отрывок; вот часть его:

Ты мою похитил душу; я теперь в степи безводной
Без души моей бессмертной, без надежды путеводной.

Только близостью своею ты спасешь меня сегодня,
И прославишься повсюду правотою благородной.

Хоть с браслетами ножными я готова поменяться
Драгоценными цепями, лишь бы сделаться свободной.

Ясным солнцем ты возлюблен; даже солнце в синем небе
Восхищается твоею красотою превосходной.

Рассказ

Рассказывал мне Джафар, вольноотпущенник Ахмада ибн Мухаммада ибн Худайра, прозванного аль-Бальбинни, что причиною помешательства Марвана ибн Яхьи ибн Ахмада ибн Худайра и исчезновения его ума была любовь его к невольнице его брата, который отказался отдать ему

девушку и продал ее другому, хотя не было среди его братьев подобного Марвану и более совершенного по образованию, чем он.

Рассказывал мне Абу-ль-Афия, вольноотпущенник Мухаммада ибн Аббаса ибн Абу Абды, что причиною безумия Яхьи ибн Мухаммада ибн Аббаса ибн Абу Абды была продажа его невольницы, к которой он испытывал сильную любовь. Его мать продала эту девушку, и она перешла к его родственницам из Амиридов. Вот два человека, знатных и знаменитых, которые потеряли разум, и помешались, и оказались в цепях и ошейниках. Что касается Марвана, то его поразил нечаянный удар в день, когда берберы вступили в Кордову и достигли ее, и он преставился — помилуй его Аллах! — а Яхья ибн Мухаммад жив и находится в том же состоянии, когда я пишу это послание. Я видел его неоднократно и сиживал с ним во дворце, пока его не постигло это испытание, и моим наставником, и его также, был факих Абу-ль-Хияр аль-Лугави, и тогда Яхья — клянусь жизнью! — был свободен от расстройства ума и одарен высокими душевными качествами и способностями.

И есть таким еще много подобных, и мы видели многих, но не называем их из-за их безвестности.

Это такое состояние, что если достигнет его влюбленный, то отрезаны все его надежды и прекратились чаяния. Нет для него лекарства ни в чем, так как утвердилась порча в мозгу, погибло знание и одолело несчастье — да спасет нас Аллах от беды своею властью и да избавит нас от кары своею милостью!

ГЛАВА О ЗАБВЕНИИ

Мы знаем, что все, что имеет начало, неизбежно должно иметь конец, кроме милости Аллаха, великого, славного, в раю для друзей его, и наказания огнем для врагов его. Что же касается явлений здешнего мира, то они кончаются, проходят, прекращаются и исчезают. Исход всякой

любви ведет к одному из двух — или к похищению смертью, или к забвению всего, что было в прошлом. Мы находим, что душу одолевает какая-нибудь из сил, управляющая вместе с нею телом, и как видим мы душу, которая отказывается от утех и наслаждений, следуя разуму в повиновении Аллаху великому или из двуличности в мирской жизни, чтобы прославиться постничеством. Также видим мы и душу, которая отвращается от желания встречать подобие свое из-за укрепившейся гордости, или из-за опасения измены, или же оттого, что платят злом во всех твоих тайных помыслах. Это наиболее безупречное забвение. Если же оно происходит не от этих двух вещей, оно не иначе как порицаемо. Забвение же, зарождающееся из-за разлуки и ее длительности, подобное утрате душою надежды на достижение желаемого,— когда оно входит в душу, ослабевает в ней влечение и не усиливается более желание.

У меня есть поэма с порицанием забвения. Вот часть ее:

Сразила случайным взором, и мертвого покорила;
Заплакал камень, услышав, как она заговорила.

Питается моей плотью, пьет кровь мою злая гостья;
Навеки мной завладела ее жестокая сила.

Влюбленный претерпевает страданья ради величья,
Хотя бы его сжигали разгневанные светила.

Он бедствует, наслаждаясь, и радуется, страдая;
Влечет его и чарует заманчивая могила.

Утешение, вообще, делится на два разряда. Первое — утешение естественное; его называют забвением, и при нем становится пустым сердце и освобождается ум, и человек делается таким, как будто он совсем не любил. Утешение такого рода иногда достойно упрека, так как оно возникает из качеств порицаемых и от причин, не вызывающих нужды в забвении,— это встретится и будет разъяснено, если захочет Аллах великий. А иногда оно не навлекает упрека из-за действительного оправдания. Второе утешение неестественное, вопреки душе: его называют притворной стойкостью, и ты видишь, что человек высказывает твердость, а сердце его ужалено сильнее, чем от укола шилом, но полагает он, что одно зло легче, чем другое, или сводит счеты со своей душой, приводя доводы, ко-

торых не отвести и не разбить. За такие утешения не порицают утешившегося и не упрекают того, кто так поступает, ибо возникает оно лишь из-за великого бедствия и случается только от сокрушительной беды,— либо по причине, которую не могут стерпеть свободные, либо из-за несчастья неотвратимого, потому что послано оно судьбой. Достаточно тебе знать о том, кому это приписывают, что он совсем не забыл, а помнит, и испытывает влечение, и стоит на том, что обещал, глотая горечь терпения. Вот обычная разница между забывшим и внешне стойким,— ты видишь, что если стойкий и проявляет крайнюю твердость и для вида бранит любимую и нападает на нее, он не потерпит этого от других. Об этом я скажу отрывок, где есть такие стихи:

Я не порочу любимую речью моею враждебной;
Самая злобная брань моя песне подобна хвалебной.

Я упрекаю любимую так же, как вы говорите:
Бог превозносит по-своему праведных карой целебной.

А забывший — противоположность этому, и все это бывает в соответствии с натурой человека, сообразно его выдержке и настойчивости, и с тем, сильна ли власть любви над его сердцем или слаба. Об этом я говорю такие стихи, называя в них утешившегося притворно стойким:

Утешиться — еще не грех, любимую забыть позорно;
Не так виновен тот, кто слаб; лишь сильный виноват бесспорно.

Один покорствует страстям, другой привык владеть собою;
И стойкость мнимую срамит лишь тот, кто стоек непритворно.

Причины, которые вызывают утешение, что делятся на два вида, многочисленны и в соответствии с ними и по мере того, что из-за них случается, оправдывают утешившегося или порицают. К ним принадлежит пресыщение, речь о котором мы вели раньше, и поистине, любовь того, кто утешился из-за пресыщения,— не настоящая, и украсивший себя ею предъявляет притязание легковесное. Он только ищет услады и спешит навстречу страсти, и утешившийся таким образом забыл и достоин порицания.

Относится к ним также и переменчивость. Она сходна с пресыщением, но в ней есть добавочный смысл, и из-за этого смысла она более дурна, чем предшествующее, и человек переменчивый более достоин порицания.

К тем же причинам относится стыд, вложенный природою, который бывает у любящего и становится преградою между ним и чувством, что он испытывает. И дело длится, и вяло тянется срок, и изнашивается новизна дружбы, и возникает утешение. И если утешившийся таким образом окажется забывшим, он никак не справедлив, ибо от него пришла причина неудачи. Если же он будет выказывать стойкость, то его нельзя порицать, так как он предпочел стыд усладе своей души. О посланнике Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — дошло, что он сказал: «Стыд относится к вере, а распущенность относится к ослушанию». Передавал нам Ахмад ибн Мухаммад, со слов Ахмада ибн Муттарифа, Абдаллаха ибн Яхьи и его отца, и Малика, и Саламы ибн Сафвана аз-Зарки, который говорил со слов Зайда ибн Тальхи ибн Рикана, возводя иснад к посланнику Аллаха,— да благословит его Аллах и да приветствует! — и говорил он, что тот сказал: «У всякой веры есть свое качество, и качество ислама — стыд».

Эти три причины коренятся в любящем и начинаются от него, и к нему пристает порицание за то, что забывает он из-за них ту, кого любит. Затем есть четыре причины, исходящие от возлюбленной, корень которых в ней. К ним относится разрыв; объяснение его свойств уже приводилось, но для нас неизбежно сказать о нем кое-что и в настоящей главе.

Разрыв, если продлится он, и участятся укоры, и станет непрерывна жизнь в разлуке, бывает воротами к забвению. Когда кто-нибудь был к тебе близок и затем порвал с тобой из-за другого, это никак не относится к главе о разрыве, ибо здесь подлинная измена. Если кто-нибудь почувствовал склонность к другому, не имев прежде с тобой близости, это тоже ни в чем не касается разрыва, и тут только неприязнь. Об этих двух разновидностях будет речь потом, если пожелает великий Аллах. Разрыв же бывает со стороны того, кто был к тебе близок, а затем порвал с тобою из-за доносов и сплетен, или совершенного проступка, или по причине чего-нибудь, что возникло в душе, но не почувствовал склонности к другому и не поставил никого иного на твое место. И тот из любящих, кто забыл подобным образом, достоин упрека скорее, чем при других случаях, исходящих от любимой, ибо не произошло таких обстоятельств, которые могли бы оправдать забвение, и любимая не желает близости с тобою, а это для нее

уже необязательное. Выше ведь уже говорилось о долге близости и об обязанностях, налагаемых ее днями,— они заставляют помнить о возлюбленной и принуждают к верности обету дружбы. Но кто утешился и проявляет внешнюю стойкость и твердость, тот здесь оправдан, ибо видит он, что разрыв длится, и не замечает признака сближения и знака возвращения. Многие люди считают допустимым называть этот вид забвения изменой, так как внешность их одна, но причины их, однако, различны, и поэтому разделим мы их в действительности. Я скажу об этом стихотворение, где есть такие строки:

Уподобляйтесь неведомым; вам я тоже неведом,
И совершенный прообраз мой с вашим не схож соседом.

Пусть отголоском останусь я, отзвуком, а не словом,
Неутомимо сопутствуя бедам, как и победам.

Я скажу еще такой отрывок (три стиха из него я сказал во сне, а проснувшись, я добавил четвертый стих):

Аллах! Твое милосердие — по-моему, в том порука,
Что счастье Тебе угоднее, а мне угрожает мука.

Как свиток, радость минувшая свитá рукою разрыва,
И мне грозит неприкаянность, а после мрачная скука.

Как пил я любовь сладчайшую, теперь буду пить
я горечь;
Терпение бесконечное — мучительная наука.

Как страсть коренится в близости, так скорбное утешенье
Дает себя знать в отчаянье, когда продлится разлука.

Я скажу также часть отрывка:

Когда бы мне раньше сказала вражда,
Что станет с годами любовь мне чужда,

Весь мир я заверил бы тысячей клятв,
Что я не забуду ее никогда.

Как вдруг поразил нас обоих разрыв,
И сердцу покой возвратила беда.

Аллах милосердный утешил меня,
Я в этом признаться готов без стыда.

Чем дольше разлука, тем легче печаль,
И я удивляюсь, как верность горда.

Любовь твоя теплится, как уголек,
Но можно подумать, что это звезда.

И еще я скажу:

Казалось, что моя душа геенским пламенем палима,
Любовь прошла, и понял я, что это пламень Ибрахима.

Затем следуют три остальные причины, которые исходят от любимой, и люди, проявляющие при них стойкость, не заслуживают порицания вследствие того, о чем скажем мы, если Аллах пожелает, говоря о каждой из них. К ним относится отчужденность, проявляемая любимой, и уклонение, пресекающее надежды.

Рассказ

Я расскажу тебе про себя, как я привязался в дни юности любовью к одной девушке, которая выросла в нашем доме. Ей было в то время шестнадцать лет, и достигла она предела в красоте лица и разуме, целомудрии и чистоте, стыдливости и кротости. Она не знала шуток, отказывала в дарах, дивная ликом, была лишена недостатков, мало говорила, опускала взор долу, была очень осторожна, чиста от пороков и постоянно хмурилась, но, отворачиваясь, была мягка и грустна от природы. И в одиночестве она была прекрасна, восседая степенно, с большим достоинством, и находила усладу, избегая людей. Для нее не существовало ни надежд, ни желаний, и мечты были чужды ей. Однако облик и лицо ее влекло к ней всех, кто видел ее, но холодность останавливала всякого. Отказ и скупость украшали ее, как украшают другую великодушие и щедрость. И была она склонна к серьезному в делах своих, не желая развлечений, хотя хорошо умела играть на лютне. Я почувствовал к ней склонность и полюбил ее любовью чрезмерной и сильной, и два года или около этого старался я с величайшим рвением, чтобы ответила она мне приветливым словом, кроме того, что выпадает при внешнем разговоре всякому слышащему, но не достиг совершенно ничего. И хорошо помню я одно празднество, бывшее у нас в доме по поводу чего-то, из-за чего устраивают празднества в домах вельмож, и собрались тогда женщины из нашей семьи и семьи моего брата — помилуй его Аллах! — и жены наших челядинцев и близких нам слуг из

тех, чье место было угодно и положение значительно. И они просидели первую часть дня, а затем перешли в беседку, бывшую в нашем доме, которая выходила в сад; из нее можно было видеть всю Кордову и предместья, и двери ее были открыты. И женщины стали смотреть сквозь решетки, и я был между ними, и хорошо помню, как я направлялся к тем дверям, у которых стояла девушка, стремясь подойти к ней поближе, но едва лишь она замечала меня в соседстве с собой, как тотчас же отошла от этой двери и перешла к другим. И я хотел направиться к тем дверям, к которым подошла девушка, но она снова поступала таким же образом и уходила к другим дверям. А она знала, что я увлечен ею, но прочие женщины не замечали, чем мы заняты, так как их было большое количество, и они переходили от дверей к дверям, чтобы посмотреть из одних дверей на те стороны города, которых не было видно из других. И знай, что женщины всматриваются в того, кто их любит, пристальнее, чем всматривается в следы путешествующий ночью!

А затем мы спустились в сад, и пожилые влиятельные женщины среди нас попросили госпожу этой девушки дать им послушать ее пение. И госпожа приказала девушке, и та взяла лютню и настроила ее, со стыдом и смущеньем, подобного которому я не видывал,— а поистине, прелесть вещи удваивается в глазах того, кто находит ее прекрасной,— и затем она начала петь стихи аль-Аббаса ибн аль-Ахнафа, в которых он говорит:

По солнцу томиться ночью, поверьте, пытка из пыток,
А в горнице что-то блещет; не золотой ли там слиток?

Земное изображенье неугасимого солнца —
Девичье нежное тело, как будто свернутый свиток.

Причастна людской природе она, подобная джиннам;
Кто видел ее, тот выпил волшебный, хмельной напиток.

Ее дыхание — амбра, обличье — нарцисс и жемчуг;
В чертах ее ненаглядных сияния преизбыток.

Яйцá ступней не раздавит, идет как по стеклам битым;
Одета легкою тканью, где молнии вместо ниток.

И, клянусь жизнью, звуки лютни как будто падали мне на сердце, и не забыл я этого дня и не забуду его до дня разлуки с земною жизнью. И было это наибольшим, чего я достиг из возможности ее видеть и слышать ее слова.

Я говорю об этом:

Красавицу за своенравье напрасно корят пустомели;
Застенчивая, исчезает, чтоб вы на нее не глазели.

На небе своем безграничном к нам близкой луна не бывает;
Спасаться стремительным бегством — врожденное свойство газели.

Я говорю еще:

Не хочешь ты мне сегодня явиться.
За что тебе на меня гневиться?

Наверное, ты сегодня постишься
И не говоришь с людьми ты, девица.

Но ты пропела стихи аль-Аббаса;
Когда бы тебя он встретил, певица,

Его бы тогда, как меня, постигла
Бессонница, если не огневица.

Потом переехал вазир, отец мой,— помилуй его Аллах! — из вновь отстроенного дома нашего на восточной стороне Кордовы, в предместье аз-Захира, в старый наш дом на западной стороне Кордовы, в Палатах Мугиса, в третий день по восшествии повелителя правоверных Мухаммада аль-Махди на халифат, и я переехал с ним, и было это во второй джумаде года триста девяносто девятого. А девушка не переехала при нашем переезде из-за обстоятельств, сделавших это необходимым.

А затем отвлекли нас, после восшествия повелителя правоверных Хишама аль-Муайяда, превратности судьбы и вражда вельмож его правления и были мы испытаны заточением, и охраной, и долгими гонениями, и скрывались, и тут произошло междоусобие, которое набросило руки свои, охватив всех людей и выделив нас особо. И, наконец, преставился отец мой, вазир,— помилуй его Аллах! — когда мы были в таких обстоятельствах, после полуденной молитвы в день субботы, когда оставалось две ночи от месяца зу-ль-када года четыреста второго. И продолжалось для нас подобное состояние после него, и были у нас однажды похороны кого-то из семьи нашей, и я увидел ту девушку, когда поднялись вопли, стоящею в этом печальном собрании, среди женщин, в числе прочих плакальщиц и причитальщиц. И оживила она погребенную страсть, и напомнила старое время, и давнишнюю любовь,

и век минувший, и исчезнувшие времена, и месяцы прошедшие, и исчезнувшие сказания, дни, что ушли, и следы, которые стерлись. Она возобновила мои горести и взволновала во мне страсти прошлого, и хотя я потерял в этот день близкого человека и был поражен бедою, я не забыл ее, но усилилась моя грусть, и вспыхнули страдания, и укрепилась печаль в груди, и удвоилась скорбь, и призвала любовь ту часть свою, что была скрыта, и ответила она ей: «Я здесь!»

И сказал я тогда отрывок, где есть такие стихи:

Оплакивает покойника, и как не скорбеть о муже,
Преставившемся средь почестей, не знавшем горя
к тому же?

А нужно бы ей оплакивать пропащего человека;
Несправедливо казнимому сегодня гораздо хуже.

А затем нанесла судьба свой удар, и переселились мы из нашего жилища, и взяли над нами власть войска берберов, и вышел я из Кордовы в первый день мухаррама года четыреста четвертого, и скрылась та девушка от моего взора после этого единого свидания на шесть лет и больше. Но потом вступил я в Кордову, в шаввале года четыреста девятого, и поселился у одной из наших женщин, и увидел там эту девушку, но едва мог узнать ее, пока мне не сказали: «Это такая-то». И изменилась большая часть ее прелестей, и исчезла ее свежесть, и пропало ее сияние, и уменьшился блеск лица ее, который был видим как начищенный меч или индийское зеркало, и завяли те цветы, к которым устремлялся взор, ища света, и бродил среди них, выбирая, и удалялся от них, смущенный, и осталась только часть, вещающая о целом, и повесть, повествующая о том, каково было все, и случилось это из-за того, что уже не было прежней заботы о девушке и не было попечения, на котором она была вскормлена во дни нашей власти, когда простиралась над нею наша тень, и теперь она не жалела себя в поисках того, что ей было необходимо, а раньше ее охраняли и отстраняли от нее все заботы. Женщины ведь цветы, которые без ухода не дорастают, и постройки, разрушающиеся, когда за ними нет присмотра. Поэтому и сказал тот, кто сказал: «Поистине, красота мужчин и более верна, крепче корнями и превосходнее по достоинству, так как она способна выносить то, от чего переменилось бы лицо женщин, если бы пришлось им

выстрадать и перенести бедность, изгнание, зной, песчаный вихрь, ветер, перемену воздуха и отсутствие покрывала».

А если бы подарила мне та девушка хоть малейшую близость, и проявила бы она ко мне хоть некоторую дружбу, я помешался бы, наверное, от восторга и умер бы от радости, но именно эта отчужденность и сделала меня терпеливым и заставила меня утешиться.

При таких причинах утешения утешившийся оправдан и не достоин упрека, так как здесь не было ни утверждения любви, обязывающего к верности, ни обета, который надлежит соблюдать, ни обязанностей прошлого, ни крайнего взаимного доверия, погубить или забыть которое считается дурным.

К причинам забвения относится и жестокость любимой. Когда она достигнет в ней крайности и перейдет меру, то встретит в душе любящего гордость и величие, и любящий забудет ее.

Когда жестокость невелика и проявляется с перерывами или постоянно, либо когда она велика и проявляется с перерывами, ее можно стерпеть и на нее закрывают глаза; если же она становится частой и постоянной, против нее не устоишь, и не порицают человека, который забыл при подобных обстоятельствах любимую.

Одна из причин забвения — измена; это то, чего никто не стерпит, и не станет благородный закрывать на нее глаза. Вот истинное орудие утешения, и утешившегося из-за неверности не порицают, каким бы он ни был — забывшим или внешне стойким. Напротив, упрек постигает того, кто терпит измену, и если бы не были сердца в руках вращающего их (нет бога, кроме него!),— так что человек не обязан отклонять свое сердце и изменять предпочтение его,— если бы не это, я бы, право, сказал, что проявляющий внешнюю стойкость в своем утешении после измены едва ли не заслуживает упрека и порицания.

Ничто так не призывает к утешению людей свободных, обладающих честью и благородными качествами, как измена, и терпит ее только не имеющий мужества, обладатель ничтожной души, человек презренных помыслов и низкой гордости.

Об этом я скажу отрывок; вот часть его:

В такую, как ты, влюбляться, мне думается, негоже,
Когда для всех приходящих немедля стелется ложе.

Терпя разлуку с любимым, страдаешь ты, но не очень:
Тебе остались другие, которых ты любишь тоже.

Будь ты сановником важным, встревожился бы властитель,
Подумав, что слишком много сторонников льнет к вельможе.

И кто бы ни постучался, ты вспыхнешь, словно желанье;
Чем больше гостей случайных, тем каждый из них дороже.

И если бы трубным гласом к тебе гостей созывали,
Ты всех бы их обласкала; прости, но на то похоже!

Затем — восьмая причина: она ни от любящего, ни от любимой, но от Аллаха великого,— и это утрата надежды. Тут — или смерть, или разлука, при которой нет надежды на возвращенье, или несчастье, приводящее к влюбленным болезнь любящего; возлюбленная из-за нее спокойна, но она изменяет ее.

Все это относится к причинам забвения и внешней стойкости, но на любящем, который забыл любимую при подобных обстоятельствах, всегда лежит поношение и хула немалая, и заслуженно называют его изменником, а поступок его дурным.

Поистине, утрате надежды присуще дивное действие на душу, и она — великий снег для жара сердца.

При всех этих видах, упомянутых сначала и в конце, обязательна неторопливость, и прекрасно с такими забывшими выжидание, когда возможно медлить, и правильно будет выжидать. Когда же оборвутся чаяния и прекратятся надежды, тогда возникает оправдание.

У поэтов есть особый вид стихотворений, где они порицают тех, кто плачет над следами кочевья, и восхваляют людей, продолжающих предаваться наслаждениям,— а это входит в главу о забвении. Аль-Хасан ибн Хани был изобилен в этом отношении, хвалился этим и часто приписывал себе в своих стихах явную измену, по произволу своего языка и по способности к слову. О подобном этому я скажу стихотворение, где есть такие строки:

Друг, чем дольше печаль, тем невзгода злее;
Хмель — скакун, так седлай же ты хмель смелее.

Хмель подхлестывая напевами лютни,
Не забудь, что свирель поет веселее.

Чем стоять у покинутого жилища,
Лучше струны потрогать; от них светлее.

Как в дурмане, нарцисс качается стройный;
Полюби же цветок, будет он целее.

Этот нежный нарцисс бледен, как влюбленный,
Но бахар благородный тебе милее.

Но защити и спаси Аллах от того, чтобы забвение прошлого стало нашим свойством, и ослушание Аллаха, в опьянении вином,— нашим качеством, и застой в помыслах — присущей нам чертою! Достаточно нам слова Аллаха о поэтах,— а кто правдивее его по слову? «Не видишь ты разве, что они во всякой долине блуждают и что говорят они то, чего не делают?» Вот свидетельство Аллаха, великого, славного, о поэтах, но отделять сказавшего стихотворение от достоинства его стихов — ошибка.

А причиною появления этих стихов было то, что Данаамиридка, одна из любимиц аль-Музаффара Абд аль-Малика ибн Абу Амира, заставила меня их сложить, и я согласился,— а я уважал ее. Ей принадлежит подражание моим стихам, в виде песни размером басит, весьма прекрасное. Я продекламировал эти стихи одному моему другу из людей образованных, и он воскликнул, радуясь им: «Их следует поместить среди чудес мира!»

Всех разрядов в этой главе, как видишь, восемь, и три из них — от любящего. Из этих трех два навлекают на забывшего порицание со всех сторон — это пресыщение и переменчивость, а при одном из них порицают забывшего и не порицают внешне стойкого, это позор, как сказали мы раньше.

Четыре разряда — от любимой. При одном из них порицают забывающую и не порицают внешне стойкую — это разрыв, длящийся постоянно, а при трех утешившуюся не порицают, какой бы она ни была — забывшей или внешне стойкой,— это отчужденность, жестокость и измена. Восьмой разряд — от Аллаха, великого, славного,— это утрата надежды из-за смерти, или разлуки, или длительного несчастья, и выказывающая стойкость тут оправдана.

А про себя я расскажу тебе, что я создан, обладая двумя свойствами, существование мое доставляет меньше ра-

достей, чем горестей, и от этого жизнь мне часто в тягость. Мне хочется иной раз скрыться от своей души, чтобы утратить ту горесть, которую я терплю. Эти два качества — верность, без примеси изменчивости, когда равны и присутствие, и отсутствие, и явное, и тайное,— ее порождает дружба, при которой не отказывается душа от того, к чему привыкла, и не ожидает утраты того, с кем дружна,— и гордость души: она не допускает несправедливости, и заботит ее малейшая перемена в знакомых, и предпочитает она этому смерть. И каждое из этих свойств зовет к себе, противореча друг другу.

Поистине, со мною поступают жестоко и несправедливо, но я терплю, удаляясь к терпению надолго и к такой осторожности в обращении, на которую едва ли способен кто-нибудь. Но когда долготерпению приходит конец и распаляется душа, тогда я заставляю себя смириться и терплю, а в сердце то, что в сердце.

Об этом я скажу отрывок, где есть такие стихи:

Два свойства меня обрекли мучительным гибельным ранам,
И чуть ли не к счастью печаль меня опоила дурманом.

Как дичь между волком и львом, остался я в изнеможенье;
Судьба моя мне говорит: «Подобным довольствуйся станом!»

Замучила верность меня, не в силах я бегством спасаться;
Я перед любимой склонен, как перед жестоким султаном.

Замучила гордость меня, любые обиды прощая;
Пожертвовать ради нее готов я богатством и саном.

Так вот было с одним человеком из друзей моих; поселил я его на месте души моей и отбросил между нами осторожность и берег его как драгоценность и сокровище. А он часто слушал всякого, кто говорит, и заползали между нами сплетники, и подействовали на него их разговоры и наветы, и привело их рвение к успеху. И стал он воздерживаться от того, что я знал прежде, и выждал я некоторый срок, в который должен вернуться отсутствующий и простить недовольный, но его сдержанность только увеличилась; и оставил я его в его положении, хоть было это мне почти невозможно.

ГЛАВА О СМЕРТИ

Случается иногда, что горе и заботы подтачивают силы человека, и его стойкость, и природу, и становится это причиной смерти и разлуки со здешним миром. Дошло в предании: «Кто любил, и был воздержан, и умер, тот мученик»,— и я скажу об этом отрывок, где есть такие стихи:

Как мученик, я погибаю, любовью сожженный;
Глаза прохлади мне, и я оживу, освеженный.

Об этом давно говорили мне верные люди,
Чья правда — источник, неправдою не зараженный.

Рассказывал мне Абу-с-Сирри Аммар ибн Зияд, друг наш, со слов человека, которому он доверил, что писец Ибн Кузман был испытан любовью к Асламу ибн Асламу ибн Абд аль-Азизу, брату хаджиба Хишама ибн Абд аль-Азиза (а Аслам был пределом красоты), и заставило Ибн Кузмана слечь то, что было с ним, и ввергла его печаль и горе в дела гибельные. Аслам часто ходил к нему и навещал его, но не знал он, что является он сам причиной недуга Ибн Кузмана, пока тот не скончался от горя и болезни.

«И рассказал я Асламу после кончины о причине болезни и смерти Ибн Кузмана,— говорил рассказчик,— и Аслам опечалился и воскликнул: «Почему не осведомил ты меня раньше?» — «А для чего?» — спросил я, и Аслам молвил: «Клянусь Аллахом, я увеличил бы расположение к нему и не расставался с ним, для меня не было бы в этом беды».

А этот Аслам был человек превосходно и разносторонне образованный, обладавший обильными знаниями в фикхе и глубокими сведениями в поэзии. У него есть прекрасные стихи, и он знает песни и различные способы их исполнения. Ему принадлежит сочинение о мелодиях песен Зирьяба, с рассказами о нем. Аслам был одним из прекраснейших людей по внешности и по свойствам; он

отец Абу-ль-Джада, который жил в западной стороне Кордовы.

Я знаю невольницу, принадлежавшую одному вельможе: он отказался от нее из-за чего-то, что узнал про нее (а из-за этого не следовало гневаться), и продал девушку, и опечалилась она поэтому великой печалью, и не расставалось с ней горе, и не уходили слезы из глаз ее, пока не сделалась у нее сухотка, и было это причиной смерти ее. Она прожила после ухода от своего господина лишь немногие месяцы, и одна женщина, которой я доверяю, рассказывала мне про эту девушку, что она встретила ее (а та сделалась точно призрак — такой она стала худой и тонкой) и сказала ей: «Я думаю, это случилось с тобой от любви к такому-то». И девушка тяжело вздохнула и воскликнула: «Клянусь Аллахом, я никогда не забуду его, хотя он и был жесток со мной без причины!» И прожила она после этих слов лишь недолго.

Я расскажу тебе кое-что про Абу Бакра, брата моего — да помилует его Аллах! Он был женат на Атике, дочери Канда, начальника верхней границы во дни аль-Мансура Абу Амира Мухаммада ибн Абу Амира. Это была женщина столь прекрасная и благородная, что не было ей равных в красоте и благородных качествах и не создавал мир ей подобной по достоинствам. Мой брат и жена его были в поре юности, когда власть ее владела ими; обоих сердило всякое словечко, которому нет цены, и они, не переставая, гневались друг на друга и обменивались укорами в течение восьми лет. Атику иссушила любовь к мужу, и изнурила ее страсть, и похудела она от сильной влюбленности, так что стала она подобна призраку. Ничто в жизни не веселило ее и не радовало из всех богатств, хотя были они обильны и многочисленны, ни малое, ни великое, так как миновали согласие ее с мужем и его доброта к ней. И так продолжалось до тех пор, пока брат мой не умер — помилуй его Аллах! — во время моровой язвы, случившейся в Кордове в месяце зу-ль-када года четыреста первого (а было ему двадцать два года), и с тех пор как ушел он из жизни, не оставлял ее внутренний недуг, и болезнь, и сухотка, пока она не умерла ровно через год после него, в тот самый день, когда и он расстался с жизнью. И рассказывали мне про нее ее мать и все ее невольницы, что она говорила после смерти мужа: «Ничто не укрепило бы моего терпения и не удержало бы моего духа в этой жизни, даже на один час после конч-

ны его, кроме радости и уверенности, что никогда не соединит его с женщиной ложе. Я в безопасности от этого, а не страшило меня ничто другое, и теперь мое самое большое желание — присоединиться к нему». А не было у моего брата, ни до нее, ни при ней, другой женщины, и у нее также не было никого, кроме него, и случилось так, как она думала,— да простит ей Аллах и да будет он ею доволен!

Что же касается истории друга нашего Абдаллаха Мухаммада ибн Яхьи ибн Мухаммада ибн аль-Хусайна ат-Тамими, прозванного Ибн ат-Тубни,— помилуй его Аллах! — то казалось, что красота создана по подобию его или что сотворен он из вздохов всех тех, кто его видел. Я не видывал ему равного по красоте, прелести, нраву, целомудрию, скромности, образованности, понятливости, рассудительности, верности, величию, чистоте, благородству, кротости, нежности, сговорчивости, терпеливости, снисходительности, разуму, мужеству, благочестию, знаниям и памяти на Коран, предания, грамматику и язык. Он был чудесным поэтом, красиво писал и обладал разносторонним красноречием, владея изрядной долей в диалектике и в искусстве спора. Он принадлежал к ученикам Абу-ль-Касима Абд ар-Рахмана ибн Абу Язида аль-Азди, моего наставника в этом деле, и между ним и его отцом было двенадцать лет разницы. Мы с ним близки по годам и были неразлучными друзьями и столь искренними приятелями, что не могла пробежать между нами вода. Потом налегла смута грудью и развязала бурдюки, и случилось разграбление войском берберов наших жилищ в Палатах Мугиса на западной стороне Кордовы, и расположились они в них,— а дом Абдаллаха был в восточной стороне Кордовы. А затем повернули меня дела и пришлось мне уехать из Кордовы, и поселился я в городе Альмерии, и мы часто обменивались посланиями в стихах и прозе. Последнее, с чем обратился он ко мне, было послание, в тексте которого есть такие стихи:

О, если бы только мне ведать, что тщетны враждебные ковы
И наши старинные узы навеки останутся новы!

О, если бы снова мне видеть черты твои, милые сердцу,
В Палатах Мугиса, где с честью принять благородных готовы!

О, если бы только терпенье могло передвинуть чертоги,
Пришли бы Палаты Мугиса в ответ на печальные зовы.

К тебе постучалось бы сердце, как путник ночною порою,
Когда бы ходили по свету сердца, хоть невзгоды суровы.

Сердись на меня, если хочешь; любовь моя меньше не станет;
Всегда и повсюду заметна любовь сквозь любые покровы.

И если меня ты разлюбишь, обетов моих не нарушу:
В глубинах мятежного сердца другой не бывает основы.

И жили мы так, пока не прекратилось правление сынов Марвана, и убили Сулаймана аз-Зафира, повелителя правоверных, и выступил род Талибитов, и присягнули на халифат Али ибн Хаммуду аль-Хасани, прозванному ан-Насиром. И захватил он Кордову, и овладел ею, и искал помощи, воюя с городом, у войск насильников и повстанцев в разных местах Андалусии, а вслед за тем лишил меня милости Хайран, владыка Альмерии, так как донесли ему злодеи, которые не боятся Аллаха, великого, славного,— уже отомстил им Аллах! — что мы с Мухаммадом ибн Исхаком, другом моим, стараемся на пользу приверженцев рода Омайядов, и он продержал нас в заточении несколько месяцев, а затем выпустил, подвергнув изгнанию. И отправились мы в Хисн аль-Каср, и встретил нас начальник этой крепости Абу-ль-Касим Абдаллах ибн Мухаммад ибн Хузайль ат-Туджиби, по прозвищу Ибн аль-Мукаффаль, и пробыли мы у него несколько месяцев в наилучшей обители пребывания, среди лучших людей и мужей с возвышенными помыслами, совершеннейших по милости и обладателей наибольшей власти. А затем мы поехали по морю, направляясь в Валенсию, когда появился повелитель правоверных аль-Муртада Абд ар-Рахман ибн Мухаммад. И нашел я в Валенсии Абу Шакира Абд ар-Рахмана ибн Мухаммада ибн Маухиба аль-Анбари, друга нашего, и сообщил он мне весть о смерти Абу Абдаллаха ибн ат-Тубни и рассказал мне о кончине его — да помилует его Аллах! А затем, через недолгое время после этого, рассказали мне кади Абу-ль-Валид Юнус ибн Мухаммад аль-Муради и Абу Амир Ахмад ибн Мухарриз, что Абу Бакр Мусаб ибн Абдаллах аль-Азди, по прозванию Ибн аль-Фаради, передавал им следующее (а отец этого Мусаба был кади Валенсии во дни повелителя правоверных аль-Махди, и аль-Мусаб был нашим другом, братом и приятелем, когда мы изучали предание под руководством его отца и других наставников и знатоков преданий в Кордове): «Аль-Мусаб,— рассказывали они,— говорил нам: «Я спрашивал Абу Абдаллаха ибн ат-Тубни

о причине его болезни,— а он исхудал, и скрыло изнурение красоту лица его, не оставив почти следов ее, и казалось, душа его уже улетела от вздохов его, и забота была видна на лице его,— и были мы одни, и он сказал мне: «Хорошо, я расскажу тебе! Я стоял у ворот своего дома в квартале Дьякона, когда вступал в Кордову Али ибн Хаммуд и войска приходили туда со всех сторон толпами. И увидел я среди них юношу (не думал я, что красота имеет столь живой образ, пока не увидел его!), и он победил мой разум, и обезумело из-за него мое сердце. И я спросил про него, и мне сказали: «Это такой-то, сын такого-то, из жителей такой-то стороны, в краю, отдаленном от Кордовы, до которого не достанешь»,— и потерял я надежду увидеть его после этого. И, клянусь жизнью, о Абу Бакр, любовь к нему не расстанется со мной, пока не приведет она меня в могилу». Так и случилось.

Мне известен этот юноша, и я знаю его и видел, но я опустил здесь его имя, так как он уже умер, и оба они встретились перед Аллахом, великим и славным,— да простит им всем Аллах! — и было это, несмотря на то, что Абу Абдаллах — да приютит его Аллах с почетом! — был из тех, кто совершенно не смущен любовью, и он не оставлял примерного пути, не делал ничего запретного, не приближался к порицаемому и не совершал запрещенного дела, которое бы уменьшило его веру или мужество. Он не отплачивал тем, кто был с ним жесток, и не было в нашем кругу ему подобного.

Потом я прибыл в Кордову, в халифат аль-Касима ибн Хаммуда аль-Мамуна, и ничего не сделал, раньше чем направиться к Абу Амру аль-Касиму ибн Яхье ат-Тамми, брату Абу Абдаллаха,— помилуй его Аллах! Я спросил его, как он поживает, и стал утешать его в потере его брата,— а он был достоин утешения не больше, чем я,— и затем я спросил про стихи и послания умершего, так как то, что было у меня из этого, пропало во время разграбления по причине, о которой я упоминал в начале этого рассказа. И Абу Амр рассказал мне про своего брата, что, когда приблизилась к нему кончина, и он убедился, что пришла гибель, и перестал сомневаться в своей смерти, он потребовал все свои стихи и письма, с которыми и к нему обратился, и порвал их, а затем приказал их закопать. «И я сказал ему,— говорил Абу Амр,— «О брат мой, пусть они останутся»,— но он ответил: «Я рву

их и знаю, что рву с ними многие наставления, и если бы Абу Мухаммад (то есть я) был здесь, я бы отдал их ему, чтобы были они для него напоминанием о нашей дружбе, но не знаю я, какая страна его скрывает, и жив ли он или мертв (а весть о моем несчастье дошла до него, и он не знал, где мое местопребывание и к чему привели мои злоключения)».

Среди моих поминальных стихотворений о нем есть одна поэма; вот часть ее:

Скрыла прах твой навсегда беспощадная могила,
А моя печаль видна, как небесные светила.

Мимо нас идет судьба, постоянно возвращаясь;
К твоему стремлюсь жилью, полон горестного пыла;

А когда твое жилье оказалось опустевшим,
Слезы хлынули из глаз, и теперь мне жизнь постыла.

Рассказывал мне Абу-ль-Касим аль-Хамадани — помилуй его Аллах — и говорил он: «Был с нами в Багдаде один из братьев Абдаллаха ибн Яхьи ибн Ахмада ибн Даххуна, факиха, который распоряжался фетвами в Кордове. А он был ученее своего брата и выше его по достоинству, и не было среди наших друзей в Багдаде такого, как он. И однажды шел он по улице, оканчивающейся тупиком, и вошел в него, и увидел на дальнем конце его девушку, которая стояла с открытым лицом. И она сказала ему: «Эй, ты, улица не проходная!» И он посмотрел на нее,— говорил рассказчик,— и потерял из-за нее ум. И он ушел к нам, и усилилась над ним власть этой девушки, и стал он опасаться смятения, и выехал в Басру, и умер там от любви, помилуй его Аллах. А был он, как говорят, из праведных».

Вот рассказ про одного из царей берберов. Один человек из Андалусии продал одному жителю того города из-за поразившей его нужды невольницу, которую он сильно любил, и не думал продающий ее, что душа его так неотступно за нею последует. И когда оказалась девушка у купившего, душа андалусца едва не изошла, и отправился он к тому, кто купил девушку, и предложил ему все свои деньги и самого себя, но тот отказался. И андалусец прибег к посредничеству жителей города, но не помог из них никто, и едва не пропал его разум. И решил он направиться к царю, и явился и начал кричать, и царь услышал и приказал ввести его. А царь

сидел на высоком балконе, выдававшемся вперед, и человек приблизился к нему, и, встав меж его рук, рассказал ему свое дело, и стал просить и умолять его о помощи. И царь пожалел его, и велел привести того человека, который купил девушку, и, когда тот явился, сказал ему: «Вот человек-чужестранец, и он таков, как ты видишь, и я ходатай за него перед тобой». Но купивший отказался и сказал: «Я больше люблю ее, чем он, и боюсь, что, если и отдам ему девушку, я приду к тебе завтра просить о помощи в еще худшем, чем он, положении». И царь с теми, кто был вокруг него, стал его соблазнять деньгами, но он отказался и уперся, оправдываясь любовью к девушке. И когда собрание затянулось и не видели у купившего никакой склонности к согласию, царь сказал андалусцу: «Эй, ты, нет в моих руках большего, чем то, что ты видишь; я старался для тебя с самым большим усердием, а он, видишь, оправдывается тем, что больше тебя любит девушку, и боится для себя худшего, чем то, что с тобою. Терпи же то, что судил тебе Аллах».— «Значит, в твоих руках нет для меня хитрости?» — спросил андалусец. «А разве есть здесь что-нибудь, кроме просьб и щедрости? Я не могу для тебя ничего больше»,— молвил царь, и, когда андалусец потерял надежду получить девушку, он, подобрав ноги и руки, бросился с высоты балкона на землю. И царь испугался и закричал, и слуги внизу поспешили к андалусцу, но было ему суждено не потерпеть большого вреда от этого падения. Его привели к царю, и тот спросил: «Чего ты хотел этим?» — «О царь,— отвечал андалусец,— нет для меня пути к жизни после нее». И он хотел броситься второй раз, но ему не дали, и царь воскликнул: «Аллах велик! Теперь стал ясен способ решить это дело!» И он обратился к купившему и сказал: «Эй, ты, ты говорил, что больше любишь девушку, чем этот, и боишься оказаться в таком же состоянии, как он?» — «Да»,— ответил купивший, и царь сказал: «Вот твой соперник показал образец своей любви и бросился вниз, желая смерти, но только Аллах, великий и славный, сохранил его. Вставай ты тоже и докажи, что твоя любовь истинная, и бросься отсюда, как сделал твой соперник. Если ты умрешь, то умрешь в свой срок, а если будешь жив,— ты ближе к девушке, так как она в твоих руках, и твой соперник уйдет от тебя. Если же ты откажешься, я отниму у тебя невольницу силой и отдам ее ему».

И купивший стал отказываться, а потом сказал: «Я брошусь!» — но когда подошел он к краю балкона и посмотрел в пропасть под собою, то вернулся вспять. «Клянусь Аллахом, будет так, как я сказал!» — воскликнул царь, и человек решился, но потом отступил, и, когда он не осмелился, царь сказал: «Не играй с нами! Эй, слуги, возьмите его за руки и сбросьте его на землю!» И, увидев твердую решимость царя, этот человек сказал: «О царь, уже успокоилась моя душа без девушки!» — «Да воздаст тебе Аллах благом!» — воскликнул царь и купил у него девушку, и отдал ее тому, кто ее продал, и оба ушли.

ГЛАВА О МЕРЗОСТИ ОСЛУШАНИЯ

Говорит составитель книги — помилуй его великий Аллах: «Многие люди повинуются своей душе и не слушаются разума, следуя страстям, и пренебрегают верой, и отказываются они от целомудрия, прекращения грехов и борьбы со своей страстью, хотя к этому побуждал Аллах — велик он! — и это утвердил он в здравых сердцах. Они противятся Аллаху, господу своему, и помогают Иблису гибельной страстью, ему любезной, и совершают они прегрешение своей любовью».

И знаем мы, что Аллах — велик он и славен! — вложил в человека два взаимно противоположных свойства. Одно из них указывает только на добро и побуждает лишь к хорошему, и рисует оно лишь дела, угодные Аллаху,— и это разум, и вожак его — сдержанность; а второе свойство противоположно первому, и указывает оно только на страсти, и ведет лишь к гибели — это душа, и вожак ее — страсть. А Аллах — велик он! — говорит: «Поистине, душа повелевает злое»,— и, говоря вместо «разума» — «сердце», сказал он: «Поистине, в этом напоминание для тех, у кого есть сердце и кто отдает свой слух, будучи свидетелем». И сказал Аллах — велик он: «И сделал он любезною вам веру и украсил ее в наших сердцах»,—

обратив свою речь к обладателям разума. И эти два свойства — стержни в человеке и силы его тела, которые им движут, и они — место, откуда исходят лучи обеих этих сущностей, дивных, возвышенных и высоких. Во всяком теле есть от них своя доля в той мере, в какой оно им соответствует, по определению единого, вечного,— да святятся имена его! — когда он создал его и устроил. Свойства эти всегда противостоят друг другу и обычно соперничают, и, когда разум одолевает душу, сдерживает себя человек, и подчиняет вошедшие в него свойства, и освещается светом Аллаха, и следует справедливости. Когда же душа одолевает разум, слепнет проницательность и неясным становится различие между прекрасным и безобразным, и низвергается человек в пучине гибели и пропасти смерти. Поэтому-то прекрасны веления и запрещения, и необходимо послушание, и правильно награждение и наказание, и надобно воздаяние. А дух — связь между этими двумя свойствами, и соединяет он их, и осуществляет их слияние, и поистине невозможно остановиться у пределов повиновения Аллаху без долгого упражнения, верного знания и острой проницательности, когда вместе с тем избегают вмешательства в смуты и общения с людьми вообще, и сидят дома, и скорее всего бывает спасение обеспечено, если человек бессилен и не имеет желания в обладании женщины. Ведь сказано: «Кто защищен от зла щелкающего, урчащего и болтающегося, тот защищен от зла всего мира целиком» — и щелкающее — это язык, урчащее — брюхо, а болтающееся — член.

Рассказывал мне Абу Хафс, писец (он из потомков Рауха ибн Зинбаа аль-Джузами), что он слышал, как один человек из тех, кто называет себя именем законоведа,— знаменитый передатчик преданий — был спрошен об этом хадисе и сказал: «Урчащее — это арбуз».

Говорил нам Ахмад ибн Мухаммад ибн Ахмад: «Рассказывали нам Вахб ибн Масарра и Мухаммад ибн Абу Дулайм со слов Мухаммада ибн Ваддаха, Яхьи ибн Яхьи, Малика ибн Анаса, Зайда ибн Аслама и Ата ибн Ясара, что посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — сказал в длинном хадисе: «Кого охранил Аллах от зла двух, тот войдет в рай». И спросили его об этом, и он сказал: «Это то, что меж его челюстями и меж его ногами».

Я часто слушаю тех, кто говорит, что защищают себя, подавляя страсть, мужчины, а не женщины,— и долго

этому удивляюсь. Поистине, мне принадлежит слово, от которого не отойду я: и мужчины и женщины в склонности к этим вещам одинаковы. Всякий мужчина, когда намекнет ему прекрасная женщина о любви, и продлится это, и нет тут препятствия, попадет в сеть сатаны, и прельстят его прегрешения, и взволнует его похоть, и погубит его желание, и всякая женщина, которую призывает мужчина в подобном же положении, дает ему над собою власть по решению предопределенному и действительному приговору, от которого никак не уйти.

Рассказывал мне верный друг из моих приятелей, человек совершенный в законоведении, диалектике и знании и обладающий твердостью в вере, что полюбил он девушку, знатную, образованную, наделенную удивительной красотой. «И я намекнул ей,— говорил он,— и она испугалась; потом я намекнул снова, и она отказалась, и продолжало дело тянуться, и любовь к ней все усиливалась, но она была глуха к моим словам. И, наконец, побудила меня моя чрезмерная любовь к ней дать, вместе с моим молодым дядей, обет, что, когда мне достанется от нее желаемое, я покаюсь Аллаху истинным раскаянием. И не прошло много дней и ночей, как подчинилась девушка, после упрямства и отдаления, и сказал я тогда моему дяде: «Отец такого-то, ты исполнил обет?» — «Да, клянусь Аллахом!» — ответил он, и я засмеялся и вспомнил из-за этого поступка слова, постоянно достигающие нашего слуха, что в стране берберов, соседней с нашей Андалусией, развратник искупает свой грех тем, что, удовлетворив, с кем хотел, свое желание, кается Аллаху. И ему не препятствуют в этом, и порицают того, кто намекнет ему словом, и говорят намекающему: «Разве запрещаешь ты покаяние человеку-мусульманину?»

«И помню я,— говорил рассказчик,— как та девушка плакала и говорила: «Клянусь Аллахом, ты довел меня до предела, который переступила я, слушая твои уговоры, и не думала я, что соглашусь на это с кем-нибудь!»

Я не отрицаю, что праведность у мужчин и женщин существует, и ищу защиты у Аллаха от того, чтобы думать другое, но видел я, что люди глубоко ошибаются относительно смысла слова этого — «праведность». Вот верное и истинное толкование его: «Праведная женщина — это та, которая, когда ее сдерживают, сдерживается, и когда ее побуждают — отказывается, а развратная — та, которая, когда сдерживают ее, не удерживается и, когда

встает препятствие между нею и желаемым, облегчающим мерзости, старается ухитриться и достигнуть их разными хитростями. А среди мужчин праведник тот, кто не вхож к людям разврата, не стремится к зрелищам, привлекающим страсти, и не поднимает взора на образы, дивно созданные. И развратник — тот, что общается с людьми порочными, тянется взором к лицам, сотворенным необычно, ищет зрелищ вредных и любит уединения гибельные. Праведные мужчины и женщины подобны огню, скрытому в пепле,— он обжигает тех, кто к нему приблизился, только когда пепел подвигают; а развратные подобны огню горящему, который сжигает все».

Что же касается женщины, которая пренебрегает собою, и мужчины посягающего, то они погибли и пропали; поэтому-то запретно для мусульманина наслаждаться, слушая пение посторонней женщины, и первый взгляд на нее будет тебе в пользу, а второй — во вред. Сказал посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — «Кто рассматривает женщину, когда постится, и видит размер ее костей, тот нарушил пост», и того, что дошло до нас из запрещения любви в словах ниспосланной книги, вполне достаточно. От этого слова, то есть «любовь», образовано имя с несколькими значениями, и мнения о происхождении его у арабов различны,— это признак склонности и приверженности души к подобным предметам, и тот, кто удерживается от любви, борется со своей душой и воюет с нею.

Я расскажу тебе нечто, что ты видишь воочию. Я никогда не видал, чтобы женщина, находящаяся в каком-нибудь месте, когда чувствует она, что ее видит мужчина или слышит ее присутствие, не сделала бы лишнего движения и не сказала бы лишнего слова, и это движение и слово не таковы, как ее прежние слова и движения. И я видел, что женщину заботит прежде всего, как звучат ее слова и выглядят ее движения, все это заметно по ней и видимо ясно, так что намерения ее не скрыть. Мужчины таковы же, когда почуют рядом женщину. А что касается желания показать уборы, плавность походки и непременно отпустить шутку, когда женщина проходит мимо мужчины или мужчина мимо женщины,— то это уже само собою разумеющееся, яснее солнца в ясный день.

И Аллах — велик он и славен! — говорит: «Скажи правоверным, чтобы опускали они свой взор и охраняли срамоту свою»,— и сказал он,— да святятся имена его:

«И не ударяйте ногами, чтобы стало известно то, что скрываете вы из уборов наших». И если бы не знал Аллах — велик он и славен! — как тонки и глубоки старания довести любовь до сердец и как ловко строятся козни, чтобы ухитриться и привлечь любовь, наверное, не открыл бы Аллах этой глубокой мысли, глубже которой быть некуда.

Однако люди упрямы в достижении своей цели, и мне известны их тайные мысли, и мужчин, и женщин, и причина этого в том, что я хорошо разбираюсь в людских помыслах, зная, на что способны ради этого дела.

Говорил нам Абу Амр Ахмад ибн Мухаммад ибн Ахмад со слов Ахмада Мухаммада ибн Али ибн Рифаа, Али ибн Абд аль-Азиза и Абу Убайда аль-Касима ибн Салляма, ссылавшегося на своих наставников, что посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — говорил: «Ревность принадлежит к вере».

И непрестанно искал я рассказы о женщинах и узнавал тайны их, и привыкли они к тому, что я скрытен и держу язык за зубами, и осведомляли меня о глубоких тайнах своих дел. И если бы не привлекал я внимания к вещам постыдным, от которых ищут защиты у Аллаха, право, рассказал бы многое о бдительности женщин во зле и о коварстве их в этом,— и это чудеса, ошеломляющие разумных.

Я хорошо знаю и твердо усвоил это, но знает притом Аллах — достаточно его, как знающего! — что чист мой двор, здравы покровы и белы одежды. И клянусь я Аллахом и величайшей клятвой, что никогда не развязывал я плаща над запретной срамотою, и не взыщет с меня господь мой за великое прегрешение блуда,— не совершал я его с тех пор, как стал разумным, и до сего дня, и Аллаха должно хвалить и благодарить за прошлое, ища у него защиты на оставшийся срок.

Передавал нам кади Абу ар-Рахман ибн Абдаллах ибн Абд ар-Рахман ибн Худжжаф аль-Муафири (а он достойнейший кади, которого знал я) со слов Мухаммада ибн Ибрахима ат-Тулайтыли, ссылавшегося на кади в Египте Бакра ибн аль-Ала, будто о словах Аллаха, великого, славного: «А о милости господа твоего — вещай»,— есть толкование кого-то из древних, что должен мусульманин рассказывать о милости, которую оказал ему Аллах, внушив ему повиновение к господу его,— а это величайшая из милостей, в особенности если относится

повиновение к тому, чего обязаны мусульмане избегать или чему должны они следовать.

А причиною того, о чем я упомянул, было то, что в ту пору, когда разгорался огонь юности и пыл молодости и владела мною молодая беспечность, я жил взаперти и охраняемый среди доносчиков и доносчиц, а когда я стал властен над собой и разумен, я подружился с Абу Али аль-Хусайном ибн Али аль-Фаси в собраниях Абу-ль-Касима Абд ар-Рахмана ибн Абу Язида аль-Азди, нашего шейха и моего наставника,— да будет доволен им Аллах! А упомянутый Абу Али был человек разумный, деятельный, ученый, из тех, кто выступил вперед в отношении праведности и истинного благочестия в воздержании от мирского и рвении ради последней жизни. Я считаю, что он был бессильным, так как у него никогда не было жены, и я вообще не видел ему подобного по знаниям, поступкам, вере и благочестию. И дал мне от него Аллах большую пользу, и узнал я действие злого дела и мерзость грехов, и умер Абу Али — да помилует его Аллах! — на пути в паломничество.

Привел меня ночлег однажды ночью, в некие времена, к одной женщине из моих знакомых, известной своей праведностью, благом и рассудительностью, и с ней была девушка, наша родственница, из тех, кого объединило со мной воспитание в юности, а затем удалился я от нее на многие годы. Я оставил ее, когда она только начинала жить, а теперь я увидел, что побежала по лицу ее влага юности, и разлилась, и растеклась, и пробились в ней ручьи красоты, и не поверил я себе, и растерялся. И взошли звезды прелести на небе лица ее, и засияли, и загорелись, и оказались на щеках ее цветы красоты, и стала она такой, как говорю я:

Когда бы мои деяния красавице уподобились,
Из ясного света созданной, не омраченной прахом,

Тогда трубы́, возвещающей последний день человечества,
Я, праведный, дожидался бы с надеждой, а не со страхом;

К подругам с кроткими взорами, к желанным райским красавицам
Навеки бы я приблизился, помилованный Аллахом.

И была она из дома красивых, и явился в ней образ, обессиливающий хвалителей, и распространилось описание красоты ее по всей Кордове. И я провел возле нее три

ночи подряд, и ее не отделяли от меня, по прежнему обычаю воспитания, и, клянусь жизнью, мое сердце чуть не сделалось снова молодым, едва не вернулась оставленная любовь и не возвратились забытые любовные речи. И отказывался я после входить в этот дом, боясь, что возгордится от восхищения мое сердце. А эта девушка и все ее родные были из тех, к кому не переходят желания, но не безопасны ведь козни сатаны. Я говорю об этом:

Душой не гонись в упоении праздном
За страстью в хабсе зловредном и грязном;

Иблис не умрет, пока грешные очи —
Ворота, раскрытые перед соблазном.

Я говорю еще:

Мне говорят: «Прельщен обманом, ты жаждешь гибельной отравы».
«Зачем упреки? — отвечаю.— Вы знаете, что жив лукавый».

И лишь для того рассказал нам Аллах великий историю Юсуфа, сына Якуба, и Дауда, сына Ишая, посланников Аллаха — мир над ними! — чтобы знали мы нашу недостаточность и нужду в его защите и что построения наши порочны и слабы. Ведь Якуб и Дауд — мир с ними! — пророки, посланники, сыновья пророков и посланников, происходившие из дома пророков и посланников, были под постоянной охраной Аллаха, объятые дружбой его, окруженные его покровительством и поддержанные его защитой, и не было проложено сатане против них пути, и не было открыто дороги к ним для его наущений. И дошли они до того, о чем рассказывал нам Аллах — велик он и славен! — в своем ниспосланном Коране, по укрепившейся в них природе, человеческому естеству и укоренившемуся свойству, а не по умышленному согрешению и не по стремлению к нему, ибо пророки свободны от всего того, что не согласно с повиновением Аллаху, великому, славному. Любовь — это прирожденное восхищение души образами,— а кто припишет себе власть над душою и возьмется сдержать ее иначе, как силою и мощью Аллаха? Первая кровь, что пролилась на земле,— кровь одного из сынов Адама, по причине соперничества из-за женщин, а посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — говорит: «Отдаляйте дыхание мужчин и женщин». А женщина из арабов, когда

забеременела она от родственника и ее спросили: «Что у тебя в брюхе, о Хинд?» — ответила: «Близость подушки и долгий мрак».

Обо всем этом я скажу стихотворение, где есть такие строки:

Не вини другого в намеренье мнимом
Проявить свои доблести в нестерпимом.

Подносить к огню ты не пробуй аканта,
Если ты не намерен травиться дымом.

Грешный мир погряз в пороках и в порче;
Лучше жить недоверчивым нелюдимом.

Для мужчины женщина создана Богом;
Их союз коренится в необходимом.

Всякий образ к подобию тяготеет,
И видна вина в каждом, как в подсудимом.

Только праведник, избегая дурного,
Преуспел в совершенстве непобедимом.

А развратник в душе всегда необуздан,
Закоснел он в пороке неизгладимом.

Я знаю одного юношу, из людей себя сохраняющих, который увлекся любимой девушкой. И проходил один из его друзей и увидел, что он сидит с той, кого любит, и пригласил его к себе в дом, и юноша согласился, сказав, что придет после него. И пригласивший отправился домой и ждал его, пока ожидание не затянулось, но юноша не пришел к нему. А потом пригласивший встретился с ним и стал его бранить, долго его упрекая за то, что он нарушил обещание, и юноша оправдывался и клялся двусмысленными клятвами. И сказал я тогда тому, кто приглашал его: «Я открою ему верное оправдание в книге Аллаха, великого, славного, который говорит: «Мы нарушили уговор с тобой не своей властью, но обременили нас тяжестью украшения этих людей».

И засмеялись все, кто присутствовал, и меня заставили сказать что-нибудь об этом, и я сказал:

Меня ты забрызгал кровью, не вызвав моей досады;
Лишь раны любви бесследны, и мы этим ранам рады.

Подобно желтым кувшинкам на фоне белых нарциссов,
Его родимые пятна прельщают людские взгляды.

С безжалостною насмешкой говаривал мне любимый,
Которому докучаю, желанной чая награды,

В отчаянье повторяя, что мне угрожает гибель,
Когда вкусить не сподоблюсь одной целебной услады:

«Я холодом утоляю твою горючую жажду,
И нет ничего целебней моей спокойной прохлады».

В ответ говорю: «Соседи тогда бы не враждовали,
Как будто людям для мира довольно одной ограды.

Войска друг на друга смотрят как будто бы равнодушно,
Однако в смертельной битве враги не знают пощады».

У меня есть два стихотворения, где я сказал, намекая,— нет, ясно указывая,— на одного человека из наших друзей, который известен нам всем, мужа, ищущего знания, прилежного и богобоязненного. Он простаивал ночи и шествовал по следам благочестия, идя по пути древних суфиев, и был ревностным искателем, и мы воздерживались от шуток в его присутствии. И не прошло много времени, и дал он сатане овладеть душою, и предался разврату, после того как носил одежды благочестия, и отдал Иблису во власть свой повод, и соблазнил его Иблис ложным, и украсил в его глазах несчастье и бедствие; и вручил ему этот человек узду после отказов, и отдал свой тупей после непослушания, и двигался, подчиняясь ему, и тихо и резво.

И прославился он после того, о чем упомянул я, некими прегрешениями, мерзкими и грязными, и я долго упрекал его и усиленно его порицал за то, что стал он известен после сокрытия, и испортило это его расположение ко мне, и стали дурными его намерения, и ожидал он для меня злой беды. А кто-то из друзей наших соглашался с ним на словах, чтобы привлечь его к себе и стать его другом, и выказывал ко мне враждебность, но сделал Аллах явными тайные мысли его, так что узнал их и кочующий и оседлый, и упал он в глазах всех людей, после того как был примером для ученых и постоянно возвращались к нему достойные, и сделался он ничтожен для всех своих приятелей. Да охранит нас Аллах от беспомощности, да покроет он нас своей защитой и да не отнимет от нас своей милости, которую он нам оказал! О, позор тому, кто начал с исполнения долга и не знал, что постигнет его беспомощность и покинет его защита! Нет бога, кроме Аллаха! Как ужасно это и отвратительно: поразила его

одна из дочерей беды, бросила свой посох мать бедствий подле того, кто сначала принадлежал Аллаху, а в конце стал принадлежать сатане!

Вот часть одного из этих стихотворений:

Праведником слыл юнец, прикрываясь верой правой,
А теперь он посрамлен, заклеймен дурною славой.

Он высмеивал других, а теперь везде и всюду
Издевательство над ним стало лучшею забавой.

Но зачем его чернить, если вдруг он обезумел
До того, что горд в душе страстью знойной и лукавой?

Будучи благочестив, он считал, что все такие;
Полагал он, что любовь меркнет перед мыслью здравой.

Направлялся к мудрецам он с чернильницей и книгой;
Шествовал среди толпы он походкой величавой.

Перья тусклые сменив на блестящие обновы,
Представляется теперь он павлином перед павой.

Что же ты меня хулишь? Не столкнуться бы нам лбами!
Опасаясь утонуть, в этих водах ты поплавай.

Не хочу твоих прудов, у меня другой источник;
Утолять я жажду рад этой сладостной отравой.

От любви ты отрекись, и тебя любовь покинет;
Не затравишь ты любви даже целою облавой.

Нет, не плащ и не шнурок — узел гибельный разрыва,
Угрожающего нам этой карою кровавой.

Лишь пока бегут гонцы по бесчисленным дорогам,
Управляет государь всей обширною державой.

Если только не протрешь благородного изделья,
Вряд ли будет соблазнен кто-нибудь железкой ржавой.

А упомянутый человек из друзей наших прекрасно изучил чтение Корана и составил превосходное сокращение книги аль-Анбари «Об остановках и вступлениях», которое восхищало чтецов, его видевших. Он был прилежен в изучении преданий и записывании их, его разум более всего был направлен к чтению того, что слышал он от старейших знатоков преданий, и он усердно и ревностно переписывал Коран. Когда же постигло его это бедствие с каким-то юношей, оставил он то, что его занимало, и продал большую часть своих книг, и переменился

полнейшей переменой — у Аллаха ищем защиты от пребывания без помощи!

Я сказал о нем стихотворение, следующее за тем, часть которого я привел в начале его истории, но потом я бросил эти стихи.

Говорил Абу-ль-Хусейн Ахмад ибн Яхья ибн Исхак ар-Рувайди в «Книге о слове и исправлении», что Ибрахим ибн Сайяр ан-Наззам, глава мутазилитов, при своем высоком разряде в диалектике и своем владении и обладании знанием, старался получить запрещенное Аллахом от одного христианского юноши, которого он полюбил, составив для него книгу о преимуществе троичности божества перед единобожием. О помощь! Защити нас, господи, от проникновения сатаны и наступления беспомощности!

И бывает, что увеличивается бедствие, и становится бешеной страсть, и тогда легко совершать дурное, и уменьшается вера до того, что согласен человек, чтобы достигнуть желаемого, на мерзости и постыдные поступки. Подобное этому поразило Убайдаллаха ибн Яхью аль-Азди, по прозванию Ибн аль-Джазири. Он был согласен пренебречь своим домом и сделать доступным заповедное и слышать намеки о своих женах — так хотелось ему получить желаемое от одного юноши, к которому он привязался,— к Аллаху прибегаем для защиты от заблуждения и просим его покровительства, чтобы сделал он прекрасными следы нашей жизни и приятными рассказы о нас.

И стал этот бедняга предметом россказней, из-за которых наполнялись людьми собрания, и слагались о нем стихи. Такого человека и называют арабы «ад-дайю́с» — «сводник», это слово образовано от «тадьи́с», то есть «покорность»,— а нет покорности большей, чем покорность того, кто уступает в этом деле своей душе. Отсюда и выражение — «верблюд покоренный», то есть послушный.

Клянусь жизнью, ревность находят у животных, и они так сотворены; как же не быть ревности у нас, когда ее утвердил для нас божественный закон, а дальше этого попасть уже некуда? Я знал человека сокрытым от хулы, пока не покорил его дьявол — у Аллаха ищем защиты от беспомощности! — и о нем говорит Иса ибн Мухаммад ибн Мухаммад аль-Хаулани:

Хитрец, ты выбрал срамоту наперекор любви и вере;
Ты свил заманчивую сеть и возмечтал о красном звере.

Но слишком часто рвется сеть, и вырывается добыча,
И остаешься ты ни с чем, уничижен в своей потере.

А я еще скажу:

Абу Марван в юнца влюбился и, страстью этой поражен,
Юнца приманивал он срамом своих законных честных жен.

Ему сказал я: «Мерзкий сводник!» А он ответил мне тогда,
Как тот, кто знает, что виновен, и лезть не хочет на рожон:

«Я своего в любви добился и на себя позор навлек,
Своею собственной роднею поруган и уничижен».

Я говорю еще:

Безумствует аль-Джазири, своих расходов не считая;
Он расточает свой удел, богатство кровное мотая.

Так продает он честь за честь, свою теряя честь при этом;
Затеял он постыдный торг; его влечет мечта пустая.

Кто покупает срам за срам, тот осрамится неизбежно;
Внакладе ты, купец-глупец, а где же правота святая?

Участок плодородный свой ты променяешь на пустыню,
Где только тернии торчат, где сорняки да пыль густая.

Безумец, прогадаешь ты, за прибылью гоняясь мнимой,
Как тот, кто ветер продает, рябь на воде приобретая.

И слышал я в соборной мечети, что взывал он к Аллаху о защите от покровительства Аллаха, как взывают к нему о защите от беспомощности.

Вот нечто похожее на это. Я помню, что был я в собрании, где находились наши друзья, у одного из зажиточных обитателей нашего города, и увидел, что между кем-то из присутствующих и одной из жен хозяина собрания, тоже бывшей тут, происходят дела, для меня подозрительные, и подмигивания, мне отвратительные, и что время от времени они уединяются. А хозяин собрания словно отсутствовал или спал. И я стал будить его намеками, но он не пробуждался, и шевелить его ясными словами, но он не шевелился, и тогда начал я ему повторять одно древнее двустишие, надеясь, что, может быть, он поймет. Вот оно:

В постыдном своем ослепленье не хочешь ты видеть греха;
Приходят к тебе ради блуда, а вовсе не ради стиха.

Напакостят и удалятся, оставив тебя в дураках,
Осел, чья поклажа, поверь мне,— отвратнейший сор да труха.

И я много раз произносил эти стихи, так что, наконец, хозяин собрания сказал мне: «Ты наскучил нам, заставляя их слушать. Сделай милость, оставь их или скажи другие». И я перестал, и не знал я,— не замечает он или притворяется не замечающим, и не помню я, чтобы я потом возвращался в это собрание.

Я сказал об этом человеке поэму, где есть такие стихи.

Ты достойный человек не в пример шутам бродячим;
По заслугам ты слывешь благородным и горячим.

Пробудись же! В дом к тебе забрели дурные гости.
Знай, что худшие грехи мы порою ловко прячем.

Кое-кто поклоны бьет, но не только на молитве;
Обладатель ясных глаз не всегда бывает зрячим.

Рассказывал мне Салаб ибн Муса аль-Калазани: «Говорил мне Сулайман ибн Ахмад, поэт: «Вот что рассказывала мне одна женщина, по имени Хинд, которую я видел на Востоке (а она совершила пять паломничеств и была из ревностных богомолиц). Она говорила мне,— рассказывал Сулайман,— «О сын моего брата, не думай хорошо ни о какой женщине! Я расскажу тебе про себя нечто такое, что знает Аллах, великий и славный! Я ехала по морю, возвращаясь из паломничества (а я уже отказалась от земной жизни), и была я пятой из пяти женщин, которые все совершили паломничество, и мы ехали по Красному морю. А среди матросов на корабле был один человек, сухощавый, по виду высокий ростом, широкоплечий и хорошо сложенный, и увидела я в первую ночь, что подошел он к одной из моих товарок. И затем он подходил ко всем женщинам в следующие ночи, и не осталось ему никого, кроме нее (она разумела самое себя),— и вот,— говорила она,— я сказала себе: «Я обязательно тебе отомщу!» И я взяла бритву и зажала ее в руке, и матрос пришел ночью, как обычно, и когда он хотел сделать то же, что делал во все ночи, я уронила на него бритву. И он испугался и встал, чтобы уйти, и мне сделалось его жалко,— говорила женщина,— и я сказала ему, схватив его: «Не двигайся, пока я не возьму с тебя мою долю!» И он удовлетворил свое желание,— говорила старуха,— и попросил у Аллаха прощения».

У поэтов есть удивительные и тонкие намеки в переносном смысле; к этому принадлежат мои слова, когда я говорю:

Блестят облака в небесах, подобно заманчивым вехам,
Как будто течет серебро, сопутствуя нашим утехам.

Приблизился месяц к земле, и ты говори о влюбленном,
Который блажен вопреки преградам и разным помехам.

Когда ты захочешь спросить, какою ценой преуспел он,
На твой неуместный вопрос отвечу двусмысленным смехом.

Счастливый так делает вид, что в счастье не очень-то верит,
Застигнутый счастьем врасплох, смущенный внезапным успехом.

Я скажу еще отрывок, где есть такие стихи:

В час, когда лучистый месяц всплыл в небесном океане
И когда ударить в било собирались христиане,

Ты ко мне явился, тонкий, словно бровь седого старца,
Гибкий, как девичья ножка, стройный, как стрела в колчане.

Лук Аллаха на востоке оперением павлиньим
Все еще переливался в голубеющем тумане.

Поистине, когда видим мы, как враждуют те, кто сблизился не ради Аллаха великого, после любви, и отвертываются друг от друга после близости, и порывают после дружбы, и ненавидят один другого после влюбленности, и утверждается вражда, и укрепляется ненависть в груди их — в этом великое откровение и запрет для тех, кто обладает умом безупречным, глубокими воззрениями и здравой решимостью. И не следует забывать о жестоких карах, которые уготовил Аллах тем, кто не повинуется ему, в день расчета в обители воздаяния, и о снятии покрова в присутствии созданий его. Ибо сказано в Священной книге: «В тот день, когда забудут все кормилицы о тех, кого кормят, и скинут беременные бремя свое, и окажутся люди опьяненными, хотя они не опьянены,— наказание Аллаха жестоко». Да поставит нас Аллах в число тех, кто пользуется его благоволением и кто достоин его милости!

Я видел одну женщину, любовь которой была не ради Аллаха, великого и славного. Я знал, что она чище воды, мягче воздуха и крепче гор, и утверждается сильнее, чем

качества в телах, и была она светлее солнца, вернее, чем то, что видишь, ярче звезды, правдивей, чем пепельные ката́, удивительнее, чем судьба, прекраснее милости, красивее, чем лицо Абу Амира, усладительнее здоровья, слаще мечты, ближе души, не дальше, чем родословная, и устойчивей, чем резьба на камне. Но потом не замедлил я увидеть, что эта любовь превратилась во вражду, которая ужаснее смерти, пронзительнее стрелы, горше болезни, печальнее, чем прекращение милости, старательнее, чем постигшая месть, пронзительней холодного ветра, вредоносней глупости, гибельнее победы врага, тяжелее плена, тверже скалы, ненавистнее, чем снятие покрова, дальше Близнецов, труднее, чем борьба с небом, тягостнее, чем вид пораженного несчастьем, смертельнее, чем нарушение обычаев, ужаснее внезапной беды и отвратительнее смертоносного яда. И не родится подобная вражда от желания отмстить и обиды из-за убийства отцов и пленения матерей. Таков обычай Аллаха для людей разврата, которые направляются не к нему и идут к другому, и выражено это в слове его — велик он и славен! — «О, если бы не взял я такого-то в друзья! Отклонил он меня от поминания, после того как оно пришло ко мне». И подобает разумному искать защиты у Аллаха от того, во что ввергает любовь.

Вот Халаф, вольноотпущенник Юсуфа ибн Камкама, знаменитого военачальника. Он был одним из приверженцев Хишама, сына Сулаймана, сына ан-Насира, и, когда Хишам был взят в плен и убит и бежали те, кто помогал ему, Халаф бежал среди них и спасся. Но, прибыв в аль-Касталят, он не мог вытерпеть без одной своей невольницы, которая была в Кордове, и вернулся обратно, и захватил его повелитель правоверных аль-Махди, и велел его распять; я еще вижу его распятым на лугу у Большой реки, и был он точно еж на стреле.

Рассказывал мне Абу Бакр Мухаммад, сын вазира Абд ар-Рахмана ибн аль-Лайса,— помилуй его Аллах! — что причиною его бегства в квартал берберов во дни, когда те ушли с Сулайманом аз-Зафиром, была только невольница, которой он увлекался, перешедшая к кому-то из тех, кто был в той стороне, и он едва не погиб в этом путешествии.

Эти два события, хотя они не относятся к предмету главы, все же свидетельствуют о том, насколько любовь ведет к гибели, готовой и явной, которую одинаково могут

понять и разумный и глупый. Что же сказать о защите Аллаха, которой не уразумеет тот, у кого слаба проницательность?

Пусть не говорит человек: «Я один!» Если он и уединился, то все же видит и слышит его ведающий сокровенное,— да будет его милость над вами,— ибо он «знает о взглядах украдкой и о том, что скрывает грудь», и знает он «тайну и то, что еще более скрыто». «Нет тайной беседы троих, при которой он не был бы четвертым, или пятерых, где не был бы он шестым, и меньше ли того будет их или больше, всегда будет он с ними, где бы ни находились они», «и знает он то, что в груди», «и ведает скрытое и явное»,— да помилует он нас в час ответа!

«Скрываются от людей, но не скрыться от Аллаха, который с ними», и сказал он: «Создали мы человека и знаем, что нашептывает ему душа его, и мы ближе к нему, чем яремная вена. Вот внимают двое внимающих, сидящих справа и слева; не произнесет он слова без того, чтобы не был над ним соглядатай уготованный». Пусть знает тот, кто легко относится к грехам, полагаясь на отсрочку возмездия, и отворачивается от повиновения своему господу, что Иблис был в раю с ангелами, приближенными к Аллаху, но из-за одного ослушания, с ним случившегося, заслужил он проклятие навсегда и наказание вечное и превратился в сатану, побитого камнями, и был удален от возвышенного места.

А вот Адам — да благословит его Аллах и да приветствует! — за одно согрешение был он выведен из рая к несчастьям мирской жизни и горестям ее, и если бы не принял он слов господа своего и не простил бы его Аллах, наверное, был бы он среди погибших.

Или считаешь ты, что тот, кто пренебрегает Аллахом, господом своим, и его сонмами, чтобы увеличились прегрешения его, думает, что он выше для творца его, чем отец его Адам, которого создал Аллах своей рукою и вдохнул в него дух свой и заставил пасть перед ним ниц ангелов, достойнейших для него созданий, или ему тяжелей наказать его, чем Адама? Нет, но когда люди считают мечты сладостными и стезю порока гладкой и не разумна вера их, ведет это их к ущербу и позору. И если бы не удерживал от совершения греха запрет Аллаха великого и не ограждали от этого суровые наказания, то поистине, дурная молва о согрешившем и великая обида, возникающая в душе того, кто так делает, были бы наибольшим

препятствием и сильнее всего удерживали бы человека, смотрящего глазами истины и следующего по пути прямому. Как же иначе, когда Аллах — велик он и славен! — говорит: «...И те, кто не убивает душу, которую сделал Аллах запретною, иначе как за истинное, и не прелюбодействуют. А кто делает это, получит воздаяние: удвоится для него пытка в день воскресения и пребудет он в ней навек униженным».

Передавал нам аль-Хамадани в мечети аль-Камари, на западной стороне Кордовы, в год четыреста первый: «Говорили нам Ибн Сибавайх и Абу Исхак аль-Бальхи в Хорасане в год триста семьдесят пятый: «Передавал нам Мухаммад ибн Юсуф со слов Мухаммада ибн Исмаила, Кутайбы ибн Саида, Джарира, аль-Амаша, Абу Ваиля и Амра ибн Шурахбиля, что последний говорил: «Передавал Абдаллах, то есть Ибн Мусад: «Сказал один человек: «О посланник Аллаха, какой грех самый большой для Аллаха?» — «Если ты молишься другому наравне с Аллахом»,— ответил посланник божий. «А затем какой?» — спросил человек. «Если ты убьешь свое дитя, не давая есть с тобою»,— ответил посланник божий. «А затем какой?» — спросил человек, и посланник божий ответил: «Если ты прелюбодействуешь с женой соседа». Ниспослал Аллах подтверждение этому: «И те, кто не молятся вместе с Аллахом другому богу, и не убивают душу, которую сделал Аллах запретной, иначе как за истинное, и не прелюбодействуют...» — дальше, до конца стиха. И сказал он, великий и славный: «И блудницу и прелюбодея — побейте каждого из них сотнею ударов, и пусть не берет вас к ним сожаление, в послушание Аллаха, если верите вы в Аллаха...» — и дальше, до конца стиха».

Передавал нам аль-Хамадани со слов Абу Исхака аль-Бальхи и Ибн Сибавайха, ссылавшихся на Мухаммада ибн Юсуфа, Мухаммада ибн Исмаила, аль-Лайса, Акиля, Ибн Шихаба аз-Зухри, Абу Бакра ибн Абд ар-Рахмана ибн аль-Хариса ибн Хишама и Саида ибн аль-Мусайяба, махзумитов, и Абу Салима ибн Абд ар-Рахмана ибн Ауфа аз-Зухри, что посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — говорил: «Не совершит блуда прелюбодей, который прелюбодействует, будучи правоверным».

С таким же иснадом, возводимым к Мухаммаду ибн Исмаилу, Яхье ибн Бакиру, аль-Лайсу, Акилю, Ибн Шихабу, Абу Саламе с Саидом ибн аль-Мусайябом и Абу

Хурайре, передают, что последний говорил: «Пришел один человек к посланнику Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — когда тот был в мечети, и сказал ему: «О посланник Аллаха; я совершил блуд». И посланник Аллаха отвернулся от него, и человек повторил эти слова четыре раза, и, когда он засвидетельствовал против себя четырьмя свидетельствами, пророк — да благословит его Аллах и да приветствует! — позвал его и спросил: «Ты одержимый?» — «Нет»,— отвечал человек. «А ты женат?» — спросил его посланник Аллаха, и, когда человек ответил: «Да»,— пророк — да благословит его Аллах и да приветствует! — сказал: «Уведите его и побейте камнями!»

Говорил Ибн Шихаб: «Рассказывали мне люди, слышавшие Джабира ибн Абдаллаха, что тот говорил: «Я был среди тех, кто побивал этого человека камнями. Мы начали бить его около молельни, и, когда камни ушибли его, он побежал, но мы догнали его около аль-Харры и побили его камнями».

Передавал нам Абу Саид, вольноотпущенник хаджиба Джафара, в соборной мечети Кордовы, ссылаясь на Абу Бакра-чтеца, Абу Джафара ибн ан-Наххаса, Саида ибн Бишра, Омара ибн Рафи, Мансура, аль-Хасана, Хаттана ибн Абдаллаха ар-Раккаши и Убада ибн ас-Самита, что посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — говорил: «Учитесь от меня! Учитесь от меня! Установил для них Аллах путь: если совершит блуд девственник с девственницей, кара ему — бичевание и изгнание над год, познавшему с познавшей — бичевание сотней ударов и побиение камнями». О, как ужасен грех, о котором Аллах ниспослал ясное откровение, что совершивший его будет ославлен, и виновный в нем будет порицаем, и впавший в него будет жестоко наказан, и усилил он кару тем, что грешника должно бить камнями, только когда друзья его присутствуют при наказании.

Мусульмане единодушны в согласии, которое нарушает только еретик, о том, что женатого прелюбодея должно бить камнями, пока он не умрет. О, как ужасно такое убийство, как страшно такое наказание, как жестока эта пытка и как далека она от избавления и быстрой смерти!

Некоторые из людей науки, и среди них аль-Хасан ибн Абу-ль-Хасан, и Ибн Рахавайх, и Дауд, и его последователи, говорят, что такому прелюбодею вместе с побитием камнями надлежит дать сто ударов бичом, и доказывают

это словами Корана и установившимся обычаем, возводимым к посланнику божьему — да благословит его Аллах и да приветствует! — а также поступком Али — да будет доволен им Аллах! — который побил замужнюю женщину камнями за прелюбодеяние, дав ей сначала сто ударов, и сказал: «Я бичевал ее согласно книге Аллаха и бил ее камнями по обычаю посланника Аллаха». Говорить так обязательно для последователей аш-Шафии, ибо добавление правомочного человека к хадису принимается. По единогласному мнению народа, считается верным правило, переданное всем, согласно которому поступают во всякой общине и среди членов всякого толка из толков людей кыблы, кроме маленькой общины хариджитов, не идущей в счет: кровь мужа-мусульманина дозволена лишь при неверии после веры, при убийстве души за душу, при войне против Аллаха и его посланника, когда муж обнажает меч и стремится внести на землю порчу, идя вперед, а не назад, а также за прелюбодеяние после женитьбы. И поистине, название тому, что поставил Аллах вместе с неверием в Аллаха,— велик он и славен — и войной против него, и прекращением доказательства его на земле, и сопротивлением его вере,— великое преступление и ужасный грех, а Аллах — велик он! — говорит: «...Если избегнете вы великих грехов, которые вам возбраняются, очистим мы вас от злодеяний ваших». «А те, кто избегает великих грехов и мерзостей, за исключением малых прегрешений,— поистине, господь твой обширен для них в прощении».

И если люди науки расходятся относительно наименования этих грехов, то все они согласны, о чем бы из этого они ни спорили, что прелюбодеяние должно быть поставлено между ними впереди,— нет среди них расхождения в этом.

И не грозит Аллах — велик он и славен! — в книге своей огнем, после многобожия, ни за что, кроме семи грехов (а это и есть грехи великие), и прелюбодеяние — один из них. Обвинение целомудренных женщин в блуде тоже принадлежит к ним, и это все изложено в книге Аллаха — велик он и славен!

Мы уже говорили, что убиение кого-либо из сынов Адама полагается только за четыре греха, которые были раньше упомянуты. Что касается неверия, то, когда виновный в этом вернется к исламу или в число людей договора, если он не вероотступник,— это будет от него при-

нято и смерть отстранена. При убийстве — если защитник убитого примет плату за его кровь, по словам некоторых правоведов, или простит убийцу, как говорят они все,— отпадет от него убиение в виде возмездия; что же касается порчи на земле, то если виновный в этом раскается, прежде чем получили над ним власть, убиение его не совершается. Но невозможно, по словам кого бы то ни было, согласного или несогласного, отменить побитие камнями женатого человека, который совершил блуд, и нет никакого способа отвратить от него смерть.

На отвратительность прелюбодеяния указывает то, что передал нам кади Абу Абд ар-Рахман со слов кади Абу Исы, Абдаллаха ибн Яхьи, его отца Яхьи ибн Яхьи, аль-Лайса, аз-Зухри, аль-Касима ибн Мухаммада ибн Абу Бакра и Убайда ибн Умайра, который говорил, что Омар ибн аль-Хаттаб — да будет доволен им Аллах! — покорил во время своего правления людей из племени хузейлитов, и вышла одна девушка из них, и последовал за ней мужчина, который соблазнил ее. И она бросила в него камнем и разбила ему печень, и Омар сказал: «Это убитый Аллахом, а Аллах никогда не платит цену за кровь».

И назначил Аллах — велик он и славен! — для этого греха четырех свидетелей, а для всякого другого решения только двух, лишь потому что заботился он, чтобы не распространилась мерзость среди рабов его, ибо велика она, ужасна и отвратительна. И как ей не быть ужасной, когда тот, кто оскорбляет этим брата своего мусульманина или сестру свою мусульманку, не имея верного сведения или уверенного знания, совершает великий грех из тех грехов, за которые достоин он огня в будущей жизни, и надлежит ему, по словам ниспосланной книги, быть побитым восемьюдесятью ударами бича. Малик — да будет доволен им Аллах! — считает, что не следует налагать наказания за намек, без ясных слов, ни за что, кроме упрека в блуде. С уже упомянутым иснадом, ссылаясь на аль-Лайса ибн Сада, Яхью ибн Саида, Мухаммада ибн Абд ар-Рахмана и его мать, Амру, дочь Абд ар-Рахмана, передают, что Омар ибн аль-Хаттаб — да будет доволен им Аллах! — велел побить бичами человека, который сказал другому: «Мой отец не блудник и моя мать не блудница»,— это рассказывается в длинном хадисе. А по общему мнению всего народа, без единого несогласного, который был бы нам известен, знаем мы, что, если человек сказал другому: «О неверный!» — или: «О убийца

души, которую сделал Аллах запретной!» — он не подлежит наказанию,— такова осторожность Аллаха — велик он и славен! — при установлении этого великого греха мусульманина или мусульманки. По словам того же Малика,— да помилует его Аллах! — нет наказания в исламе, от которого не избавляло бы убиение и которого бы оно не отменяло, кроме наказания за обвинение в блуде,— если оно полагается тому, кому полагается убиение, такого человека наказывают, а потом убивают. Сказал Аллах великий: «Кто бросит в целомудренных обвинение, а затем не приведет четырех свидетелей, тех бичуйте восемьюдесятью бичами и не принимайте от них свидетельств никогда; это они и суть развратники, кроме тех из них, кто раскаялся...» — и дальше, до конца стиха. И сказал он, великий: «Поистине, те, кто бросают обвинение в целомудренных, небрегущих хулой и уверовавших, прокляты в земной жизни и в последней, и будет им наказание великое».

Передают о пророке — да благословит его Аллах и да приветствует,— что он сказал: «Гнев и проклятие, упомянутые в клятве проклятием, несут погибель».

Передавал нам аль-Хамадани, ссылаясь на Абу Исхака, Мухаммада ибн Юсуфа, Мухаммада ибн Исмаила и Абд ль-Азиза ибн Абдаллаха, такой иснад: «Передавал нам Сулайман со слов Саура ибн Язида, Абу-ль-Гайса и Абу Хурайры, что пророк — да благословит его Аллах и да приветствует! — говорил: «Избегайте семи поступков, ввергающих в погибель». — «А какие эти поступки, о посланник божий?» — спросили его, и он сказал: «Придание Аллаху товарищей, колдовство, убиение души, которую Аллах сделал запретной, иначе как за должное внимание лихвы, проедание имущества сироты, отступление в день боя и обвинение в блуде целомудренных, небрегущих хулой, уверовавших».

Поистине, в блуде преступление заповедного, порча потомства и разлучение супругов, кои счел Аллах великим грехом, и не будет это незначительным для человека разумного или того, кто обладает малейшею долей благости, и, если бы не великий соблазн, свойственный человеку, и не опасность, что он одолеет его, Аллах, наверное, не облегчил бы кару для девственных и не усилил бы наказание для женатых. И у нас и во всех древних законах, исходящих от Аллаха — велик он и славен! — это приговор вечный, неизменный и неотмененный; да будет

же благословен взирающий на рабов своих, которого не отвлечет великое в его созданиях, и не уменьшит его силы значительное в мирах его, мешая видеть то ничтожное, что есть там! Он такой, как сказал он — великий и славный: «Живой, самосущий, не берет его дремота и сон»; и сказал он: «Он знает, что входит в землю и выходит из нее, что нисходит с неба и к нему поднимается», и еще: «Знает сокровенное и явное, не укроются от него и все пылинки, в земле и на небе».

Поистине, величайшее, что совершает раб, это разрыв завесы Аллаха — велик он и славен! — перед рабами его. Дошел до нас приговор Абу Бакра Правдивого — он побил человека, который прижимал к себе мальчика, пока не испустил семя, и побил его побоями, причинившими ему гибель. И знаем мы, как понравилось Малику — помилуй его Аллах! — рвение эмира, который побил мальчика, давшего мужчине целовать себя, пока тот не испустил семя, и он так бил его, что мальчик умер. Все это ясно указывает на силу подобных побуждений и дел и на необходимость увеличивать рвение.

Хотя мы и не видели этого, но так говорят многие ученые, за которыми следует целый мир людей. Мы же придерживаемся того, что передавал нам аль-Хамадани, ссылаясь на аль-Вальхи, аль-Фарабри и аль-Бухари, который говорил: «Передавал нам Яхья ибн Сулайман, ссылаясь на Ибн Вахба, Амра, Вакира, Сулаймана ибн Ясара, Абд ар-Рахмана ибн Джабира, его отца, и Абу Бурду аль-Ансари, что последний говорил: «Я слышал, как говорил посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — «Должно давать свыше десяти бичей только при наказаниях из наказаний Аллаха — велик он и славен!» То же говорит Абу Джафар Мухаммад ибн Али ан-Насан, шафиит,— помилуй его Аллах!

Что же касается поступков сородичей Лота, то они ужасны и отвратительны. Сказал Аллах великий: «Разве совершите вы мерзость, к которой не пришел раньше вас никто из людей?» — и поразил Аллах тех, кто так делал, мечеными камнями из глины.

А Малик — помилуй его Аллах! — считает, что и совершающий и терпящий такое действие должны быть побиты камнями, женаты они или не женаты, и некоторые маликиты доказывают это тем, что Аллах — велик он и славен! — говорит о побитии им камнями тех, кто так делает: «И они (камни) от неправедных недалеки». А из

этого следует, что, если кто поступит неправедно теперь, совершив то же самое, они к нему тоже близки, но спорить об этом вопросе здесь не место.

Говорил Абу Исхак Ибрахим ибн ас-Сирри, что Абу Бакр — да будет доволен им Аллах! — сжег за это огнем, а Абу Убайда Мамар ибн аль-Мусанна упоминал имя сожженного и говорил, что это Шуджа ибн Варка аль-Асади,— это его сжег огнем Абу Бакр Правдивый за то, что его познавали сзади, как познают женщину.

Но, поистине, широки пути для разумного вне греха, и не запретил Аллах чего-нибудь, не заменив этого для рабов своих делом дозволенным, которое лучше запретного и достойней,— нет бога, кроме него!

ГЛАВА О ПРЕИМУЩЕСТВЕ ЦЕЛОМУДРИЯ

Лучшее, что может сделать человек в любви своей,— это быть целомудренным и оставить воздаяние благом от творца своего в обители вечного пребывания, и не быть ослушником своего владыки, который оказал ему милость и сделал его достойным вместилищем веления своего и запрета, и посылал к нему посланников, и сделал слово свое для него неукоснительным по заботе своей о нас и по милости к нам.

Поистине, у некоторых людей, когда страсть овладевает их сердцем и безумными становятся их мысли, влечение их все усиливается и страсть их все возрастает. А потом они овладевают любимой, и любовь старается одолеть их разум, и страсть — покорить их душу. Но тогда они находят порицание душе своей, и понимают, что душа их повелевает дурное, и напоминают они ей о каре Аллаха — велик он и славен! — и размышляют они о дерзости своей пред создателем, который их видит, и остерегают свою душу от огня возвращения и предстояния пред царем великим, суровым в наказании, милосер-

дым, милостивым, которому не нужны доказательства. И видят эти люди внутренним оком своим, что далек от них всякий защитник в присутствии знающего сокровенное «в тот день, когда не будет пользы от имущества и сынов никому, кроме тех, кто пришел к Аллаху с сердцем здравым»; «в тот день, когда заменится земля другой землей и небеса также»; «в тот день, когда найдет всякая душа уготованным все, что сделала она благого, а то злое, что сделала она,— захочется ей, чтобы было оно от нее на расстоянии далеком»; «в тот день, когда поникнут лица перед живым, самосущим и обманут будет тот, кто несет на себе дела злые»; «в тот день, когда найдут они то, что сделали, уготованным, и не обидит господь твой никого»; в день величайшего бедствия, «в день, когда вспомнит человек о том, для чего старался, и будет показан огонь тем, кто видит; те же, кто был упорен в нечисти и предпочел жизнь дольнюю,— поистине, тем приют в огне, а тем, кто убоялся сана господа своего и удерживал душу от страстей,— поистине, в раю им прибежище»; в тот день, о котором сказал Аллах — велик он! — «всякому человеку на шею привязали мы птицу его, и в день воскресенья представим мы ему запись, которую найдет он развернутой; читай запись твою, довольно для тебя сегодня твоей души, чтобы с тобой сосчитаться». И скажет тот ослушник: «Горе мне! Что это за запись! Не оставит она ни малого, ни великого, не сосчитавши».

А что же будет с тем, кто затаил в сердце нечто более жаркое, чем угли гада́, и скрыл в сердце своем более острое, чем меч, и глотает горести, горше колоквинта, и кто отвратил душу, вопреки ей, от того, чего она желала, в достижении чего была уверена и к чему приготовилась, и не отделяло ее от желаемого никакое препятствие? Поистине, достоин воздержавшийся и устоявший от соблазнов того, чтобы возрадоваться завтра, в день воскресения, и среди тех, кто приближен в обители воздаяния и в мире вечного блаженства, и быть в безопасности от страха воскресения и ужаса восхождения, и достоин он, чтобы воздал ему Аллах этой безопасностью в день собрания.

Рассказывал мне Абу Муса Харун ибн Муса, врач, и говорил он: «Видел я юношу, прекрасного лицом, из жителей Кордовы, который предавался поклонению Аллаху и отказывался от земной жизни; а у него был брат в Ал-

лахе, и отпала между ними забота об осторожности. И посетил он его однажды вечером, и намерен был у него заночевать; и случилось хозяину дома отлучиться, чтобы встретиться со своим знакомым, который жил в отдалении от его дома, и вышел он для этого с тем, чтобы быстро вернуться. А юноша расположился в доме с его женою — она была пределом красоты и ровесницей гостю в юности. И продлил хозяин дома пребывание в отсутствии, пока не стала ходить ночная стража, и невозможно сделалось ему уйти домой. И когда женщина узнала, что время прошло и что муж ее не может вернуться в этот вечер, ее душа устремилась к юноше, и она показалась ему и призвала его к себе, и не было с ними третьего, кроме Аллаха — велик он и славен! И юноша решил овладеть ею, но потом возвратился к нему рассудок, и он подумал об Аллахе, великом и славном, и протянул руку к светильнику, и обжег себе палец огнем, и сказал: «О душа, вкуси это, а куда этому огню до огня геенны!» И женщина ужаснулась тому, что увидела, но затем она опять возвратилась к юноше, и снова вернулась к нему страсть, вложенная в человека, и он еще раз сделал то же, что и раньше, и когда заблистало утро, огонь уничтожил его указательный палец. И, думаешь ты, он довел свою душу до этого предела из-за чего-нибудь, кроме чрезмерной страсти, которая на него набросилась, или считаешь, что у Аллаха великого не было другого испытания для него? — Нет, Аллах более великодушен и знающ!»

Рассказывала мне одна женщина, которой я доверяю, что ее полюбил некий юноша, ей подобный по красоте, и она его полюбила, и распространились о них речи. И однажды они встретились, будучи одни, а юноша сказал ей: «Пойди сюда, оправдаем то, что о нас говорят!» — но она отвечала: «Нет, клянусь Аллахом, этого никогда не будет, пока я произношу слово Аллаха: «Поистине, друзья, в тот день один другому враги, кроме тех, кто опасается». «И прошло лишь немного дней,— говорила женщина,— и мы соединились союзом дозволенным».

Рассказывал мне человек верный, из друзей моих, что он остался однажды наедине с девушкой, которая была равна ему в юности. И она посягнула на некое из подобных дел, и юноша сказал ей: «Нет! Благодарность Аллаху, который дозволил мне сближение с тобою,— а это отдаленнейшая моя надежда,— состоит в том, чтобы отстранить от себя страсть ради его повеления». Клянусь

жизнью, это было бы диковинно и в минувшие времена: как же смотреть на это во время, подобное нашему, когда ушло благо и пришло зло?

Я придерживаюсь об этих рассказах — а они достоверны — одного из двух предположений, в которых нет сомнения. Возможно, что тут свойство природы обратилось к другому, и твердо установилось в нем знание превосходства иного дела, и не отвечает оно на призывы любовных речей ни словом, ни двумя словами, ни в один день, ни в два. Но если бы продлилось испытание этих испытанных, наверное, смутились бы свойства их и вняли бы они голосу искушения, однако защитил их Аллах и разум победил страсть, так как заботился он о них и знал, что взывают они к нему в тайных своих помыслах о защите от скверны и молят о праведности — нет бога, кроме него! Или же произошло здесь прозрение, наступившее в то самое время, и явилась мысль об отказе от земного и отступили страсти в эту минуту, ради блага, которого желал Аллах тем, кто его страшится и на него надеется! Аминь!

Передавал мне Абдаллах Мухаммад ибн Омар ибн Мада со слов верных мужей из сынов Марвана, которые возводили этот рассказ к Абу-ль-Аббасу аль-Валиду ибн Ганиму, что последний говорил: «Имам Абд ар-Рахман ибн аль-Хакам отлучился в один из своих походов на несколько месяцев и заточил во дворце своего сына Мухаммада, который принял после него халифат. Он поместил его на крыше и велел ему проводить там ночи и сидеть там днем, не дав ему позволения никуда выходить, и назначил ему на каждую ночь вазира из вазиров и юношу из числа знатных юношей, которые должны были спать с ним на крыше. И Мухаммад провел там долгий срок, и отдалилось время свидания его с женами, а он был в возрасте двадцати лет или около этого,— говорил Ибн Ганим,— и пришлось мне ночевать мою ночь в смену одного юноши из знатных юношей, который был молод годами и прекрасен лицом до предела. И сказал я про себя,— говорил Абу-ль-Аббас,— боюсь, что Мухаммад ибн Абд ар-Рахман погибнет сегодня ночью, и впадет в грех, и украсит ему Иблис прегрешение, и последует он за ним. И я устроил себе ложе на наружной крыше,— говорил он,— а Мухаммад был на внутренней крыше, с которой был виден харим повелителя правоверных; юноша же находился в другом конце, близ лестницы. И я стал следить

за Мухаммадом, не упуская его из виду, а он думал, что я уже заснул, и не знал, что я за ним наблюдаю. И когда прошла часть ночи,— говорил Ибн Ганим,— я увидел, что Мухаммад поднялся, и он просидел недолгое время прямо, а затем воззвал к Аллаху о защите от сатаны и вернулся ко сну. А потом, через некоторое время он поднялся, надел рубаху и приготовился встать, но затем снял с себя рубаху и опять лег. И он поднялся в третий раз, и надел рубаху, и спустил ноги с ложа, и оставался сидеть так некоторое время, а потом он позвал юношу по имени и юноша ответил ему, и Мухаммад сказал: «Спустись с крыши и оставайся в проходе, который под нею». И юноша поднялся, повинуясь ему, и, когда он сошел вниз, Мухаммад встал и запер дверь изнутри и вернулся на свое ложе. И понял я с того времени, что у Аллаха есть о нем благое намерение».

Передавал нам Ахмад ибн Мухаммад ибн аль-Джасур со слов Ахмада ибн Мутаррифа и Убайдаллаха ибн Яхьи, который ссылался на своего отца, Малика, Хабиба ибн Абд ар-Рахмана аль-Ансари, Хафса ибн Асима и Абу Хурайру, что посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — говорил: «Семерых осенит Аллах своей тенью в тот день, когда не осенит ничто, кроме тени его: справедливого имама, юношу, который вырос в поклонении Аллаху — велик он и славен! — человека, сердце которого привязано к мечети, когда он выходит из нее и пока он в нее не вернется, двоих мужей, которые полюбили друг друга в Аллахе и сошлись на этом, а затем разошлись,— человека, который упомянул имя Аллаха в одиночестве, и глаза его пролили слезы, человека, которого позвала женщина красивая и прелестная, и сказал он: «Я боюсь Аллаха!» — и человека, который подал милостыню и скрыл это, чтобы не знала его левая рука, что расходует правая».

Помню я, что меня позвали в одно собрание, где был человек, образом которого восхищаются, взоры и качества которого любезны сердцам, чтобы поговорить и посидеть вместе, без порицаемого и дурного. И я поспешил к нему, а было это на заре, и, когда я совершил утреннюю молитву и облачился в одежды, явилась мне мысль, и пришли мне на ум стихи. Со мной был один человек из друзей моих, и он спросил меня: «Отчего это молчание?» — но я не ответил ему, пока не сложил стихов до конца, а потом я записал их и дал этому человеку, и я отказался идти

туда, куда намеревался отправиться. Вот часть этих стихов:

Зачем за чужой красотой мечтатель отчаянно гонится,
Хотя на подобном пути грозит человеку бессонница?

Сменяется холодом жар, сердца беспощадно сжигающий;
За близостью следом идет разлука, печали сторонница.

Услады пророчат всегда нам разве что горечь грядущую,
И радости памятных встреч — в пустыне погибшая конница.

И если бы не было воздаяния, и наказания, и награды, все же следовало бы нам проводить жизнь, и утомлять тело, и потратить возможное, и исчерпать силу, благодаря творца, который даровал нам милости, раньше чем мы заслужили их, облагодетельствовал нас разумом, которым мы познаем его, и одарил нас чувствами, и ученостью, и знанием, и тонкостями ремесел, и отдал нам небеса, проливающие то, что в них для нас полезно, и вложил в нас предусмотрительность, до которой мы не дошли бы, если бы владели возможностью сами себя сотворить, и не смотрели бы мы на самих себя так, как он на нас смотрит.

Аллах дал нам преимущество над большинством тварей и сделал нас вместилищем слова своего и обиталищем своей веры, и создал он для нас рай, прежде чем стали мы его достойны, но пожелал он потом, чтобы входили туда рабы его только по делам своим и чтобы были благие дела для людей обязательны. Сказал ведь Аллах великий: «Это воздаяние за то, что они делают». И привел он нас на путь в рай, и дал нам увидеть образ тени его, и сделал крайнюю милость свою и благодеяние к нам и нашим правом и долгом, для него обязательным, и мы благодарим его за дарованное нам повиновение, силу к которому он нам дал, наградил он нас своею милостью, несмотря на свое превосходство. Это щедрость, до которой не доходят умы, и не может описать ее разум. Кто знает господа своего и меру благоволения и гнева его,— ничтожны для того услады исчезающие и преходящая суета. Как же иначе, если дошли до нас угрозы, внимая которым чувствуешь, что встают волосы на теле и тает душа, и сообщил нам Аллах о мучениях, до которых не доходит мысль? Куда же уйти от повиновения этому щедрому владыке, и зачем желать проходящей услады, после кото-

рой не уходит раскаяние, и не кончается за нее наказание, и не прекращается позор испытавшему ее? Доколе будет это продление, раз уже услышали мы глашатая, и как будто уже погнал нас погонщик в обитель вечного пребывания — либо в рай, либо в огонь. О, поистине, задержаться в здешнем месте — заблуждение явное!

Здесь — да возвеличит тебя Аллах — кончается то, о чем я вспомнил, исполняя обязанности перед тобой, стремясь тебя обрадовать и повинуясь твоему приказанию. Я не отказывался говорить в этом послании о некоторых вещах, о которых упоминали поэты, и много говорил о них, приводя их полностью, как они есть, или разбивая их по главам, с обстоятельными толкованиями. Есть некоторая чрезмерность, скажем, в описании худобы, в уподоблении дождю слез, которые могут напоить путешественника, мучениях бессонницей или отказе от всякой пищи,— но все это вещи, в коих мало истины, а ложь в них тоже не правдивая. Всякая вещь имеет пределы понятного. Бессонница продолжается ночами, но если бы человек был лишен пищи две недели, он бы, наверное, погиб, и мы говорили, что без сна можно выдержать меньшее время, чем без еды, только потому, что сон — пища души, а кушанья — пища тела; они делят между собой и то и другое, но мы говорили о том, что бывает в большинстве случаев. Что же касается воды, то я видел, что Майсур-строитель, наш сосед в Кордове, мог выдержать без воды две недели в летние жары и довольствовался той влагой, которая была в его пище, а кади Абу Абд ар-Рахман ибн Худжжаф рассказывал мне, что он знал человека, который не пил воды месяц. Я ограничился в своем послании вещами истинными и известными, кроме которых не может существовать ничего, но я упоминаю также многие из названных мной свойств, и этого было достаточно, чтобы я не отошел от пути и обычаев людей поэзии.

Многие из наших друзей увидят в этом послании рассказы о себе, где имена их скрыты, как мы условились в начале книги, и я прошу прощения у Аллаха — велик он! — за то, что запишут ангелы и насчитают соглядатаи из этого и ему подобного,— прошу прощения, как тот, кто знает, что речи его принадлежат к его деяниям, и если они не пустословие, за которое не будет взыскано с мужа,

то они, если хочет того Аллах, относятся к грехам малым и простительным. А если это и не так, то они не злодеяние или мерзость, за которую следует ожидать мук, и во всяком случае они не принадлежат к великим грехам, о которых дошли до нас слова писания.

Я знаю: многие из пристрастных против меня будут меня порицать за то, что я составил подобную книгу, и скажут: «Он сошел со своего пути и отдалился от своего направления»,— но никому не дозволено думать обо мне иное, чем то, на что я вознамерился, и сказал Аллах — велик он: «О те, кто уверовал, избегайте многих подозрений — поистине, некоторые подозрения — грех».

Передавал мне Ахмад ибн Мухаммад ибн аль-Джасур со слов Ибн Абу Дулайма, Ибн Ваддаха, Яхьи, Малика ибн Анаса, Абу Зубайра аль-Макки и Абу Шурайха аль-Каби, что посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — говорил: «Берегитесь подозрения — это самая лживая ложь!» С таким же иснадом, возводимым к Малику, Саиду ибн Абу Саиду аль-Макбари, аль-Араджу и Абу Хурайре, передают, что посланник Аллаха — да благословит его Аллах и да приветствует! — говорил: «Кто верует в Аллаха и в последний день, пусть говорит благое или молчит».

Передавал мне друг мой Абу Бакр Мухаммад ибн Исхак со слов Абдаллаха ибн Юсуфа аль-Азди, Яхьи ибн Аиза и Абу Ади Абд аль-Азиза ибн Али ибн Мухаммада ибн Исхака ибн аль-Фараджа, имама в Египте, ссылавшегося на Абу Али аль-Хасана ибн Касима ибн Духайма, египтянина, Мухаммада, сына Закарии аль-Алляни, Абуль-Аббаса, Абу Бакра и Катаду, что Саид ибн аль-Мусайяб сказал: «Составил Омар ибн аль-Хаттаб — да будет доволен им Аллах! — для людей восемнадцать мудрых изречений, среди которых есть такое: «Полагай о деле брата твоего наилучшее, пока не придет к тебе то, что тебя заставит быть против него, и не думай о слове, вышедшем из уст мусульманина дурного, если находишь ты способ понять его хорошо».

Таково — да возвеличит тебя Аллах! — наставление Аллаха и наставление посланника его — да благословит его Аллах и да приветствует! — и наставление повелителя правоверных, и в общем не стану я говорить лицемерно и не буду благочестив благочестием иноземным. Кто испол-

няет обязанности предписанные и избегает дурных дел, которые запретны, и не забывает о благочестии, и избегает зла, и всегда помнит о милости в общении своем с людьми, на того падает имя блага; уволь же меня от прочего, достаточно с меня Аллаха! Речь о подобном этому ведут тогда, когда свободны силы и пусто сердце, и поистине, запомнить что-нибудь, сохранить след и вспомнить о минувшем для ума, подобного моему,— диво после того, что было и постигло меня. Ты ведь знаешь, что разум мой истощен невзгодами и ум мой ничтожен, так как мы далеки от наших жилищ, удалились от родных мест, и постигла нас изменчивость времени, и немилость султана, и перемена друзей, и испортились наши обстоятельства, и изменились дни, и пропало изобилие, и ушло нажитое и наследственное, и захвачено приобретенное отцами и дедами. Мы изгнаны в чужие земли, и пропало имущество и сан; занимают нас думы о том, как сохранить семью и детей, и утрачена надежда возвратиться к жилищу родных и отразить удары рока, и жду я того, что суждено судьбою. Да не сделает нас Аллах сетующими кому-нибудь, кроме него, и да приведет он нас к лучшему, чем то, к чему он нас приучил. Поистине, то, что он сохранил, значительней того, что взял он, и то, что осталось, больше, чем то, что отнято. Дары его, нас окружающие, и милости его, нас покрывающие, не имеют предела, и благодарность за них нельзя выплатить — все это им даровано и от него подарок. Нет у нас власти над самими собою, от него мы исходим, и к нему мы возвращаемся; все, что дано взаймы, будет возвращено заимодавцу и Аллаху, да будет хвала в начале, и в конце, и повторно, и вновь! Я говорю:

Целительная безнадежность — опора моя и подруга,
Моя неприступная крепость, моя боевая кольчуга.

Другие ничтожные твари пускай прозябают в тревоге,
А я под защитою вечной, и грех мне страшиться недуга.

Была бы чиста моя вера, и был бы я честен при этом,
О прочем заботиться стыдно: успех на земле — не заслуга.

Минувшего не вспоминаю, грядущего знать я не знаю;
И что бы со мной ни случилось, я не задрожу от испуга.

Да сделает Аллах нас с тобою терпеливыми, благодарящими, хвалящими и поминающими! Аминь! Аминь!

Слава Аллаху, господу миров! Да благословит Аллах господа нашего Мухаммада и семейство его и да приветствует благим приветом!»

Закончено послание, называемое «Ожерельем голубки», составленное Абу Мухаммадом Али ибн Ахмадом ибн Саидом ибн Хазмом — да будет доволен им Аллах! — после сокращения большинства его стихов, при сохранении лучших из них, чтобы украсить его, и обнаружить его красоты, и уменьшить объем, и облегчить понимание смысла его слов, во славу Аллаха, при помощи его и благой поддержке.

Окончена переписка книги в новолуние раджаба единого, года семьсот тридцать восьмого — да будет слава Аллаху, господу миров!

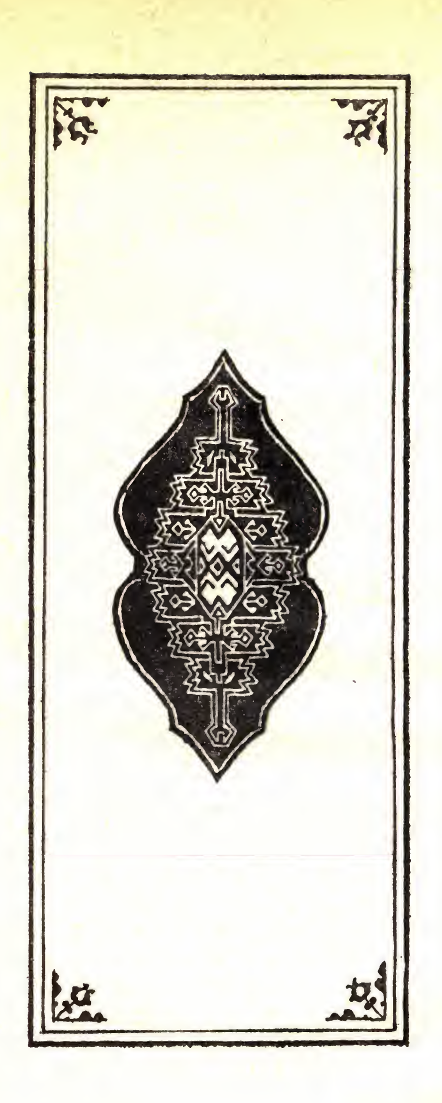
Ибн Туфейль

Повесть о Хаййе Ибн Якзане

•

Перевод
И. П. Кузьмина

Во имя Аллаха, Всемилостивого, Всемилосердного!

Да благословит Бог Господина нашего Мухаммада, род его и сотоварищей его и да приветствует их!

Ты просил, о чистый брат (да ниспошлет тебе Аллах вечную жизнь и осчастливит бесконечным счастием!), чтоб я раскрыл пред тобой, поскольку возможно раскрыть, тайн мудрости восточной, поведанных шейхом, главой философов, Абу Али ибн Синой.

Знай же, что тот, кто стремится к истине, в которой нет ничего неясного, тот должен искать ее, должен трудиться, чтоб добыть ее. Но вот просьба твоя возбудила во мне высокое настроение, которое — хвала Господу! — привело меня к созерцанию экстаза, ранее мной не виданного, и довело меня до граней столь отдаленных, что не опишет их язык, не передаст их никакое красноречие, потому что область их — иная область и мир их — иной мир. Однако радость и веселие и сладость этого экстаза таковы, что достигший его и дошедший до предела его не сможет утаить или скрыть тайну его. Нет, его охватывает такое волнение душевное, такое веселие, радость и ликование, которые заставляют его рассказать об этом экстазе в чертах хотя бы общих, без подробностей. И если это один из тех, кого не умудрили науки, то и говорит он о нем что придется.

Так, один говорит: «Да будет мне славословие! Как величественно состояние мое!»

Другой: «Я — истина!»

Третий говорит: «Не кто иной, как Бог, под одеждой этой».

А вот шейх Абу Хамид таким стихом пояснил достигнутое им состояние:

Было, что было, а что — не сумею сказать,
Думаю, что благо, но лишь не проси передать.

А он был воспитан знанием, умудрен науками.

Теперь посмотри, как Абу Бакр ибн ас-Саиг описывал соединение. Он говорил: «Когда постигнуто искомое сокровенное, выясняется тогда, что никакое знание из наук обыкновенных не может достичь его степени. Постигается же это сокровенное на такой ступени, когда люди видят себя свободными от всего предшествующего, с новыми убеждениями, которые не могли возникнуть из мира материального, слишком высокими, чтобы отнести их к миру физическому. Нет, с убеждениями из состояний блаженных, свободными от сложности жизни физической, заслуживающими названий состояний божественных, которые дарует Аллах тем из рабов своих, кому пожелает».

Эта ступень, на которую указал Абу Бакр, достигается путем умозрительного знания и отвлеченного размышления. И нет сомнения, что сам он дошел до нее, но не пошел дальше.

Что же касается до того состояния экстаза, о котором мы упомянули в начале, то оно иное, хотя и подобно ему в том смысле, что в нем не раскрывается что-либо противоположное тому, что раскрывается во втором; однако отличие его лежит в большей отчетливости, и внутреннее созерцание его достигается чем-то таким, что только иносказательно мы можем обозначить некоей силой, потому что ни в обычных словах, ни в специальных словах мы не найдем имени, указывающего на то, при помощи чего достигается этот род внутреннего созерцания.

Вот это упомянутое нами состояние экстаза, вкусить которое побудила нас твоя просьба, принадлежит к числу тех, на которые обращает внимание шейх Абу Али в том месте, где он говорит: «Потом, когда воля и упражнение достигают в нем известного предела, являются пред ним мерцания восходящего над ним света Истины, приятные, подобные молниям; они то блистают, то угасают. И учащаются эти наития при настойчивости в упражнениях. Потом он так глубоко постигает Истину, что наития находят на него и без этих упражнений: лишь взглянет на что-нибудь, как тотчас метнется мыслью к высочайшей Святости, сохраняя еще сознание о себе. По-

том находит на него новое наитие, и он почти видит истину в каждой вещи. Затем достигает прозрение его такой степени, что мгновенное состояние сменяется наитием длительным, мимолетное становится привычным, мерцающее — явным светочем. Приобретается им тогда знание прочное, похожее на непрерывное содружество».

Так описывал он последовательное восхождение по ступеням до того момента, когда оно завершается достижением, то есть состоянием, в котором «сокровенная часть его существа стала отполированным зеркалом, обращенным к Истине. И тогда польются в изобилии на него высшие наслаждения и возвеселится он в душе своей следам Истины в ней. И на этой ступени будет взирать он на Истину и на душу свою попеременно; потом исчезнет у него сознание и узрит он одну только пресветлую Святость, а душу свою если и будет видеть, то только как созерцающую. Вот здесь наступит настоящее Соединение».

Описывая так эти состояния, Абу Али хочет лишь сказать, что они были для него озарением, но не умозрительным постижением, извлекаемым аналогиями, посылками и следствиями.

Если ты хочешь пример, на котором ясно было бы для тебя различие между постижениями людей этого толка и постижением других, то представь себе слепорожденного, однако даровитого от природы, с хорошим соображением, прочной памятью и правильным строем мысли. От самого рождения он растет в одном городе, постоянно знакомясь при помощи своих чувств и с отдельными его обитателями, и с многочисленными видами одушевленных и неодушевленных существ, и с городскими улицами и проходами, домами и рынками, так что в состоянии, наконец, бродить по этому городу без проводника и сразу же узнавать все встречающееся ему. Одни лишь цвета он узнает по толкованиям их названий и по некоторым определениям, указывающим на них.

И вот, когда он достигает такой степени понимания, очи его открываются, и он делается зрячим. Тогда он идет по всему этому городу, обходит его и не находит ни одной вещи, противоречащей тому, что он о ней думал, ничего такого, чего бы он не признал, так что и цвета оказываются соответствующими тем признакам их, которые были описаны ему. Однако во всем этом есть у него два важных обстоятельства, одно из которых является

следствием другого, это, во-первых, бо́льшая ясность и блеск и, во-вторых,— великое наслаждение.

Состояние тех, склонных к умозрению людей, которые не достигают предела Святости, и есть первое состояние слепорожденного. А те цвета, которые узнавались им в этом состоянии по толкованиям названий их, суть те вещи, о которых Абу Бакр сказал, что они слишком велики для того, чтобы отнести их к миру физическому, и что Аллах дарует их кому хочет из рабов своих. Состояние же тех умозрителей, кои достигают предела Святости и которым Аллах дарует то, что, как мы сказали, может быть названо силой только иносказательно, будет вторым состоянием слепорожденного.

Но редко можно найти человека с проницательным взором, с открытыми очами, который не нуждался бы в размышлении. Я не имею здесь в виду (да почтит тебя Аллах близостью к себе!) под постижением людей умозрения то, что они воспринимают из мира физического, и под постижением людей Святости то, что они постигают из мира, находящегося за пределами мира физического, потому что оба эти представления совершенно отличаются друг от друга по самой сути своей и не могут быть смешиваемы друг с другом.

Нет, под постижением умозрителей мы разумеем постижение того, что лежит за пределами мира физического, как было у Абу Бакра. Ведь условием этого их постижения является то, чтобы оно было истинным и верным, и вот тогда отпадает сравнение между ним и постижением людей Святости, которые воспринимают те же вещи, но с большей ясностью и силой наслаждения. Абу Бакр осуждал людей Святости за это наслаждение, относил его к силе воображения и обещал описать толково и ясно, каким должно быть состояние блаженных в этот момент. Но здесь следует ему сказать: «Не считай сладким вкус того, чего не отведал, и не наступай на шею праведника». Однако он не сделал этого и не выполнил своего обещания. Возможно, что ему помешал в этом недостаток времени, о котором он говорил, и хлопоты по переселению в Оран или, может быть, он понял, что, описав это состояние, он будет принужден высказать такие вещи, в которых окажется для него осуждение собственного поведения и опровержение былого совета умножать и собирать богатства, пользуясь всякого рода средствами для их стяжания. Но речь наша несколько уклонилась

от предмета твоей просьбы, как это потребовала необходимость.

После сказанного ясно, что просьба твоя имеет какую-нибудь из следующих двух целей. Либо ты просишь описать то, что видят люди непосредственного созерцания, люди вкушения и достигшие степени Святости, но это невозможно изложить в книге точно так, как происходит дело. Когда же кто-либо решается на это и берется описать это устно или письменно, то меняется самая сущность созерцаемого, и оно становится явлением другого, умозрительного порядка, потому что когда оно облекается в буквы и звуки и приближается к миру видимому, то ни одной доли образа или состояния не остается у него от прежней его природы, и определения его расходятся чрезвычайно. И сбиваются люди с прямого пути, а думают про других, что те сбились, хотя те и на прямом пути. А происходит это потому, что это нечто безграничное в необозримом пространстве, объемлющее, но и необъемлемое.

Либо второй целью, которую, как мы сказали, может преследовать твоя просьба, является желание познать видимое так же, как познают его люди умозрения. Вот это познание (да почтит тебя Аллах приближением к себе!) есть нечто такое, что возможно изложить на письме и выразить словами. Однако способность Познания более редка, чем красная сера, особенно в нашей стране, где она такая диковина, что только один по наследству от другого овладевает ее крупицами. Да и тот, кто овладеет ею, говорит о ней людям только загадками, ибо правоверная религия и истинный закон запрещают погружаться в это состояние и предостерегают относительно этого.

Не подумай, что философия, дошедшая до нас в сочинениях Аристотеля, Абу Насра и в «Книге исцеления», выполняет преследуемую тобою цель или что кто-нибудь из андалусцев написал об интересующем тебя что-нибудь исчерпывающее. И это потому, что люди высокодаровитые, выросшие в Андалусии, прежде чем там распространилась наука логики и философии, отдавали свою жизнь наукам математическим и достигли в них высокой степени знания, но более этого сделать не могли. Потом пришло вслед за ними другое поколение, превосходившее их несколько знанием логики. Эти люди занимались исследованием ее, но она не привела их к истинному совершенству.

И один из них сказал: «Тревожит меня, что науки людские двух родов и не больше: трудно приобрести истинную, а в ложной нет пользы».

Затем сменило их еще другое поколение, более искусное в исследовании, более близкое к истине. И не было в нем никого с более проницательным умом, более здравым взглядом и более верной точкой зрения, чем Абу Бакр ибн ас-Саиг. Но увлекли его мирские дела, так что смерть похитила его прежде, чем открылись сокровищницы его знания, прежде чем распространились тайны его мудрости. И большая часть известных его сочинений не закончена, с недостающими заключениями, вроде книги «О душе», «Путь стремящегося к единению» и того, что писал он по логике и естественным наукам. Что же касается до сочинений законченных, то это сочинения краткие и трактаты, наскоро составленные. Он сам признается в этом и говорит, что речь не может дать ясного понятия о том сокровенном смысле, выяснение которого имеется в виду в трактате его «О соединении», иначе как после трудных и томительных усилий; что строй выражений его в некоторых местах несовершенен и что, если бы он имел время, он охотно переделал бы их.

Вот в каком виде дошли до нас знания этого человека, лично же с ним мы не встречались. Что же касается до его современников, которых описывают как людей одного с ним уровня, то их сочинений мы не видели. Те же наши современники, которые пришли после них, либо еще находятся в стадии развития, либо остановились, не достигнув совершенства, либо до нас не дошло о них достоверных сведений.

Что же касается дошедших до нас писаний Абу Насра, то большая часть их посвящена логике, а сочинения, касающиеся философии, изобилуют сомнительными местами. Так, в сочинении о совершенной общине он утверждает, что души злых будут вечно пребывать после смерти в нескончаемых муках; потом он ясно показал в «Политике», что они освобождаются и переходят в небытие и что вечны только души добрые, совершенные. Затем в «Комментарии к Этике» он дал некоторое описание человеческого счастья, и вот, оказывается, оно бывает только в этой жизни и в этой обители. Далее, вслед за этим, прибавляет он еще несколько слов, смысл которых таков: «А все другое, что говорят об этом, россказни и бредни старух». Но ведь это заставляет всех людей от-

чаиваться в милосердии Божием и помещает совершенного человека на одну ступень со злым, ибо исходом всего он ставит небытие. И это непростительное заблуждение, неисправимая ошибка. Еще далее обнаруживает он скверные свои убеждения относительно пророчества, утверждая, что оно якобы происходит силой воображения, и, предпочитая ему философию, доходит до таких вещей, приводить кои нет нам нужды.

Содержание сочинений Аристотеля потрудился изложить шейх Абу Али. В своей «Книге исцеления» он проследил пути его философии и в начале показал, что истина, по его мнению, не у Аристотеля и что он написал свою книгу, только следуя учению перипатетиков, а кто ищет истину безукоризненно чистую, тот должен взять сочинение его «О восточной философии». Тому, кто потрудится прочитать «Книгу исцеления» и сочинения Аристотеля, будет ясно, что во многом они совершенно совпадают, хотя в «Книге исцеления» и имеются вещи, не дошедшие до нас от Аристотеля. Но если взять все то, что дают сочинения Аристотеля и «Книга исцеления», не постигая тайного и сокровенного смысла их, то не приведут они к полному пониманию истины, как на это и обратил внимание шейх Абу Али в «Книге исцеления».

Что касается до сочинений шейха Абу Хамида, то он, исходя из общения своего с людьми, в одном месте запрещает то, что в другом разрешает, отрицает то, что в другом месте исповедует. Между прочим, он обличает философов в неверии в книге «Крушение» за то, что они отрицают воскресение тел и признают награду и наказание исключительно для душ. Затем, в начале книги «Весы деяний», он категорически говорит, что это мнение есть мнение шейхов суфиев; далее, в сочинении «Предохранитель от заблуждения и толкователь состояний экстаза», он утверждает, что его мнение подобно мнению суфиев и что он остановился на нем только после долгого исследования. И многое в этом роде можно увидеть в сочинениях его, если читать и углубляться в их исследование. В конце книги «Весы деяний» он оправдывается в том месте, где трактует, что мнение может быть трех родов: мнение, сходное с мнением простого народа, которого он держится; мнение, соответствующее тому, как излагают его всякому вопрошающему, ищущему правого пути, и, наконец, мнение, которое знает только человек и его душа, которое открывается только разделяющему с ним

его убеждения. Затем он говорит: «И если бы эти слова зародили в тебе всего-навсего лишь сомнение относительно воспринятого тобою от предков убеждения, то и этой пользы было бы достаточно. Ведь кто не сомневается, тот не ищет истину, кто не ищет истину, тот не прозревает, а кто не прозревает, тот остается в слепоте и колебании». Далее приводит он в пример этот стих:

Возьми то, что видишь, и оставь то, что слышишь:
Когда взошло солнце, не нужен тебе Сатурн.

Вот характер его учения. По большей части оно заключается в намеках, загадках, которые могут принести пользу лишь тому, кто сначала долго исследует их своим духовным взором, потом выслушивает их от него или кто подготовлен к уразумению их, кто обладает высокими дарованиями, кому достаточно малейшего указания. В сочинении «Драгоценные камни Корана» упоминается также, что ему принадлежат писания сокровенные, заключающие чистую истину, но ничего из них не дошло, насколько мы знаем, до Андалусии.

Правда, дошли сочинения, про которые некоторые утверждают, будто бы они и есть самые сокровенные. Но это не так на самом деле: книги эти «Познания умственные», «Вдувание и завершение» и сборники по другим вопросам. И эти сочинения хотя и заключают в себе указания, однако не содержат большего раскрытия, чем то, что изложено в его известных сочинениях. Кроме того, в книге «Высшая цель» обнаруживается нечто более глубокое, чем в этих сочинениях, а он разъяснил, что «Высшая цель» не является сочинением сокровенным, откуда следует, что и эти дошедшие до нас писания не являются сокровенными.

Некоторые из позднейших исследователей придали особую важность его словам в конце книги «Ниша света», что ввергло их в пропасть, откуда нет спасения. Эти слова его следуют за упоминанием о тех, кто лишен света, и о достигших соединения, а также о том, что Бытие, по мнению последних, обладает свойствами, несовместимыми с чистым единством. Отсюда они делают вывод, будто он убежден, что Первое, Истинное и Славное Бытие суть множественно в существе своем. Но Господь превыше речей неправедных. И мы не сомневаемся, что шейх Абу Хамид принадлежит к тем, кто наслаждался

высшим блаженством и достиг этих высоких степеней, однако сокровенные его сочинения, заключающие знание откровения, до нас не дошли.

Что касается до нас, то мы сами могли справиться с истиной, которой достигли и которая есть предел нашего знания, только путем изучения его слов и слов шейха Абу Али, сближая их друг с другом и присоединяя это к мнениям современников наших, излюбленным людьми, занимающимися философией, так что пред нами открылась истина сначала путем исследования и умозрения, а теперь вкусили мы немного от нее путем внутреннего созерцания.

И вот, показалось нам, что мы в состоянии высказать нечто такое, что оставит память по нас, и мы решили, что ты будешь первым, кого мы наградим тем, чем обладаем, и откроем это ради истинной дружбы с тобой и чистоты твоей искренности. Однако если бы мы предоставили тебе достигнутые нами конечные результаты, прежде чем обсудить с тобой исходные точки, то это принесло бы тебе не больше пользы, чем общее бездоказательное утверждение, хотя бы ты и одобрил нас в силу твоей любви и привязанности, а не потому, что мы внушаем доверие к нашим словам. Но мы не довольствуемся этой степенью знания для тебя и не успокоимся, пока не дадим тебе нечто высшее, так как такое знание не обеспечивает спасения, не говоря уж о достижении высших степеней.

Мы хотим лишь направить тебя на путь, на который мы вступили прежде, научить тебя плавать по морю, через которое мы переправились раньше, чтобы привести тебя туда, куда дошли мы, дабы увидел ты то, что мы видели, и удостоверился духовным взором своим во всем том, в чем мы удостоверились, дабы ты в знании своем не нуждался бы в нашем водительстве.

А это требует некоторого времени и немалого, свободного досуга, требует отдаться всеми помыслами работе этого рода. И если твое решение искренно и намерение потрудиться для достижения этой цели твердо, то утром же ты восхвалишь свое ночное путешествие, и получишь благословение божие за усилия свои, и удовлетворишь господа твоего, и будет он доволен тобой. Я же всегда, когда бы ты ни захотел, готов вести тебя самым прямым и свободным от бедствий и опасностей путем. Если же ты желаешь теперь легкого намека, который

усилит твое желание и побудит тебя вступить на правильный путь, я расскажу тебе историю Хаййя ибн Якзана, Асаля и Саламана, которых назвал так шейх Абу Али. Эта история может служить примером для людей умных «и увещанием для тех, у кого есть сердце или кто внимает и видит».

Повествуют наши добрые предки (да будет доволен ими Аллах!), что есть один остров среди островов Индийских под экватором, и на том острове родится человек без отца и без матери. И это потому, что остров этот обладает самой умеренной температурой воздуха и наибольшей жизненной восприимчивостью среди всех других стран земли, потому что на него изливается высший свет. Правда, это противоречит мнению большинства философов и великих врачей, ибо, по их представлению, наиболее умеренным в населенном мире является четвертый климат. Но если они говорят это вследствие того убеждения, что не может быть культуры под экватором в силу препятствий, вытекающих из свойств земли, тогда слова их о четвертом климате, как о самом умеренном из всей остальной земли, имеют некоторое оправдание. А если они хотят этим сказать, что область под экватором особенно горяча, как это определенно высказывает большинство из них, тогда это — заблуждение, и обратное мнение может быть доказано.

Дело в том, что в естественных науках удостоверено, что причиной горячего состояния может быть либо движение, либо соединение нагретых тел, либо свет. В них же выяснено также, что солнце, по существу своему, не есть тело нагретое и не обладает ни одним из этих свойств температуры, как выяснено и то, что телами, наиболее полно воспринимающими свет, являются тела гладкие, непрозрачные, далее идут тела темные, негладкие. Что же касается до тел прозрачных, нисколько не затемненных, то они совершенно не принимают света. Все это доказано только одним шейхом Абу Али, пред-

шественники же его об этом умалчивают. Раз правильны эти предпосылки, то из них следует, что солнце не нагревает землю, как одни нагретые тела нагревают другие путем прикосновения, так как солнце само по себе не является нагретым телом; что земля не нагревается движением, ибо она неподвижна и пребывает в одном и том же положении, как в момент восхода солнца, так и в момент захода, и ее состояния нагретости и охлажденности в эти два промежутка времени ясно различимы для чувства; следует также, что солнце не нагревает сначала воздух, а потом землю, чрез посредство нагретости воздуха.

Да и как это может случиться, если мы обнаруживаем, что часть воздуха, прилегающая к земле, нагревается во время жары гораздо сильнее, чем часть его, отдаленная от земли в вышину? Остается признать, что нагревание солнцем земли происходит только путем света, не иначе. Ведь свет всегда сопровождается жаром, так что, когда свет собирается в зажигательном зеркале, загорается предмет, находящийся против него. В науках точных установлено категорическими доказательствами, что Солнце имеет форму шара и Земля точно так же; что Солнце во много раз больше Земли и что часть Земли, постоянно освещаемая солнцем, больше половины ее; что эта освещаемая половина Земли бывает наиболее сильно освещена всегда в своей середине, так как последняя наиболее удалена от темной части и лежит против солнца на большем протяжении. И чем ближе к краю, тем слабее освещение, пока не переходит оно в темноту у окружности освещенного круга Земли. И каждое место бывает серединой освещенной окружности лишь тогда, когда солнце стоит в его зените: тогда жара в этом месте бывает наибольшей. Если солнце находится далеко от зенита данного места, то холод там чрезвычайно силен. А если солнце продолжает пребывать в его зените, там становится очень жарко. В науке астрономии доказывается, что в странах земли, лежащих под экватором, солнце бывает в зените только два раза в год: один раз, когда оно находится в знаке Овна, и другой раз — в знаке Весов. В остальное время года оно бывает шесть месяцев на юг и шесть месяцев на север от них. Там, следовательно, не бывает ни чрезмерной жары, ни чрезмерного холода, и погода там поэтому однообразная. Это нуждается в объяснении более обстоятельном, которое, однако,

нам не по пути, и мы обратили твое внимание на это лишь потому, что оно доказывает упомянутую мысль о возможности рождения человека в этой стране без матери и отца.

И вот одни определенно считают, что Хайй ибн Якзан был из числа тех, кто рождался в этой стране без матери и отца. Другие отрицают это и рассказывают его историю так, как я ее тебе сейчас передам.

Они говорят, что против этого острова был другой остров, большой, богатый и населенный, а царем там был человек очень высокомерный и ревнивый. И была у него сестра, которой он не давал выйти замуж, отстраняя от нее женихов, так как не мог найти для нее ровню. А у нее был один близкий ей человек по имени Якзан, за которого она тайно вышла замуж, как это допускалось по распространенному тогда среди жителей острова вероучению. Потом забеременела она от него и родила мальчика.

А так как она боялась, что дело это обнаружится и тайна ее раскроется, то положила она дитя в хорошо скрепленный ящик, покормив его перед этим досыта грудью, и вынесла в начале ночи на берег моря в сопровождении служанок и надежных подруг, а сердце у нее горело от любви к нему и страха за него.

И простилась она с ним и сказала: «Боже! Ты сотворил это дитя, которое было ничем, заслуживающим упоминания, ты питал его во мраке чрева и пекся о нем, так что оно развилось и сформировалось совершенно. И вот я доверяю его твоей благости и надеюсь на твою милость к нему, так как боюсь этого несправедливого царя, упорного тирана. Будь же с ним и не покидай его, о Милосерднейший из Милосердных!»

Потом она бросила дитя в море, и его подхватило течение, которое и унесло его в ту же ночь к берегу вышеупомянутого острова. Прилив тогда дошел до такого места, куда он доходил лишь раз в год. И занесли волны тот ящик в чащу густого кустарника, место прекрасное, укрытое от ветров и дождя, защищенное от солнечных лучей, отклоняющихся от него при восходе и склоняющихся к нему при заходе. Потом наступил отлив, и ящик остался на том месте. И все выше и выше поднимался песок, пока не заградил воде доступ в эту чащу, а прилив больше не доходил до нее.

Между тем, когда волны бросили ящик в эту чащу,

гвозди его расшатались и доски раскачались. Дитя же от усилившегося голода заплакало, стало звать на помощь и пыталось двигаться. Голос его достиг до ушей одной газели, потерявшей своего детеныша; она пошла на крик, воображая, что это детеныш ее, и так дошла до ящика. Она пыталась открыть его копытами, а мальчик все привставал изнутри, пока не отвалилась доска сверху ящика. И прониклась газель нежностью к нему, и почувствовала привязанность, и дала ему сосцы, и напоила его приятным молоком. И не переставала она навещать и питать его и отстранять от него все неприятное. Таково начало истории, по мнению тех, кто отрицает самозарождение. Позже мы опишем, как рос мальчик и как менялось его состояние, пока он не достиг высокой степени.

А что касается тех, кто утверждает, что мальчик родился без матери и отца, то они говорят следующее.

Была на том острове одна впадина, в которой в течение нескольких лет бродила глина до тех пор, пока жар и холод, влажность и сухость не смешались в ней частями, одинаковыми по количеству и силе. Этой бродившей глины было чрезвычайно много; одни части ее превосходили другие равномерностью расположения смешанных элементов и способностью к образованию семенной жидкости. Наибольшей соразмерностью обладала ее середина, она же наиболее полно походила на состав человека. И начался в этой глине процесс зарождения. Стали возникать в ней, в силу ее клейко-жидкого состояния, как бы пузырьки, появляющиеся при кипении. В середине образовался особенно маленький пузырек, разделенный на две части тонкой перегородкой, наполненный нежным, воздушным телом, состав которого очень подходил к требуемой соразмерности в частях.

И приобщилась тогда к нему Душа, исшедшая от бога, и так крепко прикрепилась к нему, что ее было невозможно отделить от него ни чувству, ни разуму. Ибо эта Душа, как известно, вечно изливается от Господа Великого и Славного и подобна свету солнца, вечно изливающемуся на мир. Одни из тел не отражают его, как, например, чрезвычайно прозрачный воздух; другие отражают его только отчасти, каковы тела темные, негладкие; причем последние различаются еще степенью восприятия света, в зависимости от чего находится и цвет их. Третьи тела отражают свет исключительно полно, таковы тела с полированной поверхностью, например,

зеркала и тому подобное. Если это зеркало вогнуто особенным образом, тогда, от чрезмерности скопления света, возникает в нем огонь.

Точно такова же и Душа, вечно изливающаяся от бога на все существующее. На одних вещах действие ее не обнаруживается, по причине неприспособленности их для этого; таковы минералы, в которых нет жизни; они подобны воздуху в вышеупомянутом примере. На других обнаруживается действие Души, например, на разного рода растениях, сообразно степени приспособленности их к принятию ее. Их можно уподобить телам темным в вышеприведенном примере. Наконец, в третьих действие Души проявляется сильно, таковы всякого рода животные. Подобием их будут и вышеупомянутые тела полированные. И как среди этих полированных тел есть такие, которые не только обладают способностью отражать свет солнца, но также и способностью воспроизводить образ и подобие его, так и в среде животных некоторые, помимо силы отражения Души, еще воспроизводят Душу и принимают ее вид.

Это свойство принадлежит исключительно человеку, и на него указал Мухаммад (да благословит его Аллах и да приветствует!) следующими словами: «Сотворил господь Адама по образу своему». Если усиливается в человеке отчетливость образа до такой степени, что пред ним исчезают все другие образы и остается один он и величественный огонь его сжигает все, попадающееся ему, тогда человек становится подобен зеркалу вогнутому, воспламеняющему посторонние предметы. Но это присуще только пророкам (да будут благословения Аллаха над ними!). Все это ясно изложено в соответствующих сочинениях.

Вернемся же назад, чтобы закончить рассказ тех, кто описывает это самозарождение. Они говорят так: после того как Душа присоединилась к этому вместилищу, смирились пред ней все силы и, по повелению бога, преклонились все, сколько их ни было. Против этого вместилища есть другой пузырек, разделенный на три отделения, с тонкими преградами и сквозными каналами, наполненными таким же воздушным веществом, как и первое вместилище, однако еще более нежным. В этих трех отдельных ложах одного вместилища разместились некоторые из сил, смирившихся пред Душой, обязанных охранять эти отделения, печься о них и доводить все воз-

никающие в них малые и большие события до первой Души, укрепившейся в первом помещении. Против этого вместилища, в противоположной стороне от него есть еще пузырек третий, наполненный воздушным телом, более грубым, однако, чем вещество двух первых. В этом помещении обосновалась другая часть тех смирившихся сил, на обязанности которых лежит охрана его и попечение о нем.

Эти вместилища, первое, второе и третье, зародились первыми в этой бродившей глине, расположившись указанным нами образом. Взаимная нужда связывает их. Так, первое вместилище нуждается в помощи и охране двух других, эти два нуждаются в первом, как подчиненный нуждается в начальнике, управляемый в управляющем. И каждый из этих двух, по отношению к органам, возникавшим после них, является, в свою очередь, начальником, а не подчиненным, и одному из них, именно вместилищу второму, присуще больше власти, чем третьему.

Первое вместилище, в силу того, что с ним связана Душа и в нем пылает ее жар, принимает коническую форму огня; грубое тело, окружающее его, принимает также его форму и становится твердым телом, облекаемым мембранообразной предохранительной оболочкой. Весь орган получает название сердца. Так как следствием жары является ослабление связей и уничтожение влаги, то сердце нуждается в органе, который бы поддерживал его, питал и постоянно восстанавливал утраченное, ибо без него оно не может существовать; а также и в таком органе, при помощи которого оно могло бы узнавать пригодное ему, дабы привлекать его к себе, и враждебное, дабы отталкивать его. Один орган взял на себя труд удовлетворять одну нужду при помощи находящихся в нем, по ведущих происхождение от сердца сил, а другой орган принял на себя выполнение другой нужды. Орган, на ответственности которого находятся ощущения, есть мозг, а орган, заведующий питанием,— печень. Но оба эти органа нуждаются в сердце, как подкрепляющем их своей теплотой и теми особенными силами, которые находятся в них, но источник которых — сердце. Ради выполнения всех этих взаимоотношений и образована между ними сеть путей и дорог, одни из которых, сообразно потребности, шире других. Таковы артерии и вены.

Далее, сторонники этой версии продолжают описывать образование всего организма и всех его частей так, как естествоиспытатели описывают образование зародыша в матке, не пропуская ничего, до полного сформирования и развития его членов к моменту выхода плода из чрева. При описании совершенствования они прибегают к этой основной глине, находящейся в брожении и обладающей формирующим началом, так как из нее образуются все оболочки, покрывающие тело человека, и все другое, необходимое для создания его. Затем, при полном развитии зародыша, отпали от него эти оболочки, подобно тому, как бывает это при разрешении от бремени, и треснула остальная глина, под действием сухости. Потом дитя, лишенное питательной основы, при усилении голода начало кричать, и вняла его зову газель, потерявшая своего детеныша. В дальнейшем устанавливается согласие между сторонниками первой и второй версии при описании воспитания этого младенца.

По словам тех и других, газель, взявшая на себя попечение о нем, напала на обильную траву и богатое пастбище, отчего утучнилось ее тело и молоко стало обильно, так что питание этого младенца наладилось самым лучшим образом. Она оставалась при нем и отлучалась только по необходимости на пастбище. Дитя привязалось к этой газели, так что, бывало, как только она замешкается, зальется оно слезами, и газель уже летит к нему.

А на острове том не было никаких хищных зверей. И рос младенец, питаясь молоком этой газели, и вот уже достиг двух лет, начал понемногу ходить, и прорезались у него зубы. Он не отходил от газели, а она проявляла к нему ласку и нежность и приводила его в места, где были плодовые деревья, и кормила его упавшими сладкими и спелыми плодами; если же они были покрыты жесткой кожей или скорлупой, она разгрызала их, давала ему ядра. Когда он обращался к ней за молоком, она поила его, когда он жаждал воды, она вела его к источнику, когда его пекло солнце, она укрывала его, и когда он зябнул, она согревала его. Когда же спускалась ночь, она возвращала его в первое местопребывание и укрывала своим телом и бывшими там перьями, которыми был устлан раньше ящик, когда клали в него дитя.

Утром и вечером сопровождало их обыкновенно стадо газелей, которые паслись в тех местах, где были они, и

проводили ночь там же, где и они. Живя, таким образом, постоянно с газелями, ребенок подражал своим голосом их крику, так что почти невозможно было различить их голоса. Точно так же подражал он голосам всех птиц и других животных до полного сходства. Особенно хорошо удавалось ему подражать голосам газелей, зовущим на помощь, вызывающим на дружбу, подзывающим к себе, защищающимся от опасности, так как животные кричат в этих случаях разными голосами. И привыкли к нему звери, и он привык к ним, и не чуждались они друг друга.

Когда же закрепились у него в душе образы предметов, даже когда их не было перед глазами его, возникло у него к одним из них влечение, а к другим отвращение. Наблюдая за всеми животными, он видел покрытых шерстью, волосами и перьями, видел скорость их бега и силу нападения и их вооружение, приспособленное для отражения противника, вроде рогов, зубов, копыт и когтей. Обращаясь же мысленно к самому себе, он видел свою наготу, невооруженность, слабость бега и натиска в тех случаях, когда звери вступали с ним в борьбу из-за плодов, овладевали ими и отнимали их, а он не мог ни отогнать их от себя, ни убежать от них. Он видел, как у сверстников его, газелят, вырастали рога, которых прежде не было, как становились они сильными в беге, хотя раньше были слабыми, а у себя ничего подобного не видел.

И задумывался он над этим и не мог понять причину этого. Он наблюдал над животными уродливыми и неразвитыми, но и среди них не находил похожих на себя. Всматриваясь в выходные отверстия у разных животных, он видел, что они прикрыты, если то были отверстия для твердых отложений, хвостами, для жидких — шерстью или чем-либо подобным ей. Он видел также, что их половые части более сокрыты, чем у него, и все это огорчало и мучило его.

Все это долгое время заботило его,— и вот, приближаясь уже к семи годам и отчаявшись, что у него заполнится то, отсутствие чего причиняло ему страдание, он взял несколько широких древесных листьев и пристроил часть их сзади, а часть спереди, подвязав вокруг талии к поясу, который он сделал из листьев финиковой пальмы и хальфы. Но недолго держались на нем эти листья, потом они завяли, высохли и упали. Тогда он брал

другие и сшивал их друг с другом гирляндами в несколько рядов; иногда они держались более продолжительное время, но все-таки недолго. Из ветвей деревьев он набрал себе палок с гладкими концами и ровной серединой и бил ими зверей, враждовавших с ним, нападая на слабых и сопротивляясь сильным. Благодаря этому он поднялся несколько в своих глазах и увидел, что руки его намного превосходят их лапы, так как он мог прикрывать ими свои срамные части и держать палки для самозащиты, не нуждаясь ни в хвосте, ни в природном вооружении.

Между тем мальчик рос, ему перевалило за семь лет, и он все должен был заботиться, возобновляя листья, которыми прикрывался. И вот завладела тогда его душой мысль воспользоваться хвостом какого-нибудь мертвого зверя, приспособив его к себе. Однако он заметил, что живые звери остерегаются и бегут мертвых, почему он и не решался отважиться на это, пока, однако, не натолкнулся на мертвого орла и не придумал, как выйти из положения.

Он воспользовался случаем, не видя зверей, в страхе бегущих от трупа, подошел к нему, оторвал крылья и хвост целиком, как они были, и развернул и расправил перья. Потом он содрал остальную кожу и разделил ее на две части, одну прикрепил на спине, а другую под пупком и ниже; хвост он привязал сзади, а крылья на плечах. Это давало ему покров и теплоту и внушало страх всем зверям, так что они уже больше не вступали с ним в соперничество и борьбу, и не приближался к нему никто, кроме газели, которая вскормила и вспоила его.

Она же не покидала его, и он не разлучался с ней, пока она не состарилась и не ослабела. Он водил ее на обильное пастбище, срывал для нее сладкие плоды и кормил ее. Но она продолжала слабеть и дряхлеть, пока ее не настигла смерть и не прекратились все ее движения и всякая ее деятельность.

Когда мальчик увидел ее в таком состоянии, он сильно затосковал, и душа его чуть не излилась от горя. Он звал ее голосом, на который она привыкла отвечать, и кричал так громко, как только мог, но не увидел у нее никакого движения и никакого изменения. Он осматривал уши ее и глаза, но не замечал в них никакого явного изъяна. Он пересмотрел все ее члены, но не нашел в них

никакого недостатка. Мальчик все хотел напасть на место, в котором был изъян, и удалить его, чтобы она вернулась в прежнее состояние, но это ему не удавалось и он был бессилен что-либо сделать.

Поводом же, натолкнувшим его на эту мысль, было прежнее наблюдение над самим собой. Именно, он замечал, что когда зажмуривает глаза или закрывает их чем-нибудь, то не видит ничего, пока не исчезнет эта преграда. Точно так же он замечал, что когда вводит пальцы в уши и зажимает их, то не слышит ничего, пока не удалится препятствие. Далее, когда он зажимает нос рукой, то не обоняет никаких запахов, пока не откроет его. Поэтому он убедился, что у всех его познавательных и деятельных способностей существуют препятствия, мешающие проявлению их, и когда эти препятствия бывают удалены, возобновляется деятельность.

И вот, осмотрев все наружные ее члены и не заметив в них явного изъяна, но видя вместе с тем, что неподвижность касалась не только одного какого-нибудь органа, а распространялась на все ее тело, он пришел к мысли, что изъян, поразивший газель, может быть только в скрытом от глаз органе, который находится внутри тела, хотя и необходим для деятельности каждого из этих наружных членов. Когда изъян поразил ее, то разрушение распространилось по всему ее телу и бездеятельность охватила ее всю. Он был твердо убежден, что если найдет этот орган и удалит из него поразивший его изъян, то он придет в порядок и польза от этого разольется по всему телу, и жизнедеятельность вернется в прежнее состояние.

Уже раньше он видел на трупах диких и других зверей, что все члены их представляют сплошную массу и что полыми являются только череп, грудь и живот. В душу его запало, что пораженный орган может находиться только в одном из этих трех мест. Далее, им овладело твердое убеждение, что он должен быть в том из этих трех мест, которое занимает центральное положение, так как был уверен, что все органы нуждаются в нем, откуда следует, что он помещается в центре.

Обратившись к самому себе, он ощутил в груди своей нечто похожее на искомый орган. А так как, направляя свое внимание на другие члены, вроде руки, ноги, уха, носа, глаза, он мог мысленно разлучиться с ними, то пришел к выводу, что может обойтись без них. Когда же

он размышлял о чем-то, находящемся в груди, то видел, что не обойтись ему без него ни на одно мгновение. Точно так же в борьбе со зверями он больше всего остерегался удара рогов в грудь, чувствуя что-то находящееся в ней. Когда окрепло его убеждение, что орган, пораженный изъяном, может находиться только в груди, он решил отыскать его и исследовать в надежде, что ему удастся найти изъян и исторгнуть его.

Потом он испугался, как бы самый поступок его не оказался опаснее изъяна, поразившего вначале газель, как бы ей не повредило его усердие. Затем он подумал, видел ли он какое-нибудь дикое или другое животное, которое было бы сначала в таком состоянии, а потом вернулось к прежнему положению, и не нашел ни одного. Тогда он отчаялся вернуть газель в прежнее состояние. А некоторая надежда вернуть ее к жизни оставалась у него только в том случае, если он найдет тот орган и удалит из него изъян. И решил он тогда вскрыть ей грудь и поискать, что было внутри ее.

Из обломков твердого камня и щепок сухого камыша он сделал подобия ножей, рассек ими между ее ребрами и, прорезав мясо, добрался до преграды, скрытой под ребрами. Видя ее крепость, он решил, что такая преграда может относиться только к подобному органу, и проникся надеждой, что найдет то, что нужно ему, если проникнет чрез нее. Он пытался разрезать ее, но это было трудно сделать за отсутствием инструментов, так как его инструменты были сделаны только из камней и камыша.

Тогда он взял новые, наточил их и употребил все старания, пытаясь прорвать оболочку, пока она не прорвалась, так он дошел до легкого. Сперва он подумал, что это и есть то, что нужно ему, и все вертел его, стараясь найти в нем место изъяна. Сначала он нашел только одну половину его с одной стороны и, видя ее наклоненной в одну сторону и будучи убежден, что этот орган должен находиться только в середине, как в ширину тела, так и в длину, он не прекращал поиски в середине груди, пока не нашел сердце.

Оно было покрыто очень крепкой оболочкой и привязано чрезвычайно прочными связями, а легкое окружало его с той стороны, с которой он начал разрез. Тут он сказал самому себе: «Если у этого органа с другой стороны находится то же самое, что и с этой, то он действительно лежит посередине и, без сомнения, и есть то, что

я ищу, особенно, если принять во внимание его хорошее положение, красоту формы, плотность и крепость мяса и эту оболочку, которой он покрыт и подобной которой я не видел ни у какого другого органа».

Поискав с другой стороны груди, он нашел там оболочку, скрытую у ребер, и легкое, такое же, как и с этой стороны. Тогда он решил, что этот орган и есть искомый, и захотел прорвать покров и проколоть его оболочку, что и сделал после больших стараний и усилий, приложив все свое умение.

Обнажив сердце, он увидел его закрытым наглухо со всех сторон. Он исследовал его, ища в нем какого-нибудь явного изъяна, но не увидел ничего. Тогда он нажал на него рукой, и показалось ему, что в нем есть пустота, и он сказал: «Может быть, самое далекое, что я ищу, находится именно внутри этого органа, и я еще до сих пор его не достиг». Он проколол тогда сердце и увидел в нем две полости, одну в правой и другую в левой стороне. Полость правая была наполнена сгустившейся кровью, а полость левая пуста, не было в ней ничего.

И сказал он: «Искомый мною орган непременно находится в одном из этих двух помещений». Потом он сказал: «В правом помещении я не вижу ничего, кроме сгустившейся крови, и нет сомнения, что она сгустилась не раньше, чем все тело пришло в такое состояние (так как ему приходилось наблюдать, что кровь, вытекая, сгущается и затвердевает). Эта кровь, конечно, такая же, как и всякая другая. Я видел ее во всех органах, и она не являлась преимущественно у какого-нибудь одного из них. Искомый же мною орган никак не может быть такого рода. Нет, он есть нечто такое, что является исключительным свойством того места, без которого мне нельзя обойтись ни на мгновение ока. Вот к чему направлены поиски мои с самого начала. Что же касается этой крови, то сколько раз дикие звери наносили мне раны в схватке, и сколько текло ее у меня без вреда, и я нисколько не утрачивал способности к действию. Итак, мой искомый орган не находится в этом помещении. Что же касается помещения левого, то я вижу его пустым, не содержащим ничего. Но я не думаю, что оно бесполезно, так как у всех виденных мною органов были какие-нибудь особые действия, для них характерные. Как же в таком случае это помещение, при всем его очевидном высоком устройстве, может быть пустым? И я думаю, что

искомый мною орган находился именно в нем, потом удалился и оставил его пустым, и вот тогда постигла это тело бездеятельность, и утратило оно способность восприятия и движения».

Придя к мысли, что нечто обитавшее в этом помещении удалилось из него, прежде чем оно пришло в разрушение, и оставило его, а оно приняло такой вид, он понял, что оно, вероятно, не возвратится в него после того разрушения и опустошения, которые в теле произошли.

И стало в глазах его все тело презренным, недостойным сравнения с тем, что, по его убеждению, обитало в нем некоторое время, а потом удалилось из него. И сосредоточился он мыслью на этом: что же такое оно, каковы его свойства, что привязывало его к этому телу, куда оно ушло и чрез какой выход покинуло тело? Что за причина заставила его удалиться, если оно ушло не по своей охоте, и что внушило ему такое отвращение к телу, что оно разлучилось с ним, если ушло добровольно? И отвлеклась мысль его всем этим, и забыл он про самое тело и оставил его.

Он понял, что мать его, выказывавшая нежность к нему и питавшая его, была именно тем удалившимся нечто. От него исходили все те ее действия, а не от этого недвижного тела. Оно же все являлось только орудием наподобие той палки, которую он сделал себе для битвы со зверями. Тогда его привязанность перенеслась от тела к его обладателю и двигателю, и вся любовь направилась к нему.

Между тем тело стало портиться, и понеслись от него неприятные запахи, и еще сильнее стало отвращение мальчика к нему, и не желал он видеть его. Но вот попались ему на глаза два ворона, бившиеся между собой, пока один не свалил другого мертвым. Потом оставшийся в живых начал разрывать землю, вырыл яму, спустил в нее мертвого ворона и спрятал его в земле. И сказал мальчик самому себе: «Как хорошо сделал этот ворон, похоронивший труп своего товарища, хотя и поступил он дурно, убив его. Я еще более обязан поступить так с моей матерью».

И вырыл он яму, положил в нее тело матери своей и засыпал его землей. А сам остался размышлять о том нечто, управляющем телом, и не мог постичь, что же оно такое?

Рассматривая тела всех газелей, заметил он, что все

они имеют ту же форму и вид, какие имела мать его, и пришел к убеждению, что каждую из них приводит в движение и управляет ею нечто, похожее на то, что приводило в движение его мать и управляло ею. Тогда он привязался к газелям и почувствовал расположение к ним из-за этого сходства. Долго оставался он в таком состоянии, исследуя разного рода животных и растения, и кружил по берегу этого острова в поисках, не найдет ли он что-нибудь, похожее на самого себя, как видел он много однородных образцов для всех отдельных животных и растений, но не находил ничего. Он видел, что море окружало остров со всех сторон, и сложилось у него убеждение, что, кроме этого его острова, не существует никакой земли.

Как-то раз случилось, что загорелся огонь в кустарнике от трения сучьев его между собой. Когда мальчик заметил это, то увидел зрелище, устрашившее его, и явление, ранее им не виданное. Пораженный, он стоял долгое время, а потом стал подходить все ближе и ближе. И увидел он яркий свет огня и его сокрушительное действие, так что, едва прикоснувшись к чему-либо, он тотчас переходит на него и уподобляет себе.

И вот удивление и та отвага и сила, которые вложил бог в природу его, побудили его протянуть руку, чтобы взять немного огня. Но когда он прикоснулся к нему, то огонь обжег руку, и не смог он схватить его. Это навело его на мысль взять головню, еще не охваченную целиком огнем. Он взял ее за нетронутый конец, в то время как на другом конце пылало пламя. Это ему удалось, и он отнес ее в место своего пристанища.

А оно находилось в глубокой пещере, которую он облюбовал раньше для жилья. Там он не переставал поддерживать этот огонь сухой травой и дровами и занимался с ним днем и ночью, любуясь и восхищаясь им. Особенно радовался он ему ночью, так как огонь заменял ему тогда солнце своим светом и теплом. И все больше привязывался он к нему и был уверен, что огонь выше всех окружавших его вещей.

Видя, что огонь постоянно движется кверху и стремится в высоту, он пришел к убеждению, что огонь из числа тех небесных существ, которые он созерцал. Он испытывал силу его на всех предметах, бросая их в него и наблюдая, как он пожирал их то скоро, то медленно, сообразно большей или меньшей способности к горению

брошенного тела. Среди тех предметов, которые он бросал в огонь для испытания его силы, попалось какое-то морское животное, выброшенное на берег моря. Когда это животное изжарилось и распространился от него запах, он почувствовал жадность и, поев немного, нашел это вкусным; таким образом, он привык есть мясо и пустился на хитрости, охотясь на море и на суше, пока не достиг в этом искусства. И еще крепче полюбил он огонь, так как получил теперь благодаря ему разную вкусную пищу, которой раньше не имел.

И вот, когда при виде столь благотворного действия огня и мощной силы его он еще крепче его полюбил, запала в его душу мысль, что то нечто, переселившееся из сердца газели, которая вырастила его, было одной с ним природы или чем-нибудь однородно с ним.

Следующее наблюдение еще больше укрепило его в этой мысли: он видел, что животные сохраняют теплоту в продолжение всей своей жизни и становятся холодными после смерти, и так происходит постоянно, без исключения. И в самом себе он находил большую теплоту в груди, в том месте, которое он вскрыл у газели. В душу его запало, что если бы он захватил живьем какое-нибудь животное, вырезал сердце его и осмотрел бы ту полость, которую он при разрезе газели обнаружил пустой, то нашел бы он ее и в живом животном, но заполненной тем, что там обитает, и удостоверился бы, одной ли оно природы с огнем и есть ли у него свет и теплота или нет.

Тогда поймал он одно животное, связал его, разрезал точно так же, как и газель, и добрался до сердца. Сначала направил он свое внимание на левую сторону его, сделал в ней надрез и нашел эту полость наполненной парообразным воздухом, похожим на белый туман. Введя в нее свой палец, он ощутил там такую жару, что чуть не обжег его, а животное сейчас же умерло. Тогда ему стало ясно, что этот горячий пар и приводил в движение животное и что в каждом животном есть такой же пар, а когда он удаляется, животное умирает.

Потом пробудилось в душе его стремление осмотреть и другие члены животного, чтобы узнать устройство их, расположение, число и способ прикрепления одних к другим, как извлекают они себе силу из этого горячего пара, так что все живы чрез него, как он сохраняется, откуда получает поддержку и как не истощается теплота его. Все это он исследовал, вскрывая животных как жи-

вых, так и мертвых. И он продолжал устремлять свой взор на это и сосредоточивать мысль, пока не достиг степени великих естествоведов.

Ему стало ясно, что всякое животное, несмотря на множество членов и разнообразие чувств и движений, есть нечто единое благодаря этому духу, исходящему из единого центра, а все те члены, на которые оно распадается, являются только служебными ему, орудиями для него. Действие этого духа в управлении телом похоже на действие его самого в употреблении орудий, одним из которых он сражается с животными, другими ловит и третьими вскрывает их. Мало того, орудия, которыми он сражается с животными, делятся на такие, которыми он отражает удар, и такие, которыми он сам ранит других. Точно так же орудия ловли делятся на орудия, пригодные для ловли морского животного и пригодные для ловли животных на суше. Так же и те предметы, которыми он вскрывает их, делятся на инструменты, пригодные либо для разреза, либо для ломания, либо для протыкания. Таким образом, тело — одно, но оно управляет различными способами этими орудиями, сообразно их пригодности и целям, для которых они предназначены.

Дух животный также един. Когда он пользуется орудием — глазом, действие будет зрением, когда он пользуется орудием — ухом, будет действие слухом, носом — будет действие обонянием, когда он пользуется языком — будет действие вкусом, кожей и мясом — будет действие осязанием, когда он пользуется каким-нибудь членом, будет действие движением, печенью — будет действие питанием и пищеварением.

Каждому отдельному члену подчинена своя область действия. Но каждое действие выполняется только тогда, когда дойдет до члена часть этого духа по путям, называемым нервами. Когда же эти пути пресекаются или преграждаются, тогда действие этого члена прекращается. Эти нервы получают дух только из полостей мозга, а он получает его из сердца.

Мозг заключает в себе много духов, потому что он поделен на много отделений. Если у какого-нибудь члена отсутствует этот дух по какой-нибудь причине, прекращается его действие, и он становится подобен брошенному орудию, которым никто не действует и которым никто не пользуется. Если из тела весь дух выходит или пропадает, либо распадается каким-либо образом, тогда все

тело утрачивает способность к действию и приходит в состояние смерти.

Такого рода размышления привели его к этому пределу после третьей седьмины его жизни, то есть когда он был в возрасте двадцати одного года.

В этот промежуток времени его изобретательность проявилась очень разнообразно. Так, он одевался и обувался в шкуры животных, которых подвергал вскрытию. Нитки изготовлял из шерсти, а также из коры стеблей проскурняка, мальвы, конопли и других волокнистых растений, на что навело его прежнее обращение с хальфой. Шилья он делал из крепких шипов и тростника, заостренного на камне. Наблюдения за действиями ласточек подали ему мысль о строительстве, и он соорудил себе дом и амбар для излишков своих продуктов и снабдил последний дверью из тростника, связанного между собой, чтобы не забралось туда какое-нибудь животное, когда он отлучится за чем-нибудь. Он приучил хищных птиц помогать себе на охоте и завел домашних птиц, чтобы пользоваться их яйцами и птенцами. Из рога диких быков он мастерил себе подобия острия копий, которые насаживал на крепкий тростник, на палки из бука и других деревьев, пользуясь при работе огнем и разными камнями, пока не получалось нечто похожее на копье. Из нескольких сложенных кож он устроил себе щит.

Все это он сделал, обратив внимание на то, что ему недостает природного оружия, но что руки его могут дополнить то, чего ему не хватает. Отныне ни одно животное, какой бы то ни было породы, не могло противостоять ему,— все они исчезали пред ним, спасаясь бегством. И стал он думать о средстве против этого.

Наиболее удачным казалось ему приручить каких-нибудь быстроногих животных, привязать их к себе подходящим кормом так, чтобы они позволили сесть на себя верхом, и тогда уже гнаться за другими животными. А были на том острове степные кони и дикие ослы. Он выбрал из них пригодных для себя и укрощал их, пока не довел до конца свой план. Из ремней и кож он устроил им подобие узды и седла, и ему удалось теперь, как он мечтал, преследовать животных, захватить которых раньше было ему не под силу.

Он занимался всякими такими разнообразными делами в то самое время, как вскрывал животных, увлекаясь исследованием свойств и различий их членов, то есть в

период, предел которого мы определили в двадцать один год.

Затем взялся он за работу из другой области. Он рассмотрел все тела в этом мире Бытия и Уничтожения: животных во всем разнообразии их видов, растения, минералы, камни разного рода, землю, воду, пар, лед, снег, град, дым, пламя и уголь. Он увидел, что они обладают многими свойствами и различными действиями, движениями, то согласными, то противоположными. Он приложил много внимания и усердия, исследуя все это, и обнаружил, что они благодаря одним свойствам сходятся друг с другом, благодаря другим различаются и что они едины, если смотреть на них со стороны сходства, и разнородны и множественны, если взглянуть на них со стороны их различия.

И когда он смотрел на особенности, присущие предметам, и на то, чем один из них обособляется от другого, то они представлялись ему бесчисленными, и все существующее раздроблялось пред ним безмерно. Множественным же рисовалось ему и его собственное существо, ибо он видел разнообразие своих членов, где каждый обособлен был от другого действием и свойством, характерным для него. Он рассматривал также каждый свой член и видел, что его можно разделить на очень много частей. И решал он относительно своего существа, что оно множественно и что точно так же множественна и сущность каждой вещи.

Потом он обращался к иному исследованию другим путем и замечал, что хотя члены его и множественны, однако они соединены друг с другом неразрывно, так что их следует рассматривать как нечто единое. Ведь они различаются только сообразно с различием их действий. Причиной же последнего является лишь то, что прибывает к ним от силы животного духа, который он исследовал раньше. Этот дух един в существе своем, и именно он есть истинная сущность, все же остальные органы являются как бы орудиями. Таким образом, в его глазах существо его становилось единым.

Затем он переходил ко всякого рода животным и видел, что каждая особь едина с такого рода точки зрения. Далее, он рассмотрел их вид за видом, например, газелей, лошадей, ослов и разного рода птиц, породу за породой, и обнаружил, что отдельные особи каждого вида похожи друг на друга внешними и внутренними члена-

ми, ощущениями, движениями и инстинктами, различие же между ними показалось ему по сравнению с этим сходством незначительным. И решил он, что дух, присущий всему этому виду, есть нечто единое, он не изменяется, а только размещается между бо́льшим числом сердец, и если бы было возможно собрать все его разделившиеся по этим сердцам части и поместить их в один сосуд, то образовалось бы нечто единое.

Так точно одна масса воды или другой жидкости, будучи разделена по разным сосудам и потом собрана, остается единой в обоих состояниях — разобщенности и собранности. Множественность, таким образом, проявилась в ней только случайно. Итак, он увидел с этой точки зрения весь вид единым. Множественность же его особей он низвел на одну степень с множественностью членов отдельного существа, которая в действительности не множественна.

Затем он представил пред собой мысленно все виды животных, внимательно их пересмотрел и обнаружил, что чувство, питание и свободное движение в любую сторону является для них общим свойством, а он знал, что как раз эти действия — наиболее характерные действия животного духа, все же прочее, чем различаются виды между собой, далеко не столь характерно для него, рядом с общностью у них этих трех свойств.

Ему стало ясно после этого рассмотрения, что животный дух, присущий всему животному роду, в действительности един, хотя в нем и есть незначительные различия, обособляющие один вид от другого, подобно одной и той же воде, размещенной по многим сосудам, так что вода одного сосуда может быть холоднее другого, хотя в основе она одна и та же. Все же вода одной степени холодности может быть уподоблена тому, чем характеризуется животный дух в одном виде. И как вся вода едина, точно так же един и животный дух, хотя и случается ему быть разделенным на многие виды. Итак, с этой точки зрения он видел весь род животных единым.

Потом он возвратился к рассмотрению видов растений во всем их разнообразии и заметил, что отдельные представители каждого рода схожи между собой ветвями, листьями, цветами, плодами. Сравнивая их с животными, он понял, что у них есть что-то единое, общее им, подобно духу у животных, и что они благодаря этому представляют собой нечто единое. Таким путем исследовал

он весь род растений и установил единство его, исходя из наблюденного им единообразия их действий в питании и росте.

Затем он поставил мысленно рядом царство животных и царство растений и увидел, что оба они сходны между собой в питании и росте, однако животное имеет преимущество над растением в чувстве, понимании и способности передвигаться. Но иногда и в растениях обнаруживается нечто подобное, вроде поворачивания лепестков цветка по направлению к солнцу, продвижения корней в ту сторону, где находится источник питания и тому подобное.

Из этого наблюдения стало ему очевидным, что растения и животные суть нечто единое, благодаря какому-то одному объединяющему их началу, которое в одном из них выступает наиболее законченно и полно, в другом же этому мешает какое-то препятствие; что они подобны одной и той же массе воды, разделенной на две части, одна из которых замерзла, а другая течет. Словом, растения и животные в его глазах объединились.

Далее он направил исследование на тела, не обладающие способностью чувствования, питания и роста, именно на камни, землю, воду, воздух и пламя. Он увидел, что это тела измеряемые, имеющие длину, ширину и глубину, которые отличаются друг от друга только тем, что у одних есть цвет, у других его нет, одни горячи, другие холодны, и иными подобными свойствами. Он заметил, что горячие тела становятся холодными и холодные горячими. Он видел, как вода превращалась в пар и пар в воду, а предметы сжигаемые становились углями, пеплом, пламенем и дымом. Дым же, встречая при подъеме своем каменный свод, сгущался на нем и становился похожим на некоторые земные тела. Ему стало ясно, что все эти тела в действительности суть нечто единое, хотя множественность и приходит к ним случайно, так точно, как приходит она к животным и растениям.

Далее, направив свое внимание на то, что делало животных и растения чем-то единым, он увидел, что это — какое-то тело, подобное этим телам, что оно обладает длиной, шириной и глубиной и либо горячо, либо холодно, как любое из этих тел, лишенных способности чувств и питания. Единственно оно отличается от них своими действиями, проявляющимися посредством органов животных и растительных, и ничем иным.

Но, может быть, эти действия не составляют его сущности и лишь привходят к нему от чего-нибудь другого, и если бы они привходили и к этим телам, то последние были бы подобны ему самому?

Тогда он исследовал его сущность, независимо от этих действий, которые по первому взгляду кажутся исшедшими от него, и увидел, что оно не что иное, как одно из этих тел. И тогда он убедился, что все тела являются чем-то единым, будь они одушевленные или неодушевленные, двигающиеся или покоящиеся. Только у некоторых из них он наблюдал действия, производимые органами, но не мог понять, являются ли эти действия для них существенными или привходят со стороны.

В это время предметами его созерцания были только физические тела. Таким путем он представлял себе все существующее чем-то единым, когда же он становился на первоначальную точку зрения, то казалось ему все существующее чрезвычайно множественным, не поддающимся счету и не имеющим предела. И с такими представлениями он оставался некоторое время.

Затем он исследовал тщательно все тела, одушевленные и неодушевленные, казавшиеся ему то чем-то единым, то чем-то множественным и беспредельным.

Он заметил, что каждое из них обладает каким-нибудь одним из двух следующих свойств: либо оно движется по направлению в высоту, наподобие дыма, пламени и воздуха, когда он попадает под воду, или же оно движется в противоположном направлении, вниз, как, например, вода, частицы земли, растений и животных. И никогда ни одно из тел не бывает свободно от этих двух движений. В состоянии же покоя оно находится лишь при наличии препятствия, преграждающего ему дорогу, как это бывает с падающим камнем, попавшим на твердую поверхность земли, чрез которую он не может пройти; а если бы он смог сделать это, то, конечно, не отклонился бы от своего движения.

Поэтому, когда ты поднимаешь камень, то ощущаешь, как давит он на тебя своим уклоном книзу, стремясь опуститься. Точно так же дым перестает подниматься только тогда, когда встречает свод, являющий ему твердую преграду. Тогда он расстилается вправо и влево и, найдя выход из этого свода, прорезает воздух, поднимаясь кверху, так как воздух не может задержать его.

Он наблюдал также, что если наполнить воздухом кожаный бурдюк, завязать его и погрузить в воду, то воздух стремится подняться наверх и давит на того, кто держит бурдюк под водой, и не перестает давить, пока не попадет в воздушную сферу, то есть когда выйдет изпод воды. Тогда он приходит в спокойное состояние и перестает давить и стремиться кверху, что наблюдалось у него раньше.

Он искал, не найдется ли какое-нибудь тело, лишенное хоть одного из этих движений или стремления к ним, пусть даже на один момент, и не встречал этого в окружавших его телах. Искал же он этого с единственной целью найти и рассмотреть природу тела, именно как тела, совершенно не связанного с какими бы то ни было свойствами, порождающими множественность.

Не успев в этом, он стал исследовать тела, несущие в себе наименьшее количество особенных свойств, но не видел и среди них лишенных хоть одного из этих двух свойств, называемых тяжестью и легкостью.

Тогда он подверг исследованию тяжесть и легкость, и возник у него вопрос: принадлежат ли они телу как таковому или являются понятием надбавочным к телесности его. И он убедился, что они — понятие надбавочное к телесности, так как, если бы они принадлежали телу как телу, не было бы тела, которое бы ими не обладало, а мы между тем находим тело тяжелое, не заключающее в себе легкости, и легкое, не заключающее в себе тяжести. Оба последние, без сомнения, тела, и каждому из них принадлежит надбавочное качество к телесности его, качество, благодаря которому оно обособляется от других. Этим же качеством каждое тело и отличается от другого, а если бы не это, то они оба были бы чем-нибудь совершенно единым со всех сторон.

Теперь выяснилось для него, что сущность каждого из этих двух тел, тяжелого и легкого, сложена из двух качеств. Одно из них таково, что они оба участвуют в нем, и это — качество телесности. Другое же таково, что сущность каждого из них обособляется от другого, и это либо тяжесть в одном, либо легкость в другом, присоединенные к понятию телесности, то есть качества, благодаря которым одно тело движется вверх, а другое — вниз.

Точно так же исследовал он все неодушевленные и одушевленные тела и увидел, что сущность бытия каждого из них слагается из качества телесности и чего-то

другого, надбавочного к телесности, либо единого, либо множественного. И предстали перед ним формы тел во всем их разнообразии, и это было первое, что предстало ему из области духовного мира, так как эти формы не постигаются чувством, но только особым образом духовного видения.

И среди прочего явилось у него такое представление, что обитающий в сердце животный дух, о котором была речь выше, также должен иметь качество надбавочное к своей телесности, при помощи которого он получает способность совершать эти особенные действия, выражающиеся в разного рода чувствованиях, познавательных процессах и движениях.

Это качество есть форма его, то, чем отличается он от всех остальных тел и что умозрители обозначают словами «животная душа». Точно так же то, что заменяет у растений природную теплоту животных, является особой вещью, их формой, именно тем, что умозрители выражают словами: «растительная душа». Также и всем неодушевленным телам,— а таковы все, за исключением животных и растений,— существующим в мире Бытия и Уничтожения, присуще нечто характерное для них, то, что и дает каждому из них силу выполнять особое свое действие в виде разного рода движений и качеств, познаваемых при помощи чувств. Это есть форма каждого из них, то, что умозрители называют природой.

Убедившись на основании этого исследования, что сущность животного духа, бывшего раньше предметом его особого любопытства, слагается из качества телесности и другого качества, надбавочного к телесности, что первое качество принадлежит и ему, и всем другим телам, а второе связано только с ним и есть то, чем отличается он сам от всех других, он перестал интересоваться качеством телесности, оставил его, а сам обратился ко второму качеству, именуемому философами душой. И у него пробудилось желание выяснить истинную ее сущность, и он сосредоточился мысленно на ней.

Исследование свое он начал с того, что стал рассматривать все тела не как тела, но как носителей форм, сопровождаемых особыми свойствами, которыми тела отличаются друг от друга. Исследование это он сосредоточил у себя в душе и увидел, что каждая определенная совокупность тел обладает какой-нибудь определенной формой, из которой исходят те или иные действия. Далее,

что отдельная группа из их общего тела, помимо этой общей формы ее со всеми телами, имеет еще сверх того другую форму, также являющуюся источником определенных действий. Наконец, он увидел, что часть тел этой группы, вместе с первой и второй общими формами, имеет сверх того еще форму третью, порождающую также определенные действия.

Например, все тела земные, вроде почвы, камня, минералов, растений, животных и других тел, обладающих тяжестью, составляют одну категорию, объединяемую единой формой, которая служит источником движения тел книзу, раз нет им препятствия в этом; так что, если ты поднимешь их кверху насильно, а потом отпустишь, то они, под действием своей формы, двинутся книзу.

Некоторая же группа тел из этой категории, а именно растения и животные, будучи близкими к вышеупомянутой категории, обладающей первой формой, обладают сверх того еще другой формой, служащей источником питания и роста. Питание есть замена питающимся того, что убыло от него, превращением подходящей к нему материи в состояние, подобное его сущности. Рост же есть движение по трем направлениям с сохранением соотношений: в длину, ширину и глубину. Эти два действия общи растениям и животным и происходят, без сомнения, от формы, принадлежащей им обоим и называемой растительной душой.

Часть тел из этой группы, именно животные, отличена сверх первой и второй формы, общих у нее со всей группой, еще формой третьей, являющейся источником чувств и способности передвигаться с места на место.

Далее, он увидел также, что каждый вид животных имеет свой характерный признак, которым он отделяется от остальных видов и выделяется в особый вид. И понял он, что это происходит от его формы, характерной для него, принадлежащей ему сверх качества той формы, которой он обладает вместе с другими животными. То же самое он увидел и у каждого вида растений.

Ясно стало ему тогда, что сущность одних тел, познаваемых чувством, из мира земного, мира Бытия и Уничтожения, слагается из большего числа качеств, сверх качества телесности, других — из меньшего числа их. Понимая, что познание менее многочисленного легче познания более многочисленного, он остановился сначала

на исследовании сущности того, что состоит из наименьшего числа качеств.

Он увидел, что сущность всех животных и растений слагается из большего числа качеств в силу разнообразности их отправлений, и отложил поэтому рассмотрение их формы. Он заметил также, что одни части земли менее сложны, чем другие, и принялся изучать самые несложные, какие только мог найти.

Он увидел, что вода есть нечто несложное в силу немногочисленности ее действий, порождаемых ее формой; то же увидел он в огне и воздухе. А уже раньше была у него мысль, что эти четыре тела переходят одно в другое, что у них есть нечто единое, именно телесность, общее всем им, и что это нечто должно быть свободным от всех качеств, которыми они отличаются между собой.

Так, нельзя допустить, чтобы оно двигалось кверху или книзу, было горячим или холодным, влажным или сухим, так как ни одно из этих свойств не является признаком, общим для всех тел, и не могут эти свойства принадлежать телу, как таковому. А если бы удалось найти тело, в котором не было бы никакой формы сверх его телесности, то не было бы в нем ни одного из этих свойств? И наличие этого свойства у него было бы допустимо только в том случае, если бы оно обобщало тела, имеющие ту или иную форму?

И он посмотрел, не найдет ли какое-нибудь свойство, обобщающее все тела, одушевленные и неодушевленные, но не нашел ничего другого, общего всем телам, кроме понятия протяженности по трем направлениям, присущего им всем и обозначаемого длиной, шириной и глубиной. Он понял тогда, что это понятие принадлежит телу, как таковому, однако невозможно найти чувственным путем существование тела, обладающего только одним этим свойством, лишенного всякого понятия сверх упомянутой протяженности, свободного от каких-либо форм.

Дальше он стал размышлять об этой протяженности по трем направлениям и думал: является ли она непосредственным понятием тела, так что, кроме него, нет другого понятия, или дело обстоит не так? И увидел он, что за этой протяженностью стоит другое понятие, заключающее в себе эту протяженность, и что одна протяженность не могла бы существовать сама по себе, подобно тому, как данная протяженная вещь не может существовать сама по себе без протяженности.

Пример представился ему в некоторых материальных вещах, носителях формы, например, в глине. Он видел, что когда из нее делается какая-нибудь фигура, например, шар, то у него есть определенная длина, ширина и глубина. Затем, если этот самый шар взять и переделать в фигуру кубическую или яйцеобразную, то эти длина, ширина и глубина изменятся и примут иные, отличные от прежних, размеры. Глина же останется одна и та же и не изменится, но всегда будет иметь длину, ширину и глубину той или иной величины, и невозможно, чтобы она оказалась лишенной их. Но изменчивость этих измерений убедила его, что они суть понятие, независимое от глины, а то обстоятельство, что глина вообще не может быть лишена их, показало ему, что они относятся к сущности ее.

В результате этих наблюдений он пришел к выводу, что тело как таковое сложено в действительности из двух понятий, одно из которых занимает место глины в шаре предыдущего примера, а другое заменяет длину, ширину и глубину шара, или куба, или другой фигуры, приданной глине. Тело немыслимо иначе, как сложенным из этих двух понятий, и одно из них не может существовать без другого. Понятие, допускающее изменение и переменчивость всевозможного рода, то есть понятие протяженности, подобно форме, присущей всем телам, обладающим ею. Понятие же, пребывающее в одном состоянии, соответствующее самой глине в предшествовавшем примере, подобно понятию телесности, которой обладают все тела, носители форм. То, что соответствует глине в этом примере, и называется философами материей, или первичной материей, совершенно свободной от формы.

Когда исследования его дошли до такого предела и он несколько удалился от материального мира, приблизившись к границам мира идеального, он почувствовал смутное беспокойство и затосковал о чувственном, привычном ему мире. Он отступил немного назад, оставив абсолютное тело как вещь, не поддающуюся познанию чувств и непостижимую, и взялся за самые простые из тех, которые он видел.

Таковыми оказались те четыре, на которых уже останавливалось его исследование. Прежде всего рассмотрел он воду. Он увидел, что когда она предоставлена власти своей формы, то в ней обнаруживается ощущаемый холод и стремление книзу. Когда же она нагревается огнем

или солнечной теплотой, тогда прежде всего покидает ее холод, но стремление опускаться в ней остается. Если же нагревание становится чрезвычайно сильным, тогда прекращается ее стремление опускаться книзу, и в ней возникает стремление подняться вверх. Тогда совершенно исчезают те два свойства, которые прежде происходили от ее формы. Но так как форма была известна только со стороны этих двух свойств, то по исчезновении их уничтожается и самая идея формы.

Водяная форма удалилась от этого тела, как только в ней проявились действия, природа которых заставляет отнести происхождение их к другой форме, и у него создалась иная форма, прежде не бывшая, и благодаря этой форме произошли от него действия, по природе своей вовсе не должные происходить от него, как обладателя первой формы, и таким образом выяснилось с несомненностью, что у всего созданного должен быть создатель.

В его душе, на основании таких соображений, в общих и грубых чертах обрисовался творец формы. Затем он перебрал в уме все формы, виденные им до этого, одну за другой, и усмотрел, что все они созданы и у каждой из них должна быть творящая причина. Далее, он обратился к сущности форм и увидел, что они не представляют ничего больше, как расположенность тела производить данное действие.

Например, вода, когда доводится до крайнего предела нагревания, становится расположенной к движению в высоту и приспособляется к нему. Эта расположенность и есть ее форма, ибо здесь нет ничего, кроме тела, фактов, познаваемых теперь чувствами, а раньше не существовавших, вроде качеств и движений, и творящей причины, создавшей их после того, как их не было. Способность же тела к одним движениям больше, чем к другим, есть его расположенность и его форма.

То же самое он обнаружил во всех формах и убедился, что действия, происходящие от форм, принадлежат в действительности не им, но только причине, творящей чрез них действия, приписываемые им. И эта мысль, открывшаяся ему, выражена в словах Посланника Божиего (да благословит его Аллах и да приветствует): «Я есмь слух его, которым он слышит, и зрение его, которым он видит», а также в ясном стихе Божественного

Откровения: «Это не вы их убили, но Бог убил их, это не ты бросил, когда бросил, но Бог бросил».

А когда предстала перед ним творящая причина в этих общих неясных чертах, в нем пробудилось страстное желание узнать ее более подробно. Так как он пока еще не мог расстаться с чувственным миром, то он стал искать эту творящую причину среди предметов материальных и не знал, одна ли эта причина или много их.

Он исследовал все тела, окружавшие его и постоянно служившие объектом его размышлений. Он увидел, что все они то возникают, то гибнут. И то, что не уничтожается целиком, уничтожается в своих частях. Примером может служить вода и земля, так как он видел, что части их обеих гибнут от огня. Точно так же и среди остальных тел, окружавших его, он не видел ни одного, которое не возникало бы однажды и не нуждалось бы в творящей причине.

Тогда он бросил их все и перенесся мыслью к телам небесным. Этих размышлений он достиг к концу четвертой седьмины своей жизни, то есть к двадцати восьми годам.

Он знал, что небеса и все звезды, находящиеся в них, суть тела, так как они протяженны по трем направлениям: в длину, ширину и глубину, и ни одно из них не свободно от этих свойств; а то, что не свободно от них, и есть тело, значит — все они суть тела.

Затем он стал думать: протяженны ли они до бесконечности и простираются ли они без конца, всегда сохраняя длину, глубину и ширину, или они конечны, имеют свои границы, где они кончаются и за которыми не может быть никакого протяжения? И тут он смутился несколько, но потом силой своей природы, благодаря проницательности ума увидел, что тело бесконечное есть нечто абсурдное и невозможное, понятие непостижимое. Это решение было подкреплено многочисленными доводами, являвшимися его мысли.

Он рассуждал так: «Это тело ограничено в направлении ко мне и со стороны, познаваемой моими чувствами, в чем я не сомневаюсь, так как постигаю это своим зрением. Что касается со стороны противоположной и вызывающей у меня сомнения, то я также признаю невозможность протяженности ее бесконечно. В самом деле, пусть я воображу две черты, берущие начало в одной конечной стороне, и тело, простирающееся ввысь бесконечно,

сообразно его протяженности. Далее, представлю себе, что у одной из этих черт отрезана значительная часть, прилегающая к конечной ее стороне. Затем взят остаток ее, и тот конец его, где был произведен разрез, приложен к концу черты нетронутой. Черта, от которой часть отрезана, совпадет тогда с чертой нетронутой, мысль же пусть последует вместе с ними по направлению к стороне, предполагаемой бесконечной. Тогда либо обнаружится, что обе черты всегда простираются до бесконечности и ни одна из них не короче другой, и черта резаная будет равна нерезаной, что является абсурдом; либо, что черта укороченная не всегда будет продолжаться рядом с другой, но остановится и кончит свое продолжение, когда та будет еще бежать,— в таком случае она будет конечной. Если же к ней будет прибавлена длина черты, отрезанной от нее вначале и являющейся конечной, то и вся линия будет конечной. И будет она не меньше и не больше черты нерезаной, то есть будет равна ей. Но эта черта конечна, следовательно, и та черта конечна, и тело, на котором предположены эти черты, будет также конечно. Черты же эти можно провести во всяком теле. Итак, если мы предположим, что какое-нибудь тело бесконечно, то мы предположим абсурдное и невозможное».

Когда у него благодаря высокой даровитости, которая привела его к этому доказательству, создалась уверенность в том, что тело небесное имеет предел, он пожелал узнать, какую оно имеет фигуру и как заканчивают его ограничивающие его поверхности.

Первым делом он стал смотреть на солнце, луну и другие звезды и увидел, что все они восходят со стороны востока и заходят со стороны запада. Те из них, которые проходили через зенит, описывали очень большую окружность, а отклонившиеся от зенита к северу или югу описывали окружность меньшую. Окружность каждого небесного тела, более удаленного от зенита в какую-нибудь из двух сторон, была меньше окружности тела, менее удаленного от нее, так что самыми малыми окружностями, по которым двигались звезды, оказались две окружности; одна из них, с центром в Южном полюсе, была окружностью Сухейля, а другая, с центром в Северном полюсе,— окружностью двух звезд аль-Фаркадани. А так как он обитал под экватором, как это было описано раньше, то плоскости всех этих окружностей были перпендикулярны к плоскости его горизонта и расположены симметрич-

но на запад и на восток, и оба полюса вместе были видны ему. Он произвел наблюдение, что когда две звезды восходят одновременно, одна по большему кругу, а другая по кругу меньшему, то одновременно совершается и заход их, что он наблюдал постоянно и на всех звездах.

Это убедило его в шарообразности неба; опору своему убеждению он нашел в возвращении солнца, луны и других звезд к востоку, после захода их на западе, а также в том, что небесные тела, как он видел, представляются его взору одной и той же величины в моменты восхода, середины бега и захода их. А между тем, если бы движение их не было кругообразно, то, без сомнения, они были бы в какой-то один момент ближе взору его, чем в другой. И если бы было так, то размеры и величины их были бы различны для его глаз; он увидел бы их на более близком расстоянии большими, чем на более далеком. Так как ничего подобного не было, шарообразность небесной сферы стала для него истиной.

Он не переставал исследовать движение Луны от запада к востоку и точно такие же движения планет, так что пред ним открылась большая часть астрономии. Ему стало ясно, что движения их могут быть только в многочисленных небесных сферах, заключающихся в одной сфере, самой высокой из них, двигающей все с востока на запад днем и ночью.

Объяснять, как последовательно он совершенствовался в знании этого, было бы слишком длинно, да и сведения об этом имеются в книгах; для нашей же цели не нужно более того, что мы привели.

Достигнув этого знания, он установил твердо, что вся небесная сфера и все заключающиеся в ней являются чем-то единым, так что одно в нем соединено с другим; что все тела, исследованные им прежде, например, земля, вода, воздух, растения, животные и все другое, однородное с ними, содержатся в небесной сфере и не выходят из нее; что вся она более всего походит на какое-нибудь из животных; звезды, сверкающие в ней, соответствуют чувствам животных; различные сферы, содержащиеся в ней и соединенные друг с другом, подобны членам животных, и, наконец, тот мир Бытия и Уничтожения, который находится внутри ее, подобен тем веществам и влагам, что находятся в желудке животного, в котором так же часто возникает животный организм, как и в макрокосмосе.

Когда он уяснил себе, что вся сфера в действительности подобна одному одушевленному организму, он прозрел и единство многочисленных ее частей, а сумел он это сделать благодаря такому же исследованию, которое раскрыло ему единство и в телах мира Бытия и Уничтожения.

Он стал тогда размышлять о мире в целом: появился ли он после небытия и начал существовать, прежде не быв, или же он нечто такое, что не переставало существовать в прошлом и до чего не было никакого небытия. Им овладело сомнение относительно этого, и ни одно мнение не брало у него перевес над другим. Всякий раз, как он решался признать вечность мира, он сталкивался со многими обстоятельствами, говорившими о невозможности беспредельного бытия, похожими на те умозаключения, которые показали ему невозможность существования бесконечного тела. Он видел также, что все существующее возникло во времени и не могло предшествовать тому, что его самого создало.

Но когда он решался признать возникновение, пред ним появлялись препятствия другого рода. Именно, он видел, что понятие возникновения мира после небытия мыслимо только в том смысле, если время существовало раньше его. Но время составляет часть всего мира и неотделимо от него, и, следовательно, предположение более позднего возникновения мира, чем времени, немыслимо.

Рассуждал он и так: раз мир создан, то неизбежно должен быть у него Создатель его и почему же этот Создатель создал его именно в тот момент, а не прежде? Подействовало ли на него что-либо новое, явившееся пред ним? Но тогда не существовало ничего, кроме него. Или какое-нибудь изменение произошло в нем самом? Но тогда кто же Создатель этого изменения? Он размышлял об этом беспрестанно в течение нескольких лет, и много доказательств являлось перед ним, но ни одно объяснение не брало окончательного перевеса над другими.

Тогда, не будучи в силах объяснить это, он начал исследовать выводы, вытекающие из каждого из этих двух объяснений, в надежде, что, может быть, в этих выводах обнаружится какое-то единство. Он увидел, что из предположения о возникновении мира и о явлении его в бытие после небытия вытекает с необходимостью, как следствие, что мир не мог явиться сам по себе, но что для него обязателен Творец, который вывел его в бытие. Этот Творец

не может быть познан какими-нибудь чувствами, так как в таком случае он был бы каким-нибудь телом, а если бы он был телом, то принадлежал бы ко всему миру, сам возник бы и нуждался бы в Создателе. Если этот второй Создатель был бы также телом, то он нуждался бы в третьем Создателе, третий — в четвертом и так до бесконечности, но это абсурд.

Итак, мир требует Создателя, который не был бы телом. Но если он не тело, то невозможно его и постичь чувственным путем, так как пять чувств постигают только тела и то, что связано с ними. А раз Создатель не может быть познан посредством чувств, его невозможно и вообразить, так как воображение есть не что иное, как представление образов вещей, познанных чувствами, когда сами эти вещи отсутствуют. И раз он не тело, то все свойства тел неприложимы к нему. И самое первое свойство тела — протяженность в длину, ширину и глубину — чуждо ему, как и все остальные телесные свойства, следующие за этим. Наконец, если он Творец мира, то он, несомненно, властен над ним, сведущ в нем. «Разве не знает он, тот, кто создал? Он благий, ведающий».

С другой стороны, он видел, что, если предположить вечность мира и бытие его всегда таким, каким оно есть, как если бы до него не было никакого небытия, то вывод будет такой: движение его вечно и беспредельно в смысле безначальности, так как не было до него никакого покоя, во время которого началось бы его движение. У всякого же движения обязательно должен быть двигатель, и этот двигатель будет либо силой, разлитой в каком-нибудь теле,— безразлично, в теле ли, двигающем самого себя, или в другом, находящемся вне движущегося тела,— или не будет силой, разлитой по телу.

Каждая же сила, разлитая и распространенная по телу, делится вместе с его делением и удваивается вместе с его удвоением. Такова, например, тяжесть в камне, двигающая его книзу: если камень разделен пополам, то и тяжесть его делится пополам, а если к нему прибавлен другой камень, подобный ему, то и тяжесть его увеличится на величину, равную ему. И если бы возможно было увеличивать камень постоянно до бесконечности, то и тяжесть бы его увеличивалась до бесконечности. А если бы камень дошел до определенного размера, а потом остановился, то и тяжесть его дошла бы до определенного размера, а потом остановилась. Но уже доказано, что всякое

тело обязательно конечно, стало быть, и каждая сила, находящаяся в нем, также конечна. И если бы мы нашли силу, совершающую какое-нибудь бесконечное действие, то эта сила не заключалась бы в теле.

Итак, мы имеем небесную сферу, вечно совершающую бесконечное, непрекращающееся движение, поскольку мы допустили ее вечность и безначальность, и необходимым следствием этого будет то, что сила, движущая ее, не находится в ее теле или в другом теле, находящемся вне ее. Эта сила, таким образом, принадлежит чему-то чуждому телесности и не имеющему ни одного телесного свойства. А для него уже стало ясно во время его прежних исследований над миром Бытия и Уничтожения, что существование каждого тела выявляется только со стороны его формы, которая есть его приспособленность к определенным движениям. Существование же его, выявляющееся со стороны материи, есть существование слабо выраженное и почти непостижимое.

Итак, существование всего мира происходит лишь от его способности принимать на себя действие этого двигателя, нематериального, чуждого телесных свойств, лишенного всего, что познается чувством и представляется воображением. И если он есть Творец разнообразных движений небесной сферы, в творении, свободном от несовершенств, недочетов и недостатков, то мир, конечно, ведом ему и подвластен ему. Так дошел он путем исследования до тех же результатов, до которых доходил и раньше, однако теперь не являлось у него таких колебаний, как прежде, о вечности мира или возникновении его, ибо в обоих случаях ему было точно известно, что существует бестелесный Творец, не соединенный с телом, но и не разъединенный с ним, не находящийся внутри его, но и не находящийся вне его, так как соединение, разъединение, пребывание внутри и снаружи, все это принадлежит к свойствам тел. Он же изъят от них.

Так как материя каждого тела нуждается в форме, ибо оно существует только благодаря форме и без нее не имеет действительного существования, а последняя обязана своим существованием Творцу, то он убедился, что все существующее нуждается в этом Творце для своего существования, что каждая вещь может существовать только благодаря ему. Он есть их причина, а они его следствия, безразлично, возникли ли они после предшествовавшего им небытия или были безначальными во времени и не

было до них никакого небытия. В обоих положениях они следствия, нуждаются в Творце и связаны с ним в своем существовании. Если бы он не был вечен, не были бы вечны и они, и если бы его не было, не было бы и их. Он же сам по себе не нуждается в них и свободен от них. Да и как же иначе, если доказано, что сила и власть его беспредельны и что тела и все связанное с ними и находящееся хотя бы в частичной зависимости от них — предельно, имеет границы?

Итак, весь мир, со всеми находящимися в нем небесами, землею, звездами, со всем, что находится между ними, выше их и под ними, есть творение его, создание его и следует после него в соотношении персональном, хотя и не отступает от него в соотношении временном, подобно тому, когда ты захватываешь в свою горсть какое-нибудь тело, а потом производишь движение рукой, то, без сомнения, тело это движется, следуя движению твоей руки, отступая от него в соотношении персональном, хотя и не отступая от него в соотношении временном, но даже вступая в движение одновременно с ним. Точно так же и мир весь вне времени является следствием и творением этого Творца, который, желая чего-либо, лишь повелевает словами: «Будь!» — и оно бывает.

Когда Хайй увидел, что все существующее есть творение Творца, он стал рассматривать его по-иному, принимая во внимание силу Творца, восхищаясь чудесами его творения, тонкой мудростью и точностью его знания. Он обнаружил в самых незначительных вещах, не говоря уже о вещах великих, проявления мудрости и удивительного творения, вызывавшие его восторг. И он убедился, что это может произойти только от Творца наисовершенного и наипревосходного в совершенстве, «от которого не утаится вес пылинки на небесах и на земле, и ничто более малое, чем это, и более великое».

Затем он исследовал все виды животных, «как он даровал всему природный строй и потом научил» пользоваться им, так как если бы он не научил их пользоваться членами тела, сотворенными им для различных целей, то они были бы бесполезны для животных и послужили бы им в тягость.

Из этого он понял, что Творец великодушнейший из великодушных, милосерднейший из милосердных. И каждый раз, когда он смотрел на что-нибудь из существующего мира, обладающего красотой, блеском, совершенством,

силой или другим каким-нибудь превосходным качеством, подумав, он признавал в этом лишь истечение этого Творца, его существования и действия. И понял он, что то, что принадлежит лично Творцу, еще более велико, совершенно, законченно, красиво, блистающе, прекрасно и вечно, чем все существующее, и что нет сравнения между ними. Он не переставал рассматривать последовательно все совершенные свойства и увидел, что все они принадлежат ему и проистекают от него. Он увидел, что Творец более достоин их, чем все другое, что, помимо него, наделено этими свойствами. Потом он проследил все свойства, являющиеся изъянами, и увидел, что Творец чужд их, свободен от них — да и как же он мог бы быть не свободен от них, когда самое понятие изъяна не есть ли чистое небытие или нечто связанное с ним? А раз так, то какая связь у небытия или что общего с тем, кто есть чистое бытие, необходимо сущий по самому существу своему, дающий бытие всему существующему, помимо которого нет бытия; с тем, кто есть бытие, совершенство, законченность, красота, блеск, сила и знание; с тем, кто есть тот, про кого сказано: «Все погибнет, кроме лица его».

Этой степени знания он достиг по окончании пятой седьмины жизни своей, что равнялось тридцати пяти годам. И так прочно утвердилась в его сердце мысль об этом Творце, что он отвлекся от всего, кроме него, и оставил без внимания все свои исследования и розыски о существующих вещах. И он дошел до того, что стоило ему бросить взор на что-нибудь, как тотчас он видел в этом проявление творения, и в тот же миг он покидал творение и переносился мыслью к Творцу. Таким образом, его влечение к Творцу еще более усилилось, и сердце совершенно оторвалось от мира чувственного и прилепилось к миру идеальному.

Когда он познал этого Сущего, у бытия которого нет причины, но который сам причина существования всех вещей, он пожелал узнать, каким путем образовалось у него это знание и какой силой постиг он это Существо. Тогда он подверг исследованию все свои чувства, то есть слух, зрение, обоняние, вкус и осязание, и увидел, что они могут постигать только либо тело, либо что-нибудь находящееся в нем. Так, слух постигает только звуки, происходящие от волнообразного движения воздуха при столкновении тел друг с другом; зрение постигает только цвета,

обоняние — запахи, вкус — вкусовые свойства, осязание — температуру, твердость и мягкость, шероховатость и гладкость. Точно так же сила воображения постигает лишь то, что обладает длиной, шириной и глубиной. Все это познаваемое является свойствами тел, и чувства не могут познать что-либо, кроме них.

Происходит это потому, что чувства суть силы, распространяющиеся на телесные предметы, делящиеся вместе с их делением. Вот почему и познают они только тело, могущее быть делимым,— ведь если эта сила распространилась на какую-нибудь вещь, могущую быть делимой, то, несомненно, раз она познает что-нибудь, последнее подвергается делению вместе с ней. И, следовательно, всякая сила в теле постигает лишь тело или то, что в нем. А уже было обнаружено, что то — есть Существо, необходимо сущее, совершенно свободное от телесных свойств, и, в таком случае, невозможно познать его иначе, как при помощи чего-то особого, не являющегося ни телом, ни силой в теле; чем-то, не имеющим никакой связи с телом, не находящимся ни внутри его, ни вне его, не соединенным с ним, не разъединенным с ним.

И для него стало очевидно, что он постиг Творца при помощи своей собственной сущности, и знание о Творце прочно утвердилось в нем. Ему сделалось ясно, что эта его сущность, при помощи которой он познал Творца, есть нечто нетелесное, не допускающее ни одного телесного свойства; что все внешнее и телесное, познаваемое им в собственном своем существе, не есть действительная природа его. Нет, истинная сущность его есть только то нечто, при помощи которого он познает Существо, необходимо сущее.

И когда он понял, что сущностью его не является эта телесная масса, которую он постигает чувством и которую окружает его кожа, ничтожным стало для него собственное тело, и он начал размышлять об этой благородной сущности, при помощи которой он познал то Существо, необходимо сущее.

Он подверг исследованию эту высокую сущность, стараясь понять, может ли она погибнуть, или подвергнуться порче, или исчезнуть, или она вечно существует? И он увидел, что порча и исчезновение свойственны исключительно телам, и эти свойства заключаются в том, что тела сбрасывают с себя один образ и надевают другой. Например, вода, когда становится воздухом, и воздух, когда ста-

новится водой; растения, превращающиеся в прах и пепел, и прах, превращающийся в растения. Таково содержание понятия порчи. Но то, что бестелесно и для существования своего не нуждается в теле, совершенно чуждо телесности, то невозможно никоим образом представить себе подвергнувшимся порче.

Убедившись, что его истинная сущность не может подвергнуться порче, он захотел узнать, каково было бы ее состояние, если бы она оставила тело и освободилась от него. А ему было ясно, что она оставит тело только тогда, когда оно окажется непригодным для нее как орудие. Он подверг рассмотрению все познавательные силы и обнаружил, что каждая из них познает то потенциально, то действенно. Например, глаз, когда он зажмурен или отведен от предмета созерцания, является силой, познающей потенциально. (Понятие силы, познающей потенциально, заключается в том, что она не постигает в настоящий момент, но может постичь в будущем.) В тот же момент, когда он открыт и обращен к предмету созерцания, он становится познающим действенно (то есть, значит, он познает в настоящий момент).

Точно так же и всякая другая познавательная сила бывает познающей потенциально и бывает познающей действенно. Если какая-нибудь из этих сил никогда не познавала действенно, то она все время находится в состоянии познания потенциального и не стремится познать то, что по праву надлежит ей познать, так как она еще не знает о нем, как то бывает, например, у слепорожденного. Если же она познавала действенно, а потом стала познавать потенциально, то все время, пока она познает потенциально, она будет стремиться к действенному познанию, ибо она знает предмет познания, обращена к нему и томится желанием по нем.

Примером может служить тот, кто был зрячим, а потом ослеп: он не перестает стремиться к тому, что созерцал, и чем более совершенна, красива и хороша была познанная им вещь, тем сильнее будет его влечение к ней и тем больше мучение от утраты. Поэтому страдание потерявшего способность видеть, после того как он обладал ею, сильнее страдания утратившего способность обоняния, так как вещи, познаваемые зрением, совершеннее и лучше познаваемых обонянием.

И если бы среди вещей нашлась вещь беспредельно совершенная, бесконечно красивая, блистающая и прекрас-

ная, вещь, явившаяся верхом совершенства, блеска и красоты, такая, что все остальные совершенства, красота, блеск и величие исходили бы только от нее, проистекали бы лишь из нее,— то тот, кто утратил бы способность познавать эту вещь, дотоле ему известную, без сомнения, все время утраты испытывал бы бесконечные страдания. А тот, кто непрестанно познавал бы ее, испытывал бы непрерывное наслаждение, беспредельное блаженство, безмерный восторг и радость.

У него была уже уверенность, что Существо, необходимо сущее, обладает всеми совершенными свойствами, чуждо изъянов и свободно от них. Он уже знал, что то, при помощи чего он познал это Существо, есть нечто непохожее на тела и не уничтожающееся с гибелью их. И ему стало ясно, что когда обладатель такой сущности, способной к подобному познанию, расстается при смерти со своим телом, то могут быть три случая: если он до этого, во время управления своим телом, никогда не знал об этом Существе, необходимо сущем, не имел никаких сведений и не слышал о нем, то после того, как он расстался с телом, он не будет стремиться к этому Существу и не будет мучиться от утраты его. Что же касается до всех сил плотских, то они гибнут с гибелью тела и также не стремятся к возможным своим достижениям, и не желают их, и не страдают от их утраты. Таков удел всех неразумных существ, одинаково, имеют ли они образ человеческий или нет.

Либо возможно, что обладатель этой сущности, распоряжаясь своим телом в предшествовавшее время, узнал это Существо и постиг его совершенство и красоту, но он отвернулся от него, последовал своим страстям, и в таком состоянии постигла его смерть. И вот он лишен непосредственного созерцания его, и испытывает страстное влечение к нему, и пребывает в глубокой муке и бесконечном страдании; он может быть освобожден от них после долгих усилий и увидит то, к чему стремился, или останется в вечном страдании, в зависимости от того, к какому из этих двух уделов он был приготовлен в своей телесной жизни.

Тот же, кто знал это Существо, необходимо сущее, прежде чем расстаться с телом, весь отдавался ему и неотступно размышлял о его славе, блеске и красоте и не отвращался от него, пока не настигла его смерть среди этого стремления к нему и действенного его созерцания, тот,

расставшись с телом, остается в беспредельном наслаждении и вечном счастии, восторге и радости, ибо он достиг непосредственного созерцания этого Существа, необходимо сущего, созерцания незамутненного и незатемненного, и свободен он тогда от всего чувственного, вызываемого его плотскими силами, которые по сравнению с его состоянием могут только раздражать, досаждать и причинять зло.

Когда ему стало ясно, что его собственное совершенство и наслаждение заключается единственно в постоянном созерцании этого Существа, необходимо сущего, в созерцании всегда действенном, не прерываемом ни на мгновение ока, так что, когда его настигнет смерть в момент такого непосредственного созерцания, она не прервет наслаждения созерцанием и не причинит мучений, тогда он стал размышлять, как бы достичь постоянства в этом действенном созерцании так, чтобы никогда не приходилось ему отвлекаться от него.

И он сосредоточивал мысль на этом Существе на мгновение; но вот появлялся пред его взором какой-нибудь чувственный предмет, или его слух пронизывал голос какого-нибудь животного, или ему представлялось что-либо в воображении, или поражала его боль в каком-нибудь члене, или охватывал его голод или жажда, жара или холод, или ему нужно было подняться, чтобы исполнить естественную потребность,— и тогда мысль его расстраивалась, исчезало это состояние, и было трудно вернуться ему к прежнему состоянию без долгих усилий. Он боялся, что смерть настигнет его в такой момент рассеяния и он попадет в вечное страдание и муку разобщения с тем Существом. Такое состояние огорчало его, и он не мог найти средства от него.

Тогда он начал исследовать все виды животных и рассматривать поступки и стремления их в надежде увидеть, что, может быть, кто-нибудь из них знает об этом Существе и делает попытки стремиться к нему, дабы затем выведать от них средство своего спасения. Он увидел, что все они стремятся только к добыванию для себя пищи и того, что нужно их потребностям, вроде еды, питья, совокупления, тени или тепла; они пребывают в этих заботах дни и ночи до самого момента их смерти, до конца своего предела. Он не видел, чтобы кто-нибудь из них отклонился бы хоть на один момент от такого распорядка жизни и устремился бы к другому. Ясно, что они не постигли этого Существа, не чувствуют влечения к нему

и не имеют никакого представления о нем и что все они идут к небытию или состоянию, подобному ему.

Придя к такому мнению относительно животных, он понял, что этот вывод еще более подходит к растениям, так как растения обладают только частью восприятий животных. А раз существо, более полно одаренное восприятиями, не достигало этого познания, то еще менее способно достигнуть его существо, мало одаренное ими. К тому же он видел, что все функции растений не выходят за пределы рождения и питания.

Затем он стал исследовать звезды и небесные сферы и увидел, что движения всех их стройно упорядочены и происходят в строгой закономерности. Он видел их прозрачность, сверкание, недосягаемость для какого-нибудь изменения или порчи и приобрел твердую уверенность, что у них, помимо тел, есть сущности, которые знают про это Существо, необходимо сущее, и что эти знающие сущности не являются телами и не запечатлены в них.

Да и как могло не быть у них этих сущностей, чуждых телесности, когда подобная сущность была у такого, как он, при всей его слабости и сильной нужде в вещах чувственного мира! Он сам принадлежит к числу тел, подвергающихся порче, и, однако, при всей недостаточности его, это не помешало его сущности быть свободной от телесности и порчи. Ему стало ясно, что у небесных тел еще скорее можно предполагать это. И он понял, что они знают про это Существо, необходимо сущее, и созерцают его всегда действенно, ибо у небесных тел не бывает таких препятствий из области мира чувственного, которые мешают им постоянно созерцать.

Далее, он размышлял: почему он один среди всех видов животных наделен этой сущностью, с которой более всего схожи небесные тела? Уже прежде он убедился на элементах и переходе одних из них в другие, что ничто находящееся на земле не остается в одном и том же образе, но что Бытие и Уничтожение всегда следуют друг за другом; что большая часть этих тел смешана и сложена из противоположных частей, почему они и приходят к гибели; что ни одно из них не находится в чистом состоянии и те, которые близки к чистому, свободному от примеси, бывают очень далеки от порчи, как золото и яхонт; что тела небесные просты и чисты и поэтому далеки от порчи и от изменчивости своих форм.

Он убедился также, что одни тела из мира Бытия и Уничтожения таковы, что сущность их состоит из одной формы, прибавленной к качеству телесности, каковы четыре элемента, сущность же других состоит из большего количества форм, как, например, у растений и животных. И чем в меньшем количестве форм проявляется сущность, тем меньше бывает и действие и тем больше бывает удаленность от жизни. В полном отсутствии форм нет и пути к жизни, и такое тело находится в состоянии, подобном небытию.

Такие же тела, сущность которых проявляется во многих формах, обнаруживают много действий и полно входят в жизнь. Если же эта форма такова, что ее никак невозможно отделить от материи, которой она присуща, тогда и жизнь бывает чрезвычайно ярко выражена, продолжительна и деятельна. Вещь, совершенно лишенная формы, есть первичная материя, в ней нет никакой жизни, и она подобна небытию. Вещи же, проявляющиеся в одной форме, суть четыре элемента. Они находятся на самой нижней ступени существования в мире Бытия и Уничтожения, и из них слагаются вещи, носители многих форм.

Эти четыре элемента проявляют чрезвычайно слабую жизнь, так как движутся только одним движением. Слабая жизнедеятельность этих элементов происходит оттого, что у каждого из них есть ему противоположный, явно враждебный ему, препятствующий его природным потребностям и стремящийся лишить его присущей ему формы. Поэтому бытие его непрочно и жизнь слабо выражена.

Растения обнаруживают жизнь более деятельную, чем они, а у животных она проявляется еще более ярко.

Происходит это вот почему: когда в каком-нибудь из этих сложных тел начинает преобладать природа одного элемента, которая благодаря своей силе берет верх над природою прочих элементов, уничтожая их силу, тогда это сложное тело приобретает характер возобладавшего элемента, вследствие чего делается способным только к слабому проявлению жизни, как и элемент, обладавший незначительной и слабой жизнедеятельностью. Когда же в этом сложном теле не преобладает природа одного элемента, когда все элементы распределены равномерно и в строгом соответствии друг с другом, когда ни один из элементов не берет верха над другим и взаимодействия элементов одинаковы,— тогда не проявляется преимуще-

ственного действия какого-нибудь элемента, ничто не получает преобладания, и тело становится далеким от сходства с каким-нибудь одним элементом, как будто не существует никакого противодействия его форме. Поэтому оно делается способным к жизни. И чем более равномерно, полно и последовательно распределены эти элементы, тем дальше стоит тело от возможности существования противоположного ему и тем полнее его жизнь.

И так как животный дух, обитающий в сердце, обладает чрезвычайной равномерностью распределения элементов, ибо он, будучи более нежным, чем земля и вода, и более грубым, чем огонь и воздух, занимает как бы среднее положение, и ни один из элементов явно ему не противодействует, поэтому он и оказывается способным к форме животности.

Убедившись во всем этом, он увидел, что необходимым выводом из этого будет следующее: наиболее соразмерный в распределении своих элементов дух животный способен и к наиболее полному проявлению жизни в мире Бытия и Уничтожения. Про этот дух можно почти утверждать, что не существует никакого противодействия его форме, в силу чего он подобен телам небесным, у форм которых нет противодействующих им. Дух такого животного, занимая действительно посредствующее положение среди элементов, не движется вообще, ни кверху, ни книзу, и если бы возможно было его поместить в середине пространства между центром и высшей точкой, до которой достигает огонь, не нанеся ему вреда, он пребывал бы там неподвижно и не стремился бы ни подняться, ни опуститься, а если бы пришел в движение в окружающем его пространстве, то двинулся бы вокруг середины, как движутся небесные тела. А если бы он пришел в движение в самом месте, занимаемом им, то он двинулся бы вокруг самого себя и принял бы шарообразную форму, так как другая и не могла бы получиться при таком движении. Таким образом, он чрезвычайно похож на небесные тела.

Уяснив положение, занимаемое животным, и не видя в нем ничего, дававшего повод предположить, что животное знает про Существо, необходимо сущее, тогда как его собственной сущности, как он знал, оно было известно, он решил, что он сам есть животное с духом, равномерно распределенным, похожее на небесные тела. Ему стало

ясно, что он вид, отличный среди других видов животных, что он сотворен для какой-то другой цели и приготовлен к какому-то великому делу, к которому не приготовлен ни один вид животных. Его благородство было достаточно выражено тем, что его низшая часть из двух составлявших его частей, часть телесная, более всех вещей походила на небесные субстанции, находящиеся вне мира Бытия и Уничтожения, свободные от случайных изъянов, от превращения и изменения.

Что касается до высшей из двух его частей, то она есть то, чем познал он Существо, необходимо сущее. И это нечто знающее есть нечто верховное, божественное, нечто такое, чего не касается гибель и что не может быть определено ни одним телесным определением, не постижимое чувством, не представляемое воображением, нечто, единственным средством познания которого может быть только оно само. Оно есть вместе познающее, познаваемое и познание, оно есть знающее, узнанное и знание, притом без всякого разногласия во всем этом, так как разногласие и расхождение — свойства тел и того, что сопровождает их, тогда как здесь нет ни тела, ни свойства тела, ни чего-либо сопровождающего его.

Когда для него выяснилось, каким образом он один отличен среди прочих родов животных сходством с телами небесными, он понял, что ему нужно походить на них, подражать их действиям и стараться по возможности сравняться с ними. Точно так же он увидел, что своей благороднейшей частью, которой он познал Существо, необходимо сущее, он имеет некоторое сходство с ним благодаря тому, что она свободна от телесных свойств, как и Необходимо сущий свободен от них. Он увидел также, что ему необходимо стараться приобрести каким бы то ни было образом свойства Необходимо сущего, заимствовать его характер, следовать его поступкам, стараться выполнять его желания, отдаться ему, исполнять все предписания его от всего сердца явно и тайно, радуясь этому, хотя бы в них обнаружились муки, вред и полная гибель для его тела.

С другой стороны, он увидел, что в нем есть также сходство и с прочими видами животных, благодаря худшей части его, принадлежащей к миру Бытия и Уничтожения, которая — тело мрачное, плотное, требующее от него разных чувственных вещей, вроде еды, питья и совокупления. Однако тело это не создано для него в забаву

и не соединено с ним попусту. Ему необходимо печься о нем и держать его в добром порядке. Это попечение может быть выполнено только таким образом, каким выполняют его остальные животные.

Действия, совершить которые ему было необходимо, предстали пред ним в трех видах: действия, делавшие его похожим на животное; действия, уподоблявшие его телам небесным, и действия, придававшие ему сходство с Существом, необходимо сущим. Первое уподобление обязательно для него как для обладателя тела мрачного, с различными членами, разными силами и разнообразными стремлениями. Уподобление второе — как для обладателя животного духа, пребывающего в сердце, который есть начало всему остальному телу и всем силам, находящимся в нем. Уподобление третье обязательно для него постольку, поскольку он есть он, то есть как сущности, которой он познал это Существо, необходимо сущее.

Еще прежде он утвердился в мысли, что счастие его и избавление от несчастия заключается только в постоянном созерцании этого Существа, необходимо сущего, пока он не достигнет того, что не будет отрываться от него ни на одно мгновение. Размышляя, каким образом достичь ему этого непрерывного созерцания, он пришел к выводу, что ему необходимо трудиться над достижением этих трех видов уподобления.

Что касается уподобления первого, то через него он не обретет никакого созерцания, наоборот, оно отвлечет его от него, явится к нему препятствием, так как оно имеет дело с вещами чувственными, а все они — преграды, стоящие на пути к этому созерцанию. Он нуждается в этом уподоблении только для поддержания животного духа, которым приобретается второе уподобление небесным телам. Таким путем первое уподобление необходимо, хотя оно и не лишено вреда.

Уподоблением вторым приобретается большая доля постоянного созерцания, но это созерцание не обладает чистотой, так как созерцающий их постоянно сохраняет сознание о своем существе и озирается на него, как это будет указано дальше. Третьим уподоблением достигается чистое созерцание и полное погружение, с одним-единственным устремлением внимания к Существу, необходимо сущему. У созерцающего, таким образом, скрывается, исчезает и пропадает его собственная сущность, как равно и все остальные сущности, сколько бы их ни было, кроме

сущности Единого, Истинного, необходимо сущего, Великого, Высочайшего и Всемогущего.

Итак, ему стало ясно, что высшей целью является это третье уподобление и что оно может быть приобретено только после опыта и долговременного труда над уподоблением вторым, в течение которого он, в свою очередь, сможет существовать только благодаря уподоблению первому. Тогда, увидев, что уподобление первое, будучи необходимым, является, по существу, препятствием, хотя и приносит помощь косвенно, он решил уделять ему как можно меньше усилий, лишь самые необходимые для поддержания жизни животного духа.

Он нашел, что необходимыми для поддержания этого духа являются две вещи: одна заключается в поддержании его изнутри и в возобновлении утраченных частей, именно — пища; другая — в сохранении его извне и в ограждении его от всевозможных неприятностей в виде холода, жары, дождя, солнечного зноя, опасных животных и тому подобного.

Он увидел также, что если будет пользоваться тем, что необходимо для этого, безотчетно, как придется, то может случиться иногда, что он впадет в расточительность и возьмет больше, чем достаточно, направив свои усилия против самого себя, сам того не замечая. Он понял, что благоразумие требует наметить самому себе границы, которые не следует переходить, и меру, которую нельзя превышать. Границу эту, по его мнению, надо было наметить относительно категории его пищи, то есть какова она, количество ее и промежутки времени, через которые нужно обращаться к ней.

Сначала он подверг рассмотрению все виды потребляемой им пищи и увидел, что она трех родов: во-первых, растения, еще не развившиеся и не достигшие полного расцвета,— каковы зеленые овощи, пригодные для еды. Во-вторых, плоды растений, сформировавшихся, достигших предела развития и выпустивших семя для произрастания из него другого растения такого же вида,— таковы разного рода свежие или сухие фрукты. В-третьих, разного рода съедобные земные и морские животные. Он твердо знал, что все эти виды пищи — творения этого Существа, необходимо сущего, в близости к которому он ясно видел свое счастье и походить на которое он стремился. Нет сомнения, что употребление их в пищу лишало

их совершенствования и ставило им препятствия в достижении высшей преследуемой ими цели. А это являлось противодействием творению Создателя, противоречащим его стремлению к близости и уподоблению с ним.

Он видел, что было бы хорошо, если бы это было возможно, совершенно отказаться от какой бы то ни было пищи. Однако это было невозможно, ибо такое воздержание привело бы к гибели тела и было бы противодействием самому Создателю, то есть еще большим, чем первое, так как сам он был выше этих второстепенных вещей, от гибели коих зависело сохранение его.

Он предпочел меньшее из двух зол и уступил более легкому из двух противодействий. Он рассудил брать из этих видов пищи, при отсутствии нужного ему, то, что легче достать в количестве, которое определится в дальнейшем. Если же все они пред ним налицо, тогда ему следует выказать тщательную осмотрительность и выбрать из них то, во взятии чего не было бы большого противодействия творению Создателя.

Можно взять, например, мякоть таких плодов, которые совершенно созрели и зерна которых приобрели способность к произведению себе подобных, при условии бережного обращения с этими семенами, чтобы не съесть их, не уничтожить и не бросить в место, непригодное для произрастания, вроде места каменистого, солончакового и так далее. А если ему затруднительно найти такие плоды со съедобной мякотью, каковы яблоки, груши, сливы и другое, то пусть берет либо плоды, у которых съедобны только сами семена, например, орехи, каштаны, либо овощи, не поспевшие еще совершенно. И в обоих случаях пусть он выбирает наиболее многочисленные и плодовитые, дабы не искоренить их и не погубить их семена. Если же и этого он не найдет, тогда может взять животных или их яйца, соблюдая при этом такое условие, чтобы брать животных, находящихся в большом количестве, дабы не уничтожить совершенно какой-нибудь их вид. Вот как рассуждал он относительно выбора рода пищи.

Что же касается количества, то он решил, что оно должно быть достаточным для утоления остроты голода, но не более того. Относительно промежутков времени между приемами пищи он нашел целесообразным следующее: приняв нужное ему количество пищи, он должен сдерживаться и не обращаться к другой пище, пока не появится

у него слабость, мешающая ему совершать некоторые действия, которые ему необходимы для выполнения второго уподобления, о котором дальше будет сказано.

Что касается до защиты его извне, необходимой для сохранения его животного духа, то это не представляло больших затруднений, так как он был одет в кожи, а обиталище его было предохранено от всяких нападений извне. Этого ему было достаточно, и он не находил нужным заниматься им. В употреблении же пищи он счел для себя обязательными те вышеупомянутые законы, которые он сам начертал для себя.

Затем он занялся вторым действием, именно — уподоблением телам небесным, подражанием им и заимствованием их свойств.

Свойства их распределились у него в трех видах. Первый вид составили их свойства по отношению к лежащему под ними миру Бытия и Уничтожения, именно — та теплота, которую они придавали миру непосредственно, и тот холод, который они сообщали ему косвенно,— свет, разрежение и сгущение и все остальное, что они производили в нем, благодаря чему предметы мира сего стали способными к восприятию излучений духовных форм от Создателя, необходимо сущего.

Второй вид образовали свойства, принадлежавшие самой их сущности, как, например, прозрачность, блеск, чистота, свободная от какой-нибудь мути и нечистоты, и кругообразное движение одних вокруг собственного центра и других — вокруг центра других тел.

Третий вид составился из их свойств по отношению к Существу, необходимо сущему, как, например, вечное и непрерывное созерцание его, страстное стремление к нему, деятельность, сообразная с его заповедью, подчинение себя выполнению его предначертаний и движений, согласное только с его волей и властью. И стал он употреблять все усилия, чтобы приобрести сходство с ними во всех трех видах.

Что касается до первого вида, то уподобление его небесным телам заключалось для него в том, что он задался целью, как только увидит у животного или растения какую-нибудь нужду, какой-нибудь изъян, вред или помеху, тотчас удалить их, если это в его силах. Так что, когда его взор падал на растение, загражденное от лучей солнца каким-нибудь препятствием, или растение, сцепившееся с другим растением, причинявшим ему вред, или расте-

ние, гибнущее от жажды, он освобождал его от этих препятствий, если можно было, отделял его от вредного растения, не причиняя вреда последнему, и поливал его, как только мог. Когда же взор его падал на животное, мучимое диким зверем, или запутавшееся в ветвях, или получившее занозу, или такое, в глаза или уши которого попало что-нибудь, причинявшее боль, одолеваемое жаждой или голодом, он употреблял все старания, дабы удалить от животного все это, кормил и поил его. И когда он замечал, что вода, текущая для питания растения или животного, преграждена в ее течении каким-нибудь препятствием в виде упавшего в нее камня или осыпавшегося берега, он тотчас удалял все это. Он непрестанно трудился над этим видом уподобления, пока не достиг совершенства.

Уподобление второго вида заключалось в том, что он взял на себя задачу соблюдать постоянно чистоту, удалять всякую грязь и нечистоту со своего тела, особенно часто мыться водой, чистить ногти, зубы и паховые части тела, душиться ароматом растений и натирать тело благовонными маслами, постоянно чистить и пропитывать благовониями свое одеяние, пока не стал он весь блистать прелестью, красотой, опрятностью и благоуханием.

Кроме того, он взял за правило совершать кругообразные движения и то кружил вокруг острова, обходя его берега и шествуя по окраинам, то вокруг жилья своего или какой-нибудь скалы, совершая определенное количество кругов иногда обыкновенным, иногда ускоренным шагом; или кружил вокруг самого себя, пока не терял сознание.

Третий вид уподобления заключался в следующем: он устремлял всю свою мысль на это Существо, необходимо сущее, устраняя все связи с чувственным миром, закрывая глаза, затыкая уши, напрягая все усилия, чтобы отрешиться от воображения, стремясь изо всей силы думать только о нем, и ни о чем другом, и никого мысленно не присоединять к нему. Такому состоянию он помогал кружением и самовозбуждением, возникавшим при этом.

И когда его вращение достигало наивысшей силы, от него скрывался чувственный мир, слабело соображение и прочие силы, нуждающиеся в телесных органах, и усиливалась жизнедеятельность его сущности, освободившейся от тела. Моментами мысль его становилась чистой от

всего постороннего, и тогда он непосредственно созерцал Существо, необходимо сущее. Но потом вновь нападали на него силы телесные, уничтожали состояние его, «низводили его вновь к низшей ступени», и он возвращался в прежнее состояние.

Если его охватывала слабость, мешавшая достижению цели, то он принимал некоторое количество пищи, соблюдая вышеупомянутые условия, и потом вновь трудился над уподоблением телам небесным в трех вышеупомянутых видах.

Он боролся со своими телесными силами, а они боролись с ним, он бился с ними, а они бились с ним. И в моменты, когда он одолевал их и мысль его очищалась от всякой мути, ему удавалось до некоторой степени достичь состояния людей, удостоившихся третьего уподобления, и после этого он еще более стремился к своей цели и делал попытки достичь ее.

Подвергнув рассмотрению свойства Существа, необходимо сущего, он убедился уже при теоретическом исследовании, до занятия действенного, что свойства эти бывают двух родов: либо положительные, вроде знания, силы и мудрости, либо отрицательные, вроде непричастности к телесности, к телам и ко всему тому, что их сопровождает и связывается с ними, хотя бы и в отдаленном времени. Но в свойствах положительных содержится уже, как условие, и эта непричастность, так что в них нет ни одного телесного свойства, и между прочим, множественности. При обладании этими положительными свойствами сущность его становится множественной, но все они сводятся к одному понятию, именно — к его истинной сущности.

Он стал тогда искать, как бы приобрести сходство с Необходимо сущим в двух этих видах. Что касается до свойств положительных, то, уяснив себе, что все они сводятся к истинной сущности его, которая никоим образом не множественна, так как множественность есть одно из телесных свойств, и что познание им его сущности есть сама его сущность, он ясно увидел, что если бы ему удалось познать сущность Существа, необходимо сущего, то такое познание ее не было бы понятием надбавочным к сущности этого Существа, но было бы он сам. Он увидел, что походить на него в свойствах положительных — значит познать его, и только, не присоединяя к нему никаких телесных свойств. Этим он и занялся.

Свойства же отрицательные заключаются в непричастности к телесности. И вот он начал отбрасывать от своей собственной сущности телесные свойства, большую часть которых уже отбросил в своем предшествующем упражнении, когда его целью было уподобление небесным телам. Однако их осталось еще очень много, например: кругообразное движение, а движение — наиболее характерное свойство тел, забота о животных и растениях, сострадание к ним и попечение об удалении возникающих перед ними препятствий. Ведь все это тоже свойства тел, как он заметил прежде, существующие только благодаря телесной силе, и потому он также совершал все эти действия при ее помощи.

И стал он отбрасывать все это от себя, так как оно не приличествовало тому состоянию, которое он теперь искал. Он ограничивался неподвижным пребыванием в глубине своей пещеры в молчании, с опущенным взором, отвернувшись от всего чувственного и всех телесных сил, сосредоточив помысел и мысль только на Существе, необходимо сущем, и ни на чем другом.

И когда пред его воображением вставал какой-нибудь другой предмет, он прилагал все силы, чтобы прогнать и изгнать его, и изощрял на этом свой ум.

В таких упражнениях он провел долгое время. Иногда в течение нескольких дней он не ел и не шевелился. В моменты усиления этой духовной борьбы иногда из его памяти и мыслей скрывалось все, кроме одной его сущности, но она не исчезала от него даже в моменты погружения его в созерцание Существа Истинного, необходимо сущего. Это мучило его, и он понимал, что это пятно на чистом созерцании и отвлечение внимания чем-то иным.

Он не переставал стремиться к отрешению от самого себя и к чистоте в созерцании Истинного, и вот наконец это ему удалось. Тогда из мысли и памяти его исчезли небеса, земля и что посреди их, все формы духовные и все силы телесные и нематериальные, которые суть сущности, знающие о Существе. Исчезла и его сущность вместе с этим. Все пропало и уничтожилось и стало «как пылинки рассеявшиеся». Остался только Единый, Истинный, Существо, незыблемо сущее. И сказал он слово свое, не явившееся, однако, понятием надбавочным к сущности его: «Кому принадлежит сегодня высшая власть? Богу

Единому, Всемогущему!» И уразумел он слова его, и не помешало ему понять их даже то, что он не знал речи и ни с кем не беседовал.

Тогда он погрузился в это состояние и созерцал то, что «око не видело, ухо не слышало и не представлялось сердцу смертного».

Пусть сердце твое не привязывается к описанию того, что не открывается человеческому сердцу. Много есть вещей, доступных сердцу человека, описание которых трудно. Насколько же труднее сделать это с вещью, которая для сердца непостижима, совсем из иного мира, совсем из другой области! Я не разумею под сердцем тело сердца или дух, который в его пустоте, нет, я разумею под ним форму этого духа, форму, которая при посредстве сил своих изливается на человеческое тело. Ведь каждое из этих трех носит название сердца, но ни для одного из них непостижима эта вещь. Выразить можно только то, что открылось им, но кто стремится выразить это состояние, тот стремится к невозможному. Он похож на того, кто хотел бы вкусить цвет как таковой, кто пожелал бы узнать: является ли черное, например, сладким или кислым. Мы, однако, при всем этом не лишим тебя указаний, которые дадут тебе намек на те чудеса этого состояния, которые он созерцал, указаний, правда, аллегорических, не стучать в дверь истины, так как приобрести действительное знание об ощущениях на этой стоянке можно, только достигнув ее. Склони же теперь слух своего сердца и устреми взор ума своего к тому, что я тебе сообщу, и, может быть, ты найдешь в этом руководство, которое наставит тебя на твердый путь. Но таково мое условие тебе, чтобы ты ничего не требовал от меня сверх того, что я доверяю этим листкам, никаких других пояснений живыми словами, ибо арена тесна и опасно определять живыми словами то, что невыразимо по самой природе своей. Итак, я говорю.

После того как он утратил ощущение сущности, как своей, так и всех других, и видел существующим только Единого, Самосущего, и созерцал то, что созерцал, а затем вернулся снова к лицезрению других вещей, придя в себя от своего состояния, подобного опьянению,— тогда явилась ему мысль, что у него нет сущности, которой он отличался бы от сущности Истинного; что истинная сущность его и есть сущность Истинного; что то, что он считал вначале за сущность свою, отличную от сущности Истин-

ного, есть в действительности ничто; более того, что нет ничего, кроме сущности Истинного. Это похоже на свет солнца, который падает на плотные тела и делается видным на них, так как хотя его и приписывают телу, на котором он появляется, но на самом деле он суть только свет солнца, и когда исчезает тело, исчезает и свет его, но остается неизменным свет солнца, не утративший ничего при наличии этого тела и не увеличившийся в отсутствие его. Когда есть тело, способное принимать такой свет, оно принимает его, а когда его нет, нет и этого принятия и не может быть о нем речи. Эту мысль подкрепило еще его прежнее убеждение в том, что сущность Истинного, Великого и Славного не допускает никоим образом множественности и что познание им его сущности есть сама сущность этого Существа. Отсюда он вывел, как необходимое следствие, что обладающий знанием сущности его сам приобретает эту сущность. У него было это знание, следовательно, у него проявилась и сущность; однако эта сущность проявляется только в ней самой и самое проявление ее есть сущность,— следовательно, он есть сущность как таковая.

Таковы и все сущности нематериальные и знающие эту истинную сущность, которая прежде казалась ему множественной, а теперь стала после этих размышлений чем-то единым. А ведь это ошибочное мнение едва не утвердилось в нем, если бы Господь не помог ему своею милостью и не направил его своим руководительством. Он понял, что ошибка эта возникла у него от остатков мрака, объемлющего тела, и отсутствия чистоты в предметах чувственного мира. Ведь многое и малое, единое и единство, множество, собрание и разделение — все это свойства тел, и не следует про эти сущности самодовлеющие, знающие о сущности Истинного (Великого и Славного!) и непричастные к материальности, говорить ни что они множественны, ни что они едины, ибо множественность есть только состояние разделенности одних сущностей по отношению к другим, а единство бывает только при соединенности, но и то и другое мыслимо только в понятиях сложных, смешанных с материей.

Впрочем, объяснение здесь становится трудным. Ведь если говорить об этих самодовлеющих сущностях как о многих, как мы и говорили, то это навевает мысль о понятии множественности, заключающемся в них, но они

непричастны к множественности; если же говорить о них как об отдельных, то это наводит на мысль о понятии единства, что также немыслимо в них.

Но тут я как будто вижу, что читающий эти строки из числа тех летучих мышей, которым солнце слепит глаза, начинает биться в цепях собственного безумия и говорит: «Ты перешел границы в утонченной точности своих выражений, так что утратил даже облик людей умных и отбросил закон уразумеваемого. Ведь, по требованиям разума, вещь либо едина, либо множественна».

Но пусть он умерит свой пыл и удержит от резкостей свой язык, пусть он усумнится в самом себе и поучится на чувственном и презренном мире, к которому принадлежит и сам, как учился на нем Хайй ибн Якзан, когда он созерцал его с определенной точки зрения и увидел множественностью необъятной, безграничной, потом взглянул на него под другим углом зрения и увидел единым, и так он колебался и не мог принять окончательно ни одного из этих двух мнений.

Мир чувственный есть родина многого и единичного, и в нем постигается истинная природа их обоих; в нем и отдельность и соединенность, соединение и разъединение, согласие и разногласие. Но что может мыслить он о мире божественном, о котором нельзя сказать ни что он все, ни что он часть, относительно которого нельзя произнести ни одного слова, привычного для слуха, без того, чтобы не заподозрить в нем чего-либо противоречащего действительности? Что может он мыслить о мире, который может быть понят только тем, кто созерцал Необходимо сущего, и истинная природа которого известна лишь достигшему его? А что до слов его: «Так что утратил даже облик людей умных и отбросил закон уразумеваемого»,— то мы соглашаемся с ним в этом и оставляем его с его разумом и его разумными людьми.

Ведь тот разум, который имеют в виду он и ему подобные, есть лишь разумная сила, исследующая отдельные вещи чувственного мира и затем извлекающая из них общие понятия. Умные люди, подразумеваемые им, как раз и являются теми, кто пользуется этим способом исследования, тогда как тот прием рассмотрения, о котором мы говорим, выше всего этого. Но пусть затыкает уши человек, не знающий ничего, кроме мира чувственного и его общих понятий. Пусть он возвращается к союзникам

своим, которые «знают только очевидное, из этого мира, миром же будущим небрегут».

Если ты из тех, кто может удовольствоваться краткими намеками и указаниями такого рода на то, что содержится в Божественном мире, и не извратить их в то, во что их обычно извращают, то мы прибавим тебе еще нечто к описанию того, что созерцал Хайй ибн Якзан на вышеупомянутой стоянке людей, обладающих истиной.

Достигнув чистого погружения, полного исчезновения своего «я» и действительного соединения, он увидел, что высшая небесная сфера, за которой нет ничего телесного, обладает сущностью, непричастной к материальности. Сущность эта не есть сущность Единого, Истинного, ни сама небесная сфера, но не есть и нечто отличное от них обоих. Сущность эта как бы образ солнца, отражающийся в полированном зеркале, который не есть солнце, не есть зеркало, но не есть и нечто третье, отличное от них.

Он увидел у этой самодовлеющей сущности неба совершенство, блеск и красоту слишком великие, чтобы язык мог их описать, слишком утонченные, чтобы их можно было облечь в буквы или звуки. Он увидел ее пребывающей в беспредельном наслаждении, радости, счастии и веселии от созерцания сущности Истинного, Всеславного.

У следующей небесной сферы, сферы неподвижных звезд, он также увидел сущность нематериальную, также не являющуюся ни сущностью Единого, Истинного, ни сущностью самостоятельною высшего неба, ни самим небом, но и ничем другим, отличным от них. Сущность эта как бы образ солнца, отражающийся в зеркале, образ, падающий на него от другого зеркала, поставленного против солнца. У этой сущности он увидел такую же красоту, блеск и наслаждение, как и у сущности высшей сферы.

У следующей небесной сферы, именно у сферы Сатурна, он наблюдал такую же самостоятельную сущность, нематериальную, не являющуюся ни одной из сущностей, виденных им раньше, но и ничем отличным от них. Она была похожа на образ солнца, отраженный в зеркале, получившем его как отражение от другого зеркала, обращенного к нему, которое, в свою очередь, получило его от зеркала третьего, поставленного против солнца. И у этой

сущности он увидел тот же блеск и наслаждение, как и у сущностей прежних.

И не переставал он усматривать в каждой небесной сфере самостоятельную сущность, изъятую от материальности, не являющуюся ни какой-либо из сущностей предыдущих, ни чем-нибудь от них отличным, но как бы образом солнца, отражающимся от одних зеркал в другие, расположенных в порядке расположения небесных сфер.

И у каждой из этих сущностей он видел такую красоту, блеск, наслаждение и радость, которых «око не видело, ухо не слышало и не представлялось сердцу смертного».

И так дошел он до мира Бытия и Уничтожения, состоявшего из содержимого лунной сферы. У него он также увидел сущность, свободную от материи, также не являющуюся ни одной из сущностей, виденных им прежде, но и ничем отличным от них. И было у этой сущности 70 тысяч лиц, и у каждого лица 70 тысяч уст, и в каждых устах 70 тысяч языков, славивших сущность Единого, Истинного и благословлявших и славословивших неослабно. В ней, считавшейся у него множественной, но не множественной на самом деле, он увидел такое же совершенство и наслаждение, какое видел и у предшествовавших сущностей. И была она как бы образ солнца, отражающийся в колышущейся воде, принявшей этот образ как отражение от другого зеркала, получившего его через ряд зеркал, расставленных в прежнем порядке, от зеркала первого, обращенного к самому солнцу.

Потом обнаружил он, что и сам он владеет самостоятельной сущностью. Если бы возможно было разделить сущность семидесяти тысяч лиц, то она, сказали бы мы, была бы частицей этой сущности. И не будь эта сущность возникшей после своего небытия, то, сказали бы мы, она и есть сущность мира Бытия и Уничтожения. И если бы она не получила в собственное обладание его тела при его возникновении, то можно было бы сказать, что она не возникла.

Он видел на той же ступени другие сущности, подобные его, принадлежавшие телам, которые существовали, а потом исчезли, и телам, существовавшим одновременно с ним. Он видел их беспредельно множественными, если можно сказать, что они множественны, или всех их чем-то единым, если можно их назвать едиными. Он видел в своей сущности и в сущностях, находившихся на одной

с ней ступени, такую беспредельную красоту, блеск и наслаждение, которых «око не видело, ухо не слышало и не представлялось сердцу смертного». И не смогут их описать даже люди, владеющие искусством описания, разумеют их только те, кто достиг и познал их.

Он видел много сущностей нематериальных, похожих на зеркала заржавленные, покрытые грязью и повернутые сверх того спиной к зеркалам полированным, отражающим образ солнца, отвернувшиеся от них. Он увидел в этих сущностях такую мерзость и недостатки, о которых никогда он и не помышлял. Он нашел их в бесконечных страданиях и в непрекращающейся скорби, испытывающими муки и сжигаемыми огнем разлуки с Существом, необходимо сущим. Помимо этих мучимых сущностей, он видел сущности то появлявшиеся, то исчезавшие, то сгущавшиеся, то рассыпавшиеся. Он остановился на них и внимательно их исследовал. И испытал он волнение огромное, увидав вещи великие, созидание в кипении и устройство поразительно искусное, соразмерность, соединение и разъединение.

Но недолгое время был он в таком состоянии. К нему вернулись чувства, и он пришел в себя от этого состояния, похожего на обморок. Ноги его скользнули с этой стоянки, пред ним предстал мир чувственный и скрылся мир божественный, так как соединение их в один и тот же момент невозможно. Ибо мир здешний и мир будущий — как бы две жены: если ты удовлетворил одну, то разгневал другую.

Если ты скажешь: «Из того, что ты рассказал об этом созерцании, ясно, что отдельные сущности, раз они принадлежат телу, вечно существующему, не уничтожающемуся, вроде небесных сфер, также будут вечными, а если они принадлежат телу, идущему к уничтожению, вроде разумного животного, то и они также уничтожаются, исчезают, гибнут согласно с твоим примером об отражающих зеркалах. Ведь образ существует только, поскольку существует зеркало; если уничтожается зеркало, то и образ непременно гибнет и пропадает».

В таком случае я отвечу: «Как скоро забыл ты уговор и нарушил союз! Разве мы не предупреждали тебя, что арена объяснений тесна и слова обязательно впутают нечто не являющееся истиной. В такую недоверчивость ты был вовлечен только тем, что не видел раз-

личия между тем, что сравнивают, и тем, с чем сравнивают».

Но этого не следует делать и в обычных словопрениях, тем более это недопустимо здесь. Ведь и солнце и свет его, и образ и фигура его, и зеркала и образы, возникающие в них,— все это нечто неотделимое от тел, нечто существующее только через них и в них, нуждающееся поэтому в них для своего существования и уничтожающееся с их уничтожением.

Что же касается до сущности божественных и духов верховных, то все они непричастны к телам и ко всему, связанному с ними, совершенно свободны от них, так что у них нет никакой зависимости и никакой связи с телами. Для них безразличны гибель тел и их существование, бытие и небытие их. И единственная связь и зависимость существует у них только по отношению к сущности Единого, Истинного, Существа, необходимо сущего, который есть первый из них, есть начало и причина их, вызвавший их к существованию, тот, кто дает им длительное существование и поддерживает их вечным и бесконечным бытием.

Они не нуждаются в телах, но тела нуждаются в них. Если бы прекратилось их бытие, то перестали бы существовать и тела, ибо сущности эти суть начала их, как равно если бы можно было прекратиться сущности Единого, Истинного, Высочайшего, Чистого от такого предположения (нет Божества кроме него!),— то перестали бы существовать и все эти сущности, прекратилось бы существование тел, и совершенно погиб бы мир чувственный, и не осталось бы ничего существующего, так как все связано между собой.

Но мир чувственный хотя и следует за миром божественным наподобие его тени, в то время как мир божественный не зависим и свободен от него, однако невозможно признать прекращение бытия именно потому, что он следует за миром божественным и его расстройство может быть только изменением, но никогда не становится полным небытием. Об этом повествует и Книга Святая там, где она говорит, что горы задвижутся и сделаются подобными хлопьям шерсти, а люди — бабочками, что солнце и луна облекутся во мрак, и образуются моря «в тот день, когда земля превратится в нечто другое, чем земля, как равно и небеса».

Вот все те указания, которые я счел возможным дать

тебе относительно того, что видел Хайй ибн Якзан на этой благородной стоянке. Не проси же прибавить слов к этому — это невозможно. Что же касается завершения его истории, то я тебе ее расскажу.

Вернувшись в мир чувственный после совершенного им странствования, он возымел отвращение к заботам здешней жизни, и влечение его к жизни дольней усилилось. И начал он искать возврата снова на эту стоянку такими же средствами, как и прежде, пока не достиг ее с меньшими усилиями, чем в первый раз. Пробыв на ней время более долгое, чем раньше, он снова вернулся в чувственный мир. Затем он задался целью опять приблизиться к ней, и теперь было это ему легче, чем в первый и второй раз, и оставался он на ней еще дольше. И не переставал он приходить на эту благородную стоянку, и все легче удавалось это ему, и все дольше оставался он на ней. Наконец достиг он того, что приходил на нее и уходил с нее, только когда хотел.

Он привязался к ней и покидал ее только в силу потребностей тела, которые он все ограничивал, пока не осталась только самая малая часть их. Но он все желал, чтобы Господь, Великий и Славный, освободил его совершенно от тела, которое принуждает его покидать эту стоянку, дабы он мог вечно отдаваться своему наслаждению и избавиться от этих страданий, которые он встречал, расставаясь с ней и возвращаясь к телесным потребностям.

В таком положении он существовал до перехода за седьмую седьмицу своей жизни, то есть до пятидесяти лет. И вот тут он случайно сошелся с Асалем. История их сейчас будет рассказана, если то угодно Господу.

Расказывают, что на остров, где по одной из двух различных версий родился Хайй ибн Якзан, переселилась одна из правоверных религиозных общин, заимствовавшая учение свое от некоего из древних пророков (да будут молитвы Аллаха над ними!). Эта община выражала все истинно существующее притчами, которые создавали отражение вещей и укрепляли их образы в душах, как это происходит на проповедях к простому народу. Учение этой общины все распространялось по этому острову, усиливалось и обнаруживалось все более определенно, пока наконец не принял учения повелитель острова и не заставил свой народ также принять его.

А на этом острове жили двое юношей из людей достойных, с благими стремлениями. Одного из них звали Асаль, а другого Саламан. Узнав про эту общину, они горячо приняли ее учение и стали следовать всем законам во всех делах своих, действуя в этом дружно. По временам они рассуждали о выражениях этого учения о Господе, Великом и Славном, об ангелах его, о воскресении из мертвых, награде и наказании.

Что касается Асаля, то он обладал большой способностью погружаться в сокровенное, схватывать духовное понятие и склонностью к толкованию. Саламан же более держался ясного смысла и был очень далек от толкований и остерегался самостоятельных трактовок и исследований. Оба они усердствовали во внешних обрядах, постоянно следя за собой и укрощая желания свои.

В этом законе были поучения, побуждавшие удаляться от мира и уединяться, указывавшие, что в этом лежит спасение и освобождение. Но были и другие поучения, склонявшие к общению и дружбе с людьми. Асаль почувствовал склонность к поискам уединения, и наставление об этом получило перевес у него, так как по своей природе он был склонен постоянно размышлять, толковать окружающее и погружаться в отвлеченные понятия. Наиболее благоприятную обстановку для этого ему удавалось найти в уединении.

Саламан же любил связь с обществом, и у него взяло перевес поучение, говорившее об этом, так как по природе он боялся размышлять и действовать самостоятельно. Связь с обществом была в его глазах средством не быть искушенным, отстранить скверные мысли и убежищем от дьявольских наущений. Это разногласие во мнениях было причиной их отдаления друг от друга.

Как-то прослышал Асаль об острове, на котором, как говорили, родился Хайй ибн Якзан, узнал о его плодородии, угодьях и умеренном климате и подумал, что, уединившись на нем, он найдет то, что искал. Тогда он решил переправиться на этот остров и провести там, в удалении от людей, остаток дней своих. Собрав все свое имущество, он истратил часть его на наем судна для переправки на тот остров, остальное разделил между бедными, простился со своим другом и отправился в путь по водному лону. Матросы привезли его к тому острову, высадили на берег и там расстались с ним.

И Асаль остался там, поклоняясь Господу, Великому

и Славному, величая и славословя его, размышляя о его прекрасных именах и высоких свойствах. Ничто не прерывало его мысли и не нарушало чистоты его размышлений. Когда он чувствовал потребность в пище, он утолял голод плодами, бывшими на этом острове, и мясом пойманных животных.

И так провел он долгое время, пребывая в полном счастии и величайшей радости от тайного собеседования с Господом своим. Каждый день он видел от него такие милости и такие ценные дары, находил такое содействие в добывании пищи, что все это укрепляло его уверенность и освещало его взор.

А Хайй ибн Якзан в это время был глубоко погружен в свои высшие стоянки и покидал пещеру только раз в неделю для того, чтобы принять какую придется пищу. Поэтому Асаль и не натолкнулся на него сразу. Даже потом, когда он ходил вокруг по берегу этого острова и бродил по его окраинам, он не встречал никакого человеческого существа и не видел никакого следа. И благодаря этому довольство и искренняя радость его усилились, так как он достиг того удаления и уединения, найти которое намеревался.

Но вот случилось однажды, что Хайй ибн Якзан вышел за пищей, а Асаль также пришел в ту часть острова, и взоры их встретились. Асаль не сомневался, что это один из благочестивых отшельников, попавших на этот остров в поисках уединения, как попал и он сам. Он побоялся подойти к нему и познакомиться с ним, чтобы не нарушить своего одиночества и не помешать своему уединению.

Что же касается Хаййя ибн Якзана, то он не знал, что это за существо, так как не видел в нем облика какого-нибудь из животных, виденных им раньше. Про черную рубаху из волос и шерсти на Асале Хайй подумал, что это его природный покров. Он долго стоял пораженный тем, что видел.

Но вот Асаль повернулся и побежал от него, боясь, что он отвлечет его от обычного состояния, а Хайй ибн Якзан направился по его следам, так как доискиваться сущности вещей лежало в самой его природе. Когда же Хайй увидел, что тот ускоряет свой бег, он остановился и спрятался, так что Асаль подумал, что он прекратил преследование и удалился.

Тогда Асаль начал молиться и читать, взывать и плакать, молить и рыдать, пока это не увлекло его совершенно. А Хайй ибн Якзан стал подходить к нему все ближе, в то время как Асаль и не подозревал о нем, пока не приблизился к нему так, что мог слышать его чтение и славословие и видеть его смирение и плач. Он услышал тогда приятный голос и размеренные звуки, каких не слыхал ни от одного из животных. Он присмотрелся к его виду и чертам и убедился, что облик его такой же, как и у него.

Тогда ему стало ясно, что рубаха, бывшая на нем, не есть его природная кожа, а только одежда, сделанная, как и его одежда. Видя же его смирение, его рыдание и плач, он не сомневался, что это обычно для тех, кому ведом Истинный. Он почувствовал расположение к нему и желание узнать, что с ним, что вызвало этот плач и рыдания. Он все приближался к нему, пока не почувствовал Асаль его присутствие и не побежал изо всех сил.

А Хайй ибн Якзан бросился по его следам и наконец догнал,— так как Господь одарил его силой и превосходством как в уме, так и в теле,— схватил и не давал ему двигаться далее. И когда Асаль увидел его,— а он был облачен в косматые шкуры диких зверей с шерстью, и волосы его были так длинны, что покрывали большую часть его тела,— увидел его стремительный бег, силу натиска, он почувствовал перед ним великий ужас. И начал он просить его смилостивиться над ним и умолять его словами, которых Хайй ибн Якзан не разумел и не понимал, что они значат, различая в них только оттенок страха. Тогда Хайй принялся успокаивать его звуками, которым научился у некоторых животных, клал руку на голову ему, гладил и ласкал его бока, выказывая свою радость и довольство так, что наконец Асаль успокоился и понял, что тот не желает ему зла.

Как-то давно, из любви своей к знанию, Асаль изучил большинство языков и достиг в них искусства. И начал он теперь разговаривать с Хаййем и расспрашивать его на всех известных ему языках, прибегая ко всем ухищрениям, чтобы тот понял его, но ничего этим не достиг. А Хайй ибн Якзан между тем все продолжал удивляться слышанному, ничего не понимая, и только выказывал радость и приветливость.

Так смотрели они с удивлением друг на друга. А были у Асаля остатки провизии, захваченной им с обитаемого острова, и он предложил ее Хаййю ибн Якзану. Но тот не знал, что это такое, так как не видал этого прежде. Тогда Асаль поел ее и знаками указал, чтобы он сделал то же самое. Но Хайй ибн Якзан подумал о тех условиях принятия пищи, которые он сам себе поставил, и, не зная происхождения вещей, предложенных ему, и того, позволительно ли ему принять их или нет, отказался от еды.

Асаль же не переставал просить и упрашивать его. Тогда, побуждаемый любовью, пробудившейся к нему, и страхом, что, упорствуя в своем отказе от пищи, он вызовет нерасположение угощавшего его, Хайй ибн Якзан взял пищу и стал есть. Когда же, попробовав и обнаружив сладость еды, он понял, как дурно поступил, нарушив свой запрет относительно пищи, он раскаялся в своем поступке и решил удалиться от Асаля, предаться своему занятию и стремиться снова достичь своей высшей стоянки.

Однако состояние созерцания не наступало и не возвращалось к нему. И тогда он решил остаться с Асалем в чувственном мире, пока не узнает достоверно сути его дела, пока не освободится сам от влечения к нему и не сможет удалиться на свою стоянку, в которой ничто не будет отвлекать его. И стал он дружить с Асалем.

Последний же, видя, что Хайй ибн Якзан совершенно не говорит, почувствовал, что общение с ним не принесет вреда его религии, и возымел надежду научить его речи, науке, религии и получить чрез это высшую награду Господа. И начал Асаль обучать его речи, сначала показывая ему самые предметы и называя их по именам, потом повторяя слова и заставляя его произносить их. И Хайй ибн Якзан произносил слова, указывая на предметы, и таким образом Асаль научил его названиям всех вещей и мало-помалу в очень короткое время довел его до полного владения речью.

И стал спрашивать его Асаль, кто он и откуда пришел на этот остров. Тогда Хайй поведал ему, что он не знает ни своего происхождения, ни матери, ни отца, никого, кроме газели, вскормившей его. Он описал ему всю свою жизнь и как он постепенно возвышался в знании, пока не дошел до степени соединения.

И вот, когда Асаль услышал от него описание этих истин и сущностей, отдельных от чувственного мира, знающих о сущности Истинного, Великого и Славного, описание сущности самого Всевышнего и Славного с его совершенными свойствами, а также описание, поскольку это можно описать, тех наслаждений людей, достигающих соединения, и страданий отдаленных от Бога, которые он пережил в соединении своем с Богом,— не усумнился тогда Асаль, что все то, трактовавшее о Боге, Великом и Славном, об ангелах, писаниях и посланниках его, о последнем дне, рае и адском огне, что вошло в его закон,— все это символы того, что воочию созерцал Хайй ибн Якзан.

И открылся взор его сердца, и воспламенился огонь его мысли, и совпали в глазах его предание и разум. Доступны стали ему тогда пути толкования, и не осталось ничего темного неразъясненным для него в законах божественных, ничего закрытого — не открытым, ничего скрытого — не ставшего явным. И вошел он в число мудрых. На Хаййя стал он теперь смотреть с уважением и почитанием и проникся уверенностью, что он из избранников Божиих, тех, «над кем нет страха и кто не испытывает печали». И стал он служить ему и руководствоваться его примером и указаниями в спорных делах религиозного закона, который изучил он в веровании своем.

А Хайй ибн Якзан начал, в свою очередь, выспрашивать его о нем самом, о его делах. И Асаль описал ему свой остров и его население, как жили они до принятия религии своей и как живут теперь, приняв ее. Рассказал он ему также все, что говорит предание о Мире божественном, рае, огне адском, о воскресении из мертвых, о сборе людей после него, о расчете в день Страшного суда, о весах и о праведном пути.

И Хайй ибн Якзан уразумел все это и не видел в этом ничего противоречащего тому, что он созерцал на своей высшей стоянке. Тогда он признал, что тот, кто описал и сообщил это, был точен в описании и правдив в слове своем, что он — посланник от Господа своего. Он уверовал в него, признал правду его и исповедовал посланничество его. Затем он стал расспрашивать о заповедях, принесенных им, и обязательных обрядах поклонения, им установленных.

И Асаль рассказал ему о молитве, обязательной ми-

лостыне, посте, паломничестве и других внешних обрядах. Все это Хайй ибн Якзан воспринял и последовал этому и принялся выполнять, руководствуясь повелением изрекшего их, в правдивости которого он был твердо уверен. Только две вещи, поразившие его, остались у него в душе, мудрость которых он никогда не мог постичь.

Одна из них была такова: почему посланник в большинстве случаев при описании Божественного мира пользовался притчами? Почему воздерживался он от ясного раскрытия, так что люди впали в тяжкий грех придания Богу телесных свойств и уверовали относительно сущности Истинного во многое такое, от чего он свободен и к чему он непричастен? То же самое — и относительно награды и наказания.

Вторая заключалась в следующем: почему он ограничился преподанием заповедей и обязательства в религиозных обрядах, почему разрешил стяжать имущество и дал полный простор в еде, так что люди предались пустым занятиям и отвратились от Истинного? По его же собственному мнению, каждый должен брать лишь столько пищи, сколько ему необходимо для поддержания жизни. Что же касается богатств, то они не имели для него никакого значения. Он видел предписания закона, относившиеся к ним, например, об обязательной милостыне и видах ее, о купле, лихоимстве, о мерах ограничения и наказания, и все это казалось ему странным, все казалось излишним.

Он сказал себе: если бы люди поняли истинную сущность вещей, то, конечно, они отвернулись бы от этих пустяков и обратились бы к Истине, и все это стало бы им ненужным, ибо тогда ни у кого не было бы частной собственности, с которой спрашивают узаконенную милостыню и за воровство которой отрубают руки, а за открытый грабеж лишают жизни. Мыслил же он так потому, что полагал, что все люди обладают высокими врожденными свойствами, проницательным умом, твердой душой. Он не знал об их вялости, недостатках, скудоумии и слабоволии, не знал, что они «как скот, нет, более чем скот, сбились с дороги».

Когда он почувствовал к ним сильное сострадание и желание принести спасение своими руками, в нем пробудилась мысль пойти к ним и раскрыть и разъяснить истину пред ними. Он посоветовался с другом своим

Асалем и спросил, есть ли для него средство добраться к тем людям. Асаль рассказал про порочность их природы и про их отвращение от повелений Бога, но он не понимал этого и привязался душой к своей мечте.

Тогда Асаль проникся желанием, чтобы Господь направил через его посредство на правый путь некоторых его знакомых, расположенных к этому руководству и стоявших ближе к спасению, чем другие, и стал оказывать содействие его намерению. Тогда они решили оставаться на морском берегу и не покидать его ни днем, ни ночью, ожидая, что, может быть, Господь предоставит им возможность перебраться через море. И они неуклонно выполняли это, смиренно вознося молитвы к Господу, Великому и Славному, дабы он устроил им их праведное дело.

И вот случилось по воле Господа, Великого и Славного, что один корабль сбился в море с пути, ветры и течение волн прибили его к берегу того острова. Приблизившись к суше, корабельщики увидели двух людей на берегу и подошли к ним. Асаль вступил с ними в разговор и начал просить взять их обоих с собой. Те согласились на это и пустили их на корабль. И Господь послал им добрый ветер, который привел корабль в кратчайшее время к желанному им острову. Они вышли на него и взошли в город.

К Асалю тогда собрались друзья его, и он рассказал им историю Хаййя ибн Якзана. Они обступили его со всех сторон плотной толпой, дивились его приключению, выражали ему свое уважение и почитание. Тогда Асаль сообщил ему, что эти люди наиболее понятливы и сметливы и что, если ему не удастся научить их, то еще меньше надежды научить простой народ. А повелителем этого острова и старшим на нем был друг Асаля — Саламан, тот, который стоял за связь с обществом, а уединение рассматривал как нечто запретное.

И начал Хайй ибн Якзан поучать их и открывать им тайны премудрости. Но едва он поднялся немного над вещами, всем известными, и приступил к описанию того, что прежде они разумели превратно, как они начали отстраняться от него, чувствовать отвращение к его словам и ощущать недовольство в сердцах, хотя на лицах и показывали расположение из уважения к нему, как к чужестранцу, и из почтения к другу его Асалю.

А Хайй ибн Якзан не переставал ласково поучать их и днем и ночью, объясняя им истину и тайно и явно. Но они все больше бежали и удалялись от него. И ведь при всем том они любили добро и стремились к истине, но по недостаточности своей природы не домогались ее верным путем, не брались за нее с правильной стороны и не искали ее верным путем, но, наоборот, желали познать ее обычным людским способом. И он отчаялся исправить их и оставил надежду быть воспринятым ими.

Тогда он стал исследовать разные сословия людей и увидел, что «каждая ее часть довольна тем, что находится пред ней», «они делают божеством своим страсти свои», и поклоняются предметам желаний своих, и губят друг друга, собирая тленные мирские блага. «Их забавляет умножение богатств, пока в конце концов не совершают они паломничество на кладбище». Не действуют на них увещания, не трогают их добрые речи, а спор с ними только увеличивает их упорство. Заказаны для них пути к мудрости и нет для них доли в ней, ибо они потонули в невежестве. «Как ржавчина на сердцах их то, что они стяжали». «Запечатал Господь сердца и слух их, а глаза их затянул покров. Великое наказание ожидает их».

И он увидел полог наказания, окружавший их, и мрак завес, скрывавших их, и что все они, за малыми исключениями, берут из религии своей только относящееся к миру сему, а дела, предписываемые ею, как бы удобны и легки они ни были, они «швыряют за спину и продают по дешевой цене»; что «отвлекает их от упоминания Господа Всевышнего купля и продажа, и не боятся они того дня, в который перевернутся сердца и очи».

Тогда ему стало ясно и он окончательно убедился, что беседовать с ними путем раскрытия глубинных истин невозможно и возлагать на них исполнение более высоких действий неосуществимо; что главная польза для большинства людей в божественном законе ограничивается их настоящим существованием, чтобы привольно текла жизнь человека и чтобы не враждовал с ним никто другой из-за вещи, принадлежащей только ему.

Счастья же будущего достигнут из них только очень немногие, те, «кто желает будущей жизни и делает боль-

шие усилия, чтобы добиться ее, тот, кто верует». «Но кто несправедлив и предпочитает жизнь здешнюю, тому обиталищем будет геенна».

Что может быть тягостнее и злополучнее, чем вид человека, среди дел которого, если обозреть их с момента пробуждения до времени возврата ко сну, не найдется ничего, кроме стремления приобретать самые чувственные и гадкие вещи: стяжание богатств, поиски наслаждений, удовлетворение страстей, утоление гнева, получение должностей, выполнение религиозного обряда, или все то, что позволяет ему тщеславиться или охраняет особу его? И все это — «мрак, один выше другого в глубоком море». «И никто из вас не минует его. Таков окончательный приговор Господа твоего».

Когда он понял, в каком положении находились люди и что большинство из них подобно неразумным животным, он убедился, что вся мудрость, все руководство и содействие заключаются в словах посланников и в содержании божественного закона и что ничто другое невозможно и ничего нельзя к этому прибавить. Каждое дело найдет своего исполнителя и каждый легко исполнит то, для чего он создан. «Таково было поведение Бога по отношению к тем, кто ушел прежде. Ты не найдешь в поведении Бога никакого изменения».

Тогда он обратился к Саламану и его друзьям и просил не винить его за те речи, с которыми он обращался к ним, и простить их ему. Он объявил им, что отныне он мыслит так же, как и они, и руководствуется тем же, чем и они. Он заповедал им следовать тем постановлениям закона и тому внешнему образу действий, которым они следовали, поменьше погружаться в то, что их не касается, твердо верить даже и в смутные заветы, отвращаться от ересей и предметов, возбуждающих страсть, подражать благим предкам и бежать новшеств. Он наказал им сторониться того небрежения к божественному закону и увлечения мирскими благами, к которым склонен простой народ, и особенно предостерегал их от этого. Ибо теперь поняли они, он и друг его Асаль, что для этих простодушных и недалеких людей нет иного пути к спасению; что если и поднять их до высот умозрительного размышления, то разрушится то, чего они держались, но и степени счастливых достичь им будет не по силам. Они придут в волнение, смутятся и найдут недобрый конец.

Если же они останутся с прежними верованиями до самой смерти, то обретут спасение и найдут удел стоящих направо. «А находящиеся впереди? — они близко стоят [к богу]». Тогда простились оба они с людьми, и удалились от них, и стали выискивать средства вернуться на свой остров, пока Господь, Великий и Славный, не оказал им помощь, переправив их.

И стал Хайй ибн Якзан стремиться к своей высшей стоянке прежними средствами и вновь вернулся к ней, а Асаль подражал ему, так что достиг почти той же степени. И поклонялись они оба Господу на том острове до самой смерти.

Вот что — да укрепит тебя Аллах духом своим! — известно о Хаййе ибн Якзане, Асале и Саламане. В этом рассказе есть много таких вещей, каких ты не найдешь в книге и не услышишь в обычной беседе. В нем есть сокровенное знание, доступное только людям, познавшим Бога, и непонятное не признающим его. Мы отступили в этом от пути благих предков, дороживших этой тайной, скупых на нее. Облегчили же нам открыть эту тайну и прорвать завесу те скверные учения, появившиеся в наше время, которыми отличались так называемые философы века сего, так что они проникли и в другие страны и вред от них стал всеобщим. И мы побоялись за нетвердых людей, отбросивших авторитет пророков и ищущих авторитета глупцов и неразумных, как бы не подумали они, что следует посвящать в эти учения людей, не умеющих разобраться, и чтобы не увеличилась их любовь и привязанность к таким учениям. И решили мы сверкнуть перед ними хоть одной стороной этой тайны из тайн, дабы привлечь их к истине и отвлечь от того пути. Но мы не лишили совершенно эти тайны, доверенные нами сим немногим листкам, легкой завесы, которую быстро прорвет тот, кто достоин, но которая окажется непроницаемой и недоступной для того, кто не достоин эту завесу переступить.

Я же прошу братьев моих, читающих эти строки, принять извинения мои за легкость в объяснениях и широту в утверждениях. Я сделал это лишь потому, что поднялся на высоты, пред которыми слабеет взор, и хотел описать их приблизительно, дабы возбудить в людях желание и стремление вступить на ту же дорогу. Я прошу у Аллаха прощения и отпущения грехов, чтобы он ниспослал нам чистое знание о себе, ибо он Всемилостивый и Всеблагой. Мир же да будет с тобой, о мой брат, помогать которому мой долг, да будет с тобой милосердие Божие и его благословение.

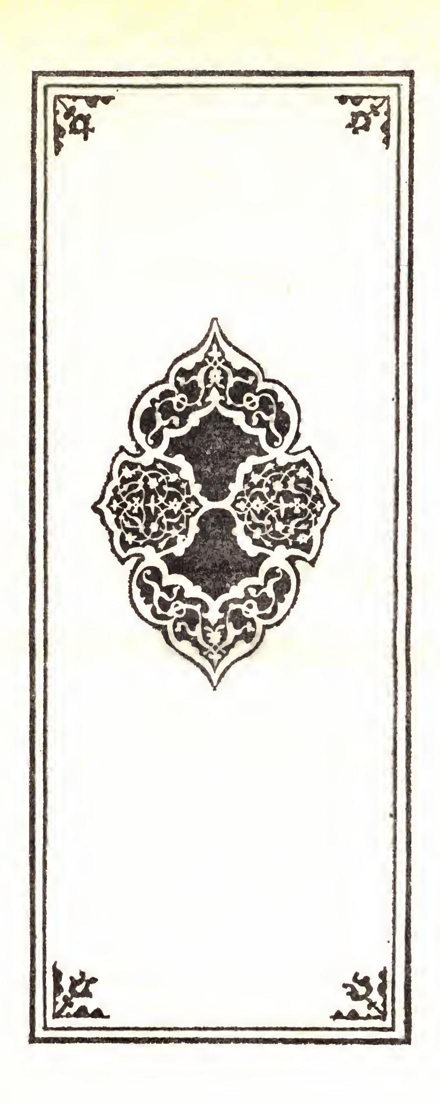

Рассказы о поэтах и катибах, вазирах и воителях

Перевод
Б. Я. Шидфар

Стихи в переводе
В. Б. Микушевича

Ибн Бассам

●

Из книги «Сокровищница достоинств жителей Андалусии»

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Говорит Абу-ль-Хасан Али ибн Бассам из Сантарена, что в Андалусии, да помилует его Аллах: «После восхваления Аллаха, кому подобает похвала и кто достоин ее, и после приветствия господину нашему Мухаммаду, последнему из пророков и лучшему из них, мы начнем. Поистине, самый высокий плод образованности и искусства речи — послание, в котором слова рассыпаны свободно, или стихи, что нанизаны в прекрасном порядке. Строки посланий подобны нитям дождя, изливающегося на лепестки цветов среди душистых лугов, а стихи — сходны с ожерельем, чьи бусинки нанизаны и крепко связаны друг с другом, переливаясь на груди красавицы.

В краях Андалусии вплоть до нашего времени не перевелись еще знаменитые мастера обоих видов искусства слова, доблестные рыцари и достойные имамы, чье мастерство прекрасно и благоуханно, словно мускус, и сверкает ярче самоцветов. Они умело начинают свою речь и красноречиво кончают ее, владея всеми видами слов по-

добно тому, как мрак овладевает веками того, кто истомлен бессонницей. Они будто выковали в горниле звезд жемчужины слов, диковинки прозы и стихов, так что смутили ночные светила своими блестящими посланиями и светоносными касыдами.

Если бы их творения узнал Бади аз-Заман, то забыл бы свое имя, а если бы Ибн Хиляль ас-Сули прочел их послания, то отдал бы им предпочтение. Если бы Кусайир услышал их стихи, то перестал бы восхвалять правителей и воспевать женщин, а если бы Джарваль аль-Хутайя познал их, то у него недостало бы сил, чтобы выть и лаять, произнося свои злые стихи.

Люди наших краев упорно стараются следовать во всем жителям Востока — они вновь и вновь повторяют их старые истории, желая заслужить одобрение и награду, словно законоведы, ссылающиеся в своих хадисах на праведного Катаду. Дело дошло до того, что если в землях Востока каркнет ворона или в пустынях Сирии и болотах Ирака прожужжит муха, то в Андалусии эти звуки станут столь сладостными для слуха, что мои земляки падают ниц в умилении, словно преклоняясь перед идолом и моля его о спасении. Они сразу запоминают это каркание и жужжание и будут повторять его, читая нараспев, как священную книгу, хотя дивные истории и всем известные стихи жителей восточных стран в наше время не более чем падение стрелы, пролетевшей мимо цели, или привал выбившейся из сил верблюдицы. Они уже не тешат ни душу, ни разум и не дают простора ни языку, ни руке.

И возмущенный такой несправедливостью, решил я не потворствовать заблуждениям и собрать все сокровища и диковинки речи поэтов и катибов своего времени, которые мне удастся найти, ревнуя о чести своей родины и не желая, чтобы ее сверкающие ночные светила представали бы в виде бледных полумесяцев, а прекрасные моря казались бы лужами с загнившей водой. Ведь в Андалусии столько видных ученых и поэтов были забыты, и их знания и мастерство не были оценены по достоинству, так что можно сказать, что они умерли раньше своей смерти. О, если бы знать, кто это придумал, будто знания могут существовать только в определенное время, о, если бы ведать, кто первым отдал предпочтение жителям Востока над мусульманами Запада?!

Я включил в этот сборник, который назвал «Сокровищница достоинств жителей Андалусии», диковинки прозы и стихов, что звучат слаще клятв влюбленных при свидании, и слушать их приятнее, чем звуки лютни во время пиршества, когда подносишь к губам благовонный напиток. Ведь андалусцы искони были прославленными ораторами, искусными катибами и вдохновенными поэтами. Стихи их переливались, искрясь, и моря почитали их своими друзьями, они восходили на небосклоне, состязаясь в блеске с солнцем и луной. Их речи были нежными, словно дуновение ветерка, и крепкими, как гранитная скала. Абд аль-Джалиль ибн Вахбун, один из наших славных поэтов, сказал, описывая свои стихи:

Вершины горные чаруя и плодородные долины,
Мой стих воркует, словно голубь, но у него полет орлиный.

И красноречию жителей Андалусии не преграда то обстоятельство, что они постоянно отражают натиск врагов, и то, что их родина — последняя из стран, завоеванных мусульманами, где арабы совершали свои славные подвиги. И впереди нас, и позади нас — только океан, румы и готы. Для тех, кто находится в подобном положении, и камешек кажется горой Сабир, и лужа грозит разлиться безбрежным морем.

Рассказывал Абу Али аль-Багдади аль-Кали, который посетил Андалусию во время правления рода Марванидов: «Когда я приехал в Кайруан, то мне показалось, что чем дальше еду я, тем меньше понимают меня люди в тех странах и городах, мимо которых я проезжал, тем они глупее и невежественнее. И я сказал себе: «Если жители Андалусии окажутся еще более дикими и косноязычными, то мне понадобится толмач». Но нам-то известно, как восхвалял Абу Али моих земляков после того, как познакомился с ними и узнал их ум и проницательность в долгих диспутах и беседах...

Аллаху всевышнему ведомо, что составил я эту книгу, когда сердце мое было истомлено бедами, а мысли смешались, когда судьба стала переменчивой, меняясь, как изменяются цвета хамелеона, когда я был разлучен со своей родиной — Сантареном, что лежит в дальней западной стороне и был сломлен врагом, как ломается копье на войне. Душа моя полна страха после того, как пропало все, что

я унаследовал, и все нажитое мною пошло прахом. Погибло великое и малое, тайное и явное под пятой врагов, хлынувших с западных берегов в наши родные края, где доселе благосклонная судьба хранила нас от всякого зла, ибо готовность и осторожность, которую мы держали наготове, спасала нас от поражения и горестных скитаний.

Но теперь румы рассеяли нас, после того как мы были едины, словно нанизанное ожерелье, и о нас можно сказать, как говорится в пословице: «Если куропатку оставить хоть ночью в покое, она бы уснула». Когда же бедствия и страх усилились, я и мои спутники принялись плутать по бесчисленным дорогам в бесплодных пустынях, где очи видят не то, что слышит ухо, где встречаются лишь мучения и горькие испытания:

Пустыни, где волка душа покидает в блужданье бесцельном,
Где ворону крылья не служат в полете смертельном.

Наконец избавился я от скитаний, и мне повезло, как везет луне в конце месяца или игроку, когда выпадают пустые кости, и я попал в славный город Севилью, прозванный Химсом, полумертвый от страха и болезней, с разбитой и ослабевшей душой. Но и там я плутал долгое время, прикрываясь вместо крыши тенью от облака, но не имея силы покинуть город, словно голубка, привязанная к своему гнезду. Моим другом было одиночество, а моей пищей — остатки с чужого стола,— ведь образованности и ее ценителей в Севилье меньше, чем верности, а образованный человек там пропадет, словно месяц среди зимних дождевых туч. Человека там ценят не по уму, а по деньгам, и примером для всех горожан служат богатые невежды. Там достаточно сохранить в целости и неприкосновенности достаток, честь же пускай будет с ущербом. Хоть и зол и нечестив богатый, но добром здесь почитают лишь серебро и злато...

Когда же меня попросили составить эту книгу и я убедился в том, что люди охотно прибегают к ее свету, радуясь даже искрам ее огня, то захотелось мне, чтобы мое сочинение стало странствовать по свету, прославив имя мое и того, для которого эта книга была составлена. Ибо это товар, который продадут на любом рынке, и дай бог, чтобы за него дали достойную цену...»

Рассказы о вазирах, катибах и поэтах, прославившихся на земле Андалусии

РАССКАЗ ОБ ИБН ДАРРАДЖЕ АЛЬ-КАСТАЛЛИ

Говорит Ибн Бассам: «Абу Омар аль-Касталли был в свое время похитителем всех дум жителей Андалусии, и когда они перебирали имена своих поэтов, то первым называли его, а прочих считали лишь его знаменосцами. Он был украшением земли и небес, примером для всех катибов и поэтов, их гордостью и славой, с него начинались и им кончались все восхваления, а его проза и стихи светили, словно солнце, и в ближних городах, и в дальних селениях и были поддержкой каждому отчаявшемуся и потерявшему надежду. Он был одним из тех, перед чьим величием сокращались дальние расстояния, так что Сирия и Ирак считали его близким и постоянно упоминали о нем...

Говоря о нем, Ибн Хайян дивился превратностям его жизни и воздавал должное его великому таланту. Он рассказывает: «Абу Омар аль-Касталли всегда выходил первым в состязаниях поэтов, восхвалявших правителей рода Бану Амир, он глава искусных мастеров слова во всей Андалусии. Он был из тех, кого изгнала из родного дома великая смута, принудив его отправиться в поисках свежего пастбища и привольной жизни, и потому он пользовался гостеприимством всех царей Андалусии, от Альсиры до Сарагосы, что лежит на северной границе. Он пытался растрогать каждого из своих покровителей, прося о помощи и поддержке в горе и бедности, но никто не прислушался к его словам и не воздал ему должного, так что платили ему дешево за дорогое. Он пытался про-

будить в них сострадание своими словами, красноречивыми и величественными, как шум листвы столетнего дуба, но были глухи они к его речам. И так было до той поры, пока не прошел он мимо цветника славы, взращенного Мунзиром ибн Яхьей, эмиром Сарагосы. Здесь аль-Касталли оставил посох странника, найдя гостеприимный приют, и эмир приветил и почтил его. После этого он оставался у Мунзира ибн Яхьи, восхваляя его, а затем и его сына, возвеличивая их славу, пока не ушел дорогой, по которой пройдет каждый из нас...»

Сказал аль-Касталли, описывая прощание с женой и маленьким сыном, и я считаю, что стихам этим нет равных и подобных:

Она подошла ко мне проститься в горькой печали,
И тяжко было внимать отчаянному рыданью.

Любовью нашей меня она в слезах заклинала,
А в люльке лежал наш сын, взывающий к состраданью.

Не знает он слов еще, однако жалобный лепет
Растрогал бы всех и вся, любому внятен созданью;

Мой самый жестокий враг младенца на руки взял бы,
Его немую мольбу почтив невольною данью;

Кормилицы для него нашлись бы везде и всюду
И нянчили бы его, верны своему призванью.

Моя душа за него взволнованно заступалась,
А я в безнадежный путь пустился раннею ранью.

Разлука меня влекла, раскинув мрачные крылья,
Превыше которых страх, столь свойственный расставанью.

Со мной простилась жена, в решимость мою поверив,
А я в душе ревновал ее к моему дерзанью.

Увидела бы она мой путь, где марево пляшет
И где обрекает зной губительному терзанью!

Полдневный мучает жар, вечерний жар предвещая;
И как противостоять подобному истязанью?

Горючий песок топчу, как будто песок вскипает,
А воздух лишь поутру подвержен похолоданью.

Услышав, как свищет смерть, порою вздрогнет отважный,
И страх в этот миг не чужд его самообладанью.

Он сказал также:

Посмотри на небеса: ночь воистину черна;
В этих черных волосах Млечный Путь как седина.

Полюс блеском окружив, звезды двинутся во тьме,
Словно в дружеском кругу кубки, полные вина».

РАССКАЗ О КАТИБЕ И ВАЗИРЕ АБУ-ЛЬ-МУГИРЕ АБД АЛЬ-ВАХХАБЕ ИБН ХАЗМЕ

Говорит Ибн Бассам: «Я выбрал кое-что из прозы и стихов Абу-ль-Мугиры, которые получили наибольшую известность и которые всегда приводят, упоминая о нем. Абу-ль-Мугира был подобен острию меча или срединной бусине в ожерелье, он смело гарцевал на ристалище красноречия, занимая почетное место среди катибов своего времени. Он выделялся многими достоинствами среди других людей, ибо легко отличить острие копья от древка, и блистал так, как сияет луна на своих стоянках, и потому был увенчан всеми похвальными качествами и степенями красоты. В его устах и под его пером обычные слова становились известными пословицами и речениями.

Он вскормлен был державой Абд ар-Рахмана ибн Хишама аль-Мустазхира и под сенью ее возмужал и проявил свое дарование. Правитель вручил ему бразды власти, и Абу-ль-Мугира служил ему верно некоторое время, но потом Абд ар-Рахман разгневался на него за что-то, и Абу-ль-Мугира вынужден был бежать в одну из дальних областей, находившихся на границе. К тому времени он сумел проникнуть в сокровенные дела государей, как хулитель проникает в дела влюбленного, и общался с царями своего времени, как дружит вино с водой при смешении. И если бы он прожил дольше, то имя его было бы у каждого на устах, но его близкие друзья не признавали его превосходства и стали его врагами.

Ибн Хайян сказал о нем: «Когда Абу-ль-Мугира прибыл на границу, он был уже признанным мастером стиха и прозы. Он был катибом у нескольких правителей и пользовался их благосклонностью и щедростью,— ему

платили всегда звонкой монетой и прочими мирскими благами. Но он умер молодым, успев создать лишь несколько сочинений.

Он был во вражде с факихом Абу Мухаммадом ибн Хазмом, своим двоюродным братом, и не раз вступал с ним в споры, в которых побеждал своего соперника, заставляя его смутиться и умолкнуть, ибо был выше Абу Мухаммада в умении находить убедительные доводы и превосходил его умом и красноречием, а также красотой и остроумием. Он выделялся образованностью и изяществом речей на собраниях эмиров и царей, и ему принадлежало первенство и в серьезном споре, и в шутливой, веселой беседе. Он умел побуждать сильных мира сего выполнять свои обещания, щедро расточая золото и серебро, и сам был без страха, рыцарем золотистого копья и крепкого вина...»

Говорит Ибн Бассам: «Я приведу несколько примеров прозы Абу-ль-Мугиры. Вот отрывок из его послания, в котором он говорит о человеческих пороках и советует остерегаться общения с лжедрузьями:

«Да возвеличит тебя Аллах, поистине осторожность не даст недугу поразить тебя и измене одолеть тебя. И знай, что худший враг человеку — это он сам и весь род человеческий, а вовсе не змеи и не скорпионы, ибо нет среди животных ни одного, кто злобой своей уподобился бы человеку. Берегись же людей и не проявляй доброты к ним, постоянно будь осторожен, дабы «змея дважды не ужалила тебя из той же норы». Вспомни известную пословицу о том, что самое просторное место для игры — место между двумя опорами шатра, и знай, что умен лишь тот, кто побывал в каждой стране и повсюду находил пропитание и покровителя. А еще умнее тот, кто познал людей, хотя люди его не узнали до конца, и сумел избавиться от назойливого чужестранца и от лицемерного родича, кто нуждается и прибегает лишь к господу и к его светоносному разуму».

А вот что сказал Абу-ль-Мугира в другом послании:

«Земля расстелила свои одежды и раскинула плащ, она надела на себя разноцветную рубаху и повязалась драгоценным ожерельем. Роза развернула свои лепестки, и затрепетал луг от песни голубки, полной сердечной тоски. Деревья распустили пряди зеленых кудрей и качают головами, вторя ее воркованию. Мир просиял радостной улыбкой, и спрятался грустный и хмурый. Земля

рассыпает пригоршни пестрых цветов, а деревья несут тяжкую ношу спелых плодов, и это дивное зрелище для того, кто хочет сорвать их и отведать. Мы же можем судить о сладости их лишь по виду, а не по вкусу, их охватывает лишь наш глаз, а не ладонь, ибо сказано в пословице: «Видит око, да зуб неймет». Ведомо мне, что судьба уготовила людям множество удовольствий и наслаждений, но не меньше хранит она для них бед и лишений:

Мы убеждаемся, что в мире нет счастья, кроме наважденья,
Мы в жизни разве что прельщались, но не вкусили наслажденья».

РАССКАЗ ОБ АБУ МУХАММАДЕ ИБН ХАЗМЕ

Говорит Ибн Бассам со слов Ибн Хайяна: «Абу Мухаммад был сведущ в хадисах и фикхе, философии, риторике и генеалогии и во всем, что касается искусства слагать стихи и прозу. Он занимался также древними философскими учениями и был их великим знатоком, составил множество сочинений. Но он не свободен в них от ошибок и упущений, так как слишком увлекался всевозможными логическими построениями и вносил новшества в различные виды наук. Его противники утверждают, что тут-то он и оступился и поскользнулся, избрав во многих случаях неверный путь. Он выступал против Аристотеля, отца логики, так, будто не понимал положений его учения и не читал его сочинений.

В законоведении сперва он склонялся к учению Абу Абдаллаха ибн Идриса аш-Шафии и защищал это учение изо всех сил, отойдя ото всех прочих, так что наконец все посчитали его сторонником шафиитов. И потому стал он мишенью для нападок многих законоведов, которые обвиняли его в отходе от привычного и порицали за это.

А потом Абу Мухаммад изменил свои воззрения и примкнул к захиритам, избрав учение аз-Захири и его последователей, которых имеется множество в разных городах. Он разъяснял его сочинения и дополнял их, выступая в диспутах, а также составлял комментарии к ним...

Он никогда не смягчал своих слов, говоря всегда правду в глаза и не прибегая к иносказаниям, не наступал постепенно, а обрушивался на противника, словно падающая скала, и тем самым отвращал от себя сердца, ибо от слов его оставались неизгладимые шрамы. Он нападал на всех законоведов своего времени, и они возражали ему и единодушно признавали, что он заблуждается, преисполнившись к нему ненавистью. Опорочив его, они предупредили всех властителей, что Ибн Хазм еретик и смутьян, и запретили простым людям приближаться к нему и учиться у него. Цари Андалусии отвернулись от него, изгоняя из своих владений и отказываясь принимать его услуги. Дело дошло до того, что память о нем едва не стерлась на его родине, а окончил свои дни он в пустынной местности Ньеблы, да помилует его Аллах, в четыреста пятьдесят шестом году.

До конца дней своих Абу Мухаммад не отказался от своих убеждений и не выказывал раскаяния, как от него требовалось. Он щедро делился своими знаниями, находясь в изгнании и проживая в бедности, и к нему стекались люди из простонародья, желая получить от него свет его знаний. Это были малые мира сего, которые не опасались, что их будут порицать за близость к нему. Он же без устали беседовал с ними, обучал и наставлял их в науках, и все это время не переставал усердно трудиться над составлением новых сочинений, так что написанные им книги наконец составили целую ношу верблюда. Но большая часть этих трудов не перешла за порог его дома, ибо законоведы всячески настраивали против Ибн Хазма людей, жаждущих знаний, и даже приказали всенародно жечь некоторые его сочинения, а другие раздирать на части, предав их поношению. Но это заставляло Абу Мухаммада еще усерднее трудиться и еще упорнее спорить с противниками. И так он поступал до самой своей смерти...

Вот как описывает он в стихах сожжение своих сочинений по приказу эмира Ибн Аббада:

Нет, мыслей моих вам не сжечь, вы можете сжечь лишь бумагу,
А мысли таятся во мне, без них я в дороге ни шагу;

Куда ни поскачет мой конь, со мной не расстанутся мысли;
Я с ними хожу по земле, и с ними в могилу я лягу.

Не нужно рассказывать мне о том, как бумагу сжигали;
Храните науку мою, ведущую к вечному благу;

Вернитесь к началу начал, которое скрыто Аллахом;
В неведомом смысл находя, мудрец проявляет отвагу.

И сказал он также:

Науку с верхов начинать пристало только невежде,
Который, весь век суетясь в бесплодной, тщетной надежде,

Не зная надежных корней, привержен мнимым вершинам,
Себя мудрецом возомнил, а сам глупее, чем прежде.

Абу Мухаммад сказал, словно предвидя свою кончину и оплакивая себя:

Предвижу в глубине души, как возвестят мою кончину.
«Ибн Хазм почил»,— произнесут собратья, выразив кручину;

Заплачут верные друзья, враги злорадно засмеются;
Кто будет искренне грустить, кто будет лишь носить личину.

Я знаю, слезы потекут, и каждая горючим током
На человеческом лице оставит лишнюю морщину.

Аллах, помилуй ты меня, когда придется лечь в могилу,
Где предстоит найти приют вельможе и простолюдину.

Тогда пущусь я в дальний путь, оставлю радости земные;
Изведаю всем существом неотвратимую судьбину.

Когда бы только запастись мне в жизни добрыми делами,
И горе мне, когда без них я этот грешный мир покину».

Говорит Ибн Бассам: «Шейх Абу Мухаммад ибн Хазм был великим знатоком и умелым мастером в сочинении посланий и стихов, и в этом искусстве не было ему равных, ибо обладал он обширными познаниями, так что в его власти были все науки и искусства. Я не знал никого, кто быстрее его мог бы сложить стихи неожиданно, без всякой подготовки. Он написал множество стихов, и я собрал их, расположив в алфавитном порядке рифм. Приведу здесь некоторые из них:

Так, значит, судьбой зовется все, что мы в жизни встречали?
Уходят радости наши, и остаются печали.

Приятней было бы вспомнить мгновенные наслажденья,
Когда бы нашу отраду тревоги не омрачали.

Нас ждут великие муки, грозит нам день Возвращенья,
Когда мы все пожалеем, что нас на земле зачали.

Томят нас горькие думы, раскаянье угнетает,
А песни былого счастья развеялись, отзвучали.

О прошлом жалобно плачем, прельщаемся мы грядущим,
И сами потом не помним, как с жизнью нас разлучали.

И, разбередив былое, мы больше не понимаем,
Что сердцу слова сулили и что они означали.

Он прочел мне как-то свои стихи:

Пускай, на радость завистнику, я сплющен судьбою-молотом,
Достоинство сохраняется порой в алмазе расколотом;

В горниле, где жар свирепствует, и на голове властителя —
Всегда и повсюду золото останется чистым золотом.

Однажды я прочел его стихи, где он говорит о своей вере и о том, в чем видит истину, как подобает захириту:

Друг назойливый меня упрекает и корит:
«Почему твоя душа пламенеет и горит?

Видишь ты прекрасный лик, скрытого не распознав,
И решаешься сказать, будто страстью ты убит?»

Говорю в ответ ему: «Друг любезный, ты не прав,
Потому что для меня много значит внешний вид.

Очевидным дорожа, в явном истину ищу;
Верит собственным глазам убежденный захирит!»

РАССКАЗ ОБ ИБН ШУХАЙДЕ

Говорит Ибн Бассам: «Я расскажу здесь о вазире и катибе Абу Амире Ахмаде ибн Абд аль-Малике ибн Шухайде и приведу примеры его стихов и прозы. Абу Амир был шейхом Кордовы, нашей великой столицы, и ее славным мудрецом, и началом и концом ее высоких устремлений, источником ее чудес и основой жизни ее, составляющей самую суть, и его можно было назвать славным сыном славы нашей державы и чудесной диковинкой,

ниспосланной вращающимися небесами, усладой очей и чудом дней и ночей. Когда он вел веселые речи, казалось, воркует голубка, а когда случался серьезен, то слышалось рычание свирепого льва. Его стихи были нанизаны ровно и сверкали, словно ожерелье на прекрасной груди, а проза, казалось, благоухала мускусом и благовонной камфарой. Стоило ему произнести острое слово, и оно пронзало сердце, будто стальное острие копья, а если ему приходилось отвечать, то ответ его был быстрее взора, брошенного украдкой, и естественнее, чем дыхание.

О нем говорил Ибн Хайян: «Абу Амир достигал в словах заветной цели, не нуждаясь в долгих странствиях между красот речи. И если ты видел, как блестящ был плащ красноречия, сотканный Абу Амиром, то говорил: «Это Абд аль-Хамид нашего времени или воскресший аль-Джахиз».

Чудеснее и удивительнее всего было то, что Абу Амир владел своим дарованием одинаково свободно и в стихах, и в прозе, сочиняя и после раздумья, и без всякой на то подготовки, и вел речь разными путями красноречия, не прибегая к помощи книг и не нуждаясь в длительной подготовке. Как мне стало известно, когда он умер — да помилует его Аллах,— среди оставшихся книг не нашлось ни одной, которая помогла ему в его искусстве, так что был он обязан во всем лишь себе самому и своему необычному дарованию. Это лишь увеличивает восхищение теми чудесами красноречия, которые вышли из-под его пера. Он был сильнее всего в насмешках и острословии, и стихи его одобряются самыми строгими критиками. В них он стремился к естественности — и достигал своей цели.

Он создал множество посланий, веселых и шуточных, в которых читающий найдет колкие намеки и недвусмысленные иносказания. Среди посланий есть и короткие и длинные, однако все они столь остроумны, что навеки останутся в людских сердцах и будут еще долго жить после смерти Абу Амира. Поистине, этот человек был так находчив и красноречив, так остроумен и скор на ответ, и речи его были так изящны и легки, и описания так удачны, и нрав так приятен, что можно назвать его одним из чудес, созданных творцом. Но стал он жертвой лени и беспечности, из-за которой потерял и веру и мужество. Он был снисходителен к своим слабостям и страстям, потакая им, так что умалил свою честь и

полагал себя счастливым, предаваясь наслаждениям, не гнушаясь ни пороков, ни недостойных дел.

Однако это обстоятельство не мешало ему дать искренний и правильный совет всякому, кто обращался к нему за помощью и советом, а сам он никогда не поступал так, как подобало, и не следовал ничьим советам, ни своим собственным, ни чужим, хоть и осуждал себя он за свои недостатки. Абу Амир был необычайно щедр и гостеприимен, беспечен и добросердечен, и поступками своими он как бы облагородил расточительность и воздал честь беспечности, и таким оставался до самой своей смерти,— да помилует его Аллах!»

Говорит Ибн Бассам: «Я собрал отрывки из прославленных стихов и бессмертных посланий Абу Амира, некоторые его остроумные изречения, ставшие пословицами. И всякий, кто прочтет их или послушает, развеселится, почтенный человек будто вновь обретет юность, а старец вспомнит молодость, и каждому это станет во благо.

Так сказал Абу Амир ибн Шухайд, описывая пчелу, которую назвал «широкобедрая и полногрудая красавица с тонким станом»:

Можно лишь вообразить, как в полете до заката
Напряглись твои крыла, потому что ты крылата,

Хоть не видно мне твоих крыл в стремительном спиженье
На лугах, где для тебя изобилье аромата.

В чреве маленьком своем клад сладчайший ты скрываешь,
И копье твое разит сладкоежку-супостата.

Улетаешь на луга от людей небескорыстных;
Много меда у тебя, ядом также ты богата.

Приютить не грех тебя, грех к тебе вломиться силой,
Потому что улей твой — заповедная палата.

А вот что сказал Абу Амир в одном из своих посланий: «Он заставил уйти сомнения, открыв истину, из глубин своего сознания он извлек понимание собственных поступков, как поднимают воду из глубины колодца. Он разделил ночь на две части — одну для богоугодных дел, другую — для управления государством, а день он также разделил на две части: для поля боя, где скрещиваются мечи и копья, и для дивана, где сталкиваются советы и мнения. Взимая налоги, он выжал до последней

капли все источники доходов, словно доильщик вымя верблюдицы, и увлажнил землю, пролив вражескую кровь».

Он сказал также:

«Мы все еще почитаем самым прекрасным занятием и славным времяпрепровождением беседу за кубком, который для нас словно материнская грудь, нас все еще радует благоухание мирта, которое прилетает к нам с утренним ветерком, нас все еще опьяняет охота на склонах пологих холмов или вблизи цветущих речных берегов, а ведь старость разрушительна и время губительно. Ушла сладость жизни, и осталось лишь ее бремя, покинуло нас добро, и осталось лишь зло, так что не на кого надеяться и не к кому обратиться, кроме всеведущего Аллаха, обладателя небесного престола, великого и славного».

Абу Амир сказал в другом своем послании:

«Подлинное красноречие достигается вовсе не с помощью заучивания различных диковинных историй, редкостных слов иль досконального знания премудростей грамматики. Чтобы овладеть искусством речи, прежде всего требуется природное дарование, хотя не обойтись и без первых двух условий. Дарование человека определяется в соотношении души его и тела. Если душа в человеке берет верх над телом, то и дарование его будет одухотворенным, и человек способен создавать самые прекрасные образы, облачив их в изысканный словесный наряд. Если же в нем одержало верх телесное начало, то и чувства его, согласно его природе, будут грубы и облечены в плоть, и образы, созданные им, уступят в изысканности, не достигнув совершенства.

Великий поэт создает благородные речи, коими полнится сердце, и от высоких слов душа возгорается страстью. Если ты захочешь понять причину такого воздействия, то не поймешь до тех пор, пока тебе не откроется, почему эти стихи так совершенны по форме. И в этом-то и заключается самое великое чудо: как поэт создает прекрасное из того, что само по себе вовсе не так уж прекрасно. Вот, к примеру, слова Имруулькайса:

Хвала вчерашнему шатру сегодня поутру.

Или его же слова:

Мне виден из Азруата костер ее вдалеке,
Хотя горит он в Ясрибе, и сердце мое в тоске.

Если в этом блестящем двустишии ты будешь искать какой-нибудь необычный образ, то вряд ли найдешь его, так же, как и в словах Абу Нуваса:

Сказали вы, что в путь пора, что близится печальный час,
Но если разлучимся мы, одна лишь смерть утешит нас.

Или, к примеру, в его же словах:

Слезной жалобой докучаю Фадлю ибн Яхье ибн Халиду,
Но, далекая, ты приблизься, и тебе прощу я обиду.

Все это самые обычные слова и избитые выражения, которые понятны даже хромому ослу, но ты чувствуешь, как льнут они к сердцу, какое воздействие оказывают на душу!..»

А вот что сказал Абу Амир в другом послании:

«Аль Джахиз говорил: «Когда мы нанимаем наставника, чтобы он обучал наших детей грамматике и старинным словам, то платим ему не более двадцати дирхемов в месяц, но если мы станем нанимать учителя красноречия, он не удовлетворится и тысячью дирхемов!» Это Джахиз написал после того, как создал книгу «Об искусстве речи». И если бы в этом сочинении он намеревался раскрыть тайну того, как научиться красноречию, то подробно описал бы, как постепенно овладевают этим искусством: нанизывают слова, красиво их располагая, а потом, искусно их излагая, умело начинают речь и доводят ее до конца, пишут введение и заключение — именно в этом источник красноречия и ключ к мастерству и совершенству.

Однако Джахиз лишь указал на пользу красноречия и поскупился на большее, ибо ревностно берег свои знания и не пожелал расточать плоды своего разума. Ведь он знал, что польза научившемуся искусству речи велика, а благодарность учителю — ничтожна. Поэтому-то он и открыл тайны дивной речи лишь тому, кто оказался достоин испить из чистого источника красноречия и омочить ладони в его росе. Что же касается того, чтобы вывести на путь истинный начинающего или наставить невежду, то он ничего не сделал для этого».

А вот еще отрывок из другого послания Абу Амира:

«Говорит Абу Амир: «Подобно тому, как каждому сословию подобают свои речи, так и каждому времени — свой вид красноречия, поэтому всякая эпоха имеет

определенный стиль. Ораторское искусство разных народов различалось во все времена, и красноречие у них выражалось не в одинаковых словах.

Как чередуются в мире государства, наследуя одно другому, так же изменяется и искусство речи, передаваясь от поколения к поколению. Разве ты не видишь, как изменились с ходом времени древние законы арабского красноречия, пока не появились Абд аль-Хамид, Ибн аль-Мукаффа и Сахль ибн Харун, а также другие великие ораторы, катибы и поэты, прославившиеся даром речи, так что их мастерство засияло с удвоенной силой, ибо эти люди отличались светлым разумом, огромным талантом и образованностью.

Затем время совершило свой поворот, и их стиль сменился стилем Ибрахима ибн аль-Аббаса, Мухаммада ибн аз-Зайята и Ибн Вахба, когда нравы смягчились и соответственно этому понадобился более свободный стиль. И вновь свершило свой поворот время, и люди принялись кичиться друг перед другом знанием различных редкостных слов и выражений и состязаться в изяществе речей. Тогда наступил черед стиля Бади аз-Замана, Шамс аль-Маали и их последователей.

Поэты также изменили свой обычай с течением времени, так что в каждую эпоху стихотворец стремился достигнуть того, что было принято и дозволено в его ремесле, чтобы привлечь к себе сердца своих современников. Мы знаем, как красноречивы были Сари аль-Гавани, которого прозвали «Поверженный красавицами», Башшар, Абу Нувас и их подражатели, как искусно они использовали все виды красноречия и способствовали расцвету поэтических красот. Потом пришел Абу Таммам и стал без меры увлекаться звуковыми уподоблениями, выйдя за пределы принятого. Он преуспел в этом, и люди стали приводить его в пример и привыкли к его стилю, так что сейчас, если в стихах нет этого приема или чего-то похожего, нашему слуху это кажется непривычным. Но мне думается, что в этом деле лучше всего держаться золотой середины, поэтому басрийцы Абу Таммаму предпочитают Сари аль-Гавани, «Поверженного красавицами», ибо его стиль сохраняет чисто арабский дух».

А вот отрывки из послания Абу Амира, которое он назвал «Книга духов». Это шуточное послание, содержащее множество красноречивых речений.

Сказал Абу Амир в начале послания, обращаясь к Абу Бакру ибн Хазму: «О Абу Бакр, как прекрасна твоя мысль! Она — словно меткая стрела, слетающая с тетивы, что не минует цели, и ее нельзя ни задержать, ни вернуть! Как дивно твое суждение! Ты ожидал от него многого и не ошибся, попав в самую суть. Ты обнаружил лик ясности и раскрыл блеск истины,— разве кто осмелится противоречить тебе,— о ты, которого невозможно ни обвести, ни обмануть, ни обдурить, ни околпачить! Когда мне посчастливилось узнать твоего друга, коего ты недавно приобрел, и я увидел, что он вознесся выше небес, соединив в себе созвездие Фаркад и оба светила, и всякий раз, как видит прореху в чужой прозе, латает ее, оторвав кусок от звезды своего разума или планеты своего таланта, я сказал себе: «Как это он при своей нежной молодости наделен седой мудростью? Как это получается у него, что, раскачивая ствол пальмы красноречия, он обрушивает на наши головы дождь свежих и спелых, точно финики, слов? Не иначе как при нем состоит некий шайтан, что ведет его по этому пути, или его посещает дух по имени Шайсан! Клянусь, что у него есть некий подручный, джинн-вдохновитель, или помощник, дух-покровитель. Ведь подобное искусство не под силу простым смертным и столь великие познания не поместятся в маленькой человеческой душе!» Послушай же, Абу Бакр, а я расскажу тебе дивную историю — чудо из чудес.

Когда я еще пребывал в куттабе и мои познания в грамоте были слабы, я стремился к общению с образованными людьми, искусными в сочинении прозы и стихов, пробуя свои силы в составлении посланий, читал один за другим диваны разных поэтов и с утра до вечера сидел с учителями. Наконец я стал так умен и учен, что казалось, в венах моих течет не кровь, а некая субстанция, составленная из смеси духовных наук, а пульс мой бьется по всем правилам стихосложения, без всякого упущения или нарушения. Мне было достаточно одного беглого взгляда, чтобы проникнуть в самую суть вещей, мне хватало краткого мгновения, чтобы запомнить любое сочинение. А сам я сделался подобным чистому эфиру,— так бледен и худ был я,— но зато науки нашли во мне достойный сосуд. И стал я прозрачен от истощения, но не так, как лед, от которого не возожжешь огня, ибо во мне горело пламя усердия и старания, и согнулся и сгор-

бился я, но вовсе не так, как осел, нагруженный книгами, а как достойный юноша, обремененный познаниями.

Я побеждал само красноречие, поражая его копьем риторики, я улавливал его в силки, словно птицу, что запуталась ногами в сетях птицелова. Обуреваемый гордыней, я тешил себя, выискивая то одно, то другое редкое и непонятное невеждам слово.

Тогда же я познал любовь, ибо был еще молод, и эта страсть увеличила мое старание и прилежание. Но вдруг, когда моя любовь была в самом разгаре, почувствовал я необоримую скуку и великую тоску и докуку. И случилось так, что скончалась моя любимая, и я, пораженный горем, стал оплакивать ее, прогуливаясь в саду, но слова стихов будто ускользали от меня. Тогда я, удалившись от всех, произнес:

Смерть настигла антилопу молодую;
О покойнице газели я тоскую.

Потом, оправдываясь в том, что почувствовал скуку, я сказал:

Покидал тебя я вдруг в тоске гнетущей,
Хоть прогнал бы я немедля мысль дурную...

Тут я, не в силах подобрать нужное слово, остановился и умолк. И вдруг я увидел у самых дверей сада всадника на вороном коне, и такого же цвета пушок покрывал его лицо. Он выпрямился в седле, воткнув в землю копье и опершись на него, посмотрел на меня и крикнул: «Что, нелегкое ремесло — стихотворство, о молодец из сынов человеческих?» Я ответил ему: «Клянусь твоим отцом, нужное слово труднее выловить, чем рыбу, и иной раз человеческому разуму, и даже разуму поэта, бывает это невозможно». Тогда он промолвил: «Не печалься, я подскажу тебе. Продолжи такими словами:

Так юнец тоскует от благополучья,
В пресыщенье проклиная жизнь земную».

В восторге я воскликнул: «Я готов заплатить за эти слова жизнью своего отца! Кто ты такой?» И он ответил: «Кличут меня Зухайр ибн Нумайр, и я из благородного племени джиннов Ашджа, которому земное племя, прозывающееся так же, не годится даже на подметки сандалий!» Тогда я вопросил: «Что же побудило тебя изме-

нить вид и предстать предо мной в облике всадника из рода человеческого?» Он промолвил в ответ: «Мне хотелось подружиться с тобой, и я почувствовал жалость к тебе, видя, как ты мучишься из-за этих пустяков и нелепиц». И я радостно приветствовал его такими словами: «Добро пожаловать, обладатель светлого лика! Ты нашел сердце, что бьется склонностью к тебе, и любовь, питаемую твоею близостью и добротою!»

Мы беседовали с ним некоторое время, а потом он сказал: «Когда тебе придется туго, ты будешь тонуть в словесном море и захочешь позвать меня, скажи такие стихи:

О Азза, я зову Зухайра неспроста:
Влечет его моя влюбленная мечта.

О Азза, если назовут мою любовь,
Мне кажется, ее целую я в уста.

Я посещаю тех, кто вспомнил обо мне,
И в отдалении любовь моя чиста».

Сказав это, он поднял на дыбы своего вороного, перескочил через стену сада и скрылся, покинув меня.

С тех пор, о Абу Бакр, когда я не могу найти подходящего слова, путаюсь и сбиваюсь с дороги, как частенько бывает с любым поэтом, либо плетусь в хвосте у древних, что также у нас не редкость, я всегда произношу те стихи, и мой друг и спаситель-джинн предстает предо мною. И тогда я прямиком иду к тому, чего добивался, и моего скудного таланта оказывается достаточно для того, чтобы привести меня к цели. Наша дружба с Зухайром окрепла, и о ней можно было бы поведать множество чудесных историй, если бы я не опасался сделать рассказ мой слишком длинным, подобным историям некоторых моих собратьев. Я сообщу тебе лишь самые удивительные вещи.

Однажды мы с Зухайром читали друг другу стихи разных поэтов и припоминали повествования о красноречивых людях и о тех джиннах и духах, которые им в этом помогали, не требуя возмещения и платы. Я спросил у Зухайра: «О друг и покровитель, который дороже мне моей матери и отца, не сможешь ли ты устроить так, чтобы встретиться нам с кем-нибудь из этих джиннов и духов? Может быть, я переманю кого на свою сторону, чтобы мой соперник остался без помощника?» Но Зухайр ответствовал: «Об этом не может быть и речи, и даже на

то, чтобы показать тебе страну джиннов, я должен спросить у нашего шейха позволения и согласия». Он тотчас же взлетел в небеса и вернулся во мгновение, сказав, что шейх дал свое милостивое разрешение, и прибавил: «А теперь садись со мной на моего коня». И не успел я взобраться в седло, как конь его помчал нас, то пересекая одну пустыню за другой, то поднимаясь в воздух, словно птица. Наконец я заметил землю, не похожую на нашу землю, и вдохнул воздух, отличающийся от нашего воздуха. В том краю прозябали густолистые деревья, благовонные цветы и травы, точно такие, как описывали наши велеречивые поэты. Зухайр сказал мне: «О Абу Амир, ты находишься сейчас в стране джиннов. С кого хотел бы ты начать знакомство?» Я отвечал ему: «Нам должно предпочитать проповедников и благочестивцев, но мне больше по душе поэты».

Тогда Зухайр осведомился: «Какого же духа-покровителя ты хотел бы увидеть?» Я воскликнул: «Я желаю увидеть духа-покровителя Имруулькайса!» И мой проводник, повернув коня, направился к воспетой Имруулькайсом долине Сакт аль-Лива, а потом к излюбленному им ущелью, либо к другому подобному месту, где, как и должно быть согласно словам поэтов, возвышались огромные деревья, окруженные неизбежной молодой порослью, и на ветвях без конца заливались всем надоевшие певчие птицы.

Тут Зухайр крикнул: «Эй, дух-покровитель Имруулькайса! Эй, Утайба ибн Науфаль! Заклинаю тебя известным каждому Сакт аль-Лива, и набившим оскомину Хаумалем, и печально знаменитым днем Дарат Джульджуля! Покажи нам свой лик, прочти нам свои стихи, послушай вирши этого сына человеческого, что от страха едва не лишился чувства и сознания, и покажи нам свое непревзойденное искусство и умение!» И пред нами предстал всадник на коне, золотистом, словно светлое пламя, и сказал: «Да приветствует тебя Аллах, о Зухайр! Да приветствует он твоего спутника! Но что я вижу! Ужель этот тщедушный щеголь и есть прославленный молодец среди арабских поэтов из рода человеческого? И этому-то ты помогаешь? Не таков был мой поэт — царь кочевых арабов!» Уязвленный его словами, я промолвил: «Да, я он самый и есть! Может я и тщедушен, но какой во мне огонь, о Утайба!» И тогда Утайба воскликнул: «Читай стихи, горе тебе, смертный!» Но я возразил: «Господину

поэтов больше пристало начинать!» Тогда он, подняв очи горе, затрепетал от прилива вдохновения, натянул поводья золотистого коня и ударил его бичом. Конь взвился на дыбы и унес всадника далеко от нас, но тот снова повернул его и, помчавшись к нам, наставил на нас копье. Внезапно остановившись, он произнес:

Страсть моя меня сразила, и моя иссякла сила...

И он продолжал касыду, пока не дошел до ее конца, а потом велел мне: «Говори свои стихи!» Я сначала хотел бежать от него, чтобы не получить удара копьем за плохие рифмы, но потом, укрепив свой дух, начал:

Мне жаль шатров Сулаймы в лучах вечерней звезды...

И я продолжал, пока не дошел до слов:

С вершины, откуда вниз лишь ветер срывается,
Едва-едва поутру коснувшись тихой воды,

Спускался я в темноте, как в море бушующем,
Чьи волны бились вокруг, смывая мои следы.

Под мышкою нес я меч, отточенный добела,
В руке держал я копье, ничьей не страшась вражды.

Мой меч и мое копье — друзья мои верные,
Которые с детских лет хранят меня от беды.

Таится в ножнах ручей, которым я смерть пою,
В руке плодоносит ветвь, но кровоточат плоды.

Когда я кончил, Утайба посмотрел на меня и сказал: «Иди, смертный, я удостоверяю, что ты поистине поэт милостью божьей».

А вот рассказ о последних днях Абу Амира и о его кончине, да помилует его Аллах!

Абу Амир долго болел и сильно страдал от паралича, который случился с ним в начале месяца зу-ль-када в четыреста двадцать пятом году. Болезнь не лишила его возможности двигаться,— он даже ходил, если была необходимость, или с помощью палки, либо опираясь на кого-нибудь из своих слуг. Но за двадцать дней до своей кончины он будто превратился в камень, который нельзя ни поднять, ни сдвинуть с места. И никто не мог прикоснуться к нему из-за того, что он испытывал сильнейшую

боль, так что хотел даже покончить с собой. Об этом он говорит в своих стихах:

Оплакать пора мне душу: ее сгубили тревоги,
Которые меня сбили с прямой и верной дороги.

Заранее принимаю любой приговор Аллаха;
Его решения святы, хоть, может быть, слишком строги.

Сидеть обречен я в доме, шагнуть не в силах без палки;
Расслабленный, изнываю: недуг сковал мои ноги.

Сразил меня меч несчастья; ребенок — мой провожатый;
О, как потомки Адама беспомощны и убоги!

А ведь, бывало, соперник дрожал, посрамленный мною;
Врывался дождем желанным в лачуги я и в чертоги.

Противников поражал я отточенными стихами,
Ценимыми, словно клады, бесценными, как залоги.

Поверит ли друг мой прежний, что я породнился с горем
И хуже всякой преграды теперь для меня пороги?

Привет вам от человека, в которого смерть вцепилась,
Коснувшись нетерпеливо моей души-недотроги.

Вот-вот она душу вырвет, но кажется смерть ничтожной,
Как жизнь в треволненье тщетном, когда подведешь
итоги».

РАССКАЗ ОБ АБУ-ЛЬ-ВАЛИДЕ ИБН ЗАЙДУНЕ И АЛЬ-ВАЛЛАДЕ

Вазир и катиб Абу-ль-Валид ибн Зайдун был великим мастером стихов и прозы, несравненно было его искусство и удивителен ум, и был он лучшим из поэтов людей Бану Махзум. Он жил полной жизнью, оставив далеко позади прочих людей, и пользовался своей властью не только на пользу себе, но и во вред.

Он широко раскинул плащ своего красноречия, с которым даже море не могло сравниться глубиной, а луна — блеском. Чары и заклинания не имели такой силы, как его стихи, а сверкающие звезды меркли перед яркостью его сравнений и описаний, где всегда встречались новые образы и дивные слова. Абу Марван ибн Хайян сказал о нем: «Абу-ль-Валид происходил из почтенного

рода законоведов, осевших в Кордове в дни великой смуты. Образованный и сведущий во многих науках и видах искусства, он обладал необычным поэтическим даром и легко возвысился, ибо отличался чрезвычайным красноречием и чрезмерным честолюбием. Он так был уверен в себе, что брался за любое поручение и важное дело, и все казалось ему доступным и легким. Его приблизил к себе один из правителей Кордовы, Зуфур Кривой, но затем, охладев к нему, заточил в темницу. Тогда Абу-ль-Валид обратился к эмиру Ибн Джахвару, и отец эмира, Абу-ль-Хазм, заступился за него и избавил его от беды. Когда же власть перешла к Ибн Джахвару, тот возвысил Ибн Зайдуна, отдав ему предпочтение перед всеми другими, кого он еще заранее выбрал ко дням своего правления. Ибн Джахвар стал платить ему большое жалованье и всячески привечал его, чем тот, однако, не удовлетворился, как все утверждают.

Случилось так, что Ибн Джахвар послал Ибн Зайдуна с каким-то поручением к Идрису ибн Али аль-Хасани, правителю Малаги, и Абу-ль-Валид оставался у него слишком долго. Идрис приблизил его, подружился с ним и сделал его своим постоянным собеседником, проводя с ним часы досуга. Тогда Ибн Джахвар потребовал, чтобы Ибн Зайдун немедленно возвратился, и когда тот выполнил приказание и вернулся в Кордову, эмир стал упрекать его за неподобающее поведение и сместил с поста, но вскоре возвратил свое благоволение.

Он часто отправлял Абу-ль-Валида с посольствами к разным государям Андалусии для переговоров, и никто, кроме него, не мог справиться с этим, ибо он наделен был проницательностью и красноречием. Так Абу-ль-Валид достиг высокого положения, но возжелал большего из-за своего непомерного честолюбия и великой гордыни.

И случилось, что через некоторое время Ибн Зайдун сблизился с Аббадом, правителем Севильи, который переманил его к себе, и Абу-ль-Валид, покинув родной город, отправился в Севилью, отдавшись под покровительство Аббада, который приблизил его и отличил перед всеми своими придворными. Ибн Зайдун был его постоянным спутником и собеседником и все свое искусство в составлении посланий и в ведении переговоров посвятил своему покровителю. Отправился же он в Севилью в четыреста сорок первом году, и в Кордове сильно горевали по случаю его отъезда».

Всем известна страстная любовь Абу-ль-Валида к Валладе, которую он воспевает в своих стихах. Что же касается Валлады, то эта дочь Мухаммада ибн Абд ар-Рахмана ан-Насера выделялась среди женщин своего времени и была единственной в своем роде, отличаясь несравненным остроумием и удивительной образованностью, и была чудом и диковинкой города Кордовы, и лицезреть светлый облик ее было так же сладостно, как и внимать ее ясным речам. В ее покоях в Кордове собирались самые достойные и благородные мужи города, а дворец ее был ристалищем для рыцарей стихов и прозы, которые терялись перед блеском ее речей, словно пораженные куриной слепотой, и она всегда была окружена толпой поэтов и катибов, которые, оттесняя друг друга, спешили насладиться радостью беседы с ней.

Привратники в ее дворце не были строги, и множество посетителей находило к ней дорогу, привлеченные ее красотой и благородством, славным происхождением и веселым нравом.

Однако Валлада, да простит ее Аллах и да скроет ее проступки, отказывалась прислушиваться к советам достойных людей и дала пищу сплетням и пересудам, ибо ни на что не обращала внимания и открыто предавалась наслаждениям и удовольствиям. Говорят, что она повелела написать на одном рукаве своей одежды такие стихи:

Неприступная, блистаю красотою неизменной;
Я влюбленных попираю поступью моей надменной.

А на другом рукаве велела написать вот так:

Что поделаешь, на свете от желаний нет защиты,
Я любому позволяю целовать мои ланиты.

Я нашел рассказ этот в книгах и ответственность за подобное известие возлагаю на того, кто передал его, и заявляю перед Аллахом о своей невиновности, а перед теми, кому дороги изящество и образованность, о своем нежелании писать всяческие грубости, если таковые встречаются.

Об истории Абу-ль-Валида и Валлады рассказывают множество историй, и коротких и долгих, но я выберу лишь некоторые из них, ибо все их перечислить невозможно.

Рассказывал Абу-ль-Валид: «В дни молодости, в самом разгаре безумной юности я страстно полюбил красавицу

по имени Валлада. Когда же рок присудил нам встретиться и было назначено свидание, она написала мне:

Приходи ко мне скорее ты во мраке на свиданье;
Ночь — хранительница тайны, умираю в ожиданье;

По тебе я так страдаю, что луна бы не всходила,
В темноте ночной со мною разделив мое страданье.

И когда день скрыл свой камфарный цвет и ночь рассеяла амбру мрака, Валлада вышла ко мне, и стан ее был тонок и гибок, словно тростинка, а бедра были округлы, как песчаный холм. Она потупила в смущении нарциссы очей, показав мне розы ланит, и мы отправились на прохладную лужайку, усеянную пестрыми цветами, словно парчовыми коврами. Там высились кроны деревьев, словно знамена эмира, а меж ними струились цепочки серебряных ручейков, роса на траве рассыпалась, словно жемчуг, а золотистое вино вырывалось на волю из тесной бутыли, наполняя кубки. И когда мы пригубили его, словно огонь пробежал по нашим жилам, и воспламенилась в крови нашей страсть, и каждый из нас поведал другому о своей любви и стал жаловаться на сердечную боль. И я провел эту ночь, срывая тюльпаны алых уст и наслаждаясь спелыми гранатами ее грудей. А когда я расстался с ней рано поутру, то, полный блаженства, прочел стихи:

Удрученное разлукой, сердце вдруг затосковало,
Потеряв терпенье сразу, а ведь это лишь начало.

На прощание влюбленный скрежетать готов зубами;
Он скорбит и сожалеет, что грешил с тобою мало.

О сестра луны небесной, ты свою сестру затмила,
И над ней твое сиянье ночью восторжествовало.

Ночь печальная в разлуке кажется мне бесконечной,
Потому что наслажденье слишком быстро миновало.

Однажды Утба, невольница Валлады, спела ей песню на такие слова:

Со мною мой друг, и теперь я не плачу;
Мой сладостный клад расточу и растрачу!

Тому, кто моею душою владеет,
Я сердце свое отдала бы в придачу.

Услышав песню, я попросил Утбу спеть ее еще раз, не спросив Валладу. Невольница исполнила мою просьбу, и на лике Валлады погасла молния улыбки за облаком гнева. Она стала бранить Утбу, а я сказал такие стихи:

Напрасно служанку ты мучаешь такими жестокими карами;
Уж лучше осыпь ты влюбленного укорами или ударами;

В своих одеяньях запутавшись, ты слезы пытаешься вытереть
Тайком лепестками перстов твоих, владеющих чудными чарами.

И мы провели всю ночь, упрекая друг друга, не получив наслаждения от близости, пролив кровь алого вина и оставив без внимания ложе любви. Когда же птицы-проповедники, провозвестники утра, взлетели на ветви, словно на мимбар в мечети, Валлада собралась уходить, так и не признав свою вину и упорствуя в своей гордыне. Тогда она начертала мускусом чернил на камфаре листа:

Если бы ты дорожил мною, гордой и свободной,
Не прельстился бы тогда ты рабынею безродной.

Бросив царственную ветвь, что цветет и плодоносит,
Ты любуешься теперь веткой чахлой и бесплодной.

Я луна на небесах, но меня, увы! затмила
Эта темная звезда тенью, богу неугодной».

Я приведу пример остроумия и находчивости Валлады и помещу здесь одно из ее остроумных изречений. Однажды она проходила мимо вазира Абу Амира ибн Абдуса, который был одним из самых знатных людей в Кордове, но отличался болтливостью и часто поминал не к месту имя Валлады, отзываясь о ней неблагосклонно. Перед домом Ибн Абдуса постоянно была большая лужа, которая превращалась в настоящий пруд после сильных дождей, к тому же в нее, надо полагать, стекали нечистоты со двора вазира. Вазир стоял перед лужей в нерешительности, распустив длинные рукава и пытаясь подобрать полы одежды. К нему сбежались слуги, чтобы помочь ему перейти лужу, а Валлада, увидев это, произнесла такие стихи:

Египтом ты правил бы, пожалуй, нисколько не хуже;
Ты море учености; неужто потонешь ты в луже?

И вазир так смутился, что будто ему запечатали уста, и он не мог ответить ей ни слова.

Мы приведем здесь некоторые стихи Ибн Зайдуна. Он сказал, обращаясь к Валладе:

Что, если ты, живя во мне, забыла своего раба
И не помогут мне теперь ни жалобы, ни ворожба?

Я далеко, а между тем порхаешь ты среди забав,
Вокруг соблазнам счету нет, а женщина всегда слаба.

Быть может, ночи не лишат меня пленительных надежд,
Чей смысл постигли дни мои и чья пособница — судьба?

Он сказал также, воспевая свою страсть к Валладе:

Приветливый западный ветер мне, страннику, предан всецело,
Как будто дыхание милой сюда, на восток, долетело;

О ветер, тебе прилежанье нисколько бы не повредило,
Когда бы унес ты на запад мое истомленное тело.

Ему принадлежат также такие стихи:

Неужто же ты — мой друг, а время — мой лиходей?
Я солнцем тебя зову, а мне с каждым днем темней.

Неужто посеял я надежду, чтобы пророс
На ниве моей не злак, а смертоносный репей?

Ты в рабство меня навек недорого продала,
Как будто невольник твой дешевле своих цепей.

А если бы время в торг решилось вступить со мной,
Тебя бы выкупил я ценою жизни моей.

РАССКАЗ О ВАЗИРЕ И КАТИБЕ АБУ ХАФСЕ ИБН БУРДЕ МЛАДШЕМ

Абу Хафс был в свое время подобен вращающимся небесам, прославившись красноречием, в коем показал выдающиеся образцы, так что волшебство его речей вошло также в поговорку. Дабы не зачахло оно, он поливал его струями своих блестящих стихов, орошая сверкающей россыпью прозы.

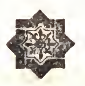
Мы приведем здесь отрывок из его послания, в котором Абу Хафс описывает книгу, перо и чернила:

«Поистине, книга есть украшение ангелов, ибо все-

вышний Аллах сказал: «Благородные, что держат книги, они знают все, что вы совершаете». Чернила подобны морю, а перо — искатель жемчуга, ныряющий за ним в морскую пучину. Слово — драгоценный камень, а лист бумаги подобен нити ожерелья, на которую нанизаны слова. И если чернильница сходна с сердцем, а тростниковое перо — с сердечной думой, то страницу следует уподобить говорящему языку.

Разум — отец мысли, знание — ее мать, но все же мысль — это порождение пера. Как удивительны поступки пера! Оно пьет мрак, а выводит свет мысли. И часто перо катиба оказывается острее копья воина. Перо — это стрела, поражающая самые уязвимые части тела, это клинок, способный рассечь суставы и кости, и когда катибы начинают нанизывать слова и мечут их на бумагу заостренным концом пера, сколько тронов пошатнется, сколько крови прольется, сколько будет унижено гордецов, сколько рассеяно на поле боя храбрецов! И если бы не перо, не собирались бы многолюдные войска, не скакали бы конные отряды, не строились бы воины в ряды и не проливалась бы кровь, обагряя мечи.

Орошенные росой тростникового пера, распускаются кровавые раны, и кровью пера отливаются доспехи мудрости. Да проклянет Аллах перо, почему дозволено ему ломать стальные наконечники копий, если так легко разгрызть его, зажав между зубами!»

РАССКАЗ ОБ АЛЬ-МУТАМИДЕ МУХАММАДЕ ИБН АББАДЕ

После смерти аль-Мутадида, отца Мухаммада ибн Аббада, власть в Севилье перешла к Мухаммаду. Его занимали лишь военные дела, и делил он свое время между копьем и мечом, ибо отец его в свое время заставлял его вращать жернов сражений и прибегал к его помощи всякий раз, как ломался посох его силы, так что наконец Мухаммад поднялся славой выше небесных звезд.

Беспощадный, пил он только из кровавого колодца,
Но не знали горя люди под защитой полководца.

И в то же время Мухаммад ибн Аббад был связан крепкими узами с искусством красноречия и стрелы его знаний не летели мимо цели. Когда слушаешь его стихи, кажется, что распускаются цветы среди зеленых лугов, и если бы их сложил человек, избравший поэзию своим ремеслом и сделавший стихи своим уделом, то все говорили бы, что ему нет равных в этом искусстве, и дивились бы блеску и сладости его стихов. Что ты скажешь о человеке, который любил, всегда страдая, и проявлял серьезность, словно играючи? А ведь он в своих стихах мог убить наповал и никогда не промахивался, если уж замахнулся. Его стихи, всегда легкие и ясные, выражают его чувства, так что им можно отдать предпочтение среди множества других. Мы часто видим, что превозносят стихи, сложенные знатными и благородными людьми, только из-за высокого положения поэта, не принимая во внимание достоинства самих произведений. Так, Абу Бакр ас-Сули записал такие стихи и речения, сказанные халифами из рода Омайядов и Аббасидов, что если бы они принадлежали людям простым и незначительным, то их считали бы недостойными упоминания.

Сознаюсь, что и в моей книге встречается нечто, подобное тому, что есть у ас-Сули. Однако тут мои слова не относятся к аль-Мутамиду. Из облака его дарования проливались и стихи, и проза, и если он взывал к своему вдохновению, оно послушно откликалось, верное природе его таланта. Так было даже после того, как аль-Мутамид был свергнут, и когда каждый день казался ему вечностью.

Я привожу здесь некоторые его стихи. Там, где они хороши, ему нет равных, а если он сделал в чем-нибудь упущение, то кто же не извинит его за это!

Сказал аль-Мутамид, жалуясь на свою страсть:

Скрывал он тщетно страсть свою, которой не было границы,
Но прорвались потоки слез, вдруг затопив его глазницы.

Он затаил свою любовь, но все мгновенно проявилось,
Когда горючих этих струй скрыть не могли его ресницы.

Ночь разостлала черный плащ, но был он белым оторочен,
То звезды в ясных небесах образовали вереницы.

Я любовался блеском звезд, и я не мог не растеряться,
Когда моих ночных подруг похитила рука денницы.

Аль-Мутамид сказал также:

Вино золотое дышит, но вздохи его лукавы;
Так летним вечером дышат благоуханные травы;

Порой в золотистой влаге игра пузырьков подобна
Часам разлуки досадной, врагам любовной забавы.

Одна из невольниц аль-Мутамида подала ему хрустальный кубок с вином, и в это время засверкала молния, и невольница испугалась. Аль-Мутамид тотчас сложил такие стихи:

Молнии боишься, словно бы не зная,
Что в перстах твоих же молния хмельная;

Слушай, чаровница: ты заря и солнце!
Пред тобою меркнет молния шальная.

Однажды вазир Абу Омар попросил аль-Мутамида оказать ему честь и посетить его в его дворце. У эмира собрались после вечерней молитвы его надимы, музыканты и певцы, чтобы сопровождать его. Но случилось так, что эмир приказал подать вина, и они стали пить, и ближайший друг аль-Мутамида, Ибн Аммар, сказал что-то неподобающее, чем разгневал эмира, и тот бросил в Ибн Аммара кувшином, а потом, опьянев, уснул. Отчаявшись и поняв, что эмир уже никуда не пойдет, все встали и отправились вместе с вазиром к нему во дворец. Когда аль-Мутамид проснулся и его опьянение прошло, ему рассказали, как было дело, и он написал вазиру такие стихи:

Когда бы не стражник зоркий, когда бы не соглядатай,
Постыдную неучтивость загладил бы я расплатой;

Ничком бы до вас дополз я, на голове бы прыгал
И вас, конечно, смягчил бы ужимкою виноватой.

Из многочисленных стихов аль-Мутамида мы приведем те, в которых он обращается к своим оковам. Они сказаны после того, как он лишился власти и был заключен в темницу:

Когда бы знал кузнец, кому вы предназначены, оковы,
Лишился бы со страху рук, сковав подобные обновы

Для повелителя, чей меч своим неумолимым взмахом
В загробный мир переселял тех, что смириться не готовы.

Рассказывают, что, когда в тот злосчастный день, во вторник середины месяца раджаба восемьдесят четвертого года, враги ворвались в Севилью, аль-Мутамид бросился в бой, защищая свои владения, свою жизнь и всех, кто был ему дорог, и проявил такую доблесть, бросаясь в пучины смерти, которой еще не было видано доныне, и никто не мог сравниться с ним. Он сложил об этом в темнице такие стихи:

Когда слезы мне вытерло время злое
И застыло сердце в мнимом покое,

Мне сказали: «Тебя спасет лишь покорность,
Берегись врагов задеть за живое!»

Но для уст моих сладостнее отрава,
Чем в невзгодах уничиженье такое.

Пусть, навеки лишившись моих владений,
Испытал я бессилие роковое,

У меня в груди бьется прежнее сердце,
И в скорбях не сломлено ретивое;

Благородный останется благородным,
Не минует мое величье былое.

Пусть мне скажут, что в битве не помогало
Мне мое снаряжение боевое,

Но пришлось мне сражаться в одной рубахе,
Так что был мой противник сильнее вдвое.

Не жалел я души в сраженье последнем.
Где мое обиталище гробовое?

Медлит смерть моя, мне грозит униженье,
Задыхаюсь я в этом гиблом застое!

Я не мог торжества моего не слышать
В завыванье врагов и в зверином вое.

Унаследовал я от предков отвагу —
Вот мое достояние родовое!

Однажды Абу Бакр ад-Дани увидел внука аль-Мутамида, красивого юношу, который после изгнания эмира зарабатывал себе на жизнь, обучившись ювелирному делу. А когда род Аббада был у власти, этому юноше дали

имя Фахр ад-Даула — «Слава державы», как было принято в знатных семьях. Увидев, как Фахр ад-Даула раздувает горн и умело действует щипчиками и другими инструментами, что применяют ювелиры в своем ремесле, Абу Бакр прослезился и сложил стихи, в которых оплакивал прошлую славу эмиров Севильи:

Заплакало сердце кровью при виде страшных свершений;
Судьба менять не привыкла жестоких своих решений.

Ты видишь, Слава Державы, как нам, сановникам прежним,
Теперь тоскливо и тяжко средь пагубных разрушений.

Обилье великолепий твоим ожерельем было;
Теперь твое ожерелье из тягостнейших лишений.

Дворец был твоим жилищем; теперь в мастерской ты бьешься,
Ремесленник злополучный, поникший от поношений.

Бывало, твоя десница лишь меч да перо держала;
За щипчики ты берешься, не слушая утешений.

Бывало, разве что звезды тебе целовали руку
В надежде на исполненье своих смиренных прошений.

А ныне, высокородный, увенчанный блеском в прошлом,
В убожестве безотрадном ты делатель украшений.

Узрю я с таким же страхом, как щеки раздует ангел,
Нас всех призвав трубным гласом на суд людских прегрешений.

Когда я видел сегодня, как ты мехи раздуваешь,
Ослепнуть бы и оглохнуть от этих злых сокрушений.

РАССКАЗ О КАТИБЕ АБУ-ЛЬ-ВАЛИДЕ ИСМАИЛЕ ИБН МУХАММАДЕ, ПО ПРОЗВИЩУ ХАБИБ — «ЛЮБИМЫЙ»

Стрелы красноречия Хабиба всегда попадали в цель, он был одинаково умел и сладостен и в переложении и в сочинении, а учителем его был сам Абу Джафар ибн аль-

Аббар, который заострил его перо, так что не уступало оно в меткости острию копья, а блеском своим уподобилось зеркалу.

Короткой была жизнь Абу-ль-Валида — словно яркая звезда, прочертил он славный путь на небосклоне, и, если бы превратности времени пощадили его, даровав ему годы, затмил бы он восходящую зарю и преградил бы путь ветру, заставив его повернуть в другую сторону.

Он скончался в возрасте двадцати двух лет, и с ним ушло в могилу лучшее, что было в его время, оставив лишь дивные творения прозы и стихов, и я прочел над могилой сложенные им строки. Он составил книгу, которую назвал: «О том, что сказано в красноречивых словах о весенних цветах», собрав в ней стихи поэтов Андалусии и показав при этом большую образованность. Его перу принадлежит также множество прозаических посланий и стихотворений, часть которых я привожу здесь.

Вот отрывок из послания Хабиба:

«О друг мой, когда весна проявила к нам благосклонность, позаимствовав частицу твоей благосклонности и похитив свои цветы у твоей цветущей красоты, она предстала во всей красе перед людскими очами и усладила слух добрыми вестями. Все устремились к ней, чтобы отдохнуть на ее лоне и полюбоваться тем, что она таит под своим плащом,— и люди узрели благоуханную землю, украшенную цветами, которыми она расшила зеленые луга и пастбища.

Весна показала все свое искусство, ни в чем не проявив упущения. Прекрасные цветы на лужайках, будто земные звезды, напоены мускусом и амброй. Вдохни скорее воздух, и к тебе принесется их аромат, огляди их радостным взором, и тебя ослепит их блеск. Разнообразие их восхищает взоры, и дыхание их оживляет души:

Как будто парча и шелк теперь у нас под ногами;
Наряд весенней земли мы называем лугами.

Усердствовали дожди в своих трудах благотворных;
Соткали зеленый плащ, расшив его жемчугами.

Земля восхищает нас убором великолепным;
Ее цветного ковра нельзя измерить шагами.

И я ищу пути, чтобы полнее насладиться этим зрелищем, очистив разум созерцанием красоты. И мечтаю, что-

бы весна сжалилась надо мною и исцелила душу мою, прогнав небрежение и сонливость, ведь душа способна заржаветь, как ржавеет железо, и каждый обязан радеть о своей душе, постоянно помышляя о ее благе, не отклоняясь от своего пути...»

А вот отрывок из другого послания, которое он посвятил своему другу:

«О господин мой, за которого я готов отдать свою душу! Рассказывал один из выдающихся сочинителей, а его диковинки речей переходят из уст в уста, что разные цветущие деревья, благовонные травы и всевозможные садовые цветы как-то раз затеяли долгий спор. Пришла им в голову одна и та же мысль, и в душе возникло единодушное желание из тех, что вызывают раздоры и нескончаемые споры,— решить, кто из них прекраснее и благовоннее, и вынести суждение по чести и совести.

И порешили они, что утвержденный ими приговор и честный договор будет действителен и для других растений, время цвести которым еще не приспело. И тут один из цветков встал и обратился к присутствующим с такими словами:

«О достопочтенные деревья, милостивые травы и добрые цветы, поистине всевышний Аллах, милосердный и всеведущий, сотворивший всех тварей и создавший все сущее, что движется и что недвижно, дал им разный облик и отличные друг от друга качества, к одним был щедрее, а с другими поскупился. Он сотворил раба и царя, сделал облик одних прекрасным, а других — безобразным, отдав предпочтение одним над другими, но в целом достиг справедливости и соразмерности.

Все равны в том, что к нам обращена милость его могущества и у каждого есть подобающая ему степень красоты облика и свои достоинства, а все цветы наделены к тому же стройностью стана и ароматом дыхания, всех их отличает свежесть и яркость красок. Поэтому мы привлекаем к себе взоры всех и склоняем все души. Нами украшаются пиры и собрания, так что, куда бы мы ни попали, всюду оказываемся среди друзей, любящих нас и привязанных к нам всем сердцем.

Нас воспевают в изящных посланиях, о нас слагают дивные стихи, наша краса служит образцом для цветов красноречия. И поэтому мы преисполнились высокомерия и вознеслись в гордыне, ведь непомерные похвалы и причудливые описания наших достоинств, на которые щедры

те, кто любит нас, предпочитая всему на свете, побудили нас забыться и пребывать в спокойствии, запамятовав о последствиях этого.

Убаюканные сладкими речами, мы все сочли себя венцом творения и образцом совершенства, будто не знали, что среди нас есть та, коей по праву принадлежит первенство в наших рядах и кто по красе своего облика и дивному аромату должен быть нашим предводителем.

Я говорю о розе, царице цветов. И если мы проявим справедливость, высвободившись из моря нашей слепоты и отбросив самовлюбленность, то смиренно подойдем к ней и благословим ее. Каждый, кто встретит ее на своем пути, должен приветствовать ее как свою царицу, а те несчастные, что не удостоятся ее лицезреть, ибо цветут в иное время, должны покориться нашему приговору и присоединиться к нашему призыву.

Поистине, роза выше всех благородством, цветет в наилучшее время, и след ее присутствия ощущается даже в отдалении, если нет ее самой поблизости, ибо доносится ее аромат. Роза полыхает пурпуром, а красное — это цвет крови, подруги самой жизни. Роза — яхонтовое ожерелье в оправе изумрудных листьев, и концы ее лепестков блещут золотом. Самые удивительные стихи прекрасны лишь благодаря красоте розы, если описывают ее стройность и величавость».

Среди собравшихся находился и один из предводителей цветов — желтый нарцисс, а рядом с ним гордо возвышался его брат — белоснежный нарцисс. Были там также и левкой и фиалка, чьи лепестки распускаются только ночью.

И желтый нарцисс сказал: «Клянусь тем, кто поселил меня на лоне плодородной земли и вскормил меня щедрой влагой дождя, так что стал я ярче золотого пламени зари и огня хрустального светильника. Я пожелтел оттого, что поклоняюсь розе и влюблен в нее, и страдаю оттого, что смерть моя приходит раньше, чем я могу встретиться с нею. Как исхудало мое тело и как иссушил меня недуг! Но теперь, когда мне стало дозволенным разгласить свою тайну, стало немного легче бремя моих бед».

Потом левкой обратился к желтому нарциссу и сказал: «Ты встретил товарища по несчастью. Клянусь Аллахом, я тоже поклоняюсь розе и призываю всех признать ее превосходство и старшинство. Смотрите, как от жгучей страсти шрамами покрылись мои щеки! С тех пор, как я

попал под ее власть, моим единственным другом и собеседником стало горькое отчаяние!»

Затем начал свою речь белый нарцисс: «Не глядите на мою свежесть и на то, как сочны мои листья и лепестки,— это от черной тоски лицо мое побледнело, словно выбеленное мелом. Видите, как смятенное, вечно горюющее око увлажнено росою слез.

Покончил бы я с собой, когда бы вокруг меня
Не плакала без конца о братьях моих родня.

Настал черед ночной фиалки, и она повела такую речь: «Клянусь тем, кто дал розе превосходство надо мной, кто повелел моей деснице тянуться к ней, принося ей присягу в верности и покорности, я никогда не осмеливалась, признавая ее величие и стыдясь своего ничтожества, цвести днем, быть ее другом и соседом, разделяя с другими наслаждение от ее лицезрения. Потому-то я сделала ночь своим покровом и ее мрак — своим прибежищем».

И, придя к общему мнению, цветы сказали: «Нас великое множество, разных видов и сортов, все мы друзья, но не все мы можем встретиться из-за того, что время нашего цветения не совпадает, или потому, что проживаем мы в разных землях. Давайте напишем грамоту, которую должны будут выполнять все, и ближние, и дальние». И они составили фирман, написав в нем: «Вот о чем договорились разные разряды деревьев, трав и цветов, летних и зимних, весенних и осенних, из тех, что произрастают на низменностях и на холмах, цветут в дикой степи или в рощах и садах. Пораскинув разумом и придя к общему мнению, что им следует исправить прежние ошибки и заблуждения, они признали своим предводителем розу, поручили ей вести все дела и быть их царем и эмиром. И ей надлежит отдавать приказы, а они обязуются повиноваться ей беспрекословно, ибо она по праву должна главенствовать над ними, превосходя их во всех достоинствах и похвальных качествах. Все деревья и цветы отныне считают себя невольниками и рабами госпожи розы и отказываются от общения с теми мятежными цветами, которые будут оспаривать первенство у розы и осмелятся состязаться с ней в красоте и благоухании. Этот договор действителен повсюду и на все времена, и каждый цветок, до которого уста дней и ночей донесут этот договор, пусть знает, что лишь в нем залог его праведности и успеха его дел».

И собравшиеся цветы поспешили огласить эту грамоту, и первыми, кто ознакомился с нею, оказались весенние цветы на окрестных лугах. Прочтя фирман, они выказали свое неодобрение, осуждая многие слова и выражения, считая, что розе приписаны такие качества, которых она не заслуживает, и такие достоинства, которых она недостойна. Они подумали, что все это устроила сама роза, и сочли это ошибкой, грехом и низостью. Решив, что они никогда не согласятся с этим договором и не подчинятся ему, луговые цветы написали ромашке и желтому нарциссу следующее послание: «Если бы роза была достойна звания имама и сана халифа, то ее утвердили бы в этом наши отцы и деды и давным-давно принесли бы ей присягу,— ведь они всегда были ее соседями и цвели в то же время и на той же земле. Нам неизвестно и непонятно, почему понадобилось сделать предводителем розу, признав ее лучшей и достойнейшей среди нас. Другие цветы прекраснее, чем она, и имеют больше прав, ведь при свете ясного дня видно превосходство белоснежного нарцисса, которого все несравненные поэты и красноречивые ораторы и литераторы уподобляют томным и прекрасным глазам. Что же касается розы, то даже самые рьяные сторонники ее и любители могут сравнить ее лишь со свежими щеками. А известно, что самое благородное из чувств — это зрение, и только благодаря глазам мы способны лицезреть окружающий нас мир, а щеки не обладают никакими чувствами, кроме самого грубого — осязания, и почему она должна претендовать на превосходство и главенство?!

Зеницы превыше ланит знамениты,
И с ними не могут сравниться ланиты».

И прочтя эти слова, цветы отказались от своей присяги розе и сменили свое мнение, приняв единодушное решение, и присягнули в верности белому нарциссу, поклявшись никогда не нарушать договора».

Мы приведем также некоторые стихи Хабиба, в которых содержатся дивные описания:

Лен раскрыл свои цветы, трепетные, новые,
Душу омраченную радовать готовые;

Кажется, колышутся рукава зеленые,
Из которых тянутся пальцы бирюзовые,

Или же рассыпались голубые яхонты,
Брызнув неожиданно на плащи парчовые.

Он сказал также:

Вино веселит беспечных, вино прогоняет горе,
Пленительный собеседник в изысканном разговоре;

Когда вино перед нами, не можем не улыбаться;
Потом вино исчезает, и с нами радости в ссоре.

Вину не мешает воздух, играющий пузырьками,
Как будто дарит алмазы тебе золотое море.

Однако я удаляюсь от этой волшебной чаши,
И мне достаточно хмеля в одном-единственном взоре.

РАССКАЗЫ О МНОГОУЧЕНОМ ГРАММАТИКЕ АБУ-ЛЬ-АЛА-САИДЕ ИБН АЛЬ-ХАСАНЕ АЛЬ-БАГДАДИ

Саид ибн аль-Хасан ибн Иса, выросший в Багдаде, был родом из Табаристана и принадлежал к той части племени Рабиа, которая осела в Фарсе. Он появился в наших краях в дни правления Мухаммада ибн Абу Амира аль-Мансура и стал звездой, взошедшей на Востоке и нашедшей приют на Западе. Его устами будто говорило все арабское красноречие, его находчивость удивляла всех, кто видел и слышал его, и он превосходил хитростью всех людей и зверей, летучих птиц и ползучих змей.

Аль-Мансур желал, чтобы появление Саида аль-Багдади стерло следы другого багдадца — Абу Али аль-Кали, который пожаловал в Андалусию ранее по приглашению Омайядов. И аль-Мансур берег его, как берегут в бою меч, вынутый из ножен, но, увидев, что Саид — тупое лезвие, и облако, не дающее дождя, и пустой человек, который без умолку только кричит о своих знаниях, понял, что ни одному его слову верить нельзя.

Рассказывая о Саиде аль-Багдади, Ибн Хайян говорит: «Когда Саид прибыл в Кордову, все тамошние ученые единодушно отказались признать его знатоком грамматики и полностью лишили его своего доверия, сомневаясь даже в его вере и разуме. Он не понравился ни одному из кордовских ученых, и они не сочли его достойным того, чтобы посещать его и учиться чему-нибудь у него. Они

даже утопили его книгу, носившую название «Книга самоцветов», так что она до сих пор плавает в их реке!

Мне довелось услышать кое-какие диковинные рассказы о нем и о его измышлениях, и я привожу здесь то, что может послужить доказательством его остроумия и находчивости. Вот что произошло между Саидом и аль-Мансуром.

Однажды в покоях аль-Мансура собрались самые почтенные ученые, и правитель сказал: «Прибывший к нам человек, которого зовут Саид, утверждает, что нет ему равных в тех науках, где вы отличились и стали подобными возжженным светильникам и восходящим лунам. Я хочу испытать его в вашем присутствии, чтобы узнать, каковы его знания». И он послал за Саидом, и когда тот вошел в покои аль-Мансура, где собралось множество народа, то смутился и растерялся. Но правитель ободрил его и усадил на почетное место. Потом аль-Мансур спросил Саида об Абу Саиде ас-Сайрафи, и гость ответил, что встречался с ним и читал под его руководством Грамматику Сибавайха. Тогда один из наиболее известных знатоков Сибавайха в Андалусии, аль-Асими, задал ему какой-то вопрос по Грамматике, но Саид не смог ответить на него, отговорившись тем, что сведения по грамматике — не лучший из товаров, имеющихся у него, и не вершина его познаний. Тогда известнейший катиб Андалусии аз-Зубайди осведомился: «А что ты знаешь лучше всего, почтенный шейх?» Саид ответил: «Науку о редких словах, известную лишь знатокам,— я запомнил ее всю до конца». И аз-Зубайди спросил: «Как ты истолкуешь слово «авлак»?» Саид, рассмеявшись, ответил: «Разве ученых мужей, подобных мне, спрашивают о подобном? Это вопрос для мальчишек, учеников куттаба». Аз-Зубайди заметил на это: «Я спросил тебя, потому что уверен, что ты не сможешь ответить на этот вопрос». Тогда Саид, изменившись в лице, ответил: «Это слово означает «умелый». Тогда аз-Зубайди воскликнул: «Наш приятель наглый обманщик! Ибо значение этого слова «безумный». Саид возразил: «Это я и имел в виду. Но вообще лучше всего я знаю стихи, умею рассказывать разные истории и разгадывать загадки, а также прекрасно разбираюсь в музыке».

Тогда против Саида выступил знаток музыки и поэзии Ибн аль-Ариф, но Саид легко победил его в споре. И стоило кому-нибудь из присутствующих произнести какое-

нибудь слово, Саид тотчас же декламировал стихи, начинающиеся на это слово, а если речь заходила о каком-нибудь событии, то он начинал рассказ об этом. И аль-Мансур, слушая его, преисполнился удивления.

А потом аль-Мансур повелел принести «Книгу диковинок» Абу Али и показать ее Саиду, но тот сказал: «Если аль-Мансур пожелает, то я продиктую писцам, которые служат ему, книгу, которая гораздо выше достоинством и важнее по содержанию, ибо я включу туда рассказы и истории, которые куда как лучше и интереснее, чем те, которые собрал Абу Али». Когда аль-Мансур выразил свое согласие на это, Саид уселся в соборной мечети города аз-Захира и стал на память диктовать свою книгу, которую назвал «Книга самоцветов». Но когда самые видные ученые того времени стали проверять правильность изложенного в ней, то увидели, что нет во всей книге ни слова правды.

Тогда они сказали аль-Мансуру: «Этому человеку нет равных в искусстве измышлять и сшивать на живую нитку разрозненные куски, взятые им из самых разных книг, и он ссылается на шейхов и почтенных ученых, которых не видел и слов которых не слыхал». И они подговорили аль-Мансура испытать Саида. И правитель повелел сшить толстую книгу из бумаги, которой предварительно придали желтый цвет и сняли лоск, чтобы она казалась старой, и на переплете написали «Книга остроумных изречений, составленная Абу-ль-Аусом ас-Санани», и положили эту книгу на видное место, чтобы мог ее заметить Саид. Когда же Саид заметил ее, он схватил эти переплетенные листы, на которых ничего не было написано, и стал вертеть книгу в руках, приговаривая: «Клянусь Аллахом, я читал это сочинение в таком-то городе вместе с таким-то шейхом, а заглавие написано его собственной рукой». Тут аль-Мансур отнял у Саида книгу, боясь, как бы тот не открыл ее и не увидел, что в ней одни лишь чистые листы. Положив ее перед собой, правитель сказал Саиду: «Если ты читал это сочинение, как ты утверждаешь, то расскажи нам, что в нем содержится». Саид ответил: «Клянусь твоей головой, я читал этот труд очень давно и не могу ничего припомнить и рассказать из него, но могу лишь сказать, что там имеются отдельные редкие слова и выражения, но нет ни стихов, ни каких-либо занимательных историй». Аль-Мансур воскликнул: «Чтоб тебе про-

пасть! Я не видел никого, кто лгал бы так, как ты!» Потом аль-Мансур приказал вывести Саида и бросить его «Книгу самоцветов» в реку. Об этом сказал один из поэтов того времени:

«Книга самоцветов» слишком тяжела,
Потому-то книга и ко дну пошла.

На это Саид ответил такими строками:

Эта книга снова в море уплыла;
Жемчугам отборным суша не мила.

Рассказывают, что однажды к аль-Мансуру принесли раннюю розу, лепестки которой еще не распустились. Увидев ее, Саид сказал:

Абу Амир! Твои покои сегодня роза посетила;
Ее дыханье — чистый мускус, она затмила бы светила;

Но, как стыдливая девица, лицо закрыла рукавами,
Страшась непрошеного взгляда, чья пылкость красоту смутила.

Аль-Мансур обрадовался, услышав эти стихи, и похвалил их. Здесь же был Ибн аль-Ариф, который позавидовал Саиду и решил опорочить его стихи. Он сказал аль-Мансуру: «Это не его стихи, я слышал их от одного из багдадских поэтов, и они записаны у меня в тетради». Мансур приказал: «Покажи мне эту запись». Ибн аль-Ариф тотчас же встал и, сев на коня, гнал его во всю мочь, пока не прибыл к Ибн Бадру, который славился в то время искусством слагать стихи без подготовки. Ибн аль-Ариф описал Ибн Бадру, что случилось у него с Саидом, и Ибн Бадр тотчас же сложил такие стихи:

Как только бдительную стражу ночная дрема укротила,
Проник я во дворец Аббасы; меня красавица впустила.

В гостеприимнейших покоях другие девушки заснули;
Оказывается, хозяйка вином подружек угостила.

Она спросила: «Ты приходишь, когда другие спят беспечно?»
В ответ сказал я: «Да»,— подумав, что дерзость мне она простила.

Отставила Аббаса кубок и протянула руку к розе,
Дыхание которой — мускус; она затмила бы светила,

Но, как стыдливая девица, лицо закрыла рукавами,
Страшась непрошеного взгляда, чья пылкость красоту смутила.

«Послушай,— молвила Аббаса,— побойся бога, разве можно
Дочь дяди своего позорить?» Грешить она мне запретила,

И, кротко вняв увещеванью, я отвернулся благонравно.
Девичью честь и честь семейства так добродетель защитила.

Ибн аль-Ариф, запомнив эти строки, помчался к себе домой. Там он взял тетрадь и постарался развести чернила, чтобы они стали рыжими. Потом он записал стихи этими чернилами в тетрадь и повез ее к аль-Мансуру.

Увидев запись, аль-Мансур преисполнился гневом против Саида и сказал ему: «Завтра я тебя испытаю, и если ты не выдержишь испытания, то я отрекусь от тебя и изгоню из своих владений». Когда наступило утро, аль-Мансур приказал собраться всем своим приближенным и сановникам. Он велел садовнику принести большое блюдо и сделать на нем маленькие беседки из разных цветов, посреди блюда налить воду и по краям положить крупные жемчужины, чтобы это походило на пруд и камешки. А в воду пустили змею, которая плавала в ней, извиваясь. Потом правитель послал за Саидом и, когда тот вошел, приказал поставить блюдо перед ним и сказал ему: «Этот день принесет тебе счастье и нашу милость или горе и изгнание, ибо люди говорят, что все твои слова — ложь и обман, и я хочу узнать, правы ли они. Вот блюдо, подобного которому не было, как мне кажется, ни у одного царя. Опиши это блюдо и все, что на нем находится».

И Саид, ни минуты не задумываясь, сказал:

Абу Амир, ты жизнь даруешь, исправив грешный мир сначала;
Лишь недруг твой тебя страшится и тот, кому грозит опала.

Все чудеса земной природы в причудливом разнообразье
Перед тобою, повелитель, судьба роскошно сочетала.

Вот нити трепетного света, вот полог, сотканный росою,
Вот в царстве зыбких очертаний чертог прозрачнее кристалла.

Как ненаглядные газели, девицы нежные резвятся,
А эти пышные беседки подобны гротам из коралла.

Раздолье милым баловницам под сенью белого жасмина,
Когда у них над головами благоухают опахала.

А перед ними в изобилье очаровательных диковин
Пруд расстилается прекрасный, чья гладь на солнце заблистала.

Сквозь воду виден крупный жемчуг, а средь неуловимых струек
Змея пестреет, извиваясь, но не показывает жала.

Ты в этом зеркале прелестном увидишь все, что пожелаешь:
И феникса, и черепаху, и леопарда, и шакала.

Все стали дивиться этим удивительным стихам, и аль-Мансур записал их своей рукой. Но на краю блюда стояла маленькая лодка, где сидела девушка-невольница аль-Мансура и делала вид, что гребет золотыми веслами. Саид ее не заметил и потому ничего не сказал о ней. Записав стихи, аль-Мансур обратился к Саиду: «Ты превосходно справился, но забыл об этой девушке». И Саид тотчас произнес:

Но, может быть, всего прекрасней на корабле своем девица;
О ней, увенчанной цветами, душа с любовью возмечтала.

Предупреждает резкий ветер о том, что в море будет буря,
И корабельщица страшится при виде яростного вала.

Но где, когда, кто в мире видел, чтобы такой прекрасный кормчий
С такой сноровкой редкой правил кормилом в чаянье причала?

Услышав эти стихи, аль-Мансур приказал выдать Саиду тысячу динаров и сотню богатых одежд, и к кажой из них полагался еще драгоценный пояс и шелковая чалма. И повелитель повелел еще выдавать ему каждый месяц по тридцать динаров и включить в число своих надимов вместе с Ибн аль-Арифом, Зиядат Алла ибн Мударом ат-Тибни, Ибн ат-Тайяни и другими. Этот удивительный рассказ еще говорит нам о зависти, которую человек впитывает с молоком матери, и чувство это — самое древнее, так что его нельзя назвать новым. Поистине, нет среди животных более зловредного создания, чем человек!

И к числу удивительных случайностей, подобных которым я не слыхал, относится то, что произошло однажды с Саидом. Он подарил аль-Мансуру ручного оленя и послал с ним такие стихи:

Ты, оплот несокрушимый вопреки земному тлену,
Награждающий заслугу и карающий измену,

Ты, меня, раба дурного, соизволивший приблизить
И своим расположеньем повышающий мне цену,

Ты прими оленя в путах, нареченного «Гарси́я»,
В знак того, что рад плененный неожиданному плену.

И было суждено по предвечному велению Аллаха, что как раз в тот день, когда Саид отправил аль-Мансуру оленя и написал эти стихи, был захвачен в плен Гарсия, сын Санчо, один из царей румов, который до этого был недоступнее, чем небесные звезды. И будто Саиду было послано откровение свыше, что он назвал этого оленя Гарсия и написал, что отправляет его в путах, чтобы это послужило добрым предзнаменованием!»

Ибн Аль-Аббар

Из книги «Моления о прощении»

Рассказывают, что халиф Омар ибн аль-Хаттаб приблизил к себе Абу Мусу, а тот назначил на свое место Зияда ибн Абу Суфьяна. Омар стал упрекать его, говоря: «Ты сделал своим преемником юношу, не достигшего еще зрелого возраста!» Абу Муса возразил: «Повелитель правоверных, он справится как нельзя лучше с тем, что ему поручено, и обладает всеми похвальными качествами».

Тогда халиф Омар написал Зияду, приказывая ему явиться и оставить вместо себя заместителя, выбрав его по своему желанию. Зияд, поразмыслив, назначил на свое место почтенного старца — Имрана ибн Хусайна и отправился к халифу. Узнав о его выборе, Омар подумал: «Если Абу Муса избрал на свое место юношу-отрока, то этот юноша выбрал себе в заместители зрелого человека». И велел привести к нему Зияда и сказал ему: «Ты должен сейчас составить записку о том, что надлежит делать тебе как наместнику, и представить ее своему заместителю».

Зияд тотчас же составил записку и подал ее Омару, но, прочтя ее, халиф остался недоволен и приказал Зияду: «Напиши другую». И Зияд выполнил приказание халифа,

но тот, просмотрев записку, снова сказал: «Напиши другую». И Зияд написал третью записку и вручил ее халифу, и тот, просмотрев ее, отпустил его.

И халиф Омар сказал своим приближенным: «Он справился со своей задачей в первый раз, но я подумал, что написанное является плодом долгих размышлений и подготовлено заранее. Поэтому я заставил его переписать бумагу, и он снова справился со своей задачей, но мне не хотелось говорить ему об этом, и я решил унизить его, чтобы в него не вселилась гордыня, ибо гордыня — всегда причина гибели».

Через некоторое время Омар отставил Зияда, и тот спросил у него: «Повелитель правоверных, ты сделал это из-за того, что я не справлялся, или ты заподозрил меня в измене?» Омар ответил: «Ни то и ни другое. Просто я хотел, чтобы люди меньше чувствовали превосходство твоего разума».

Аль-Хаджадж назначил начальником дивана посланий Язида ибн Абу Муслима, ибо сильно полюбил его и находился под его влиянием. Когда аль Хаджадж заболел, тот заботился о нем и постоянно посещал его. Говорят, что он был его молочным братом. Когда же в последние дни правления аль-Валида ибн Абд аль-Малика аль-Хаджадж скончался, халиф назначил на его место этого Язида, и тот не только справился, но даже превзошел своего предшественника, так что аль-Валид говорил: «Умер аль-Хаджадж ибн Юсуф, и я назначил вместо него Язида ибн Абу Муслима. И я оказался подобным человеку, который потерял дирхем, но вместо него нашел динар». А потом он промолвил, обращаясь к Язиду: «Аль-Хаджадж называл тебя своим зорким оком, я же счел тебя своим ликом».

Однако через некоторое время, когда халифом стал Сулайман, Язид впал в немилость, и халиф приказал заточить его. Когда, закованный в железные цепи, он проходил мимо Сулаймана, халиф презрительно отвернулся от него, ибо Язид был мал ростом и некрасив, и нахмурившись произнес: «Как могло случиться подобное? — ума не приложу! Да проклянет Аллах того, кто вручил тебе бразды власти и поставил управлять своими делами!» И Язид ответил: «Повелитель правоверных, ты презрел меня, видя, что судьба отвернулась от меня. Но ты сказал бы иное, если бы встретился со мной в те дни, когда

судьба обратила ко мне свой лик. Тогда тебе показалось бы великим то, что нынче почитаешь ничтожным, и ты преклонился бы перед тем, что сегодня презрел». Тогда Сулайман воскликнул: «Ты прав, чтоб лишиться тебя твоей матери! Садись!» Когда Язид сел, Сулайман сказал ему: «Я велел привести тебя, Абу Муслим, чтобы ты рассказал мне о Хаджадже. Как ты думаешь, он все еще низвергается в бездну геенны огненной или уже нашел себе местечко там?» — «Повелитель правоверных, не говори такое об аль-Хаджадже, который был для вас самым искренним советчиком и всегда соблюдал вам верность. Он сохранил для вас царство, устрашив всех врагов вашей державы. Я словно вижу его в день Страшного суда, когда он будет стоять между твоим отцом и братом»,— ответил Язид. Халиф воскликнул: «Иди, и пусть Аллах проклянет тебя». Когда Язида увели, Сулайман, обратившись к своим приближенным, сказал: «Чтоб ему пропасть, как быстро он нашелся! Как он хранит свое достоинство и как верен своему другу. Воистину, он отплатил добром за благодеяние и остался благороден. Отпустите его».

Через некоторое время Сулайману стали превозносить бескорыстие Язида и его равнодушие к динару и дирхему, и он намеревался поручить ему какое-либо важное государственное дело, но не успел. Когда же халифом стал Язид, сын Абд аль-Малика, он сделал Язида ибн Абу Муслима правителем Африки.

* * *

Аль-Утби в своем сочинении под названием «Книга самоцветов» рассказывает следующее: некий катиб аль-Хаджаджа — имя его аль-Утби не называет — полюбил одну из невольниц аль-Хаджаджа, которая заходила в помещение, где находился этот катиб. Он ей тоже понравился, и всякий раз как она проходила мимо него и аль-Хаджадж не обращал на них внимания, она делала юноше знак бровями, приветствуя его.

Однажды этот катиб писал в присутствии аль-Хаджаджа послание к одному из наместников. В это время мимо него прошла та девушка, но не осмелилась взглянуть на юношу, боясь, что аль-Хаджадж заметит это и поймет.

Катиб, привыкший к тому, что девушка делает ему знак, смутился и растерялся до того, что написал в конце послания: «Она прошла мимо меня и не подала знака». Потом он запечатал послание печатью аль-Хаджаджа, как делал обычно, и отослал его с гонцом бари́да.

Когда это послание попало в руки того наместника, он ответил на все вопросы, содержащиеся в послании, но не понял, что означают слова: «Она прошла мимо меня и не подала знака». Ему не хотелось отвечать на эти непонятные слова, но в конце концов он все же решил написать: «Оставь ее и не обращай внимания». В таком виде и отослал свое письмо к аль-Хаджаджу. Прочтя его, аль-Хаджадж не понял последних слов и заподозрил неладное. Позвав к себе того катиба, он сказал ему: «Я не знаю, как понять эти слова». А у аль-Хаджаджа был такой обычай: если ему говорили правду и были чистосердечны с ним, он прощал упущения. Катиб промолвил: «Поможет ли мне искреннее признание, эмир?» Аль-Хаджадж ответил: «Да, говори». И катиб рассказал ему все как есть. Тогда аль-Хаджадж позвал ту девушку и расспросил ее, и она подтвердила слова катиба. И аль-Хаджадж, простив катиба, подарил ему эту невольницу.

* * *

Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани рассказывал, что однажды Абу Убайдаллах вошел к халифу аль-Махди, который был рассержен на него за что-то. Халиф набросился на Абу Убайдаллаха и стал поносить его бранными словами. При этом присутствовал Абу-ль-Атахия. Потом аль-Махди приказал схватить Абу Убайдаллаха, вытащить его за ногу и бросить в подземелье. Дав волю своему гневу, аль-Махди долго сидел молча, потупившись, а когда он немного успокоился, Абу-ль-Атахия сказал:

Пытливою мыслью моей всеобщий закон обнаружен:
Гнетет завоеванный мир того, кто со счастием дружен.

Кто мир презирает в душе, тот миром покорным возвышен;
Кто миром прельщается, тот поруган и обезоружен.

Ненужным ты пренебрегай, оставь его лучше в покое;
Тем более крепко держи того, кто действительно нужен.

Аль-Махди, улыбнувшись, сказал Абу-ль-Атахии: «Ты хорошо сказал!» Тогда поэт встал и обратился к халифу со словами: «Клянусь Аллахом, повелитель правоверных, в жизни не видывал я человека, который больше почитал бы этот бренный мир, дрожал бы над его благами, как скупец над своим кошелем, чем тот, кого только что вытащили отсюда за ногу. Когда я входил к повелителю правоверных, то видел его в полном величии славы, а теперь он стал самым униженным и презренным. Если бы он удовольствовался скромным достатком и не покушался бы на большее, то с ним не случилось бы этого и он не пал бы так низко после того, как высоко вознесся». Тогда аль-Махди, снова улыбнувшись, велел позвать Абу Убайдаллаха и возвратил ему свою милость. И тот был до конца своей жизни благодарен Абу-ль-Атахии.

Через некоторое время аль-Махди приказал казнить сына Абу Убайдаллаха по обвинению в ереси и безбожии. Когда тот был казнен, халиф позвал к себе Абу Убайдаллаха и сказал ему: «Пусть судьба, постигшая по велению Аллаха твоего сына, не будет препятствовать тому, чтобы твое сердце было спокойно и чтобы ты давал нам, как всегда, искренние советы. Я ведь не питаю по отношению к тебе никаких подозрений и не намереваюсь умалить твою честь и унизить твой сан». Абу Убайдаллах ответил: «Повелитель правоверных, мой сын был взращен на ниве твоих благодеяний и скошен твоей заботой о чистоте веры. Я же — твой покорный раб, и лучшее, чем владею,— твое мнение и доверие». Аль-Махди продолжал: «Твоя верная служба и признанное всеми повиновение халифу были бы достаточными для того, чтобы простить твоего сына, если бы его преступления были бы такими, что повелитель правоверных мог бы пройти мимо них, но твой сын повернул вспять с истинного пути и проявил неверие к своему господу». Абу Убайдаллах ответил на это: «Мы довольны собой или гневаемся на себя сообразно тому, доволен или гневается на нас повелитель правоверных. Мы слуги его благодеяний. Он вознаграждает нас за благие поступки, и мы благодарим, он наказывает нас за недостойные деяния, и мы терпим».

Через некоторое время ар-Раби ибн Юнис стал настраивать халифа против Абу Убайдаллаха, так что тот наконец изменился к нему. В то же время Раби всячески восхвалял некоего иудея Якуба ибн Дауда, говоря, что

его следовало бы сделать вазиром. С того времени положение Абу Убайдаллаха пошатнулось, а роль Якуба ибн Дауда стала возрастать, так что наконец халиф стал называть его братом в лоне Аллаха и назначил вазиром и приказал разослать об этом приказы во все диваны. Поэт Сальм аль-Хасир сказал об этом в своей сатире:

Имаму, ставшему халифом, скажи, премудростью владея:
«Ты праведника награждаешь, карая низкого злодея.

Но как ты мог земною властью облечь Якуба ибн Дауда?
Так, значит, братом перед богом ты называешь иудея?»

Потом аль-Махди сместил со всех постов Абу Убайдаллаха, сказав: «Я стыжусь его из-за того, что казнил его сына». Но затем он назначил его главой дивана посланий и принимал его только по делам службы.

* * *

Абу-ль Фарадж аль-Исфахани рассказывает о Юсуфе ибн аль-Хаджадже ибн ас-Сайкале аль-Куфи, который был искусным катибом, красноречивым поэтом и прекрасным певцом, на стихи которого было сложено множество песен. Он был близок к халифу аль-Хади и находился с ним до самой его смерти. Потом он скрылся, боясь гнева ар-Рашида. Когда же Харун ар-Рашид должен был прибыть в Ракку, аль-Куфи спрятался в русле высохшей реки на той дороге, по которой должен был проехать ар-Рашид со своей свитой. У ар-Рашида было несколько десятков мальчиков-невольников, метких лучников, которые обычно сопровождали его повсюду и ехали перед ним. Он называл их «муравьями» и велел им стрелять в каждого, кто покажется перед ними на пути.

Юсуф аль-Куфи, зная это, лежал не шевелясь, пока мальчики не проехали и показался паланкин, в котором был халиф. Тогда он выскочил на дорогу и встал перед верблюдом, на котором был установлен паланкин. Невольники натянули свои луки и хотели стрелять в него, но ар-Рашид крикнул: «Оставьте его!» Лучники опустили оружие, а Юсуф произнес такие строки:

Что за диво там я вижу на шагающем верблюде?
Дождик, солнце, месяц ясный, веру, явленную в чуде?

Да, все это сочеталось в дивном образе Харуна,
За которого собою жертвовать готовы люди.

Харун, протянув руку к Юсуфу, произнес: «Добро пожаловать, Юсуф! Как тебе жилось все это время? Подойди ко мне». Когда Юсуф подошел к халифу, тот приказал подать ему коня, и он сел на него и поехал рядом с паланкином, беседуя с ар-Рашидом и декламируя стихи, а Харун был весел и благосклонно улыбался. Потом он приказал одарить Юсуфа и сложить песню на те стихи, которые посвятил ему Юсуф.

* * *

Множество историй сложили об известном катибе Аббане ибн Абд аль-Хамиде аль-Лахики. Однажды он послал своему покровителю из рода Бармакидов, Фадлю ибн Яхье ибн Халиду, такие стихи:

Не дубина и не карлик, весь раздувшийся от жира,
Бородатый, с длинным носом, светоч я во мраке мира.

Я не праведник брезгливый, подобравший важно полы,
И не тот, кто распускает их, как ветреный задира.

Фадль позвал аль-Лахики к себе, и когда тот явился, вазиру принесли послание из Армании. Фадль бросил это послание Аббану и велел ему ответить на него. Аббан ответил так удачно, что Фадль приказал выдать ему миллион дирхемов и приблизил к себе так, что тот первым входил в дом вазира и выходил последним, а когда Фадль выезжал, Аббан ехал рядом с ним.

О стихах Аббана узнал Абу Нувас и сказал, издеваясь над ним:

Хуже всех крикун шумливый с дерзостью своей горластой;
Я подобную трещотку не назвал бы головастой;

Бородатый, с длинным носом,— не найти других достоинств;
Государей ты порочишь невоздержанностью частой.

Сквернослов неисправимый, туп, чванлив и лжив к тому же,
Красть остроты не стыдишься, так что лучше ты не хвастай.

Узнав об этих стихах, Аббан послал записку Абу Нувасу, где просил его не распространять их и обещал ему за это отдать полученный им миллион дирхемов. Но Абу Нувас ответил: «Даже если ты пообещаешь мне сотню миллионов, я все равно сделаю так, чтобы эти слова стали известны людям».

А, говорят, когда Фадль ибн Яхья услышал стихи Абу Нуваса об аль-Лахики, он сказал: «Мне больше не нужен Аббан. В одном бейте его обвинили в пяти пороках, и одного из них достаточно для того, чтобы отказаться от его услуг, которые примет после этого лишь глупец». Фадлю стали говорить: «Ведь Абу Нувас оболгал его!» Но Фадль ответил: «Что сказано, того не воротишь».

* * *

Абдаллах ибн Сувар ибн Маймун был катибом вазира из рода Бармакидов Яхьи ибн Халида и преуспел в своем искусстве. Он рассказывал: «Однажды Яхья позвал меня, чтобы я составил для него какое-то послание. Он сказал: «Садись и пиши». Я ответил: «У меня нет с собой чернильницы и калама». Яхья воскликнул: «Видел ли ты когда-нибудь ремесленника, который не имел бы постоянно под рукой своего инструмента?» Он произнес немало грубых слов, желая унизить меня, а потом велел принести чернильницу и калам и стал диктовать мне письмо к Фадлю по какому-то делу. К этому времени он успокоился и заметил, что я сам не свой от его речей и что беспокойство и обида мешают мне писать, и, желая смягчить мою обиду, спросил: «У тебя есть долги?» Я ответил: «Да». Он осведомился: «Сколько же ты должен?» Я сказал: «Триста тысяч дирхемов». Тогда он взял у меня письмо, которое я писал, и в конце его прибавил своей рукой:

«Наедаться до отвала стыд, а вовсе не заслуга,
Если вы не накормили голодающего друга.

Абдаллах сказал мне, что должен триста тысяч дирхемов. Прошу тебя, прежде чем ты, прочитав это письмо, отложишь его в сторону, прикажи послать Абдаллаху домой эти деньги».

И не успел я вернуться домой, как мне доставили триста тысяч дирхемов от Фадля».

* * *

Сахль ибн Харун, который был катибом Яхьи ибн Халида и неотлучно находился при нем до того часа, как ар-Рашид приказал схватить Яхью, рассказывает: «Когда Яхья ибн Халид был с Харуном ар-Рашидом в Ракке, я как-то сидел под навесом во дворе дома Яхьи и записывал расходы на жалованье слугам под диктовку Яхьи. Он разбирал записи, которые лежали перед ним, и я заметил, что его одолела сонливость и он закрыл глаза. Потом он сказал мне: «Горе тебе, Сахль, у меня как будто склеиваются веки и не работает голова, так я хочу спать. Что делать?» Я ответил: «Сон — это благородный гость и славный посетитель. Если ты приютишь его, он освежит и успокоит тебя, если будешь противиться — принудит тебя к повиновению, если прогонишь, он будет тебя преследовать, если удерешь — догонит, а если будешь бороться — победит». Яхья, выслушав мои слова, тут же уснул и проспал некоторое время, но вдруг пробудился и вскочил, словно испуганный и устрашенный. Он воскликнул: «О Сахль, не знаю из-за чего, но, клянусь Аллахом, пришел конец нашей власти, наше величие будет унижено и наш род будет стерт с лика земли!» Я спросил его: «Что случилось, да пошлет Аллах здоровье и счастье вазиру?» И Яхья промолвил: «Я слышал во сне голос, произносящий такие стихи:

Среди холмов не видно друга, нет больше счастья-непоседы;
И даже в Мекке больше не с кем вести разумные беседы.

И будто я ответил, не видя говорящего и не задумываясь:

Жилище наше опустело; мы жили там, но нас изгнали
Превратности земного счастья и неожиданные беды».

Клянусь Аллахом, эти слова постоянно звучали в моих ушах, ибо я также счел их предзнаменованием судьбы Яхьи.

На третий день после этого я сидел напротив Яхьи и ставил по его приказанию подписи под прошениями. И вдруг я увидел, что какой-то человек бежит к нам, задыхаясь, и, споткнувшись, чуть не упал на нас. Яхья сказал ему: «Горе тебе, потише, добра не скроешь и зла не утаишь». И тот человек сказал: «Повелитель правоверных

казнил Джафара!» Яхья спросил: «Неужели он сделал это?» И тот человек ответил: «Да». Яхья несколько мгновений сидел неподвижно, выронив калам из рук, а затем произнес: «Вот так неожиданно приходит страшный час!»

Говорит Сахль: «И это было бо́льшим бедствием, чем если бы небеса обрушились на землю. От Бармакидов отвернулись их ближайшие друзья, их родичи стали отказываться от родственных уз, а те, кто были облагодетельствованы ими, стали проклинать их благодеяния,— и для всего мира это было уроком и назиданием. Ни один язык не осмеливался упоминать их, ни один взор не поднимался к ним. Ар-Рашид покарал Яхью ибн Халида, Фадля, Мухаммада и Халида, их сыновей и всех потомков Джафара ибн Яхьи, не оставив в сердцах ни малейшей надежды.

Через некоторое время ар-Рашид послал за мной и, клянусь Аллахом, я подумал, что настал мой последний час. Я надел ихрам в знак того, что готов к смерти, и отправился к халифу, больше всего желая, чтобы Аллах судил мне погибнуть от меча, а не мучиться, как страдал Джафар.

Когда я вошел к Харуну и предстал перед ним, у меня пересохло во рту от страха, и он, посмотрев на меня, увидел, что взоры мои устремлены на обнаженный меч в руках стражника. Он промолвил: «О Сахль, того, кто пренебрег моими благодеяниями, преступил мой завет и сторонился моих указаний, постигло скорое возмездие». Клянусь Аллахом, мой ужас перед ним был так велик, что я не нашел в себе силы ответить ему. А он сказал: «Умерь свой страх и успокойся, не давай воли волнению и будь благоразумен. Ведь мы оставили тебя в живых и приблизили потому, что ты нам нужен, и ты будешь в безопасности до тех пор, пока твоя десница и твой разум будут верны нам». Потом, указав рукой на то место, где был убит Джафар, Харун промолвил:

Кто не умнеет от щедрого дара,
Того исправляет суровая кара».

Сахль продолжает: «И, клянусь Аллахом, я снова не нашел слов, чтобы ответить халифу, и поблагодарил его, только поцеловав подошвы его башмаков. Потом Харун сказал: «Иди, я назначаю тебя на место Яхьи и дарю тебе все, что находится во всех его домах и дворцах. Возьми на себя управление всеми диванами и сосчитай, сколько

должен был нам Джафар, и, бог даст, все это мы пожалуем тебе». И я был словно мертвец, оживший после того, как его завернули в саван и опустили в могилу».

С тех пор Сахль вошел в милость к халифу, и тот стал отличать его. Однажды Сахль вошел к Харуну в тот час, когда он развлекался и играл со своим сыном аль-Мамуном. Сахль сказал: «О Аллах, прибавь ему благ, даруй ему все благословения, чтобы каждый день его был лучше вчерашнего и хуже завтрашнего». Ар-Рашид спросил: «Ведомо ли тебе, Сахль, кто в стихах сказал то же, только лучше и более красноречиво?» Сахль ответил: «Повелитель правоверных, не думаю, чтобы кто-нибудь опередил меня». И тогда Харун промолвил: «Это сделал Аша Хамдан, сказав:

Ты отпрыск доброго семени!
Вчера ты был лучшим в племени,

Сегодня ты лучше прежнего;
Так лучший лучше от времени».

Сучилось потом так, что халиф аль-Мамун стал тяготиться Сахлем ибн Харуном. Однажды Сахль вошел к аль-Мамуну, когда придворные сидели вокруг него, каждый сообразно своему сану. Халиф стал говорить с собравшимися и употребил разнообразные виды красноречия. Когда он кончил, Сахль, обратившись к присутствующим, произнес: «Что же вы слушаете и не умолкаете, устыдившись своего косноязычия, что же вы видите, что происходит, и не понимаете, что же вы понимаете и не восхищаетесь, что же вы восхищаетесь и не воздаете должного? Клянусь Аллахом, он может сказать и сделать в один краткий день столько, сколько сказали и сделали все Омайяды за долгий век!» И после этого халиф вновь стал благоволить к Сахлю.

* * *

Одним из наиболее известных катибов и образованных людей был Кульсум ибн Амр аль-Аттаби. Во времена Харуна ар-Рашида он крепко держался аль-Мамуна и проводил того в Хорасан. Когда они прощались, аль-Мамун сказал ему: «Заклинаю тебя Аллахом, Аттаби, если нам суждено добиться власти, ты должен посетить нас».

Когда же аль-Мамун после победы над аль-Амином

прибыл в Багдад, аль-Аттаби попытался проникнуть к нему, но никак не мог получить доступа и встретиться с ним. Тогда он встал на пути кади Яхьи ибн Аксама, направляющегося во дворец, и сказал: «Я хотел бы, кади, чтобы ты напомнил обо мне халифу». Яхья ответил ему: «Я ведь не хаджиб!» Аль-Аттаби возразил: «Мне это известно, но ведь ты — достойный человек, а обладатель достоинств должен помогать людям». Яхья заметил: «Ты обратился не к тому, к кому должен был бы обратиться». Аль-Аттаби промолвил тогда: «Аллах дал тебе высокий сан и послал свои милости и благодеяния. Они будут возрастать, если ты проявишь благодарность, но прекратятся, если ты будешь неблагодарным. Сейчас я тебе бо̀льший друг, чем ты сам, и призываю тебя к тому, в чем будет залог увеличения божественной благодати, ты же упорно отказываешься. Со всего, что имеет цену, полагается платить милостыню в пользу бедных, а милостыня, которую должны подавать сильные мира сего,— помощь нуждающимся, вот это и будет твоей милостыныю мне».

Войдя к аль-Мамуну, кади воскликнул: «Повелитель правоверных, избавь меня от языка аль-Аттаби!» Но аль-Мамун, занятый чем-то, не обратил на эти слова внимания и не дал позволения войти аль-Аттаби. Увидев, что халиф пренебрегает им, тот написал ему:

Расставались мы иначе по дороге в Хорасан;
Верил я, что наша дружба — для меня надежный стан.

Я тогда не сомневался, что твою любовь ко мне
Разве только увеличит высочайший в мире сан.

Ты, халиф, мечом индийским рубишь тех, кто изменил.
Не забудь, что человеку верный друг Аллахом дан.

Так намекал он в этих стихах на то, что аль-Мамун убил своего брата за то, что тот изменил ему, нарушив завещание ар-Рашида.

Прочтя эти стихи, аль-Мамун велел позвать к себе аль-Аттаби, и, когда тот приветствовал его, поздравив с получением сана халифа, он встал перед ним, сказав: «Аттаби, мне рассказывали, что ты умер, и я был огорчен, потом мне сообщили, что ты явился к нам, и я обрадовался, и меня раздирают грусть разлуки и радость встречи».

Аль-Аттаби ответил: «Повелитель правоверных, если бы благость твоих милостивых слов разделить среди всех

жителей Мекки — от Арафата до Мина,— ее хватило бы на каждого, и не нашлось бы слов благодарности, достойных тебя. Твое благоволение — высшая цель и самое заветное желание, ибо в тебе — и вера и мирская жизнь». Халиф промолвил: «Говори, что тебе нужно». Аль-Аттаби ответил: «Твоей длани легче осыпать меня дарами, чем моему языку осыпать тебя просьбами». И халиф приказал выдать ему пятьдесят тысяч дирхемов.

* * *

Рассказывают, что когда ар-Рашид покарал Бармакидов, он назначил своим вазиром аль-Фадля ибн ар-Раби, который раньше был его хаджибом. Говорят, до этого Фадль вошел как-то к Яхье ибн Халиду, но тот принял его недостаточно радушно и был сух с ним, спросив: «Зачем ты пришел, Абу-ль-Аббас?» Фадль ответил: «Я принес тебе бумаги». Яхья взял бумаги и отослал Фадля, и тот, выходя от него, произнес:

Быть может, заставит судьба тебя натянуть удила;
Быть может, оступишься ты: дорога порой тяжела.

Конечно, нельзя отрицать, что могут сбываться мечты,
Однако судьба воздает нам делом за наши дела.

Тогда Яхья попросил Фадля вернуться, подписал все бумаги, которые тот принес ему, и отдал их.

Фадль был вазиром до конца жизни ар-Рашида и сопровождал его в Тус, где халиф скончался. Тогда он принял присягу у военачальников и других людей на имя аль-Амина, сына ар-Рашида. Они оставались в Тусе три дня, а затем вернулись в Багдад, где аль-Амин поручил Фадлю ведение всех его дел, сделав вазиром и полновластным правителем. Фадль видел, что новый халиф пренебрегает государственными делами и всячески избегает их, и это огорчало его. Ревность к делам державы побуждала Фадля даже на то, что он говорил халифу такие слова, каких бы никто не потерпел, но аль-Амин выслушивал его и не гневался на него.

Ибн Абдус рассказывает, что однажды аль-Амин решил устроить утреннюю попойку. Он велел созвать всех друзей и собутыльников и приказал, чтобы каждый из них собственными руками приготовил какое-нибудь блюдо. Позвали певцов, слуги поставили столы, и когда они

приступили к еде, к халифу вошел Исмаил ибн Субайх, один из приближенных халифа, и сказал: «Повелитель правоверных, сегодня тот день, когда ты обещал мне рассмотреть дела хараджа, управления твоими имениями, и разобраться в записках наместников. У меня уже скопилось этих записок и прочих дел за целый год, и ты ни разу не брал их в руки и не велел приносить их к себе, а ведь это может привести к большим убыткам и разору в делах державы».

Халиф аль-Амин сказал тогда: «Моя пирушка не может помешать мне заняться рассмотрением этих дел, здесь нет никого постороннего, кто помешал бы мне,— все мои родичи и близкие, они заслуживают того благоденствия, в котором живут, и не станут изменять мне. Принеси бумаги, которые я должен просмотреть, и подавай их мне одну за другой, а я в это время буду продолжать свою трапезу. Я закончу все до того, как мы поедим, а если что останется, то я займусь этим после еды. Я даже не буду слушать музыку, пока мы не завершим с тобой всех наших дел».

Тут явились катибы разных диванов и принесли бумаги, которых было так много, что казалось, будто это почти все дела, которыми занимаются диваны. Исмаил ибн Субайх начал читать бумаги халифу, а тот решал, не переставая есть, и решения его были весьма разумны и справедливы. Иногда он советовался с присутствующими и прислушивался к их мнению. Все бумаги, по которым было вынесено решение, складывались возле Исмаила ибн Субайха.

Потом слуги унесли столы и принесли вино, и аль-Мамун начал пить, продолжая заниматься делами. А у него был обычай выпивать за раз не меньше ратля. Так он осушал кубок за кубком и наконец просмотрел все бумаги. Потом халиф подозвал к себе одного из слуг и что-то приказал ему тайно от всех. Тот ушел и вскоре вернулся. Увидя его, аль-Амин встал и велел встать Ибрахиму ибн аль-Махди и Сулайману ибн Али. Когда они отошли примерно на десять локтей от того места, где прежде находились, вошла группа воинов, державших в руках бутылки с нефтью. Они стали бросать бутыли в груду бумаг и тетрадей и подожгли ее. Увидев это, Фадль ибн Раби, который присутствовал там, разодрал на себе одежду и побежал к халифу, крича: «Аллах слишком справедлив, чтобы примириться с тем, что наследник пророка и

вождь его общины — человек, творящий подобное!» А халиф только смеялся и не выказал никакого неодобрения словам Фадля.

Когда аль-Амин был убит, Фадль скрылся и не показывался до тех пор, пока аль-Мамун не въехал в Багдад. Тогда за Фадля вступился Тахир ибн аль-Хусайн. Но говорят, что аль-Мамун нашел его до этого, а уж потом вмешался Тахир, и халиф помиловал Фадля.

Рассказывают, что Фадль встретил Тахира, когда тот выехал со своей свитой, схватил за повод коня Тахира и сказал: «О Абу Тайиб, я не держал повод ни у одного владыки, кроме халифа или наследника престола». Тахир ответил: «Ты прав. Говори, что тебе нужно». Фадль промолвил: «Мне нужно, чтобы повелитель правоверных простил меня и вспомнил о нашей прежней близости».

Когда Тахир передал аль-Мамуну эти слова, он ответил: «Я простил его, но его напоминание о прежней близости — новый проступок». А надо знать, что Фадль держал Мамуна на коленях, когда тот был еще грудным младенцем. Наконец халиф приказал позвать к нему Фадля, и когда тот предстал перед ним и посмотрел ему в лицо, то совершил земной поклон и промолвил: «Я совершил земной поклон в знак благодарности Аллаху, который внушил мне просить тебя о прощении». Халиф спросил: «Скажи, Фадль, совершили ли мои предки по отношению к тебе что-либо дурное, или я, может быть, чем-то обидел тебя, что ты порицал и поносил меня и подстрекал пролить мою кровь? Не желаешь ли ты теперь, когда я облечен всей полнотой власти, чтобы я сделал с тобой то, что ты желал совершить со мной?»

Фадль отвечал ему: «Повелитель правоверных, мое извинение разгневало бы тебя, даже если бы было ясным и если бы мои поступки были продиктованы необходимостью. Что же говорить, если оно невозможно из-за того, что грехи отяготили меня и пороки вселили в меня скверну. Как я могу принести извинения? Но не будь со мной скуп на прощение,— ведь ты был щедр с другими! Ведь ты таков, как сказал о тебе аль-Хасан ибн Раджа:

Он прощает нам проступки, как предписано в Коране,
Даже если мы погрязли в преступленьях и в обмане;

Чуждый всем людским порокам, он готов простить обиду,
Если только не страдают от обиды мусульмане»,

И аль-Мамун перестал упрекать Фадля и позволил ему навещать его.

Обычно, если какой-нибудь катиб Фадля отличался, Фадль при всех благодарил его и не жалел похвал, а если ошибался, то Фадль клал бумагу под молитвенный коврик и молчал до тех пор, пока не оставался наедине с тем, кто составил эту бумагу. Тогда он доставал ее, указывал на ошибку и говорил, как ее исправить. Этот обычай перенял у него Хасан ибн Сахль, который долгое время служил под началом Фадля и затем стал вазиром.

* * *

Рассказывают, что аль-Мансур был очень строг со своими катибами и смещал с должности за малейшее упущение. Однажды, как рассказывает аз-Зубайди, начальник шурты по имени Исхак послал за ученым-грамматистом Ибн Кадимом. Рассказывает Ибн Кадим: «Исхак велел мне явиться, и я, не ведая причины, испугался. Когда я входил в его дом, у дверей меня встретил его катиб, бледный и встревоженный, и шепнул мне: «Исхак»,— а больше он ничего не смог сказать мне, опасаясь, что нас подслушают, и прошел мимо, не останавливаясь. Он ненадолго вышел и затем вновь вошел к Исхаку.

Когда же я предстал перед начальником шурты, тот спросил меня: «Как надо говорить: «И это имущество — имущество такого-то», или: «И это имущество — имуществом такого-то»? И я понял, что катиб не зря встретил меня у дверей и шепнул: «Исхак»,— и я ответил: «Правильнее первое, но возможно и второе». Тогда Исхак обернулся к тому катибу и грубо сказал: «Соблюдай в своих посланиях все правила и избавь нас от того, что «возможно» и «дозволено».

Потом Исхак бросил мне какую-то бумагу, и я спросил, что случилось, и он рассказал, что этот катиб отправил на границу аль-Мансуру составленное им послание, где по ошибке написал «имуществом» вместо «имущество». Аль-Мансур же подчеркнул это место и написал на полях: «Что же ты мне пишешь с ошибками!» Получив обратно это послание, Исхак разгневался так, что можно было подумать, что наступил день Страшного суда, и решил наказать виновного, но прежде послал за мной. Потом тот катиб говорил мне: «Не знаю, как благодарить

тебя, ведь ты спас меня и сохранил мне не только службу, но и жизнь».

Этот рассказ похож на то, что рассказывает аль-Джахиз о Хусайне ибн Абу-ль-Хурре, который отправил халифу Омару, да будет доволен им Аллах, послание с одной-единственной ошибкой. И Омар написал ему: «Бичом убеди своего катиба в необходимости соблюдения правил».

Рассказывают, что аль-Мансур тщательно проверял все послания и угрожал своим катибам самыми жестокими карами за ошибки. Один из них заметил: «Если эмир так наказывает за ошибки, то как велико должно быть его вознаграждение за отсутствие ошибок!»

Однажды наместник аль-Мансура отправил к нему послание, написанное на толстых и грубых свитках пергамента. Хаджиб приказал вызвать к нему катиба, писавшего это послание, и, когда тот явился, сказал: «Если у тебя с собой топор, разруби для нас этот свиток, чтобы мы прочли его. И всякий раз, как ты будешь писать нам на такой коже, мы станем вызывать тебя, чтобы ты разрубил ее».

Зиядат Алла Ибрахим ибн аль-Аглаб, эмир Ифрикийи, приглашал к себе в катибы Абу Бакра ибн Сулаймана аз-Зухри, который был к тому времени уже немолод, но славился как искусный поэт, был честен и благочестив. Абу Бакр стал отказываться, но Ибрахим настаивал. Тогда Абу Бакр сказал: «Я буду служить тебе, если ты примешь три мои условия». Эмир спросил: «Что это за условия?» Тот ответил: «Я хочу, чтобы ты разрешил мне не снимать мою верхнюю одежду, позволял садиться у тебя в маджлисе без твоего разрешения,— я ведь старик, а в твоем присутствии дозволено сесть, лишь испросив у тебя позволения,— а также не заставляй меня писать указы о лишении жизни или имущества». И эмир принял эти условия.

Рассказывают, что однажды эмир проходил мимо аз-Зухри в то время, когда тот молился, и позвал его несколько раз, но Зухри не обратил на него внимания и продолжал молиться. Эмир разгневался на него и стал упрекать, говоря: «Я звал тебя, но ты не ответил!» — но Зухри возразил: «Меня позвал тот, кто превыше эмира, и я не мог не ответить ему, находясь пред его ликом». Эмир ответил на это: «Ты прав»,— и прекратил свои упреки.

* * *

Рассказывают, что однажды вазир аль-Фадль ибн Марван и его катиб Ахмад ибн аль-Мудаббир ссорились друг с другом в присутствии халифа аль-Хакама. А в те времена правители не считали зазорным подобное, так как это их развлекало. Ибн аль-Мудаббир ведал тогда делами халифского дворца, в том числе кухней и утварью. В том помещении, где это происходило, лежала большая бархатная подушка, которую принесли зачем-то, позабыв убрать. В пылу спора Фадль сильно ударил рукой по подушке, и оттуда поднялась туча пыли. Ахмад крикнул: «Как ты осмеливаешься пылить в присутствии повелителя правоверных? Где твоя воспитанность? Разве ты не служил царям?» Фадль засмеялся и сказал: «Я сделал это только для того, чтобы послужить царю. Пусть повелитель правоверных видит, как хорошо ты заботишься о его утвари,— ведь ты даже не приказал выбивать пыль из подушек. Что же творится в тех покоях, где не бывает повелитель правоверных! И если бы я не боялся прослыть невежей в его глазах, я ударил бы рукой по ковру,— какая поднялась бы оттуда туча!» Ахмад смутился и растерялся и начал приносить извинения в своем упущении. Не прошло нескольких дней, как он был отставлен от своей должности.

Рассказывают, что Ибн аль-Мудаббир стал жаловаться халифу аль-Хакаму на Ибрахима ибн аль-Аббаса, говоря: «Ты назначил его главой дивана халифских имений, а ведь он ничего не знает,— ни великого, ни малого». Он обвинил Ибрахима в самых скверных вещах, и халиф ответил: «Завтра вы встретитесь в моем присутствии». Об этом узнал и Ибрахим и понял, что ему угрожает беда, ибо он сильно уступал Ибн аль-Мудаббиру в знании государственных дел и умении управлять. Наутро он отправился во дворец халифа, уверенный, что потеряет не только свое благоденствие, но и жизнь. Когда они оба предстали перед халифом, тот сказал: «Вот явились и Ахмад ибн аль-Мудаббир, и Ибрахим. Начинай, Ахмад, ведь из-за вас я пришел сюда, повтори, что ты сказал мне вчера!» Ахмад начал: «Ну что же сказать о нем? Начну я с того, что известно каждому: он не знает имен наместников, не помнит, кто какой стороной правит, ему неизвестно, какие дела хранятся в диванах, он не проверяет счета, не ведает, сколько налога полагается с каждого округа и даже

сколько всего округов в его владении». Ахмад продолжал обвинять Ибрахима, и каждое его обвинение было серьезнее предыдущего.

Тогда аль-Хакам, обратившись к Ибрахиму, спросил «Что скажешь? Почему же ты молчишь? Говори!» Ибрахим ответил: «Повелитель правоверных, ответ мой будет заключаться в стихах, которые я прочту, если разрешит повелитель,— и он произнес:

Отверг он слова мои, внял он хуле,
Меня уличил в несодеянном зле;

Неужто он тучей свой лик омрачит
И скроется месяц на хмуром челе?»

Халиф сказал: «Хорошо, клянусь Аллахом! Приведи кого-нибудь, кто сможет положить эти стихи на музыку, и подайте нам еды и вина. Пусть придут мои надимы и музыканты, хватит с нас назойливости Ибн аль-Мудаббира. Принесите Ибрахиму ибн аль-Аббасу дорогое платье, я хочу одарить его!» Ибрахиму подали почетный дар, и он ушел домой.

Рассказывает аль-Хасан ибн Махлад, который был преемником Ибрахима и управлял после него диваном халифских имений: «На следующий день Ибрахим был задумчив и хмур, будто чем-то встревожен. Я сказал ему: «Господин мой, сегодня — день радости и веселья,— ведь Аллах послал тебе новые благодеяния, упрочив благоволение халифа и отличив тебя своей милостью. О чем же ты задумался?» Ибрахим ответил: «Сынок, такому человеку, как я, больше подобает говорить правду. Я ведь не ответил Ибн аль-Мудаббиру каким-либо убедительным доводом, а все слова, сказанные им, были правдивыми. Я ведь не знаю даже десятой доли того, что известно ему в делах хараджа, как он не имеет даже десятой доли моего красноречия. Я ведь одолел его лишь шутовством. Мне бы следовало не только грустить, но и рыдать, оплакивая время, когда правду так легко можно побеждать ложью!»

* * *

Передают множество рассказов об аль-Джахизе. Вот один из них. Амр ибн Бахр аль-Джахиз был очень привязан к вазиру Ибн аз-Зайяту и согласился пострадать вместе с ним, когда аль-Мутаваккиль разгневался на вазира; аль-Джахиза заковали в тяжелые цепи и в таком

виде привели к новому вазиру, Ахмаду ибн Абу Дуаду, и тот сказал ему: «Клянусь Аллахом, ты забываешь благодеяния и не благодаришь за услуги, но хорошо помнишь все мелкие обиды. Мне не принесло вреда то, что я попытался исправить тебя, но даже само время не сможет улучшить тебя из-за природной испорченности твоего нрава,— ведь натура твоя исполнена скверны, ты выбираешь всегда самое дурное и беснуешься по малейшему поводу».

Аль-Джахиз ответил: «Успокойся и не принимай все так близко к сердцу, да поможет тебе Аллах. Ей-богу, то, что моя судьба в твоих руках, лучше, чем если бы твоя судьба была в моих руках. И то, что я совершаю скверные поступки, а ты хорошие, лучше, чем если бы ты совершал дурное, а я был бы добродетельным. И то, что ты простишь меня, получив силу, лучше, чем если бы ты покарал меня, когда я слаб». И Ахмад простил его.

* * *

Рассказывают, что катиб по имени Иса ибн аль-Фаси служил у Абу-с-Сакра Исмаила ибн Бульбуля. У Исы была невольница, которую он очень любил. Однажды утром он сидел с ней и пил вино. В это время к нему прибыл гонец от Исмаила, требуя явиться по важному делу. Тогда Иса написал Исмаилу такие стихи:

Подари меня любимой, от нее не отвлеки,
Без меня она зачахнет от безжалостной тоски.

Сам Аллах ночных покровов не подъемлет поутру.
Мы сердца связали наши, развязали все шнурки.

Исмаил поклялся, что не будет тревожить катиба три дня, и отослал ему благовоний, денег и богатое платье.

* * *

Рассказывают, что однажды Ахмад ибн Саид ибн Хазм, в бытность свою вазиром, находился с аль-Мансуром Абу Амиром, когда тот принимал прошения от простонародья. Ему вручили прошение о помиловании, которое подала мать некоего человека, заключенного Абу Амиром за преступление, которое он счел достойным смертной казни. Прочитав бумагу, аль-Мансур разгневался и воскликнул: «Клянусь Аллахом, она напомнила мне о нем!»

Он взял в руки калам, чтобы написать на бумаге свое решение, и хотел написать: «Распять!», но вместо этого начертал: «Отпустить!» — и бросил прошение Ибн Хазму.

Взяв бумагу, Ибн Хазм начал писать указ начальнику шурты сообразно решению аль-Мансура. Ибн Абу Амир спросил его: «Что ты пишешь?» Ибн Хазм ответил: «Я пишу указ об освобождении этого человека». Придя в бешенство, аль-Мансур крикнул: «Кто приказал тебе делать это?» Вазир ответил: «Эмир сам принял такое решение». Взяв прошение, аль-Мансур, увидев свою надпись, промолвил: «На меня нашло помрачение! Его следует распять!» Он снова взял бумагу, зачеркнул то, что написал, и сверху поставил свою подпись, а рядом с ней слово «отпустить», хотя желал написать «распять».

Вазир протянул руку и, увидев, что начертал аль-Мансур, продолжал писать указ об освобождении. Аль-Мансур, который в это время занялся другими бумагами, искоса поглядел на него и спросил: «Что ты пишешь?» Ибн Хазм снова сказал: «Я пишу указ об освобождении этого человека». Эмир разгневался еще сильнее и крикнул: «Кто приказал тебе делать это?» Вазир молча подал ему бумагу. Увидев свою подпись, аль-Мансур снова перечеркнул ее и сбоку приписал: «Освободить!», хотя думал, что пишет: «Распять!»

Взяв бумагу, вазир, ни слова не говоря, продолжал писать указ об освобождении, и аль-Мансур снова крикнул: «Что это ты пишешь?» Вазир снова ответил: «Указ об освобождении того человека, вот подпись эмира, которую он ставит уже третий раз».

Увидев слово «освободить», написанное в третий раз его собственной рукой, аль-Мансур удивился и промолвил: «Да, его придется освободить, вопреки моему желанию. Ведь если сам Аллах желает пощадить кого-либо, я не могу помешать этому».

* * *

Рассказывают, что аль-Мансур ибн Абу Амир даже в часы, отведенные им для отдыха и веселья, больше увлекался делами управления и придумыванием различных хитростей против врагов, чем ароматным вином, которым обносили собравшихся, и волшебными звуками струн, которыми их услаждали. Его катибом в то время был Иса ибн Саид, который служил ему еще до того, как аль-Ман-

сур взял власть в свои руки. Эмир был постоянно благосклонен к нему, ценя его верность и давнюю дружбу. В одну из ночей аль-Мансур созвал всех своих надимов, приказал принести вино и развлекать всех музыкой и пением, а сам сел рядом с Исой ибн Саидом и занялся делами.

Иса, раздосадованный тем, что аль-Мансур не дает ему пить вино и слушать песни, лишая его любимого развлечения, наконец воскликнул: «Прости меня бог! Или вино и наслаждения, или служба и ее мучения! Если ты хочешь, чтобы наша ночь не отличалась от дня, вели певицам замолчать, прикажи принести свитки и тетради, пусть придут писцы диванов, и мы займемся делом как подобает. Ведь смешивать серьезное с шуткой — только дело портить. Дай нам часок отдохнуть, чтобы собраться с силами для вечных трудов!»

Эмир, засмеявшись, сказал: «Тот, кто испытал наслаждения, которые дает власть, не променяет их ни на одно другое наслаждение, доступное мужчине». Но потом он оставил все дела и провел ночь, беседуя со своими надимами и слушая музыку.

* * *

Одним из известных катибов аль-Мансура ибн Абу Амира был Халаф ибн Хусайн ибн Хайян, отец Абу Марвана ибн Хайяна, известного ученого, прославившегося в стихах и прозе. Халаф рассказывал: «Однажды аль-Мансур набросился на меня с бранью, и я растерялся, не зная, что делать. Заметив это, повелитель смягчил свои упреки и отправил меня по тем делам, которые, как он полагал, я выполнил недостаточно быстро и удачно. Через несколько дней я вернулся, исполнив все, что следовало, и аль-Мансур велел мне остаться, отпустив своих приближенных. Когда все удалились, он повелел мне приблизиться и сказал: «Я видел, что ты непомерно испуган, и не одобряю этого. Ведь кто верит в Аллаха, свободен от страха, ибо знает, что нет силы, кроме как у него, а я лишь орудие в руках Всевышнего,— правлю по его велению и прощаю по его соизволению, и все, чем я владею, принадлежит ему. Успокойся и не волнуйся, ведь я сын женщины из племени Тамим. Долгое время мы жили только тем, что я каждый день продавал на рынке пряжу, которую пряла моя мать. Тогда я радовался несказанно своему заработку, а потом, по воле Аллаха, добился того,

что ты видишь. Кем бы я был перед ликом Аллаха, если бы не заботился о бедных, не защищал обиженных и не удерживал могущественных обидчиков!»

* * *

Рассказывают, что аль-Хаким ибн аль-Азиз, правитель Египта, разгневался на своего вазира, Ахмада ибн Али аль-Джурджураи Абу-ль-Касима, и приказал отрубить ему обе руки за какой-то проступок, который тот совершил или в котором правитель его подозревал. После того как Ахмаду отрубили руки, он велел перевязать их ему и отправился как обычно в диван. Там он преспокойно сел и сказал: «Повелитель не сместил меня с моего поста, он лишь наказал за мой проступок». И люди дивились ему, хотя и знали, что это человек решительный и смелый, хитрый, терпеливый и красноречивый. Когда правитель Египта узнал об этом, он счел такой поступок великой доблестью, и вазир высоко поднялся в его мнении, и он стал раскаиваться, что поступил так жестоко с ним.

Аль-Муизз ибн Бадис, правитель Кайруана, хотел перехитрить аль-Хакима и затеял переписку, пытаясь склонить на свою сторону вазира и настроить его против господина, но аль-Джурджураи ответил ему несколькими стихотворными строками, где был такой бейт:

Я познакомился с тобою, и, признаюсь, я устрашен:
Впервые встретил человека, который совести лишен.

Потом вазир говорил: «Не удивительное ли это дело? Магрибинский берберский мальчуган желает обмануть арабского шейха? Он хотел этими посланиями посеять рознь между вазиром и его правителем и погубить вазира в случае, если кто-нибудь из соглядатаев правителя найдет одно из этих писем! Клянусь Аллахом, я не буду посылать против него войска, но не премину сделать такое, что погубит его самого: стану побуждать правителя Египта позволять египетским кочевым арабам переправляться через Нил на земли Магриба, что прежде было им строжайше запрещено». К тому же каждому переселенцу стали выдавать одежду и деньги. Через Нил переправилось в Магриб великое множество бедуинов Египта. Им не давали никаких приказаний, так как всем было известно, что они и без того знают, что им делать. Большая их часть поселилась в окрестностях Барки, а

потом появился среди них некий Мунис ибн Яхья ар-Рияхи, который сделал своим убежищем Кайруан. Не прошло и года, как эти бедуины напали на Муизза ибн Бадиса и, нанеся поражение его многочисленным войскам, изгнали его из Кайруана и разграбили город. После этого множество их поселилось в краях Магриба, где они живут и по сей день.

* * *

Одним из выдающихся катибов и вазиров андалусских земель был Мухаммад ибн Саид ат-Такуруни Абу Амир. Еще Абу Мухаммад ибн Хазм упоминает его имя в числе тех, кто возвысился вместе с Али ибн Абд ар-Рахманом ибн Абу Амиром. Когда же Абд аль-Азиз ибн Абд ар-Рахман стал правителем Валенсии, Мухаммад ибн Саид стал его вазиром и правил всеми его делами до конца его жизни.

Вот что говорит Ибн Бассам в «Сокровищнице»: «Когда же власть рода Бану Амир закатилась и ветвь ее сломилась, оборванная губительной смутой, перемоловшей на своем жернове множество жизней, Ибн Саид был одним из тех, кто бежал от мрака смутного времени, подобно человеку, ищущему убежища на вершине горы от разлившихся вод. Он остановился в Валенсии, где эмирами были Музаффар и Мубарак, прежние невольники рода Бану Амир. Примкнув к ним, как одна бусина в ожерелье примыкает к другой, Ибн Саид разделял с ними все высокие степени власти и могущества, пока оба эмира не откликнулись на зов призвавшей их гибели, так что их лишилось собрание славных мужей. Тогда их владения, как и земли других невольников-евнухов, захвативших в то время власть на востоке Андалусии, перешли к Абд аль-Азизу, получившему прозвище «аль-Мансур», и Абу Амир испил из источника могущества аль-Мансура, утолив свою жажду, и без устали нес бремя государственных дел, не уступая его никому».

Рассказывают, что эмир Муджахид написал однажды аль-Мансуру послание, заключавшее лишь один бейт аль-Хутайи:

Не домогайся достоинств; поверь, не в них превосходство.
Ты сыт и одет к тому же. Зачем тебе благородство?

Когда это послание оказалось в руках аль-Мансура, тот так разгневался, что не мог ни сидеть, ни стоять и

готов был выскочить из кожи, не говоря уж об одежде. Он велел позвать к себе Абу Амира и сказал ему: «Готовься встретить великую беду или немедля ответь на это послание». Абу Амир взял калам и начертал заголовок, как обычно, потом написал: «Во имя Аллаха, милостивого, милосердного» и продолжал:

Ругают рабы Низара своих господ благородных.
Уж так повелось от века: рабы поносят свободных.

И аль-Мансур утешился, и гнев его прошел, и он приказал написать указ о назначении Абу Амира вазиром, и тот получил множество мирских благ.

* * *

Одним из прославленных вазиров Андалусии был Абу-ль-Валид ибн Зайдун. Он родился в Кордове и возрос в дни смуты, когда городом правил совет из купцов и простонародья. Ибн Зайдун прославился как красноречивый катиб и чувствительный поэт. Он поднялся до невиданных высот, и речь его лилась свободно, так что он создал немало чудес, посрамив всякого, что желал бы сравниться с ним.

Он попался в когтистые лапы Абдаллаха ибн Ахмада аль-Маккави, одного из правителей Кордовы, который, будто коршун, налетел на него и бросил в темницу. Тогда Ибн Зайдун обратился к Абу-ль-Валиду ибн Джахвару, когда еще был жив его отец, Абу-ль-Хазм. Тот заступился за него и вызволил из беды, причислив к своим сторонникам, которые обязаны ему благодеянием. Рассказывают, что Ибн Зайдун написал в послании, которое отослал Ибн Джахвару, следующее: «Неужели ты, да возвеличит тебя Аллах, сорвал с меня покров своих милостей и лишил меня щедрот своей дружбы? Неужели ты отвратил от меня свой покровительственный взор? Ведь даже слепой видел, какие надежды я возлагаю на тебя, даже глухой слышал мои хвалы тебе, даже пораженный параличом ощущал мое доверие к тебе! Но это и не удивительно. Ведь тот, кто пьет оживляющую душу воду, может умереть, захлебнувшись, иногда погибает от лекарства тот, кто желает излечиться им, и беда может поразить осторожного оттуда, где надеялся он найти себе приют и безопасность. Однако я решил все стерпеть, сказав себе: «Кто ты, как не запястье, которое кровоточит от

поранившего его браслета, или чело, уязвленное надетым на него венцом, или машрафийский гладкий меч, который мастер решил отполировать песком, поцарапав его, или самхарийское копье, которое положили прямо в огонь, чтобы выпрямить, но спалили его?» Упрек иногда бывает полезен: беда может утопить в пучине горя, но и может потом рассеяться, подобно удару судьбы, что «словно летнее облако, поражающее громом, но тающее». Господина моего, даже если он медлит и не спешит помочь мне, можно извинить:

Человеческих сердец он же не обкрадывал!
Огорчил он одного, тысячу обрадовал.

О, если бы мне знать, какой грех я совершил, что нет мне прощения! Ведь ведомо всем, что я невинен,— где же справедливость? А если я и согрешил, то где же милость? Я вижу, что со мною обращаются, по меньшей мере, так, будто я, словно сатана, отказался преклониться перед Адамом, или стал поклоняться золотому тельцу, или нарушил день субботний. А ведь я не убил вещую верблюдицу пророка Салиха, и не пил из реки, которой были испытаны воины Саула, и не вел против Мекки слона Абрахи, царя эфиопов...

Зачем душой человеческой ты так жестоко играешь?
Даже завистники сжалились над тем, кого
ты караешь.

Так за что я страдаю? Ведь моя вина — донос недоброжелателя и сплетня негодного распутника. Я не стал обманщиком, после того как был искренним и правдивым другом и советчиком, не отдалился, после того как был приближен тобой, не строил тебе козни, после того как был твоим верным приверженцем. Почему же ты встречаешь холодом мою привязанность и отвечаешь ненавистью на мою любовь,— ведь меня одолел бессильный и передо мной чванится слабый, и даже рабыня, не носящая браслета, осмелится дать мне пощечину! Почему же ты не защитишь меня, прежде чем меня разорвут на части, и не придешь мне на помощь, прежде чем меня растерзают? Ведь я был украшен тем, что служил тебе, готов был отдать душу у твоего порога и совершал лишь похвальные поступки:

Разве лучшие касыды не тебе я посвятил?
Неужели стих не стоит самоцветов и светил?»

Ибн Зайдун написал также в заключении множество стихов, которые отправил Ибн Джахвару. Его друзья готовили побег, но после заступничества Абу Хазма он был освобожден.

* * *

Одним из катибов аль-Мутадида Аббада ибн Мухаммада, правителя Севильи, был Абу Мухаммад ибн Абд аль-Барр. Он известен как составитель замечательного послания о смерти Исмаила, сына аль-Мутадида. Говорят, что он написал его без подготовки. Однако завистники оклеветали его перед эмиром, и тот изменился к нему, лишил своего благоволения и заточил в темницу. Мне рассказывал один из моих учителей, что отец Абу Мухаммада, имам Абу Омар ибн Абд аль-Барр, услышав о заточении сына, явился в Севилью из Валенсии, где постоянно проживал, и, войдя к аль-Мутадиду, громко закричал: «Эй, Мутадид, отдай мне моего сына, где мой сын, скажи мне, Мутадид!»

Тогда эмир отпустил Абу Мухаммада, и они удалились в Валенсию, осыпанные милостями.

Говорит Ибн Бассам: «Когда Абу Мухаммад пожелал, чтобы андалусские края стали его ристалищем, ибо он достиг высочайшей степени совершенства и самых недоступных вершин искусства, его стали передавать друг другу разные земли Андалусии и все взоры устремились к нему. Правители и эмиры соперничали из-за него, но он достался, по воле судьбы, бросившей жребий, после долгого спора и нескончаемого раздора, аль-Мутадиду. Абу Мухаммад прислушался к речам аль-Мутадида и запутался в силках его благосклонности, но его приезд в Севилью стал словно кость в горле Абу-ль-Валида ибн Зайдуна, который, как утверждают, прилагал все усилия для того, чтобы пролить кровь Абу Мухаммада.

Когда же последний увидел, что прибытие к аль-Мутадиду обернулось для него убытком и что его пропитание вот-вот достанется хищному волку, он стал раскидывать умом, пытаясь найти какую-нибудь возможность ускользнуть из Севильи и спасти свою жизнь и имущество. Говорят, что он постоянно был невесел душой, словно чем-то напуган или болен. Но когда он увидел, что аль-Мутадид остерегается его и изменился к нему, он сделал вид, что отбросил посох странствий, и стал приобретать дома в

Севилье и имения в ее окрестностях, так что правитель Севильи подумал, что Абу Мухаммад доволен и желает навсегда остаться под его покровительством.

Тогда он, полный доверия, дал Абу Мухаммаду поручение к одному из эмиров Альсиры, своему союзнику. Абу Мухаммад поначалу отговаривался, остерегаясь, что его заподозрят, и делал вид, что это поручение ему тягостно, но затем, приняв его, ускользнул от аль-Мутадида, как ускользает от взоров ночной призрак, и спасся так ловко, что можно лишь спросить: «Как это удалось?» Он вернулся в родные земли Валенсии, где начал обхаживать кади Абу Омара ибн аль-Хазза, побуждая того променять свои владения близ Валенсии на его имения в Севилье, понимая, что отныне ему закрыт к ним путь. А до этого аль-Мутадид всячески заманивал к себе кади Омара ибн аль-Хазза, соблазняя и искушая его невиданными милостями. И когда Абу Мухаммад украсил хитрыми речами пребывание в жилище гибели и зла, кади согласился на обмен, но едва он прибыл в Севилью, как аль-Мутадид стал его обижать и притеснять, и небрежение, которое он проявил по отношению к нему, было во много раз больше обещаний, что он щедро разбрасывал прежде. А между тем Абу Мухаммад продал бывшие владения кади и, превратив таким образом унаследованное в приобретенное, стал переезжать из одной земли в другую, словно луна, что никогда не остается на одной стоянке, и был катибом и вазиром у большинства эмиров и царей Андалусии».

* * *

Поучительна судьба Абу Бакра Мухаммада ибн Сулаймана ибн аль-Касира, который прославился еще во времена правления аль-Мутадида своим благочестием и ученостью. Этот человек обладал гордой душой, что побуждала его состязаться с именитыми мужами и бросать вызов судьбе, что правит днями и ночами. Он натягивал поводья времени, закусившего удила, пытаясь укротить его, желая, чтобы перед ним склонился непокорный рок. Абу Бакр отказывался служить правителям, не желая добиваться тех степеней, которые были дарованы именитым мужам, что нисколько не превосходили его. Чистота нрава отвращала его от мирских дел, и к тому же его удерживал страх перед своеволием эмира аль-Мутадида. Говорят, что Ибн Зайдун рассказал о нем аль-Мутадиду, и тот уже

в конце своего правления стал поручать ему некоторые дела.

Когда же власть перешла к сыну эмира аль-Мутадида, аль-Мутамиду, тот возвысил Абу Бакра, сделав его своим вазиром, и отправлял его послом к другим царям Андалусии. В то время усилился Юсуф ибн Ташуфин, царь племени Ламтуна, и надежды андалусских эмиров обратились к нему. Абу Бакр не раз был послом аль-Мутамида к Юсуфу ибн Ташуфину и вел дело с постоянным успехом, так что каждый отъезд вазира из Севильи и прибытие в столицу становились важным событием. Наконец аль-Мутамид так приблизил к себе вазира, что не мог и дня обойтись без него. Он был так возвеличен, получил такой простор для своих дел и так самовластно управлял в государстве аль-Мутамида, как никто иной прежде и после него.

Но в месяце раджабе четыреста восемьдесят четвертого года Юсуф, как известно, захватил Севилью вместе с другими андалусскими землями и, свергнув власть эмира аль-Мутамида, отправил его в изгнание в дальние края Магриба. Абу Бакр был среди тех, чье имущество разграбили и чьи владения отобрали. Он жил в бедности около трех лет. Наконец Ибн Ташуфин вспомнил о его благочестии и добронравии и приблизил его к себе, поручив ведение некоторых дел. А говорят, что случилось это из-за того, что к Ибн Ташуфину прибыло послание от правителя Египта, на которое никто не мог ответить должным образом. Тогда-то Юсуф и велел доставить к нему Абу Бакра, назначил его главой катибов всех своих диванов и возвысил. После Юсуфа правил его сын Али ибн Юсуф, который утвердил Абу Бакра в его должности и неизменно был благосклонен к нему.

* * *

Рассказывают, что наместник Гранады во время правления рода Бану Ламтуна, Ибн аль-Вакиль аль-Ябури, был уличен в растрате десяти тысяч динаров. Его схватили и в цепях отправили в Марокко. Когда его доставили в город Сала, что находится на магрибинском берегу, он узнал, что там находятся несколько потомков Мухаммада ибн аль-Мудаббира, известного катиба и поэта, и эти почтенные и достойные люди пользуются покровительством царей Бану Ламтуна. Одним из них был кади Абу-

ль-Хасан. И аль-Ябури сложил тогда свою знаменитую касыду, восхваляя Абу-ль-Хасана и его царственного покровителя и прося о помощи.

Он попросил, чтобы эту касыду доставили к Абу-ль-Хасану. Прочтя ее, тот обратился к правителю, обещая, что заплатит деньги, которые растратил наместник Гранады, и сам привезет их. Он молил о том, чтобы Ибн аль-Вакиля пощадили, простили и вернули ему его должность, обещая постоянную помощь и покровительство. Так Ибн аль-Вакиль вернулся в Гранаду торжественно и с почетом.

А касыда начинается такими словами:

Видишь, молния сверкнула, вспыхнув пламенем за тучей?
Так мне сердце опалили серьги Сальмы страстью жгучей.

Видишь, в небе туча плачет? Может быть, она влюбилась
И грозит уже разлука этой страннице летучей?

Я чужой в стране Магриба; мое сердце разделилось.
Часть его в родном Ябуре, жертва скорби неминучей.

Если я рыдаю горько, плачет облако со мною
Или вторит мне голубка жалобой своей певучей.

Запрещает мне стыдливость в славу всматриваться дерзко,
Потому что честь прозрачней и светлей воды текучей.

Светит ярче звезд небесных царственная справедливость
И над лугом, и над нивой, и над горной дикой кручей.

Так под милостивой властью исполняются желанья;
Процветай же впредь, как прежде, в правоте своей могучей.

* * *

Известный катиб и вазир Абу Джафар Ахмад ибн Атыйя был превознесен родом Бану Хафс и по праву пользовался доверием царей и правителей. При царях Бану Хафс сиял блеск его искусства и было прославлено его мастерство в начале и в конце его жизни. Мановением своего жезла он правил не только людьми, но и самой судьбой и объединял в своей длани незапятнанную честь и высшее благородство. Он был из тех людей, что обязаны своим возвышением лишь своему умению и облагодетельствованы прежде всего из-за своих благих дел. Вначале он служил катибом у Исхака ибн Али, сына Юсуфа ибн Ташуфина. В пятьсот сорок первом году, на восьмой день месяца шавваля, в субботу, когда против Исхака вы-

ступили его враги и он был убит вместе с несколькими своими приближенными, Абу Джафар бежал и, переодевшись, скрылся среди простонародья. Не надеясь на то, что ему удастся долго оставаться в доме кого-нибудь из его прежних друзей, он решил проявить осторожность и дошел в этом до того, что записался лучником в отряд наемников и жил только на свое жалованье, которое получал наравне с прочими воинами.

В это время против правителя из рода Бану Хафс, который захватил власть у Исхака, выступил некий самозванец по имени аль-Маси и мятеж принял угрожающие размеры. Славный эмир Абу Хафс, поднявший знамя Альмохадов, мечам которых была дарована победа, разбил аль-Маси в сорок втором году на шестнадцатый день месяца зу-ль-хиджа, и приверженцы мятежника обратились в бегство. Абу Хафс приказал доставить к нему красноречивого катиба, который составил бы послание об этой великой победе. Ему указали на Абу Джафара, который, как уже говорилось, скрылся среди воинов-лучников. Как он ни старался переодеться и изменить свой вид, он был слишком известен, чтобы долго оставаться неузнанным. Эмир велел доставить его к себе и велел приступить к делу. И Абу Джафар составил послание, которое принесло ему честь и почет и уподобило его чистокровному коню со звездой на лбу и браслетами на ногах, после того как ему пришлось пребывать в безвестности, словно темному коню нечистых кровей. Эмир назначил его главой всех катибов, а затем вазиров, по обычаю этого благословенного дома, известного чистотой нравов, охраняющего своих приверженцев от превратностей времени... Мы приведем отрывки из этого послания, которое стало известно во всех землях Андалусии.

«Это послание написано в долине Маса после одержанной нами ныне славной победы, ниспосланной нам по велению Аллаха,— «и всякая победа лишь от Аллаха, славного и мудрого». Эта победа, взойдя на небосвод, ослепила все небесные светила, она осенила своей радостью души всех мусульман, пробудив и заставив поднять веки уснувшие надежды, ибо такой победы не было видано прежде. Она погрузила нас в пучину благодарности, так что ни один язык не сможет, проникнув в ее глубины, достойно описать ее:

Небеса победа отверзла ненаглядным своим сияньем,
И земля теперь щеголяет незапятнанным одеяньем.

Мы спешим послать всем радостную весть, ибо обстоятельства таковы, что не терпят отлагательства. Знайте, что эти заблудшие отступники проявили неблагодарность и напали на нас, нанося нам обиды в своем ослеплении, и пожелали, чтобы их долей было явное неверие и ересь. Аллах повелел им совершать как можно больше грехов, наказав их за гордыню и непокорность, а их поганый главарь склонял к себе души своими выдумками и россказнями и привлекал сердца лживыми обещаниями и угрозами. Сатана расставил для них свои силки и сети, и к нему шли со всех сторон, из дальних и ближних краев, послания и обещания, ибо многие считали его чудом из чудес. Их привело к гибели прибытие с этих берегов людей, которые долгое время делали вид, что оставили мирскую жизнь, и занимались, как они утверждали, только постом и молитвой при свете дня и во мраке ночи. Чтобы обмануть людей, они облачились в одежды благочестия и кольчуги лицемерия, но Аллах затворил перед ними врата успеха и удачи, и не удалось врагам нашим выполнить свою задачу».

Мы приведем из этого послания также отрывок, где говорится о поражении мятежника аль-Маси: «И он был, хвала Аллаху, повержен; когда наступил назначенный срок, к нему понеслись, перегоняя друг друга, посланцы гибели, и справа, и слева его окружили почетные послы — наконечники хаттийских копий. А ведь он утверждал, что была ему ниспослана радостная весть о том, будто в ближайшие годы смерть ему не угрожает, гибель не настигнет и все беды минуют. Он говорил и вел множество лживых речей, возводя напраслину и на Аллаха, дабы привлечь к себе своих сторонников. Но когда они увидели собственными глазами, как он был повержен, как истерзали копья его плечи и ребра, исполняя веление всевышнего Аллаха, и никто не мог защитить его и отвратить божественную волю, они обратились в бегство, и ни один из их отрядов не остановился. И они бежали, не ведая дороги и не зная, куда несут их ноги, они разлетелись, как разлетаются мухи, и каждый из них был беззащитен перед острием мечей, так что кровь из ран лилась им на пятки, как и подобает беглецам, что удирают в беспорядке. Земля покрылась их телами, и судьба позволила смерти похитить их жизни прежде назначенного им срока, ибо Аллах взыскал с них за их неверие и за то, что они разожгли смуту. Ты не увидел бы из них никого, кто не был

бы повержен и не напоил бы землю своей кровью, став жертвой острых индийских мечей. А остальных необходимость заставила броситься в реку, и кто надеялся на спасение и избавление, попытался переплыть на другой берег, но и в воде его достали острия копий, похищающие жизни и заставляющие вкусить горечь смерти. Так случилось, что те, кто погрузились в водную пучину, нашли скорую кончину, ибо Альмохады бросились в реку, разя копьем и мечом, принося мятежникам злую беду по велению Аллаха, так что полосы кровавой пены покрыли речные воды и красный цвет спорил с голубым, словно алая заря на синеве небес. И было это для всех мятежников зловещим предзнаменованием и достаточным назиданием, и потоки крови были обильнее, чем речные воды».

Ибн Хузайль аль-Андалуси

Из книги «Украшение всадников и девиз храбрецов»

О том, когда были созданы кони, о первых всадниках и о том, как кони распространились по земле

Говорят, что когда всевышний Аллах захотел создать коня, он сказал южному ветру, приносящему бурю: «Я сотворю из тебя существо, которое будет величием для моих

друзей и унижением для моих врагов». И ветер ответил: «Сотвори!» Тогда всевышний сжал в горсти частицу южного ветра, и создал коня, и сказал ему: «Я назвал тебя «конь», и родом ты из арабов, а в гриву твою вплетено благо. Спина твоя создана для того, чтобы нести на ней добычу, и слава будет сопутствовать тебе всюду, куда бы ты ни ступил копытом. Я предпочел тебя всем сотворенным мною тварям и сделал тебя их повелителем и господином. Твой владелец будет холить тебя, а всадник, оседлавший тебя, полюбит больше жизни. Ты будешь лететь, хотя лишен крыльев, преследовать врага и уносить от преследования друга. Если твой всадник станет прославлять меня, то ты прославишь мое имя вместе с ним».

Потом господь обратился к Адаму и, назвав по именам всех тварей, созданных им, сказал: «Выбирай из них что пожелаешь». Когда же Адам выбрал коня, господь сказал: «Ты избрал для себя славу, а для своих потомков величие,— ведь я не создал ничего, что могло бы сравниться с конем. Он будет твоим на веки веков». Потом он пометил коня белой звездой на лбу и белыми браслетами на ногах, чтобы сделать совершенной красоту коня.

Говорят, что Дауд очень любил коней, и стоило ему услышать о каком-нибудь коне, который прославился чистотой родословной или резвостью и красотой, он тотчас же посылал за ним. В его конюшнях стояла тысяча коней, подобных которым не было в то время на всей земле.

Когда Дауд скончался, ему наследовал Сулайман. Воссев на престол отца, Сулайман сказал: «Изо всего имущества, что завещал мне мой отец, самое любезное для меня — это кони». Он велел холить их и упражнять в беге, и однажды приказал привести всех коней к нему, одного за другим, чтобы познакомиться с резвостью и статью каждого из них. Конюхи проводили коней, и Сулайман так увлекся, что забыл и о молитвах, и о государственных делах, ибо каждый из коней превосходил другого необычайной красотой и резвостью. Царь опомнился только тогда, когда солнце скрылось и наступил вечер. Вспомнив о том, сколько дел он упустил за этот день, Сулайман воскликнул: «Нет ничего хорошего в тех вещах, которые отвлекают от дел и заставляют позабыть обо всем! Приведите ко мне всех коней, которых я видел!»

Конюхи же успели провести перед царем лишь девятьсот коней, и всех их привели снова. И царь в гневе стал рубить им головы и ноги, сокрушаясь о тех делах, которые не успел совершить за этот день. В царских конюшнях осталась лишь сотня коней, которых не успели показать царю. Сулайман сказал тогда: «Оставшаяся сотня мне дороже, чем те девять сотен, которые отвлекли меня от моих дел». Те кони оставались в конюшне Сулаймана, и он не переставал любоваться ими до конца своей жизни.

А говорят еще, что те кони пошли от крылатых морских коней, которых Сулайман вывел из моря силой своих чар. Они породнились с земными конями, и Сулайман устраивал ристания, где состязались земные и морские кони и самые резвые кони из их приплода. Так земные кони породнились с морскими, и от них и произошли арабские скакуны, самые резвые на земле.

А вот что еще рассказывают о том, как кони появились у арабов. Однажды некие люди из жителей Омана, принадлежащие к племени Азд, явились к Сулайману ибн Дауду, да будет с ними мир. Это было уже после того, как он взял в жены Билькис, царицу Сабы. Те люди стали советоваться с Сулайманом о делах своего племени и просили его наставить их в вере. Они провели у него некоторое время и собрались в обратный путь. Тогда, обратившись к Сулайману, они сказали ему: «О славный царь, наши земли обширны и далеки отсюда, а припасы у нас на исходе. Прикажи выдать нам еды, чтобы ее хватило нам на дорогу». Тогда Сулайман приказал привести коня и подарил им его, сказав: «Вот вам припасы! Когда вы остановитесь где-нибудь на отдых, посадите одного из вас верхом на этого коня, дайте тому человеку в руки охотничье копье, и пусть он скачет на коне. А вы тем временем собирайте дрова и разводите костер. Не успеете вы собрать хворост и разжечь огонь, как этот человек вернется и принесет вам богатую добычу и разнообразную дичь, из той, что водится в ваших краях». Те люди из племени Азд, послушавшись слов Сулаймана, так и сделали: остановились на привал, посадили одного из метких охотников с копьем на коня, а сами стали собирать хворост и разжигать огонь. И не успели они разжечь костер, как охотник вернулся к ним, принеся с собой убитую газель. С той поры они всякий раз, как останавливались

где-нибудь, отправляли всадника за дичью, и им удалось добыть множество газелей и диких коз, так что им не только хватало еды, но еще оставалось. Тогда эти люди стали говорить: «Нашего коня можно назвать «Питающий всадника». И конь этот стал одним из родоначальников арабских коней.

Другие же говорят, что когда Сулайман рубил головы и ноги тем коням, на которых он разгневался из-за того, что они отвлекли его от дел, троим удалось бежать и спастись от смерти. Один из этих коней попал в племя Рабиа, второй нашел приют у племени Хушайн, а третий у Бахра. Люди этих племен скрестили этих коней со своими лошадьми, которые были не чистых кровей. Когда же кони племен Рабиа, Хушайн и Бахра принесли потомство, кони Сулаймана вдруг поднялись на воздух и, полетев к морю, скрылись в морской пучине.

Говорят, что первым, кто вскочил на спину коню и сумел укротить его, был Исмаил, сын Ибрахима,— да будет с ними мир! До этого кони были дикими, и никто не мог справиться с ними, пока они не покорились Исмаилу. Он был первым, кто оседлал коня, вскочил на него верхом и получил от него потомство в неволе. И говорят, что в землях арабов не осталось ни одного дикого коня, который бы не откликался на призыв Исмаила и не позволил бы ему сесть на себя верхом. Ибн Аббас сказал: «Садитесь на них верхом и вверяйтесь им, ибо они приносят счастье и благословение и даны вам во владение вашим предком Исмаилом».

Говорят, что конь может принести его владельцу воздаяние, быть его прикрытием или стать его бременем. Воздаяние он принесет тогда, когда владелец скачет на коне, стремясь к свершению благих дел. Тогда каждая капля воды, выпитая конем из попавшейся навстречу реки, каждый пучок травы, съеденный конем на пастбище, каждый шаг по пути благих свершений принесет его владельцу достойное воздаяние. Если же владелец коня едет на нем, чтобы покрасоваться и похвастаться статью коня и богатой уздой, тогда конь служит человеку лишь для того, чтобы скрыть его слабости. Когда же всадник забывает божий стыд и честь и совершает недостойные дела, тогда и благословенный конь становится для него бременем и не принесет ему чести.

Говорят еще, что кони употребляются во имя Мило-

стивого, во имя человека и во имя сатаны. Что касается тех, что служат Милостивому, то это кони доблестных воинов, сражающихся за веру. Те, что служат человеку, помогают ему во всех житейских обстоятельствах, когда надобно отправиться по семейным или торговым делам. Что же касается тех коней, что служат сатане, то это кони, которые участвуют в бегах, и на них делают ставки.

Арабы говорили: «Берегите кобылиц и хольте их, ибо их спина — ваша защита, а их утроба — ваша сокровищница». Одного из мудрых арабов спросили: «Какое добро может принести больше всего богатства?» И он ответил: «Кобылица, за которой следует кобылица, в утробе которой еще одна кобылица».

У него же спросили однажды: «Какое добро лучше всего?» Он ответил: «Жеребая кобылица и плодоносящая пальма».

С Халидом ибн Сафваном стали советоваться относительно того, каких следует покупать верховых животных, и он ответил: «Когда хочешь устрашить нападением или спастись бегством — то коней, ежели хочешь покрасоваться или проехать спокойным шагом — иноходцев, если тебе предстоит долгий путь — то мулов. Верблюдов покупай для перевозки тяжестей, а ослов — за то, что их легко прокормить».

О ДОСТОИНСТВАХ КОНЕЙ

Али ибн Абу Талиб говорил: «Тот, кто тратит деньги на коня, подобен щедрому, подающему милостыню. В день Страшного суда конь укроет от адского пламени, а его навоз будет пахнуть слаще мускуса».

Говорят, что в дни джахилийи арабы не признавали никакого иного богатства, кроме коней и верблюдов, и коням отдавали предпочтение. Они считали, что человек, не владеющий конем, не может обладать ни силой, ни величием, ни достоинством. Верхом на конях арабы отражали набеги врагов и защищали свою жизнь и свое имущество, обороняли своих детей и жен, отправлялись в набеги на врагов, свершали кровную месть и захватывали

добычу. Они любили, берегли и почитали своих коней, ибо не могли обойтись без них и считали их своим спасением и благословением. И говорят, что сатана не может проникнуть в дом, владелец которого имеет коня.

К достоинствам коней следует отнести то, что они — самые терпеливые из животных, обладают наибольшей силой и выносливостью. Они могут примириться со скудным кормом и мало пьют во время длительных переходов по пустыням и степям. Сила коня превосходит даже силу верблюда. Ведь взрослый самец может нести не более тысячи ратлей, и если его так нагрузить, то он встанет на ноги только после долгих понуканий и ударов и не сможет бежать с такой ношей. То же относится и к другим вьючным животным, которых считают сильными,— если они груженые, то не в состоянии бежать. Вот мы и видим, что те вьючные животные, которым приписывают большую силу, бегут в десять раз медленнее, если их нагрузить. Что же касается коня, то если подсчитать, какой вес составляет его всадник, оружие и снаряжение, запас провизии и овса и знамя, которое всадник держит в руке, особенно в ветреный день, когда ветер развевает его полотнище, получится около сотни ратлей. Но конь может бежать с такой тяжестью целый день, почти не утомляясь и не страдая от голода и жажды. Поэтому каждый скажет, что конь — самое сильное, терпеливое, превосходное и благородное среди всех верховых и вьючных животных.

О ТОМ, КАК БЕРЕЧЬ КОНЕЙ И ХОЛИТЬ ИХ

Знай, что все древние народы заботились о своих конях и почитали их превыше всего, ибо доверялись им и полагались на них в день битвы. Все они гордились своими лучшими скакунами, но никто не превзошел в этом арабов. Ни во время джахилийи, ни после принятия ислама арабы ничто не хранили и не почитали превыше своих коней,— ведь кони были их гордостью, величием, славой, силой и защитой.

Рассказывают, что Мухâммад — да благословит и приветствует его Аллах! — однажды подошел к своему коню и стал обтирать ему шею и щеки подолом своего плаща и рукавами рубахи. Люди, смотревшие на него, воскликнули: «Что мы видим!» Но Мухаммад ответил: «Сегодня во сне мне явился Джибриль и упрекал меня за то, что я плохо хожу за своим конем».

Говорят, что однажды Мухаммад увидел, как некий человек ударил своего коня, и крикнул: «Ты платишь злом за добро! И за это попадешь в адский огонь!» Люди замолвили слово за того человека, но Мухаммад возразил: «Нет, я не прощу его, разве только если он доблестно сражался». И тогда тот человек стал подбегать к каждому из присутствующих и просил: «Будьте свидетелями, что я сражался, не жалея жизни».

А в древности арабы так возвеличивали коней, что мстили тому, кто ударил чужого коня, и сурово порицали за жестокость к собственному скакуну. И месть за коня была такой же обязательной, как и месть за соплеменника. И они запрещали вести коней за гриву, ибо это унижает их. А Омар ибн аль-Хаттаб приказывал держать коней в стойлах, чистить их, расчесывать им гриву и хвост и не перевязывать шею тетивой лука, как это делали раньше, чтобы уберечь коня от дурного глаза. Он запретил делать это, так как боялся, что лошади могут задохнуться в тугой петле.

Малик ибн Анас сообщает, что Мухаммад не велел подстригать коням гривы и хвосты, сказав: «Грива служит коню для согревания, а хвост — чтобы отгонять мух».

Говорил мудрый Лукман: «Сынок, если ты отправишься в путь, никогда не спи, сидя на спине коня, ибо это утомляет его, дай и ему поспать. И если ты остановился в беспокойных землях, бодрствуй и будь своему коню защитой. А если почувствуешь голод или жажду, то не ешь и не пей до того, как не накормишь и не напоишь своего коня».

Все арабы сходились в том, что следует беречь и почитать коня, постоянно следить за ним, проявлять заботу и не поручать осмотр своим слугам. Более всего следует обращать внимания на ноги коня, и если там появится какая-либо опухоль или рана, то лечить ее следует сразу же, не ожидая той поры, когда она станет обширной и болезненной.

О ТОМ, КАКИЕ КАЧЕСТВА БОЛЕЕ ВСЕГО ЦЕНЯТСЯ И В ЧЕМ ВИДЯТ АРАБЫ КРАСОТУ КОНЯ

Красота коня связана с его резвостью, выносливостью и силой, что говорит о его породистости и чистокровности. Все достоинства редко встречаются в одном коне, но его благородство и чистота породы определяются по количеству этих достоинств...

При определении чистоты породы люди смотрят прежде всего, насколько длинна шея коня. Абу Убайда утверждает, что у жеребца шея должна быть длиннее, чем у кобылицы, ибо у жеребца шея толще и сильнее, и длина ее подчеркивает породистость и красоту коня. У кобылицы же шея тоньше, и если она очень длинна, то кажется слабой. Рассказывают, что известный знаток коней Сулайман ибн Рабиа определял, насколько чиста родословная коня, по длине шеи. Он приказывал принести таз с водой и ставил его на землю. Потом коней одного за другим подводили к этому тазу. Если конь сгибал колени, наклоняясь, чтобы напиться, то Сулайман говорил, что его родословная небезупречна. Если же конь, не сгибая колен, дотягивался до воды, Сулайман считал его чистокровным...

Достоинством коня считается, если некоторые части его тела напоминают других животных, например: газель, собаку, онагра, антилопу, страуса, верблюда, зайца, волка и лисицу.

Те качества, которые объединяют коня с газелью,— это длина берцовой кости, ширина и крепость сухожилий, полнота бедер, прямота и крепость спины. Красивым считается также, если у коня такие же черные глаза и подтянутые и сухощавые бока, как у газели.

Из качеств охотничьей собаки, которые могут встретиться у чистокровного коня и считаются достоинствами,— широкие челюсти и длинный язык. Если слюна лошади обильна, как у собаки, это также считается достоинством, ибо слюна освежает рот. Хорошо, когда у коня широкие ребра, крепкая грудная кость и подтянутое брюхо.

Рассказывают, что Муслим ибн Амр отправил своего племянника в Сирию и Египет для покупки коней. Этот

человек, который был хорошим охотником, стал отговариваться тем, что ничего не понимает в лошадях. Тогда Сулайман сказал ему: «У тебя ведь есть охотничьи собаки?» Тот ответил: «Да, у меня их множество». И Сулайман промолвил: «Выбирай коней по тем качествам, которые ты бы счел хорошими для породистой охотничьей собаки». И он, послушав этого совета, привез таких коней, каких арабы доселе не видывали.

Из качеств, присущих онагру, можно назвать крепость мышц и суставов, прочные сухожилия, крепкие лодыжки и широкую спину.

У антилопы хороший скакун как бы заимствует поджарость, широкий лоб и плечи и еще — игру мышц на груди.

Когда сравнивают коня со страусом, имеют в виду, что у них длинные берцовые кости и короткие голени, а также одинаково быстрый бег.

Из качеств, присущих верблюду, у коня ценится полнота бедер; из качеств кролика — тонкость копыта, ведь у кролика мала пятка; из качеств волка — рысистый бег, а лисы — ее мелкий шаг.

Первым, кто сравнил коня с газелью, волком, страусом, был Имрулькайс ибн Худжр, который так описал своего скакуна:

Когда еще спит в гнезде семья быстрокрылая,
Едва-едва рассвело, седлаю рысистого.

Высок он, проворен, тверд, с грохочущей глыбой схож,
Которую сверг поток, бушуя неистово.

И, как человек скользит, по склону карабкаясь,
Сорвется войлок вот-вот с хребта золотистого.

Он мчится стремглав, когда усталые лошади
Не в силах преодолеть пути каменистого.

Копыта его звенят в раскатистом топоте,
Кипит он, словно котел от жара огнистого.

С крутой спины скакуна срывается юноша,
И старцу не обуздать коня норовистого.

Он мчится, словно волчок, запущенный мальчиком,
Он кружится, как юла, средь праха струистого.

По-волчьи скачущий, схож с газелью и страусом,
Побежку перенял конь у лиса пушистого.

О ПОХВАЛЬНЫХ КАЧЕСТВАХ ЛУЧШИХ АРАБСКИХ СКАКУНОВ

Арабы говорили: «Лучший конь — вороной с белыми браслетами на ногах, а после него — золотистый с такими же браслетами».

Рассказывают, что Мухаммад произнес однажды: «Если бы всех арабских коней собрали в одном месте и пустили вскачь, то первым пришел бы золотистый конь».

Однажды Омара ибн аль-Хаттаба спросили: «Какой конь самый резвый и стойкий в битве?» Он ответил: «Золотистый».

Однажды аль-Махди спросил Матара ибн Дарраджа: «Какой конь наилучший?» Тот ответил: «Лучший конь таков — если подойдешь к нему спереди, скажешь: «Пуглив»,— если подойдешь сзади, промолвишь: «Упитан и длинногрив»,— а если сбоку подойдешь, заметишь: «Глубоко дышит и красив».

Аль-Махди еще спросил: «А какой нрав должен быть у него?» Матар ответил: «Его поводырем должен быть его зоркий глаз, а его бичом — лишь поводья».

Некий бедуин спросил у своих двух сыновей, какого коня каждый из них предпочитает. Один сказал: «Я бы желал стройного скакуна, в котором порода была бы сразу видна, резвого, сильного и надежного, который мог бы ускользнуть от погони и догоняя был бы свеж, когда устанут другие кони». Второй воскликнул: «Ты прекрасно описал! Но мне бы хотелось не такого коня». Отец спросил его: «А какого ты желал бы?» И он ответил: «Я хотел бы доброго коня, послушного и покорного, понятливого и не вздорного, с доблестным сердцем, верного и надежного, что был бы терпелив в пути, стоек в битве и всегда приходил бы первым в состязании».

О КОНСКИХ БЕГАХ И СТАВКАХ

Арабы были азартными игроками и увлекались состязаниями коней на бегах. Награду, которую получал победитель, называли ставкой и помещали ее в конце пути, надев на острие копья, воткнутого в землю. Древки копий делали из крепких стеблей индийского тростника, поэтому награду позже стали называть «тростник первенства» и употребляли это выражение во всех случаях.

Потом, когда арабы приняли ислам, они сохранили все обычаи, которые могли служить славе мусульманской общины и не противоречили ее чести и доблести. Сам Мухаммад — да благословит и приветствует его Аллах — участвовал в состязании и пускал коней, которых долго упражняли, в беге от аль-Хайфы, что в Медине, до Саниййи, расстояние между которыми составляло шесть миль. Он пускал также коней, которых специально не упражняли, от Саниййи до мечети Бану Зурайк, расстояние между которыми составляло одну милю.

Пророк — да будет с ним мир! — говорил: «Ангелы не присутствовали ни при одном из ваших развлечений, кроме борьбы и конных бегов».

У Анаса ибн Малика спросили: «Делал ли Мухаммад — да благословит его Аллах — когда-нибудь ставку на коня во время состязания?» Анас ответил: «Да, клянусь Аллахом! Он ставил на одного из своих коней — кобылицу, которую звали Сабха. Она пришла первой, и Мухаммад очень радовался этому».

Рассказывают, что однажды Мухаммад — да благословит его Аллах! — послал на состязания нескольких своих коней и его вороной пришел первым. Увидев это, Мухаммад пал на колени, воскликнув: «Поистине, это благородный конь!» Но Омар, да помилует его Аллах, возражал этому и сказал: «Это ложь! Если кто и был свободен от этого, то это был посланец Аллаха»,— он имел в виду такие слова:

Нет, я не прельщусь ни конем, ни роскошной обновой,
Ни теми, кто носит браслеты из кости слоновой.

Утверждают, что однажды один из коней Абу Бакра пришел первым и Абу Бакр получил четыреста восемьдесят дирхемов.

Аш-Шаби передает, что Омар ибн аль-Хаттаб написал Саду ибн Абу Ваккасу, чтобы тот устроил состязания лучших коней в Куфе. Он выполнил приказание. Случилось так, что два всадника пришли к цели одновременно, так что их кони коснулись друг друга боками. Начались споры, кто из них пришел первым, и Сад написал об этом Омару. Халиф ответил ему: «Считать опередившим можно только того коня, который опередил на целую голову».

Слово «ставка» происходит от «ставить». Во времена джахилийи один ставил против другого деньги во время бегов. Чей конь приходил первым, тот брал ставку своего соперника, забирая также и свои деньги. Это считается запрещенной азартной игрой. Если же один из соперников ставит что-либо против другого на том условии, что если он проиграет, то отдаст свою ставку, а если выиграет, то сохранит ее, это дозволено, ибо ставку может делать только один человек.

РАССКАЗЫ О НЕКОТОРЫХ ЗНАМЕНИТЫХ КОНЯХ

К числу лучших арабских коней принадлежит Дубайб, вскормленный Хассаном ибн Ханзалой аль-Кинди. Хассан принимал участие в битве при Нахраване, когда Хосрой сразился с Бахрамом и потерпел поражение. Хосрой обратился в бегство, и Хассан ибн Ханзала помчался за ним и догнал его. В это время под царем пал конь. Хассан спешился и подвел Дубайба к Хосрою, и тому удалось спастись от врагов. Хассан сложил об этом такие строки:

Когда остался пешим царь, седло не для меня;
Так я предотвратил беду, отдав царю коня.

Через некоторое время Хосрой одержал победу и убил Бахрама. Когда власть его упрочилась, к нему прибыл Хассан ибн Ханзала и некоторое время стоял у врат его дворца, не осмеливаясь просить о том, чтобы его впусти-

ли. Он стоял очень долго, и наконец к нему подошел хаджиб и спросил о цели его прихода. Хассан ибн Ханзала ответил: «Ты долго преграждал мне путь к царю, а я ведь оказал ему величайшее благодеяние, которого не свершил ни один человек по отношению к нему. Иди к царю и расскажи обо мне». Хаджиб отправился к Хосрою и передал ему слова Хассана. Хосрой дал ему разрешение войти и, когда тот предстал перед ним, спросил его: «Кто ты такой и что за благодеяние ты совершил?» Хассан ответил: «Я тот человек, который дал тебе своего коня в день битвы при Нахраване, когда под тобой пал твой конь». Хосрой воскликнул: «Тьфу на тебя! Ты напомнил мне о самом злосчастном дне моей жизни! Выведите этого пса!» И Хассана тотчас же вывели.

Но потом Хосрой успокоился и стал раскаиваться, устыдившись, что так поступил с Хассаном. Он велел позвать его, почтил и богато одарил, пожаловав ему в надел Тассудж, который находится на расстоянии нескольких фарсахов от Куфы.

К числу знаменитых своей красотой и резвостью коней относится также Хассаф, который был собственностью Малика ибн Амра ибн аль-Мунзира ибн аль-Хариса, сына царицы Марии, которая пожертвовала Каабе свои серьги, подвесив их к покровам святилища.

Малик ибн Амр был трусом и постоянно держался от поля боя на расстоянии не меньше, чем полет стрелы. Но однажды случайно долетевшая до него стрела вонзилась в землю прямо у ног его коня. Малик сказал: «Эта стрела чуть не попала в меня!» — посмотрел на нее, а она, воткнувшись в землю, не переставала дрожать и не успокаивалась, а, напротив, двигалась все сильней. Малик все смотрел на стрелу, а потом, решив узнать, в чем дело, спешился и выдернул стрелу, которая засела глубоко в землю, так что ему пришлось откапывать ее. Тут он увидел, что наконечник попал в нору тушканчика и поразил ее обитателя прямо в голову, убив его. Тогда Малик снова сел на коня и промолвил: «Ни человек, ни даже тушканчик не волен в своей жизни»,— и эти слова стали пословицей. Потом он сказал: «Я стараюсь убежать от смерти, которая наступит в назначенный мне срок, но вот случайная стрела попала в нору тушканчика, когда настало время его гибели, и его не спасла ни его постоянная осторожность, ни глубокое подземелье, которое он приготовил для себя. Все равно, когда придет мне срок умереть или

быть убитым, я не избегну его». С этими словами Малик напал на врагов, прорвав ряды, и стал гарцевать вперед и назад, поражая противников. С тех пор он стал одним из самых отчаянных храбрецов своего племени. Об этом сказал поэт из племени Гассан:

Стреляет безжалостный рок безупречно,
И здесь, на земле, бытие быстротечно;

Хоть верный Хассаф от стрелы ускользает,
Никто не останется в мире навечно.

ЧТО ГОВОРИЛИ АРАБЫ О МЕЧЕ

Рассказывают, что Укаша ибн Михсан сражался мечом в день Бадра и меч сломался у него в руке. Тогда к нему подошел Мухаммад — да благословит и да приветствует его Аллах! — и дал ему деревянный чурбак, сказав: «Сражайся с врагом вот этим, Укаша!» Когда Укаша взял в руку этот чурбак и стал потрясать им, он превратился в широкий и длинный стальной клинок, гибкий и блестящий. Он бился этим мечом до тех пор, пока мусульмане не одержали победу, а потом этот меч получил имя «Помощник» и был у Укаши до той поры, пока тот не был убит в дни правления Абу Бакра,— да будет доволен им Аллах!

Арабы говорили о мече: «Это — тень смерти и клык судьбы»,— и иносказательно называли его: «Отец ужаса».

Они сложили о мече множество пословиц и поговорок, к числу которых относятся такие: «Меч опережает упреки», или: «Меч стер все, что сказали хулители».

А один из кочевников, славившийся своим красноречием, говорил: «Меч — самый близкий друг, самый верный спутник и самый вдохновенный посланец».

Абу Таммам ат-Таи сказал:

Прерывающий затейливую речь,
Чтобы хитрого лжеца предостеречь,

Вопреки коварным черным письменам,
Правду чистую являет светлый меч.

А Джами аль-Мухарибы любил повторять: «Когда меч ударяется о меч, кончается выбор».

Меч может заменить любое оружие, но ни одно оружие не может заменить меча. Арабы колют им, как копьем, бьются, словно дубинкой, режут, как ножом, ударяя плашмя, погоняют коня, словно бичом. Меч служит украшением в собрании, светильником во мраке, другом в одиночестве, спутником и собеседником, ложем и изголовьем. Его называют плащом и поясом, одеждой и посохом, помощью и спасением. Он — судья в битве, он решает споры между соперниками, и о нем сложено неисчислимое множество стихов и пословиц.

ЧТО ГОВОРИЛИ АРАБЫ О КОПЬЕ, ЛУКЕ И СТРЕЛАХ

Один бедуин спросил у своих двоих сыновей: «Какое копье считаете вы наилучшим?» Один сказал: «Отполированное, гибкое, прямое, похищающее жизни. Если будешь потрясать им, оно не отклонится от цели, а если ударишь — не согнется». Второй сказал: «Ты описал хорошее копье, но мне милее иное». Отец спросил: «Какое же копье тебе по вкусу?» И тот промолвил: «Гибкое и скользящее, что вьется в руке ужом, со склоняющимся древком и прямым острием. Оно само летит к цели, если им потрясают, а если им поразят, то оно пронзает».

Тогда отец спросил их: «Какое же копье самое ненавистное для вас?» Один из сыновей сказал: «Кривое, сгибающееся при ударе, с зазубренным острием. Если потрясаешь им, оно минует цель, а когда ударишь — оно отклоняется и ломается». Тогда отец, обратившись ко второму сыну, спросил его: «А ты что скажешь?» Тот воскликнул: «Скверное копье он описал. Но мне еще ненавистнее иное». Отец спросил: «Какое же?» И он ответил: «Сухое и ломкое, слабое и нестойкое, если сожмешь его в руке, оно отягощает тебя хуже всякой напасти, а если ударишь им, оно раскалывается на части».

Лук — самое древнее оружие арабов. Мухаммад — да будут с ним молитвы и благословение Аллаха,— говорил:

«Едва человек протянет руку к какому-либо оружию, как убеждается, что самое превосходное — это лук. Если в доме есть лук, то бедность минует обитателей этого дома, пока лук в целости...»

И в древности арабы обращались к своим соплеменникам с речью, опершись на лук. С детства арабы упражнялись в стрельбе из лука и говорили: «Набирайтесь как можно большей ловкости и силы, а все это дает стрельба из лука». Говорят, что Мухаммад в день Ухуда сказал Саду ибн Абу Ваккасу: «Я отдам за тебя в жертву отца и мать»,— ни до, ни после этого он никому не говорил таких слов. В тот же день он сказал самым своим искусным лучникам Саду, Абу Тальхе и Катаде: «Будьте стойкими, победа будет с нами до тех пор, пока вы сможете устоять». А всего лучников было в этом сражении пятнадцать человек.

От лучников требовали быстроты и говорили: «Натягивай левой, хорошенько гляди, и добьешся успеха». А рассказывают, что некий бедуин остановился возле лучника, который заранее натянул тетиву и что-то высматривал. Он спросил: «На что ты смотришь?» Тот ответил: «Я хочу прицелиться и попасть во врага». Бедуин воскликнул: «Спусти стрелу, и она сама найдет, в кого ей попасть».

Что же касается стрел, то они бывают разных видов, и арабы дают названия стрелам по порядку их метания. Первая выпущенная лучником стрела называется «поводырь», вторая — «указатель», третья — «догоняющая», четвертая — «преследующая», пятая — «наносящая удар» и шестая — «безоговорочная». Первая стрела может пролететь выше цели, вторая ниже, третья — вправо и четвертая — влево от нее, но пятая должна поразить цель, а шестая нанести добавочный удар. Если же лучник не попадет в пятый и шестой раз, то он никогда не научится метко стрелять и от него не будет прока.

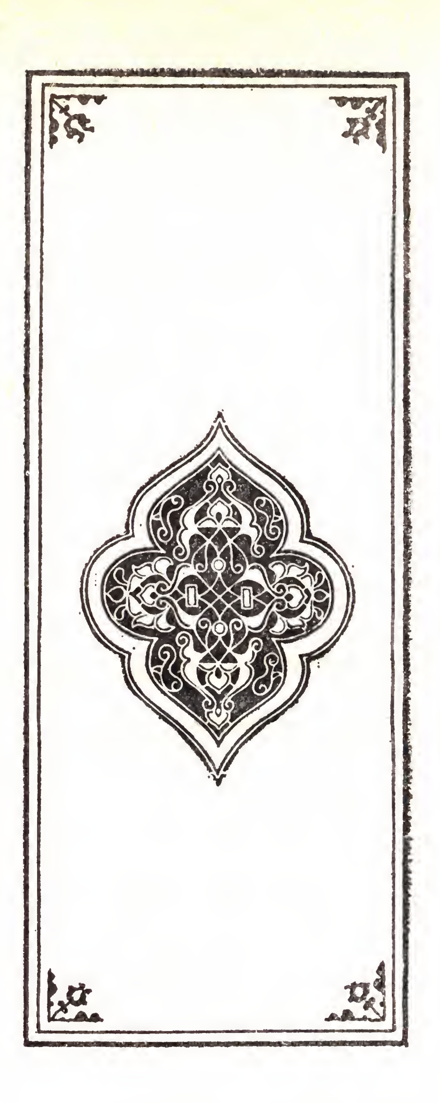
Рассказы о деяниях правителей. Исторические хроники

•

Перевод
Б. Я. Шидфар

Стихи в переводе
В. Б. Микушевича

Ибн аль-Кутыйя

Из книги «История завоевания Андалусии»

Во имя Аллаха, милостивого, милосердного, да благословит и охранит Аллах господина нашего Мухаммада, со всем родом его и сподвижниками.

Рассказывают, что у готов последним царем в Андалусии был Гитица, который скончался, оставив троих сыновей. Старшего из них звали Оломонд, среднего — Ромуло, а младшего — Артабас. Когда Гитица умер, сыновья были еще малыми детьми, и царством правила их мать. Столицей государства готов был город Толедо.

Однако Родерик, военачальник покойного правителя, восстал против царицы и вместе с верными ему людьми захватил столицу, изгнав оттуда сыновей Гитицы.

Когда же у берегов появились арабы и Тарик ибн Зияд — военачальник халифа из рода Омайядов, аль-Валида ибн Абд аль-Малика,— ступил на землю Андалусии, Родерик послал гонцов к сыновьям Гитицы, которые к тому времени возмужали и стали доблестными рыцарями, и в своих посланиях призывал их встать на защиту царства готов, дабы ударить по врагу всем вместе, одним кулаком. Сыновья Гитицы откликнулись на этот призыв, собрали войска и явились к Родерику, но, не доверившись ему, со своими войсками остановились в Секунде, недалеко от Кордовы.

Родерик вышел к ним навстречу, а затем они все вместе выступили на сражение с Тариком. Но когда войска

арабов и готов встали друг против друга, изготовившись для боя, Оломонд и его братья сговорились предать Родерика. Они тайно послали ночью гонца к Тарику, сообщив ему, что Родерик был одним из псов царя Гитицы, их отца, и послушно служил ему, но потом захватил власть и овладел троном отца. Они предлагали Тарику заключить с ними мир, обещали утром перейти со своими войсками на его сторону при условии, что он вернет им отцовские земли в Андалусии, все имения его, которых было около трех тысяч. Потом эти имения стали называться «королевскими» владениями.

Тарик принял их условие, и утром сыновья Гитицы со своими войсками перешли на сторону арабов, и это было причиной завоевания Андалусии. Явившись к Тарику, сыновья Гитицы спросили его: «Ты сам по себе эмир или над тобой есть еще эмир?» Тарик ответил: «Надо мною — эмир, а над ним — еще эмир». Затем Тарик разрешил им встретиться с правителем Магриба Мусой ибн Нусайром, которому был подвластен, а Муса в то время находился в Ифрикийи, что неподалеку от страны берберов.

Оломонд просил Тарика подтвердить грамотой их договоренность, чтобы в ней содержались те условия, на которых они заключили мир с Тариком. Полководец арабов сделал то, что они просили, и они направились к Мусе. Они нашли его, когда он собирался уже переправляться в Андалусию, и вручили ему грамоту от Тарика, где было записано, что они согласны повиноваться арабам на таких-то условиях. Но Муса отправил их к халифу аль-Валиду ибн Абд аль-Малику в Дамаск. Там они встретились с халифом, и тот подтвердил грамоту Тарика и велел составить подобную грамоту для каждого из сыновей Гитицы, и в ней было записано, что им даруется право не вставать, когда кто-нибудь входит к ним или выходит от них, и это было сделано из почтения к их царскому сану.

Потом они вернулись в Андалусию и жили там, окруженные почетом и уважением. Оломонд скончался, оставив дочь, это и есть Сара аль-Кутыйя Готская, и еще двух сыновей, бывших в год смерти отца малыми детьми. Один из них стал потом епископом Севильи, а второй, имя которому Аббас, скончался в Галисии.

Но младший, Артабас, вознамерился расширить свои владения, решив захватить имения своих братьев, и случилось это в начале правления халифа Хишама ибн Абд

аль-Малика. Оломонд всегда предпочитал Севилью, где у него была тысяча селений, расположенных на западе Андалусии. Артабас постоянно жил в Кордове, и у него тоже была тысяча селений, только в центре Андалусии. К потомкам Артабаса принадлежит комес Абу Саид... Что же касается Ромуло, то он был также владельцем тысячи селений на востоке Андалусии и постоянно жил в Толедо. Из его потомков можно назвать Хафса ибн аль-Барра, кади местных мусульман-неарабов.

Когда Артабас начал притеснять братьев, Сара, дочь Оломонда, приказала построить в Севилье корабль и, когда он был готов, взяла с собой малолетних братьев и отплыла на этом корабле в Сирию. Высадившись в Аскалоне, Сара держала дальше путь по пустыне и, прибыв в Дамаск, припала к вратам халифа Хишама ибн Абд аль-Малика, напомнила ему о себе и о договоре, который ее отец заключил с халифом аль-Валидом, и пожаловалась Хишаму на своего дядю Артабаса, прося восстановить справедливость.

Халиф Хишам допустил Сару до себя, и, войдя к нему, она увидела Абд ар-Рахмана ибн Муавию, будущего эмира Андалусии, который был тогда еще юношей. Абд ар-Рахман запомнил это, и, когда позже Сара приезжала в Кордову, он принимал ее у себя в присутствии своих детей, чтобы почтить ее и показать свое расположение.

Халиф приказал составить для Сары грамоту и отправил ее к Ханзале ибн Сафвану, эмиру Ифрикийи, наказав проследить за исполнением договора, заключенного аль-Валидом.

Халиф Хишам выдал Сару замуж за Ису ибн аль-Музахима, и они вместе отбыли в Андалусию, где им вернули их владения. Этот Иса ибн аль-Музахим положил начало роду Ибн аль-Кутыйя. Иса умер в тот год, когда эмиром Андалусии стал Абд ар-Рахман ибн Муавия, а руки Сары стали добиваться Хамза ибн Муламис аль-Мазхаджи и Умайр ибн Саид. Эмир Абд ар-Рахман решил их спор в пользу Умайра, и потомки их были самыми знатными людьми в Севилье...

А теперь вернемся к тем временам, когда встретились на поле боя Тарик с Родериком, и было это в долине около города Сидона, и Аллах обратил в бегство Родерика и его войско. И бежал, отягощенный своим оружием, Родерик, спасаясь от мусульман, и бросился в протекав-

шую поблизости глубокую реку, и больше никто его не видел, и тело его не было найдено.

А вот что еще рассказывают о причинах поражения Родерика. Говорят, что у царей готов в Толедо был замок, где хранился деревянный ларец, и в нем лежали четыре Евангелия. И готы так почитали этот замок, что никогда не отпирали его врата. И если кто-нибудь из правителей готов умирал, то на стене замка писали его имя.

Когда же власть захватил Родерик, то стал носить царский венец, чем вызвал недовольство своих подданных, а потом решил открыть двери того замка и достать ларец с Евангелиями. Он так и сделал, хотя приближенные предостерегали его. И, открыв двери замка, Родерик вошел вовнутрь и увидел на стенах изображения всадников, видом похожих на арабов, вооруженных луками и копьями, и на голове каждого была чалма. А под изображениями была начертана такая надпись: «Если будет открыт этот замок и перед глазами людей предстанут эти изображения, то придут в Андалусию воины, подобные тем, что нарисованы здесь, и захватят страну».

Тарик вступил на землю Андалусии в девяносто втором году, в месяце рамадане. А случилось это, как рассказывают предания, вот по какой причине: некий купец из Андалусии по имени Юлиан вел торговлю с магрибинской стороной и часто ездил в город Танжер, жители которого были христианами. Родерик давал ему нередко поручения, и Юлиан привозил ему от берберов чистокровных коней и охотничьих соколов. А потом жена Юлиана скончалась, оставив на руках его дочь, которая отличалась удивительной красотой. Как раз в это время Родерик приказал Юлиану отправиться на берберский берег и доставить ему разные товары, но купец стал отказываться, говоря, что у него умерла жена и ему не на кого оставить дочь. Тогда Родерик повелел Юлиану оставить дочь в царском дворце, и купец повиновался.

Однажды царь увидел девушку, и она понравилась ему. Ночью он проник к ней и обесчестил, а когда отец вернулся, девушка обо всем рассказала ему, и тогда Юлиан отправился к царю и сказал ему: «Я видел на той стороне таких коней и соколов, какие тебе и не снились, но оставил их, потому что у меня не хватило денег». Родерик, дав ему в достатке денег, велел купцу вернуться на магрибинский берег и купить тех коней и соколов. Но Юлиан отправился к Тарику ибн Зияду и стал склонять

его к тому, чтобы напасть на Андалусию, описывая красоту и плодородие ее земель, говоря о слабости ее жителей, мирных нравом и не отличающихся доблестью. Тарик тут же написал Мусе ибн Нусайру, испрашивая разрешения на поход, и Муса приказал ему переправиться на андалусский берег и напасть на Родерика.

Тарик собрал свои войска и, сев на корабль, отправился в путь, чтобы высадиться на андалусский берег. И тут его одолел сон, и ему приснился пророк Мухаммад — да благословит и да приветствует его Аллах! — а вокруг него стояли его сподвижники из мухаджиров и ансаров, и у каждого на поясе висел острый меч, а за плечами — арабский лук. Пророк подошел к Тарику и сказал ему: «Вперед! Выполняй свое дело!» И всякий раз, когда Тарик закрывал глаза, побежденный дремотой, ему грезился тот же сон. Когда же мусульмане прибыли к андалусскому берегу, Тарик обрадовался и поздравил своих спутников.

Высадившись в Андалусии с войсками, Тарик двинулся вдоль берега, и первым городом, который завоевали мусульмане, стал Картахена в округе Альхесирас. Дабы устрашить врагов и напугать их, Тарик приказал своим воинам умертвить некоторых пленных, их тела разрубить на части и сварить в больших котлах, а остальных пленных велел отпустить. Они разбежались, не веря в свое спасение, и рассказывали всем встречным о том, что сделал Тарик со своими врагами, так что сердца жителей Андалусии наполнились ужасом. Потом Тарик встретился с войсками Родерика и сразился с ними и разбил их, как уже говорилось.

После этого Тарик двинулся к городу Эсиха, а потом к Кордове и Толедо, пройдя ущелье, которое с тех пор называется «ущелье Тарика». Пройдя Галисию, Тарик дошел до Асторги.

Когда Муса ибн Нусайр узнал о победах, одержанных Тариком, он позавидовал ему и поспешил с огромным войском прибыть в Андалусию. Переправившись, Муса не пошел тем путем, которым следовал Тарик ибн Зияд, а направился к месту, которое прозвали «гавань Мусы», а затем двигался вдоль берега до Сидоны и далее к Севилье, которую он захватил, а от Севильи пошел на Аликанте и остановился у самых границ провинции Аликанте в месте, которое получило с тех пор название «ущелье Мусы». Оттуда его путь лежал на Мериду.

Некоторые знатоки истории говорят, что жители Аликанте не стали сражаться с мусульманами, а сдались на милость победителей. После этого ибн Нусайр, миновав ущелье Мусы, направился вслед за Тариком ибн Зиядом через Галисию и догнал Тарика у Асторги.

Едва Муса расположился лагерем, как в Асторгу прибыл приказ халифа аль-Валида ибн Абд аль-Малика, который повелел войскам вернуться, и они вновь повернули на юг, но меж ними не было согласия. Муса ибн Нусайр приказал построить крепости по всей Андалусии и назначил эмиром своего сына Абд аль-Азиза, которому велел оставаться в Севилье и посылать войска на запад и на восток, довершая завоевание андалусских городов, на которые еще не распространилась власть мусульман. Потом Муса ибн Нусайр направился в Сирию в сопровождении четырехсот юношей, сыновей знатных людей и царей Андалусии. У каждого из них на голове был золотой венец, и были они опоясаны золотыми перевязями. Когда Муса приближался уже к Дамаску, халиф аль-Валид опасно занемог. Брат аль-Валида Сулайман, который должен был наследовать его престол, послал гонца к Мусе, повелев ему задержаться до того времени, пока халиф аль-Валид умрет, чтобы торжественное шествие вступило в Дамаск уже тогда, когда править будет Сулайман. Но Муса был упрям, кроме того, он помнил благодеяния, оказанные ему аль-Валидом, потому ответил гонцу: «Клянусь Аллахом, я не сделаю этого. Достаточно, если я, не торопясь, продолжу свой путь, а если Аллах захочет, чтобы я прибыл после смерти своего благодетеля, то сбудется воля всевышнего, а не желание человека». И случилось так, что Муса прибыл в Дамаск еще при жизни аль-Валида, и Сулайман затаил против него зло. Когда же он стал халифом, то приказал Мусе оставаться в Дамаске, а затем заточил его, подвергнув взысканию. Он приказал также убить сына Мусы, Абд аль-Азиза, которого тот оставил вместо себя в Андалусии. Среди тех, кто получил приказ халифа, были Хабиб ибн Абу Убайда аль-Фахри и Зияд ибн Набига ат-Тамими. И они сговорились совершить это дело и отправились в мечеть, где Абд аль-Азиз должен был читать пятничную проповедь. И как только Абд аль-Азиз, войдя в мечеть, подошел к михрабу и прочел суры «аль-Фатиха» и «аль-Вакиа», заговорщики во главе с Хабибом и Зиядом набросились на него и, подняв мечи, убили его, отрубили ему голову и отправили ее

халифу Сулайману в Сирию. Это произошло в мечети Рубайны, что выходит на луга, окружающие Севилью, и где раньше была часовня Рубайны. И кровь Абд аль-Азиза еще долго была видна потом после его убиения...

Когда Сулайману принесли голову Абд аль-Азиза, он велел привести Мусу и показал ему на голову его сына, которая лежала в тазу. И Муса, увидев ее, воскликнул: «Клянусь Аллахом, ты убил его в то время, когда он произносил молитву!» И власть Сулаймана была недолгой. И рассказывают, что был он тщеславен и гордился своей внешностью, и утверждают, что, отправляясь в мечеть, чтобы прочитать пятничную проповедь, он без конца останавливался, подолгу любуясь собою в зеркале. А войдя в мечеть, начинал проповедь зычным, громким голосом, но постепенно голос его ослабевал, и под конец проповеди слова его были едва слышны — и болезнь вошла в него, и вскоре он умер...

Разгневавшись на Мусу, халиф Сулайман заточил его, как уже упоминалось, а затем казнил, и было это в конце девяносто восьмого года. Вместо Мусы он назначил правителем Магриба и заморских владений, то есть Андалусии, Абдаллаха ибн Язида. Абдаллах же назначил наместником Андалусии аль-Харра ибн Абд ар-Рахмана ас-Сакафи, ибо в те времена халиф не назначал правителей Андалусии, поручая это правителю Ифрикийи или Магриба...

Когда же халифом стал Омар ибн Абд аль-Азиз, да помилует его Аллах, он отправил в Андалусию ас-Самаха ибн Малика аль-Хаулани, приказав ему увести из Андалусии все мусульманские войска и всех мусульман из жалости к ним, ибо опасался, что враги одолеют их и всех перебьют. Но ас-Самах известил халифа, что сила ислама в этой стране велика, города многочисленны и крепости, захваченные арабами, неприступны. Тогда Омар послал своего маула Джабира для сбора хумса с Андалусии, и тот остановился в Кордове. Джабир находился там некоторое время, пока не пришло известие о кончине Омара, и маула приостановил сбор хумса, а на собранные ранее деньги приказал построить акведук через долину близ Кордовы, напротив водохранилища.

В сто десятом году правителем Андалусии стал Укба ибн аль-Хаджадж ас-Салули, который был у власти вплоть до мятежа берберов в Танжере, который возглавил некий

Майсара, прозванный «Майсара-бедняк»,— а был он продавцом воды на рынке в Кайруане. Восставшие берберы убили наместника Магриба Омара ибн Абдаллаха аль-Муради. Когда жители Андалусии узнали о мятеже берберов, они тоже взбунтовались против своего правителя Укбы и свергли его, посадив вместо него Абд аль-Малика аль-Фихри...

Затем из Сирии прибыл Балдж ибн Бишр, дабы покарать берберов, и остановился в городе Танжере, который еще называют Зеленым городом. Он отправил гонца к Абд аль-Малику аль-Фихри, приказывая ему направить суда с войском для сражения с восставшими. Абд аль-Малик стал советоваться со своими доверенными людьми, и те сказали ему: «Если ты предоставишь суда этому сирийцу, он переправится в Андалусию, нападет на тебя и сместит с твоего поста». И Абд аль-Малик решил не давать судов Балджу, отослав гонца ни с чем.

Когда Ибн Бишр подавил восстание Майсары-бедняка, не получив помощи от Абд аль-Малика, он приказал построить лодки, нагрузить их оружием и снаряжением, верховыми и вьючными конями и на этих лодках переправился на андалусский берег. Узнав об этом, Абд аль-Малик аль-Фихри собрал войска и встретил Ибн Бишра у Альхесираса, где между ними произошло крупное сражение, и аль-Фихри был в нем разбит. Балдж гнал Абд аль-Малика до самой Кордовы, и между ними произошли восемнадцать сражений, и все они кончались для аль-Фихри неудачей, так что в конце концов Балдж вошел в Кордову и, взяв аль-Фихри в плен, повелел распять его у входа на мост через долину Кордовы, где позже была построена мечеть...

А в это время Абд ар-Рахман ибн Алькама аль-Лахми, которого Абд аль-Малик назначил наместником Арагона, узнав о постигшей аль-Фихри участи, собрал войска и двинулся против Балджа, чтобы отомстить за смерть аль-Фихри. Его поддержало множество андалусских арабов и берберов, и все они отправились на Кордову. Балдж вышел против них во главе десяти тысяч сирийцев и людей из рода Бану Умайя, а у Абд ар-Рахмана ибн Алькамы было сорок тысяч. Между ними произошло кровопролитное сражение близ селения Аква-Портора в округе Уэльвы. На закате бой кончился, и обнаружилось, что из людей Ибн Алькамы убито десять тысяч, а из воинов

Балджа — всего тысяча. Тогда Ибн Алькама сказал: «Покажите мне этого Балджа». А надо сказать, что Ибн Алькама был одним из самых метких стрелков своего времени. Когда на следующее утро снова началось сражение, ему показали Балджа, и он выпустил в него стрелу, которая, попав в рукав кольчуги, пригвоздила руку Балджа к телу, и Ибн Алькама воскликнул: «Ну вот я и попал в этого Балджа». К вечеру бой стих и Балдж умер от этой раны. Однако сирийцы не покинули Кордову,— их предводителем стал Салаба ибн Салама аль-Амили, а Ибн Алькаме пришлось вернуться на границу.

Между тем арабы и берберы Андалусии не переставали воевать с пришельцами, сирийцами и Омайядами, говоря им: «Нам самим мало места в этой стране, уходите отсюда!» Узнав о смуте, раздирающей Андалусию, халиф Хишам ибн Абд аль-Малик, посоветовавшись с верными людьми, решил прибегнуть к помощи людей из Бану Мудар и назначил правителем Андалусии Абу-ль-Хаттара аль-Кальби, вручив ему грамоту на правление и знамя. Прибыв в Андалусию, он надел платье, пожалованное ему халифом, приказал привязать знамя к острию копья и направился к Кордове, где постоянно происходили стычки и бои между местными арабами и пришельцами. Подъехав к долине, он остановился на возвышенном месте, с которого было видно поле боя. Тут сражающиеся заметили его и, увидев знамя халифа, прекратили битву и поспешили к Абу-ль-Хаттару. Он спросил их: «Вы будете слушать и повиноваться мне?» Они ответили: «Да». Тогда Абу-ль-Хаттар сказал: «Вот грамота повелителя правоверных, которая назначает меня вашим правителем».

Жители Кордовы, арабы и берберы, сказали: «Слушаем и повинуемся, но пусть пришельцы-сирийцы уйдут отсюда, здесь нет места для них». Абу-ль-Хаттар ответил: «Дайте мне войти в город и отдохнуть, а потом я исполню ваше пожелание. Мне пришла в голову мысль, которая разрешит ваши споры, если пожелает Аллах».

Когда Абу-ль-Хаттар обосновался в Кордове, он велел позвать к себе вождей сирийцев, среди которых был Салаба ибн Салама аль-Амили, аль-Ваккас ибн Абд аль-Азиз аль-Кинани и другие сторонники Балджа, взял их под стражу и сказал: «Повелителю правоверных стало ясно,

что смута в Андалусии происходит из-за вас. Отправляйтесь в Танжер и не возвращайтесь сюда».

Выслав зачинщиков смуты, Абу-ль-Хаттар занялся расселением сирийцев по разным областям Андалусии, чтобы удалить их из Кордовы, где не было им места и не хватало еды. Жителей Дамаска он поселил в Эльвире, жителей Палестины — в Сидоне, жителей Хомса — в Севилье, жителей Киннасрина — в Хаэне, а тех египтян, которые были с ними,— в округе города Беха, и велел кормить их местным жителям-неарабам из зиммиев. А местные арабы и берберы сохранили свое имущество, и никто из них не пострадал...

После смерти Абу-ль-Хаттара правителем Андалусии стал Юсуф ибн Абд ар-Рахман ибн Хабиб ибн Абу Убайда, сын Укбы ибн Нафи аль-Фихри. И он оставался на этом посту два года, а Сумайль ибн Хатим был его вазиром и правил всеми делами, не ища его совета.

Но потом пришла весть, что в Андалусию прибыл Бадр, вольноотпущенник Абд ар-Рахмана ибн Муавии. Этот Бадр прибыл в Андалусию по приказанию своего господина, который бежал из Сирии и скрывался у людей из рода Бану Вансус, омайядских вольноотпущенников в стране берберов. Бану Вансус послали весть об этом Абу Усману, который был тогда шейхом и главой вольноотпущенников, и Бадр остановился у него в селении Торос. Абу Усман начал рассылать во все стороны гонцов, сообщая о прибытии Бадра и о том, что Абд ар-Рахман скрывается в землях берберов.

А в это время правитель Андалусии Юсуф аль-Фихри готовился к походу против христиан. Абу Усман и его доверенные люди, придя к Бадру, сказали: «Подожди возвращения наших друзей из похода, мы встретимся с ними, тогда и займемся, не отлагая, этим делом». Что же касается Юсуфа аль-Фихри, то он благоволил к вольноотпущенникам Омайядов, называя их «наши мавали», и в его войске было множество воинов из этих вольноотпущенников.

Когда Юсуф аль-Фихри вернулся, одержав победу и захватив богатую добычу, Бадр и его друзья встретились с Абу Саббахом аль-Яхсуби, шейхом арабов, проживающих на западе Андалусии, в селении Мора, принадлежащем к округу Севильи, и с другими знатными арабами, среди которых были и соглашавшиеся признать власть

Аббасидов, и отказывавшиеся сделать это, открыто неповиновавшиеся новым халифам, сменившим Омайядов. Еще до окончания похода и возвращения всех воинов недовольные просили Абу Аббада Хассана ибн Малика, который жил в Севилье, войти в доверие к Абу Саббаху и напомнить ему о тех благодеяниях, которые оказали ему Омайяды, особенно Хишам ибн Абд аль-Малик. Абу Саббах, не забывший благодеяний прежнего халифа, согласился помочь потомку Омайядов, а потом они вместе отправились к Алькаме аль-Лахми и известному своей доблестью Абу Илафе аль-Джузами и его родичам, предводителям сирийцев в Сидоне, и те также присоединились к ним. На их призыв откликнулись также и кахтаниты в Эльвире и Хаэне, а также в Кадиксе...

Затем заговорщики сказали Бадру: «Теперь отправляйся к своему господину». Но когда он прибыл к Абд ар-Рахману, тот сказал ему: «Нет, так будет опасно, если я высажусь в Андалусию без них». Бадр вернулся в Андалусию и передал ответ Абд ар-Рахмана. В это время Юсуф аль-Фихри собирался в поход против Сарагосы, где против него восстал Амир аль-Кураши, именем которого по сей день зовутся ворота в этом городе. Абу Усман, шейх вольноотпущенников Омайядов, и его зять, с которыми вел переговоры Бадр, отправились в Кордову, чтобы своими глазами убедиться, что Юсуф аль-Фихри выходит из городских ворот, ибо опасались, как бы тот не проведал про их планы. Увидев, что Юсуф аль-Фихри вместе со своими войсками покинул город, они вошли к вазиру Сумайлю ибн Хатиму и попросили разрешения поговорить с ним наедине. И они напомнили Сумайлю о всех благодеяниях, которые оказали ему Омайяды, и о предпочтении, которое они отдавали его предкам перед иными, и сказали, что Абд ар-Рахман ибн Муавия спасся от преследования и бежал в земли берберов, скрываясь там и опасаясь за свою жизнь. Они признались в том, что к ним прибыл вольноотпущенник Абд ар-Рахмана, прося от его имени о заступничестве и помощи, и добавили: «Он обращается к тебе с просьбой, которая тебе известна и которую ты наверняка помнишь». И Сумайль сказал: «Да, я выполню его просьбу, клянусь честью, и мы вовлечем в дело этого Юсуфа, отдав его дочь в жены Абд ар-Рахману, так что он станет родичем правителя. Если же он откажется, я сам ударю мечом по его лысине».

Порешив на этом, заговорщики вышли от Сумайля и встретились в Кордове в тот же день со своими сторонниками из вольноотпущенников. Договорившись с ними обо всем, они вернулись к Сумайлю, чтобы проститься с ним, и Сумайль сказал им: «Я долго думал о том, что вы мне предложили, и вспомнил о том, что Абд ар-Рахман — потомок тех людей, которым все под силу: стоит одному из них помочиться, и все мы захлебнемся. Аллах избрал вас для доброго дела, выполняйте же его, а мне следует хранить в тайне то, что вы мне доверили, и не препятствовать вам».

Они ушли от Сумайля и встретились с Тамамом, сыном Алькамы, и, взяв его с собой, они отправились к Абу Фариа, известному своим искусством в мореходстве и управлении судами, и встретились у него с другими сирийскими вольноотпущенниками, примкнувшими к ним. Договорившись обо всем, они отправили Бадра в сопровождении Тамама ибн Алькамы к Абд ар-Рахману на африканский берег на корабле, которым управлял Абу Фариа.

Когда они пересекли море и встретились с Абд ар-Рахманом, тот спросил: «Скажи, Бадр, кто этот человек и кто его отец?» Бадр ответил: «Это твой вольноотпущенник Тамам, а кормщик — Абу Фариа». И Абд ар-Рахман воскликнул: «Его зовут Тамам, что значит «Завершение», стало быть, наше дело завершится успехом, а Фариа означает «Девица», и это говорит о том, что мы возьмем в жены эту страну, словно прекрасную девицу, если того пожелает Аллах».

Затем они отправились в Андалусию. Переплыв море, они высадились в гавани аль-Мунаккиб, где их встретили Абу Усман и Абдаллах ибн Халид и проводили в селение Торос в дом Усмана.

Наместником в этой области был Джидар ибн Амр аль-Кайси, которого известили о прибытии Абд ар-Рахмана, и он сказал: «Приведите его ко мне в праздник жертвоприношения на площадь, и увидите, что будет, если Аллах пожелает». Когда настал день праздника, Абд ар-Рахман явился, сопровождаемый Усманом и Абдаллахом, и, когда проповедник собрался начать проповедь, Джидар встал и возгласил: «Я свергаю Юсуфа аль-Фихри и отказываюсь признать его власть, а эмиром над нами назначаю Абд ар-Рахмана ибн Муавию, сына халифа Хишама, он наш эмир и сын нашего эмира. Что скажете,

люди?» И все собравшиеся крикнули: «Мы скажем то же, что и ты!» И после окончания молитвы все как один присягнули Абд ар-Рахману, поклявшись соблюдать ему верность.

Затем к Абд ар-Рахману присоединились сирийцы Сидоны и местные арабы и со стороны Севильи подошел Абу Саббах, так что у него собралось многочисленное войско. Остановившись в Севилье, он стал принимать присягу от всех арабов, что стекались к нему из разных областей Андалусии.

Известие об этом дошло до Юсуфа аль-Фихри, когда он возвращался из похода на Сарагосу, разгромив восставшего против него аль-Кураши и захватив его в плен. Он тотчас же направился к Севилье, но Абд ар-Рахман, узнав о его приближении, пошел на Кордову, так что их разделил Гвадалквивир. Увидев, что Абд ар-Рахман решительно устремился к Кордове, аль-Фихри повернул в столицу, а Абд ар-Рахман остановился в селении Балья в округе Севильи. Тут шейхи арабов стали говорить: «Что это за эмир, у которого нет знамени? Это может быть истолковано ошибочно»,— и решили поднять знамя Абд ар-Рахмана, и стали искать по всему войску достаточно длинное копье, чтобы к его древку привязать знамя. Такое копье нашлось только у Абу Саббаха, и к нему привязали знамя, и его освятил Фаркад ас-Саракости, которого почитали самым праведным человеком в Андалусии.

Абд ар-Рахман спросил: «Какой сегодня день?» Ему ответили: «Сегодня четверг, день стояния на Арафате». Тогда Абд ар-Рахман промолвил: «Сегодня день Арафата, а завтра пятница, день праздника жертвоприношения. И я надеюсь, что завтра между мною и аль-Фихри произойдет то, что случилось между кайситами и моими предками в день Мардж-Рахит». А надо сказать, что день Мардж-Рахит — это день сражения, которое произошло в местности, носящей такое название, близ Дамаска. В этот день сразились Марван ибн аль-Хакам из рода Омайядов и ад-Даххак ибн Кайс аль-Фихри, полководец Абдаллаха ибн аз-Зубайра. Тогда тоже была пятница и праздник жертвоприношения, и счастье повернулось к Марвану, отвратившись от аль-Фихри, так что в тот день было убито семьдесят тысяч воинов из племени Кайс и других североарабских племен.

Об этом говорит Абд ар-Рахман ибн аль-Хакам:

Видно, племени Кайс счастья не суждено.
Было при Мардж-Рахит племя побеждено.

Потом Абд ар-Рахман ибн Муавия приказал своим людям собраться в путь и идти всю ночь, чтобы наутро оказаться у ворот Кордовы. Обратившись к воинам, он сказал: «Нашим пешим воинам будет трудно поспеть за конниками, поэтому каждый из конных пусть посадит позади себя пешего воина». Оглянувшись, он увидел молодого араба и спросил его: «Кто ты будешь, молодец, и как твое имя?» Тот ответил: «Мое имя Сабик ибн Малик ибн Язид, что значит «Опережающий, сын владеющего, сына увеличивающего». И Абд ар-Рахман воскликнул: «Твое имя означает, что мы опередим, овладеем и увеличимся в числе! Садись со мной на коня, дай мне руку». Этот юноша уцелел, и его потомков стали называть «Бану Сабик ар-Радиф», а слово «радиф» означает пешего, которого конный взял с собой в седло, посадив позади себя.

И войска выступили, и шли всю ночь, и наутро очутились в окрестностях Кордовы. И когда войска аль-Фихри и войска Абд ар-Рахмана выступили на сражение, то их разделяла река на расстоянии мили. Полководцы приказали остановиться у водоема, что ниже нории, как называют арабы оросительное колесо. Первым, кто направил своего коня в реку из воинов Абд ар-Рахмана, был Асим аль-Урьян, а за ним двинулись уже и пешие, и конные бросились в воды и перешли реку, и аль-Фихри не смог остановить их. Сражение произошло на ближнем к Кордове берегу, а потом Юсуф аль-Фихри обратился в бегство и не смог скрыться в своей крепости. Абд ар-Рахман, оттеснив врагов и продвигаясь вперед, захватил крепость, вошел в нее и первым делом направился к кухням, приказывая накормить его людей. К нему вышли жена и две дочери аль-Фихри, которые сказали: «О родич, соверши доброе дело и окажи благодеяние, подобно тому, как Аллах оказал благодеяние тебе!» Абд ар-Рахман ответил: «Я сделаю это, прикажи привести вашего имама». Когда тот явился, Абд ар-Рахман приказал ему совершить молитву вместе с его воинами, а потом велел отвести женщин к себе домой, а сам остановился на эту ночь в крепости. Дочь аль-Фихри подарила ему невольницу по имени Хулаль, кото-

рая стала матерью эмира Хишама, да помилует его Аллах...

На следующее утро Абд ар-Рахман отправился в мечеть, где собрались все жители Кордовы, и произнес пятничную проповедь, обещая всяческие блага мусульманам. А Юсуф аль-Фихри, бежав с поля боя, направился в Гранаду, чтобы укрепить ее против врагов. Абд ар-Рахман покинул Кордову, преследуя Юсуфа, но, когда он находился уже далеко, ему стало известно, что сын Юсуфа, обитавший в Мериде, узнав о том, что случилось с его отцом, тайно отправился в Кордову и в отсутствие Абд ар-Рахмана проник в крепость. Абд ар-Рахман поспешно возвратился, и сын Юсуфа, узнав о его приближении, бежал в Толедо. Тогда Абд ар-Рахман, оставив надежного человека в крепости Кордовы, вернулся в Гранаду и осадил ее. А тем временем аль-Фихри прибыл в Толедо и был там убит одним из своих прежних сторонников. Так Абд ар-Рахман стал правителем всей Андалусии, и ему покорились все области...

После эмиров Абд ар-Рахмана, Хишама и аль-Хакама власть перешла к эмиру Абд ар-Рахману II, сыну аль-Хакама, да будет доволен ими Аллах! Он правил наилучшим образом и проявлял постоянную благосклонность к ученым людям, сочинителям и поэтам, так что наука и образованность процветали в дни его правления. И он жил, творя добро, и подданные отвечали ему благочестием и достойным поведением. Он совершал множество походов в земли неверных, то сам, то посылая туда войска под главенством своих военачальников.

Абд ар-Рахман был осторожен в выборе людей, которые исполняли обязанности кади. Он назначил на этот пост аль-Кураши, но потом сместил его. А произошло это из-за слов, которые произнесла какая-то женщина: обращаясь к Кураши, она сказала ему: «О сын халифов, посмотри на меня и будь справедлив, как Аллах справедлив к тебе». И кади аль-Кураши не возразил ей и не поправил ее, сочтя слова ее неподобающими его сану. И Муса ибн Джудайр, старший казначей Абд ар-Рахмана, донес халифу, сказав, что произошло у кади с той женщиной, и добавив: «Тот, кто не препятствует, чтобы его называли «сыном халифов», пытается умалить твою власть, о повелитель правоверных!»

Одним из самых приближенных людей к Абд ар-Рахману был литератор и поэт Убайдаллах ибн Карломан,

сын Бадра-пришельца. Однажды поэт Зирьяб, о котором сложено много преданий, спел в присутствии Убайдаллаха стихи Аббаса ибн аль-Ахнафа:

Зулум-обидчица спросила между делом:
«Скажи мне, почему так исхудал ты телом?»

«О ты, пронзившая без промаха мне сердце,
В кого еще попасть жестоким этим стрелам?»

Абд ар-Рахман сказал: «Первые строки не связаны с последующими, между ними обязательно должны быть такие слова, которые бы сделали смысл более ясным». Тогда Убайдаллах ибн Карломан сказал:

Зулум-обидчица спросила между делом:
«Скажи мне, почему так исхудал ты телом?»

Как жемчуг с нитки, слезы крупные роняя,
Ответил я в моем томлении несмелом:

«О ты, пронзившая без промаха мне сердце,
В кого еще попасть жестоким этим стрелам?»

И Абд ар-Рахман обрадовался этому дополнению и богато одарил Убайдаллаха.

Абд ар-Рахман ибн аль-Хакам первым из правителей Андалусии принял сан халифа, он же первым ввел обычай, чтобы вазиры являлись в его дворец и высказывали свое мнение по различным вопросам, и потому у него были такие вазиры, которых не было ни у одного халифа ни до, ни после него, как, например: Абд аль-Карим ибн Мугис, Иса ибн Шухайд, Юсуф ибн Бахт и многие другие.

Абд ар-Рахман ибн аль-Хакам приказал расширить кордовскую мечеть, и постройка эта почти завершилась при его жизни, кроме незначительных доделок, которые были сделаны уже при эмире Мухаммаде. Абд ар-Рахман построил также мечеть в Севилье и обнес стеной Кордову, когда столице стали угрожать набеги северных язычников в двести тридцатом году. Это первое упоминание о них, когда они напали на Андалусию, и испуганные жители халифата покинули в страхе Севилью и искали убежища в Кармоне и в горах, окружающих Севилью, и никто из жителей запада Андалусии не осмелился сражаться с северными язычниками...

Ибн Кутайба

Из книги «Власть халифа и управление подданными»

А вот что повествует о завоевании арабами Андалусии Ибн Кутайба.

Во имя Аллаха, милостивого, милосердного, да будет благословение и помощь Аллаха с Мухаммадом, нашим господином, его сподвижниками и всем его родом.

Рассказывают, что Муса ибн Нусайр отправил Тарика в магрибинские земли, где лежит славный город Танжер, и Тарик покорил множество берберских селений и крепостей. Долго не было от него вестей, и наконец к Мусе прибыла от него грамота, где были такие слова: «Знай, о Муса, что уже есть у меня множество лодок и шесть кораблей». И Муса ответил ему: «Те земли покорит лишь тот, у кого будет семь кораблей. Потому прибавь к захваченным тобой кораблям еще один, приведи все суда в гавань Танжера и готовься тотчас же к походу. Но прежде, чем снимешься с якоря и отправишься в море, найди человека, который разумел бы в сирийских месяцах и их счете. И когда настанет двадцать первый день сирийского месяца азара, погрузи воинов на корабли и лодки и плыви, с благословения Аллаха, без сомнения и страха, ибо в тот день тебе дарована будет победа. Если же не найдешь никого сведущего в сирийском счете, то знай, что месяц, который румы называют мартом, совпадает с азаром. И в названный мною день поднимай паруса и пускайся в море. Коли исполнишь в точности каждое мое слово, то победа будет с нами. Ты плыви до тех пор, пока не встретятся тебе высокие красные скалы, там бьет источник, воды которого текут к востоку. Возле того источ-

ника увидишь ты идола — высеченного из камня быка с крутыми рогами. Разбей того идола, чтобы разрушить чары, и ищи среди своих воинов человека высокого роста, со светлыми волосами и прищуренными глазами, у которого от старой раны высохла одна рука. Этого человека назначь предводителем над своим войском, а потом оставайся на своем месте до тех пор, пока к тебе не придет мой новый приказ, если будет на то воля Аллаха».

Получив послание, Тарик ответил Мусе: «Я исполнил в точности все указания эмира, но, кроме себя, не нашел ни одного человека, у которого были бы подобные свойства и приметы». И Тарик двинулся в путь во главе отряда, насчитывающего тысячу и семьсот пеших и конных. И было это в месяце раджабе девяносто третьего года.

А в это время Родерик, царь андалусцев, отправился из Толедо в поход против одного из своих врагов по имени Басконец, в столице же вместо себя оставил князя Тодемира. Получив весть о высадке Тарика и его войска, Тодемир написал Родерику: «На нашу землю напали неведомые люди, и мы не знаем, причислить ли их к жителям нашего мира, или они упали с неба». Получив грамоту Тодемира, Родерик поспешно повернул свое войско, в котором было семьдесят тысяч конных, чтобы сразиться с врагами. В войске Родерика было множество повозок, груженных золотом, дорогой утварью и прочей кладью, а сам царь восседал на ложе, установленном на помосте между двумя конями, а над ложем возвышался шатер из драгоценной ткани, украшенный изумрудами, яхонтами и жемчугами.

У воинов Родерика были припасены крепкие веревки, чтобы связать вражеского предводителя, ибо они были уверены в победе над врагами. И когда Тарик узнал о приближении войска царя андалусцев, он встал, восхвалил Аллаха и призвал своих людей к битве, дабы не боялись они погибнуть геройской смертью, промолвив: «О люди, куда бежать? Море за спиной, а враг перед лицом. Клянусь Аллахом, не остается ничего, как быть стойкими и отважными. Воистину, бесстрашие и стойкость непобедимы, они — два славных воина, которым повсюду и всегда дарована победа, ибо бесстрашного не испугает малочисленность, а стойкому не грозит бегство и поражение. А вот если войско велико, то может в нем вспыхнуть смута или одолеть людей гордыня и леность. О люди, во всем следуйте за мной,— если я нападу, то и

вы нападайте, если я встану, то и вы остановитесь, в битве войско должно действовать, как один человек. И буду я стойко сражаться против неверных, и не отступлюсь от них, пока не одолею врага. Коли суждено мне погибнуть, то не спорьте друг с другом, не теряйте времени даром, продолжайте бой, иначе ждет вас поражение и бегство, и умрете вы в бою или в плену самой жалкой смертью. Заклинаю вас: берегитесь, не поддавайтесь страху, не будьте подлыми трусами! Не губите свою жизнь собственными руками, не разменивайте честь и величие на унижение и падение, не отказывайтесь от дарованной вам доли в мученичестве и геройской погибели, ибо, кто откажется, тот уронит себя в глазах всех мусульман, и никто не помянет его завтра добрым словом. Я сам поведу вас в бой, а вы следуйте за мной, помня, что вам нельзя отклониться от выбранного пути».

Сказав так, обрушился Тарик на войска царя Родерика, и его воины последовали за ним и доблестно сражались. И когда нечестивец был убит, все войско его обратилось в бегство, а Тарик приказал доставить к нему голову Родерика и отослал ее Мусе ибн Нусайру. Что же касается последнего, то он отправил своего сына и некоторых знатных людей Ифрикийи к халифу аль-Валиду в Дамаск, чтобы отвезти голову царя Андалусии и положить ее к престолу халифа. Халиф аль-Валид наградил посланцев деньгами и почетным платьем и оказал им наивысшее уважение.

Между тем мусульмане, которые переправились в Андалусию, захватили все богатства, что были в войсках Родерика, и добыча их была так велика, что они не знали ей ни цены, ни счета. Но прошло недолгое время, и против мусульман собрались орды неверных. И Тарик написал своему господину Мусе ибн Нусайру: «На нас пошли со всех сторон разные народы, населяющие эту страну. Не медли, спеши к нам на подмогу!» Получив такую весть, Муса ибн Нусайр бросил клич среди людей, и у него собралось огромное войско. И было это в месяце сафаре девяносто третьего года. Оставив наместником Ифрикийи, Танжера и Суса своего сына Абдаллаха, Муса в четверг на заре переправился через море и, высадившись, увидел, что на него со всех сторон движутся несметные полчища неверных. И он смело двинул свои войска в бой, разбил неверных и пошел на Кордову, захватил город вместе с прилегающими к нему замками и крепостями, и

досталась мусульманам тогда такая добыча, о которой ни прежде, ни потом люди не слыхали, но сдал ее в казну лишь один Абу Абд ар-Рахман аль-Джабали.

Что же касается Мусы ибн Нусайра, то он продвигался все дальше, завоевывая все новые города и селения. Насмотревшись на различные диковинки, он соблазнялся лишь самой ценной и дорогой добычей. Наконец Муса дошел до столицы готских правителей, города Толедо, и овладел им. Там он увидал дворец, который назывался «королевским». В том дворце хранились двадцать четыре короны,— по числу царей, с давних времен правивших этими краями. И когда кто-нибудь из царей умирал, а на престол восходил новый царь, то корону покойного помещали в дворцовые покои, начертав на ней имя царя, которому она принадлежала, имя его отца, а также день его воцарения и смерти.

И в том дворце обнаружились немыслимые богатства, и среди них — столы из драгоценного дерева,— а на одном из них самоцветами было написано имя Сулаймана ибн Дауда,— и кроме того множество золотых и серебряных сосудов и прочие драгоценные вещи. Что касается стола, на котором было имя Сулаймана ибн Дауда, то, согласно преданию, принадлежал он самому пророку Сулайману, покорителю злых духов, и видом своим напоминал ствол пальмы, отлитый из червонного злата и чистого серебра, и исходили от него то ослепительно желтые, то белые лучи света, а понизу шли три полосы дорогих каменьев — жемчугов, яхонтов и зеленых смарагдов.

И Муса велел прикрыть сокровища кусками ткани и поставил доверенных людей стеречь эти богатства. И каждый, кто брался сосчитать и оценить серебряные монеты, разную утварь и пленных, оказывался бессильным,— так несметна была захваченная у неверных добыча.

Некий ученый муж, который якобы был вместе с Мусой ибн Нусайром, когда тот захватил королевский замок в городе Толедо, рассказал, что на дверях тех покоев, где нашли стол, на котором было начертано имя Сулаймана ибн Дауда, оказалось двадцать четыре запора,— это всякий раз, как воцарялся новый царь, вешали на двери новый замок по обычаям прежних властелинов. Так было до той поры, пока не захватил трон Родерик-гот, при котором пала власть христиан в Андалусии. И говорили, что, взойдя на престол, Родерик воскликнул: «Клянусь богом, не хотел бы я умереть, не узнав о тайне этого дворца.

Во что бы то ни стало я открою эти двери, и собью эти замки, и посмотрю, что находится внутри». Тут все знатные христиане и люди духовного звания окружили его и стали спрашивать: «Что желаешь ты найти в том дворце, почему так упорно стремишься открыть его?» Родерик же твердил: «Клянусь богом, я не хочу умереть, не открыв этой тайны, и не буду я самим собой, если не узнаю ее». Тогда вельможи сказали ему: «Опомнись, не гневи господа, не будет добра ни тебе, ни людям, если ты нарушишь древний обычай. Не бывать счастливым тому, кто забывает заветы предков своих! Оставь свои замыслы! Любопытство и алчность — всегда дурные советчики, и пусть они не совлекут тебя с пути твоих предков, ибо те обладали мудростью большей, чем наша, и лучше нас ведали, что творили!» Но Родерик, отвратив от них слух, твердил свое: «Я во что бы то ни стало открою двери дворца и узнаю его тайну!» Те почтенные и богобоязненные люди, стараясь совлечь Родерика с пути невежества и гордыни, говорили: «Поведай нам, какие сокровища ты хочешь найти во дворце? Сколько там, по твоему разумению, денег, дорогих каменьев и прочих сокровищ? Молви лишь слово, и мы дадим тебе вдвое больше, только не нарушай древний обычай, не навлекай на нас тяжкие беды!» Но Родерик стоял на своем и велел сломать все замки и запоры и открыть двери. И когда они отворились, то люди увидали на стенах изображения арабов, а посреди покоев лежал пергамент, на котором было начертано вот что: «Не отверзайте сии двери, ибо свершивший подобное падет от руки ратников, здесь изображенных». И в том же году мусульмане высадились на андалусский берег.

Лайс ибн Саид, один из военачальников Мусы, рассказывал, что воины арабов и берберов, раскинувшие свои шатры на площадях Толедо, не знали, где им привязать своих коней и мулов. И порешили они вбить стальные колья в стены собора, что были покрыты каменными плитами. Но лишь только колья пробивали камень, как тотчас же выпадали из стен на землю, и мусульмане никак не могли доискаться причины. Когда же откололи одну из плит тесаного камня, то все вокруг озарилось, ибо под камнем были листы светлого серебра и чистого злата.

И еще рассказывали, как однажды два бербера из воинов Мусы вытащили огромный ковер из дворцовых покоев, и тот ковер был весь соткан из золотых и серебряных нитей и расцвечен алмазами, яхонтами и жемчугами.

Дюжие воины с трудом выволокли ковер, но унести его не смогли и, положив ковер на землю, с трудом разрубили его мечами на две части, после чего взяли лишь ту часть, что оказалась легче, а другую так и оставили лежать на земле, у людей под ногами, но никто из проходящих даже не взглянул на эту дивную работу, ибо каждого занимала только своя добыча, которая была еще более ценной.

Потом к Мусе пришел некий муж из жителей Толедо и промолвил: «Пошли со мной своих верных гулямов и мамлюков, и я покажу им, где таится один из королевских кладов». И он привел приближенных Мусы туда, где лежала половина ковра, и сказал им: «Рубите ковер мечами вот в этом месте!» И когда гулямы ударили мечами в указанном месте, из ковра хлынули потоком изумруды, яхонты и алмазы, подобных которым люди никогда и не видывали. И люди Мусы крайне удивились и воскликнули: «Наш господин не поверит нам на слово, он должен все увидеть собственными глазами!» И когда Муса пришел на то место и узрел драгоценный ковер и каменья, он молвил: «Не дивлюсь я тому, что люди, вынесшие из дворца это чудо, не смогли унести его с собою,— он тяжести неимоверной, ибо в него вделаны золотые прутья. Они разрубили ковер, но не напали на клад, а забрали лишь ту часть, что смогли унести».

Лайс рассказывал еще и такое: «Некий арабский воин захватил в этом походе богатую добычу — золото и драгоценные камни, и носил свои сокровища у себя на груди, приклеив их к телу смолою. Он был смертельно ранен и, умирая, шептал: «Когда будете обмывать мое тело, не трогьте смолу, заверните меня в саван вместе с нею...»

Рассказывают, что Муса захватил в бою коня одного из знатных андалусцев. Однажды конь захромал, и Муса велел осмотреть его копыта, и тут только увидали, что подкова и гвозди были сделаны из чистого золота, и все этому дивились.

Муса ибн Нусайр, который захватил андалусские земли, так писал халифу: «Повелитель правоверных, не будет больше такого похода до самого светопреставленья».

Некая женщина, торговка благовониями, сопровождавшая арабское войско, вывезла из Андалусии пятьсот чистокровных коней и несметное множество золота, серебра и различных каменьев, и это нельзя счесть ложью. И еще рассказывали, что к некоему доброму мужу по имени Ясмин ибн Раджа, что жил в Дамаске, пришел как-то

древний старец и стал говорить о том, как Муса ибн Нусайр завоевал андалусские земли. Его спросили: «А откуда тебе это ведомо?» Старик воскликнул: «Кому же ведомо, как не мне! Ведь я был тогда захвачен в плен воинами Мусы и отправлен в Дамаск. Каких только чудес я не видел! Пленники тогда ценились ни во что. Меня, например, купили у повара Мусы за горстку пряностей, ибо на кухне Мусы кончился перец!» Ясмин спросил: «Как же ты попал в руки к мусульманам?» И старик ответил: «Мой отец обладал несметными сокровищами — золотом, серебром, алмазами и изумрудами, которые хранил в потайном месте, что было известно лишь нам двоим. Узнав о наступлении мусульман, он велел мне привезти все богатства, чтобы они не попали во вражеские руки, но мусульмане пленили меня и отобрали мою поклажу, а меня обратили в рабство. И было это ровно семьдесят лет назад, но помню я тот день, как будто это произошло сегодня».

Рассказывают, что из Толедо Муса повел войска дальше на север и покорял один город за другим, так что захватил почти все земли Андалусии. Тут к нему явились галисийские вельможи и просили о заключении договора, и Муса согласился на это. И он, обратив свой лик к другим землям, двинулся против басков и глубоко проник в горы, пока не набрел на людей, что были словно дикие звери. После этого Муса повернул на франков и захватил город Сарагосу и прочие сопредельные города франков, взяв там несметные богатства. Он торопился и гнал своих коней, побуждаемый стремлением к славе, и преодолел за двадцать дней расстояние между Кордовой и Сарагосой, хотя самые резвые кони могут пробежать этот путь не менее чем за месяц.

Рассказывал Абдаллах ибн аль-Мугира ибн Абу Бурда: «Довелось мне быть с Мусой в этом его походе, и последнее, что мы завоевали, был город Сарагоса. Дойдя до стен города, мы увидали, что расположен он у самого моря и имеет крепкие ворота, числом четыре. Мы осадили Сарагосу, и тут явился Ияш ибн Укайль, который был военачальником Мусы, и сказал: «О эмир, я разделил войско на четыре части и поставил их к четырем воротам. Остались лишь дальние ворота, которые мы не считали». Муса промолвил: «Предвижу я, что выберут они дальние ворота. Поведем туда наши отряды, может быть, мы задержим беглецов там, если на то будет воля Аллаха».

Потом Муса, обратившись ко мне, спросил: «Сколько у тебя провианта?» Я ответил: «У нас осталось очень мало». И Муса заметил: «Если самые богатые люди во всем войске жалуются, что им не хватает запасов, что же тогда говорить о прочих? О боже, сотвори чудо, сделай так, чтобы неверные вышли через дальние ворота!» И случилось все так, как предвидел Муса. Жители города, питая ложную надежду, устремились к дальним воротам, когда заря еще не взошла на небо. Муса, который был наготове, послал им вдогонку своего старшего сына Марвана, тот догнал беглецов, многих перебил и добыл много припасов. И потом мусульмане вошли в город и захватили богатую добычу...»

Утвердившись в Сарагосе, Муса пожелал продолжать поход и еще глубже проникнуть в христианскую землю. Но воины его принялись роптать, выказывая недовольство. Они восклицали: «Куда ведет он нас? Хватит нам того, что у нас в руках, достаточно нам сокровищ, что мы добыли в землях франков и румов!» Но воитель не слушал их речей, ибо овладела им алчность и гордыня после того, как он покорил силою своей длани и доблестью своих героев необозримые андалусские земли.

Прежде, до прихода в Андалусию, Муса имел обыкновение говорить, когда при нем упоминали о полководце Укбе ибн Нафи, завоевателе Ифрикийи: «Этот человек вел стезей погибели и заблуждений и себя, и своих ближних, проникнув так далеко во вражеские земли. Неприятель был у него и справа, и слева, и спереди, и сзади, и с ним не было благоразумного мужа, что наставил бы его на путь истинный и умерил бы его алчность». Эти речи слышали многие сподвижники Мусы, и среди них был Ханаш ас-Санани. Когда же Муса, овладев Сарагосой, обратил свой лик на север, не слушая тех, кто просил его остановиться, Ханаш ас-Санани встал однажды на дороге, схватил за повод коня Мусы и молвил: «О эмир, я слышал, как ты говорил про Укбу ибн Нафи, что вел он стезей погибели и заблуждений свое войско и своих ближних и что при нем не было благоразумного мужа, который наставил бы его на путь истинный и умерил бы его алчность. Вот ныне буду я тем мужем. Куда, куда идешь ты? Тебе желательно выйти за пределы дольнего мира? Иль взалкал ты лучшего и большего, чем тебе даровал Аллах? Люди ропщут, они и их кони утомились, и решимость их ослабла, а ты будто заткнул себе уши и ничего не слышишь!» В ответ на слова Ханаша ибн ас-Санани Муса улыбнулся

и ответил: «Пусть Аллах и дальше ведет тебя путем мудрости и правды, пусть увеличит число мусульман, подобных тебе доблестью и честью!» И после этого Муса решил повернуть вспять от земель франков, но потом он говорил: «Клянусь Аллахом, если бы люди были послушны моей воле, я повел бы их дальше, так что мы дошли бы до самого Рима, и Аллах послал бы нам победу».

О походе Мусы сложили множество дивных рассказов. И говорят, что, высадившись на берег, он увидал изваяние человека, указующего перстом в небо, и был то, без сомнения, языческий идол. Рядом с ним стоял подобный же идол, взор которого был устремлен в небо. Не тронув тех идолов, Муса поехал дальше и вскоре заметил еще одно изваяние, опустившее правую руку и указывающее перстом в землю. Приблизившись к нему, Муса промолвил: «Здесь копайте колодец!» Когда же стали рыть в том месте, из земли извлекли запечатанный сосуд из красной глины. Муса велел разбить его, и из него вылетел бурный ветер, и Муса спросил своих воинов: «Известно ли вам, что это такое?» Они ответили: «Нет, эмир, мы не ведаем, клянемся Аллахом!» Муса промолвил: «Это один из злых духов, которых заключил Сулайман ибн Дауд, пророк, да будет с ним милость Аллаха!»

Некий магрибинский шейх рассказывал, что Муса отправил в морской поход множество своих воинов на судах, построенных по его велению, на поиски древнего изваяния, имевшего вид мужа, чья десница устремлена вперед. Это изваяние, как говорили Мусе, находилось на одном из морских островов. Найдя изваяние, воины должны были продолжать свой путь несколько дней и ночей, не останавливаясь, пока не найдут еще одно изваяние на другом морском острове, где обитают люди, говорящие на неведомом им наречии. Тут кончался путь воинов Мусы, и им велено было повернуть обратно, ибо остров сей расположен на крайнем западе обитаемого мира, и нет за ним ничего, кроме великого Океана.

И говорят также, что Муса дошел до реки, на правом берегу которой стояли изваяния вооруженных воинов, а на левом — статуи прекрасных женщин, и было тех изваяний великое множество. Тут воины Мусы остановились, пораженные ужасом, и, видя их страх, Муса и сам испугался, ибо изваяния были как живые, и велел повернуть обратно. Но воины бросились куда глаза глядят и попали в страну, где земля колыхалась под ногами, и

тогда мусульмане преисполнились еще большим ужасом и обратились в бегство.

Рассказывал Абдаллах ибн Кайс: «Дошло до меня, что, когда Муса переправился на андалусский берег, он увидел в том месте множество строений, и каждое имело вид купола из красной меди. Муса приказал сломать один такой купол, и из него со страшным криком вырвался джинн из злых духов, который тут же скрылся из виду. Муса понял, что перед ним жилища духов, которых заключил пророк Сулайман ибн Дауд, да будут с ними благословения Аллаха. Он велел своим людям не трогать тех строений, и они остались так, как были».

Рассказывали также, что в одном из походов с Мусой приключился еще один удивительный случай. В дороге на его войско внезапно опустился густой туман черного цвета, и люди были полны замешательства и страха и не знали, куда им обратиться. Не ведая, что им делать, они окружили Мусу, и он, поразмыслив, решил двигаться шагом. И вдруг перед ними возник неведомый город, окруженный высокой стеной из красной меди. Муса попытался найти ворота, чтобы проникнуть в город, но, обойдя его кругом, так и не нашел входа. Тогда он велел приготовить стрелы и копья и стал побуждать воинов подняться на стену, сказав: «Кто проникнет в эту крепость, получит пятьсот динаров». Тут один из воинов поднялся на стену, но тотчас же исчез, будто растаял. И Муса снова обратился к своему войску: «Кто поднимется на стену и проникнет в крепость, получит тысячу динаров». Вызвался второй охотник, но с ним случилось то же, что и с первым. Муса пообещал награду в тысячу и пятьсот динаров, но и третий воин, что соблазнился наградой и поднялся на стену, исчез, будто его вовсе не бывало.

И воины Мусы воскликнули в один голос: «Это великий грех! Ты искушаешь людей деньгами, так что они не могут устоять, а потом гибнут!» Но Муса возразил: «Погодите, я исправлю дело, если на то будет воля Аллаха!» И он приказал установить камнеметные машины — аррады и манджаники — у стен того града и забрасывать крепость огромными камнями. Но тогда жители той крепости, услышав приказание эмира, зашумели и закричали, взмолившись в один голос: «О славный эмир, не сочти нас твоими врагами, мы ведь джинны-мусульмане и зла тебе не желаем. Оставь же нас, ибо тебе подобает сражаться с неверными, а не с нами». И Муса спросил их: «А где мои

воины, что бесследно исчезли, что вы сделали с ними?» Джинны отвечали: «Эти люди у нас, о славный эмир, они живы и невредимы». Муса велел джиннам отпустить тех людей, и они вернулись, все, кто прежде взобрался на стену, возникнув так, будто их из воздуха соткали, и тотчас опустились со стены к мусульманам. Муса стал расспрашивать их о том, что они видали и что слыхали, но те люди ответили: «Мы не ведаем, о эмир, о чем ты нас спрашиваешь. Только что мы поднялись на стену, а теперь спускаемся». И Муса, вознося Аллаху благодарения, двинулся дальше, покоряя на пути все христианские города и селения.

Ибн Хайян

Из книги «Жаждущий знания»

РАССКАЗ О ПРИБЫТИИ ПОСОЛЬСТВА БОНФИЛЛЯ, ПОСЛА ПРАВИТЕЛЯ БАРСЕЛОНЫ

В конце месяца шабана триста шестидесятого года в предместье Кордовы, Фахс ас-Сарадик, где разбивают обычно свои шатры послы чужеземных государей, прибыл начальник стражи и военачальник Тортосы и округа Валенсии, эмир Хишам ибн Мухаммад ибн Усман, сопровождая комеса Бонфилля, сына Синдередо, что был послом и доверенным лицом Борреля, сына Суниера, правителя Барселоны, ведал его крепостями и управлением городов и селений. Он привез послание от Борреля

к халифу аль-Хакаму, в коем тот осведомлялся о здоровье халифа и подтверждал повиновение и верность повелителю правоверных. Для того, чтобы угодить халифу, он привез с собой подарки, в том числе тридцать пленных мусульман, мужчин, женщин и детей, которых доставили из Барселоны и ее окрестности, ибо известно, что подобным подарком можно больше всего обрадовать повелителя правоверных и он, развеселившись сердцем, вознаградит за это.

Бонфилль прибыл к воротам столицы во главе двадцати всадников из числа приближенных Борреля, и с ними был также посол от Гитардо, комеса, что был поставлен Борреллем наместником города Барселоны. Гитардо послал от себя трех всадников, что должны были передать халифу послание от него лично.

Хишам ибн Мухаммад ибн Усман, начальник стражи, вел посольство, которое было снаряжено наилучшим образом, до моста, что близ Кордовы, где получил приказание отвести христианам место на лугу Муньят Наср, на берегу реки. Там он их и оставил, а сам со своими воинами направился в город аз-Захру, где попросил разрешения встретиться с повелителем правоверных, которого осведомил о прибытии посольства, и тот повелел оказать посланцам Борреля наивысший почет.

В субботу на четвертый день месяца рамадана халиф приказал устроить послам торжественный прием и воссел на престоле на возвышении Восточного зала своего дворца, который выходил на цветущие луга. Это был великолепный прием, где не было упущено ничего из почестей, приличествующих послам и достойных великого правителя мусульман, как подобало по обычаю. Явились все вазиры, которые уселись каждый сообразно своему сану и положению. Справа находился хаджиб, предводитель войска халифа, Галиб ибн Абд ар-Рахман, ниже его сидел вазир, ведающий делами двора и придворных, Касим ибн Мухаммад ибн Тумлус, слева от халифа сидел вазир, наместник медины Кордовы Джафар ибн Усман, а ниже — наместник медины аз-Захры Мухаммад ибн Афлах.

Посольство Борреля, сына Суниера, ввел в зал Джумхур ибн Шейх во главе группы своих воинов. С ними были знатные христиане Кордовы, которые служили толмачами. Перед послами шли пленные мусульмане — тридцать мужчин, женщин и детей, присланные в подарок повелителю

правоверных, и несли тюки парчи и связки мечей и копий— дары Борреляя.

Джумхур ибн Шейх вначале ввел послов в зал воинов, где они оставались некоторое время, пока халиф не воссел на престол, и тогда он возвестил, что соизволит принять послов, и только после этого их ввели в Восточный зал. Впереди шел Бонфилль, комес, и пятеро знатных людей из приближенных Борреляя, которых сопровождали кордовские христиане-толмачи. Дойдя до дверей Восточного тронного зала, все пали на колени и, поднявшись по знаку халифа, приблизились к престолу и поцеловали руку халифа.

Затем по знаку Джумхура они отошли и оставались стоять, вручив хаджибу послание своего господина. Халиф, глядя на них, спросил Бонфилля о здравии его господина Борреляя и о положении дел в их стране. Потом повелитель правоверных упомянул о том, что жители Кордовы испытывают к христианам Барселоны дружеские чувства и он также разделяет их. Толмачи перевели его слова послам, а те, ответив на них, как подобает по обычаю, попросили перевести их слова, и толмачи перевели их повелителю правоверных. На этом прием завершился, и Джумхур ибн Шейх отвел послов на луг Муньят Наср, где были разбиты их шатры, торжественно проводив их в сопровождении своих воинов.

Тем временем халиф повелел одарить пленных, возвращенных послом, чтобы они могли вернуться к себе на родину, и его приказ был выполнен. Ахмад ибн Ибрахим, казначей халифа и поэт, сказал в городе аз-Захре, поздравляя халифа с тем, что к нему чередой стремятся послы неверных, стремясь превзойти друг друга в попытках угодить повелителю правоверных:

Благословен ты, повелитель, хоть правота твоя сурова;
К тебе неверные приходят, не дожидаясь даже зова.

Неверными сын Санчо правит, он тоже склонен покориться;
Ты справедливости всемирной надежда и первооснова.

На западе и на востоке ты властвуешь, грозя неверным;
Так молния внезапным блеском гром возвестить всегда готова.

Когда бы в Мекке воцарился ты, повелитель правоверных,
Навек изгнал бы ты оттуда обманщика и суеслова.

РАССКАЗ О ТОРЖЕСТВЕННОМ ВЪЕЗДЕ В КОРДОВУ

Халиф аль-Мустансир приказал во вторник двадцать третьего дня месяца зу-ль-када Ахмаду ибн Саду аль-Джафари, своему вольноотпущеннику, начальнику халифской стражи, отправиться вместе с воинами, стражниками и послами, избранными им, в полном снаряжении и в праздничной одежде к тому месту, где разбили шатры полководцы Джафар и Яхья, прибывшие в Кордову. Это было в Фахс ас-Сарадике, откуда они должны были проследовать на луг, носящий имя Абд аль-Азиза.

Исполняя приказ повелителя правоверных, Ибн Сад выстроил прибывшие к нему отряды воинов, которые должны были участвовать в торжественной процессии, и войска направились от халифского дворца в городе аз-Захре, так что улицы и переходы едва могли вместить их. Они подошли к входу в большой шатер, где находились победоносные полководцы Яхья и Джафар и где было воткнуто в землю длинное копье, на острие которого торчала голова мятежника Зири, а вокруг на остриях малых копий — головы его приспешников, числом около сотни.

Когда Ахмад ибн Сад приказал отправиться в путь, все эти копья взяли всадники, которым было поручено нести их, и воины Яхьи и Джафара двинулись, окруженные посланцами халифа, и перед ними несли головы проклятых мятежников, чьим предводителем был Зири, голова которого торчала на самом высоком копье, а вслед за ними двигался отряд за отрядом и войско за войском. А за конными воинами следовал отряд, предводительствуемый Яхьей и Джафаром, которых повелитель правоверных приказал почтить превыше всего, и рядом с ними ехал Ахмад ибн Сад в сопровождении самых знатных и доблестных воинов Кордовы и лучших людей города, пожелавших принять участие в этой процессии и полюбоваться ее пышностью, и к ним присоединились посланцы из других округов и городов Андалусии, прибывшие в столицу, чтобы отпраздновать эту великую победу.

Когда первые всадники приблизились к воротам Баб ас-Судда, ведущим ко дворцу халифа, их встретили страж-

ники, десятники, закованные в блестящую броню, и пешие воины из рабадов Кордовы, вооруженные с ног до головы. Они стояли сомкнутыми рядами, заполняя все улицы города. Седла конников и воинское снаряжение сверкали серебром и камнями.

Процессия прошествовала через весь город, и когда гости достигли луга Абд аль-Азиза, их попросили остановиться там, пока их не вызовет повелитель правоверных. На лугу для них были расстелены драгоценные ковры и установлены ряды сидений редкой работы и были разбросаны мягкие подушки и расставлены столики с едой и плодами. Там они остановились под сенью деревьев, вкушая сладость плодов и блаженство покоя и отдохновения. А копья с головами мятежников были воткнуты в землю у входа на луг.

Потом предводитель войска, которым был назначен в этот день Ахмад ибн Сад, вместе со своими воинами направился во дворец аз-Захры, и это было уже к вечеру того дня, и, попросив халифа принять его, рассказал ему о том, как он распорядился, и повелитель правоверных одобрил этот распорядок, но в тот день уже не стал звать к себе Яхью и Джафара.

А еще до этого халиф дал приказ вазиру, наместнику медины Кордовы, Джафару ибн Усману, собрать всех пеших воинов города, записать имена всех юношей, которые уже могут носить оружие, и выдать каждому по щиту и копью из городского арсенала. Они должны были в назначенный день явиться в город аз-Захру в полном вооружении для участия в торжественной процессии. Халиф был очень озабочен тем, чтобы их было как можно больше, и предупредил об этом вазира.

Халиф приказал также своим вазирам, которые ведали делами двора, конюшен и кухни, подготовить все необходимое для приема гостей. Он велел снарядить конные и пешие отряды для приема Яхьи и Джафара и подготовить все необходимое для празднеств. И приготовления начались еще накануне, и все катибы и слуги сбились с ног, бегая со свечами и светильниками, которые горели всю ночь до следующего утра.

Когда все было подготовлено наилучшим образом и улажено по желанию повелителя правоверных, он отдал приказ начальнику своей стражи, наместнику Валенсии и Тортосы, эмиру Хишаму ибн Мухаммаду ибн Усману, выехать из дворца аз-Захры в сопровождении войск для

того, чтобы доставить Джафара и Яхью и их приближенных из того места, где они остановились, во дворец для встречи с халифом.

И эмир вышел во главе стройных рядов воинов, перед которыми ехали трубачи и барабанщики с красиво украшенными инструментами и несли огромные шелковые и парчовые знамена и значки, среди которых было шахматное сирийское знамя, что выносят только тогда, когда имам желает почтить и оказать честь своему гостю. И с ним был отряд отборных воинов из дворцовой челяди и рабов, и каждый из них был облачен в просторную кольчугу и блестящую броню, а на голове у них сверкали шлемы, и каждый восседал на резвом арабском скакуне, ржание которых было громче звуков военных труб.

Когда Хишам доехал со своей процессией до луга, где расположились гости, он попросил их сесть на коней и последовать за ним, и они тотчас же повиновались ему, ибо были готовы к приглашению. Вновь подняли головы Зири и его людей на высоких копьях, и отряд Джафара и Яхьи ехал вслед за копьеносцами, высоко поднявшими отрубленные головы мятежников. Они медленно ехали меж двух рядов вооруженных воинов Кордовы, которые приветствовали гостей, поднимая мечи. А за ними стояли другие воины, вооруженные копьями и держащие перед собой блестящие щиты, и всего их было шестнадцать тысяч пеших воинов.

Затем Яхья и Джафар проехали меж рядов конных воинов, одетых в кольчуги с мелким плетением — их снаряжение поставляли служилые люди и дворцовая челядь из славян, и они были вооружены лучше всех. Проехав эти ряды, процессия Али и Джафара направилась к дворцу аз-Захры меж рядов магрибинских всадников, закованных в броню, рабов, вооруженных короткими копьями и щитами из тисненой кожи, и рабов-лучников. Они стояли неподвижно, лишь сверкали их кольчуги и шлемы. А за ними тянулись ряды конных рабов-лучников халифа в белых кафтанах и высоких войлочных шапках, и у каждого за спиной был арабский лук и загрийский колчан, сделанный сирийскими мастерами из красного сафьяна с золотыми узорами.

Потом Али и Джафар проехали мимо отряда копейщиков, насчитывающего сотню всадников, потрясавших короткими острыми копьями, и миновали ряды всадников,

одетых в стальные панцири, покрывавшие их тело, и вслед за ними их встретили воины, сплошь покрытые кольчугами, как и их кони, так что они казались изваяниями, и у халифа было две сотни подобных всадников. Чем дальше они двигались, тем роскошнее были одежды встречавших их воинов, которые держали в руках знамена и богато изукрашенные значки, изображавшие разинувших пасть львов, приготовившихся к прыжку тигров и пантер, распростерших крылья орлов и извивающихся змей.

А потом их встретили конюхи повелителя правоверных, которые вели на поводу коней из халифских конюшен. Там была сотня чистокровных жеребцов, уздечки и седла которых были разукрашены серебром, золотом и драгоценными камнями, а на каждом коне была парчовая попона.

Наконец отряд Али и Джафара достиг ворот города аз-Захры. По обе стороны ворот их встречали два ряда всадников — дворцовых рабов, десятников и сотников, облаченных в кольчуги, пеших воинов с кожаными щитами и лучников с арабскими луками и арбалетами. За ними стояли ремесленники, одетые в разноцветные одежды из шелка и ярких хлопковых тканей, и у каждого за плечами также был арабский длинный лук.

И когда отряд прошел ворота Баб ас-Судда, то у портика встало два ряда привратников, рабов, гулямов и конюхов, одетых в лучшие праздничные одежды, и столько же дворцовой челяди и слуг сидело на скамьях. Все они держали в руках мечи, извлеченные из ножен, а на голове у каждого была высокая шапка, вышитая богатыми узорами. У дворца, где находились воины повелителя правоверных, гостей ожидали пешие лучники в одежде разных цветов, и каждый отряд носил одежду какого-нибудь одного цвета. На голове у каждого лучника была шапка, расшитая жемчугом, за плечами — огромные луки в рост человека, а в руках — стальные дубинки и железные шары на цепях.

А в это время халиф находился в тронном зале, окна которого выходили на цветущие луга. Всем знатным людям Кордовы и других городов и округов было приказано явиться во дворец, чтобы присутствовать на торжественном приеме, надев самую роскошную одежду. И все, повинуясь приказу аль-Мустансира, встали у входа в зал сообразно своему званию и положению. А когда дали

позволение войти в зал, все вошли по порядку и по званию, как того требует обычай, и уселись,— сначала братья халифа, затем вельможи и вазиры, а справа и слева от них стали их хаджибы. Потом было дано позволение войти конюшему, начальнику халифской стражи и начальникам стражи, что ведали делами простонародья, казначеям и катибам, корейшитам и их мавали, судьям, факихам-законоведам и ученым.

Войдя, все они встали перед престолом халифа двумя рядами, где были и писцы, и предводители стражи, десятники и сотники, и старшие среди дворцовой челяди. А у всех стен рядами стояли евнухи в красивой одежде, с блестящими шлемами на головах, держа в руках обнаженные мечи, рукоять которых была усажена сверкающими драгоценными камнями, и были они самым драгоценным украшением державы.

И все кровли дворца, портики и покои охранялись отборными воинами, облаченными в кольчуги, с мечами в руках, и на голове у каждого был серебряный шлем, повязанный шелковой тканью, расшитой золотом и жемчугом, а рядом стояли мальчики из знатных семей, в шелковых кафтанах и повязках на голове, вооруженные так же, как и взрослые воины.

Яхья и Джафар, дойдя до дворца, в котором помещались воины, остались там по приказу начальника халифской стражи, а когда все было приведено в должную готовность, к ним отправились катибы из дворцовой челяди, возвещая о том, что повелитель правоверных допускает их до себя. Войдя в ворота и пройдя через множество покоев, они наконец вошли в зал, где находился повелитель правоверных. Начиная от дверей, они несколько раз поцеловали ковер, как велел обычай, пока не подошли к престолу. Халиф подал им руку, и они поцеловали ее, вначале Яхья, потом Джафар, а затем начальник стражи представил халифу всех родичей Али из рода Бану Хазар, которые прибыли вместе с братьями. Они подходили — сначала те, что были старше, а затем младшие по возрасту,— целуя руку халифа и приветствуя его.

Потом халиф стал расспрашивать Джафара о его здравии и проявил к нему благосклонность, затем обратился с милостивыми словами к Яхье и его родичам, обещая им милость и благоволение в награду за их верную службу повелителю правоверных, а они в ответ на его слова бла-

годарили его, восхваляли Аллаха за дарованную им победу и возносили моление за повелителя правоверных...

При этом Джафар ибн Али держал себя как подобает самому воспитанному человеку, и когда халиф заговаривал с ним, он выслушивал его слова, а затем вставал и отвечал на них только стоя, и так было до тех пор, пока прием не окончился, так что все одобрили его вежливость и воспитанность...

РАССКАЗ О ПРИЕМЕ ПОСЛОВ ЭЛЬВИРЫ, ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ ГАЛИСИИ

В шестнадцатый день месяца сафара триста шестьдесят третьего года халиф аль-Хакам аль-Мустансир устроил во своем дворце аз-Захры торжественный прием, на котором присутствовали вазиры, старейшины дворцовой челяди разных разрядов и хаджибы, как это было принято... К нему явились некоторые шейхи, прибывшие из города Басры, знатные люди Ирака и ученые, посетившие Андалусию. Халиф долго расспрашивал их и внимательно выслушивал их ответы, наполнив их сердца радостью своей благосклонности.

После них он принял прибывших к нему послов Эльвиры, родственницы правителя Галисии, которая ведала его делами и правила вместо него. Послы говорили от имени своей госпожи и вели речи, отличающиеся дерзостью. Их толмачом был Асбаг ибн Абдаллах ибн Набиль, судья, христианин из Кордовы, который был назначен на этот пост по просьбе жителей Кордовы — неарабов. Халиф, возмущенный этим, отвернулся от толмача и, крикнув на него, отстранил от перевода, ибо тот не желал смягчать речи послов.

Потом аль-Хакам выбранил послов и велел вывести их, а Асбага сместил с поста судьи, вменив ему в вину его проступок, и приказал подвергнуть его унижению. Что же касается послов, то им было объявлено о том, что они пребывают в немилости. Их принял по приказу халифа конюший аль-Хакама Зияд ибн Афлах во дворце войска и обошелся с ними грубо, сказав, что если бы их не охраняло

уважение к сану посла, то их бы непременно покарали за дерзость. Потом он набросился с грубой бранью на Асбага, упрекая его за то, что он осмелился пойти на обман повелителя правоверных. Он осведомил судью о решении халифа строго наказать его, ибо он не имеет возможности наказать послов Эльвиры. Потом он добавил, что повелитель правоверных будет следить и впредь за тем, чтобы речи послов правительницы Галисии, как и подобных ей христианских правителей, соответствовали бы их положению и сану, иначе послам придется испытать на себе последствия своей дерзости и невоспитанности, если, конечно, повелитель правоверных, пораздумав, не решит им простить их проступок.

Потом аль-Хакам издал приказ о том, чтобы отправить в Галисию посольство во главе с Убайдаллахом ибн Касимом, патриархом Кордовы, который будет сопровождать галисийских послов и провожающих, посланных халифом, и передаст правительнице Эльвире послание халифа, а также будет толмачом, если это будет нужно...

Ибн аль-Хатыб

Из книги «Деяния великих мужей»

РАССКАЗ О ПРАВЛЕНИИ АЛЬ-МАНСУРА МУХАММАДА ИБН АБУ АМИРА

Прадед аль-Мансура, Абд аль-Малик аль-Маафири, высадился в Андалусии вместе с Тариком ибн Зиядом, вольноотпущенником Мусы ибн Нусайра. Он остался

в Альхесирасе и стал господином его жителей. И в дни правления Омайядов его потомки, Мухаммад ибн Абу Амир ибн аль-Валид и его сын Амир, стали служить Абд ар-Рахману ибн Муавии. И отец аль-Мансура был достойным и благочестивым человеком, который совершил хадж, и потом долго жил в Магрибе, и скончался в Триполи магрибинском.

Сын его Мухаммад рос достойным и доблестным юношей, по виду можно было сказать о его знатном происхождении со стороны отца и матери,— так щедро он был наделен всеми выдающимися достоинствами. Еще с юности его обуревали мечты о великой власти, и они постоянно заявляли о себе, как это известно. Потом Мухаммад ибн Абу Амир стал служить халифу аль-Хакаму и занимал важные посты, будучи его наместником и доверенным. Халиф поднимал его от степени к степени, пока не стал он одним из самых могущественных среди власть имущих в андалусских землях.

Из слов, приведенных в «Аз-Захире», явствует, что Мухаммад перешел от степени факиха и кади в разряд приближенных халифа и вельмож державы. В триста пятьдесят девятом году он стал доверенным наследника престола Хишама, и затем халиф аль-Хакам сделал его главным казначеем, а после назначил главным кади, ведавшим наследством. Аль-Мансур возвысился затем, став кади города и округа Севильи и начальником халифской стражи, а в конце жизни аль-Хакам поручил аль-Мансуру надзор за делами дворца и придворных. Он сумел подольститься к супруге халифа аль-Хакама, матери эмира Хишама, выказывая ей покорность, сочувствие и верность, и добился этим несметных богатств и роскоши, так что имел дворцы, полные драгоценностей и разных диковинок.

Потом аль-Мансур втерся в дружбу к военачальникам и стал оказывать услуги и благодеяния близким к халифу людям, так что не проходило и дня, чтобы ему не доставались новые почести и должности и чтобы не увеличивалось его богатство и влияние.

Когда скончался халиф аль-Хакам и верховным хаджибом нового халифа, Хишама, стал Джафар ибн Усман аль-Мусхафи, в тот же день вазиром был назначен Мухаммад ибн Абу Амир. Тогда же он выступил посредником между халифом и его хаджибом, и стало подобное возможным только потому, что матушка халифа питала к нему

склонность, ибо он всегда стремился угождать ей и льстил, превознося ее ум и дальновидность.

Но когда известие о смерти аль-Хакама распространилось во все края и округи, против власти Омайядов подняли восстание мятежники, и этот недуг, подобно бешенству, охватил всю страну, так что власть халифа пошатнулась. Жители границ позвали на помощь неверных, и хаджиб Джафар, растерявшись перед этими великими несчастьями, созвал всех вазиров, чтобы они двинулись на границу. Но они, проявляя трусость и нерадивость, всячески отговаривались и медлили, и один из них посоветовал разрушить мост над рекой Гвадиана, который связывал владения неверных с остальными землями Андалусии. И только один Мухаммад ибн Абу Амир решительно выступил против этого и объявил, что отправится сражаться против неверных, добровольно вызвавшись на это достойное дело, чтобы избавить правителя от забот и трудов. Он начал приготовления, быстро собрав людей и снаряжение, и выступил первого числа месяца раджаба триста шестьдесят шестого года. Подойдя к крепости Ахьхама, что находится во владении правителя Галисии, он остановился там, осадил ее и взял штурмом ее рабад. Через пятьдесят дней он вернулся в Кордову, захватив богатую добычу, и радость жителей Андалусии, увидевших в его победе доброе предзнаменование, была велика.

Он сумел за это время завоевать благосклонность всего войска своей щедростью, доблестью и приятным обхождением и хлебосольством, которым он особенно привлекал сердца людей. И тогда в жилах его взыграла кровь, и он устремился к власти, начав строить всяческие козни Джафару, отнимая у него мало-помалу его могущество и не переставая толкать его все ниже, пока не заставил его пасть и очутиться там, где тот до конца жизни уже не смог оправиться от своего падения.

Мухаммад воспользовался тем, что не было порядка и согласия среди сицилийских фитьян, которые хозяйничали в халифском дворце, будучи под началом хаджиба. И было их более тысячи, а старшими среди них были двадцать человек, которые звались «заместителями», то есть халифами, и вели они жизнь, сравниться с которой могла лишь царская жизнь, и самыми влиятельными среди них были Фаик и Джаузар, а им подчинялись отряды гвардейцев, охранявших внутренние дворцовые покои — «аль-худжрийя» и внешние — «аль-фухуль».

Сицилийские фитьян стремились отстранить от власти Хишама, который в то время был еще совсем юным, и поставить человека, близкого к ним, чтобы тот правил по видимости, а на деле власть оставалась в руках гвардейцев. Об этом у них произошел разговор с хаджибом аль-Мусхафи, который от таких слов впал в тревогу. Узнав об этом, Ибн Абу Амир понял желание хаджиба принять решительные меры, дабы излечить этот недуг, и увидел, что тот очень обеспокоен. И тут Мухаммад ибн Абу Амир уговорил сицилийцев, недовольных самоуправством Фаика и Джаузара, выступить против них и подать на них жалобу. Эта жалоба попала в руки Джафара аль-Мусхафи, и тот тотчас осведомил о ней Хишама и его матушку, и они сочли необходимым, по наущению Мухаммада, упрочить свою власть и установить порядок, отстранив двоих смутьянов от всякой власти. Об этом вышел указ, и Фаик и Джаузар не пожелали смириться с ним из гордости и ненависти к хаджибу, тогда им предложили покинуть дворец, ибо это и было основной целью Мухаммада. Их вывезли из дворца, и они поселились в своих домах в Кордове, оставив множество облагодетельствованных ими людей и приверженцев, окружавших хаджиба аль-Мусхафи ненавистью и злобой.

А тем временем гвардейцам предложили самим избрать человека, кому они стали бы подчиняться, и Абу Амир стал хлопотать, подкупая их и внушая им зависть друг к другу, так что они выбрали наконец его, и таким образом Мухаммад обрел себе многочисленных сторонников во дворце, которые стали его поддержкой и могучими крыльями ненависти к его противникам.

Между тем Абу Амир продолжал искать тех, кто был бы ему могущественным помощником, и наконец нашел такого, взяв в жены дочь старшего из мамлюков покойного халифа аль-Хакама, Галиба, прозванного «Зу-с-сайфайн», что означает «Обладатель двух мечей», ибо он был мечом и защитником двух халифов,— ан-Насира и аль-Хакама, стойко защищая Верхнюю границу, охранять которую был поставлен старшим. Это был доблестный воин, знаменосец величия державы Омайядов. Между ним и хаджибом Джафаром была непримиримая вражда, вызванная кознями завистников и оплодотворенная словами злопамятных.

Став зятем Галиба, Мухаммад ибн Абу Амир, получивший прозвище «аль-Мансур», что значит «Победонос-

ный», возвысился, и мощь его возросла, так что мог он по праву претендовать на единовластие, захватив бразды правления полностью, опираясь на Галиба и его многочисленных подчиненных и сторонников.

Тогда аль-Мансур, укрепив медину Кордовы и крепость так, как это не смог сделать ни один из его предшественников-хаджибов и халифов, отправился во второй раз в поход против христиан. При этом он, будучи под началом Галиба, выказывал такую покорность ему, будучи постоянно согласен с его решениями, такую готовность угодить ему, что совершенно успокоил его и внушил полное доверие.

Добившись поставленной цели — опорочить хаджиба Джафара аль-Мусхафи, возбудив против него гнев сторонников халифа, и насадить всюду своих людей, обласканных и подкупленных им, вместо людей аль-Мусхафи,— он назначил своих сторонников на посты вазиров, ибо мысль о том, чтобы стать полновластным правителем, не покидала его. И в этом ему подавали пример узурпаторы-муталлибы, что одолели царей Востока, и он уже сравнялся с царями, поселившись в собственном дворце и собственном городе, боясь тех козней, которые могли бы погубить его, если бы он избрал своим жилищем халифский дворец. Приказав построить новый город, которому дал имя аз-Захира, он переселился туда, переведя все службы и диваны, отведя помещения для дворцовых гвардейцев, галереи для стражников и охранников, дворцы для своих сыновей и придворных, конюшни для верховых и вьючных коней. Он велел также соорудить там обширные амбары для зерна и других припасов и надежно укрепленные склады оружия, снаряжения и разной утвари и добра.

Переехав со всем своим двором в город аз-Захиру, аль-Мансур отвел вазирам и наместникам предназначенные для них помещения и разослал приказы о том, чтобы все налоги и поступления в казну привозили только в аз-Захиру. Потом он запретил посещать дворец халифа аль-Хишама, запер его ворота, установил напротив дворца постоянную охрану, окружив дворец крепкой неприступной стеной, и объявил, что халиф поручил ему, аль-Мансуру, ведение всех государственных дел, а сам отказался от мира, предавшись служению Аллаху.

Эти вести распространялись и среди простонародья, и аль-Мансур заставил поверить в них, ибо был решителен и скор на расправу. Однако Галиб увидел, что зять его

пытается прибрать державу к рукам, окружив себя помощниками из новых людей, вскормленных им и всем обязанных ему, и воспротивился этому, затаив злобу. Он попытался обмануть аль-Мансура, стал всячески улещивать его, уговаривая, что следует отдохнуть, успокаивал и выказывал свою склонность, чтобы тот полностью доверился ему. Когда они были вместе в походе и дошли до города под названием Атьенсе, что находится на границе во владениях Галиба, тот пригласил своего зятя на пир, говоря, что устроил в его честь. Аль-Мансур вошел в крепость с малым числом своих людей, и когда они остались с Галибом вдвоем, тот набросился на него с упреками, а потом напал на него, подняв меч, и ударил мечом, так что отрубил ему несколько пальцев и нанес глубокую рану в голову. Но аль-Мансур бросился бежать и, выскочив из покоев, добрался до крепостной стены и спрыгнул с нее прямо в седло своего коня, который стоял под стеной. Потом он пустил коня вскачь мимо крепости, где Галиб чуть не покончил с ним. Так аль-Мансур спасся, несмотря на свою рану, вышел живым из такой переделки, и его спасение можно считать дивным дивом,— без сомнения, счастлива была его звезда и в этом.

Галиб заперся в своей крепости, а Мухаммад отправился в город Мединасели, где находился дворец Галиба и его сыновей, но известие о том, что произошло, опередило его, ибо катиб Галиба известил их. Аль-Мансур захватил дворец и разграбил все добро, деньги и утварь, что там были, раздал их своим воинам, не взяв себе ничего, а затем вернулся в столицу. Что же касается Галиба, то он попросил подмоги у царей-христиан и у противников Мухаммада аль-Мансура.

Галиб был великим рыцарем Андалусии, и не было ему равных, и перед ним никто не мог устоять. Аль-Мансур выступил против Галиба, но не смог его одолеть, и Галиб одержал победу, разбив его войска и взяв в плен его полководцев. Это повторялось несколько раз, так что стали думать, что Ибн Абу Амир обратится вспять и перестанет преследовать Галиба. Но аль-Мансур проявил настойчивость, не собираясь отказываться от своих намерений, и преследовал Галиба вновь и вновь, нападая на него, пока Аллах не даровал ему свою помощь и знамение, показав то, на что Мухаммад и не мог рассчитывать и что было, опять же, чудом.

Вот так рассказывает историк: Ибн Абу Амир отправился во главе своих войск на город Мединасели, чтобы сразиться с Галибом. А до этого Гарсия вернулся в свои земли и, узнав, что аль-Мансур отправился в поход, стал полагать, что тот намеревается совершить набег на него. Когда же ему стало ясно, что цель Мухаммада — Галиб, он выступил против аль-Мансура во главе христианских войск, среди которых был отряд басков во главе с сыном их царя Родемира Санчеса. Ибн Абу Амир пошел навстречу им к крепости Атьенсе и остановился у крепости Сан-Висенте, неподалеку от Атьенсе. Это было в пятницу двадцать шестого дня месяца мухаррама триста семьдесят первого года.

Аль-Мансур построил свое войско наилучшим образом: центр он укрепил, поставив там своих отборных гвардейцев и лучших воинов столицы, на правое крыло он поставил вазира Джафара ибн Али во главе отрядов берберов. На левом крыле находились Абу-ль-Ахвас Маан ибн Абд аль-Азиз ат-Туджиби и Хасан ибн Ахмад ибн Абд аль-Вадуд с большим отрядом жителей пограничных областей. Сражение продолжалось два дня и шло и на правом, и на левом крыле. Наутро Галиб выехал на своем знаменитом коне, одетый в просторную кольчугу. На голове у него был высокий позолоченный шлем, повязанный красной повязкой, по которой его узнавали. А под шлемом его лоб был повязан еще одной повязкой. В то время было ему уже около восьмидесяти лет. Его окружали отборные воины, верные гулямы и отважные рыцари. Галиб стоял некоторое время, всматриваясь и размышляя, а затем, обратившись к тем воинам, что были рядом с ним, указал на правое крыло. Ему сказали: «Там Ибн Андалуси и берберы». И он воскликнул: «Это толпа во главе с повивальной бабкой! Вперед, во имя Аллаха!» Потом он напал на берберов, растроив их ряды, и никто не смог устоять перед ним, обратившись в бегство. Галиб вернулся на прежнее место и сказал, указывая на левое крыло: «А кто там?» Ему ответили: «Там Маан и облагодетельствованный тобой Ибн аль-Вадуд со своими соседями и друзьями». Галиб промолвил: «А это предатели во главе предателей! Окажите им честь своим нападением!» Сказав это, Галиб обрушился на них, словно рассерженный лев, и они рассыпались перед ним, спасаясь бегством, так, что бежали куда глаза глядят, не заботясь о своих друзьях и товарищах.

Так Галиб разбил друг за другом правое и левое крыло армии аль-Мансура. Но Мухаммад не двигался с места, сдерживаясь, и воротил беглецов, опасающихся его сурового наказания. Он был точно на горящих угольях, бил рукой об руку от удивления и вертел ногами в стремени, с трудом удерживаясь от желания обратиться в бегство. Он оглядывался, боясь, как бы их не окружили, и не сомневался, что настал день его гибели, но вместе с тем старался прогнать страх, успокоиться, приготовившись к худшему, и собрал всю свою решимость.

Разбив левое крыло аль-Мансура, Галиб вернулся на свое прежнее место и сказал своим спутникам: «Ну, что вы скажете о пользе доблести и стойкости? Ведь мы разбили и правое и левое крыло этих людей. Остался лишь центр. Они не двигаются с места и не бегут только из страха перед этим проклятым горбуном Ибн Абу Амиром, ибо не отличаются верностью. Как им, должно быть, надоело подчиняться ему! Нападайте же, покажите свою истинную доблесть, может быть, Аллах даст нам победу над ними». Затем, подняв руки, он произнес: «О Всевышний! Если тебе известно, что моя жизнь полезнее для мусульман, чем жизнь Мухаммада ибн Абу Амира, погуби его и пошли мне победу. Если же ты полагаешь, что он достойнее меня, то пошли ему победу и избавь меня от этого дела!»

Но моление это стало ему проклятием, ибо Аллах судил победу не Галибу, а Мухаммаду. И, закончив молитву, Галиб напал на центр войска Ибн Абу Амира и, опрокинув передовых всадников, вклинился в их ряды, и над местом боя поднялась густая пыль, в которой ничего нельзя было разглядеть, а когда пыль рассеялась, то все увидели, что Галиб лежит, поверженный на землю, среди скачущих конников, а его верховой конь скачет, лишившись всадника. Богатырь был мертв, хотя не коснулось его никакое оружие. Говорят, что лука высокого андалусского седла врезалась ему в тело пониже сердца, и это послужило причиной его смерти. Другие говорят, что причиной смерти было иное, и нет согласия относительно его гибели.

Гулямы Галиба утверждали, что в самом начале стычки он сразу после молитвы бросился вперед, отделившись от них, а когда они увидели Галиба, он уже лежал без движения, мертвым, а конь его стоял рядом. И тогда вой-

ско Галиба растерялось, обратившись в бегство, и все его приближенные пустились наутек.

К Ибн Абу Амиру тут же прискакал один из воинов Галиба, принеся ему радостную весть о смерти его противника. Но Мухаммад не захотел ему верить и не верил до тех пор, пока не принесли ему отрубленную руку Галиба, на которой был его перстень, а уж потом принесли отрубленную голову Галиба. Тогда Мухаммад ибн Абу Амир пал на колени, совершив земной поклон, а мусульмане издали громовой крик «Аллах велик!», от которого содрогнулись сердца христиан из войска Галиба, и они, не помня себя, бросились бежать и словно летели по всем дорогам и путям. Они бежали, не сворачивая, до самого города Атьенсе, а мусульмане преследовали их и скакали по пятам, перебив великое множество народу, и в том числе христианского царя. Гарсия спасся, но не смог вернуться в свои земли, а Мухаммад присоединил к себе его войска, пообещав им хорошую плату, захватил его земли и его добро, убедившись в том, что Аллах всесилен.

Когда дело Ибн Абу Амира аль-Мансура упрочилось и со всех мимбаров стали возглашать проповедь с перечислением всех его титулов, когда ему все покорились и все головы перед ним склонились, он обрушился со всем коварством на своего ближайшего помощника Джафара ибн Али. Он пригласил его как-то к себе ночью и долго беседовал с ним, выказывая любовь и расположение, снизойдя до этого, как не делал раньше никогда. А тем временем он подговорил виночерпиев подносить ему вино не в черед, так что напоил его допьяна. А когда Джафар возвращался домой, он послал вслед за ним убийцу, который покончил с ним. После этого Мухаммад погубил собственного двоюродного брата, который мешал ему. И всякую руку, что осмеливалась предупреждать его или грозить ему, он не оставлял до той поры, пока ее не поражала недвижимость, и всякое око, что глядело на него с подозрением или неодобрением, он не щадил до тех пор, пока оно навеки не закрывалось...

Он не оставлял в покое царей Кастилии, совершая постоянные набеги, тесня их летними и зимними походами, так что унизил их и довел до разорения, и они не могли опомниться, ибо прежде никогда не испытывали подобного. Некоторые из них дошли до того, что дарили ему своих дочерей как наложниц, и аль-Мансур благосклонно принимал их. На одной из них он женился, и она принесла

ему благо, ибо была благочестива и добронравна. От нее у аль-Масура родился сын, по имени Абд ар-Рахман, которому дали прозвище Санчуэло, что значит «маленький Санчо»,— по имени одного из предков со стороны матери. Через некоторое время в Кордову прибыл к вратам хаджиба аль-Мансура его тесть, царь Кастилии, внуком которого был этот Санчуэло, призывая аль-Мансура на помощь. И его внук выехал навстречу со своим войском, в самой пышной одежде. Санчуэло в то время был так мал, что не мог еще держаться в седле и лежал на нем, но царь Кастилии спешился перед собственным внуком-младенцем и поцеловал ему руку и ногу. И это дело, подобные которому передаются из уст в уста как пример счастливой судьбы и невиданной удачливости.

Были бы долгими слова, если перечислять все походы Ибн Абу Амира один за другим, и это не является целью нашего рассказа. Достаточно упомянуть о том, что он захватил Самору во время своего похода в триста семьдесят первом году, отдал город на разграбление и разрушил его. А этот город был столицей христианских царей и резиденцией их правителей. Во время похода на Симанкас аль-Мансур захватил несколько десятков тысяч отборных пленных. Упомянем также о его великой победе во время похода на Сант-Яго, что находится на самой дальней границе земли Галисии, являясь величайшей святыней христиан Андалусии и соседних стран Большой Земли. Это место издревле было их гордостью, они совершали туда паломничество, собираясь несметными толпами. Церковь в Сант-Яго существовала целую тысячу лет, будучи одним из окраинных святилищ Рима, где верующие почитали гробницу Якова — так христиане переделали имя Якуба, одного из двенадцати апостолов, и апостол Яков был самым близким к Христу, да будут над ним милости Аллаха, и христиане называют Якова братом Христа, ибо они никогда не расставались друг с другом. Некоторые знатоки истории утверждают, что Яков был епископом Иерусалима и странствовал по земле, призывая жителей селений и городов принять веру Христа, пока не дошел до этого дальнего края. До сих пор ни один из царей ислама не осмеливался покуситься на эту святыню из-за трудности пути и неприступности города, но аль-Мансур выступил в поход против Сант-Яго летом триста восемьдесят седьмого года, и было это сорок восьмым его походом. Он двинулся со своими войсками по суше, и послал

по морю множество кораблей, так что мусульмане двигались и по суше, и по морю в одном направлении. Флот опередил отряды аль-Мансура, войдя в устье реки Дуэро, что находится в Португалии, а Ибн Абу Амир, дойдя до этого места, построил мост для перехода и затем, пройдя дальний путь, пересек множество больших рек и укрепил железом горные тропы на высоких горах, так что дошел до крайней западной стороны, где берега омываются Великим морем. Он дошел до монастыря Илии, известного как одно из святилищ Сант-Яго. А в город он вошел в понедельник второго дня месяца шабана. Жители города разбежались, так что город оказался пустым, и мусульманам досталась богатая добыча. Аль-Мансур приказал разрушить город, так чтобы от него не осталось и следа, а ведь его строения были одним из дивных чудес Аллаха по прочности и красоте. А когда мусульмане оставили город, он был подобен давно необитаемым развалинам. Аль-Мансур пощадил лишь гробницу, приказав не причинять ей вреда. Когда мусульмане пришли в церковь, в которой находилась гробница, они увидели там всего одного монаха, который сидел на ней. Аль-Мансур спросил его, что он делает, и монах ответил: «Я беседую с Яго»,— то есть с Якубом. И аль-Мансур приказал оставить этого монаха и не обижать его.

Захватив в плен и взяв с собой нескольких царей и их родичей и близких, аль-Мансур вернулся в Кордову, и люди встретили его толпами, сосчитать число которых мог бы лишь тот, кто наделяет людей хлебом насущным и определяет жизненный срок каждого...

Самым жестоким сражением и самым трудным испытанием, которые пришлось пережить аль-Мансуру, были его летний поход и битва в триста девяностом году. За два года до этого аль-Мансур издал приказ об освобождении людей от обязательного участия в походах, ибо ему было достаточно своих отрядов, и жители Андалусии, убаюканные долгим перемирием с христианами, смягчились нравом, забыв о воинской доблести. А тем временем цари и правители христиан, сговорившись друг с другом, нахлынули на мусульман со всех сторон, и аль-Мансур выступил против них. Он двинулся на Кастилию со стороны Мединасели, где его встретил Санчо во главе многолюдного войска, какое давно не собиралось в Андалусии и какое даже трудно было вообразить. Там были все цари земель Галисии и полководцы других земель, от Памплo-

ны до Асторги. Санчо вел войско до высокой горы, стоящей в середине Кастилии, где христиане расположились лагерем. Это был удачный выбор, ибо гора была высока и неприступна, а за ней находились обширные посевы и селения, откуда христианские войска могли получать продовольствие. Все цари христиан договорились о том, что их предводителем будет Санчо, дали клятву быть стойкими и ни в коем случае не обращаться в бегство.

Аль-Мансуру рассказали о том, сколь велико войско христиан, как хорошо они вооружены и удачно расположились, так что видят каждого, кто приближается к ним, и могут обрушиться на него. К тому же там было достаточно места для сражения, чтобы могли в него вступить всадники, а войска наступающих оказывались в невыгодном положении, ибо дорога была узкой с их стороны. Все это испугало Ибн Абу Амира, и он не знал, как поступить, и вынужден был созвать совет своих вазиров и военачальников, но их мнения разошлись. И к тому же Санчо удалось перехитрить мусульман, опередив их, и вступить в бой прежде, чем его противники собрались, и остановились, и осмотрелись, и придумали план боя. Сражение завязалось со всех сторон, всюду разгораясь с одинаковой силой. Враги Аллаха собрали всех своих конников и, ударив сразу на левом и на правом крыле, прорвали боевой порядок мусульман, но те вскоре опомнились, поняв, что им угрожает гибель, и проявили стойкость, и доблестно сражались. Жернов войны вертелся, перемалывая человеческие жизни, и стычки становились все горячей, а положение мусульман все тяжелее. Те, кто находились позади самых доблестных защитников мусульман, увидели, что находятся в суровой теснине, и сердца их наполнились страхом, они ослабели сердцем и пали духом, и большая часть их бежала. Но христиане нападали со всех сторон, не давая им спастись. И мусульмане потерпели бы позорное поражение, после которого было бы неизбежно отступление всего войска, если бы не помощь Аллаха и не доблесть и стойкость аль-Мансура, который, несмотря на страх и растерянность, не повернул вспять. Он только потирал непрестанно руки, как человек, что хочет окрасить ладони хной, ломал пальцы и молился, вздыхая и стеная, словно умирающий, и Аллах послал ему победу, и достигнута она была благодаря храбрецам из войска аль-Мансура, что поддерживали горячее пламя сражения, пока не отогнали нападающих. Тогда и ряды,

стоявшие позади тех доблестных мусульман, приободрились и стали нападать, после того как прежде бежали.

Наиболее доблестным из воинов, что были в тот день защитниками мусульман, называют Абд аль-Малика, сына аль-Мансура. В этом все единодушны и признают его заслуги по совести, без всяких преувеличений. Говорят также о доблести других воинов-андалусцев, и жителей магрибинской стороны, и берберских рыцарей. Особенно отличился один из царей и полководцев Бану Даммар, который в одной из схваток убил некоего комеса, сына Гомеса, и принес аль-Мансуру его голову, после чего враги обратились в бегство. Не ударил лицом в грязь и Абд ар-Рахман, другой сын аль-Мансура, проявивший стойкость и решительность в натиске. И было это великое сражение, которое трудно описать как подобает.

Рассказывает ибн Хайян со слов своего отца, бывшего катибом аль-Мансура: «Когда в тот день битва разгорелась и ужасы ее усилились, аль-Мансур со своими приближенными поднялся на холм и, сидя на коне, стал смотреть на поле боя, посылая подкрепление тем, кто нуждался в нем, из войск, находящихся поблизости. Потом правое крыло дрогнуло, ряды его сломились, замешательство увеличилось, так что многие военачальники и приближенные аль-Мансура стали покидать его, не дожидаясь приказа и действуя по своему усмотрению. Все уже были готовы умереть или бежать, так что один из катибов аль-Мансура, Абд аль-Малик ибн Идрис аль-Джазири, сказал Саиду ибн Юсуфу: «Давай попрощаемся, мученик!» — ибо был уверен, что через короткое время ему суждено погибнуть. Это его изречение люди передавали друг другу после битвы».

Халаф ибн Хусайн говорил: «Посмотрев на тех, кто еще оставался с ним, аль-Мансур сказал мне: «Я хочу, чтобы ты перечислил людей из моей свиты, которые еще не покинули меня». Я стал перечислять имена, и их оказалось всего около двадцати. Тогда аль-Мансур, подняв руки к небесам, промолвил: «О боже, они покинули меня, но ты помоги им! О господи, они оставили меня одного, но ты не оставь их!» Потом он подозвал к себе своего сына Абд аль-Малика, который стоял неподалеку от него, глядя на поле боя, так как не получил позволения от отца принять участие в битве. Велев сыну подойти поближе, аль-Мансур стал прощаться с ним, целуя его лицо и громко рыдая, и приказал отправиться на правое крыло, приго-

товившись к тому, что скоро потеряет сына. Затем он послал своего другого сына, Абд ар-Рахмана, отправив его на левое крыло войска.

Когда положение ухудшилось и он был вне себя от волнения, он сошел с коня и сел в паланкин, чтобы его не видели окружающие и не потеряли надежды. При этом он весь дрожал и едва держался на ногах. Рядом с ним стояло несколько запасных лошадей, и аль-Мансур сказал мне: «Не отпускай этих коней, отдай их лучше моим воинам, ведь они имеют на них больше прав, чем наши враги». Он не переставал молить о помощи Аллаха, давая разные обеты, а битва все разгоралась и положение становилось все тяжелее. И тогда, несмотря на волнение и дрожь, аль-Мансуру пришло в голову решение, которое и было причиной победы мусульман.

А дело было так. Он приказал перенести свою ставку с низменного места, откуда неприятель не дал ему выбраться, напав на него прежде, чем он смог подготовиться к нападению, на возвышенность, с которой он наблюдал за полем боя. Он крикнул, чтобы люди как можно быстрее перенесли туда все добро и снаряжение, предостерегая от малейшей задержки. Он позвал также всех своих слуг и приказал им установить на вершине холма его шатер, обещая тому, кто будет скор в работе, большую награду. И люди бросились выполнять его приказ и притащили шатер на плечах, не разбирая его, так что он во мгновение ока был установлен на самой вершине. И когда враги увидели этот шатер, они испугались и растерялись, подумав, что к мусульманам пришли свежие силы. Они дрогнули и отступили, и за этим последовало их полное поражение и разгром...»

Аль-Мансур, вернувшись в Кордову, среди народного ликования, приказал своему катибу Абд аль-Малику ибн Идрису составить послание, воспевающее эту победу, которое военачальники должны были прочитать всем воинам. Вот один из разделов этого послания:

«Вы часто говорите, преходя пределы разумного, о том, что не умеете осаждать города и захватывать крепости, а жаждете встретиться в поле с доблестными воинами. Когда же явился Санчо, он сразился с вами так, как вы хотели. И тогда оказалось, что вы забыли то, что знали, и отвыкли от того, что было для вас привычным, вы бежали от него так, как убегают газели от выскочившего из чащи льва, вы пытались скрыться, как скрывается от охотников

стадо пугливых оленей! И если бы не те мужи, что стерли с вас позор и избавили вас от стыда коленопреклонения, я бы отрекся от вас всех и советовал бы мусульманам взять вместо вас других защитников и заступников, расторгнув с вами союз, и сурово покарал бы всех без исключения. Но мне была дарована от Аллаха скорая победа, ведь он всегда дарует победу тому, кому пожелает».

Потом аль-Мансур продолжал свои походы против Санчо, царя христиан, принимая в них участие сам или посылая вместо себя своих сыновей и приближенных. Наконец Санчо запросил мира и выразил желание посетить аль-Мансура. Хаджиб дал на то свое разрешение, обрадовавшись просьбе Санчо так, как он ничему прежде не радовался. Он начал готовиться к приему Санчо, собирая отовсюду своих сторонников, друзей и верных людей. Санчо прибыл в Кордову третьего дня месяца раджаба триста девяносто второго года. Аль-Мансур выстроил на пути Санчо конных воинов и добровольцев, чтобы они встречали его в столице и во дворце города аз-Захиры. Это был один из самых знаменательных дней для мусульман, когда неверные исполнились страха, видя обилие и силу своих противников, их грозное оружие, красивые и роскошные одежды. Мусульман собралось в Кордове и ее окрестностях такое множество, что казалось, земля еле может вместить их, время — собрать, а казна — одеть и прокормить...

После того как аль-Мансур сломил Кастилию, Леон и сопредельные страны, он обратил лик к завоеванию пограничных земель Франции и Рима, а ведь это народ, не имеющий себе равных по стойкости и воинскому искусству, оружию и обилию воинов. Он покорил обширные земли и дошел до Барселоны. При сражении с франками аль-Мансур стал одевать своих воинов в кольчуги, на которых были пластины, закрывающие руки, головы и плечи, для защиты от вражеских мечей...

Один из приближенных аль-Мансура, по имени Шала, рассказывал: «Я провел однажды бессонную ночь во дворце аль-Мансура, моего господина, когда он уже оттеснил от власти халифа, и там же застала меня заря. Аль-Мансур имел обыкновение скрываться на женской половине своего дворца. Он поднимался в зал, который носил название «Жемчужина», или сидел на одном из балконов, глядя на звезды и никого не допуская до себя. Он долго сидел, глубоко задумавшись. Перед ним стояла свеча, а ря-

дом — чернильница, калам и свиток пергамента. Когда ему в голову приходила какая-нибудь мысль, он записывал ее, и проводил так всю ночь, пока не наступало утро. Тогда он ложился на одну из подушек, которые были разбросаны во всех покоях его дворца. Он никогда не говорил, где проведет ночь, так что никто из его близких не знал, где он находится и где спит.

Потом он звал кого-нибудь из приближенных к нему слуг, и те приносили ему зубочистку и воду для омовения. После того как муаззин возглашал о времени молитвы, аль-Мансур совершал молитву и, завязав свиток шнурком и положив его в платок, который засовывал в рукав, выходил в один из залов своего дворца. Потом он приказывал поднимать занавес, отделявший его от посетителей, и принимал тех, кому надлежало рано являться во дворец. К нему приходили в этот ранний час его приближенные, вазиры и близкие друзья, и он советовался с ними о тех делах, о которых размышлял этой ночью, и отдавал приказы об исполнении того, что он решил.

Когда же время близилось к полудню, приходили другие люди, и он занимался менее важными делами, справляясь со своим свитком, лежащим перед ним. И потом, покончив со всеми делами, он передавал мне свой свиток, и в его присутствии я резал его на мелкие части и бросал в кубок с розовой водой, пока кусочки пергамента не тонули.

Однажды ночью я сказал ему: «Господин наш слишком изнуряет себя бодрствованием, ведь телу его нужен не такой краткий сон! Ведь господину известно, как вредоносно действует бессонница на нервы и какие случаются от этого болезни!» Аль-Мансур ответил мне: «Известно ли тебе, Шала, что, когда подданные вкушают сон, правитель, охраняющий их, не спит. Если бы я только и делал, что спал, то ни в одном из домов Андалусии не осталось бы ни одной пары глаз, которая могла бы спокойно спать!» Потом, показав на халифский дворец, добавил: «Будь я от обладателя этого дворца на большом расстоянии, как от Кордовы до Баса, мне все равно непозволительно было бы много спать. Ну а коли я здесь, во дворце,— тем более».

Аль-Мансур построил множество дворцов, сделал большую пристройку к соборной мечети Кордовы, приказал выкопать колодцы, чтобы людям было откуда брать воду. Он построил также акведуки в Кордове и Эсихе. От

него осталось множество великолепных зданий, не говоря уж о построенном по его приказу городе аз-Захире с роскошными дворцами и несравненными садами...

Конечно, аль-Мансуру не было равных во все времена. Некий человек, собиравший рассказы о нем, сказал: «Он был чудом, ниспосланным Аллахом, обладая несравненным умом, хитростью, коварством и умением обходиться с разного рода людьми. Он прибег к помощи рода аль-Мусхафи, чтобы одолеть дворцовых гвардейцев, и преуспел в этом, потом он обратился к Галибу, чтобы одолеть людей из рода аль-Мусхафи, и это ему удалось, после этого он воспользовался Джафаром ибн аль-Андалуси в борьбе против Галиба, так что избавился от него. И уж затем он своими силами стал бороться против Джафара и погубил его, так что отстранил от власти всех соперников. Он бросал вызов превратностям времени, восклицая: «Выходите против меня на бой!» — а когда не нашел достойного соперника, напал на саму судьбу, так что она подчинилась его приказу и стала помогать ему. Так он стал править единолично, опередив всех и превзойдя каждого своей доблестью, и никто не осмелился разделить с ним власть».

Самое удивительное, что аль-Мансур предвидел то, что уготовано было ему судьбой, с детства говорил об этом со своими друзьями и сверстниками. Ибн Абу-ль-Файяд рассказывает: «Мухаммад ибн Муса ибн Азрун передавал со слов своего отца: «Однажды мы собрались в одном из садов Кордовы, что находится близ кордовской нории, большого оросительного колеса. С нами был Мухаммад ибн Абу Амир, который был еще очень молод. Там был его двоюродный брат Омар ибн Аскаладжа, катиб Ибн аль-Маризи и некий человек, которого звали Ибн аль-Хасан, родом из Малаги. Перед нами стоял стол с разными блюдами, и тут Мухаммад ибн Абу Амир завел свои постоянные речи: «Я обязательно захвачу всю Андалусию, поведу войска, и моя воля будет для всех законом!» Он говорил это, а мы шутили и смеялись над ним. Потом он промолвил: «Пусть каждый из вас пожелает чего-нибудь, и я выполню его желание в свое время». Его двоюродный брат сказал: «Я хочу, чтобы ты назначил меня начальником стражи медины Кордовы». Ибн аль-Маризи пожелал стать главным смотрителем кордовского рынка, а человек из Малаги промолвил: «Мне хотелось бы, чтобы ты назначил меня кади в моей стороне, потому что у нас луч-

ший инжир в Андалусии, а я его так люблю, и мне всегда хочется поесть его досыта». Ну а я ответил Мухаммаду скверными и непристойными словами. Когда же власть перешла к аль-Мансуру, он назначил своего двоюродного брата начальником стражи кордовской медины, Ибн аль-Маризи стал смотрителем кордовского рынка, а Ибн аль-Хасану он послал в Малагу грамоту о назначении его кади, прибавив: «Теперь, может быть, поешь инжира досыта». Что же касается меня, то он наложил на меня огромное взыскание, которое сделало меня бедняком, из-за тех скверных слов, которые услышал от меня в детстве...»

Аль-Мансур постоянно думал о том, что будет после его смерти. Абу Марван ибн Хайян рассказывал, ссылаясь на слова Ахмада ибн Саида ибн Хазма, вазира аль-Мансура, который был близок к нему и которому Ибн Абу Амир доверял больше всех. Он говорил: «Однажды мы находились с аль-Мансуром на корабле, который он велел построить для прогулок по реке перед дворцами аз-Захиры, и с нами было всего несколько человек из приближенных. Аль-Мансур смотрел не отрываясь на роскошные дворцы, тенистые беседки и портики, на зеленые сады и лужайки, которые приковывали взор своей редкостной красотой. И вдруг Мухаммад произнес: «Горе тебе, о Захира, блистающая красотой! Зрелище это достойно восхищения, и прелесть твоя чарует. О, если бы мне знать, кто будет тот зловещий, что придет после меня и разрушит твои стены!» Мы все испугались его слов, но подумали, что это от вина, которое выпил аль-Мансур. Один из нас стал опровергать речи Мухаммада, так что наконец тот промолвил: «Будто уж ты никогда не слышал этого! Ведь, по твоему мнению и мнению твоих предков, приверженцев халифа аль-Хакама, это решенное дело, которое ждет только своего часа, но ты притворяешься, будто ни о чем не ведаешь. Наш враг одолеет нас, и разрушит то, что мы построили, и бросит камни дворцов в эту реку!»

Аль-Мансур, да помилует его Аллах, скончался, возвращаясь из похода против сына Гомеса, правителя Кастилии, в Мединасели, городе, который он построил на берегу Гвадалахары, неподалеку от границы, укрепив его и вонзив, будто нож в грудь врага. Его принесли туда больного, на носилках, поставленных на головы слуг, окружив всевозможным почетом. Это было двадцать седьмого рамадана триста девяносто второго года. Он был по-

хоронен во дворе этой крепости, и до сих пор сохранилась его гробница. Мне рассказал об этом один из послов, которого я отправил для заключения мира с правителем Кастилии. Этот человек посетил город Мединасели по дороге домой, так как я дал ему такое поручение, и видел эту гробницу, но стихи, начертанные на ней, годы рождения и смерти аль-Мансура и украшения, высеченные на камне, почти все стерлись.

РАССКАЗ О ПРАВЛЕНИИ РОДА БАНУ АББАД В СЕВИЛЬЕ И СОСЕДНИХ ОБЛАСТЯХ

Род Бану Аббад — из арабов племени Лахм, которое пришло в Андалусию еще с Тариком. Ибн Хайян говорит, что после завоевания Андалусии туда прибыли люди из племени Лахм, которые расселились в разных областях. Братья Наим и Аттаф отправились на запад. Один из них остановился в селении близ Севильи, где завел семью и имел многочисленное потомство. Часть людей этого рода переселилась в Севилью, где они пользовались большим влиянием, особенно в дни правления халифа аль-Хакама аль-Мустансира, его сына Хишама и хаджиба аль-Мансура. Среди них выделялся Исмаил ибн Аббад, заложивший основы славы рода Аббада, его аль-Мансур назначил кади Севильи. Он удержался на своем посту и когда пала власть Омайядов в Андалусии, и во времена Великой смуты, и всегда он заботился о благе своего родного города, стремясь к тому, чтобы управление им было наилучшим. В четыреста четырнадцатом году глаза его закрыла темная вода, ему сделали операцию, и он стал даже немного видеть. Он не домогался власти над людьми и оставил свой пост, назначив вместо себя своего сына Абу-ль-Касима, ограничившись тем, что ведал некоторыми делами города и был старшим среди шейхов Севильи.

Исмаил ибн Аббад поражал всех ученостью, обилием познаний, мудростью и знанием стихов, в чем не было ему равных. Он сумел охранить город Севилью от своеволия берберов, которые поселились вокруг города, захватив

его предместья, и это удалось только благодаря его государственному уму, глубокому пониманию дел и принятию правильных мер, и так было до самой его смерти в конце четыреста четырнадцатого года.

* * *

И после отца главенствовать в городе стал сын его, кади Абу-ль-Касим Мухаммад ибн Аббад, прозванный «Зу-ль-визаратайн», что значит «вазир двух диванов».

Когда эмир Касим ибн Хаммуд захватил Севилью, он стал отличать кади Абу-ль-Касима и привлекал его к решению важных дел в своей столице. Он полностью доверился кади, ибо тот был родовитым, достойным и благоразумным человеком и обладал большим богатством. Когда же на Касима напали жители Кордовы и изгнали его вместе с его берберами из столицы, нанеся им поражение, кади завел речь со своими приверженцами из жителей Севильи, склоняя их передать в его собственность дома, принадлежащие берберам Касима. Кади Абу-ль-Касим договорился с влиятельными людьми в Севилье, что они запрут городские ворота перед Касимом ибн Хаммудом, когда он попытается вернуться в Севилью после своего изгнания из Кордовы, и выведут к нему его семью и родичей.

Когда Касим ибн Хаммуд подошел к стенам Севильи, горожане заперли перед ним ворота, и Ибн Хаммуд вынужден был отойти к Хересу. И тогда среди всеобщего беспорядка Севильей стал править староста города кади Абу-ль-Касим, разделяя власть с именитыми людьми из знатных домов, а потом, оттеснив всех, стал править единолично.

Он сумел уладить свои дела, проявив завидное искусство, и все единодушно выразили ему повиновение, покорившись его воле, а он следовал обычаю царей Андалусии, собирая вокруг себя приверженцев и покупая рабов. В этом деле помогал ему его отец, и успехи приходили к нему один за другим, пока не воздвиг он высокие чертоги своей царской власти.

Одной из хитростей Исмаила ибн Аббада, которую кади Севильи применял во время борьбы против Фатимидов, теснивших со всех сторон и призывавших послушных им людей примкнуть к их делу, которое они считали правым, было вот что: кади стал говорить о необходимости возобновить присягу халифу Хишаму аль-Муайяду, в

смерти которого сомневались, так как многие люди утверждали, что он бежал куда глаза глядят. Исмаил заявил, что он даже встречался с Хишамом, который бродит по разным странам, боясь остановиться где-либо.

То же средство применял и правитель Альмерии, который говорил, что халиф Хишам жив. Для этой цели он прибегал к услугам некоего водоноса, который как две капли воды походил на Хишама. Некоторое время правитель Альмерии обманывал людей, выдавая этого человека за халифа, и было это в четыреста двадцать шестом году, потом обман раскрылся и того человека изгнали. Но его пригласил ибн Аббад, который, играя на его сходстве с Хишамом, укреплял свою власть. Так шло долгое время, ведь этот бренный мир в глазах Аллаха дело маловажное и презренное.

Говорит ибн Каттан, рассказывая об этом: «Утверждают, что Хишам бежал от смуты, отрекшись от власти, и скрылся среди простонародья в одном из селений близ Севильи. Будто бы он стал там муаззином в мечети и следил за порядком, а хлеб насущный добывал себе, возделывая хальфу. В один из дней кади Мухаммад ибн Исмаил со своим сыном и всеми своими приближенными и невольниками, взяв с собой платье, которое приличествует только халифу, драгоценное оружие и чистокровного коня, явились в то селение.

Тот человек, которого они желали выдать за халифа Хишама, ничего не знал об этом и, покинув мечеть, отправился в поле, чтобы возделывать хальфу. И в то время, как он был на поле, его окружили всадники, одетые в платье придворных. Сам кади, его сын и придворные спешились и поцеловали землю перед ним. Увидев все это, тот человек смутился и растерялся и стал повторять: «Я не то, что вы думаете, и не тот, которого ищете!» Но они отвечали ему только словами молитвы и благословения, взывая к нему и прося оказать им милость. Потом они подняли его, забрали у него из рук траву, которую он успел собрать, и одели в халифское платье. Надев ему на голову высокую шапку халифа, они посадили его на коня, а кади и все сопровождавшие шли перед ним.

Удивительнее всего, что человек этот был как две капли воды похож на Хишама. Вся процессия в таком виде проследовала до городских ворот и въехала в город, а глашатай кричал: «О жители Севильи, возносите хвалу Аллаху за то благодеяние, которое он оказал вам! Вот ваш

господин, вот ваш халиф! Аллах перенес престол халифа из Кордовы в Севилью!» Потом того человека увезли в крепость, и Исмаил ибн Аббад и его сын не давали никому пройти к нему и увидеть его, как сделал в свое время аль-Мансур с Хишамом в Кордове.

Люди повсюду только и говорили о нем, и многие посылали в Севилью своих послов и надежных людей, чтобы разузнать о нем как можно верней. Их приводили к тому человеку, который находился в полутемном помещении, и он извинялся перед ними, говоря, что у него болят глаза. Люди говорили с ним, и он отвечал им, но никто не мог с уверенностью сказать, кто перед ним,— и потому одни утверждали одно, а другие это отрицали. Джахвар отказался признать этого человека халифом, и тогда Ибн Аббад напал на него и осаждал до тех пор, пока тот не согласился, что человек, находящийся в Севилье,— халиф Хишам. На имя Хишама произносились пятничные проповеди во всех городах, захваченных людьми из рода Бану Аббад.

Власть этого рода упрочилась, и они стали теснить соседних царей, совершая на них постоянные набеги, пока Абу-ль-Касим не потерпел поражение от людей из рода Бану Зири, захвативших город и округ Эльвиры. Зириды несколько раз сражались против рода Бану Аббад, и успех сопутствовал то одной, то другой стороне.

Кади Абу-ль-Касим Мухаммад ибн Исмаил ибн Аббад скончался в четыреста тридцать третьем году, и после него стал править его сын Абу Омар Аббад ибн Мухаммад, который получил почетный титул Аль-Мутадид.

* * *

Аль-Мутадид пришел к власти после смерти своего отца в конце месяца джумады первой в четыреста тридцать третьем году. Он захватил запад Андалусии — Сильвес, Ньеблу, Хибралеон и прилегающие земли.

Говорит Абу Марван: «Аль-Мутадид ибн Аббад превосходил всех своих современников и сверстников красотой облика, совершенством сложения и нрава, величественным видом, щедростью длани, проницательностью и остроумием, находчивостью и способностью предвидеть будущее. Его суждения о стихах и прозе отличались глубиной и верностью, ибо он владел немалой долей природного таланта и образованности. Удивительно было его счастье в походах и завоеваниях, так что он завоевал об-

ширные земли, окружающие Севилью, которые прежде принадлежали его врагам. Он изгнал христианских притеснителей из своих владений, что по соседству с Севильей, и присоединил к своим землям Кармону и Альхесирас. В его сокровищнице хранилось множество голов берберских эмиров и царей из рода Идрисидов, и голова Мухаммада ибн Абдаллаха, эмира Кармоны, который был полыхающим факелом смуты, и голова Хазруна и Ибн Нуха, и голова лжехалифа Яхьи ибн Али ибн Хаммуда, а также головы других побежденных им правителей областей и мятежников, которые он снес своим мечом. Эти головы были найдены завоевателями из Бану Ламтуна, когда они захватили Севилью, изгнав сына аль-Мутадида, тщательно спрятанные среди сокровищ. Каждая из этих голов была закутана в ткань, и на них имелись надписи об именах всех этих людей».

Так правил эмир Севильи аль-Мутадид, восседая на своем высоком помосте в тронном зале, выполняя великие дела и рассылая гонцов своего могущества из недр дворца. Он был смел, силен и дерзок, стоек и решителен и ни во что не ставил пролитую им кровь. Своей рукой он хладнокровно убил собственного сына Исмаила, обвинив его в том, что тот замышляет дурное против власти отца. Он вероломно погубил многих главарей своих злейших врагов — берберов, которые посетили его, доверившись его обещаниям. Он приготовил для них великолепную купальню и приглашал их туда якобы для того, чтобы почтить их, и велел замуровать двери, так что они погибли там все до единого. И с тех пор люди приводят имя аль-Мутадида как пример дерзости, жестокости и грубости, и так будет всегда и повсюду.

Некоторые знающие люди говорили о нем: «Ибн Аббад не желал ограничиваться пределами своего государства, построенного им на остриях копий. Он только и занимался тем, что разжигал одну войну за другой и натравливал одного царя на другого. Он не давал отдыха никому в своей земле, отнимал наследственное имущество и грабил нажитое, чтобы сделать свою долю богатства еще значительнее и обильнее, чтобы добиться еще большего успеха в делах своего царства и еще больше упрочить свою власть и главенство. Он выстроил высокие дворцы, засеял обширные и плодородные поля, велел соткать великолепные одежды и отлить драгоценные украшения. В его конюшнях стояли чистокровные кони, бы-

стрые, словно ветер, во дворцах служили прекрасные юноши-гулямы, а в войске насчитывалось множество доблестных мужей-рыцарей державы, которых он отобрал из разных областей. Он завоевал их верность, привязав к себе обильными дарами и еще более обильными благодарностями, а также страхом перед наказанием и суровыми угрозами, так что правил государственными делами с такой мудростью и прозорливостью, на которые не были способны другие равные ему саном правители Андалусии того времени. И постоянным примером решительности и государственной мудрости был для него Абу Джафар Мухаммад аль-Мансур ибн Абу Амир».

Была сильна неприязнь между ним и его соседом аль-Музаффаром ибн аль-Афтасом, и последний не мог сражаться с Ибн Аббадом, хотя и питал к нему лютую ненависть. В месяце раби первом четыреста сорок третьего года между ними было заключено перемирие стараниями и трудами шейха Ибн Джахвара, эмира Кордовы, после чего Ибн Аббад мог спокойно отдаться сражениям с остальными эмирами запада Андалусии, и ему почти всегда удавалось побеждать их и захватывать их владения. Потом Ибн Аббад протянул руку к Альхесирасу и, осадив Мухаммада ибн аль-Касима, захватил город и округу Альхесираса. Затем ибн Аббад направил все свои помыслы и решимость к Кордове, но не успел осуществить своих намерений, ибо был застигнут смертью.

Завещав еще не доставшуюся ему во власть Кордову своему сыну аль-Мутамиду, эмир Севильи скончался. Аль-Мутамид звался Мухаммад, кунья его была Абу-ль-Касим. Вначале он получил почетный титул «Аз-Зафир», что означает «Победитель», а потом — «Аль-Мутамид ала Алла», то есть «Надеющийся на Аллаха».

Эмир аль-Мутадид, его отец, при всей своей воинской доблести и стремлении к подвигам, был еще и превосходным поэтом, и отрывки из его стихов известны до сих пор. У него есть множество удачных мыслей и образов, например, в таких строках:

Аллеи среди звезд жасмина алее сладостных ланит,
Которые кусает милый, когда любовь его пьянит.

Или такие стихи:

С ресниц росой смывала краску ночь, поднимая покрывало;
Вино в кувшине убавлялось, но как оно благоухало!

* * *

Эмир аль-Мутамид Абу-ль-Касим был щедрым, доблестным и красноречивым, известия о нем широко распространились по всем краям и останутся на вечные времена.

Рассказывает Ибн ас-Сайрафи: «Аль-Мутамид Мухаммад ибн Аббад не имел себе равных по великодушию и щедрости, он был крепок, словно жезл, сделанный из железного дерева, который нельзя сломить, и не знал соперников в красноречии, умении слагать стихи и составлять послания. Он был образован, как никто в его время, и обладал прекрасной памятью. В его произведениях мы видим обильный океан красноречивых слов и ярких образов. Он не затруднял себя в выборе подходящих выражений, стиль его был мягок и нежен и никогда не утопал в многословии. Он был мастером употребления различных фигур красноречия, и связь между словами была неразрывной, метафоры естественными, а сравнения прекрасными. Никто из окружавших его визиров, катибов и поэтов не был так красноречив и не умел создавать подобных стихов, несмотря на то, что он привлек к себе многих, что были подобны драгоценным алмазам и редкостным украшениям и рассыпали отборный жемчуг похвал эмиру.

Он отличался безрассудной храбростью, похвальным поведением и был милостив и добр к своим подданным. Его звезда поднялась высоко, приведя его к захвату Кордовы. Этот город отдался под его власть, как намекал ему ранее Ибн Джахвар. Он прибыл в Кордову, обласкал жителей города, рассыпая подарки и благодеяния, и вел себя как нельзя лучше по отношению к жителям Кордовы, так что те были несказанно рады, что к власти пришел род Ибн Аббада. Аль-Мутамид сделал наместником в Кордове своего сына Сирадж ад-Даула Аббада ибн Мухаммада ибн Аббада, и тот прибыл в Кордову во вторник шестого дня месяца шавваля в том же году. Его въезд был подобен пышной процессии, и ее пышность увеличила радость жителей.

Затем аль-Мутамид вернулся в Севилью, а в Кордове оставил своего сына вместе с одним из своих полководцев, которого звали Ибн Мартин, во главе конного отряда. Но тут Зу-н-Нун, правитель Толедо, прислал в Кордову одного из подкупленных им людей, правителя крепости, которая находилась неподалеку от Кордовы. Этот человек был тверд, как скала, и свиреп, как нападающий лев, а

звали его Хакам ибн Укаша. Зу-н-Нун поручил ему, застав врасплох Ибн Аббада, напасть на него в стенах Кордовы. Соглядатаи Ибн Мартина донесли ему об этом, но он не поверил этой вести, сочтя ее маловероятной, и презрел ее, что и надо было Ибн Укаше.

Ночью кто-то из сторонников Ибн Укаши открыл городские ворота, и Хакам ибн Укаша вошел в город с отрядом конников и пеших воинов, и никто не слышал и не видел этого. Потом они направились во дворец Ибн Джахвара, где жил эмир Ибн Аббад, сын аль-Мутамида. Услышав звон оружия и шум, эмир выбежал к ним и сражался с ними мечом до тех пор, пока не был убит.

Покончив с эмиром, отряд Ибн Укаши направился во дворец Ибн Мартина, который сидел за вином, и с ним были его певицы и собутыльники. Ибн Мартин убежал, когда отряд Ибн Укаши ворвался к нему, и скрылся у одного из людей, которых он облагодетельствовал, но через три дня его поймали. Когда его привели, Ибн Укаша приказал привести всех певиц и шутов, которые были в ту ночь с Ибн Мартином, и, чтобы поиздеваться над ним, стал спрашивать, как зовут каждую певицу и каждого шута и танцора. Потом он приказал заковать Ибн Мартина в цепи и отправить в свою крепость близ Кордовы. Когда же Зу-н-Нун прибыл в Кордову, он приказал Ибн Укаше убить его пленника.

Не прошло и дня с той поры, как Ибн Укаша вступил в Кордову, как к нему пристало множество злодеев, и с их помощью он захватил город и провозгласил в нем власть рода Зу-н-Нуна, произнося его имя со всех мимбаров мечетей. А тем временем Зу-н-Нун приближался к Кордове, и наконец вступил в город с огромным войском, и в тот же день принял присягу жителей Кордовы. Он прибыл в Кордову из Валенсии в пятницу двадцать третьего дня месяца джумады второй четыреста шестьдесят седьмого года. Но вскоре Зу-н-Нун занемог и скончался в Кордове на шестнадцатый день месяца зу-ль-када того же года.

Тогда жители Кордовы снова признали своим властителем эмира аль-Мутамида, который прибыл к ним, и они присягнули ему, откликнувшись на его призыв. Что же касается Ибн Укаши, то он бежал куда глаза глядят, уверив своих сторонников, что будет защищаться, но у акведука его убил некий житель Кордовы. Двадцать пятого числа месяца зу-ль-када правителем Кордовы снова стал

эмир аль-Мутамид ибн Аббад, и с тех пор город находился под властью рода Ибн Аббада в течение шестнадцати лет. Аль-Мутамид оставил в Кордове как своего наместника одного из своих сыновей, который получил почетный титул «аль-Мамун», а сам вернулся в Севилью.

Дни правления эмира аль-Мутамида были лучшим временем для жителей всей Андалусии. Поэтому-то о нем и сложили множество рассказов, как и о его любимой жене, которую звали Итимад, образовав это имя от титула эмира «аль-Мутамид» — «Надеющийся». Она родила от него четырех сыновей, которые впоследствии стали царями. Госпожу Итимад называли также «Румайкийя», ибо ее прежнего хозяина, у которого эмир купил ее, звали Румайк.

Но потом аль-Мутамид испытал немало обид от правителя Кастилии Альфонсо Фернандеса из-за дани, которую платили Альфонсо цари Андалусии. За данью в Севилью приезжал некий иудей по имени Ибн Шалиб, который дерзко говорил с эмиром. Аль-Мутамид, да помилует его Аллах, разгневался и приказал убить Ибн Шалиба и заточить христиан, прибывших в Севилью вместе с ним. Царь неверных Альфонсо счел это великим оскорблением и поклялся, что не оставит Ибн Аббада на лике земли. Поэтому эмир аль-Мутамид был вынужден переправиться на магрибинский берег и обратиться за помощью к эмиру Юсуфу ибн Ташуфину. Аль-Мутамид просил магрибинского владыку отправиться на священную войну против неверных, и тот согласился.

* * *

Мухаммад ибн Аммар был воспитанником, слугой и ближайшим другом эмира аль-Мутамида в течение долгого времени. Ибн Аммар был чудом своего времени, отличаясь необыкновенным красноречием и образованностью. Он был остроумным собеседником и верным наперсником, и эмир привязался к нему всем сердцем и обращался с ним как с равным.

Когда Хайран аль-Амири покинул Мурсию, ее захватил Абу Абд ар-Рахман ибн Тахир, один из приближенных Хайрана. Ибн Тахир был достойным, именитым и образованным человеком, что удостоверено и аль-Фатхом в его сочинении «Ожерелья», и другими. Но жители Мурсии не пожелали признать власть Ибн Тахира и написа-

ли эмиру аль-Мутамиду, призывая его к себе. Тогда эмир послал в Мурсию своего вазира Ибн Аммара и одного из военачальников, Абд ар-Рахмана ибн Рашика. Ибн Аммар прибыл в Мурсию, хотя Ибн Тахир попытался схватить его, но безуспешно. Ибн Аммар уладил дела Мурсии, укрепился там и оставался некоторое время как наместник аль-Мутамида, но затем, побуждаемый честолюбивыми устремлениями, пожелал стать правителем и открыто выразил неповиновение своему повелителю аль-Мутамиду. Но воздаянием за вероломство Ибн Аммару было предательство Ибн Рашика, который воспользовался отсутствием Ибн Аммара, покинувшего на время город, чтобы посетить одну из принадлежащих ему крепостей, напал на Мурсию и захватил ее.

Когда Ибн Аммар узнал об этом, он бежал из округа Мурсии к правителю Сарагосы аль-Муктадиру ибн Худу. А тем временем Ибн Рашик стал полновластным хозяином Мурсии, укрепившись там. Между ним и эмиром аль-Мутамидом шли долгие переговоры, и наконец Ибн Рашик оставил Мурсию, узнав о том, что Ибн Ташуфин, эмир Бану Ламтуна, переправился в Андалусию, и присоединился к нему, и после этого аль-Мутамид больше не желал слышать о нем.

Что же касается Ибн Аммара, то он оставался в Сарагосе у нового эмира аль-Мутамида. Но потом эмир стал искушать его, обещая завоевать город Сегура-де-ла-Сьерра и отдать ему под власть тот город. Ибн Аммар направился к тому городу и расположился перед ним лагерем. Но правитель Сегуры обманул Ибн Аммара, выйдя к нему и представив это дело легким. Пообещав Ибн Аммару на словах отдать ему город без сопротивления, он попросил подняться в крепость, чтобы осмотреть свои новые владения. Ибн Аммар поспешил туда с небольшой группой своих воинов и мамлюков, ибо был ослеплен честолюбием и известным всем безрассудством. Когда же он очутился в крепости, правитель Сегуры напал на него, заковал в цепи и бросил в подземную темницу.

Узнав об этом, аль-Мутамид ибн Аббад стал писать правителю Сегуры и просил его выдать ему Ибн Аммара, обещая взамен всяческие блага. Наконец тот поддался обещаниям и угрозам и отослал Ибн Аммара в Севилью. Эмир аль-Мутамид приказал выставить Ибн Аммара на позор, и он въехал в город, привязанный к повозке, сидя меж двух мешков с соломой. Люди сбежались со всех

сторон, чтобы посмотреть на него,— ведь он выехал словно великий эмир, а вернулся плененным и униженным. Так постигают человека превратности дней, так карает неблагодарная судьба, которая не щадит ни свободного, ни раба.

Аль-Мутамид заточил Ибн Аммара в одном из покоев своего дворца. Иногда он велел приводить его к себе и осыпал горькими упреками, а Ибн Аммар отвечал ему лишь извинениями и мольбами о прощении, так что почти рассеял гнев эмира, и тот смягчился, не желая губить его. Он бы помиловал Ибн Аммара, если бы не происки врагов вазира, которые, засучив рукава, стали подстрекать эмира против Ибн Аммара, приписывая ему скверные слова и недостойные поступки и утверждая, будто он поносил эмира и мать его сыновей, так что аль-Мутамид в приступе гнева убил Ибн Аммара собственной рукой.

От Ибн Аммара остались стихи, в которых он напоминает эмиру об их прежней дружбе и просит помиловать его во имя этой дружбы. Эти стихи так нежны и благозвучны, что ими исцеляются раны сердца и благодаря им забываются самые великие грехи. И был бы прощен и его проступок, забыт, если бы не было суждено исполниться воле рока, так что он был убит и погиб до назначенного ему срока.

И если бы я не опасался затянуть изложение и сделать мой рассказ слишком долгим, я привел бы множество его стихов или даже все стихи Ибн Аммара. Вознесем же хвалу тому, кто сделал так, что сердца большинства царей не чужды снисходительности, способны прощать, склонны судить по совести и справедливости и ничто не может служить препятствием тому, чтобы они повиновались этим порывам.

А ведь цари обычно не слышат гóлоса милосердия, ибо их душа никогда не испытывала в чем-либо принуждения, не была унижена тем, что ее разлучали с ее страстями и желаниями. И только немногие и редкие из царей созданы с душой, отличающейся мягкостью и любовью к справедливости, поддающейся порывам милосердия. К таким царям относился аль-Мамун из рода Аббасидов, который помиловал своего дядю и беседовал с ним за чашей вина после того, как тот оспаривал у него звание халифа, так что его поступок стал вечным примером прощения и милосердия. Он никогда не отказывал тем, кто просил его о заступничестве, и был кроток и сдержан. От аль-Маму-

на остались всем известные слова: «Если бы люди знали, как сладко для меня прощать их, они старались бы приблизиться к нам, совершив преступление!»

Как было бы хорошо и похвально, если бы он оставил в живых и помиловал преступника из своих рабов, над жизнью которого Аллах дал ему власть! Ему ведь не принесла пользы его смерть, он не был зависим от его родичей и мог не опасаться его племени, так что прощение принесло бы ему еще большее величие, достоинство и доблесть, добрую славу и наилучшее воздаяние. Ничто не может лучше стереть грехи, чем благодеяние, ничто не сможет убить зло, кроме добра! Да помилует Аллах поэта, сказавшего:

Их я сразил благодеяньем, оно поистине безмерно;
Когда копьем я так ударю, копье сломается, наверно.

Говорят, что аль-Мутамид был безутешен после того, как убил Ибн Аммара, раскаиваясь в своем поступке, но к чему уже было раскаяние! Стало поговоркой его изречение: «Легче не совершить, чем вернуть то, что уже совершил!» Да сделает нас Аллах подобными тем людям, что умеют владеть собой и предвидеть последствия своих поступков! Но как бы то ни было, время правления аль-Мутамида в Андалусии прославлено своим благополучием и процветанием, тогда ее обитатели жили спокойно, а ученые и поэты пользовались почетом.

Но тут Юсуф ибн Ташуфин, султан Магриба, укрепился в своей решимости начать священную войну против неверных, побуждаемый дивной красой андалусских земель. Поняв, что правители областей слабы и постоянно враждуют друг с другом, он отдался прельстившему его намерению свергнуть их.

Первым, против кого выступил Юсуф, был правитель Гранады, внук Бадиса. После этого он повернул на владения аль-Мутамида. С Юсуфом сразились военачальники эмира в Севилье, сын аль-Мутамида аль-Мамун был осажден войсками Ибн Ташуфина в Кордове, а другой его сын ар-Рады — в Ронде. Оказавшись в безвыходном положении, аль-Мутамид начал переписку с правителем христиан, прося его о помощи и соблазняя обильным и щедрым воздаянием за нее. Тот послал ему войско, которое сразилось с Альморавидами, осаждавшими Хаэн, и наголову разбило Альморавидов, так что они поклялись,

что выпустят из аль-Мутамида кровь по капле, после того как захватят его владения и свергнут его, если им удастся сделать это.

Потом христиане направились к селению Пальма в округе Севильи и сразились с Альморавидами, и те отомстили им за прошлое поражение. Тогда Ибн Аббад, потеряв надежду, понял, что он неминуемо будет разбит. Жители Севильи стали прыгать с городских стен и призывать к себе на помощь эмиров Альморавидов. Во вторник в середине месяца раджаба четыреста восемьдесят четвертого года Альморавиды пошли на приступ, и аль-Мутамид выехал в одной рубахе, сквозь которую просвечивало тело, не имея при себе иного оружия, кроме меча, и напал на ворвавшихся в город Альморавидов. Он оттеснил их, убив нескольких всадников, и люди разбежались перед ним и убежали за ворота. Эмир приказал закрыть ворота и вернулся во дворец. Об этом он сложил стихи, описывая, как сразился с врагами, идущими на приступ.

В воскресенье на восемнадцатый день месяца раджаба Севилья была захвачена Альморавидами и подверглась грабежу, и жители бежали в Махаллу. Ибн Аббад выехал из дворца и сразился с Альморавидами, и с ним был его сын Малик. Малик был убит на глазах у отца, на эмира же напало множество воинов Альморавидов, и он, вложив меч в ножны, удалился к себе во дворец, потеряв всякую надежду на спасение. Так он попался им в руки, словно дичь, запутавшаяся в тенетах, его вывели из дворца и, заковав в цепи, сослали. И ему пришлось претерпеть муки унижения после величия и испытать бесправие после того, как его лишили царства и власти. Когда его выслали из Севильи, он потерял свою дочь, но затем ее нашли и привезли к нему. Аль-Мутамид поселился в магрибинском городе Агмат и кормился тем, что приносили ему его дочери, которые пряли шерсть и продавали пряжу на рынке.

Ему пришлось пережить великие беды, пред которыми кажутся ничтожными все превратности рока. В Агмате умерла его любимая жена. Он написал трогательные стихи, описывая свое горе, оплакивая себя и говоря о том, что скоро он последует за ней. Он также рассказывает в этих стихах о прежних временах, о том, как правил своими землями и как благоденствие сменилось горем. Эти слова разрывают сердце и заставляют литься слезы, слов-

но из прохудившегося бурдюка воду, они говорят о том, как преходящи блага бренного мира.

Эмир аль-Мутамид ибн Аббад скончался в Агмате в месяце зу-ль-хиджа четыреста восемьдесят восьмого года. Почувствовав, что смерть настигает его и ее петля стягивает ему горло, аль-Мутамид приказал, чтобы на его могиле были высечены стихи, которые он приготовил заранее, оплакивая свою горестную участь:

О ты, могила на чужбине, да снизойдет к тебе прохлада!
Тебе, печальная могила, досталось тело Ибн Аббада,

Владевшего копьем и луком, мечом сражавшегося в битве
И орошавшего прилежно все уголки родного сада.

Судьба меня приговорила покоиться в такой могиле;
Я не ропщу на божью волю, моя душа приюту рада.

Но даже не подозревал я, что горы могут низвергаться
И на дворец мой будет падать подобье каменного града.

Пусть над могилою моею на веки вечные пребудет
Благословение Аллаха как милость или как награда.

Я сам побывал в городе Агмате, когда совершал путешествие по марокканским землям, и постоял над могилой эмира аль-Мутамида. Это было в семьсот шестьдесят первом году, и причиной моего путешествия было желание встретиться с достойными людьми и осмотреть древние памятники. Эта могила находится на кладбище Агмата, на возвышенности, которую окружают высокие и развесистые деревья. Рядом с могилой аль-Мутамида похоронена его любимая жена Итимад, бывшая невольница Румайка. Обе могилы заброшены и забыты, как заброшен был и сам эмир, когда потерял свое царство. И при виде этого глаза мои не могли удержать слез, и я сложил стихи, в которых оплакивал славу аль-Мутамида и его нелегкую долю.

Ибн ас-Сайрафи говорил: «Аль-Мутамид скончался в самый праздник. И когда люди окончили праздничную молитву, они собрались у могилы аль-Мутамида, оплакивая его и вознося моления Аллаху, чтобы он помиловал эмира. В тот день в Агмате находился известный поэт, который был придворным поэтом аль-Мутамида, его звали Ибн

Абд ас-Самад. И, остановившись над могилой своего эмира, Ибн Абд ас-Самад произнес:

Царь царей! Меня ты слышишь? Я зову тебя, героя.
Или, может быть, в могиле ты желаешь лишь покоя?

Но твои дворцы пустуют. Где еще тебя я встречу,
Ты, бывало, выходивший победителем из боя?

Разве что земля сырая вновь меня с тобою сблизит;
Я тебе стихи читаю, над твоей могилой стоя.

Потом Ибн Абд ас-Самад упал на колени и стал осыпать себе лицо могильной землей. И люди, толпившиеся кругом, рыдали, раздирая на себе одежду. Поднялись громкие крики и вопли, которые продолжались, пока не стемнело и не ушел день. Да будет благо Ибн Абд ас-Самаду и тем людям, что почтили память аль-Мутамида.

КОММЕНТАРИИ

Ибн Хазм

Ожерелье голубки

В пору гонений Ибн Хазма его рукописи в значительной части подверглись уничтожению. «Ожерелье голубки» дошло до нас в единственной рукописи, принадлежащей библиотеке университета в Лейдене. Со слов переписчика можно заключить, что рукопись при переписке подверглась некоторому сокращению. Настоящий перевод был сделан по тексту лейденской рукописи, изданному профессором Ленинградского университета, известным испанистом Д. К. Петровым, и был впервые опубликован в 1933 г. в издательстве «Academia».

Стр. 25. *Абу Мухаммад...*— Арабские имена в те времена обычно состояли из следующих частей: имя собственное — скажем, Ахмад; так называемое отчество — ибн Мухаммад (сын Мухаммада); у людей знатных перечислялись еще имена деда, прадеда и других предков; затем шла кунья — Абу-ль-Аля (букв.: «отец Аля — «Высоты»); потом «фамилия» (родовое имя) — Ибн Хазм; иногда добавлялась нисба — аль-Багдади (из Багдада или Багдадский) и лякаб (прозвище или титул) — аль-Авар («Одноглазый»), или Сайф ад-Даула («Меч державы»), или ан-Насер («Победитель»). Вежливая форма обращения — называть по кунье: Абу Мухаммад. Правителей, эмиров и халифов, называть по именам не полагалось.

Альмерия — город на юго-восточной границе арабских владений в Испании; во времена Ибн Хазма — центр независимой провинции. *Шатиба* (Хатива) — одна из значительных крепостей Андалусии, в 56 км к юго-западу от Валенсии; город славился изготавливаемой в нем бумагой, которую вывозили даже в Египет.

Стр. 26. *...причин и случайностей...*— Словом «случайность» здесь переведен арабский философский термин, обычно называемый «акциденция», разумея под ним все приметы любви, не составляющие ее сущности, зависящие от случайных причин.

Иснад — букв.: «опора», цепь передатчиков, со слов которых сообщается то или иное известие, обычно хадиса — предания о словах и делах пророка Мухаммада; арабский средневековый «научный аппарат», аналогичный современным ссылкам на источник.

Стр. 30. *«Прямо ведомые»,* или *«праведные халифы»* — титул первых четырех правителей мусульманского государства, халифов, то есть преемников пророка Мухаммада. *Имам* (букв.: «предстоятель») — настоятель мечети, руководящий молитвой во время богослужения; вместе с тем глава общины, имеющий духовную и светскую власть.

Факих — законовед.

Стр. 31. *Фетва* — юридическое разъяснение, которое дает муфти, главный кади (судья) или знаменитый факих, на вопрос обычного кади или частного лица. В своих ответах муфти должен руководствоваться известными прецедентами, но может выносить решение, основываясь на собственном мнении, согласуясь, однако, с толкованием Корана и основами шариата (букв.: «надлежащий путь», свод правовых и религиозных нормативов, провозглашенных «вечными и неизменными», ибо сказаны они «божественными устами»).

...Аллах, великий и славный, говорит: «Он тот, кто сотворил все из единой души...» — Здесь и далее цитируются слова из Корана; подобное цитирование Корана или же высказываний пророка Мухаммада было обязательным для средневековых арабских авторов, не только философов и ученых, но и сочинителей прозы и поэзии, являя собой как бы примету времени и литературного стиля.

Стр. 34. *Ифлатун рассказывает...* — Философ Платон (араб. Ифлатун) оказал значительное, хотя и не прямое, влияние на арабских мыслителей. Многие произведения, приписываемые арабами Платону, в действительности ему не принадлежат, как и бесчисленные речения и рассказы, которые арабские писатели влагают в уста Платона.

Тора — Моисеево Пятикнижие; во времена Ибн Хазма были известны переводы Библии на арабский язык.

Стр. 37. *Камень бахт* — по мусульманскому поверью, приковывает к себе взоры и вызывает веселое настроение.

Стр. 44. *День Васита.* — Правитель Ирака, Абу Халид Язид ибн Омар ибн Хубайра, возглавлял армию сторонников Омайядов во время войны со сторонниками Аббасидов. В 749 г., потерпев сокрушительное поражение, Язид отступил в город Васит, но после многомесячной осады вынужден был сдаться. Получив от Аббасидов прощение, Язид был вероломно умерщвлен в 750 г.

Малага — большой город в Испании на берегу Средиземного

моря, подчинился власти мусульман в 711 г.; после распада Кордовского халифата Малага сделалась главным городом независимого эмирата Хаммудидов (1016—1057).

Стр. 46. *...из изображений в бане...* — Ислам запрещает мусульманам изображать живые существа (в Коране это запрещение прямо не высказано), однако многие запреты, в том числе изображать людей или пить вино, не всегда соблюдались. Так в Андалусии было принято расписывать стены бань изображениями людей.

Стр. 48. *Шарифы* — букв.: «благородные», «люди дома пророка», то есть потомки родственников пророка. В зависимости от происхождения шарифы делились на две ветви: Алидов (потомков дочери Мухаммада Фатимы и Али) и Аббасидов.

Стр. 51. *Сарагоса* (араб. Саракуста) — город в Северной Испании, завоеван арабами в 712—713 гг.; наибольшего расцвета достиг в начале XI в.; после распада Кордовского халифата Сарагоса стала центром независимой северо-восточной провинции (эмирата) и находилась под властью Туджибидов (1017—1039) и Худидов (1039—1118), затем город окончательно перешел в руки христиан.

Стр. 52. *...становилась смерть... между ослом и его желанием...* — пословица, означающая, что внезапно возникшее препятствие помешало осуществить какое-либо дело.

Стр. 54. Учение *Мани* (манихейство) — одна из философских систем, обычно объединяемых названием «гностицизм»; основано на представлении о вечной борьбе двух начал — добра и зла, света и тьмы как изначальных и равноправных принципов бытия.

Стр. 56. *...тот, которого называют «отпущенным».* — Поэт Абд аль-Малик, потомок халифа Абд ар-Рахмана ан-Насера (см. словарь имен), был героем популярной литературной любовной истории о соперничестве сына и отца в любви к одной невольнице, из-за которой сын убил отца и был заточен в тюрьму, где провел шестнадцать лет, затем был выпущен на свободу, отсюда и прозвище.

Стр. 57. *Джинны* — духи, как добрые, так и злые. *Гули* — фантастические существа, которые, по арабским поверьям, подстерегают в образе женщин одиноких путников, чтобы их пожрать.

Стр. 58. *Черное знамя* — знамя Аббасидов, свергших в 780 г. династию Омайядов в Арабском халифате.

Стр. 64. *...одеты в две красные одежды...* — одежды, которые носили в Андалусии сводни.

Стр. 73. *Мобед* — жрец у огнепоклонников, приверженцев древней религии в Иране.

Стр. 74. *Мукаддам* (букв.: «предводитель») — военный чин: командир отряда, тысячник.

Стр. 75. *...вошли в Кордову и ее разграбили...*— Берберы вступили в Кордову 19 апреля 1013 г., город был разграблен и сожжен.

Мутазилиты (букв.: «отделившиеся») — богословы, представители философско-рационалистического течения в исламе, распространенного в IX—X вв.; основное расхождение с ортодоксальными мусульманами состояло в том, что мутазилиты отрицали божественное предопределение и утверждали свободу воли человека, поэтому отстаивали мысль о сотворенности Корана и считали разум человека достойным орудием для его толкования, подразумевая свободное суждение в вопросах богословия.

Стр. 77. *Кайруан* — город в Тунисе, возник из военного лагеря арабов во времена завоевания Магриба в 670 г. *«Город»* — древняя часть Кордовы.

Стр. 87. *...ем гранат, оскомина у сына* — поговорка, основанная на легенде, согласно которой некий «незаконный» сын обратился с просьбой в молитве к богу, но просьба его не была выполнена, тогда молившийся воскликнул: «Отец ест гранат, у детей на зубах оскомина», то есть детям приходится страдать за грехи отцов.

Стр. 91. *У нас говорят неспроста: дрофа защищается калом.*— Дрофа, чувствуя опасность, извергает содержимое желудка,— арабская поговорка.

Стр. 92. *Город Салима* — современный город Мединасели на реке Гвадалахаре, ранее был центром так называемой средней границы Андалусии.

Стр. 96. *Иблис* (от греч. диаболис) — дьявол.

Стр. 97. *Хариджиты* — представители религиозно-политического течения в исламе, возникшего первоначально в противовес шиизму, то есть противники приверженцев халифа Али и его потомков; впоследствии выступали и против омайядских и аббасидских халифов, провозглашая принцип выборности халифов. Долговременный успех движения хариджитов объясняется прежде всего популярностью их идей, пропагандировавших равенство всех людей и народов, при котором главным считалась сила веры; это обеспечивало поддержку тех групп населения, которые страдали от национальной розни в мусульманском халифате, населенном многими народами разных вероисповеданий.

Стр. 104. *Муаллаки* (букв.: «подвешенные») — так называют семь (или десять, по другой легенде) лучших касыд-поэм доисламских поэтов V—VI вв.; по преданию, эти поэмы золотыми буквами записаны на свитках, подвешенных в храме Каабы.

Стр. 107. *Ар-Русафа* — юго-западное предместье Кордовы, на-

званное так Абд ар-Рахманом I в память об одноименной местности близ Дамаска, застроенной его дедом, халифом Хишамом. *Сеута* — крепость в Магрибе, на побережье, противоположном Испании.

Стр. 108. *...это качество одолевало кого-нибудь сильнее, чем Абу Амира Мухаммада ибн Абу Амира...* — видимо, здесь имеется в виду сын знаменитого временщика аль-Мансура, о дружбе с которым Ибн Хазм упоминает на предшествующих страницах книги.

Стр. 109. *...хотя бы и преграждали к этому путь шипы трагаканта* — поговорка; трагакант — род колючего кустарника, растущего в Северной Аравии.

Аз-Захира — город близ Кордовы, построенный аль-Мансуром; желая оградить халифа Хишама II от возможного влияния своих врагов, аль-Мансур решил перенести резиденцию правительства за пределы Кордовы, оставив Хишама почетным узником в халифском дворце.

Стр. 110. *Абу Баракиш* — небольшая птичка из семейства жаворонковых, имеющая разноцветное оперение; когда птичка, испугавшись, взъерошивает перья, они переливаются многими красками.

Отступничество разрешил Аллах, если смерть угрожает... — Учение ислама разрешает мусульманину не следовать предписаниям веры, даже вероотступничество, временное конечно, за которое потом следует определенная плата,— так в исламе отразилось «торгашеское» отношение к вопросам веры.

Стр. 112. *...ты подражаешь ан-Нуману...* — Имеется в виду ан-Нуман ибн аль-Мунзир (580—602), один из царей города-государства аль-Хиры, в нижнем течении Евфрата, находившегося в вассальной зависимости от персов. Согласно арабской легенде, у ан-Нумана ежедневно менялось настроение: в один день он убивал всех, кого ни встретит, в другой — осыпал милостями.

Стр. 116. *Когда же случилось в Кордове то, что случилось...* — Имеется в виду разграбление Кордовы берберами в апреле 1013 г.

Стр. 119. *...в длинной моей поэме, которую я приведу целиком...* — Как уже говорилось, переписчик сокращал текст книги по своему усмотрению, здесь поэма приведена в отрывках.

...как взял бы ты жезл Моисея... — намек на кораническую историю, заимствованную из Библии,— чудо с жезлом Моисея, превращенным в змею.

Стр. 124. *Абшамиты* — потомки родоначальника династии Омай-

ядов, носившего имя Абд Шамс. Первый халиф из этой династии — Муавия, претендуя на престол, объявил себя мстителем за халифа Османа, после убийства которого в 656 г. халифом был объявлен Али, противник Муавии.

Стр. 130. *...обращаюсь к моему двоюродному брату...*— Абу-ль-Мугира аль-Вахаб, как и его двоюродный брат Али, автор «Ожерелья голубки», был вазиром халифа Абд ар-Рахмана V.

Стр. 132. *Палаты Мугиса* — один из кварталов Кордовы, названный так по дворцу Мугиса-румийца, предводителя отряда мусульман, завоевавшего Кордову в 711 г.

...оказались в разных странах, подобно племени Саба.— Арабская поговорка, основанная на преданье, согласно которому древнее племя Саба, обитавшее в Юго-Западной Аравии, рассеялось по всей Аравии после стихийного бедствия, произошедшего в конце VI в.

Стр. 135. *Якуб* и *Юсуф* — арабские имена библейского пророка Якова и его сына Иосифа (Прекрасного). Согласно легенде, слепой Яков прозрел, когда сыновья принесли ему рубаху Иосифа, сказав, что тот погиб, хотя на самом деле они продали брата в рабство,— история эта рассказана и в Коране.

Стр. 136. *Хаджиб* — букв.: «преграждающий» (путь к халифу, эмиру), в западных мусульманских государствах титул первого министра и главного вазира. *Сикиллия* — арабское название острова Сицилии, находившегося под властью арабов с 878 по 1090 г.

Ас-Самари — библейский самаритянин, побудивший евреев поклоняться золотому тельцу; спрошенный Моисеем, самаритянин говорит, что он увидел то, чего не видели другие,— след посланника божьего; легенда добавляет, что это был след копыта коня архангела Гавриила (Джабраила).— Легенда эта полностью заимствована Кораном.

Стр. 138. *Не в раю, не в аду, словно люди на высотах.*— Согласно Корану, это те, кто не попал в рай и не отправлен в ад, а томится на «высотах» (подобие чистилища).

Стр. 139. *Как жилище адитов... Словно в стане Самуда...*— Ад и Самуд — племена, которые, согласно Корану, были истреблены аллахом за то, что не послушались пророков, посланных к ним со «словом божьим».

Стр. 140. *Чертог Обновленного* — по преданию, один из вестготских царей, правивших в Испании до нашествия арабов, увидал в Кордове развалины дворца и приказал отстроить его вновь, поэтому дворец и получил название «Обновленный».

Стр. 150. *...это пламень Ибрахима.*— Арабские легенды приписывают Ибрахиму (библейскому Аврааму) множество чудес, в том

числе воскрешение идолопоклонника, поднявшегося из гроба, охваченного пламенем.

Стр. 152. *...и было это во второй джумаде года триста девяносто девятого.*— То есть 15 февраля 1009 года, во время вступления Мухаммада аль-Махди на престол (см. словарь имен).

Зу-ль-када года четыреста второго — название одиннадцатого месяца мусульманского года; по европейскому летосчислению смерть отца автора книги произошла 21 июля 1012 г.

Стр. 153. *...в первый день мухаррема года четыреста четвертого...*— 13 июля 1013 г. *...в шаввале года четыреста девятого...*— в феврале — марте 1019 г.

Стр. 159. *Верхняя граница* — область, расположенная близ реки Тахо, с центром в городе Сарагосе.

...в месяце зу-ль-када года четыреста первого — то есть в июле 1010 г.

Стр. 160. *Потом налегла смута...*— Во время нашествия берберов на Кордову разграблению подверглись главным образом западные кварталы, где жили богатые сановники, а восточные кварталы почти не пострадали.

Стр. 161. *...выступил род Талибитов...*— После убийства Сулаймана аз-Зафира в июле 1016 г. на халифский престол вступил Али ибн Хаммуд, возводивший свой род к халифу Али (см. словарь имен), потому он и назван Талибитом.

Хисн аль-Каср — крепость в округе Севильи.

Стр. 173. *Суфии* — мусульманские мистики, религиозно-философская система которых получила широкое распространение на Востоке; название их происходило от грубой одежды из шерсти (араб. суф), символизировавшей аскетизм, воздержание приверженцев суфизма.

Стр. 179. *...из приверженцев Хишама, сына Сулаймана, сына ан-Насера...*— неудачливого соперника аль Музаффара ибн Абу Амира (см. словарь имен), ставленника приверженцев Омайядов. Заговор против аль-Музаффара был раскрыт, заговорщики уничтожены в 1006 г.

Стр. 182. *...засвидетельствовал... четырьмя свидетельствами...*— По мусульманскому закону, для доказательства прелюбодеяния требуются свидетельства четырех «очевидцев» или четырехкратное показание одного лица.

Аль-Хара — название долины, расположенной к востоку от Медины в Аравии.

Стр. 183. *Кыбла* —направление, куда мусульманин обращает лицо свое во время молитвы, то есть в сторону Каабы; *люди кыблы* — мусульмане.

Люди договора — иноверцы, живущие в мусульманских странах, отношения с которыми арабские завоеватели определяли особым договором.

Стр. 186. *Абу Бакр Правдивый* — первый праведный халиф (см. словарь имен).

Стр. 187. В заключение главы «О мерзости ослушания» следовал стихотворный отрывок назидательного содержания в 24 строки, который нами не переведен.

Стр. 190. *Харим* — женская половина дома мусульманина (гарем).

Стр. 193. *И поистине, задержаться в здешнем месте — заблуждение явное!* — После этих слов следуют два стихотворных отрывка в 125 строк, которые нами не переведены.

Стр. 196. *Окончена переписка книги в новолуние раджаба единого, года семьсот тридцать восьмого...* — то есть 23 января 1338 г., через 274 г. после смерти автора книги, Ибн Хазма.

Салье

Ибн Туфейль.

Повесть о Хайие ибн Якзане

Настоящий перевод произведения Ибн Туфейля, впервые вышедший в серии «Всемирная литература» под названием «Роман о Хайие, сыне Якзана» (Пг., 1920), был сделан молодым петроградским арабистом Иваном Платоновичем Кузьминым, трагически ушедшим из жизни в результате несчастного случая, приведшего к заражению крови, в мае 1922 года в возрасте 29 лет. Романтик в жизни и в науке, И. П. Кузьмин еще в юности плавал юнгой на судне, совершавшем кругосветное путешествие, ездил по Волге с бродячим оркестром, а в 1914 году поступил на восточный факультет Петроградского университета. Там нашел он себя в арабистике и за очень короткий срок научной деятельности сумел стать превосходным преподавателем университета, филологом, историком-исламоведом и переводчиком. Кроме повести Ибн Туфейля, И. П. Кузьмин перевел на русский язык знаменитый сборник дидактических рассказов о животных — «Калила и Димна» (перевод был завершен после его смерти И. Ю. Крачковским) и проделал предварительную работу по изучению трактатов известного средневекового мусульманского теолога аль-Газали.

Перевод И. П. Кузьмина печатается без каких-либо существенных изменений по изданию (М., ИХЛ, 1978), в котором были сделаны лишь самые незначительные исправления, полностью сохранившие стиль переводчика.

Стр. 199. *Экстаз* (араб. халь — букв.: «состояние») — по суфийской терминологии, состояние, необходимое для постижения божественной истины.

«Да будет мне славословие! Как величественно состояние мое!» — восклицание, приписываемое мусульманскому мистику Абу Язиду (Баязиду) Бистами (ум. ок. 875 г.). Ибн Туфейль, воспринявший многие положения мусульманского мистицизма, не приемлет крайних выражений мистического отождествления себя с божеством.

«Я — истина!» — восклицание мусульманского мистика аль-Халладжа, якобы произнесенное им, когда его вели на казнь. Казнен в 922 г. за еретическое, с точки зрения ортодоксального ислама, отождествление себя с божеством.

«Не кто иной, как бог, под одеждой этой» — слова, приписываемые суфию из Хорасана Абу Саиду ибн Абу-ль-Хайру (967—1049), а иногда — аль-Халладжу.

Стр. 200. *Абу Хамид* — имеется в виду аль-Газали (см. словарь имен), автор сочинений, посвященных опровержению «еретических» положений мусульманских аристотельянцев, в первую очередь философии аль-Фараби и Ибн Сины. В качестве основателя ортодоксального богословия он пытался синтезировать учения мусульманских мистиков-суфиев с традиционными положениями ислама. Основные положения учения аль-Газали им высказаны в трактатах: «Оживление религиозных наук», «Крушение философов», «Драгоценные камни Корана», «Избавляющий от заблуждения».

«Было, что было...» — двустишие из стихотворения известного арабского поэта IX в. Ибн аль-Мутазза, цитируемое в автобиографическом труде аль-Газали «Избавляющий от заблуждения».

Абу Бакр ибн ас-Саиг.— Имеется в виду Ибн Баджа. В своих главных сочинениях «Путь стремящегося к единению» и «Послание о соединении активного разума с человеком» Ибн Баджа нарисовал картину восхождения человеческой души путем самосовершенствования к «высшему разуму» в духе неоплатонической философии.

«...соединение».— Имеется в виду мистическое слияние с божеством.

И нет сомнения, что сам он дошел до нее, но не пошел дальше.— Ибн Туфейль считал, что Ибн Баджа, предлагавший чисто умозрительный путь для постижения божественной истины, не сумел подняться до последней, самой высокой стадии интуитивного познания божества.

...ни в специальных словах...— Имеется в виду детально разработанная суфийская мистическая терминология.

Стр. 202. *Оран* — столица альморавидских владений в Северной Африке.

Стр. 203. *Красная сера* — философский камень.

Абу Наср.— Здесь имеется в виду аль-Фараби (см. словарь имен). Кроме комментариев к сочинениям Аристотеля, перу аль-Фараби принадлежит ряд оригинальных сочинений по логике, этике, естественным наукам, музыке, а свои политические идеи аль-Фараби сформулировал в «Трактате о взглядах жителей добродетельного города». Опираясь в философии и естественных науках на учение Аристотеля в том виде, в каком оно интерпретировалось греческими комментаторами, он вслед за ними развивал аристотелевскую метафизику в форме умеренного неоплатонизма. В частности, к неоплатоникам восходят космогонические представления аль-Фараби, включавшие идеи о мире как продукте божественной эманации, о небесных сферах, управляемых разумами, об «активном разуме», который просветляет и активизирует умственную деятельность человека. Идеи аль-Фараби оказали большое влияние на арабскую философию последующих столетий, в том числе и на взгляды Ибн Туфейля, хотя последний в своей повести и отвергает ряд положений из учения аль-Фараби.

«Книга исцеления» — произведение Ибн Сины.

Стр. 204. *«Тревожит меня, что науки людские...»* — Строки принадлежат андалусскому поэту Ваккаши из Толедо (ум. в 1095 г.).

«Путь стремящегося к единению» — сочинение Ибн Баджи, откуда Ибн Туфейль, видимо, заимствовал основы поведения отшельника.

«О соединении».— Имеется в виду трактат Ибн Баджи «Послание о соединении активного разума с человеком».

Стр. 205. *...и доходит до таких вещей, приводить кои нет нам нужды.*— Аль-Фараби дар пророчества приписывал божественному откровению в результате непосредственного контакта совершенного человеческого разума с «активным разумом» и считал этот уровень постижения истины доступным также и философу. Пророка от философа, согласно аль-Фараби, отличает лишь способность к поэтическому и образному выражению своих знаний, которая делает его доступным всем людям.

«Крушение» — трактат аль-Газали «Крушение философов», в котором он с позиции ортодоксального ислама порицает философов, придерживающихся идеи несотворенности и вечности мира, их неверие в воскрешение человека в телесной форме и их утверждение, будто «всевышний Аллах обладает знанием об универсальном, но не об индивидуальном», тогда как, согласно Корану, «от ведения Аллаха не укрывается ни одна вещь, будь она величиной с пылинку, ни на небесах, ни на земле».

Стр. 206. *«Возьми то, что видишь...»* — стихи аль-Газали.

«Драгоценные камни Корана», «Познания умственные», «Вдувание и завершение», «Высшая цель» — богословские сочинения аль-Газали. «Вдувание и завершение» — намек на Коран, где говорится, что бог, создав человека, вдохнул в него свой дух.

«Ниша света» — сочинение аль-Газали, в котором комментируется кораническая сура «Свет».

Но Господь превыше речей неправедных.— Ибн Туфейль полемизирует с неверным, как ему представляется, истолкованием мысли аль-Газали о чистом единстве как противоречащей ортодоксальной идее трансцендентности бога созданному им вещному и тварному миру и якобы ведущей к идее множественности истинного бытия.

Стр. 207. *Однако если бы мы представили тебе достигнутые нами конечные результаты, прежде чем обсудить с тобой исходные точки, то это принесло бы тебе не больше пользы, чем общее бездоказательное утверждение...*— Согласно учению аль-Газали, слепая вера подходит лишь людям необразованным, в то время как для людей, способных к самостоятельному постижению истины, она служит лишь препятствием.

Стр. 208. *...«и увещанием для тех, у кого есть сердце или кто внимает и видит».*— Здесь и далее цитаты из Корана приводятся в переводе И. Ю. Крачковского.

Четвертый климат.— Средневековые арабы делили все известные им земли с юга на север на семь поясов, или климатов, из коих четвертый считался самым благоприятным для обитания.

Стр. 210. *И была у него сестра, которой он не давал выйти замуж, отстраняя от нее женихов, так как не мог найти для нее ровню.*— В мусульманских странах, если в семье не было отца, брат мог разрешить или запретить сестре вступить в брак.

Стр. 212. *«Сотворил господь Адама по образу своему».*— Ветхозаветное представление заимствовано исламом. Идея о божественном происхождении души восходит к неоплатоникам. Ибн Туфейль

отвергает идею, будто душа человека идентична с богом, но также и идею, будто она не божественного происхождения. При этом он повторяет мысль Ибн Сины: всякое божественное творение отражает бога подобно зеркалу.

Стр. 213. *В этом помещении обосновалась другая часть тех смирившихся сил, на обязанности которых лежит охрана его и попечение о нем.*— Имеются в виду сердце, мозг и печень, которые, согласно Аристотелю, выполняют основные функции в организме.

...но источник которых — сердце.— Представление о главенстве в организме сердца заимствовано Ибн Туфейлем у Ибн Сины.

Стр. 215. *...и вот, приближаясь уже к семи годам...*— Все основные стадии, которые проходит Хайй в своем становлении, совпадают с делением человеческой жизни на семилетья, восходящим к представлениям Пифагора и Галена. Число «семь» также имеет мистическое значение в иудео-христианской, а вслед за ней и в мусульманской символике чисел.

Стр. 222. *И вот, когда, при виде столь благотворного действия огня и мощной силы его, он еще крепче его полюбил...*— Хайй в своем развитии как бы проходит стадию огнепоклонничества — основы персидского зороастризма.

Стр. 230. *Это есть форма каждого из них, то, что умозрители называют природой.*— Соотношение души живого существа с его формой подробно рассматривалось в философии неоплатоников. Хайй рассматривает весь известный ему мир как состоящий из двух миров. Формы высшего мира организуют материю низшего мира, ибо без этого последний оставался бы нагромождением первичного неупорядоченного материала.

Стр. 232. *А уже раньше была у него мысль, что эти четыре тела переходят одно в другое...*— По представлениям древних греков, заимствованным средневековыми арабами, вода, земля, воздух и огонь были четырьмя основными элементами в природе.

Стр. 234. *«Я есмь слух его, которым он слышит, и зрение его, которым он видит».*— Эти слова приписывают пророку Мухаммаду в одном из хадисов (предания о речах и деяниях Мухаммада).

Стр. 236. *Сухейль* — звезда Канопус. *Аль-Фаркадани* — две звезды Малой Медведицы.

Стр. 237. *Он не переставал исследовать движение Луны от запада к востоку и точно такие же движения планет...*— Имеются в виду Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн, о движении которых Ибн Туфейль судит в соответствии с представлениями, которые существовали до Коперника.

Стр. 242. *«Все погибнет, кроме лица его».*— Цитата из Корана; далее идут слова: «У него решение, и к нему вы будете возвращены». Этот стих Корана приобрел особое значение в учении суфиев, которые интерпретировали его как указание на то, что все сущее должно слиться с божеством.

Стр. 246. *...и было трудно ему вернуться к прежнему состоянию без долгих усилий.*— Эта мысль Хаййя соответствует суфийскому представлению о необходимости постоянного стремления к контакту с божеством как пути к познанию божества и спасению.

Стр. 247. *...ибо у небесных тел не бывает таких препятствий из области мира чувственного, которые мешают им постоянно созерцать.*— Здесь Ибн Туфейль излагает представления Аристотеля, согласно которым небесные тела подобны драгоценным камням, вечно вращающимся на границах вещного мира,— есть ступени, ведущие к богу, и есть доказательства бытия божия, а также идеи неоплатоников и их последователей в исламе, считавших, что небесные тела, находясь на границе мира материального и мира идеального, ближе всего расположены к источнику эманации и с этим положением в мире космической иерархии связано их совершенство.

Стр. 255. *Когда же взор его падал на животное, мучимое диким зверем...*— Ибн Туфейль, видимо, забыл, что на острове не было хищных зверей.

...он взял за правило совершать кругообразные движения и то кружил вокруг острова, обходя его берега и шествуя по окраинам, то вокруг жилья своего или какой-нибудь скалы...— Согласно мусульманскому ритуалу, верующие во время паломничества в Мекку (хаджа) совершают обход вокруг храма Каабы, в котором находится священный Черный камень. Так Ибн Туфейль переосмысливает этот обряд, выводя его из уподобления движению светил и тем самым придавая ему универсальный характер.

Такому состоянию он помогал кружением и самовозбуждением, возникавшим при этом.— Кружась до потери сознания, Хайй действовал подобно суфиям, которые во время своих радений кружились в танцах и непрерывно повторяли имя бога и тем самым доводили себя до состояния экстаза, приближавшего их, по суфийскому учению, к божеству.

Стр. 256. *...«низводили его вновь к низшей ступени...»* — Здесь Ибн Туфейль интерпретирует кораническое представление о грехопадении в суфийском духе, как символ тех трудностей на пути восхождения к божеству, которые вытекают из человеческой природы.

Он увидел, что походить на него в свойствах положительных —

значит познать его, и только, не присоединяя к нему никаких телесных свойств.— Здесь находит свое отражение спор приверженцев ортодоксального ислама, признававших извечность божественных атрибутов (всемогущество, всезнание и т. д.), с мусульманскими рационалистами (мутазилитами), утверждавшими, что приписывание божеству атрибутов ведет к нарушению принципа единобожия. Полемизируя с мутазилитами, аль-Газали (которому следует Ибн Туфейль) утверждал, что извечность божественных атрибутов не противоречит идее божественного единства. Вместе с тем аль-Газали отвергал и наивный антропоморфизм и говорил, что хотя бог сотворил человека по образу и подобию своему, было бы ошибкой полагать, будто бог имеет внешний вид, соответствующий наружности человека, ибо подобие это чисто духовное. Сочетание в человеке идеального, духовного и материального, то есть божественного и земного, позволяет ему подняться над земными делами и открывает ему путь к богу, допускает установление между человеком и богом мистического контакта.

Стр. 257. *«Кому принадлежит сегодня высшая власть? Богу Единому, Всемогущему!»* — Стих Корана, в котором говорится о всемогуществе бога как высшего судии в день Страшного суда, переосмыслен здесь Ибн Туфейлем в суфийском духе: исчезновение в мистическом опыте всего, кроме божества.

Стр. 258. *...«око не видело, ухо не слышало и не представлялось сердцу смертного».*— Изречение приписывается Мухаммаду в одном из хадисов.

Стр. 259. *Состояния, стоянки* — понятия, заимствованные Ибн Туфейлем из учения суфиев, которые считали, что на пути к познанию божества человек проходит ряд стадий, «стоянок», и испытывает мистическое «состояние», которое не может быть понято непосвященным и описано словами.

Стр. 260. *Но тут я как будто вижу, что читающий эти строки из числа тех летучих мышей, которым солнце слепит глаза...*— Уподобление человеческого разума, ослепленного светом истины, летучей мыши, ослепленной дневным светом, восходит к Аристотелю («Метафизика») и встречается у аль-Газали.

Стр. 261. *Сущность эта как бы образ солнца, отражающийся в полированном зеркале, который не есть солнце, не есть зеркало, но не есть и нечто третье, отличное от них.*— Образ ряда зеркал, последовательно передающих одно другому отражение солнца (истины), неоднократно встречается у философов-неоплатоников (Плотина, Прокла и др.) и у аль-Газали в его критике аль-Халладжа и других крайних суфиев.

Стр. 262. *И было у этой сущности 70 тысяч лиц, и у каждого*

лица 70 тысяч уст, и в каждых устах 70 тысяч языков, славивших сущность Единого...— намек на слова аль-Газали о 70 тысячах покровов света и тьмы, окружающих божество.

Стр. 265. *Он привязался к ней и покидал ее только в силу потребностей тела, которые он все ограничивал, пока не осталась только самая малая часть их.*— Несмотря на приписываемое Мухаммаду прямое высказывание против идеи монашества, с конца VII в. в мусульманской практике появляются захиды (дервиши) и аскетизм воспринимается и культивируется в среде суфиев.

Эта община выражала все истинно существующее притчами, которые создавали отражение вещей и укрепляли их образы в душах, как это происходит на проповедях к простому народу.— Обращает на себя внимание то обстоятельство, что описание исламской религии Ибн Туфейль дает в самых общих чертах, как бы со стороны, и трактует ее лишь как способ передачи высших духовных истин «простому народу», в соответствии с учением аль-Фараби и аль-Газали, без какой-либо конкретизации основ этой религии в терминах ислама.

Стр. 267. *Про черную рубаху из волос и шерсти на Асале Хайй подумал, что это его природный покров.*— Тяжелая власяница из шерсти (шерсть по-арабски суф) была обычным одеянием суфийских аскетов, отсюда термины — суфий, суфизм.

Стр. 270. *...о весах...*— Согласно Корану, в день Страшного суда все дела каждого человека будут взвешены на весах.

Стр. 275. *Если же они останутся с прежними верованиями до самой смерти, то обретут спасение и найдут удел стоящих направо.*— Согласно мусульманским представлениям, в день Страшного суда праведники станут по правую руку господа.

И. Фильштинский

Рассказы о поэтах и катибах, вазирах и воителях

Ибн Бассам

Из книги «Сокровищница достоинств жителей Андалусии»

Перевод сделан по изданию: Ибн Бассам. Аз-Захира фи фадаиль ахль аль-Джазира (Сокровищница достоинств жителей Андалусии). Дамаск, 1978.

Стр. 279. *Имам* — см. коммент. к с. 30. Здесь автор имеет в виду выдающихся мастеров слова.

Стр. 281. *...и камешек кажется горой Сабир...* — Сабир — гора на Аравийском полуострове, ставшая в средневековой арабской литературе символом высоты и недоступности.

Стр. 282. *...в славный город Севилью, прозванный Химсом...* — Андалусцы называли Севилью Химсом потому, что в середине VIII в. в Севилье поселились арабы — выходцы из сирийского города Химс, которым Севилья и ее окрестности были отданы в надел омайядским эмиром Андалусии.

Стр. 286. *...чтобы «змея дважды не ужалила тебя из той же норы»...* — арабская пословица, значение которой: «Чтобы тебя не обманули дважды тем же способом».

Стр. 287. *Фикх* — мусульманское (шариатское) законоведение.

Стр. 288. *...в четыреста пятьдесят шестом году...* — то есть в 1063/1064 гг.

...по приказу эмира Ибн Аббада... — Здесь автор говорит о правителе Севильи эмире аль-Мутадиде ибн Аббаде (ум. в 1072 г.), который приказал сжечь на площади сочинения Ибн Хазма.

Стр. 289. *...собрал их, расположив в алфавитном порядке рифм.* — Сборники (диваны) стихов средневековых арабских поэтов составлялись обычно в алфавитном порядке конечной рифмы, ибо стихи были моноримом.

Стр. 290. *...в день Возвращения...* — т. е. день Страшного суда.

Стр. 293. *Ясриб* (Ятриб) — древнее название города Медины.

Стр. 295. *...наступил черед стиля Бади аз-Замана, Шамс аль-Маали и их последователей.* — Здесь Ибн Бассам приводит слова Ибн Шухайда, говорящие об эволюции стиля арабской художественной прозы от «простого» стиля с минимальным использованием риторических «красот» к более сложному стилю, разработанному вначале катибами (чиновниками, государственными служащими), так как составление официальных посланий требовало изощренного литературного мастерства, сочетавшего в себе приемы светской ораторской речи и проповеди. Сформировавшийся таким образом так называемый «диванный» (от слова «диван» — «канцелярия») стиль оказал большое влияние на художественную прозу, в которой наблюдается усложнение, обилие риторических фигур, широкое использование рифмованной прозы. Примером этого стиля служат послания Бади аз-Замана аль-Хамадани.

...как красноречивы были Сари аль-Гавани, «Поверженный

красавицами», Башшар... — Сари аль-Гавани — прозвище знаменитого поэта Муслима ибн аль-Валида (747—823), одного из основателей «нового стиля» в поэзии, отличающегося обилием тропов.

Стр. 299. *Эй, Утайба ибн Науфаль!* — Джинн называет покровителя Имруулькайса его полным именем.

Сакт аль-Лива, Хаумаль — названия местностей, упоминаемых Имруулькайсом в его муаллаке — одной из «образцовых» доисламских поэм-касыд.

Дарат Джульджуль — название местности, где Имруулькайс, по преданию, заколол своего верблюда, чтобы устроить пир для вышедших на прогулку бедуинских красавиц.

Стр. 300. *...в начале месяца зу-ль-када в 425 году...* — то есть во второй половине сентября 1033 г. Ибн Шухайд болел более десяти лет и умер в 1048 г.

Стр. 302. *...в четыреста сорок первом году...* — то есть в 1049 г.

Стр. 307. *После смерти аль-Мутадида, отца Мухаммада ибн Аббада...* — Здесь речь идет об аль-Мутамиде ибн Аббаде, последнем правителе Севильи из рода Аббадидов.

Стр. 309. *Надим* (букв.: «собеседник») — придворная должность. Обязанностью надима было постоянно сопровождать правителя и развлекать его. На эту должность могли назначаться лишь знатные и образованные люди, изредка — известные придворные поэты. Преимущество отдавалось чистокровным арабам.

Стр. 310. *...во вторник середины месяца раджаба восемьдесят четвертого года...* (то есть 484 г.) — 3 сентября 1091 г.

Стр. 315. *Покончил бы я с собой...* — Это двустишие (бейт) взято из стихотворения арабской поэтессы-плакальщицы аль-Хансы, жившей в VII в., которое она посвятила своему брату Сахру, убитому в сражении.

Стр. 317. *Табаристан* — область в северном Иране. *Фарс* — область в центральном Иране.

...который приехал по приглашению Омайядов в Андалусию ранее... — Хаджиб аль-Мансур, противопоставляя себя Омайядским халифам Андалусии, пытался превзойти их. Так, в противовес халифской резиденции аз-Захре, он выстроил город, который назвал аз-Захира. Аль-Мансур по примеру андалусских Омайядов приглашал ко двору наиболее крупных ученых, чтобы затмить славу кордовского халифского двора.

Стр. 319. *...велел принести «Книгу диковинок» Абу Али...* — Здесь имеется в виду Абу Али аль-Кали, о котором шла речь выше.

...«Книга остроумных изречений», составленная Абу-ль-Аусом ас-Санани... — Автор и название вымышлены.

Ибн аль-Аббар

Из книги «Моления о прощении»

Перевод сделан по изданию: Ибн аль-Аббар. Итаб аль-куттаб (Моления о прощении). Дамаск, 1961.

Стр. 323. *...приблизил к себе Абу Мусу...*— Имеется в виду Абу Муса аль-Ашари, который позже сыграл важную роль в воцарении Омайядов, выступив на стороне Муавии ибн Абу Суфьяна во время битвы при Сыффине, селении на берегу Евфрата в Сирии. Битва при Сыффине (657 г.) кончилась победой сторонников Омайядов.

Стр. 324. *Диван посланий* — ведомство, аналогичное нынешнему министерству иностранных дел.

Стр. 326. *Барйд* — «почтовое ведомство», унаследованное арабами от персидской державы Сасанидов, свергнутых арабским завоеванием. На важнейших дорогах халифата были расположены «станции барида» (нечто вроде ямских станций), где постоянно находились гонцы и запасные кони и верблюды. Управитель барида выполнял также функции осведомителя халифа.

...однажды Абу Убайдаллах вошел к халифу...— Имеется в виду секретарь халифа аль-Махди, Абу Убайдаллах Муавия аль-Ашари (ум. в 784 г.).

...Аль-Махди приказал схватить Абу Убайдаллаха, вытащить его за ногу...— Вытащить за ногу было в то время высшим проявлением немилости правителя, за которым обычно следовали заточение, изгнание или казнь.

Стр. 328. *Ракка* — город в северном Ираке.

Стр. 329. *Арманийя* — название провинции халифата. Современная Армения.

Стр. 331. *...ар-Рашид приказал схватить Яхью...*— Здесь автор говорит о расправе Харуна ар-Рашида с родом Бармакидов в начале IX в.

Стр. 332. *«Повелитель правоверных казнил Джафара!»* — Речь здесь идет о Джафаре ибн Яхье из рода Бармакидов, которого Харун ар-Рашид казнил, опасаясь все усиливавшейся власти Бармакидов.

...Ар-Рашид покарал Яхью ибн Халида, Фадля, Мухаммада и Халида, их сыновей и всех потомков Джафара ибн Яхьи...— Все названные лица принадлежат к роду Бармакидов (см. словарь имен).

Ихрам — кусок ткани, которой обертывают тело. Ихрам надевают паломники в знак покаяния и покорности. *...а не мучиться, как страдал Джафар.* — Халиф Харун ар-Рашид подверг Джафара мучительной казни, распяв его на багдадском мосту и затем четвертовав.

Стр. 333. *...он крепко держался аль-Мамуна и проводил того в Хорасан.* — Аль-Мамун, старший сын Харуна ар-Рашида, был назначен наместником Хорасана. Наследником Харуна был назначен его младший сын, Мухаммад аль-Амин. Аль-Мамун, поднявший мятеж против своего брата, вернулся в Багдад из Хорасана лишь после убиения аль-Амина.

Стр. 334. *Хаджиб.* — Здесь это слово выступает в своем первоначальном значении «привратник».

Стр. 335. *Арафат и Мина* — возвышенности близ Мекки, по которым проходит путь паломников.

Тус — город в Хорасане (северный Иран).

Стр. 336. *Харадж* — поземельный налог.

Стр. 337. *...за Фадля вступился Тахир ибн аль-Хусайн.* — Имеется в виду крупнейший полководец Аббасидов, сторонник аль-Мамуна, захвативший для аль-Мамуна Багдад, в то время как тот находился в Хорасане.

...я не держал повод ни у одного владыки... — Держать повод всадника или идти перед ним — значит признавать его власть и объявлять себя его слугой.

Стр. 338. *...аль-Мансур был очень строг...* — Здесь и далее речь идет об аль-Мансуре ибн Абу Амире, великом хаджибе Андалусии.

Стр. 339. *«...находясь перед его ликом»* — то есть перед Аллахом.

Стр. 340. *...в присутствии халифа аль-Хакама.* — Имеется в виду омайядский халиф Андалусии аль-Хакам II (прав. в 961—976 гг.).

Стр. 343. *«Эмир сам принял такое решение».* — Слово «эмир», кроме обозначения титула, употреблялось как вежливое обращение к человеку знатного происхождения.

Стр. 345. *...аль-Хаким ибн аль-Азиз, правитель Египта...* — Речь идет о фатимидском халифе Египта аль-Хакиме (985—1021). Аль-Хаким отличался странностями и, очевидно, не был вполне нормален. Так, он запрещал работать и торговать днем, а ночью приказывал зажигать фонари и вести торговлю. Он отличался необычайной жестокостью и казнил по малейшему подозрению.

Барка — город в нынешней Ливии.

Стр. 346. *Тогда их владения, как и земли других невольников-евнухов...* — Дворцовые евнухи пользовались большой властью как при омайядских халифах Андалусии, так и при дворе аббасидских

халифов. Из их числа вышел целый ряд государственных деятелей, наместников и полководцев. После распадения Омайядского халифата в Андалусии образовалось множество независимых мелких эмиратов. Некоторые эмиры прежде были дворцовыми евнухами.

Стр. 348. *Машрафийский меч* и *самхарийское копье* — традиционные эпитеты меча и копья у арабов.

...«словно летнее облако, поражающее громом, но тающее»... — Ибн Зайдун цитирует стихотворение, установить принадлежность которого кому-либо из поэтов трудно, так как подобные образы встречаются у многих.

...я, словно сатана, отказался преклониться перед Адамом... — Согласно коранической легенде, сатана был проклят Аллахом и изгнан из рая за то, что отказался преклониться перед человеком под тем предлогом, что человек сотворен из грязи, а сатана (как и другие ангелы и вообще духи) — из пламени.

...стал поклоняться золотому тельцу... — намек на имеющуюся в Коране библейскую легенду, где говорится о поклонении иудеев золотому тельцу, то есть о их возврате к идолопоклонству.

...вещую верблюдицу пророка Салиха... — Согласно коранической легенде, Салих, пророк племени Самуд, наказанного богом за непослушание, призывал своих соплеменников к покаянию. Вещая верблюдица Салиха аналогична Валаамовой ослице.

...из реки, которой были испытаны воины Саула... — Согласно кораническому преданию, иудейский царь Саул запретил своим воинам пить речную воду. Ослушников ждало наказание.

...слона Абрахи, царя эфиопов... — Абраха — эфиопский полководец и царь (VI в.), который совершил военный поход против Мекки. (В то время южная часть Аравии была захвачена Эфиопией.) Согласно полулегендарным сведениям, в войске Абрахи был слон. Это событие упоминается в Коране.

Стр. 351. *...царь племени Ламтуна...* — Ламтуна — сильное и многочисленное берберское племя, проживавшее в Марокко. Происходивший из этого племени Юсуф ибн Ташуфин основал государство Альморавидов.

...в месяце раджабе четыреста восемьдесят четвертого года... — то есть в августе — сентябре 1091 г.

Стр. 352. *В пятьсот сорок первом году, на восьмой день месяца шавваля, в субботу...* — то есть 15 марта 1146 г.

Стр. 353. *Альмохады* — берберская династия, правившая в Северной Африке в начале XII в. Альмохады захватили Андалусию.

...в сорок втором году на шестнадцатый день месяца зу-ль-хиджа... — то есть 7 мая 1147 г.

Стр. 354. *...наконечники хаттийских копий...* — Хаттийское копье — традиционный эпитет копья у арабов.

Ибн Хузайль аль-Андалуси

Из книги «Украшение всадников и девиз храбрецов»

Перевод сделан по изданию: Ибн Хузайль аль-Андалуси. Хульят аль-фурсан ва шиар аш-шуджан (Украшение всадников и девиз храбрецов). Касабланка, 1965.

Стр. 358. *Исмаил, сын Ибрахима* (Авраама).— Исмаил, согласно арабской и библейской легендам, считается родоначальником арабов. Таким образом, автор подчеркивает, что первенство в укрощении коня принадлежит именно арабам.

Стр. 359. *Джахилийя* (букв.: «невежество») — так арабы называли доисламский период своей истории.

Стр. 361. *Рассказывают, что Мухаммад...*— имеется в виду Мухаммад ибн Абдаллах, основатель первого государства арабов и их религии — ислама.

Джибриль (Джабраил) — архангел Гавриил.

Стр. 365. *...расстояние между которыми составляло шесть миль.*— Миля — слово греческого или арабского происхождения, мера расстояния, прибл. 1920 м.

Она пришла первой.— У древних арабов кони во время скачек бежали без всадников.

Стр. 366. *Нахрван* — город в Иране. *Хосрой* (Хосров).— Здесь имеется в виду шах Ирана Хосров II Парвиз (590—628) из династии Сасанидов.

Бахрам.— Речь идет о Бахраме Чубине, крупном полководце, восставшем против сасанидских шахов Ирана. Бахрам был разбит Хосровом Парвизом в 591 г.

Стр. 367. *...сына царицы Марии...*— Имя Мария носило несколько знатных женщин из рода Гассанидов — арабских царей, владения которых в IV—VI вв. находились в Палестине.

...и эти слова стали пословицей.— Рассказ о стреле, поразившей тушканчика (или змею) в норе, относится к числу традиционных сюжетов арабского мусульманского фольклора и часто встречается в средневековых народных книгах (народных романах). В частности, этот сюжет играет очень большую роль в популярнейшем арабском народном романе о Фатиме-богатырше. Смысл этого рассказа и пословицы, которая сложилась на его основе,— в подкреплении мысли об отсутствии свободной воли у человека и божественном предопределении.

Стр. 368. *...в день Бадра...*— Бадр (или Бадр Хунайн) — селение к юго-западу от Медины, где в 623 г. произошла битва между му-

сульманами, под руководством Мухаммада, и мекканцами-язычниками. Победа мусульман при Бадре сыграла большую роль в распространении ислама.

Стр. 370. *...в день Ухуда...*— Ухуд (Оход), название горы, находящейся к северу от Медины, под которой произошло в 624 г. сражение между мусульманами, во главе с Мухаммадом, и язычниками-мекканцами. Битва окончилась поражением мусульман; Мухаммад был ранен, множество его сторонников убито.

Рассказы о деяниях правителей. Исторические хроники

Ибн аль-Кутыйя

Из книги «История завоевания Андалусии»

Перевод сделан по изданию: Ибн аль-Кутыйя. Тарих иф-титах аль-Андалус. Бейрут, 1957.

Стр. 373. *...последним царем готов в Андалусии был Гитица...*— Здесь речь идет о готском короле Витице.

Стр. 374. *Ифрикийя* — так называли в средние века территорию Северной Африки, примерно совпадающую с нынешней Ливией.

Аль-Кутыйя — букв.: «готянка».

...а второй, имя которому Аббас...— некоторые андалусцы носили «двойное имя» — христианское и мусульманское. При этом не всегда можно установить конфессиональную принадлежность того или иного лица.

Стр. 375. *Комес* (лат. комитес) — древний титул готской знати в Испании и вообще в средневековой Европе. Арабы в Андалусии сохранили этот титул, который мог быть пожалован только христианам.

...кади местных мусульман-неарабов.— В Андалусии судопроизводство было раздельным для арабов и для неарабов.

...она увидела Абд ар-Рахмана ибн Муавию...— Речь идет здесь о первом омайядском эмире Андалусии — Абд ар-Рахмане I «Пришельце».

Стр. 376. *...в девяносто втором году, в месяце рамадане* — то есть в двадцатых числах июня 711 г.

Стр. 377. *Мухаджиры* (букв.: «переселенцы») — первые мусульмане-мекканцы, переселившиеся вместе с Мухаммадом в Медину. *Ансары* (букв.: «сторонники») — мединцы, союзники Мухаммада после «хиджры», переселения Мухаммада в Медину в 622 г.

Стр. 378. *...а затем заточил его, подвергнув взысканию.*— Во время «взыскания» вазир, эмир или полководец должны были дать полный отчет халифу и выплатить определенную сумму денег в казну. При «взыскании» обычно применялись жестокие пытки.

Сура — глава Корана. *Аль-Фатиха* — букв.: «Открывающая». *Аль-Вакиа* — букв.: «Падающая».

Стр. 379. *...в конце девяносто восьмого года* — то есть в конце 716 г.

Маула — вольноотпущенник.

Хумс (букв.: «пятая часть») — налог, взимавшийся с военной добычи в пользу халифа.

...в сто десятом году...— то есть в 728 г.

Стр. 380. *...повелел распять у входа на мост...*— распространенный вид казни у арабов в средние века.

Стр. 382. *Зиммии* (букв.: «находящиеся под покровительством») — иноверцы, христиане и иудеи, которых мусульманское законодательство рассматривает как «покровительствуемых» мусульманами.

Стр. 384. *Его зовут Тамам, что значит «Завершение»...*— Среди арабов было широко распространено «гадание по именам» и истолкование их (часто весьма произвольное) в благоприятную или неблагоприятную сторону.

Праздник жертвоприношения — один из наиболее крупных мусульманских праздников, отмечается 10 числа месяца зу-ль-хиджа.

Стр. 385. *День стояния на Арафате (День Арафата).*— Один из ритуалов мусульманского паломничества (хаджа) в Мекку предусматривает посещение горы Арафа (Арафат), расположенной близ Мекки. Паломники должны прибыть к Арафату 9 числа месяца зу-ль-хиджа.

День Мардж Рахит — сражение при Мардж Рахит произошло в 684 г.

Ад-Даххак ибн Кайс аль-Фихри — один из предков упоминаемого здесь Юсуфа аль-Фихри.

Стр. 386. *...стала матерью эмира Хишама...*— Имеется в виду Хишам I (прав. в 788—796 гг.), омайядский эмир Андалусии.

...и произнес пятничную проповедь...— Пятничную проповедь произносит обычно халиф или эмир — правитель данного города или области.

Ибн Кутайба

Из книги «Власть халифа и управление подданными»

Перевод сделан по изданию: Ибн Кутайба. Китаб аль-имама ва-с-сияса. Бейрут, 1957. Отрывок из книги Ибн Кутайбы дается как приложение к «Истории завоевания Андалусии», для сопоставления исторической хроники с сочинением, в котором нашли отражение многочисленные легенды о несметных богатствах покоренной арабами Андалусии.

Ибн Хайян аль-Куртуби

Из книги «Жаждущий знания»

Перевод сделан по изданию: Ибн Хайян аль-Куртуби. Аль-Муктабис. Бейрут, 1965.

Стр. 399. *...в конце месяца шабана триста шестидесятого года...* — то есть во второй половине июня 970 г.

Стр. 400. *...подтверждал повиновение и верность повелителю правоверных.* — Боррелль был сюзереном халифа аль-Хакама II.

В субботу на четвертый день месяца рамадана... — то есть 1 июля 970 г.

Медина Кордовы — центральная часть города Кордовы, где находились крепость и дворцы халифа и высшей знати.

Стр. 402. *Навек изгнал бы ты... обманщика...* — Очевидно, намек на халифов из династии Аббасидов — злейших врагов Омайядов.

Халиф аль-Мустансир — имеется в виду омайядский халиф Андалусии аль-Хакам II (прав. в 961—976 гг.).

...во вторник двадцать третьего дня месяца зу-ль-када... — 19 сентября 970 г.

...полководцы Джафар и Яхья... — два брата, сыновья известного полководца Али, разбившие в 970 г. войска мятежника-бербера Зири, восставшего в Северной Африке и Андалусии против омайядского халифа Андалусии аль-Хакама II аль-Мустансира.

Стр. 403. *Рабады* — укрепленные предместья.

Стр. 404. *Загрийский колчан* — традиционный эпитет колчана.

Стр. 407. *...в шестнадцатый день месяца сафара триста шестьдесят третьего года...* — 17 ноября 973 г.

Ибн аль-Хатыб

Из книги «Деяния великих мужей»

Перевод сделан по изданию: Ибн аль-Хатыб Лисан ад-Дин. Амаль аль-алам. Бейрут, 1956.

Стр. 409. *В триста пятьдесят девятом году...*— то есть в 969 г.

Стр. 410. *...первого числа месяца раджаба триста шестьдесят шестого года* — 23 февраля 976 г.

Фитьян (мн. число от араб. «фатан») — привилегированное сословие, составлявшее придворную гвардию в Андалусии.

Стр. 411. *Мамлюк* (букв.: «невольник») — раб, купленный в возрасте 6—10 лет. Мамлюков специально готовили к военной службе. Часто мамлюки добивались высокого положения и становились полководцами, правителями областей и городов.

Стр. 412. *...и в этом ему подавали пример узурпаторы-мутагаллибы...*— Мутагаллибами называли вождей феодальных дружин, часто бывших мамлюков, захвативших в X в. власть в разных областях халифата, как на востоке, так и на западе мусульманского региона.

Стр. 414. *...в пятницу двадцать шестого дня месяца мухаррама триста семьдесят первого года...*— 29 июля 981 г.

Стр. 416. *...в том числе христианского царя.*— Очевидно, речь идет об одном из испанских христианских князей, союзников Галиба.

Мимбар — кафедра мечети, амвон. *...стали возглашать проповедь с перечислением всех его титулов...*— Возглашение имени эмира (в данном случае хаджиба) со всеми его титулами в мечети во время пятничной проповеди равняется официальному признанию его верховной власти.

Стр. 417. *...в триста семьдесят первом году...*— то есть в 981 г.

...и соседних стран Большой Земли.— Большой Землей андалусцы называли остальные страны Европы, называя Андалусию «Джазира» (букв.: «остров»).

...летом триста восемьдесят седьмого года...— то есть летом 997 г.

Стр. 418. *...в понедельник второго дня месяца шабана...*— 9 августа 997 г.

...его летний поход и битва в триста девяностом году.— То есть в 999/1000 гг.

За два года до этого...— в 997/998 гг.

Стр. 422. *...прибыл в Кордову третьего дня месяца раджаба триста девяносто второго года...*— 18 мая 1002 г.

Стр. 425. *...двадцать седьмого рамадана триста девяносто второго года.*— 11 августа 1002 г.

Стр. 426. *...пришло в Андалусию еще с Тариком.*— Имеется в виду Тарик ибн Зияд.

В четыреста четырнадцатом году...— то есть в 1302 г.

Стр. 427. *...во время борьбы против Фатимидов...*— Здесь автор имеет в виду сторонников североафриканской и египетской династии Фатимидов (X—XII вв.), которые, воспользовавшись падением центральной власти в Андалусии, направляли туда своих проповедников. Многие «удельные цари» Андалусии в XI в. были сторонниками Фатимидов.

Стр. 428. *...в четыреста двадцать шестом году...*— то есть в 1034 г.

Муаззин — служитель мечети, пять раз в день провозглашающий с минарета азан (призыв на молитву).

Стр. 429. *...в четыреста тридцать третьем году...*— то есть в 1041 г.

...в конце месяца джумады первой в четыреста тридцать третьем году — в начале января 1042 г.

Говорит Абу Марван...— имеется в виду историк Ибн Хайян.

Стр. 430. *...и голова лжехалифа Яхьи ибн Али ибн Хаммуда...*— Яхья ибн Хаммуд в 1016 г. захватил Кордову и объявил себя халифом, однако его власть продолжалась лишь несколько месяцев.

...когда они захватили Севилью, изгнав сына аль-Мутадида...— Речь идет об аль-Мутамиде, изгнанном из Севильи в 1091 г.

Стр. 431. *Раби первый четыреста сорок третьего года* — июль — август 1051 г.

Стр. 432. *...во вторник шестого дня месяца шавваля в том же году* — то есть 26 мая 1074 г.

Стр. 433. *...в пятницу двадцать третьего дня месяца джумады второй четыреста шестьдесят седьмого года* — 25 января 1075 г.

...на шестнадцатый день месяца зу-ль-када того же года...— 2 июля 1075 г.

Двадцать пятого числа месяца зу-ль-када...— 11 июля 1075 г.

Стр. 434. *...«Аль-Мутамид» — «Надеющийся».*— Имена «аль-Мутамид» и «Итимад» образованы от одного корня, первое из них — причастие, второе — отглагольное имя.

Хайран аль-Амири (XI в.) — бывший невольник Амиридов, потомков аль-Мансура, основал эмират в Мурсии, но вскоре был свергнут.

...что удостоверено и аль-Фатхом в его сочинении «Ожерелья»...— Имеется в виду сочинение «Ожерелья самоцветов достоинств великих мужей». Его автор — аль-Фатх ибн Хакам аль-Кайси (ум. в 1134 г.), катиб Юсуфа ибн Ташуфина.

Стр. 436. *...после того, как тот оспаривал у него звание халифа...*— Речь идет здесь о Ибрахиме, сыне халифа аль-Махди, извест-

ном поэте, музыканте и певце, который в 813 г. после смерти халифа аль-Амина, сына Харуда ар-Рашида, попытался захватить власть, но неудачно. Он переоделся в женское платье и пытался бежать из Багдада, но был схвачен войсками аль-Мамуна, соперника аль-Амина. Аль-Мамун простил его.

Стр. 437. *...над жизнью которого Аллах дал ему власть!* — Здесь автор возвращается к рассказу об эмире аль-Мутамиде.

...внук Бадиса. — Здесь имеется в виду Бадис ас-Синхаджи (ум. в 1075 г.), правитель Гранады из рода Бану Зири.

Стр. 438. *Во вторник в середине месяца раджаба четыреста восемьдесят четвертого года...* — 3 сентября 1091 г.

...В воскресенье на восемнадцатый день месяца раджаба... — 7 сентября 1091 г.

Стр. 439. *...в месяце зу-ль-хиджа четыреста восемьдесят восьмого года...* — то есть в декабре 1095 — январе 1096 г.

...в семьсот шестьдесят первом году... — то есть в 1359 г.

Б. Шидфар

СЛОВАРЬ ИМЕН

Аббан ибн Абд аль-Хамид аль-Лахики (ум. в 816 г.) — известный арабский поэт.

Аль-Аббас ибн аль-Ахнаф (Абу-ль-Фадль, ум. в 808 г.) — арабский поэт.

Абд аль-Азиз ибн Марван (VIII в.) — правитель Египта.

Абдаллах ибн аз-Зубайр (ум. в 693 г.) — внук халифа Абу Бакра (см.), крупный полководец мусульман; в 685 г. объявил себя халифом. Убит при осаде Мекки полководцем Омайядов Хадджаджем ибн Юсуфом (см.).

Абд ар-Рахман ибн Муавия (756—788) — первый омайядский эмир Андалусии.

Абд ар-Рахман ибн аль-Хакам (Абд ар-Рахман II; 822—852) — омайядский эмир Андалусии.

Абд ар-Рахман ибн Хишам аль-Мустазхир (прав. в 1023—1024 гг.) — омайядский халиф Андалусии.

Абд ар-Рахман аль-Муртада (ум. в 1018 г.) — омайядский халиф Андалусии.

Абд аль-Хамид (ум. в 749 г.) — катиб, прославившийся красноречием.

Абу-ль-Ала Саид ибн аль-Хасан аль-Багдади — см. Саид аль-Багдади.

Абу Али аль-Багдади аль-Кали — см. аль-Кали.

Абу Амир ибн Абу Амир (XI в.) — сын хаджиба Андалусии аль-Мансура (см.).

Абу-ль-Атахия (750—825) — крупнейший арабский поэт, один из основоположников философской лирики.

Абу Бакр (Абдаллах ас-Сиддик; ум. в 634 г.) — первый «праведный» халиф.

Абу Бакр ад-Дани (XI—XII вв.) — андалусский поэт.

Абу Бакр ибн ас-Саиг — см. Ибн Баджа.

Абу Бакр ас-Сули — см. ас-Сули.

Абу-ль-Валид (Исмаил ибн Мухаммад; XI в.) — андалусский катиб и поэт.

Абу-д-Дарда (аль-Хазраджи аль-Ансари; ум. в 652 г.) — один из сподвижников Мухаммада, ставший крупнейшим авторитетом в чтении Корана.

Абу Наср — см. аль-Фараби.

Абу Нувас аль-Хасан ибн Хани (762—813) — выдающийся арабский поэт, прославился своими любовными и «винными» стихами.

Абу Таммам (Хабиб ат-Таи; 788—845) — крупнейший арабский поэт.

Абу Убайд аль-Касим ибн Саллам аль-Харави (770 — ок. 837) — крупный богослов и грамматик.

Абу Убайда (728—825) — известнейший арабский филолог, автор ряда трудов, собирал стихи древних поэтов.

Абу Убайдаллах (Муавия аль-Ансари; ум. в 784 г.) — известный государственный деятель, выдающийся знаток поэзии.

Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани (Али ибн Хусайн; 897—966) — крупный ученый и филолог, автор известного сочинения «Книга песен».

Абу Халид Язид ибн Омар ибн Хубайра (ум. в 750 г.) — полководец Омайядов.

Абу Хафс (Омар ибн Яхья; XII в.) — берберский полководец, основатель династии Альмохадов.

Абу Хурайра (ум. ок. 676 г.) — один из сподвижников Мухаммада.

Аль-Азиз-Биллах (Низар ибн Маадд; 975—996) — фатимидский халиф, правитель Египта.

Али ибн Абу Талиб (ум. в 661 г.) — двоюродный брат и зять Мухаммада, четвертый «праведный» халиф. Его сторонники, называвшие себя «шиат Али» (букв.: «партия Али»), положили начало политико-религиозному движению шиитов, которые выступали за возвращение власти потомкам Али (алидам).

Али ибн Иса (IX в.) — известный государственный деятель, вазир.

Али ибн Хаммуд (1016—1018) — андалусский эмир.

Аль-Амин (Мухаммад; ум. в 813 г.) — халиф из династии Аббасидов, младший сын халифа Харуна ар-Рашида, смещенный своим братом аль-Мамуном.

Амириды — андалусская династия, потомки аль-Мансура (см.).

Аль-Анбари (Мухаммад; ум. в 916 г.) — известный богослов и грамматик.

Антара ибн Шаддад (ок. 525 — ок. 615) — знаменитый доисламский поэт и воин.

Аль-Аттаби (Кульсум ибн Амр; ум. в 823 г.) — известный катиб, поэт и философ.

Аль-Ахнаф (ум. в 675 г.) — один из сподвижников Али ибн Абу Талиба (см.).

Аль-Ашари (Абу Муса; ум. в 657 г.) — известный государственный деятель, сторонник Омайядов.

Бади аз-Заман — см. Аль-Хамадани.

Бадис ас-Синхаджи аль-Музаффар (1038—1075) — андалусский эмир, правитель Гранады.

Бармакиды (VIII — IX вв.) — известный род иранского происхождения, к которому принадлежали многие известные государственные деятели.

Бахрам (Чубин; VI — нач. VII в.) — крупнейший полководец иранской династии Сасанидов. Объявил себя шахом, в 591 г. был разбит Хосровом II Парвизом из династии Сасанидов.

Башшар ибн Бурд (696—783) — крупнейший арабский поэт, один из основателей нового направления в арабской поэзии.

Билькис — царица Савская.

Битлимус — арабская модификация имени Птолемея, знаменитого греческого астронома.

Аль-Бухари (Мухаммад; 810—870) — знаменитый мусульманский законовед, собиратель «хадисов» — преданий о жизни Мухаммада и его сподвижников. Автор канонического сборника хадисов.

Аль-Бухтури (аль-Валид ат-Таи; 820—897) — известный арабский поэт.

Аль-Валид ибн Абд аль-Малик (прав. в 705—715 гг.) — халиф из династии Омайядов.

Аль-Валлада (ум. в 1087 г.) — дочь омайядского халифа Андалусии аль-Мустакфи, поэтесса.

Вахб ибн Масарра (ум. в 931 г.) — известный андалусский философ мистического направления.

Вахриз — полумифический полководец йеменского царя Сайфа Зу-ль-Язапа (VI в.).

Аль-Газали (Абу Хамид; 1058—1111) — известный богослов, автор ряда трактатов.

Галиб (X в.) — полководец андалусских Омайядов.

Аль-Гарид (Абд аль-Малик; ум. ок. 716 г.) — знаменитый музыкант и певец.

Дауд — библейский Давид.

Дауд аз-Захири аль-Исфахани (X в.) — основатель секты захиритов; утверждал, что Коран следует понимать лишь буквально.

Джарваль — см. Аль-Хутайя.

Джафар ибн Яхья (ум. в 803 г.) — вазир из рода Бармакидов.

Аль-Джахиз (ок. 775—868) — крупнейший средневековый арабский прозаик и философ.

Зири (X в.) — берберский военачальник, поднявший мятеж в Андалусии.

Зирьяб (IX в.) — придворный певец и музыкант аббасидских халифов, в 822 г. переехал из Багдада в Кордову, где стал придворным музыкантом Омайядов.

Зияд ибн Абу Суфьян (ум. в 673 г.) — наместник Ирака.

Зиядат Алла ибн аль-Аглаб (Ибрахим; прав. в 800—812 гг.) — правитель Северной Африки, основатель династии Аглабидов.

Аз-Зубайди (Абу Бакр Мухаммад; 926—989) — известный андалусский ученый.

Зу-н-Нун (XI в.) — эмир из династии, захватившей власть в Толедо.

Ибн аль-Аббар (1199—1260) — андалусский катиб и историк.

Ибн Аббас (Абдаллах; ум. в 688 г.) — двоюродный брат Мухаммада, известный передатчик хадисов.

Ибн Абу Дуад (Ахмад; 778—855) — вазир и кади аббасидских халифов.

Ибн Аммар (Абу Бакр Мухаммад; ум. в 1084 г.) — поэт, вазир эмира Севильи аль-Мутамида (см.).

Ибн Баджа (Абу Бакр ибн ас-Саиг, Авемпаце; ум. в 1138 г.) — известный андалусский философ.

Ибн Бассам (Абу-ль-Хасан Али; ум. в 1147 г.) — известный андалусский литератор.

Ибн Вахб (Абдаллах; 744—813) — знаменитый законовед.

Ибн Вахбун (XI в.) — известный андалусский поэт.

Ибн Даррадж аль-Касталли (ум. в 1030 г.) — выдающийся арабский поэт Андалусии.

Ибн Джахвар (XI в.) — эмир, один из правителей Кордовы.

Ибн Зайдун (Абу-ль-Валид; 1003—1071) — известный андалусский лирический поэт, прославился стихами, посвященными аль-Валладе (см.).

Ибн аз-Зайят (Мухаммад ибн Абд аль-Малик; ум. в 847 г.) — известный государственный деятель Аббасидов.

Ибн Кутайба ад-Динавари (828—889) — известный законовед, филолог и историк.

Ибн аль-Кутыйя аль-Куртуби (ум. в 977 г.) — андалусский ученый, историк и поэт.

Ибн Масуд (Абдаллах; ум. в 652 г.) — один из сподвижников пророка Мухаммада, знаток Корана и хадисов.

Ибн аль-Мукаффа (Абдаллах; ум. в 755 г.) — выдающийся литератор и переводчик, перс по происхождению.

Ибн ас-Сайрафи (Али; 1070—1147) — известный полководец, ученый и поэт.

Ибн Сина (Абу Али, Авиценна; 980—1037) — выдающийся мусульманский философ и врач, родом из Бухары, автор знаменитого «Канона врачебной науки» и ряда философских трудов.

Ибн аль-Фаради аль-Азди (Абу Бакр Мусаб ибн Абдаллах; 962—1013) — известный кордовский ученый — богослов и историк.

Ибн Хазм (Мухаммад; 994—1064) — известный ученый, прозаик и поэт, автор книги «Ожерелье голубки».

Ибн Хазм (Абу-ль-Мугира Абд аль-Ваххаб; X в.) — андалусский литератор и государственный деятель.

Ибн Хайян (Абу Марван; 988—1076) — один из первых историков Андалусии.

Ибн Хубайра (Абу Халид Язид ибн Омар; ум. в 750 г.) — полководец омайядских халифов.

Ибн Хузайль аль-Андалуси (XIV в.) — воин и литератор времен Гранадского эмирата.

Ибн Шихаб (ок. 670—741) — известный богослов и передатчик хадисов, которые он, как считают, впервые записал.

Ибн Шухайд (Абу Амир Ахмад ибн Абд аль-Малик; ум. в 1048 г.) — известный андалусский прозаик и поэт.

Ибрахим ибн аль-Аббас (IX в.) — арабский прозаик и государственный деятель.

Ибрахим ибн аль-Махди (779—838) — брат халифа Харуна ар-Рашида, талантливый поэт и музыкант. В 813 г. пытался захватить власть, но безуспешно.

Идрис ибн Али аль-Хасани (XI в.) — эмир из рода Хасанидов, правитель Малаги.

Идрисиды — североафриканская династия, основанная в сер. IX в. Ряд эмиров этой династии правили в некоторых областях Андалусии.

Имруулькайс (ум. в сер. VI в.) — знаменитый доисламский поэт, которому традиция приписывает создание основной композиционной формы арабской поэзии — касыды.

Ифлимун — арабская форма имени греческого ученого II в. Палемона, автора книги «Чтение по лицам», переведенной на арабский язык.

Аль-Кали аль Багдади (Абу Али Исмаил; 901—967) — известный ученый и филолог, живший в Багдаде, а затем в Кордове.

Аль-Касим ибн Хаммуд аль-Мамун (прав. в 1018—1021 и 1022—1023 гг.) — андалусский халиф.

Катада (VII в.) — один из сподвижников Мухаммада, славился благочестием.

Кусайир (ум. в 723 г.) — арабский поэт, прославился любовными стихами, особенно теми, в которых восхвалял свою возлюбленную Аззу.

Лукман — полумифический арабский мудрец, упоминаемый в Коране.

Мабад (VII в.) — знаменитый мекканский певец и музыкант.

Аль-Маджрити (Маслама ибн Ахмад; ум. в 1084 г.) — знаменитый андалусский философ и астроном.

Малик ибн Амр ибн аль-Мунзир ибн аль-Харис (VI в.) — один из потомков арабских царей из рода Гассанидов, владения которых находились в Палестине.

Малик ибн Анас (715—795) — основатель толка маликитов, одного из четырех мусульманских ортодоксальных толков. Маликитский толк был распространен в Андалусии.

Аль-Мамун (786—833) — халиф из династии Аббасидов. Принял учение мутазилитов, богословов-рационалистов; поощрял перевод на арабский язык греческих научных сочинений.

Мани (III в.) — основатель религиозного учения, названного его именем (манихейство).

Аль-Мансур (Мухаммад ибн Абу Амир; 978—1002) — правитель Андалусии, талантливый полководец.

Аль-Мансур (Ибн Низар аль-Хаким; 985 — ок. 1021) — правитель Египта, халиф из династии Фатимидов. В конце жизни объявил себя воплощением бога.

Марван ибн аль-Хакам (ум. в 684 г.) — крупнейший полководец Омайядов.

Аль-Махди (прав. в 775—785 гг.) — халиф из династии Аббасидов. Известен гонениями против «еретиков».

Муавия ибн Абу Суфьян (ум. в 680 г.) — первый халиф из династии Омайядов со столицей в Дамаске.

Аль-Муваффак (Абу-ль-Джайш Муджахид; 1014—1044) — правитель Дении и Балеарских островов.

Аль-Музаффар ибн Абд аль-Малик ибн Абу Амир (ум. в 1008 г.) — правитель Андалусии, сын аль-Мансура.

Аль-Музаффар ибн аль-Афтас (XI в.) — один из эмиров династии Афтасидов.

Аль-Муктадир ибн Худ (1057—1082) — андалусский эмир, правитель Сарагосы, известный ученый и поэт.

Муса ибн Каси (IX в.) — известный андалусский полководец из рода Каси, испанских христиан, принявших ислам.

Муса ибн Нусайр (640—716) — арабский полководец, завоеватель Северной Африки и Андалусии.

Муслим ибн аль-Валид аль-Ансари (ок. 747—823) — известный багдадский поэт, получивший прозвище «Сари аль-Гавани» — «Поверженный красавицами».

Аль-Мустансир — см. Аль-Хакам II.

Аль-Мутаваккиль (822—861) — аббасидский халиф, отличался фанатизмом и жестокостью. Преследовал иноверцев.

Аль-Мутадид (Абу Амр Аббад; ум. в 1072 г.) — правитель Севильи.

Аль-Мутамид (Мухаммад; 1040—1095) — правитель Севильи, известный поэт; был свергнут берберами, умер в изгнании.

Аль-Мутамин ибн Худ (XI в.) — правитель Сарагосы.

Мухаммад I (852—886) — омайядский эмир Андалусии.

Мухаммад ибн аз-Зайят — см. Ибн аз-Зайят.

Ан-Наззам Ибрахим ибн Сайяр (ум. ок. 845 г.) — один из выдающихся представителей религиозно-философского учения мутазилитов.

Ан-Насер Абд ар-Рахман III (912—961) — омайядский халиф Андалусии.

Нух — библейский Ной.

Омар ибн Абд аль-Азиз (Омар II; 682—720) — халиф из династии Омайядов.

Омар ибн аль-Хаттаб (ум. в 644 г.) — второй «праведный» халиф. Считался образцом мудрости и справедливости.

Омар ибн Хафсун (IX в.) — предводитель восстания, которое подняли коренные жители Андалусии, принявшие ислам (муваллады).

Ар-Раби ибн Юнис (Абу Фарва; 730 — ок. 786) — известный государственный деятель, вазир ряда аббасидских халифов.

Ар-Рамади — см. Юсуф ибн Харун ар-Рамади.

Сад ибн Абу Ваккас (ум. в 676 г.) — один из крупнейших арабских полководцев.

Саид аль-Багдади (Абу-ль-Ала ибн аль-Хасан аль-Андалуси; 1029—1070) — известный андалусский ученый, грамматик, историк и законовед.

Саид ибн аль-Мусайяб (аль-Кураши аль-Махзуми ат-Табии; ум. в 712 г.) — один из наиболее известных законоведов Медины.

Ас-Сайрафи (Абу Саид; X в.) — известный арабский филолог.

Сахль ибн Харун (ум. в нач. X в.) — известный прозаик и поэт, сторонник Бармакидов.

Сибавайх (ум. в 770 г.) — основоположник арабской грамматики.

Сулайман ибн Дауд — библейский Соломон.

Сулайман аз-Зафир (прав. в 1009, затем в 1013—1016 гг.) — омайядский халиф Андалусии.

Сулайман ибн Абд аль-Малик (прав. в 715—717) — халиф из династии Омайядов.

Ас-Сули (Ибн Хиляль, Абу Бакр Мухаммад; ум. в 946 г.) — известный арабский прозаик и поэт.

Тарафа ибн аль-Абд (2-я пол. VI в.) — известный поэт доисламской Аравии.

Тарик ибн Зияд (VIII в.) — предводитель арабо-берберского отряда, высадившегося в 711 г. в Андалусии. К имени Тарика восходит название Гибралтар (Джабаль ат-Тарик).

Тахир ибн аль-Хусайн (ум. в 844 г.) — крупный полководец, сторонник халифа аль-Мамуна.

Убайдаллах ибн Абдаллах ибн Утба ибн Мансур (ум. ок. 720 г.) — известный законовед и поэт.

Укаша ибн Михсан (VII в.) — один из сподвижников Мухаммада.

Укба ибн Нафи (ум. в 683 г.) — известный арабский полководец, основавший город Кайруан (670 г.).

Аль-Утби (Абу-н-Наср, Мухаммад; 961—1036) — известный историк.

Аль-Фадль ибн ар-Раби (ум. в 823 г.) — вазир аббасидских халифов.

Фадль ибн Яхья ибн Халид аль-Бармаки (766—808) — вазир аббасидских халифов, наместник Ирана.

Аль-Фараби (Абу Наср Мухаммад; 870—950) — выдающийся арабский философ, получил почетное прозвище «Второй учитель» (после Аристотеля).

Аль-Фатх ибн Хакан аль-Кайси (ум. в 1134 г.) — известный поэт, катиб Юсуфа ибн Ташуфина (см.).

Аль-Хаджадж ибн Юсуф ас-Сакафи (ум. в 714 г.) — полководец и наместник Ирака, известный жестокостью. В 692 г. подавил восстание мекканской и мединской знати, провозгласившей халифом Абдаллаха ибн Зубайра. Речи аль-Хаджаджа приводятся как образец красноречия.

Аль-Хади (Муса; ум. в 786 г.) — халиф из династии Аббасидов.

Хайран (аль-Амири; XI в.) — андалусский эмир, правитель Альмерии.

Аль-Хакам ибн аль-Хишам (796—821) — омайядский эмир Андалусии.

Аль-Хакам аль-Мустансир (аль-Хакам II; прав. в 961—976) — омайядский халиф Андалусии.

Халид ибн Сафван ат-Тамими (ум. ок. 757 г.) — известный литератор и поэт.

Аль-Хамадани (Бади аз-Заман; 968—1007) — знаменитый арабский прозаик, автор многих посланий, считавшихся образцом красноречия.

Ханзала ибн Сафван аль-Кальби (ум. в 720 г.) — правитель Египта и Северной Африки.

Харун ар-Рашид (ок. 766—809) — халиф из династии Аббасидов.

Хасан ибн Сахль ас-Сарахси (ум. ок. 850 г.) — известный государственный деятель времен аббасидских халифов.

Аль-Хасан ибн Хани — см. Абу Нувас.

Хишам ибн Абд аль-Малик (724—743) — халиф из династии Омайядов. В дни его правления произошла битва при Пуатье (732 г.), положившая конец арабским завоеваниям в Европе.

Хишам ибн Абд ар-Рахман (Хишам I; 788—796) — эмир Андалусии из династии Омайядов.

Хишам аль-Муайяд (прав. в 976—1008, затем в 1010—1013 гг.) — омайядский халиф Андалусии.

Хосрой (Хосров II Парвиз; 590—628) — один из шахов Ирана из династии Сасанидов.

Хурмузан (ум. в 644 г.) — персидский полководец.

Аль-Хутайя (Джарваль ибн Аус аль-Абси; ум. в 650 г.) — арабский поэт-сатирик.

Аш-Шаби (Абу Амир ибн Шарахиль; 642—723) — один из крупнейших арабских законоведов и передатчиков хадисов.

Шамс аль-Маали Кабус ибн Вашмгир (ум. в 1012 г.) — эмир из династии Зиядитов, правившей в Табаристане (северный Иран). Крупный ученый, знаток арабского языка, автор ряда прозаических посланий на арабском и персидском языках.

Аш-Шафии (Мухаммад ибн Идрис; 767—820) — основатель одного из четырех канонических толков в исламе — шафиизма; известный законовед.

Юсуф — библейский Иосиф.

Юсуф ибн Ташуфин (XI—XII вв.) — глава берберского племени Ламтуна. Захватил Северную Африку, основал государство

Альморавидов. В 1091 г. захватил Андалусию, включив ее в состав своей державы.

Юсуф ибн Харун ар-Рамади (ум. в 1022 г.) — известный андалусский поэт.

Язид ибн Абд аль-Малик (Язид II; прав. в 720—724) — халиф из династии Омайядов.

Якуб — библейский Иаков.

Яхья ибн Аксам (777—857) — известный законовед, был главным кади Багдада.

Яхья ибн Али ибн Хаммуд (XI в.) — один из представителей андалусской династии Хаммудидов. В 1016 г. захватил Кордову и объявил себя халифом, но вскоре был свергнут и убит.

Яхья ибн Халид (ок. 738—805) — вазир Харуна ар-Рашида, принадлежащий к роду Бармакидов.

Яхья ибн Яхья (ум. в 849 г.) — известный законовед, ученик Малика ибн Анаса (см.). Родом из берберского племени Масмуда. Учился в Багдаде, вернувшись в Андалусию, распространил там учение Малика ибн Анаса.

Б. Шидфар

СОДЕРЖАНИЕ

С75 Средневековая андалусская проза: Пер. с араб. / Предисл. Б. Шидфар; Составл. М. Малышева; Пер. М. Салье, И. Кузьмина, Б. Шидфар; Стихи в пер. В. Микушевича; Коммент. М. Салье, И. Фильштинского, Б. Шидфар.— М. : Худож. лит., 1985.— 479 с.

Сборник включает произведения разных жанров, созданные в X—XV вв.: «Ожерелье голубки» Ибн Хазма и «Повесть о Хаййе ибн Якзане» Ибн Туфейля, ранее уже издававшиеся, и рассказы и хроники разных авторов, впервые публикующиеся на русском языке.

Философская притча о смысле человеческого бытия, трогательные любовные истории и назидательные поучения, рассказы о поэтах и вазирах, воителях и правителях — все это найдет читатель в книге, которая в первый раз столь полно познакомит его со средневековой прозой арабской Андалусии.

С $\frac{4703000000\text{-}216}{028(01)\text{-}85}$ 193-85

ББК 84(0)9
И(Араб)

Средневековая андалусская проза

Составитель *Михаил Михайлович Малышев*

Редактор
М. Малышев

Художественный редактор
С. Гераскевич

Технический редактор
Л. Зайцева

Корректоры
Н. Замятина, Т. Сидорова

ИБ № 4027

Сдано в набор 17.10.84. Подписано в печать 3.07.85. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Усл. печ. л. 25,2. Усл. кр.-отт. 25,62. Уч.-изд. л. 25,83. Изд. № VIII-1815. Заказ № 5-690. Тираж 75 000 экз. Цена 2 р. 30 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19.

Отпечатано с матриц ГП РПО «Полиграфкнига» на Киевской книжной фабрике, 252054, Киев, ул. Воровского, 24.

Средневековая андалусская проза